

А. БУШКОВ

«Поскреби русского —
и найдешь татарина».

А. Пушкин

Чингисхан. Неизвестная Азия

А л е к с а н д р
БУШКОВ

*Чингисхан.
Неизвестная
Азия*

Москва
2007

ББК 84 (2Рос-Рус)6
Б90

Сканирование: vmarkankov
Обработка: Vitautus

Бушков А.

Б90 Чингисхан. Неизвестная Азия. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 544 с.

ISBN 978-5-373-00934-8

Русские – это и есть тюрки! А точнее, одно из многочисленных тюркских племен, пришедших некогда из Азии. И в средние века на Руси исповедовали не христианство, а магометанство! И вообще, не только Россия, но и Европа родом из Азии! А Чингисхан – не только могущественный воин, герой и реформатор, но и наследник тысячелетних культур, существовавших в те времена, когда будущие «просвещенные» европейцы еще разгуливали в звериных шкурах и дубасили друг друга каменными топорами... Эти громкие заявления Александра Бушкова способны ошарашить любого, кто хоть мало-мальски знаком с традиционной историей России. Именно Чингисхан, по его мнению, показал всему миру настоящую Азию – не дурацкие необозримые степи, по которым носятся примитивные кочевники, а Великий континент, Великую цивилизацию, на просторах которой существовали могучие империи, опережавшие Европу по всем параметрам...

ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-373-00934-8

© А. Бушков, 2006
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007

В наши дни не остается никакого сомнения в том, что всемирную историю время от времени придется переписывать. Подобная необходимость проистекает не вследствие того, что со временем выявляются все новые и новые события, а оттого, что появляются новые взгляды, побуждающие передового человека нового времени занять такую точку зрения, с которой он мог бы совершенно по-новому видеть и оценивать прошлое.

И. В. Гёте

Что есть будущее? Что – прошлое? Что такое мы сами? Какой магический флюид окружает нас и мешает нам видеть то, что нам важнее всего было бы узнать?

Наполеон Бонапарт

ПРОЛОГ. ГРОЗА НАД СТЕПЬЮ

Эта книга не о человеке, а о континенте. Огромном, таинственном континенте под названием «Азия», до сих пор остающемся во многом загадочным, потому что населявшие его в былые времена могучие народы были вполне умышленно оклеветаны, оболганы, провозглашены примитивными дикарями, на которых «цивилизованная», «высококультурная» Европа просто-таки обязана взирать сверху вниз с нескрываемым превосходством и вполне объяснимой (для самих заносчивых европейцев, понятно) брезгливостью. Меж тем азиатская действительность старых времен, как выясняется даже при довольно-таки поверхностном изучении, была весьма далека от сфабрикованного европейцами убогого лубка.

Писать подробную биографию Чингисхана мне, откровенно признаться, было бы скучно. Во-первых, оттого, что подобных биографий на полках магазинов красуется уже немало. Во-вторых, что гораздо более важно, все эти «биографии» большей своей частью – результат домыслов, допущений, собственной фантазии и откровенного вымысла. Поскольку базируются на данных так называемой «традиционной истории» – то есть того самого оккультистского течения в науке, с которым, вопреки расхожим штампам, чуть ли не пятьсот лет боролись не самые тупые и шизофреничные ученые люди: и иезуит д'Арсила, и Исаак Ньютон, и вольнодумцы века восемнадцатого, и немец-

кие рискованные ученые века девятнадцатого, и современник Пушкина, основатель «скептической школы», профессор Каченовский, с которым при его жизни дискутировать попросту не осмеливались – очень уж серьезная и крупная была фигура в ученом мире! – но после кончины радостно упрятали его еретические труды подальше, и десятилетия, а потом и столетия добросовестного умолчания привели к тому, что Каченовский совершенно забыт... Одним словом, господа историки откровенно передергивают, заявляя, будто в исторической науке последние лет триста царил тишь, гладь да Божья благодать – и лишь в двадцатом столетии якобы толпой повалили недоучки и шизофреники, как-то: Морозов, Фоменко, Валянский-Калюжный, и прочая, и прочая. В том числе и автор этих строк, которому за десятилетие, прошедшее со дня выхода «России, которой не было», предъявили ни много ни мало *две* серьезные претензии. Первая: Бушков в корне не прав, утверждая, что татаро-монгольское нашествие было не таким уж жутким, поскольку существуют... былины об Авдотье Рязаночке и Ставре Гоудиновиче. Вторая: Бушков прочитал «слишком много» исторических трудов, а потому у него в голове все перепуталось.

Честное слово, я не шучу. Претензий именно две, и именно так они сформулированы печатно...

Но говорить мы будем не о битве меж «длинной» и «короткой» хронологиями (разве что изредка станем обращаться к этой теме). Разговор пойдет... ну конечно, не о *самом* Чингисхане. Меня в первую очередь интересовали те условия, та историческая среда, те предшествующие «монгольской империи» государства, которые и сформировали Чингисхана.

Иногда среди моих читателей попадаются чрезвычайно наивные субъекты, которые с детской невинностью во взоре вопрошают: «Но послушайте, десять лет назад вы писали одно, а теперь совершенно другое, как это может быть?»

Именно что может, господа мои... Десять лет – достаточно долгий срок, за который мало-мальски думающий человек мо-

жет поменять взгляды – главным образом оттого, что знакомится с *новыми* материалами, и в немалом количестве. Так что *сегодня* о Золотой Орде у меня совсем не то мнение, которое было десять лет назад, и это, по-моему, нормально.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что все-таки существовали в реальности и Чингисхан-Темучин, и внук его Батый, и государство по имени Золотая Орда. Что вторжение степной конницы на Русь все-таки произошло. Слишком много серьезных свидетельств, проистекающих из самых разных источников, с разных сторон Ойкумены, эту теорему подтверждают.

Поскольку автор этих строк в среде «профессиональных историков» (то бишь оккультистов, которую сотню лет старательно водящих хоровод вокруг трухлявого истукана по имени Скалигер) и без того имеет репутацию чудовища, грызущего по ночам в подвале человеческие кости и летучей мышью реющего в полночь у форточек молодых защитников «подлинной науки» а-ля Володихин, очередная порция насквозь еретических высказываний уже незначительно означенной репутации не повредит. А посему позвольте уж без церемоний: в Чингисхана я верю. В его военные походы – тоже. Верю и в его потомков, в их свершения. Не верю и ни за что не поверю только в одно: в то, что все эти охватившие чуть ли не полмира битвы и потрясения устроил кочевой народ под названием *монголы*, пустившийся «к последнему морю» с территории *Монголии*. Чтобы обосновать эти нехитрые истины, данная книга и написана.

«Традиционная» версия проста как две копейки и шизофренична, как девственная политическая дама по имени Валерия: в монгольских степях обитал некогда одноименный кочевой народ, донельзя примитивный и дикий, живший практически в первобытнообщинном строе. А потом произошло чудо – по мнению оккультистов от истории, старинная жизнь была прямо-таки напичкана чудесами... Это примитивное, дикое племя, выдвигнув вождем означенного Чингисхана, за какую-то пару десятков лет волшебным образом, неведомо какими путями освоило

военное искусство, да так, что в крошево разнесло не менее дюжины старых, сильных *государств*. Вчерашние невежественные степняки прямо-таки стахановскими темпами обучились штурмовать укрепленные города и разбивать регулярные армии – вплоть до того, что в том же XIII столетии поплыли завоевывать Японию на кораблях собственной постройки, вооруженных... боевыми ракетами. И так далее. Вчерашние кочевники, опять-таки за считанные годы, обучились составлять сложнейшие законодательные кодексы, организовывать самую передовую для своего времени армию (с гвардией!), покровительствовать наукам, искусствам и ремеслам, налаживать дипломатическую переписку с европейскими королями и играть роль в большой европейской политике...

Именно эти дурные фантазии, именно их идиотизм, не имеющих ничего общего с реальной жизнью, и вызвал «альтернативные» теории. Таковых на сегодняшний день можно насчитать три.

1. Версия Фоменко и сподвижников. «Чингисханом» и «Батыем» был кто-то из русских князей (тут возможны варианты касаясь персоналий), «монголы» были русскими витязями... ну, вы знаете, что там дальше.

Десять лет назад я эту точку зрения разделял. Увы, с тех пор слишком много воды утекло. *Сегодня* верить в подобное категорически невозможно. Фоменко и его сподвижники были, признаем откровенно, хороши, пока они, не претендуя на глобальные отношения, *расшатывали* старую, обветшавшую языческую кумирню, пышно именуемую «исторической наукой».

Потом, надо полагать, закружилась голова – от некоторых несомненных успехов. И эти боевые ребята, увы, принялись на место одной глупой придумки (о «монгольском» иге) *вколачивать* свою – о «Великой славянской империи» от Тибета до американских прерий. Вот тут уже резко поплохело: как многие до него, как справедливо презираемые им «окультисты», Фоменко откровенно принялся *загонять* факты (интереснейшие! всерьез-

ез подрывающие прежнюю картину!) в теорию «Империи». Если факты упирались, тем хуже для фактов – их в теорию в последнее время уже форменным образом забивают коленом, а то и поленом, как они ни упираются... А посему Фоменко *выдохся* – как только стал с детским простодушием двоечника-третьеклассника подгонять решение под ответ в конце задачника...

2. Версия Н. А. Морозова и его последователей в лице Ваянского-Калюжного и их группы. Вторжение на Русь состоялось не с Востока, а с Запада, и «татары» на самом деле – «татранцы», то бишь европейские крестоносцы, ну а Золотая Орда, соответственно – Золотой Орден в подчинении папы Римского.

Вот к *этим* ребятам я чувствую прямо-таки патологическое уважение: во-первых, оттого, что их работы славятся железной логикой и огромным фактическим материалом, а во-вторых, за то, что их, в отличие от Фоменко, за последнее десятилетие ни один оккультист не смог ни на чем *подловить*. И критика в их адрес – исключительно нецензурная, что, согласитесь, несерьезно и показывает лишь слабость «правильной науки».

И все же... На мой взгляд, «крестоносная» теория, увы, тоже неверна. Поскольку не подтверждается ни единым западноевропейским источником – а я не верю в некую грандиозную «специальную операцию», в результате которой были уничтожены *все* компрометирующие рыцарей материалы. Так попросту не бывает. *Все* уничтожить было бы невозможно. «Теория заговора» имеет право на существование лишь до тех пор, пока не скатывается к дурному глобализму...

3. Версия Жабинского. Золотая Орда была основана византийскими императорами, отступившими в Малую Азию после захвата Константинополя крестоносцами. Опять-таки проработана не в пример лучше, нежели чисто умозрительные изыски Фоменко (которого только ленивый не ловил на массе ляпсусов). И тем не менее...

Версии номер два и номер три при всей их логической непротиворечивости и остроумно подобранных доказательствах

все же страдают одним серьезнейшим недостатком по имени европоцентризм. Плохи они исключительно тем, что их создатели неосознанно для себя оказались в плену обычного европейского заблуждения: лишь в Европе могли существовать сильные государства и большая политика, лишь Европа способна была творить Большую Историю. Ну а Азия, соответственно, была слишком отстала, примитивна и слаба, чтобы всерьез претендовать на роль весомого фактора мировой истории...

Они не виноваты. Их так учили. И не только их...

Эта книга для того и написана, чтобы познакомить читателя с *настоящей* Азией – не дурацкими необозримыми степями, по которым носятся примитивные кочевники, а великим континентом, на просторах которого существовали могучие империи, в иные времена опережавшие Европу по всем параметрам. Чингисхану все его свершения удались как раз потому, что он был не вождем полудикого племени, а наследником тысячелетних культур, существовавших на великом континенте Азия в те времена, когда будущие «просвещенные» европейцы еще разгуливали в звериных шкурах и дубасили друг друга каменными топорами. Эту точку зрения я постараюсь прилежно и обстоятельно обосновать, по своему циничному обыкновению – с помощью фактов, почерпнутых из той самой исторической науки, каковая страшно обижается на свое сравнение с оккультной сектой. Такова уж карма у господ «традиционных» историков: собрать сущие Гималаи прелюбопытнейших фактов, но впоследствии дать им самое идиотское толкование, а то и не дать никакого...

По своей привычке я буду заходить издалека, от седой древности. Как сплошь и рядом водится, выводы и умозаключения, что греха таить, способны будут кого-то удивить, ошеломить, ввергнуть в растерянность, а то и ярость. Ну, что поделать... Я никогда не ставил сверхзадачей простой эпатаж. Мне просто-напросто становилась интересна та или иная загадка, и я пытался ее решить. На истину в последней инстанции категорически не претендую. Кто желает, пусть сделает лучше...

Глава первая

ШАМАНСКИЕ ПЛЯСКИ

Труднейшая задача встала передо мной: то и дело поминать так называемых «профессиональных историков» и при этом не употреблять терминов вроде «мошенники», «прохвосты», «жулики». Тяжелая задача. Неподъемная. Особенно если учесть, что при вдумчивом изучении данного подвида фауны вышеозначенные словечки поневоле просятся на язык...

Ну что же, будем сохранять некую академичность, за отсутствие коей меня попрекают иные эстеты, о которых так метко и смачно дискутировали как-то бравый солдат Швейк со знакомым трактирщиком. И все же я оставляю за собой право на употребление словечка «оккультисты», которое, как постараюсь дальше доказать, к нынешним историкам подходит как нельзя более. И это еще самое мягкое определение...

Что, собственно говоря, есть наука и чего она вообще добивается? Ответ несложен: наука – средство познания мира и его законов. Вот со вторым чуточку посложнее. Только особенно уж чистые душой люди свято верят, будто учеными руководит в первую очередь желание отыскать и явить человечеству некие окончательные истины. Будто, оказавшись лицом к лицу с истиной, ученый муж в самоотверженном порыве объявит всенародно, что прежде по недостатку знаний провозглашал не истину, а

нечто совершенно ошибочное – по какой-либо причине он сейчас на глазах общественности истребит свои прежние труды, откажется от ученых званий и отправится отшельничать в пустыню, дабы питаться кузнечиками и каяться до скончания дней, что столько лет пропагандировал сугубо ошибочные теории...

Держите карман шире! Подобных примеров за последнюю сотню лет что-то не отмечено. Ежели ученый историк и расстанется со своими насквозь ошибочными теориями, то исключительно под давлением настолько уж неопровержимых фактов, настолько уж широкого распространения новооткрытой истины, что сопротивляться становится совершенно неудобно (правда, и при этом варианте нет речи о добровольном отказе от научных званий, должностей и денежных подарков, полученных за старательную многолетнюю разработку тупикового направления или откровенной лжи). И никаких вам классических выкриков: «Вяжите меня, православные!». И выстрелов в висок не дождетесь – ученый кончает с собой, как правило, в одном-единственном случае: когда настолько убойно уличен в фальсификации, что прекрасно понимает – репутация его погублена безвозвратно, и больше ему в этом ремесле по гроб жизни ничегошеньки не светит...

Но не будем отвлекаться. Рассмотрим прежде всего *методы* научного познания, применяемые в разных дисциплинах.

Есть науки *точные*, а есть, скажем, история. Как работает, возьмем для примера, ядерный физик? С помощью соответствующей аппаратуры он проделывает некие манипуляции с атомами, протонами-электронами и прочими элементарными частицами. В случае, если он открывает нечто новое, публикует полученные результаты. И, что самое важное, его эксперименты непременно должны повторить *другие* ученые, и, если и они придут к тем же результатам, открытие будет принято научным сообществом – и никак не раньше.

Как работает химик? Грубо говоря, он, обложившись колбами, змеевиками и прочей посудой, старательно смешивает-филь-

трует-разбавляет разнообразнейшие жидкости, разноцветные и бесцветные, вонючие и не очень. Если он открывает нечто новое... см. предыдущий пример.

За подобный подход к делу эти науки и именуется вполне справедливо точными. Немыслимо представить себе физика, который, взойдя на трибуну, не моргнув глазом доложит научному сообществу следующее:

– Когда я нажал пятый тумблер слева, в правом нижнем углу экрана замельтешило этакое зеленое с просинью пятнышко, мелькнуло – и пропало. Что это была за хреновина, я так и не успел понять. *Вероятнее всего*, это был лямбда-мезон. Доказать это нельзя, но *мне представляется*, что это был именно лямбда-мезон – ведь давно уже ходили слухи, что он именно такой, зелененький с просинью. *Нельзя исключать*, что это лямбда-мезон! Давайте *договоримся считать*, что это лямбда-мезон, а? Какой-то он такой... лямбдистый...

Ситуация дикая, невозможная, нереальная. Точные науки требуют точных доказательств. Меж тем в исторической науке подобная речь с применением тех самых, выделенных заглавными буквами оборотов, – дело прямо-таки житейское, насквозь привычное...

Одно немаловажное дополнение: помянутые физики и химики не делают секрета из своих методов и не ссылаются со значительным видом на некое «высшее знание», которым не в состоянии овладеть «профан». Даже человек без соответствующего образования все же в принципе способен, проявив усидчивость и потратив изрядное количество нервных клеток, хотя бы *приблизительно* понять, что именно и каким образом вытворял физик со своими подопытными электронами – или химик с вонючими кислотами.

В истории дела обстоят совершенно иначе. Историки обожают с загадочным видом ссылаться на некий волшебный, загадочный, полумистический «научный метод», которым якобы владеют только они одни, «профессиональные историки».

А человек со стороны, наподобие презренного еретика Фоменко или «шахматиста» Каспарова, постичь этот таинственный «метод» решительно неспособен – и, следовательно, не имеет права проводить самостоятельные исследования и вообще задавать неудобные вопросы.

Меж тем полезно будет вспомнить: Энрико Ферми, мягко скажем, не самый бездарный физик, требовал от своих сотрудников, чтобы они были в состоянии, если понадобится, кратенько объяснить любой уборщице в их же собственной лаборатории смысл проводимых экспериментов. Объяснить так, чтобы уборщица поняла...

Ничего похожего на *жреческую* закрытость «профессиональных историков», кстати и некстати ссылающихся на свой пресловутый «научный метод», который человек со стороны постичь решительно не способен.

Меж тем господа историки упускают из виду, что существуют и другие весьма полезные научные дисциплины, как-то: логика, психология и психиатрия, накопившие немалый опыт изучения как отдельных индивидуумов, так и целых коллективов (к каковому, безусловно, относятся и научные школы). Метод изучения не обязательно сводится к примитивному уколу в задницу. Есть более тонкие: например, так называемые «звездные тесты». Это – хитро составленные списки из десятков умело подобранных вопросов. Каждый по отдельности совершенно безобиден, но, вместе взятые, сведенные в продуманную конструкцию, они непременно заставят отвечающего на анкету человека выложить помимо своего желания то, что он собирался скрыть. Выявить, ну скажем, душевную болезнь, или педофилические наклонности, или конкретные фобии – или, наоборот, разоблачить симулянта, по каким-то своим шкурным причинам косящего под психа...

И есть еще не столь уж сложная вещь под названием логический анализ. Логическое мышление – это умение, которым можно при некоторых усилиях овладеть точно так же, как ездой на велосипеде или чистописанием.

Так вот, логический анализ нашей «профессиональной науки» вкупе с применением некоторых методик из психиатрии и психологии открывает интереснейшие вещи...

Прежде всего то, что деятельность историков, во-первых, вопиюще нелогична, во-вторых, основана не на результатах конкретных исследований, а на некоем *договоре*. Когда речь идет о прекрасно документированных исторических периодах, историкам еще можно с грехом пополам доверять, но стоит им опуститься вглубь на несколько столетий, как начинаются сплошные домыслы, догадки, предположения и гипотезы. И все бы ничего, но сплошь и рядом господа ученые, доценты с кандидатами, просто-напросто *договариваются* считать, что одна из гипотез верна. Понимаете? Совсем не обязательно, чтобы она и в самом деле была верна. Главное, так *договорились* считать. А потом версия, касаемо которой договорились, попадает в научные труды и школьные учебники уже в качестве *истины*...

Простой пример – напрочь вымышленный, но как две капли воды схожий с реальными, с которым мы позже обратимся.

В Китае обнаружена старинная рукопись, века этак восемнадцатого, написанная, естественно, на китайском, но ВРОДЕ БЫ принадлежащая перу монгольского летописца XIII столетия – так, во всяком случае, китайский автор утверждает, клянясь честным словом, что сам держал в руках монгольский первоисточник, на его глазах окончательно доеденный зловредными мышами (портрет мышей, сделанный кисточкой на белой бумаге, прилагается). И имеется там среди прочих интересная фразочка: «В год Хромой Черепахи славный богатырь Шубуда со своим туменом вдребезги и пополам разбил войска князя Сунь-Вынь».

К рукописи, засучив рукава и цинично перемигиваясь, тут же подступает орава тех самых «профессиональных историков», вооруженных единственно верным учением... тьфу ты, «научным методом». Первый, перелистав немало пыльных фолиантов своих учителей и предшественников, вскоре торжественно объявляет, что, по его прикидкам, год Хромой Черепахи – это

1237 год от Рождества Христова*. Второй тоже не сидел сложа бладливые рученьки. Он быстренько осчастливил ученый мир откровением: поминаемый Шубуда – это, *вероятнее всего*, полководец Субудай-багатур, очень уж многозначительное сходство имен. (Вы и вправду полагаете, что это Фоменко придумал «перестановки букв» и «сходство имен»? Хо-хо! Почитайте труды вполне ортодоксальных корифеев, вроде академика Янина, поймете, что Фоменко эти методы у ортодоксов и *позаимствовал...*)

Третьему, как можно догадаться, совсем легко: «все уже украдено до нас». Особого напряжения ума не требуется – достаточно, сняв с полки пару справочников и почесав тыковку, вспомнить: а кого это бил в 1237 г. по Р. Х. Субудай-багатур? Ну конечно же, князя Евлампия Урюпинского! Каковой *навверняка* и есть поминаемый китайцем Сунь-Вын.

Набегают новые «корифеи», занимаются уже третьестепенными деталями – один обнаруживает, что автором монгольского первоисточника (которого, напоминая, никто в глаза не видел), *предположительно*, является ученый бонза Мастур-батыр из монастыря Фули-Толку. Ну как же, пятая слева мышь как две капли воды похожа на тех, что в задумчивости любил рисовать на стенах означенного монастыря Мастур-батыр. Второй, глядя в потолок, вычитывает оттуда, что помянутая битва произошла, *скорее всего*, на речке Запьянцовке – коли уж 1237 год, коли уж Субудай, коли уж Евлампий Урюпинский...

Проходит не так уж много времени, и волшебным образом куда-то пропадают все «вероятно», «возможно», «представляется» и «скорее всего». В выступления, диссертации, книги и учебники намертво впечатывается чеканная строка: «В 1237 г. Субудай-багатур разбил на речке Запьянцовке рать князя Евлампия Урюпинского». И отныне любой, кто посмеет усомниться – лжеученик, искатель дешевой популярности, или попросту шизофреник...

* Формулировки «до нашей эры» и «наша эра» автор не употребляет принципиально, предпочитая «до Рождества Христова» (до Р. Х.) и «после Рождества Христова» (по Р. Х.).

А меж тем, согласно теории «многовариантности», сформулированной омским математиком Гуцом, задача вполне может иметь *несколько* решений. Все началось с *датировки* – а она вполне может оказаться неправильной, потому что и Первый Историк, и его учителя руководствовались джунгарским двенадцатилетним циклом, в то время как существовал гораздо менее известный, полузабытый усуньский. И рукопись датирована именно что по усуньскому циклу. Так что «год Хромой Черепахи» – это не 1237-й, а 1604-й (опять-таки по Р. Х.) И «Шубуда» – не Субудай, а именно что Шубуда, третьестепенный степной князек, который и в самом деле некогда расколошматил столь же захолустного китайского губернатора по имени как раз Сунь-Вынь... Но поезд ушел, господа, билеты обратно не принимаются!

Я привел насквозь вымышленный пример – но чуть позже познакомлю читателя с другими, насквозь реальными, похожими на наш умозрительный эксперимент как две капли воды...

Короче говоря, чем глубже мы опускаемся в прошлое, тем менее точной становится историческая наука, тем больше появляется догадок, домыслов, всех этих «вероятно», «возможно» – которые по прошествии небольшого времени волшебным образом превращаются в *истины*.

Вот это и есть пресловутый «научный метод», коим историки так гордятся, чью тайну они профанам не открывают. И не более того...

Подведем кое-какие итоги. Рассуждая логически, история как наука сводится к трем описательным пунктам.

1. Основой служит не точное знание, а некое *учение*, распространяемое группой непререкаемых авторитетов и не подкрепленное осязаемыми доказательствами.

2. Только «посвященные» могут постичь суть учения, остальные же, «профаны», к тому неспособны.

3. Все, чему учат «авторитеты», следует принимать *на веру*, не высказывая сомнений и не вступая в дискуссии.

А вдобавок – жесткая система вертикальной иерархии, когда нижестоящие всецело зависят от вышестоящих, и отработанная система репрессий, которая применяется против тех, кто рискнул высказать сомнения или по крайней мере потребовать логичных и убедительных доказательств.

Узнаете? Перед нами классическое описание *тоталитарной секты* вроде «Белого братства» или «Ветви Давидовой». Характеристики совпадают по всем параметрам... А дополнительные пункты, то бишь вертикальная иерархия и репрессии против инакомыслящих, еще и сближают историческую науку с мафиозным «семейством». Как тоталитарная секта и мафиозная организация, историческая наука извлекает некие конкретные, осязаемые материальные блага из положения, которое занимают ее члены, из проповедуемого учения... Вот именно, а вы что подумали?

Отсюда проистекает и тот печальный факт, что история, как это ни прискорбно, пожалуй что самая протитуированная из научных дисциплин. Данные *точных* наук чертовски трудно использовать для ненаучных манипуляций. Один-единственный раз тупые хмыри при значках со свастикой попытались создать «истинно арийскую физику» – но не получилось ни черта. Я ж говорю, с точными науками такие манипуляции не проходят.

Зато историки... Ну, не будем размазывать манную кашу по чистому столу. Просвещенный читатель и без моих подсказок вспомнит все те головоломные кульбиты, которые выкидывала отечественная историческая наука: то из летописи революции и гражданской войны напрочь пропадет Троцкий – как не бывало, то Сталин обратится в безликую «Ставку Верховного Главнокомандующего», то Брежнев в одиночку выиграет Великую Отечественную, то вешатель и наркоман Колчак превратится в романтического рыцаря...

За рубежом, между прочим, в иные периоды обстояло не намного благостнее. Относительно недавно, когда Франция еще обладала заокеанскими колониями, школьный учебник истории

был *один*, без поправок на этническое многообразие. И темнокожие курчавые детишки где-нибудь на Карибах старательно зубрили: «Наши предки галлы были светловолосыми и голубоглазыми...» А американские учебники, изучай их хоть под микроскопом, категорически обходили молчанием тот факт, что краснокожие индейцы не сами научились снимать скальпы со своих жертв, а пошли на это под мягким ненавязчивым влиянием господ бледнолицых. Которые нанимали индейцев для борьбы с соперниками (англичане против французов и наоборот) и скрупулезно платили с головы... а что может быть лучшим доказательством, чем свеженький скальп?

Но вернемся в современность. В вымышленном примере с богатырем Шубудой я не зря затронул вопрос хронологии. Современная история, как известно, базируется в первую очередь на хронологии, а с ней обстоит что-то уж очень скверно. Не буду распространяться подробно – после многочисленных работ по «новой хронологии» в этом нет особенной нужды...

Я о другом. О том самом нездоровом оккультизме, на котором (еще один страшный секрет) базируется современная историческая наука. Можно ли представить, чтобы физики *секретили* классические работы Ньютона? Математики – Декарта? Ботаники – Линнея? Химики – Лавуазье? Чтобы труды всех перечисленных корифеев так и оставались не то чтобы под запретом, но – исключительно на латыни, без перевода на *живые*, общеупотребительные языки и без широкого распространения?

Дико. Немыслимо. Меж тем именно так и обстоит дело с трудами «гуру» нынешних историков Скалигера (ну как же в тоталитарной секте да без гуру? Это уже и не приличная секта получается, а черт знает что, перед шамбалоидами и прочими рерихнувшимися неудобно). Ни на один употребительный ныне европейский язык (и на азиатский тоже) они почему-то не переведены. Нам вновь предлагают принять на *веру*, что отец современной хронологии был гигантом мысли – но без единой строчки из работ основоположника...

Объяснение этому предельно странному факту напрашивается само собой, когда читаешь изданную недавно на русском книгу современника Скалигера Жана Бодена «Метод легкого познания истории» – означенный мэтр тоже активнейшим образом занимался составлением хронологии...

Стоп, стоп! Не составлением, а *сочинением* – в лучших традициях так называемой математической магии, откровенно оккультной дисциплины, именовавшейся еще «нумерология» и «каббала». С точки зрения Скалигера и Бодена, каждая цифра, не говоря уж о числе, обладала магическими свойствами...

Я уже цитировал Бодена в одной из предыдущих книг, но все же не могу вновь удержаться от соблазна, хотя кое-кто у нас порой и склонен упрекать меня за то, что переносу иные куски из одной книги в другую. Но как тут удержаться? Это же песня!

Итак... «Квадрат 7, умноженный на 9, дает 441, и квадрат 9, умноженный на 7 – 567. Совершенное число – 496, 6 и 29 – меньшие части совершенного числа. Оставшееся от совершенного числа превышает 8100, и они слишком велики для того, чтобы использоваться в вопросе о государствах. Квадрат 12 – 144, а куб – 1728. Ни одна империя в своем существовании не превысила значение суммы этих чисел, поэтому большие числа должны быть отвергнуты. Сферических чисел, включенных в великое число, четыре – 125, 216, 625, 1296. Посредством этих нескольких чисел, во множестве которых имеются не совершенные, не квадраты, не кубы, а также числа, составленные из четных и нечетных разрядов, но не из семерок и девяток, которых в этой бесконечной последовательности относительно немного, нам позволено изучать чудесные изменения почти всех государств. Во-первых, начиная с куба 12, про который некоторые из академиков говорят, что это великое и фатальное число Платона, мы обнаружим, что монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого воплощает это число в точности, по мнению самого Платона... От потопа до разрушения храма и еврейского государства Филон насчитывает 1717 лет, Иосиф (Флавий. – А. Б.) дает на двадцать

лет больше, другие – существенно меньше. Я склонен думать как из правды истории, так и из значимости самого великого числа, что 11 лет должно быть добавлено к срокам Филона, так как результат должен быть не больше и не меньше, чем куб 12... Хотя среди писателей существуют великие расхождения относительно времени рождения Христа, еще Филон, который считается наиболее точным из древних, относит это к 3993 г. Лукидий от этого года отнимает три, Иосиф прибавляет шесть, по многим причинам, которые я вполне одобряю, так как получается число 3999, результат квадрата 7 и 9, самым замечательным образом подходящий к изменениям в наиболее важных делах, которые затем последовали».

Каково? Вот так и сочиняли хронологию отцы-основатели – с помощью «сферических чисел», «фатальных чисел», делили, умножали магические кубы на магические квадраты – одним словом, корежили реальную историю так, чтобы она сочеталась с их оккультными вычислениями. Нет никакого сомнения, что и труды Скалигера набиты столь же махровым цифровым оккультизмом, иначе зачем держать их где-то в пыльных запасниках?!

Практически *все* науки, существовавшие в те времена, когда увлеченно сочиняли хронологию господ вроде Скалигера и Бодена, давным-давно избавились от «детских болезней»: физика – от «теплорода», биология – от «самозарождения мух из грязи», оптика – от «исходящих из глаза лучей, ощупывающих предмет и передающих впечатления в мозг». Все... за исключением истории. Там по-прежнему в употреблении то, от чего другие науки, окрепнув, поспешили все же отделаться. Здесь возникает головоломный парадокс, который лично я понять не в состоянии: современная наука жестоко (и совершенно справедливо!) высмеивает писанину мадам Блаватской и «труды» цифровых мистиков, строящих на основе размеров египетских пирамид длиннейшие вычисления с якобы «зашифрованной информацией». И в то же время современная история, не ощущая ни тени стыда, пользуется «хронологией», четыреста лет назад

сочиненной несколькими оккультистами с помощью тех же самых методов, какими «пирамидологи» доказывают, что высота пирамиды, умноженная на корень квадратный из ширины грани, дает, изволите ли видеть, сведения об атмосфере Венеры...

Сюрреализм, конечно. Но с историков как с гуся вода – притерпелись. Я не знаю другой такой науки, которая была бы столь вопиюще алогична, не соблюдала элементарные правила логики.

Есть великолепный учебник логики, написанный ординарным профессором Московского Императорского университета М. Троицким, – по которому в царской России изучали логику в высших учебных заведениях, в том числе и в семинариях (после знакомства с этой книгой, кстати, понимаешь, почему Сталин, учившийся по ней, стал тем, кем он стал). Откроем второе издание 1883 г.:

«Истинность посылок, при правильности силлогизации, есть полное ручательство за истину следствия; но не наоборот. Не следует истинностью следствия доказывать истинность посылок, к чему так расположены в доказательствах, опирающихся на гипотезы; потому что, как доказал еще Аристотель, истинное следствие может быть иногда получено из ложных посылок, и не только из одной ложной, при одной истинной, но и из обеих ложных».

Эти слова прекрасно иллюстрируют положение дел, сложившееся в исторической науке, где истинность некоего следствия еще не означает истинности посылок. Скажем, смешно было бы отрицать, что существовали в свое время славные римские легионеры с прямоугольными щитами, шлемами в перьях, знаменами с орлами, центурионы в украшенных вычурными бляхами доспехах...

Вот только *когда* имело место быть это самое «свое время»? Две тысячи лет назад, как нам пытаются внушить историки, или все же в раннее Средневековье?

Великолепна в своей шизофреничности цитата из вышедшей недавно научно-популярной книги по археологии, принадлежа-

шей перу матерого журналиста. Речь идет об открытии современными археологами тайника на вилле римского императора Тиберия. «Место его виллы было хорошо известно археологам, ибо сохранились записки средневековых итальянских феодалов, похвалявшихся друг другу, как много ценного они захватили с виллы Тиберия – и скульптуры, и посуду, и мозаики, и хорошие строительные камни».

Для тех, кто не понял, где тут шизофрения и где тут черный юмор, объясняю подробно: *средневековые* итальянские феодалы, без зазрения совести ограбившие виллу Тиберия, жили самое раннее веке в десятом-одиннадцатом по Р. Х. *Раньше* они никак не могли обитать, раньше, твердит нам та же самая официальная история, в Европе царили Темные века, бесписьменные, и тогдашние феодалы (да и их короли, впрочем), были поголовно неграмотны. А вот императора Тиберия та же официальная история относит к *первому* столетию до Рождества Христова!

Как прикажете понимать такие пассажи? Прикажете верить, что после смерти императора его вилла, набитая ценными вещами, несколько сотен лет простояла бесхозной, но нетронутой? И долгие века прошли, прежде чем те самые средневековые итальянские рыцари осмелились наконец стрести в мешки посуду и выломать драгоценные мозаики?!

Зная человеческую природу, предполагать следует другое: что от смерти Тиберия до беззастенчивого разграбления его виллы прошли какие-то *дни*. Во все времена, на любом континенте, при любой власти оказавшиеся без присмотра ценности имеют свойство мгновенно улетучиваться в роковую пропащность. Коли уж имеются письма средневековых итальянских феодалов, хвастающих друг перед другом долей в добыче с совместно разграбленной ими виллы Тиберия, следовательно, Тиберий был их *современником* и жил в то же самое Средневековье. Есть в этом утверждении логический изъясн?

История, как булка с изюмом, полна подобными *прибамбасами* – вопиюще нелогичными утверждениями, проистекающими

ми исключительно оттого, что мозги пишущих настолько отравлены «традиционной» хронологией, что задуматься о смысле исходящего из-под их борзого пера им и в голову не приходит.

Очередной перл: «Хотя Киев был до основания разрушен таттаро-монголами, европейские купцы продолжали туда ездить».

Откуда сие? А это очередной популяризатор оказался не в силах иначе совместить два противоречащих друг другу утверждения. С одной стороны, историки *договорились* считать, что стольный град Киев был «монголами» изничтожен начисто, с лица земли сметен, на долгие десятилетия обезлюдел совершенно. С другой – есть немало западноевропейских свидетельств с перечислением имен купцов, побывавших в Киеве заведомо *после* Батыева нашествия. И нам предлагают поверить, что купец, умеющий считать каждый грошик, зачем-то ехал в полностью разрушенный город, и это в те времена, когда о туризме и речи не шло... Вывод? Вывод прост: уж если купцы в Киев ездили и после «разгрома» его Батыем, значит, город вовсе не был разрушен до основания, там продолжалась достаточно оживленная жизнь с торговлей и ярмарками – иначе с какого перепугу везли бы расчетливые купцы свои товары на безлюдную пустошь, где развалины заросли травой и волки воют?!

На стене «древнеримской» виллы в Помпеях, раскопанной не так давно, обнаружилась мозаика, а на ней – несомненное изображение южноамериканского фрукта ананаса. С позиций традиционной истории следует искать объяснение в том, что еще древние римляне-де совершали морские путешествия в Америку. Более логичен и убедителен другой вывод: что «древнеримская» вилла построена уже после плаваний Колумба, и все дело в неверной датировке...

Если развлечения ради захотите как-нибудь довести до белого каления «профессионального историка», попытайтесь добиться от него прямого ответа на парочку немудрящих вопросов. Скажем, где и в каком году похоронен был Вещий Олег? Или: откуда родом была княгиня Ольга?

Пикантность тут в том, что Лаврентьевская летопись сообщает, что умер Олег Вещий в 912 году от Рождества Христова и погребен в Киеве. Новгородская – что произошло это печальное событие в 922 году, а похоронен Олег в городе Ладоге. Обе летописи господами историками признаны подлинными, верными, неподдельными.

С княгиней Ольгой обстоит еще хлеще. Здесь имеются аж *четыре* различных летописных источника, признанных подлинными. По первому, родиной Ольги было село Выбутское под Псковом, по второму – город Изборск. Третий объявляет Ольгу болгарской княжной. Четвертый – опять-таки княжной, но уже половецкой, дочерью «Тмутаракана, князя Половецкого»! За что я люблю историю, так это за ее безукоризненную точность...

(Между прочим, два последних утверждения могут означать всего-навсего и то, что болгары с половцами – один народ, вопреки «традиционной» точке зрения. Просто одна летопись именовала их этак, а другая иначе – как западноевропейский хронист мог бы назвать подданных Иоанна Грозного то «славянами», то «москвитами», и в обоих случаях это соответствовало бы истине.)

Пикантность ситуации, повторяю, усугубляется тем, что *все* летописи, набитые разночтениями, ученый мир признает. Он летописям верит свято, отчего-то полагая, что древний летописец был сущим ангелом во плоти, озабоченным исключительно тем, как бы донести до далеких потомков незамутненную, неискаженную истину. Совершенно не принимается в расчет, что летописец был живым человеком со своими слабостями и недостатками: о чем-то он мог и умолчать, убоясь своего крутого на расправу князя, что-то, наоборот, мог присочинить (к вящей славе того же князя, исправно снабжавшего летописца жареными гусями, жбанами с медовухой и сговорчивыми девками). А также по собственной инициативе – очернить нелюбимых им соседей, или, наоборот, умолчать о каких-то неприглядных поступках

уважаемого им боярина... да, наконец, шутки ради (или из более благородных побуждений) попросту *выдумать* не только героев, но и исторические события.

Один из ярких тому примеров случился не далее как во второй половине двадцатого столетия. Эрнесто Че Гевара оставил подробнейшие записки о славном партизанском пути отряда Фиделя Кастро. Вот только сподвижник Фиделя был невероятным романтиком, поэтом в душе, а потому расцветивал скучную, суровую действительность насквозь вымышленными сценами. Кастровцы сгоряча пристрелили некоего деревенского мужичка по имени Эутимио – исключительно за то, что нашли у него выписанный местными властями пропуск. Поэт Че сочинил прямо-таки роман о том, что оный Эутимио был завербован тайной полицией с целью убить Фиделя и даже спал с ним под одним одеялом, но нажать на курок так и не решился. А временами тайком сбегал из лагеря к батистовцам, те сажали его в кабину бомбардировщика, и предатель указывал сверху, где следует бомбить. (Между прочим, означенный Эутимио не раз приносил в лагерь продукты, так что охранке, сотрудничай он с ней, ничего бы не стоило их попросту отравить, это было бы гораздо проще и легче, чем тратить уйму горючего и бомб.)

Но Эутимио по крайней мере существовал в реальности. Зато насквозь вымышленными оказались две «девушки-связные», Клодомира и Лидия, якобы принявшие мученическую смерть в лапах палачей охранки. Их тоже выдумал Че. Без всяких, как легко догадаться, корыстных мотивов – он, повторяю, был романтик и поэт и, как мог, расцветивал серые будни побасенками о «супершпионе Эутимио» и «умученных героических девушках». И все бы ничего, но многие авторы книг о Кастро, Геваре и их боевом пути уже *всерьез* повторяли поэтические выдумки Че, расцветивая, как водится, собственными подробностями и дополнениями...

Порой диву даешься, узнав, *какими* методами творят историю ее корифеи! Крупный и почитаемый в свое время историк

Льюис Морган (1818–1881) много лет изучал *современные* ему индейские племена Северной Америки и собрал огромный фактический материал. И все бы ничего, но в своем «Древнем обществе» он именно на основе этих изысканий «реконструировал» жизнь *европейских* первобытных людей! Логика проста: индейцы – дикари. Первобытные европейцы тоже были дикарями. Следовательно, они точно так же строили свою общественную жизнь, как индейцы...

Впрочем, существует еще более нелогичная, фантазийная и удивительная наука, нежели история – палеонтология. Ей я намерен посвятить следующую книгу, а пока что приведу единственный многозначительный пример, который настолько хорош, что пройти мимо него попросту невозможно. Мы снова сталкиваемся с тем же самым «научным методом», когда из собственного пальца можно высосать что угодно под рукоплескания собратьев по *секте*...

Наряду с членами общества, считающего Землю плоской, существуют еще столь же безобидные чудаки, верящие в «теорию Дарвина», о которой вы, может быть, слышали. Согласно этой теории, не подтвержденной ничем и никем, современный человек «произошел» от череды древних обезьянок, как-то: австралопитека, питекантропа, синантропа и т. д. Как водится, нашлись ученые, откопавшие то там, то сям жалкие кусочки скелетов этих обезьянок (ни одного полного!) и чисто умозрительно, из головы, сочинившие красивую теорию, которую, как легко догадаться, опять-таки следует принимать на *веру*: австралопитек родил питекантропа, питекантроп родил неандертальца, неандерталец... Ну, вы, наверное, слышали.

Реальные питекантропы были, насколько можно судить, самыми обыкновенными обезьянками, мирно жвавшими бананы двести тысяч лет назад: в меру тупые, в меру шустрые, в меру вонючие. Членораздельной речью они, конечно же, не владели, орудиями труда не пользовались, одежды не носили... и мемуаров, естественно, не оставили.

Но вот что недавно изрек об их привычках *настоящий*, с образованием и насиженным местом в науке немецкий археолог Мартин Кукенбург: по его глубокому убеждению, питекантропы всюду переправлялись через морские проливы «на связках тростника или надутых звериных шкурах»!

Тростник нужно *связывать* в плоты, а «надутые бурдюки» *зашивать*. Ни одна обезьяна в подобных ремесленных искусствах не замечена. О питекантропах, повторяю, не известно *ничего* – они не оставили мемуаров о своих мореплаваниях, равно как и наскальных изображений, где запечатлели бы своих корабельщиков. Точно так же их соседи (такие же обезьянки) не оставили ни писаных хроник, ни картинок с натуры. Машины времени в распоряжении Кукенбурга уж наверняка не имелось.

Почему же тогда, на каком основании ученый-археолог делает столь ошеломительные заявления?

А просто так. В голову взбрело. Сидел-сидел наш немец, тарашился в потолок, и вдруг его осенило: двести тысяч лет назад обезьянки по прозвищу питекантропы переплывали морские проливы на плотках и бурдюках. Доказательства? Какие могут быть доказательства, если, как выражался герой бессмертной комедии «Мимино», «я так вижу»?

Самое печальное: сподвижники герра Кукенбурга, как явствует из контекста, и не подумали кликнуть санитаров к явно перегревшемуся на солнце коллеге. Одобрительно покивали головами, похлопали по плечу – и продолжали прежние занятия, но уже с учетом «новых открытий» собрата. Через несколько лет, так уж водится, в научных трудах и учебниках то, что питекантропы обладали неплохим мореходным искусством, будет преподноситься на правах даже не версии, а железобетонной истины.

Скажете, невозможно? А как же великие «древние битвы» якобы происходившие там, где попросту невозможно маневрировать массами войск? А как же «древнеримские метательные машины», которые нарушают все законы баллистики и существовать не могли изначально? А как же «миллионные древние

армии», ухитрившиеся как-то существовать неделями и месяцами без еды и питья? Потому что самый примитивный расчет показывает: на один-единственный день этой ораве требовалось бы такое количество провизии, какое *весь* античный мир обеспечить не в состоянии.

Этот список можно продолжать до бесконечности, а потому прервемся и перейдем от тех черт, которые роднят историю с тоталитарной сектой, к тем ее нравам, которые роднят сию почтенную науку уже с сицилийской или неаполитанской мафией...

Да-да, вот именно.

Сплошь и рядом господа ученые ради устранения собрата по науке, чьи взгляды их категорически не устраивают, пускают в ход приемчики, более свойственные хмурым сицилийским парням с обрезом под полой. Стрелять, правда, не стреляют. Как-то не зафиксировано случаев, когда профессор Икс, разъяренный теми взглядами, которые себе позволяет публично высказывать доцент Игрек, шарахнул в последнего из автомата Калашникова. Есть другие средства...

Об этом мало кто дает себе труд задуматься, но в тех «сталинских репрессиях», которые, помимо прочего, «Карфагеном прошли» и по ученому сообществу, виновато в первую очередь оно само. Поясню свою мысль. Уже стало привычным штампом сваливать все на злодейство «кроважидных следователей из НКВД», которые «фабриковали дела». На деле все обстоит гораздо сложнее...

Следователь НКВД, по самой сути своей профессии, не особенно силен в науках. Прямо скажем, вовсе не силен. Давайте задумаемся над нехитрым вроде бы вопросом: а *как*, с помощью каких методик означенный следователь может *выцепить* из множества работников той или иной конторы конкретного «врага народа», которому намерен «пришить дело»?

Гораздо проще, когда речь идет, скажем, о железной дороге – тут следователю необязательно быть семи пядей во лбу. Практически любого можно хватать за шкуру и обвинять в «подго-

товке крушения поезда». То же самое на каком-нибудь большом предприятии: злыдень хотел «устроить диверсию». На любом мало-мальски приличном заводе найдется масса агрегатов, которые следователю вовсе не обязательно знать по названиям. «Диверсант» – и все тут, остальное приложится в процессе...

А теперь представьте себе ситуацию, когда следователь, озабоченный спущенным «железным наркомом» Ежовым планом по выявлению определенного количества «врагов народа» и «вредителей», обратил тяжелый хмурый взор на какой-нибудь научный институт, где трудится над бумажками пара сотен индивидуумов с учеными степенями...

Кого хватать? И за что? С инженерами проще – им, как я уже говорил, в два счета можно пришить вредительство против «главного заводского агрегата». Практически любого партийца можно, не утруждая фантазию, уличить в симпатиях к троцкистам или в каком-нибудь уклоне. Ну а историка-то как прищучить? И какие, собственно, обвинения выдвигать? Ежели оный историк сочинил капитальный труд под названием, скажем: «Аграрные отношения в великом герцогстве Бургундском в XII столетии»? На который следователь смотрит как баран на новые ворота?

Еще не догадались? Ну это же просто...

К следователю, подняв воротник, проскальзывает *другой* дипломированный историк и, раскрывая «Аграрные отношения...» на отмеченных закладочками страницах, в два счета объясняет: вот эта фраза категорически противоречит высказываниям товарища Сталина в беседе с французскими товарищами. Эта – ставит под сомнение идеи, выдвинутые на Четырнадцатом съезде ВКП(б). А этот абзац, страшно вымолвить, категорически расходится с классической работой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»...

Вот *теперь* наш следователь совершенно точно знает, *что* предъявлять автору «Аграрных отношений...» и какое лыко ставить ему в строку. Самое время выписывать ордерок. И выпи-

сывает... А может быть, и нет. Потому что автор «Аграрных отношений...» еще вчера побывал в другом кабинетике в том же здании и выложил всю правдочку касаемо своего теперешнего обвинителя – с помощью той же нехитрой методики. И берут уже не его, а второго, опоздавшего...

Именно так в те годы и обстояло. Товарищи ученые, доценты с кандидатами, не страдая излишней стыдливостью, оставили массу мемуаров, где подробно описывали эти дьявольские забавы: как стучали друг на друга куда следует, и крутилось колесо смертельной лотереи – тут уж кому как повезет... Сколько оборотистого народа таким образом избавилось от оппонентов, чьи взгляды были им не по нутру, уже не сосчитать.

Когда времена настали более вегетарианские, эта система уже не работала. И тут на помощь пришел старый безотказный метод «погружения в забытие». Когда некий еретик высказывает теории, идущие вразрез с устоявшимся мнением «ученого сообщества», а логично и убедительно возразить ему отчего-то не получается, идет в ход другая тактика: забыть о неудобном оппоненте (благо он только что отбыл в мир иной), не переиздавать его работ, не упоминать в научной печати. Пройдет не так уж много лет, и публика забудет, что возмутитель спокойствия существовал вообще...

Я уже писал в одной из своих книг, что чисто случайно, перелистывая энциклопедический словарь времен Александра II, обнаружил *вычеркнутого* из истории английского ученого Джеймса Грота. Деятель был не из второстепенных: авторитетнейший в свое время историк, почетный доктор Оксфорда и Кембриджа, вице-канцлер Лондонского университета, автор классического десятитомника «История Древней Греции» (1846–1856).

Одно немаловажное уточнение: англичанин занимался как раз тем, что ныне именуется «новой хронологией». В своих трудах он всячески сокращал и «ужимал» классическую древнегреческую историю, что ортодоксальные историки встретили скрежетом зубным. Мало того, у Грота появились ученики и после-

дователи, которые развивали это «критическое направление» и в том числе, например, отрицали реальность Гомера.

Пока Грот был жив, спорить с ним было решительно невозможно: очень уж крупная фигура, категорически не сочетавшаяся с ярлыками вроде «невежды», «недоучки», «шизофреника». Но после его кончины книги Грота задвинули подальше в пыльные недра библиотек, а последователей, безусловно уступавших учителю в маститости, потихонечку *приглушили*...

В том же словаре, опять-таки чисто случайно, я наткнулся еще на одну фамилию, на сей раз немецкую – Бартольд Нибур, известнейший и авторитетный в свое время немецкий историк (1776–1831). Учился в Киле, Лондоне и Эдинбурге, читал на двадцати языках, был финансистом, дипломатом, преподавателем истории в новооткрытом Берлинском университете.

Так вот, Нибур считал *всю* «древнеримскую историю» легендой. И опять-таки основал «критическое направление». Именно его учеником считался наш профессор Каченовский, глава русской «скептической школы». Еще одна иллюстрация несложного тезиса о том, что критика «классической» хронологии и «классической» истории – не результат безответственных упражнений кучки невежд и шизофреников, а практически *непрерывный* процесс, длившийся столетиями, в котором, какое столетие ни возьми, принимали участие серьезнейшие и крупнейшие историки. Вот только судьба их была одинакова: злобные шепотки за спиной при жизни и забвение после смерти. Повторяю, я чисто случайно наткнулся на совершенно забытые имена Грота и Нибура. А сколько их может оказаться еще, насильственно вычеркнутых из истории?

1887 год. Ученый А. Н. Краснов на востоке Иссык-Кульской котловины, примыкающей к одноименному озеру, обнаруживает множество валунов со сделанными руками древних обитателей этих мест рисунками. На камнях высечены люди, безусловно обитавшие здесь в Средневековье: всадники в халатах, с копьями в руках и саблями на поясе, с луками и стрела-

ми. Всадники окружены всевозможным зверьем: олени, архары, лисы, тигры, кабаны... и какие-то крупные животные с длинными клыками, по мнению Краснова, чрезвычайно похожие на мамонтов.

Вот тут ученые взвились, словно получив укол шилом в известное место... Они ведь *договорились* считать, что мамонты вымерли в каменном веке, когда человек ни лошади еще не приручил, ни копий с саблями делать не умел. Краснов, к сожалению, не зарисовал свои находки, а оставил только их описание, поэтому с его сообщением разделались просто: что он-де видел изображения всадников с саблями и мамонтов на *разных* камнях, а потом в голове у него все перепуталось...

С тех пор прошло много лет. Наскальные изображения Исык-Кульской котловины изучали долго и старательно – вот только о «валунах Краснова» ни слуху ни духу. Их существование не то чтобы отрицают – ими просто не занимаются. Потому что мамонт не может быть современником человека с саблей, не может, не может! Ученые договорились считать, что именно так и обстояло.

А меж тем китайский книжник Сыма Цянь (которого традиционная история относит ко второму веку после Р. Х.) писал в одном из своих трудов, что в Сибири обитает и превосходно себя чувствует... тот самый шерстистый носорог, что, по мнению «правильных» ученых, опять-таки вымер в каменном веке. Самое вразумительное объяснение по этому поводу, какое мне доводилось слышать от одного кандидата исторических наук, – это произнесенное сквозь зубы: «Наука этого не может объяснить». И точка. В самом деле, если начнешь искать объяснения, то как быть с кучей диссертаций и трудов корифеев, считающих, что данный носорог начисто вымер в первобытные времена?

Поэтому нет ничего удивительного в том, что двое отечественных ученых, Окладников и Рагожин, еще в 1961 году обнаружили в Сибири, под Горно-Алтайском, множество весьма совер-

шенных каменных орудий труда первобытного человека, но о своем открытии объявили лишь... в 1984 году, двадцать три года спустя. Причина проста: возраст этих орудий составлял полтора-два миллиона лет (что нашло подтверждение в последующие годы, когда другие ученые обнаружили аналогичные изделия и определили их возраст с помощью калий-аргонного и магниевого способов анализа). На момент раскопок Окладникова-Рагожина предположения о столь древнем возрасте «человека умелого» считались жутчайшей ересью – и оба прекрасно понимали, что разгневанное ученое сообщество в два счета сотрет незадачливых исследователей в порошок, чтобы не открывали ничего «неправильного».

Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь решил, будто подобные страсти-мордасти могли твориться исключительно в нашем богоспааемом Отечестве. Увы... Как пелось в известном спектакле, Российская империя – тюрьма, но за границей та же кутерьма...

Достаточно вспомнить, что происходило в «Мекке демократии», сиречь США, в сороковых годах прошлого века, когда ученое сообщество ополчилось против «неправильных» книг известного возмутителя спокойствия Иммануила Великовского.

Еретик был – пробы ставить некуда. Мало того, что он сокращал уютную, привычную, устоявшуюся «длинную» хронологию, он еще и дерзнул, не имея специального образования, выдвигать шальные гипотезы по части астрономии и планетологии...

Свои взгляды он изложил в книге «Миры в столкновении», вышедшей в крупном издательстве «Макмиллан» – на что, как всякий гражданин демократической страны, имел полное право. Реакция ученого мира была специфической...

К владельцам издательства явились представители научного сообщества, крайне респектабельные господа самого приличного вида. Они не выражались матом, не стреляли в потолок, не обещали подкладывать бомбы или отрезать уши. Они просто-напросто с милой улыбкой заявили: если издательство не признает свою ошибку и не откажется от дальнейшего сотрудниче-

ства с Великовским, университеты и колледжи перестанут отныне заказывать *любую* продукцию «Макмиллана».

Дело в том, что основной доход издательство «Макмиллан» получало от научной литературы, которую закупали высшие учебные заведения и научные организации... По букве закона происходящее никак нельзя было назвать шантажом, но по сути это был именно грязный шантаж в лучших мафиозных традициях. По некоему странному совпадению аккурат после выхода книги Великовского многие из помянутых заведений начали присылать письма, в которых отменяли прежние заказы...

И владельцы «Макмиллана» дрогнули. Был уволен ведущий сотрудник, подготовивший рукопись Великовского к печати, а научному сообществу дали понять, что новых книг «еретика» «Макмиллан» печатать ни за что не будет.

Ученый мир тоже не сидел сложа руки. Со своего поста мгновенно слетел директор астрономического отдела Музея истории естествознания и куратор Хейденского планетария Гордон Атуотер – за то, что посмел дать о книге Великовского положительный отзыв, пусть и с оговорками. Декан физико-математического факультета Чикагского университета заставлял своих подчиненных отправлять в «Макмиллан» письма протеста против публикации «Мир в столкновении». Тем, кто заявлял, что Великовского не читал, а потому и судить не может, декан с простодушным цинизмом объяснял: читать ничего и не надо, у его секретарши на столе лежит готовый текст коллективного письма, остается только пойти и подписать...

Чем это отличается от иных «проработочных кампаний» в СССР? Да ничем, думается мне. Корифеи науки, разъяренные книгой Великовского, наперебой публиковали в американской прессе разгромные рецензии... в которых с тем же цинизмом признавались, что книгу они, собственно, не читали и читать не будут...

Кстати, прошло не так уж много времени, и ученый мир сконфуженно заткнулся – когда новейшие исследования показали,

что прав как раз Великовский. Ученые тогда считали, что температура на Венере «лишь немногим выше земной» – а Великовский утверждал, что на Венере стоит жара в сотни градусов выше нуля. И оказался прав. Как и в том случае, когда утверждал, что Юпитер обладает мощным радиоизлучением. Десять месяцев ученый мир вышучивал его, как мог – а потом два американских астронома обнаружили мощные радиосигналы, излучаемые Юпитером. «Невежда» и «шизофреник» Великовский предсказал, что земной шар обладает магнитосферой, простирающейся до Луны – и «профессионалы» высмеивали его два года. Потом перестали – потому что магнитосфера была обнаружена...

У меня накопилась неплохая подборка фактов, показывающих, как ученая мафия гляциологии, археологии, палеонтологии расправлялась (к счастью, не физически) с теми «еретиками», кто дерзал отстаивать «неправильные» гипотезы. Но это будет темой следующей книги, а пока что позвольте представить читателю вовсе уж вопиющий пример, случившийся не в какой-нибудь «банановой республике» с ее военными диктаторами и тайной полицией, а в Новой Зеландии, стране вполне демократической, входящей в Британское Содружество.

Суть проста и невероятно цинична. В означенной стране на протяжении последнего двадцатилетия пышным цветом расцвела та самая пресловутая «политкорректность». «Коренное» население, маори, искусственным образом поставлено в положение этакой «священной коровы». Споры нет, английские колонизаторы в свое время творили над маорийцами немало зверств, но если бы дело было только в том, чтобы справедливо осудить прошлое...

Практически на официальном уровне объявлено, что «бледнолицая» часть населения, потомки английских поселенцев, обязаны еженощно и ежедневно, триста шестьдесят пять дней в году испытывать чувство вины перед народом маори, «страдающим от постколониальной травмы». При этом не имеет значе-

ния, идет ли речь о праправнуках колонизаторов или людях, чьи прадеды совершенно непричастны к бывшему геноциду. В Новой Зеландии язык маори объявлен «вторым государственным» наряду с английским – хотя среди самих маори на нем сейчас мало кто говорит. И вовсе уж запретная тема – любые упоминания о бывшем каннибализме древних маорийцев...

Так вот, в довершение всего началось переписывание *реальной* истории...

Принято считать, что история Новой Зеландии началась с приходом сюда маори, примерно в 1250–1350 гг. от Р. Х. До этого Новая Зеландия якобы была безлюдна и пуста, и даже дух Божий не носился над водами...

Одна загвоздка: слишком много свидетельств, что еще *до* прибытия маори в Новой Зеландии обитали люди какой-то другой расы, не имевшие с маорийцами ничего общего, никакого родства. Имелись кое-какие археологические находки, эту гипотезу подтверждавшие. А в середине восьмидесятых годов прошлого столетия произошло и вовсе уж скандальное событие... В лесу Вайпуа археологи обнаружили целый город, и немаленький: более чем две тысячи построек, сложенных из камня. Город занимал площадь в 250 гектаров. Анализы показали, что постройки были возведены за *пятьсот* лет до того, как маори появились в этих местах.

Скандал был страшный. Были свидетели, которые клялись и божились, что не кто иной, как мистер Нед Натан, глава Новозеландского Археологического Консультационного комитета, познакомившись с результатами анализов, не сдержался и возпил в совершеннейшей растерянности:

– Это же на пятьсот лет раньше, чем мы добрались сюда!
(Мистер Натан – маори по национальности.)

Тут же нашлись циники, вслух задавшие вопрос: в таком случае, чего стоят громогласные требования маори вернуть им их «исконные земли, отторгнутые белыми колонизаторами»? Ведь если маори здесь не первые, если сначала именно они истреби-

ли и вытеснили прежних жителей, а уж потом их разбойничью добычу перехватили британцы, то, воля ваша, получается как-то неудобно...

Скандал разгореться не успел. Вмешалось правительство, которое «в интересах политики»... засекретило результаты раскопок в лесу Вайпуа! Официальным образом. Специальным постановлением. Отчеты археологов запечатаны в спецхран и достоянием общественности смогут стать лишь... в 2063 году. Произошло это примечательное событие еще в 1988 году. Этаким вот образом на «цивилизованном Западе» идут научные дискуссии.

Право же, на фоне новозеландских инноваций вовсе уж вегетариански выглядят корифеи отечественной Академии наук, которые недавно шумно требовали от правительства ввести цензуру, то есть такой порядок, по которому именно «профессиональные историки» получают право оценивать любую рукопись, касающуюся исторической науки, – и, как легко догадаться, запрещать все, что не отвечает «правильным» взглядам. Эти недоумки, полное впечатление, всерьез полагали, что правительство российское этот проект одобрит и ради удовлетворения амбиций ученых мужей испортит свою репутацию перед всем миром (легко представить, как мировое сообщество отнеслось бы к введению в России цензуры, пусть и «академической»...).

В общем, как воскликнул однажды в сердцах дон Румата: «Эх, историки, хвостом вас по голове...»

Поговорим о летописях и письменных источниках. В подходе к ним ученый мир и здесь демонстрирует ту самую вопиющую нелогичность, свойственную в первую очередь душевнобольным и членам тоталитарных сект. Вообще-то летописи и старые книги историки признают в качестве ценного источника – но исключительно до тех пор, пока этот источник держится в русле их собственных теорий. В случае, если старинный книжник написал нечто неудобное для современных «обладателей высшего знания», в ход идут два привычных штампа: «Летописец ошибался» и «Мы имеем дело с позднейшей вставкой». И то и другое определяется

тем же самым волшебным и мистическим «научным методом», который не в состоянии осознать профаны. Хотя суть его предельно ясна: если какой-то абзац стал нашему ученому поперек профессиональной души, то летописец ошибался, либо кто-то когда-то вписал новые куски. Почему? А по кочану...

Порой доверие к «древним рукописям» играет с учеными злые шутки. Вот, скажем, взять хотя бы недавний камерный скандалчик в Британском музее. Более *шестисот* «древнекитайских рукописей» оказались фальшивками чистейшей воды. Оказалось, жил в Китае, еще в первой трети двадцатого столетия, некий жадный на деньги и весьма смысленый абориген, который за приличную плату десятилетиями снабжал почтенных посланцев Британского музея этими «древнейшими» манускриптами, которые изготавливал собственной рукой. А потом, хотя и не будучи большевиком, осознал, должно быть, все выгоды колхозного хозяйства – всех своих пятерых сыновей обучил тому же ремеслу. Пятеро добрых молодцев с батькой во главе по-стахановски штамповали «древние рукописи» до 1949 года, пока в Пекин не вошли части Мао Цзе-Дуна. Это историческое событие лишь ненадолго прервало ударную работу на благо британской исторической науки – вся семейка слиняла в Гонконг, где еще не один год продолжала радовать достопочтенных музейщиков раритетами один другого краше, которые «с риском для жизни вывезены из красного Китая». Вскрылась эта история лишь в прошлом году. Так что ходят разговоры, что число в шесть сотен – лишь предварительные прикидки, а на самом деле трудовая династия впарила британцам гораздо больше фальшивок. И все бы ничего, но вы представляете, сколько уже диссертаций защищено на основе этой *залетухи*, сколько ученых трудов вышло в свет, сколько научных карьер расцвело пышным цветом? И если вы полагаете, что в результате сих шокирующих разоблачений хоть кто-то из историков публично откажется от научного звания, полученного за изучение «раритетов» кухонного производства, либо вернет гонорар за книги и статьи, то вы плохо знаете историков...

И в завершение главы мы познакомимся с очередным старинным текстом, напрочь опровергающим «традиционную» историю. Текстов таких множество. Поскольку подлинность их оспаривать невозможно, но и признать изложенное в них означало бы собственными руками уничтожить основы своего же благополучия, ученый мир подобные труды старается особо не афишировать. Хорошо еще и воспрепятствовать публикации не в силах. Вот и выходят в свет кое-где у нас порой крохотными тиражами книги, с точки зрения фундаменталистов от истории, просто не имеющие права на существование. А у автора этих строк есть циничная привычка подобные издания отслеживать и покупать, не обвиняясь ценой...

Итак... Жил-поживал в XII веке от Рождества Христова в городе Туделе, что в королевстве Наварра, уважаемый еврей (не сионист!) раби Вениамин, сын Ионы. Предполагают, что главным его занятием было купеческое дело, но в то же время раби Вениамин был не чужд книжной учености. И однажды он предпринял долгое путешествие от Сарагосы до Багдада...

В те времена «простой» туризм был совершенно не в ходу, до чисто туристических поездок оставались сотни лет. Путешествия предпринимались исключительно с утилитарными целями: паломничества, дипломатические миссии, дела купеческие, шпионаж (впрочем, две последние функции в те времена совмещались в ста процентах случаев). Точно так же и раби Вениамин отправился в долгий путь не просто посмотреть мир и людей – а чтобы собственными глазами увидеть, как живут еврейские общины там, где они есть. Впрочем, на единоверцах Вениамин не замыкался, он старательно и подробно описывал все, что видел сам либо слышал от заслуживающих доверия людей – и не только то, что касается евреев.

Как уже говорилось, в подлинности «Книги странствий раби Вениамина» ученый мир не сомневается. Некоторые разночтения имеются лишь в том, что касается сроков его путешествия: одни полагают, что оно состоялось в 1160–1173 гг., другие счи-

тают, что странствовал Вениамин на пять лет меньше – 1166 – 1173 гг. Но это, право же, несущественно. Главное, книга Вениамина рисует совершенно *иную* историю, совсем не ту, что вбивали нам в головы господи оккультисты-скалигеровцы...

Начнем с того, что раби Вениамин, описывая достопримечательности Рима, перечисляя тамошние дворцы... ни словечком не упоминает о Колизее, мимо которого, кажется, не прошел ни один из путешественников, составивших заметки о Риме. Рассказывает о дворцах, об отдельных статуях, привлечших его внимание – но о Колизее молчит... Быть может, правы те приверженцы «короткой хронологии», которые считают Колизей постройкой Средневековья, и не раннего, а позднего, века этак четырнадцатого?

Зато наш путешественник рассказывает об интереснейших памятниках, которые ныне, к сожалению, утрачены. Один из римских царей, желая увековечить память об одной из гражданских войн, «приказал изваять из мрамора ее изображение, поставив людей на лошадях в доспехах и в боевом виде, отряд против отряда». Этот мемориал современной науке неизвестен, должно быть не вынес превратностей бытия в виде вражеских нашествий и мародерства.

В римской церкви св. Иоанна у алтаря стояли две медные колонны, изготовленные по велению библейского царя Соломона. Где они сегодня, остается лишь гадать.

«Перед Латеранским собором стоят изваяния Самсона с копьем в руке, Авессалома, сына Давидова, и царя Константина, основателя города, который по его имени назван Константинополь. Конная его статуя вылита из меди и покрыта позолотой».

Уж не идет ли речь о сохранившейся до наших дней конной статуе, которую современные историки считают изображением Марка Аврелия? Хотя средневековые европейцы, писавшие после Вениамина, отмечали, что римляне упорно считают эту статую как раз медным подобием Константина...

То, что Вениамин не выдумал виденные им диковины, а наблюдал нечто существовавшее в реальности, сплошь и рядом подтверждается другими свидетельствами. Скажем, Вениамин пишет об очередной римской достопримечательности: «Там же видна подземная пещера, где находят царя и царицу, сидящих на тронах, и с ними около ста человек вельмож и приближенных, и все это, набальзамированное медицинским искусством, сохранилось по сей день».

В том, что речь идет о реальном способе погребения, определенно бытовавшем в раннем Средневековье, убеждает другой источник, даже более ранний, чем книга Вениамина, относящийся к 1000 г. по Р. Х. Когда по приказу императора Оттона III вскрыли гробницу Карла Великого, то в подземелье обнаружили опять-таки набальзамированные останки, сидящие в кресле: «Мы вошли к Королю и обнаружили его не лежащим, наподобие других мертвых тел, а сидящим на стуле, будто живой. На нем была золотая корона, а в руках он держал скипетр».

Но не это самое интересное. Оказывается, римские укрепления построены, чтобы защитить город... от библейского царя Давида, по традиционной версии истории, обитавшего в Палестине! «Отсюда на расстоянии пятнадцати миль дорога идет под горами; построена она римским царем Ромулом, основателем города Рима, из страха перед Давидом, царем израильским, и его военачальником Иоавом. По этой же причине он сделал постройки как наверху (гор), так и под горами, где стоит Неаполь. Этот весьма укрепленный город, лежащий на берегу моря, построен греками».

Каково?! В библейской истории ни словечком не упоминается о каких бы то ни было *морских* походах царя Давида. Объяснение возможно одно-единственное: если римский царь возводил вокруг своей столицы укрепления, опасаясь нападения царя Давида, следовательно, Давидово царство находилось где-то совсем *рядом* с Римом, а не на Ближнем Востоке. Есть какая-то другая версия?

Между прочим, о том же самом писал и Иосиф Флавий: «Ромул опасался Давида, окружал дворцы своих предшественников стеной в сорок пять миль длиною, и назван был город этот Римом, по имени царя Ромула».

Как неодобрительно отмечают современные историки, «в ряде еврейских исторических сочинений приводится *мифическая* генеалогия, возводящая основателей Рима к Исаву».

То есть – еще одному знаменитому библейскому персонажу, обитавшему якобы в Палестине. «Мифической» генеалогия эта объявляется исключительно потому, что нынешним историкам она не по нраву. В задачу данной книги не входит доказывать, что библейская Палестина находилась все же в Европе – об этом и до меня написано много. Скажу лишь, что в русле *этой* версии книга Вениамина выглядит вполне логично и естественно.

Интересно, что, по мнению Вениамина, и валахи (народ, вошедший ныне в состав молдавской нации) – тоже, быть может, еврейского корня. «Здесь начинается Валахия, обитатели которой, называемые валахами, живут в горах; они легки, как серны, спускаются со своих гор для грабежа и добычи в страну греческую*. Никто не может взобраться к ним, чтобы вызвать их на войну, и ни один царь не может покорить их своей власти; они не строго соблюдают уставы христианской веры и называют друг друга еврейскими именами. Иные говорят даже, что они некогда были евреи и звали последних своими братьями; поэтому, когда им попадают евреи, они только грабят их, а не убивают, как поступают с греками...»

Из Европы раби Вениамин отправился на Ближний Восток – и, что характерно, *там* как раз евреев крайне мало: в «весьма многолюдном» Иерусалиме их всего-то двести человек, которые занимаются исключительно ремеслом красильщиков (вся

* В XI в. валахи занимали часть горной Греции, с чем современная наука полностью согласна.

еврейская ученость сосредоточена как раз в Европе, и самые крупные общины тоже).

Та же картина, собственно, по всей библейской Палестине: в «библейском Сунаме» евреев, правда, аж триста, зато в «древней Мареше» всего трое, в «древней Раме» тоже трое, в «древней Иопии» отыскался один-единственный еврей, опять же красильщик. В «древней Гиве Сауловой» евреев Вениамин не отыскал вообще...

Иерусалим, кстати, описан Вениамином так, что лишний раз убеждаешься: *этот* населенный пункт совершенно не подходит на роль библейского многолюдного, могучего и великого города. В первую очередь оттого, что «там очень мало воды. Большая часть жителей Иерусалима употребляют дождевую воду, которую они собирают в цистерны в своих домах».

Справедливости ради стоит отметить, что следы некоего древнего и *значительного* присутствия евреев в Палестине все же имеются (что ничуть не противоречит версии, по которой *основная* часть библейских событий происходила как раз в Европе). Оказывается, во времена Вениамина те места полны могил библейских героев. И не только могил. В Иерусалиме, пишет Вениамин, и в самом деле сохранилось величественное здание, построенное царем Соломоном, но это вовсе не знаменитый храм! «В Иерусалиме есть здание, построенное царем Соломоном из громадных камней под конюшни; здание чрезвычайно солидное, подобного которому нет во всем свете». Современной истории «соломоновы конюшни» опять-таки неизвестны...

Что до могил, подробно описанных раби Вениамином, – какое созвездие имен...

Под Иерусалимом – гробница царя Иосии. В Вифлееме – могила Рахили: «Этот памятник составлен из одиннадцати камней, по числу детей Иакова; над ним купол на четырех колоннах, и все евреи, проезжающие мимо, записывают имена на камнях памятника». На некоем «поле Махпела» сохранился... дом патриарха Авраама (значит, не так уж и много столетий прошло

со времен «древней» библейской истории, если дом сохранился?!) В Силоме – гробница Самуила.

Чуть позже, отправившись из Палестины на Восток, Вениамин и там находит немало могил главных библейских персонажей, в том числе недалеко от Евфрата – гробницу пророка Иезекииля, «огромный великолепной работы купол, построенный Иехонию, царем иудейским, пришедшим сюда с тридцатью пятью тысячами евреев... Иехония и все пришедшие с ним написаны на стене: Иехония во главе, Иезекииль в конце».

Гробница Иезекииля служит местом регулярных и многолюдных паломничеств евреев из самых дальних стран. Кроме того, могилу пророка почитают и мусульмане: «Также дети вельмож измаильских* являются сюда молиться, из особого благоговения к пророку Иезекиилю блаженной памяти».

Обратите внимание на важную деталь, о которой мы поговорим позже: «Там же большой принадлежащий святилищу дом, наполненный книгами, между которыми есть книги времен Первого и Второго Храма Иерусалимского. Кроме того, всякий умирающий бездетным жертвует свои книги в это хранилище».

В полумиле от этого «мемориального комплекса» – гробницы Анании, Мисаила и Азарии, «и над каждой гробницей большой купол». Есть могила Ездры, автора одной из библейских книг. У реки Тигр – гробница пророка Даниила. В Хамадане – могилы Мардохея и Есфири...

Вполне возможно, какие-то из этих гробниц могли оказаться ложными, устроенными специально, чтобы собирать денежку с доверчивых паломников... Вениамин сам пишет о том, что наблюдал в Хевроне: «Христиане сделали шесть могил и назвали их именами: Авраама, Сарры, Исаака, Ревекки, Иакова и Лии; говорят всем путешественникам, что это гробницы патриархов, и собирают деньги». Но весьма сомнительно, чтобы поддельными могилами были *все*.

* Считается, что арабы происходят от библейского Измаила.

Ни одна из перечисленных гробниц сегодняшней исторической науке не известна, а это, признаться, странно: почему оказались в забвении могилы известнейших, выдающихся, святых для всякого иудея людей, к которым «не зарастала народная тропа»? Как случилось, что их уничтожили?

Велик соблазн объявить все вандализмом мусульман – но, как мы только что прочли, мусульмане и сами почитали пророка Иезекииля, а значит, ни за что в жизни не посягнули бы на его гробницу – в исламской традиции такое решительно невозможно. Вениамину рассказывали местные жители, что во время любых войн, кем бы они ни велись, и евреи, и мусульмане десятой дорогой обходили считавшуюся неприкосновенной могилу. Точно так же мусульмане ни за что не могли посягнуть на гробницу Ездры, которого тоже почитали – настолько, что рядом с синагогой близ могилы поставили свою мечеть...

Тогда? Есть сильные подозрения, что все эти гробницы могли быть уничтожены уже в относительно новые времена – когда после долгих перипетий все же победила скалигеровская хронология. Обратите внимание: на гробнице Рахили паломники писали свои имена (а может, и какие-то другие тексты), гробница Иезекииля была покрыта письменами, и при ней имелась большая библиотека...

Не исключено, что в этих надписях и в этих книгах могло содержаться *нечто*, самим своим существованием опасное для «длинной» хронологии. А беззастенчивость историков, без колебаний уничтожавших «неудобные» надписи и книги, если к тому была хоть малейшая возможность, общеизвестна. Сохранилось множество «древних» надписей на камне, где часть их вытерта *избирательно*, так что это никак не может оказаться результатом разрушительного действия природы...

Но это еще цветочки. Переступив границу Персидского царства, раби Вениамин... попадает в «древнюю Ассирию»! Да-да, в ту самую «древнюю Ассирию», которая, если верить «долгой» хронологии, якобы перестала существовать за тысячу восемь-

сот лет до рождения нашего путешественника. Выясняется, что ничего подобного. Персидское царство – это и *есть* «древняя» Ассирия. Вениамин приезжает в город, который *теперь* называется Аль-Моцр, или Мосул, но это и *есть* «древний» Ашшур Великий, якобы стертый с лица земли еще в седьмом веке до Р. Х. и с тех пор так и не возродившийся. Ашшур преспокойно существует, как и Ассирия, обитатели которой, разумеется, еще не подозревают, что их страна провалилась в историческое забвение аж тысячу восемьсот лет назад...

Здесь же – и «древняя» Ниневия, совсем неподалеку от Ашшура. Та самая Ниневия, которая, по уверениям «правильных» историков, тоже была напрочь уничтожена за тысячу восемьсот лет до Вениамина. Да, некая «старая» Ниневия и в самом деле лежит в развалинах, но это только часть города, который Вениамин видел своими глазами. «Старая» Ниневия – на одном берегу реки, а «новая» – на другом, только и всего...

Далее – еще интереснее. Вениамин из Багдада добирается до Вавилона. Вавилон, правда, лежит в развалинах, но «там доселе еще существует разрушенный дворец Навуходоносора, в который, однако, все боятся входить, за множеством гнездящихся там змей и скорпионов».

Для тех, кто слабо знаком с предметом: «правильная» история относит вавилонского царя Навуходоносора к шестому веку до Рождества Христова. Более чем полторы тысячи лет прошло с момента его смерти до приезда Вениамина... но дворец, хотя и *частично* разрушен, все же находится в таком состоянии, что в него можно *войти*, вот только мало кто на это решается из-за змей и скорпионов. В реальной жизни такого попросту не бывает – чтобы оставленные без присмотра развалины простояли свыше полутора тысяч лет. За это время любая самая прочная постройка, будучи брошенной человеком, сравняется с землей – еще и оттого, что хозяйственное окрестное население очень быстро растащит для своих нужд все, что только может пригодиться. Так полторы тысячи лет лежит меж Навуходоносором и

Вениамином или все же полтора *столетия*? Второе гораздо больше похоже на правду...

Вот и Вавилонская башня: «выстроена она из кирпича, называемого лагур, длина ее в основании около двух миль, ширина 240 локтей, а длина 100 канн» (канна – $1\frac{1}{3}$ локтя. – А. Б.); сделанные между каждыми семьюдесятью локтями дорожки вели к ступеням спиральной лестницы, по которой можно было подняться на самый верх башни; отсюда открывается пространство на протяжении двадцати миль, так как страна вокруг обширная и плоская; но небесный огонь, упавший на эту башню, разрушил ее до основания».

Далее Вениамин отправляется в персидский Хузестан, он же древний Елам – и там обнаруживает еще один «невероятно древний» памятник архитектуры: «Там среди развалин видны еще остатки древнего столичного города Шушана (Суз), с дворцом царя Артаксеркса, большим и красивым зданием древних времен».

Последний из трех царей по имени Артаксеркс, как уверяет нас «правильная» история, умер в *четвертом* веке до Рождества Христова. Снова та самая невероятная, поразительная сохранность здания, какой в жизни не бывает. Ведь, как явствует из текста, дворец подвергся разрушительному влиянию времени, но еще вполне *можно* определить, что он «большой и красивый» – это через полторы тысячи лет? Позвольте усомниться. «Тысячу» лет наверняка имеет смысл заменить на «сотню».

Разумеется, книга Вениамина не избежала «правильных» комментариев историков, как это принято. Эти комментарии, как и следовало ожидать, вновь вызывают тягостное недоумение. Вот, скажем, Вениамин, будучи в Багдаде, узнал имя тамошнего калифа – Аббасид Ахмед. Бдительный историк тут же поправляет: «На самом деле Вениамин мог застать либо халифа Мустанджида (1160–1170), либо халифа Мустади (1170–1180)...

Осознаете? Вениамин *сам* был в Багдаде и *самолично* интересовался у его жителей, как зовут их государя. Живущий более

чем восемьсот лет спустя историк тех времен, разумеется, не застал – но он «знает лучше»...

А Вениамин, кстати, продолжая путешествовать по Персии, ненароком оказывается в «древней» Мидии, которой уже полторы тысячи лет как не положено существовать – согласно скалигеровской хронологии, – а «древняя Мидия» тем не менее нахально существует в XII веке от Рождества Христова...

Буквально через несколько лет после смерти Вениамина по тем же примерно местам путешествовал еще один еврейский книжник, раби Петахия из немецкого Регенсбурга. Что интересно, его «Странствие раби Петахии Регенсбургского» опять-таки насыщено «еретическими» с точки зрения скалигеровщины деталями.

Точно так же, как его предшественник, Петахия без всякой машины времени оказался в «древней» Ассирии. И подробно описал, что же произошло со «старой» Ниневией: судя по описанию, не было никакого нашествия врагов, а попросту произошла некая экологическая катастрофа довольно скромных, впрочем, масштабов – «вся ниневийская земля черна, как смола, и лучшее место Ниневии, где был центр города, превратилось, подобно Содому, в пустыню, так что там нет ни травы, ни растения». А жители, перейдя на другой берег реки, просто-напросто построили там новый город.

Как и Вениамин, Петахия преспокойно путешествует по «древним» Вавилонии (со столицей в Багдаде, так что Багдадский халифат и «древняя Вавилония», выходит, одно и то же), Ассирии и Мидии. Посещает гробницу Иезекииля, «великолепный и обширный дворец», который, кроме евреев, посещает *всякий* мусульманин, отправляющийся в Мекку. Находит многие из упомянутых Вениамином могил – а также гробницу Иисуса Навина...

Особо следует подчеркнуть, что путешественники-книжники – не какое-то досадное исключение из правил. И Вениамин, и Петахия держатся в русле географическо-исторических пред-

ставлений *своего* времени. Скалигеровская хронология-география-история полностью утвердилась лишь к концу *восемнадцатого* столетия – а до того повсеместно в ходу были совершенно *другие* представления о хронологии и географии. Практически *все*, а не «отдельные невежды, одержимые анахронизмами», писали нечто абсолютно противоречащее *нынешним* представлениям. «Древняя Мидия» была всего-навсего частью Персии – именно в таком качестве она фигурирует на картах первой половины восемнадцатого века. Столь же «древняя» Парфия, якобы исчезнувшая за несколько столетий до Рождества Христова, как реальная страна присутствует на множестве карт – например, на карте мира Бернарда Сильвануса, изданной в Венеции в 1511 году.

Французский поэт Гугон Орлеанский, написавший поэму «Стих о татарском нашествии», упоминает и «древнюю» Мидию в числе опустошенных татарами стран. А поскольку Гугон, как считается, умер около 1160 года, за восемьдесят лет до «официального» вторжения татар в Европу, дело принимает и вовсе пикантный оборот. Положительно что-то неладно в исторической науке...

Согласно французскому книжнику Жану Бодену (XVI в. от Р. Х.), ассирийцы, парфяне, турки и татары существуют *одновременно*, воюя меж собой. Тот же Боден именует родную Францию исключительно Галлией – в полном соответствии с точкой зрения современных ему картографов, которые часть Франции упрямо обозначают на картах как «Галлию».

«Античный» историк Иосиф Флавий мало того, что прекрасно осведомлен о существовании Нового Света (значит, жил уже после плаваний Колумба), в своих «Иудейских древностях» подробно описывает, как библейский царь Ирод, «древние римляне» и Александр Македонский то и дело воюют с... арабами.

Ну а «древние» названия «Скифия» и «Сарматия» постоянно используются западноевропейскими книжниками применительно к Московии и Польше (а иногда и к крымским татарам).

Персидский поэт Низами (умер в 1209 г. от Р. Х.) пишет о сражениях Александра Македонского с... *руссами*.

Русский историк Андрей Лызлов (умер в конце XVII в.) подробно повествовал, как татары изгнали из *Скифии* «древнего» персидского царя Дария Гистаспа, убили не менее «древнего» персидского царя Кира и нанесли поражение одному из полководцев Александра Македонского.

Полное впечатление, что под «Иерусалимом» в Средневековье понимали вовсе не *тот* город, что расположен в Палестине. Как явствует из «Тысячи и одной ночи», Синдбад-Мореход прибывает в Иерусалим... *морем*. Хотя кто-кто, а уж арабы должны вроде бы прекрасно знать палестинский Иерусалим... впрочем, его-то они как раз и не знают, а знают селеньице Эль-Кудс...

В 1422 году увидела свет поэма «Сфера» некоего Горо Дати, проиллюстрированная картами. На одной из них Иерусалим опять-таки находится подозрительно близко от моря. Мало того, он изображен в качестве могучего, несомненно христианского города, окруженного внушительными крепостными стенами, над которыми вздымаются четыре церковных шпиля с крестами. Меж тем *палестинский* Иерусалим в то время был убогой деревушкой без единой христианской церкви... Быть может, библейский Иерусалим – это все же Константинополь?

Наконец, средневековая Европа, полное впечатление, и представления не имела, что меж кончиной Иисуса Христа и первыми крестовыми походами прошла целая *тысяча* лет. Она жила по какому-то *другому* календарю и пользовалась совершенно *другой* хронологией.

Иначе как прикажете объяснить любопытную закономерность, которой я за неимением предшественников дал название «библейская дуга»?

На Руси столетиями верили, что крестил ее не кто иной, как сам апостол Андрей Первозванный.

В Польше столь же долго и упорно сохранялось убеждение, что самую почитаемую польскую обитель, монастырь Богома-

тери Ченстоховской, основал *сам* евангелист Лука. И он же написал икону Ченстоховской Божьей Матери.

В Италии, в городе Лорето, до сих пор в качестве реликвии сохраняется домик, где... родилась Богородица! История этой святыни уходит в незапамятные времена, и она столь почитаема, что с пришествием скалигеровской хронологии с домиком не решились ничего поделывать. Правда, пришлось придумать легенду, будто ангел божий «перенес» этот дом из Палестины. Но это именно что легенда более позднего происхождения. Так *где* же происходили описанные в Библии события? При том, что первые, не подчищенные еще должным образом русские издания Библии рисуют Палестину как страну с довольно суровым климатом, где частенько идет зимой снег, а реки замерзают на зиму...

Франция. Там опять-таки столетиями держалось стойкое убеждение, что Сен-Дени, святой Дионисий, небесный покровитель страны – не кто иной, как Дионисий Ареопагит, *современник* и сподвижник Христа, основавший во *Франции* не одну церковь, бывший в Париже...

Испания. Там отчего-то считают, что к становлению испанской католической церкви приложил руку еще один апостол, Иаков, там же, в Испании, и похороненный.

Англия. Там убеждены, что монастырь в Гластонберри заложил не кто иной, как Иосиф Аримафейский, еще один современник и сподвижник Христа...

Как прикажете все это объяснить? Списать эти странности на «невежество» средневекового народа? Или все же набраться смелости и признать, что эта пресловутая «тысяча лет» существовала лишь в воображении оккультистов вроде Скалигера? Ведь *вся* Европа, от Руси до Атлантики, жила когда-то по *другой* хронологии...

Еще о летописцах. Прекрасный пример того, как опасно современной науке *всецело* на них полагаться, дает знакомство с трудами Прокопия Кесарийского (пятый век по Р. Х.). Дело даже

не в том, что означенный Прокопий из поэтических, должно быть, соображений откровенно фальсифицировал события. Он, например, объединил три осады Аларихом Рима (408–409, 409 и 410 гг.) в одну и изложил в «античном» литературном стиле. А потому историки меланхолично отмечают: «Так была создана историческая новелла, не вполне соответствующая реальным обстоятельствам осады, хотя, несомненно, имеющая историческую канву».

Не в том даже дело... Все гораздо пикантнее. Прокопий, сукин кот, сочинил *две* версии византийской истории – официальную и, так сказать, диссидентскую. В «Войне с персами» и «Войне с вандалами» он льстил и славословил. Император Юстиниан – светоч мудрости и государственного ума, его полководцы и министры – достойнейшие, честнейшие и умнейшие люди, императрица – честнейшей души образец... И так далее.

А параллельно, закрывшись на семь замков и, без сомнения, мстительно хихикая, Прокопий сочинил «Тайную историю», которую благоразумно не показал никому при жизни, потому что моментально стал бы на голову короче. Там все выдержано в совершенно иных красках. Император – злыдень, садист и недоумок, занятый дурацкими проектами, полководцы лепят ошибку на ошибку и друг дружке глотку порвать готовы, министры – казнокрады и вымогатели, императрица – бывшая актриска-шлюха да вдобавок замешана в убийстве королевы готов... Словом, по Гоголю: один прокурор порядочный человек, да и тот – свинья...

Так *какой* же хронике прикажете верить – двум насквозь официозным или «разоблачительному мемуару»?

А впрочем, и с «Тайной историей» не все гладко. Как это частенько (практически всегда) случается с «древними рукописями», ее *единственный* экземпляр где-то провалялся более тысячи лет, счастливо избежав плесени и мышей, был обнаружен только в *семнадцатом* столетии – и потом, вплоть до начала века *двадцатого*, ученый мир ожесточеннейшим образом дискути-

ровал на тему его подлинности и принадлежности перу Прокопия. Лишь сто лет назад наконец-то *договорились* считать: и рукопись подлинная, и писал ее Прокопий. Именно что – договорились. Как обычно...

Самое смешное, что порой забавы ученых историков как две капли воды похожи на создание мифа о «предсказателе монахе Авеле».

Читатель, интересующийся загадочным и таинственным, конечно же, слыхивал об этой незаурядной личности. Ну как же... Оный Авель прозорливо предсказал массу исторических событий, которые впоследствии не замедлили свершиться: и смерть Екатерины II, и убийство Павла I, и сожжение Москвы французами, и, кажется, чуть ли не дефолт 1998-го. Всякий раз его при известии об очередном неудобном предсказании сажали под замок – а потом, когда предсказание становилось явью, выпускали с извинениями и одаривали рублем. Мало того, парочка российских самодержцев лично беседовала с Авелем и вообще принимала активное участие в его судьбе...

Вынужден разочаровать, но все это – брехня. Чуть собачья. Не было никакого Авеля, не было его предсказаний, не было ни отсидок, ни награждений, ни бесед на равных с самодержцами всея Великия, Белья и Серья...

Единственный «источник» сведений о прорицателе Авеле – статья в журнале «Русская старина», в одном из номеров за 1878 год, автор которой благоразумно предпочел остаться неизвестным. Единственный, повторяю, источник. Ни единого упоминания о «прорицателе Авеле» нет ни в серьезных исторических трудах, ни в воспоминаниях живших в те времена людей, ни в «приходно-расходных» книгах учета арестантов государственных темниц, ни в монастырских бумагах. Просто-напросто однажды родившийся миф зажил самостоятельной жизнью, историю досочиняли и дополняли собственными фантазиями, так что, по-моему, уже целая книга недавно появилась о «монахе Авеле».

Так вот, буквально такими же методами сплошь и рядом работает историческая наука: ухватившись за неведомо кем сочиненную побасенку, ее в конце концов, раскудрявив плодами собственной фантазии, предъявляют общественности уже в виде «непреложной истины»...

А теперь, если вы еще не заскучали, слушая об унылых ученых материях, перейдем к разговору еще об одном серьезнейшем пороке, присущем лженауке по имени «история»...

Глава вторая

ГОЛОВОЛОМКИ И МИРАЖИ

С давних пор существует такое понятие – «европоцентризм». Это не официальный термин, потому что на *словах* ученый мир, делая страшные глаза, от этого понятия старательно отрешивается, но тем не менее сплошь и рядом руководствуется именно им в своей загадочной шаманской деятельности...

Европоцентризм – это, грубо говоря, шовинистическая теория, согласно которой абсолютно все мало-мальски передовое, новое, прогрессивное зародилось именно в Европе, каковая испокон веков была светочем цивилизации, кузницей прогресса и недостижимым эталоном. Ну а слово «Азия» стало прямо-таки синонимом вековой отсталости, дикости, варварства и примитива.

Точка отсчета прослеживается довольно четко: в начале 30-х годов XIX века в германскую философию был введен тезис об «исторических» и «неисторических» народах. К последним сумрачный германский гений отнес, между прочим, и русских, не способных к созданию самостоятельного государства: как же, «все знают», что государственность на Русь принесли славные германцы, то бишь варяги, которых Русь лапотная сама же и призвала в правители по причине собственной неспособности наладить нормальную жизнь...

Именно из этого тезиса, кстати, и растут ножки людоедских упражнений господ в черных мундирах со свастикой на рукаве, которые так решительно взялись делить народы на «высшие» и «низшие», что останавливать их посредством танков и бомбардировщиков пришлось едва ли не половине человечества...

Но разговор не об этом. Как ни странно, в современной истории *до сих пор* господствует этот самый тезис, придуманный тевтонами еще во времена заржавшихся с дула ружей и спичек, которые следовало чиркать о подошву ботинка. Он, правда, сформулирован не так откровенно, об «исторических» и «неисторических» народах прямо не упоминается, но изучение и преподавание истории сплошь и рядом к тому и сведено.

Большая история кроится по нехитрому шаблону. Есть «цивилизации» и есть «варварский мир». К первым относятся «античная» Греция, «древний» Рим, не менее «древний» Египет, а также страны «древнего Востока»: Ассирия, Шумер, Хеттская держава и еще пара-тройка государств, если так можно выразиться, цивилизованностью пониже, но все равно допущенных в некий клуб «исторических народов». Ко вторым, как легко догадаться, причисляется весь окружавший эти «светочи цивилизации» мир, и в особенности – Азия.

Давным-давно разработана специальная терминология, призванная эту дискриминацию подчеркнуть, выделить и углубить. Древний Рим населяли *народы*. Варварский мир – *племена*.

Племена, которым и имен-то не полагается! Если во всем, что касается шумеров, хеттов, эламитов и прочих «исторических» народов, ученый мир использует массу деталей и подробностей (большей частью – плод догадок и буйной фантазии), то современники вышеназванных, обитавшие вне «цивилизационного поля», лишены даже каких бы то ни было *названий*. Случилось мне однажды познакомиться с капитальным трудом некоего А. И. Мартынова «Археология», отрекомендованным как «учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и

специальности "История"». Впечатление? Тягостного недоумения – вот как, оказывается, студентов учат древней истории...

На огромных «неисторических» пространствах обитали, изволите ли видеть, некие безликие «культуры». Именно так они и именуется: «культура шнуровой керамики» (поскольку украшали сосуды отпечатками шнуров и веревок), «катакомбная культура» (потому что хоронили своих покойников в особых подземельях), «культура боевых топоров» и даже «культура колоколовидных кубков». Простор для творчества обширнейший. «Культура шаровидных амфор», «культура узкогорлых кубков», «ямная культура», «курганная», «культура погребальных урн».

Тут же честно уточняется: кто были те самые представители «культуры битых амфор» и «культуры кривых копий», современной науке неизвестно. И в каких родственных отношениях находились они меж собой, и вообще находились ли, науке неизвестно тоже. Так и учат студентов: «В начале VII в. началось передвижение с севера носителей культуры типа Корчак. Местное население было ассимилировано, но элементы пеньковской культуры сохранялись вплоть до VIII в.»

Лично мне, дилетанту и профану, необходимо от истории, коли уж она именует себя «наукой», нечто совершенно другое. Я бы желал, чтобы мне, темному, объяснили наконец: *чьими* предками были представители «культуры боевых топоров»: литовцев, евреев, калмыков, русских, поляков? Кого в конце концов породила «культура шнуровой керамики»: украинцев, чехов, хорватов, шведов?

Увы, ответа доискаться невозможно. Полное впечатление, что история занимается не поиском корней, истоков, общностей и родства обезличенных, анонимных «культур», а попросту *обслуживанием* устоявшейся схемы...

Европейский шовинизм блестящим образом нашел отражение в терминологии. Попробуйте представить себе такой абзац в солидном научном труде: «Племена гасконцев, наваррцев и парижан объединились для отпора воинам вторгшегося кастиль-

ского племени». Или, применительно к отечеству нашему: «Продолжалась долгая и ожесточенная война племени рязанцев с соседними племенами: тверяками, суздальцами, московитами».

Можно представить, какой визг поднимут патриоты, ревнители устоев, да и сами ученые мужи. В отношении благородных европейцев такие словечки употреблять не полагается. «Племена» – это непременно где-нибудь в дикой Азии. И обитают эти племена уж никоим образом не в городах – в «городищах».

Ага, вот именно. Есть такой официальный научный термин – «городище». Нечто второсортное по сравнению с полноценным городом. И высоченные каменные стены из неподъемных глыб в этом городище имеются, и кузницы, и следы присутствия многочисленных мастеровых, и дома из кирпича – но все равно это не город, а *городище*. Поскольку обитал там очередной «неисторический» народ.

Вот один-единственный пример из неисчислимого множества. Серьезная книга по археологии, принадлежащая перу весьма небесталанных авторов Амальрика и Монгайта...

Сначала они описывают древний *город* Тейшебаини – именно город, поскольку принадлежит он «историческому» царству Урарту (правда, в последние годы нашлись еретики, которые отрицают само существование такого царства, но разговор сейчас не об этом). Площадь цитадели – четыре гектара, что составляет одну двадцать пятую часть квадратного километра. При раскопках найдены железные и бронзовые орудия и оружие, украшения, утварь и т. д. Это – город.

В другой главе той же книги рассказывается о Каменском *городище* на Днепре, которое, вероятно, было в конце V–III вв. до Р. Х. политическим и ремесленным центром скифского государства. Так вот, площадь «городища» – двенадцать квадратных километров, или *тысяча двести гектаров*. Выражаясь современным языком, это был крупнейший центр металлургического производства: там обнаружено большое количество плавильных печей и кузнечных горнов, слитки выплавленного железа, куз-

нечный инструмент, литейные принадлежности, готовые изделия из железа и бронзы. И тем не менее это не более чем *городище*, поскольку скифы – народ «неисторический», и *городов* им по неписаной табели о рангах не полагается.

К слову: Каменское «городище»... превосходит по площади славный город Париж времен д'Артаньяна и кардинала Ришелье, который в те годы занимал всего-то девять с лишним квадратных километров.

Город Рязань перед нашествием Батыя не превышал площадью 20 гектаров. Примерно такая же площадь – у «городищ» Кара-депе и Намазга-депе на территории нынешней Туркмении, относящихся к четвертому тысячелетию до Р. Х. Ученый комментарий говорит сам за себя: «Вероятно, это были центры больших и могущественных племен». Ну конечно же, в Азии могут обитать только племена...

Классическая история древнего мира полна и других, не менее пикантных ребусов, вызывающих, мягко скажем, недоумение. Жил-поживал некогда знатный английский археолог Гордон Чайлд, известный в первую очередь тем, что ревностно отстаивал тезис, согласно которому европейская цивилизация развивалась исключительно в пределах Европы, не испытывая ни малейших влияний из Азии (что сегодня выглядит, мягко выражаясь, плохо соответствующим истине). Он же однажды (должно быть, мрачно извращаясь) составил временной график распространения гончарного круга по Европе: «Индия, Сирия, Египет – 3000 лет до н. э., запад Малой Азии – 2000 г., Крит – 1800 г., континентальная Греция – 1600 г., Китай – 1400 г., Западное Средиземноморье – 800 г., Западная Европа к северу от Альп – 250 г., Англия – 50 г. до н. э., Шотландия – 400 г. н. э.»

Парадоксов тут – масса. Во-первых, заимствование гончарного круга Европой из Индии категорически противоречит воззрениям самого же Чайлда, считавшего именно Европу колыбелью цивилизации. Во-вторых, обратите внимание на то, что, согласно этому графику, Китай откровенно плетется в хвосте, а

меж тем европейская история учит нас, что он-то как раз и был колыбелью всех без исключения открытий и изобретений...

И наконец... Прикажете всерьез верить, что Западное Средиземноморье только через *восемьсот* лет переняло у Греции, своей соседки, столь нужную и важную в хозяйстве вещь, как гончарный круг? Что шотландцы были столь дремучи и лишь через четыреста пятьдесят лет, никак не раньше, додумались заимствовать гончарный круг у своих южных соседей – англичан? Бред какой-то... Особенно если вспомнить, например, что пушки после первого их применения в боях распространились по всей Европе за считанные *десятилетия*...

Приходится с чувством глубокого удовлетворения констатировать, что вышеописанная схема изрядно обветшала. И время от времени в самых разных концах света делаются новые открытия, которые в нее категорически не вписываются. Как это было, например, со «страной городов» в степях Южного Урала, обнаруженной в 1987 г. Наиболее известным из них стал Аркаим – но к настоящему времени открыт уже 21 древний город (II тысячелетие до Р. Х.). Это и в самом деле целая страна, охватывающая южную часть Челябинской области, север Оренбуржья, часть Башкирии и Курганской области. Жившие там люди занимались и скотоводством, и земледелием, и выплавкой металлов.

Официальная наука, не мудрствуя лукаво, приписала жителям «страны Аркаим» к «индоевропейцам». «Индоевропейцы – это еще одна, выражаясь языком современной молодежи, *фишка*, служащая неким универсальным объяснением в тех случаях, когда более детальные объяснения искать долго и не хочется. Ничего не объясняя, вроде бы объяснить все. «Индоевропейцы», мол, – а следовательно, более точные разъяснения как бы и неуместны. Вот и странствуют по страницам ученых трудов продукты поэтического словоблудия: не только «индоевропейцы», но и «индоарии» и даже некие загадочные «праиндогерманцы». То, выйдя из Индии, добегут до Скандинавии и, отдохнув там чуточку, вернутся в Азию, то, наоборот (см. покойника

Чайлда), где-то в Карпатах *произойдя* (очевидно, с неба упав), двинутся в азиатские просторы, чтобы нести свет цивилизации тамошним дикарям... В общем, когда у нынешнего «экстрасенса» не получается очередной отворот-приворот или «код на повышение котировки акций», он с загадочной рожей бормочет: «Однако, какая-то неведома сила...» А ученый, когда ему что-то решительно неясно, со значительным лицом изрекает: «Индо-европейцы, ага». И все вроде бы должно быть понятно, хотя не ясно ни черта. Что же удивляться замаячившему на подступах к Аркаиму дохтуру Мулдашеву? Уж он-то враз объяснит с точки зрения шамбалоидных лемурийцев с третьим глазом в... Молчать, гусары!

А если серьезно, то господа ученые, сдастся мне, совершенно не понимают простейшей вещи: Мулдашевы и Фоменко возникают не просто так, не из сырости земной зарождаются, аки мыши в представлениях средневековых ученых. Они, если хотите – *индикатор*. Безошибочный показатель *несовершенства* нынешней исторической науки. Именно оно, это самое несовершенство, сплошь и рядом принимающее форму откровенных баек, излагаемых с самым серьезным видом, и вызывает к жизни «еретические» теории. Будь в истории побольше логики и здравого смысла, поменьше баснословия и откровенной дури – не было бы и Фоменко, господа мои... Чего же вы хотите после фразочек: «Хотя Киев был до основания разрушен татаро-монголами, европейские купцы продолжали туда ездить»? После откровений о древних обезьянках-питекантропах, переплывающих морские проливы на плотках и бурдюках?

Но вернемся к нашей *схеме*, хвостом ее по голове. К делению народов на полноправных обитателей Большой Истории и варваров-приживальщиков, приткнувшихся где-то с краешку на птичьих правах...

Пользуясь выражением одного из персонажей Стругацких, я человек привычный, но и меня, братцы, замутило... Замутило, когда я открыл свежееизданную роскошную книгу «сибирского

Карамзина», как его именуют, П. А. Словцова «История Сибири. От Ермака до Екатерины II».

Вообще-то название само по себе... припахивает чем-то весьма неприятным. Начинать историю Сибири с Ермака – это, выражаясь интеллигентно, хрень собачья. Правда, это придумал не сам Словцов, покинувший наш мир еще в 1843 году, а лихие редакторы из издательства «Вече», приютившем немало профессиональных патриотов и борцов с маленькими зелененькими жидомасонами. В оригинале труд Словцова именовался гораздо нейтральнее: «Историческое обозрение Сибири».

А впрочем, то, что писал он сам... Вот как изящно характеризует тобольский самородок коренное население Сибири: «Такая хаотическая смесь, если почтить татар исключением, смесь дикарей, существовавших звероловством и рыболовством, болтавших разными наречиями, следственно и принадлежащих разным странам и племенам, коих отчизны и места ими забыты, дикарей, скитавшихся за добычами по угрюмым ухожам, любивших, однако ж, ратную повестку созыва, чувствительных к радости мщениия, но неустойчивых, имевших какую-то связь с поколениями смежными, но вовсе не знакомых с понятиями порядка общежительного – эта СВОЛОЧЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (выделено мною. – А. Б.), скажите, не сама ли себя осудила на все последствия твердой встречи. Просвистала подле ушей Закаменных (т. е. «зауральских». – А. Б.), и Сибирь северная стала для России самородным зверинцем, кладовою мягкой рухляди».

«Сволочь человечества» – это сильно. Как и «туземцы, которые пресмыкались от Урала до Енисея». Совершеннейшая перекличка с писаниями забытого ныне начисто протестантского ученого мужа Роберта Грея, писавшего в 1609 году об американских индейцах: «Земля... это поместье, дарованное Богом человеку. Но большая ее часть заселена и беззаконно узурпирована дикими животными и неразумными существами, или грубыми дикарями, которые по причине своего безбожного невежества и богохульственного идолопоклонства хуже самых диких и свирепых животных».

Можно биться об заклад, что Словцов о Грее в жизни не слышал – но фразеология совпадает до мелочей. У одного – «сволочь человечества», которая бесцельно «пресмыкается», у другого – «неразумные грубые дикари», которые поставлены даже после животных. Естественно, из писаний Грея плавно вытекало, что белые господа могут без малейших угрызений совести ликвидировать досадную помеху в лице краснокожих – он, обратите внимание, *разделяет* «человека» и «грубых дикарей». А Словцов так писал о бравых казаках, приведивших «сволочь человеческую» в подданство московского государя и обкладывавших их ясаком: «Это было законно, потому что дань есть послепотопная законность сего мира».

Следуя этой логике, следовало бы поумерить гневные тирады отцов-основателей российской историографии в адрес Батыея, обложившего Русь данью – Батый всего лишь соблюдал «послепотопную законность всего мира», и не более того...

Одним словом, творение Словцова – это доведенные до крайности идеи сторонников «исторических» и «неисторических» народов. Впрочем, по Словцову, сибирские народы – это и не народы вовсе, а попросту «...намыв обломков, выброшенных из Средней Азии, когда она пенилась переворотами племен, а пенилась многократно: во времена хуннов, киданей, нючжей, татаней и чингисханцев».

Ну, разумеется – *племена*... Которые белый человек из Московии просто-таки обязан завоевать – а чего они?

Но особенно впечатляет фраза Словцова, оброненная мимоходом, с вопиющим пренебрежением к истине: «Они также не были знакомы с письменами, кроме татар, достигших письменности чрез чтение карана».

Это древние-то народы Сибири не знали письменности?!

Ну, что поделывать. Словцов не виноват, его так учили. Тогдашняя просвещенная Европа в древней истории Азии разбиралась, как известное млекопитающее в известных цитрусовых...

Вообще-то еще за сто лет до «изысканий» Словцова немецкий ученый на службе Петра I, знаменитый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт обнаружил на скалах у берегов Енисея рунические надписи древних уйгуров (основавших в свое время Уйгурский каганат, но о Великих Каганатах мы поговорим подробнее в следующих главах).

Словцов об этом определенно не знал. А потому, как многие, свято верил, что азиатская история примитивна и скучна: ничего там не было интересного, разве что столетиями кочевала беспмятная и тупая «сволочь человечества»...

Правда, практически в то же самое время нашлись *другие* ученые, считавшие, что именно Северная Азия и была прародиной европейских народов – или, по крайней мере, ее история уж никак не сводится к бродячим бесписьменным племенам...

В последней четверти века археологические находки – и какие! – прямо-таки хлынули, как зерно из распоротого мешка. В 1877 году был обнаружен знаменитый Амударьинский клад скифского золота. В 1885 году в Семиречье раскопали обширные могильники и установили, что обитавшие там когда-то средневековые тюрки были христианами-несториянами. Еще несколько лет спустя в Минусинской котловине нашли рунические наскальные письма древних хунну. И наконец, в 1899 году, аккурат на исходе столетия, экспедиция Н. М. Ядринцева, талантливый ученый (и теоретик сибирского сепаратизма) на одном из притоков реки Селенги нашла древний город с гранитными памятниками, мраморными изображениями богатырей, женщин, животных, а главное – покрытые руническими надписями каменные стелы. Это и была древняя столица уйгуров Хаара-Баласагун, которую впоследствии, с укреплением «правильной» истории, объявили «монгольской столицей Каракорумом» – хотя Хаара-Баласагун перестал быть обитаемым за пятьсот лет до походов Чингисхана (который опять-таки к монголам не имеет никакого отношения и ни с какого боку им не родственник).

Этим надписям повезло, их, как говорится, ввели в научный обиход и публиковали расшифровки (мы подробнее поговорим о них опять-таки позже, когда речь пойдет о Каганатах). Но далеко не всем тюркским рунам так везло. Отношение к ним, такое впечатлени- ное, двойственное: в подлинности никто не сомневается, но широ- кой огласки они не получают. Есть подозрения, что содержание иных сторонникам «традиционной» истории кажется *неудобным*, да и сами по себе тюркские руны причиняют определенные не- удобства тем, кто привык видеть «колыбель цивилизации» исклю- чительно в Европе. Встречаются даже попытки заявить, что эти руны – вовсе и не руны, просто-напросто «очень похожи».

Причина лежит на поверхности: если принять, что руническое письмо было в определенные периоды распространено на громад- ной территории от Атлантики до Енисея, если вспомнить, что пись- менность тех же уйгуров безусловно восходит к одному из сирий- ско-арамейских алфавитов, если учесть, что христианство несто- рианского толка было широко распространено в Азии еще в до- чингисхановы времена – то поневоле сложится картина чересчур уж тесной *общности* населявших эти территории народов. При- чем вполне может оказаться, что влияние шло по *другому* направ- лению – скажем, не уйгуры заимствовали алфавит от сирийско- арамейского, а наоборот... Не столь уж безумная гипотеза.

Однако... Чайлд умер, а дело его живет. И «словцовщина» – явление живучее. Азии *положено* быть отсталой и вторичной, с почтением взирать на колыбель цивилизации Европу. А потому частенько вместо точного содержания древних рунических тек- стов сплошь и рядом попадаются уклончивые формулировки: «Надписи расширяют представления об общественном строе и религии». Столь упорный отказ от *конкретики*, как обычно, вы- зывает у сторонника «короткой» хронологии подозрения, что дело нечисто...

Меж тем *полная* история азиатских цивилизаций еще не на- писана и составлена будет очень не скоро – потому что черес- чур уж велики пробелы в нынешних знаниях...

Я не буду здесь касаться гипотетической Гипербореи, с которой далеко еще не все ясно, но тем не менее иные старые тексты демонстрируют память если не о таинственной Гиперборее, то все же о какой-то *другой* истории Азии, которую нынешние ученые совершенно не берут в расчет.

Насколько я могу судить по собственным этнографическим наблюдениям, нынешние историки с определенной неприязнью относятся к путевым заметкам средневековых арабских книжников. В их подлинности никто не сомневается, они удостоились свидетельства о благонадежности под названием «введение в научный обиход», но все равно – о них стараются вспоминать пореже.

Потому что средневековые арабы сплошь и рядом писали нечто категорически не согласующееся с современными научными воззрениями. Один, к примеру, настаивает, что своими глазами видел скелет некоего дикаря размером в три человеческих роста, который жил у волжских булгар совсем недавно, пока его не прикончили за свирепый нрав. Другой, приводя в бешенство «скалигерцев», настаивает, что славяне некогда приняли ислам, хотя современная наука о таком и не слыхивала (позже мы попытаемся эту загадку прояснить). Третий...

А третий, странствуя по Азии, видел некие загадочные сооружения, которым опять-таки не находится места в скалигеровской версии истории...

Примерно в 844–846 гг. от Р. Х. владевший 30 языками книжник Салам Алтарджеман по прозвищу Толмач по поручению багдадского халифа Васика отправился в долгое путешествие на Восток. Дело в том, что халиф увидел сон, будто в построенной Александром Македонским стене образовался проход. Поскольку стена эта была возведена Александром, чтобы надежно запереть до скончания веков злые, агрессивные и многочисленные народы Гог и Магог, халиф не на шутку встревожился и повелел Саламу срочно отправиться к стене, чтобы проверить, как там с ней обстоит и есть ли угроза вторжения.

Можно ручаться, что эта история была попросту *легендированием* обычной разведывательной миссии – но сие для нашего повествования, право же, несущественно... Салам получил охрану из полусотни воинов, крупную сумму на расходы и пустился в путь. Миновав царство аланов (предков нынешних осетин) и Хазарию, Салам 26 дней ехал по необитаемым местам, десять дней – по некоей местности, «где почва была черная и источала отвратительное зловоние», а потом еще двадцать дней – «по местности, где все селения были разрушены. Нам сказали, что это остатки поселений, которые подверглись нападению Гога и Магога и были совершенно ими опустошены».

И наконец посланец халифа достиг «укрепленных районов поблизости от горных цепей, на одной из которых находится стена. Там мы нашли людей, говорящих на арабском и персидском языках. Они мусульмане, читают Коран, и у них есть школы и мечети».

Еще через три дня отряд достиг стены: «Это стена Гога и Магога. Там находится ущелье, достигающее 150 локтей в ширину, через которое некогда проходили эти племена, совершая опустошительные набеги на страну, пока Зулькарнаин (так арабы именовали Александра Македонского. – А. Б.) не закрыл его».

Дальше – нечто интересное. Квадратные скобки с примечанием: «Следует подробное описание стены». Переводчик и комментатор отчего-то посчитали нужным его выбросить. Осталась лишь одна-единственная фраза Толмача: «Общий вид этого сооружения весьма необычен благодаря чередованию желтых слоев меди и темных слоев железа, пересеченных почти повсюду поперечными полосами» (одну такую металлическую полосу Салам вынул и привез халифу).

Где путешествовал Салам Толмач, в подлинности записок которого ученый мир, повторяю, не сомневается?

Поначалу находились исследователи, которые считали, что Толмач видел эту загадочную стену где-то в *Сибири* – либо в бассейне Оби, либо у реки Иртыш на юго-западном Алтае. Вы-

двигались и другие версии: Урал, Тянь-Шань, «несколько восточнее Сыр-Дарьи».

Однако потом возобладала «правильная» точка зрения, исходящая из того, что дикой Сибири такого укрепления «не полагаются». Решено было считать, что Салам видел Великую Китайскую стену – по принципу: «А что же еще он мог видеть?»

Между тем описание города, населенного *мусульманами*, этому решительно противоречит. Как и описание самой стены, ничуть не похожей на Великую Китайскую. Благо в тексте есть точные ориентиры. «Зловонные земли» – это, несомненно, заболоченные районы к северу от Каспийского и Аральского морей, о которых рассказывали и другие путешественники, посещавшие те места. «Местность, где все селения разрушены» – это, с огромной долей вероятности, земли западных уйгуров, подвергшиеся опустошительному нашествию Гыргызского каганата. Где же здесь китайцы и при чем тут они? Стена из меди и железа, замыкающая горный проход шириной в 150 локтей, ничуть не похожа на Великую Китайскую! И почему публикатор текста, известный немецкий географ Хенниг, опустил самое интересное – подробное описание стены? Что-то неладное...

Но книга Салама по крайней мере допускает дискуссии и разные мнения. Зато Сихаб Эд-Дин ибн-Фадлан аллах ал-Умари (1300–1343) оставил описание интереснейшего сооружения, которого при всех ухищрениях к Китаю ни за что не отнесешь...

«В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их на протяжении шести месяцев... Купцы наших стран не забираются дальше города Булгара, купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их уже нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а находятся только раки, пустыни и горы, которых не покидает снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до Черного моря; там непрерывно

бывает дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце. За Югрой живет на берегу морском народ, пребывающий в крайнем невежестве. Они часто ходят в море».

Вот *это* уже никоим образом не притянешь к китайцам! Кстати, само по себе любопытно упоминание *Черного* моря – так, оказывается, средневековые арабские книжники именовали Северный Ледовитый океан.

Но еще интереснее – «большая башня на образец высокого маяка», возведенная в тех местах Александром Македонским (которого вы наверняка узнали под именем Искандер). Речь безусловно идет не о крохотном каменном укреплении (впрочем, и его, по мнению скалигеровцев, некому в тех местах возводить), а именно что о высокой башне на манер маяка...

Здесь современные историки старательно избегают *любого* комментария. Потому что сказать им абсолютно нечего, против источника не попрешь: географические привязки двойного толкования не допускают. Вот только по канонам «традиционной» истории на примыкающих к побережью Северного Ледовитого океана территориях никогда не было и быть не могло никаких башен и маяков, поскольку там обитали с незапамятных пор совершенно неисторические народы, отроду не возводившие ничего, кроме примитивных чумов из оленьих шкур...

Но ведь *была* «башня на манер высокого маяка»! Иначе почему сообщение арабского книжника не отвергают и не объявляют поэтическим вымыслом? Его попросту оставляют без комментариев, а это уже другое...

Традиционная история, как известно, относит жизнь и свершения Александра Македонского к IV веку до Р. Х. Более того, в рамках традиционной истории Александр вообще не заходил севернее Черного моря, не говоря уж о берегах Северного Ледовитого океана.

И тем не менее арабский книжник четырнадцатого века *после* Рождества Христова не видит ничего необычного в том, что Македонский воздвигал внушительные башни неподалеку от

Полярного круга. Что же, мусульманский писатель был невежественным или умышленно включал в свою книгу заведомые басни?

Ни того, ни другого. Он просто-напросто писал в совершеннейшем согласии со *всеобщими* представлениями того времени. Напоминаю: нам сегодня преподают *одну* историю, а несколько сотен лет назад в ходу повсеместно была *другая*...

Существует любопытная книга под названием «Сербская Александрия» или, как ее поименовали русские переводчики еще в XVII столетии, «книга, глаголемая Александрия». Это – подробное жизнеописание Александра Македонского. Безусловно, это не историческая хроника, в ряде мест она носит чисто сказочный характер, но, что любопытно, именно там упоминается... о походах Александра на Север! Повествуется, как Александр с войском добрался до некоего «края земли» и, чтобы должным образом отметить это место, как раз и велел соорудить... «комору железную великую».

Мало того, с небольшим числом особо надежных воинов он все же двинулся дальше, «за край земли», и через четыре дня достиг некоей «темной земли», «темного места», где отряд четыре дня ходил во мраке. Края эти именуются еще «земля мгляная». Вечная ночь, мгла, постоянные туманы... Да вдобавок земля там, оказалось, «медная», так что «гремяще от конских копыт по земли той, яко гром». Быть может, речь попросту идет о вечной мерзлоте и ледяной корке?

Судя по описаниям, это и в самом деле край полярной ночи: «...и обретох тму, и огня не видети в местах тех». А местное население обитает в землянках – «жилище под землею». Подобные землянки прекрасно известны исследователям Севера...

Примерно в тех же местах Александр схватился с неким сильным врагом, которого все же одолел и загнал «к великим горам, именуемым Севером» (чем не Уральский хребет?) Встречался он и с народом, именуемым «рыбоядцами» – поскольку питаются они главным образом рыбой, которую промышляют в море.

Здесь, правда, вновь появляется сказочная деталь: люди эти без головы, и глаза у них на груди – но именно такое впечатление на свежего человека могли произвести северные аборигены в своих меховых парках с капюшонами, низко опущенными на лицо. В самом деле, могло показаться, что головы у них нет, а рот – на груди...

Сказка, былина, выдумка? Но не все так просто с Александром Македонским...

Отчего-то именно он – *единственный* пример в мировой истории! – пользуется прямо-таки небывалым уважением и почитанием у превеликого множества народов, не имеющих отношения к «классическим» македонцам. Слово историку: «С древнейших времен Александр Македонский известен как герой всевозможных литературных сюжетов и апокрифов в украинском, белорусском, литовском, польском, среднеазиатском, татарском, азербайджанском, грузинском, армянском и даже в якутском героическом эпосе». К этому следует добавить, что Александра почитали еще чехи и хорваты, венгры и греки, турки и персы, а также все без исключения арабские народы. «Александрия», написанная якобы «античными» греками, переведена на все восточноевропейские языки, на арабский, латинский, армянский, еврейский – еще в раннем Средневековье. Известны самое малое 350 ее списков на 35 языках. И современный историк пишет с явственным недоумением: «Каждый из 35 народов мира считает Александра Великого представителем своей национальной культуры и истории».

В самом деле, пример уникальный: Александра почитали католики и православные, а также автокефальные грузины с армянами, мусульмане-шииты и мусульмане-сунниты, да вдобавок язычники. Закономерный вопрос: почему все эти столь разные народы, разные по вере, месту обитания, национальным традициям и многому другому, столь упрямо зачисляют в «свои» (единственный пример в истории, напоминаю!) македонского царя и полководца, который к тому же, согласно традиционной

хронологии, жил за полторы тысячи лет до книжников раннего Средневековья? *Всплеск* почтительного интереса к личности Александра приходится на XII–XIII века по Р. Х. Откуда такой интерес и уважение (у тридцати пяти народов Европы, Ближнего Востока, Турана и Азии) к человеку, пусть знаменитому и славному, но умершему полторы тысячи лет назад?

Это по *скалигеровскому* счету. А люди Средневековья, полное впечатление, и в этом случае словно бы ведать не ведали, что их с Александром разделяет тысяча с лишним лет. Они, простите за вульгаризм, этой тысяче лет в упор не видели! Быть может, ее и не было? Приписали впоследствии любители цифровой мистики. Более логичен и убедителен другой вариант: Александра от почитателей и авторов книг о нем отделял не столь уж и длинный промежуток времени – десятилетия, быть может.

Ведь, собственно говоря, людям раннего Средневековья вообще *не полагалось* знать об Александре Великом! Неоткуда было узнать. Та самая традиционная история упрямо твердит о существовании «темных веков», когда *все* «античные» рукописи были забыты деградировавшей Европой, долгую тысячу лет (а в иных случаях и больше) плесневели в каких-то загадочных подвалах, и лишь в начале XVI века, во времена Возрождения, их достали, стерли плесень, напечатали – и вот тогда-то (не раньше) потрясенная Европа и узнала все об «античности»...

Меж тем в рамках *прежней*, доскалигеровской, истории существовала стройная система взглядов на Александра Македонского и его свершения – отличающаяся от нынешней как небо от земли.

Согласно этой системе, Александр сражается... с половцами-куманами. Подступает с войском к Риму, который открывает ворота и смиренно подносит богатые дары – среди них, кстати, парадное одеяние царя Соломона и оружие греческих полководцев, взявших Трою. Более того: несколько столетий в славянских странах держалось стойкое убеждение, что Александр Ма-

кедонский выдал славянам некую грамоту, привилегию на право владения ныне занимаемой ими территорией!

Вот полный текст по Чешской хронике 1541 года: «Мы, Александр, Филиппа короля Македонского, в правлении славный, зачинатель Греческой империи, сын великого Юпитера, чрез Нектанаба предзнаменованный, верующий в брахманов и деревья, Солнце и Луну, покоритель Персидских и Мидийских королевств, повелитель мира от восхода и до захода Солнца, от Юга до Севера, просвещенному роду славянскому и их языку от нас и от имени будущих наших преемников, которые после нас будут править миром, любовь, мир, а также приветствие. За то, что вы всегда находились при нас, правдивыми, верными и храбрыми нашими боевыми и неизменными союзниками были, даем вам свободно и на вечные времена все земли мира от полуночи до полуденных земель Итальянских, дабы здесь никто не смел ни жить, ни поселяться, ни оседать, кроме вас. А если бы кто-нибудь был здесь обнаружен живущим, то будет вашим слугой, и его потомки будут слугами ваших потомков. Дано в новом городе, нами основанной Александрии, что основана на великой реке под названием Нил. Лета 12 нашего королевствования с соизволения великих богов Юпитера, Марса и Плутона и великой богини Минервы. Свидетелями этого являются наш государственный рыцарь Локотека и другие 11 князей, которые, если мы умрем без потомства, остаются наследниками всего мира».

С точки зрения *нынешней* истории – абсурд жуткий. С точки зрения Средневековья – самое житейское дело. Потому что славяне, считалось, участвовали на стороне Александра Македонского во множестве военных кампаний, и он, чтобы отметить должным образом их храбрость и преданность, и выдал означенную привилегию. Впервые эта грамота появляется в XII веке даже не на одном из славянских языков – на латинском. Был ли это *оригинал*, в точности неизвестно: считалось, что подлинная грамота, написанная на пергаменте золотыми чернилами, хранилась в Константинополе и после захвата его

турками попала в сокровищницу султана. Есть сведения, что перевод на чешский хранился и в Праге.

Кстати, давно уже обратили внимание, что по стилю и общему характеру эта грамота ничем не отличается от других многочисленных «привилегий» – жалованных грамот, выданных Александром Македонским городским общинам и подвластным народам. О чем подробно писали Страбон, Плутарх, Арриан и другие «античные» авторы...

Впрочем, далеко не *все* славяне поддерживали с Александром дружеские отношения. В средневековой польской хронике Винцента Кадлубека утверждалось, что поляки однажды воевали не на стороне Александра, а как раз против. Что однажды Александр Македонский, подступив с войском к польским границам, потребовал дани, но поляки убили его послов, отрубили им головы и, набив их золотом и морской травой, отправили обратно. Естественно, разъяренный царь вторгся в Польшу – но был отброшен. Интересно, что знаменитый ученый XV века Ян Остророг, выступая в Ватикане перед папской курией, в качестве примера польской доблести упоминал и тот факт, что поляки точно так же отбили однажды войска Юлия Цезаря, которому пришлось заключать мир – и в честь подписания договора на том месте как раз и был основан город Вильно...

Живший столетием позже польский историк Стрыйковский решительно опровергал теорию своего предшественника, но, обратите внимание, он вовсе не подвергал сомнению то, что поляки и Александр были современниками – просто-напросто считал, что поляки с Александром уживались мирно и никогда не воевали...

Да, а что же прелаты, слушавшие Остророга в Ватикане? Наверное, они вдоволь поиронизировали над «славянским дикарем», по невежеству своему считавшим, что поляки и Александр обитали на одном и том же историческом отрезке?

Ничего подобного. Никто и не подумал упрекать гостя из Польши в плохом знании истории. Потому что и Западная Евро-

па точно так же не замечала этого тысячелетия, якобы «разделявшего» античность и Средневековье. Там точно так же шли в свое время ожесточенные споры на абсурдную, казалось бы, тему: подложна или подлинна «жалованная грамота», выданная австрийскому дому Габсбургов... императором Нероном (по традиционной истории, покинувшем наш мир за тысячу лет до появления Габсбургов на политической арене)? Снова та же примечательная оговорка: западноевропейцы вовсе не сомневались, что Нерон и Габсбурги были современниками, они всего-навсего обсуждали вопрос о подлинности одной-единственной грамоты.

Известный хорватский книжник Юрий Крыжанич, работавший в Московии во второй половине XVII века, опять-таки ни-сколечко не сомневался, что славяне и Александр обитали в одно время. Просто-напросто он доказывал, что славяне никогда не находились с Александром в каких бы то ни было вассальных отношениях, а потому Македонский и не мог «великодушно жаловать» славянам земли, которые они и так контролировали...

Только в первой половине *восемнадцатого* столетия, когда нынешняя версия хронологии стала явственно одолевать *прежнюю*, славян и Александра «развели» по разным эпохам...

Между прочим, те же средневековые источники уверяли еще, что славяне, которым Александр послал грамоту, были не кем иным, как народом Мосхов, происходящим по прямой линии от одного из библейских патриархов (и встречается это утверждение не в «славянском» варианте грамоты, а как раз в латинском ее тексте...)

А средневековые чешские историки некогда писали вовсе уж неприемлемую с точки зрения скалигеровцев ересь – что чехи, как и немцы, существовали уже во время знаменитого библейского Вавилонского смешения языков (впрочем, как и другие славяне, другие западноевропейские народы!)...

Кстати, знаменитый путешественник и дипломат XVI века Герберштейн, приехав с посольством в Московию, всерьез рас-

считывал обнаружить там... алтари Александра Македонского. В полном соответствии с историко-хронологическими представлениями *своего* времени он считал, что именно на Дону пролегла граница меж империей Александра и славянскими землями. О том же, кстати, писал и его современник, польский историк Ваповиус-Ваповский. Иные земляки Ваповского (не самые невежественные и бездарные ученые того времени), кроме того, писали, что со славянами воевал еще отец Александра Филипп, в юном возрасте взятый в заложники и овладевший славянским языком (что повторялось и в русском Хронографе XVII века).

И наконец, упоминания о том, что Александр все же добрался в своих походах в некие северные холодные земли, можно отыскать даже у самого что ни на есть «благонадежного» Плутарха: «проникал к племенам, скрытым глубокими снегами»...

Ну что же, даже за «введенными в научный оборот», «благонадежными», якобы «античными» историками нужен глаз да глаз. Они могут мимоходом ляпнуть что-нибудь такое, что скалигеровская наука встречает со скрежетом зубным. Вот, например, «отец истории» Геродот повествует о воинских подвигах «древнеегипетского» фараона Сесостриса: «Так Сесострис прошел по материку, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев».

«Вот это по-нашему, по-бразильски!» – воскликнула донна Роза. Фракийцы жили на Балканах, а скифы – в Северном Причерноморье... В «традиционной» истории не сохранилось никаких следов столь дальних фараоновых походов. К труду Геродота дан сюрреалистический комментарий: «Геродот путает царя Сесостриса с царем Псамметихом I, который воевал со скифами и фракийцами в Палестине, но никогда не вторгался в Скифию».

У нынешних историков правая рука не знает, что творит левая. Один «ученый» публикует подобный комментарий, чтобы хоть как-то затушевать не устраивающее его место из Геродота –

зато другие с пеной у рта уверяют, что ни скифы, ни фракийцы никогда в Палестину не вторгались...

Турки, кстати, «отметились» и на Балканах, и в Причерноморье. А потому в рамках «новой хронологии» нет ничего удивительного, если окажется, что речь идет именно о турках, а «Сесострис» – просто-напросто один из турецких султанов, повествование о походах которого было переведено на парочку экзотических окрестных языков заодно с султанским именем (ибо имена сплошь и рядом именно что *переводились*).

А турки в свое время, кстати, уживались с европейскими соседями достаточно мирно. Это впоследствии, в XVII–XVIII веках, Османская империя отличалась религиозным фанатизмом – а до того творились крайне интересные дела... Доходило до того, что балканские крестьяне (христиане!) в XV–XVI вв. *массами* переселялись на «турецкую сторону» – потому что жилось там не в пример легче. С 1453 по 1623 г. в Османской империи сменилось 48 великих визирей... и 33 из них, чуть ли не три четверти, были вовсе не этническими турками, а принявшими ислам европейцами. Меж тем турки-османы сплошь и рядом предстают в облике исключительно фанатиков, зверей и варваров, жутких ксенофобов, поедающих на ночь христианских младенцев...

Но вернемся к Александру Македонскому. Есть ли какие-то объяснения всему вышеизложенному? Тому странному «заблуждению», в котором долгие столетия пребывала Европа, когда ее еще не «осчастливили» оккультисты и цифровые мистики «длинной» хронологией?

В рамках «ревизионизма» – запросто. Стоит лишь предположить, что история Европы, искусственно растянутая, и в самом деле короче как минимум на тысячу лет. Если сделать это единственное допущение, то все «несообразности» и «анахронизмы» моментально укладываются в стройную, логически непротиворечивую концепцию. *Реальная* история Александра Македонского несколько отличается от составленной в последние столетия. *Реальный* Александр и в самом деле был тесно

связан со славянами, обитавшими в одно с ним время, а маршруты его боев и походов, таким образом, весьма отличаются от «традиционной» версии. Обратите внимание на *расклад*: Восточная Европа относится к Александру с нескрываемой симпатией и безграничным уважением, а вот *Западная*, хотя и именуется его Великим, все же особой любви, полное впечатление, не испытывает. Можно отсюда предположить, что для означенной Западной Европы Александр в первую очередь был нападающей стороной (вспомните предания о его походе на Рим).

Что до «башни на манер маяка», воздвигнутой в крайних северных пределах... Почему бы и нет? Тем более что история этих самых «северных пределов» до сих пор толком не исследована и таит, есть полная уверенность, не одну загадку. Даже если не касаться вопроса о Гиперборее (хотя порой сторонники ее существования выдвигают достаточно убедительные и интересные аргументы), тайн достаточно. Скажем, ученые из Екатеринбургa всего несколько лет назад неподалеку от Салехарда обнаружили при раскопках татуированную мумию, которую не смогли отнести ни к какой антропологической расе – а определить ее возраст оказались решительно не в состоянии (или в состоянии были, но помнили о недопустимости всех и всяческих ересей касаясь датировок)... Можно добавить еще, что ямальские ненцы говорят: до их прихода на арктические берега там обитал некий «низкорослый народ», который впоследствии переселился под землю... но отголоски схожих представлений можно встретить и в «Александрии»! Там Александр тоже сталкивается с «подземными жителями»...

Вернемся теперь к теории об «исторических» и «неисторических» народах. Но Азию пока что оставим в покое. Дело в том, что *сначала* эта теория была опробована как раз на старушке Европе. Принято считать, что «цивилизованный» Рим таким лучом света в темном царстве сиял несказанными достижениями науки, техники и культуры – а на остальных европейских пространствах обитали сущие дикари, те самые «племена», жив-

шие в «городищах» и вроде бы еще не лишившиеся хвостов. Варвары, одним словом.

Вообще-то «варваром» наши старые знакомые, «античные» авторы всего-то навсего называли чужеземца с непонятной им речью, и не более того. Непривычному уху в чужом говоре слышалось сплошное «вар-вар-вар»...

Но вот *после*, во времена торжествующей скалигеровщины, понятие «варвар» претерпело существенную метаморфозу и стало синонимом дикости, неразвитости, невероятной отсталости.

Меж тем, что любопытно, «античные» авторы... вовсе не считали варваров *дикарями* – это историки последующих времен совершили шулерскую подмену понятий. «Античные» книжники, подробно повествуя о «варварах», рисовали совсем другую картину – и, если прочесть их труды вдумчиво и непредвзято, можно отыскать массу интересного...

Существуют, конечно, типичные политические памфлеты вроде «Географии» Страбона. Согласно этому ученому труду, все народы, обитающие за пределами Римского государства – примитивные дикари, чьи обычаи требуют самого сурового осуждения со стороны цивилизованного человека. Одни живут блудным образом с собственными матерями и родными сестрами, другие распарывают пленникам брюхи и гадают по внутренностям, третьи и вовсе людоеды. Но, что интересно, сам Страбон в описанных им варварских краях никогда не бывал и весь свой труд построил на рассказах других. Как только речь заходит о каком-нибудь особенно диком обычае, всегда следует уточнение: «говорят», «рассказывают» – а это, согласитесь, чуточку портит достоверность означенной «Географии». Да к тому же Страбон – не римлянин, а грек на римской службе после завоевания Римом Греции. А с этой особенностью мы уже сталкивались: полицай или просто прислужник из местных сплошь и рядом в десять раз злее и стервознее самого немца-окупанта...

Совершенно в другом ключе выдержаны «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря. Что до меня, лично я категорически

протестую против утверждения, что записки Цезаря сочинены очередным итальянским книжным проходимцем в эпоху Возрождения. Они именно что самим Юлием Цезарем написаны, именно в Риме и о реальных событиях. Потому что, если это так, господа скалигеровцы сами загоняют себя в ловушку...

Итак, какими же видел Юлий Цезарь Галлию и галлов, с которыми долго и старательно воевал?

Начнем с того, что у галлов существуют «цари» и «знать», что уже подразумевает сложно организованное общество, стоящее выше «племени». У галлов есть свои города – которые Цезарь четко отделяет от «сел» и «хуторов» (и, в отличие от современных историков, ни «городищами», ни «поселениями» ни разу не именует, а как раз городами). Города, насколько можно судить, не такие уж маленькие и укреплены на совесть: один из них, Новиодун, римляне собирались было взять штурмом с налету, прослышав, что там почти нет гарнизона, но сделать это не смогли «вследствие глубины рва и высоты стены». Надо полагать, солидное было укрепление, если пришлось окружать Новиодун лагерем, копать траншеи, осадные башни воздвигать...

Галлы занимаются земледелием, ведут торговлю – не путем «натурального обмена», а с помощью *денежной* системы. У них, по свидетельству Цезаря, есть «большие» железные копи, а следовательно, широко развита обработка металлов и связанные с этим ремесла. А в военной области они кое в чем *превосходят* римлян.

Тут уже в повествование Цезаря вклиниваются строки из Тацита – господа, я буквально требую считать одного не творением ренессансного итальянца Поджо Браччолини, а реальным римским историком!

Так вот, Тацит... Когда «племя» (а как же иначе?!) эдуев выступило против римлян, то эдуи включили в свое войско *латников*: «К ним были добавлены предназначенные для гладиаторских игр рабы, по обычаю племени облаченные в сплошные железные латы, так называемые крупелларии, малопригодные для

нападения, но зато неуязвимые для нанесения врагом ударов». И далее повествуется, что больше всего хлопот римлянам доставили эти латники, «так как их доспехи не поддавались копьям и мечам».

Вообще-то Тацит, даже если он насквозь реальный, а не придуманный шустрými итальянцами, все равно производит впечатление кабинетного книжника, у которого чрезвычайно плохо обстоит с логикой и здравым смыслом, так что он не задумывается, что пишет. Получается, что основное войско галлов-эдуев было лишено доспехов, и только предназначенные для гладиаторских игрищ (а значит, для верной смерти) рабы щеголяли в тяжелой железной броне? Простите, совершенно не верится. Во все времена обстояло совершенно иначе: чем лучше у воина броня и оружие, тем выше он стоит на социальной лестнице: рыцарь с головы до ног в железе (как же иначе, если это добро равно по стоимости сорока пяти коровам?!), а пехота подлого происхождения воюет чуть ли не дубинами – ну не на что им купить добрый меч, не говоря уж кольчуге! Достоверно доказано, что в битве при Гастингсе (1066 г. от Р. Х.) бойцы из простонародья сражались вообще *каменными* топорами. Между тем у Тацита мы видим нечто сюрреалистическое: знать сражается чуть ли не босиком, чуть ли не с рогатинами, зато рабы от ушей до пяток закованы в дорогушие железные латы... Верней уж будет предположить, что описанные Тацитом латники – нечто вроде тогдашней лейб-гвардии, экипированной самым лучшим и дорогим. Какой дурак, наконец, додумается ставить в свои ряды обреченных на смерть рабов-гладиаторов? Да они ж не с римлянами станут резаться насмерть – ради чего? Ради возможности сложить голову на потеху толпе? – а разбегутся или перейдут на сторону неприятеля, где у них больше шансов выжить...

Но все это в итоге не главное. Ключ тут в словосочетании «железные латы». Так вот, у римлян ничего подобного *нет!* Их легионеры как раз носят *бронзовые* шлемы и гораздо более про-

стые, нежели у галлов, кольчуги – это попросту кожаная или холщовая рубаха, покрытая рядами металлических чешуек...

Берем книгу о римской армии, написанную с позиций «традиционной» истории. И что же мы там видим? Чуть ли не все военные усовершенствования императорских легионов... как раз и заимствованы у «варваров»! Железный шлем, пришедший на смену старому бронзовому, в массовом порядке изготавливается в *галльских* кузницах. От рубах с нашитыми бляшками римляне переходят к более совершенному панцирю «лоркиа сегментата» – ряды металлических полосок, скрепленных изнутри кожаными ремешками. Панцирь опять-таки перенят у *галлов*. Римский меч императорского периода, гладиус... ведет свое происхождение от оружия испанских «варваров», более совершенного, чем то, с которым *приперлись* в Испанию римляне: «...когда был покорен Иберийский полуостров, римляне воспользовались секретами местных оружейников, в результате чего их легионы получили это превосходное оружие».

Снова вопиющее противоречие с логикой и здравым смыслом. Ведь если у «варваров» гораздо лучше оружие, значит, несравненно выше их *технологии* – но ведь в этом случае получается, что отсталые как раз *римляне*! Чего ни коснись, все приходится заимствовать у «варваров»: шлем, меч, доспехи... Что мы будем думать, когда прочитаем следующее: «В 1880 г. войска Британской империи вторглись в Африку, где в боях с кочевыми племенами зулусов выявилось превосходство африканцев в пулеметном вооружении. Только после того, как английские оружейники переняли у зулусов опыт конструирования пулеметов, они смогли реформировать свою армию»?

Да попросту плюнем и воскликнем: «Чушь собачья!» И будем правы. Но в том, что касается Римской империи, именно такой бред преспокойно прокатывает: «дикие варвары» отчего-то располагают гораздо более передовыми технологиями, нежели светоч цивилизации Рим... но при этом остаются дикарями, обитающими чуть ли не на деревьях.

Вернемся к Цезарю. К тому месту, где Гай Юлий описывает военный флот очередного галльского «племени» венетов. Выясняется, что «варвары» и в области кораблестроения оставили римлян далеко позади. Корабли у них – *морские*: «носы, а равно и кормы были целиком сделаны из дуба, чтобы выносить какие угодно удары волн и повреждения; ребра корабля были снизу связаны балками в фут толщиной и скреплены гвоздями в палец толщиной; якоря укреплялись не канатами, но железными цепями; вместо парусов на кораблях была грубая или же тонкая дубленая кожа, может быть, по недостатку льна и неумению употреблять его в дело, а еще вероятнее потому, что полотняные паруса представлялись недостаточными для того, чтобы выдерживать сильные бури и порывистые ветры Океана и управлять такими тяжелыми кораблями».

На чем же плавали римляне? На *гребных* судах типа галер, державшихся у самого берега. Победили они исключительно за счет того, что сошлись в абордажной схватке на мелководье. О чем свидетельствует сам Цезарь: «Когда наш флот сталкивался с этими судами, то он брал верх единственно быстротой хода и работой гребцов, а во всем остальном галльские корабли удобнее приспособлены к местным условиям и к борьбе с бурями... наши суда не могли им вредить своими носами (до такой степени они были прочными), вследствие их высоты нелегко было их обстреливать, по той же причине не очень удобно было захватывать их баграми. Сверх того, когда начинал свирепеть ветер и они все-таки пускались в море, им было легче переносить бурю и безопаснее держаться на мели, а когда их захватывал отлив, им нечего было бояться скал и рифов. Наоборот, все подобные неожиданности были очень опасны для наших судов».

Стоит ли удивляться такой детали: когда примерно двести двадцать кораблей венетов приблизились к римскому флоту, римляне, как признается Цезарь, просто-напросто не могли решить, что им делать и какой тактики держаться. И победили исключительно благодаря тому, что решились ринуться на абор-

даж, стали длинными лезвиями на шестах резать галльский та-келаж... В таких условиях побеждает уже не тот, чьи технологии выше. Что было блестяще продемонстрировано гораздо позже, во время войн Петра I со шведами. У шведов были великолепные корабли – многомачтовые, многопушечные океанские суда... но русские буквально облепляли их массой гребных суденышек, и начиналась вульгарная рубка. В *этих* условиях шведам не было никакой выгоды ни от могучих пушек, ни от многоярусных парусов – и то и другое попросту нельзя было использовать, так что победа оставалась за лихими тамбовскими или курскими усачами с тесаками в зубах, нисколько не сведущими в навигации, парусных маневрах и прочих европейских заморочках...

Читаем Цезаря: «Когда реи, как мы указали, бывали сбиты, то по два и по три наших корабля окружали один неприятельский, и солдаты, напрягая все силы, старались перейти на неприятельские корабли. Когда, таким образом, было взято с бою несколько кораблей и варвары заметили, что против этого все средства бессильны, они поспешили спастись бегством. Но... вдруг наступило на море такое безветрие и такая тишина, что они не могли сдвинуться с места. Эта случайность особенно содействовала окончанию всего предприятия...»

В общем, римляне победили никак не благодаря превосходству в технике, скорее уж оттого, что пустили в ход крайне примитивные приемы, какими пользовались еще охотники на мамонтов...

Что еще интересного рассказал о галлах Цезарь? У них, оказывается, широко развиты письменность и образование, существует даже целое сословие друидов, которые выполняют функции не только жрецов, но и учителей, и библиотекарей. Только некие священные стихи запрещено излагать на бумаге, их следует непременно учить наизусть, «между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются *греческим* (! – А. Б.) алфавитом».

У галлов не только алфавит, но и боги – греческие: Аполлон, Марс, Юпитер и Минерва. Галлы им приносят человеческие жертвы – но и греки с римлянами в отношении тех же богов грешили тем же самым...

Кстати, ни единой «общественной или частной» записи галлов до нашего времени не дошло – тут постарался опять-таки Цезарь, старательно уничтожая все библиотеки «варваров», до каких мог дотянуться. Последующим римским историкам на фоне совершеннейшего отсутствия каких бы то ни было галльских архивов еще легче было развивать теории о «диких варварах», в звериных шкурах прыгавших по веткам... Хорошо еще, что сам Цезарь прилежно зафиксировал все, что знал и видел, – а потому мы сейчас со всей уверенностью можем говорить: так называемые «варвары» как минимум *не уступали* римлянам в развитии общества и технологиях. Сплошь и рядом даже превосходили. Но на страницах учебников по-прежнему горделиво возвышается светочем цивилизации «Древний Рим» – в окружении лесных дикарей.

Между прочим, то, что свои нападения германцы и кельты устраивали сплошь и рядом в лесах, еще нисколько не свидетельствует об их *дикости*. Они выбирали удобное место для атаки, только и всего. Во время Второй мировой войны во многих странах – СССР, Польше, Франции, Греции, Норвегии, Италии – партизаны нападали на немецкие войска как раз в лесах и горах. Но разве это означает автоматически, что данные партизаны были представителями «диких», «варварских» народов, безнадежно отставших по уровню развития от Германии? Ничего подобного...

На Балканах во времена Римской империи – та же самая картина. «Древние даки», воевавшие с императорскими легионами на Дунае, якобы были такими же варварами, как кельты-галлы и германцы – обитали в «городищах», где жили, конечно же, «племенами». Вот только при этом каким-то удивительным образом их военные технологии... опять-таки *превосходили* римские!

Описание дакийского шлема больше приличествует Средневековью: «... гребень на конце скошен под углом или закруглен, украшен накладками в виде овалов и перекрестий. Широкая металлическая полоса, скрепляющая основание шлема, имеет растительное оформление, напоминающее венки из цветов или листьев. Некоторые разновидности данного типа оснащались бармицами, сделанными из треугольных или ромбовидных чешуек, нащечниками трапециевидной формы. Один из экземпляров... с коротким гребнем, сетчатой бармицей и скошенными узкими нащечниками без треугольного выреза в центре, богато украшенный на верхушке изображениями скрученных лоз винограда...»

Если вы всерьез верите, что такой шлем мог быть изготовлен на коленке, возле примитивного очага «варвара» в убогом «городище», мне вас, простите, жаль...

Далее сообщается, что дакийский меч «махайра», или «фальката», превосходил римский – им можно было наносить не только рубящий удар, как римским гладиусом, но еще и колющий.

Как выглядели доспехи сарматов – «племени», союзного дакам? «Броней были покрыты как всадник, так и его конь». Для справки: за все время своей истории римляне так и не запустили в производство защитные доспехи для лошадей.

И буквально в следующем абзаце автор книги, откуда взяты все эти данные, пишет таковы слова: «Таким образом, армия Децебала (дакийского царя. – А. Б.) по уровню своей организации еще не преодолела рамки племенного ополчения, а в области вооружения значительно проигрывала римским легионам».

Вот тут уже погружаешься в горестное недоумение. Почтенный автор только что сам описал дакийские мечи, превосходящие римские. Тяжеловооруженных всадников и их коней в броне – чему нет аналогов в римской армии. Дакийский шлем, по трудоемкости изготовления, сложности и красоте превосходящий римский. И вдруг оказывается, что в «области вооружения даки проигрывали римским легионам».

Ну что поделывать, чтобы удержаться в рамках традиционной истории, волей-неволей приходится *крутить* и не такие акробатические кульбиты...

А кстати, в той же книге так описаны дакийские вожжи, изображенные на знаменитой колонне Траяна: «... со щитами, имеющими геометрические украшения в виде ромбов, знаков зодиака, особенно луны и звезд».

Господа мои, это – точное описание щитов раннего *Средневековья*, когда в большом ходу были как раз геометрические фигуры, полумесяцы и звезды. Всевозможные звери, птицы, драконы и прочие сложные эмблемы появились парой столетий позже...

Кстати, «древние германцы», законченные «варвары», в описании «античных» книжников опять-таки подозрительно напоминают средневековых рыцарей: с гербами на щитах, с геральдическими украшениями на шлемах (впрочем, об этом уже изрядно написано до меня, и развивать данную тему я не буду, отправлю читателя к блестящим книгам проекта «Хронотрон», против которых ни одна мудрая голова еще не выдвинула ни одного внятного возражения. Натужные насмешки и вялые ругательства, понятное дело, не в счет).

Вернемся к книге Юлия Цезаря. В описании и Галльской, и Африканской кампаний опять-таки встречаются весьма подозрительные места, заставляющие думать, что мы все же имеем дело не с «античностью», а с самым что ни на есть натуральным Средневековьем...

Очаровательная фраза попалась мне у Цезаря, по обычаю того времени пишущего о себе в третьем лице: «По обоим его (холма. – А. Б.) бокам Цезарь провел поперечные рвы около четырехсот шагов в длину, на концах этих рвов заложил редуты и снабдил их тяжелыми *орудиями*, чтобы после построения войска в боевой порядок превосходящие его численностью враги не могли во время сражения зайти его солдатам во фланги».

Каково?! Только не нужно мне тут талдычить в который раз, что под «тяжелыми орудиями» имелись в виду катапульты и

прочая пуляющая камнем античная машинерия. Все катапульты, баллисты и прочие приспособления, сколько их ни есть, пуляют ли они камнями или стрелами, категорически *бесполезны* против живой силы противника. Даже те их разновидности, что не выдуманы, а реально существовали, пригодны исключительно при осаде крепостей. Потому что любая тяжеленная каменеметалка, которую невозможно *наводить* по бегущей цели, не способна сыграть ни малейшей роли в отражении противника. Ну как она может помешать зайти во фланг? Пустит один-единственный булыжник, который к тому же прекрасно виден на всем протяжении полета, так что увернуться от него невелик труд – а потом «орудийная прислуга» будет моментально истыкана стрелами или попросту сметена бегущей толпой... Фраза Цезаря имеет смысл при одном-единственном условии: если под «тяжелыми орудиями» подразумеваются исключительно пушки. Обезопасить фланги с помощью пушек – как раз вполне реально...

На всем протяжении «древнеримских» войн встречаются упоминания о каких-то загадочных «снарядах», которыми «осыпают» противника – причем сплошь и рядом «снаряды» упоминаются отдельно, а копья, стрелы и камни для пращи – отдельно. Вновь можно заподозрить, что речь идет о ружейных пулях, которые в результате рукоблудия «благонадежных» комментаторов именно так стали поименованы.

А впрочем... Очередная цитата из Цезаря: «... распорядился, чтобы было сделано как можно более стрел и копий, чтобы *лились пули* и изготовлялся палисад...»

Зачем Цезарю пули, если у него нет огнестрельного оружия? «Традиционалисты», конечно же, нашли ответ, акробаты этикие: мол, этими свинцовыми пулями из пращей пуляли...

Это примерно то же самое, как если бы сегодня армейские патроны снаряжали золотыми пулями. Металл в древности ценился крайне высоко, и вряд ли Цезарь был настолько расточителен, чтобы центнерами переводить свинец для прашников –

которым достаточно было с полчаса погулять по окрестностям, чтобы собрать достаточно камней: и дешево и сердито. Кстати, у Цезаря опять-таки «камни для пращи» упоминаются отдельно от «пуль».

И наконец... Описание осады галлами римского лагеря: «На седьмой день осады поднялась сильная буря, и враги, пользуясь этим, стали метать из пращей раскаленные глиняные пули, а также дротики с огнем на острие в бараки, которые, по галльскому обычаю, имели соломенную крышу. Они быстро загорелись, и силой ветра огонь распространился по всему лагерю».

Дротики с огнем на острие никаких возражений не вызывают, но вот раскаленные глиняные пули, выпущенные из *пращи*, ни в какие ворота не лезут. Напоминаю: праща – это крайне простое метательное орудие. Состоит она из матерчатой или кожаной полоски, к которой с обеих сторон присобачено по веревочке. В полоску закладывается камень, и пращу, держа за оба конца веревки, крутят над головой. Потом один конец отпускают, и камень, под действием центробежной силы набрав хорошее ускорение, летит во врага. При столкновении с незащищенной головой последствия – самые печальные.

Так вот, глиняный шар, раскаленный до такой степени, что он способен поджечь соломенную крышу, непременно прожжет к чертовой матери основу пращи, неважно, матерчатую или кожаную... Не верящие могут поставить эксперимент и сами убедиться. А вот поджигать соломенные крыши раскаленными ядрами из *пушек* – прием издавна известный и очень эффективный. Может применяться в комбинации с горящими стрелами и дротиками...

Так *когда* происходили войны Цезаря с «варварами», позволите поинтересоваться? Не в Средневековье ли?

«Солдаты вспомогательных отрядов... подавали камни и снаряды».

«Цезарь перевел по мосту всю конницу и легковооруженных нумидийцев, пращников и *стрелков...*»

«...Остальных, которые делали отчаянные попытки пройти по трупам павших, они отразили градом снарядов...»

«Наши всадники перешли вместе со стрелками и пращниками через реку...»

Вот, кстати: «Проконсул Аллиэн... посадил в Лилибее на грузовые корабли... тысячу пращников и стрелков».

Предположим, что пращников была ровно половина, то есть пятьсот человек – почему бы и нет, не зря же они стоят на первом месте, да и вообще их количество в римской армии было ох каким немаленьким...

Теперь сделаем простейшие расчеты, доступные человеку и со средним образованием. Сколько «зарядов» нужно пращнику для хорошего боя? Античные источники и ученые труды этот вопрос обходят, но, прикидывая с практической точки зрения, получается, что не один и не два – штук двадцать как минимум, а то и поболее. Для надежной убойности «заряд» должен весить граммов двести (на самом деле, возможно, и больше). Так и быть, великодушно возьмем по минимуму, примем за данность, что «боезапас» обычного пращника составляет двадцать пресловутых «свинцовых пуль» весом в двести граммов каждая. То есть – четыре килограмма свинца на... гм, на человека. И это только для одного сражения. Стало быть, для всего отряда потребуется две *тонны* свинца. А сколько всего пращников в римской армии? А сколько боев? И что же, прикажете верить, что «древние» римляне были настолько богаты металлом и расточительны, что любой неумытой пехотной роже выделяли свинец прямо-таки центнерами? Когда вокруг валялась уйма камней, способных щелкнуть по вражеской башке ничуть не хуже кропотливо изготовленного свинцового «заряда»? А ведь нужно было еще иметь в войсках специальные мастерские, кучу людей от дела отрывать, чтобы те ничем другим не занимались, кроме как отливать из свинца метательные снаряды, большая часть которых будет бесповоротно потеряна в бою? (Римские источники, кстати, ни словом не упоминают о существовании «тро-

фейных команд», собиравших после сражения амуницию и прочее, достойное внимания.)

Плохо верится, что «древние» были столь расточительны. Если придерживаться версии, что «свинцовые пули» использовались все же для огнестрельного оружия, многое становится на свои места и уже не выглядит сюрреализмом. Бдительные комментаторы постарались, вычистили «неподобающие» детали, но за мелочами следили плохо, вот и проскочили «свинцовые пули» с «тяжелыми орудиями»...

Вообще, повторяю в который уж раз, для вдумчивого анализа истории так называемого «античного» мира не мешало бы привлечь специалистов совершенно других профессий – инженеров, металлургов, геологов. Чтобы, поверив алгеброй гармонию, с точки зрения своих наук и ремесел прикинули: было ли «древнее» производство настолько развитым и масштабным, чтобы позволить всякому неумытому пращнику пулять во врага пригоршнями драгоценного металла? Были ли «древние» способны заполнять амфитеатры миллионами кубов воды ради красочных гладиаторских сражений, как о том живописно повествуется в иных «достоверных» текстах? Сколько человеко-дней требовалось для изготовления одного-единственного железного панциря и было ли, таким образом, экономически оправдано напяливать его на *раба*-гладиатора? И так далее, и тому подобное...

Между прочим, в *других* науках достаточно давно применяется метод под названием «междисциплинарное межпредметное исследование». Несмотря на кажущуюся сложность названия, ничего особенно заумного в этом методе нет. Означает это всего лишь то, что один и тот же объект одновременно изучается методами *разных* наук. Вот только применяется этот подход где угодно, кроме истории. При малейшей попытке математиков, инженеров, астрономов, военных специалистов вторгнуться в компетенцию историков, последние вновь раздражаются теми же заунывными воплями об уникальности своей науки – мол,

есть некие доступные лишь посвященным полумистические волшебные методы... ну, вы знаете.

А потому порой возникают пикантные казусы вроде случившегося несколько лет назад. В Центральной Америке была обнаружена очередная древняя пирамида, построенная некогда индейцами и давным-давно залитая лавой при извержении вулкана. Чтобы точно определить, сколько же времени умещается в понятии «давным-давно», пригласил геологов...

И начался форменный кошмар – с точки зрения вовлеченных в него сторон. Геологи с пеной у рта доказывали, что извержение произошло ни много ни мало семь тысяч лет назад. Историки не менее упрямо толковали, что, по их представлениям, семь тысяч лет назад не то что пирамиды не строили, но и простейшую хижину лепили с трудом. Геологи отвечали: уж не знаем, что там по *вашим* теориям, но что касается *наших* – семь тысяч лет объекту, хоть режьте!

Обе стороны стояли насмерть, и это понятно: тот, кто дрогнул бы и уступил, тем самым автоматически поставил бы под сомнение чересчур уж фундаментальные основы *своей* науки – ну, они ж не самоубийцы...

В конце концов, чтобы и в самом деле не дошло до смертоубийства, пошли по избитому пути: дискуссию потихонечку свернули, притворившись, будто ее и не было... Не поступились принципами. А ведь не может, никак не может оказаться так, чтобы *обе* стороны были правы! Одна из них непременно должна была ошибаться! Вот только так и осталось непонятным, *чья* же фундаментальные основы следует взять под сомнение. К геологии, между прочим, тоже накопились некоторые претензии по части научной точности – но это тема следующей книги...

Что до исторической науки, то есть тут и обратная сторона медали. С тем же упрямством и нешуточным запалом, с каким наши историки загоняют «варваров» в «городища», они поступают и наоборот – из ничего, на пустом месте создают миражи «великих империй» и «развитых цивилизаций».

В первую очередь это касается, конечно же, мифа о «невероятно древней» китайской цивилизации, которая якобы уже в незапамятные времена выдумала решительно все, до чего только способен доискаться пытливый человеческий ум: и компас изобрела за сотни лет до европейцев, и книги стала печатать за тысячу лет до Гуттенберга, и порох придумала первой, и ракеты...

Пожалуй что кульминацией этой растянувшейся на пару сотен лет басни стала недавно вышедшая книга некоего Гевина Мензиса с завлекательным названием: «1421. Год, когда Китай открыл мир». Согласно изысканиям мистера Мензиса, в означенном году искусники китайцы отправили в кругосветное плавание могучие флотилии, которые (держитесь за стулья!) обогнули по периметру Австралию, обе Америки и даже Гренландию, да вдобавок прошли Северным морским путем из Исландии в Японию... Одним словом, изучили чуть ли не весь земной шар задолго до отсталых европейцев.

С доказательствами, правда, у Мензиса откровенно слабовато. Вот характерный пример. В Калифорнии, на берегу залива Сакраменто, якобы обнаружили остатки средневековой китайской джонки (суденышко такое). Естественно, наш герой тут же объявил ее одним из кораблей того самого великого флота, за пару лет совершившего несколько «кругосветок». Аргументы? Видите ли, в трюме был обнаружен странный доспех, броня из цельнокованой пластины, изготовленная из «серебристо-серого металла» (какого именно, благоразумно не уточняется, как не объясняется, почему же загадочный металл не проржавел насквозь чуть ли не за шестьсот лет, а сохранил благородный серебристо-серый цвет). Броню показали некоему «местному знатоку оружия» (о котором более точных данных не сообщается), и тот чуть ли не с первого взгляда определил: о`кей, ребята, это средневековый китайский доспех!

К слову, «эксперт» этот проживал не в крупном городе, а в близлежащем от Сакраменто *поселке*. Вскорости он умер, а загадочная броня, которую отчего-то передали не в серьезное на-

учное учреждение, а в обычную школу того же поселка, куда-то напрочь запропастилась. С доказательствами, и без того сомнительными, резко поплохело.

Энтузиасты в лице некоего доктора Ферри из Музея естественной истории (ну, как-никак все же не поселковая школа!) взялись за работу. Доктор откопал на том месте некие семена и мумифицированного жука – каковую добычу послал в Китай, поскольку был убежден, что семена определенно китайские.

К сожалению, ответа из Китая так и не последовало – вот интересно, с чего бы это вдруг китайцы не ухватились за столь явную возможность доказать славные мореходные подвиги своих предков? Словом, получился пшик. И тем не менее энтузиасты «не сомневаются», что где-то в песке покоится средневековая китайская джонка. Почему? А по кочану...

Все остальные «аргументы» Мензиса – на том же уровне. Очередная разбитая джонка отыскалась опять же где-то в Калифорнии, и в ее трюме обнаружили семена опиумного мака. Тут же объявился м-р Мензис, заявивший: дело ясное, китайцы еще в Средневековье торговали наркотиками! Такой мак растет только в Юго-Восточном Китае!

Увы, у Мензиса определенно плохо со знанием истории – иначе знал бы, что посевы опиумного мака появились в Китае только в *девятнадцатом* столетии трудами не самих китайцев, но англичан. А следовательно, и потерпевшая крушение джонка явно относится к тем же временам – когда в Калифорнии вспыхнула «золотая лихорадка», и туда устремились, в числе прочих, и китайцы, которым соплеменники подбрасывали опиум...

Но главное! «Великие кругосветные мореплаватели», трудолюбиво исследуя все континенты, вплоть до укрытой льдами Антарктиды, отчего-то были настолько неуклюжи, что ухитрились *вообще* не показаться в Европе. А потому, как нетрудно догадаться, в европейских архивах не сыскалось ни единой строчки о странных раскосых мореплавателях на диковинных

кораблях. Ни единой. Мензис с унылым видом твердит что-то о всеевропейском заговоре, в результате которого все без исключения архивы Европы были вычищены – ну а что еще ему остается твердить? Когда что-то не складывается, ясен пень, следует искать глобальный заговор. (Кстати, уже и работы Фоменко объявили частью глобального заговора жидомасонов, направленного на унижение русской истории путем ее зловредного «ужимания». Не верите? А я, между прочим, серьезно. Есть такой дважды академик Бегунов, рекомендую его, «антифоменки», удовольствие гарантирую редкостное...)

Вообще-то Мензис нисколько не виноват. Он не самостоятельно повредился малость в логическом мышлении, а просто-напросто, надо полагать, начитался тех самых «правильных» ученых трудов, повествующих о немыслимой древности Китая и его первенстве во всем на свете. Сон разума, как говорится, рождает чудовищ. Тем и плоха современная историческая наука, что она, помимо прочего, плодит таких вот Мензисов – хотя ужасно оскорбится, если намекнуть на ее прямую вину...

А что там с Китаем в *реальности*?

А снова – курьез на курьезе, господа мои!

Некоторые меня ругают за то, что я в новые книги вставляю кое-какие фрагменты из старых, но, право же, порой бывает так трудно удержаться, коли речь идет о той же теме, а факты чересчур уж *смачны*...

И потому, рискуя рассердить иных, я вновь напомню о толстенном учебнике для вузов «История Китая» – составлен целым коллективом, представленным как «известные историки-китаеведы, преподаватели кафедры истории Китая ИСАА при МГУ».

Слеза от прочтения прошибает... И что же пишут ученые кафедральщики для нас, невежд?

Начато во здравие: «В настоящее время российское китаеведение – одна из наиболее плодотворно работающих отраслей российского востоковедения. Это в полной мере относится и к

историкам-китаеведам, за последние годы опубликовавшим книги и статьи почти по всем периодам *долгой и непрерывной* (курсив мой. – А. Б.) китайской истории».

А вот *следующая* фраза, пожалуй что – как раз за упокой: «Однако явно не хватает работ обобщающего характера, которые могли бы претендовать на изложение всей истории нашего великого соседа».

Что за странности? Как ни бьются, а «обобщающих работ» *нету* (именно так и следует переводить уклончиво-обтекаемую формулировку). А почему? Ведь Китай, как пишут те же авторы, страна «непрерывной культурной традиции, в том числе и традиции историописания».

Ребята, за чем же дело стало? Обложитесь ворохами «непрерывных летописей» – и вперед, к Нобелевке!

Да нет, не складывается маленько. Уже на *следующей* странице те же дамы и господа объясняют, что все обстоит далеко не так благостно, как они *только что* уверяли, и, строго говоря, никакого такого «непрерывного историописания» нет вовсе...

Цитирую обширно: «Обычно каждая новая династия после своего утверждения на престоле создавала комиссию профессиональных историков, в задачу которых входило написание истории предшествующей династии. Всего таких историй традиционно насчитывается 24. Они составлялись высококвалифицированными специалистами, стремившимися достаточно объективно изложить исторические события предшествующей династии и подвести читателя к выводам, которые должны были подтвердить легитимность правящей династии. Естественно (!!! – А. Б.), что доказательство легитимности новой династии подчас требовало новой интерпретации событий далекого прошлого (или – не особенно далекого, а? – А. Б.). В этом случае члены этих комиссий (они все-таки были не просто историками, а чиновниками по ведомству истории!) препарировали в нужном духе исторический материал...»

Быть может, теперь кто-нибудь понимает, отчего я, грешный, выражаюсь о наших историках сплошь и рядом абсолютно не-кошерно?

Двадцать четыре раза китайскую историю переписывали напрочь (при этом проводя операции в масштабах всей страны по изъятию у населения «неправильных» книг). И после этого можно говорить о какой-то исторической точности и правдоподобии?!

Вот как проходила одна такая акция в 1722 году: «Маньчжурские правители образовали особый комитет для составления истории предыдущей династии Мин...»

Которую, между прочим, как бы это выразиться культурнее, немножечко свергли. А потому идиотством выглядит утверждение авторов цитируемого учебника: «Однако это "переписывание" истории происходило при строгом соблюдении конфуцианской этики и дидактики...»

Хорошие мои, ну нельзя так уж откровенно дурить мозги! Новые маньчжурские правители, только что согнавшие с престола предшествующую династию, будут составлять ее *хвалебную* историю? Наоборот, высочайше повелят навесить всех собак. И где-то поблизости уже маячат хмурые палачи... Какая тут, хвостом вас по голове, конфуцианская этика?!

Но пойдем дальше: «Оппозиция не смогла смириться с такой трактовкой истории павшей династии, поэтому появились "частные" истории Минской династии... Правители ответили казнями, заключениями в тюрьму, ссылками... Неудобные правительству книги изымались. Между 1774 и 1782 годами изъятия проводились 34 раза. С 1772 г. был предпринят сбор всех печатных книг, когда-либо вышедших в Китае. Сбор продолжался 20 лет, для разбора и обработки собранного материала были привлечены 360 человек (специалисты по этике, ага! – А. Б.). Через несколько лет 3457 названий были выпущены в новом издании, а остальные 6766 были описаны в каталоге. По сути дела, это была грандиозная операция по изъятию книг и не менее грандиозная

операция по фальсификации (видит Бог, не я это слово произнес! – А. Б.) текстов. В вышедших новых изданиях были изъяты все нежелательные места, менялись даже названия книг».

Если кто-то решит, что я цитировал Морозова или Фоменко, пусть ему будет стыдно. Эти абзацы взяты из десяти томной «Всемирной истории», подготовленной Академией наук СССР...

Итак? Даже если бы с китайской историей *один* раз проделали вышеописанную операцию, веры ей не было бы ни на грош. А мы ведь только что узнали из солидного (полкило весит!) учебника для вузов, что такие фокусы на протяжении китайской истории имели место двадцать четыре раза. Ну какая тут, к лешему, достоверность?!

В одном я с авторами учебника согласен: что все эти извращения над историей вытворяли *специалисты*. Косоруким такое дело ни за что не доверят. У нас тоже в свое время над иными историческими фотографиями работали не абы кто, а специалисты своего дела. На одной фотографии рядом с товарищем Сталиным шагал, мило улыбаясь, «железный нарком» Ежов. А на другой, появившейся в печати уже после того, как железного наркома малость покритиковали из двух наганов сразу, рядом с Иосифом Виссарионовичем – одни гранитные перила, да водная гладь, да благорастворение атмосферы. Причем столь убедительное благорастворение, что в три лупы разглядывай – а все равно не определишь, что допрежь того на месте безмятежной атмосферы был товарищ Ежов в шинельке, при улыбочке. Вот так и с китайцами обстояло... Только при чем тут историческая достоверность?

Вообще, *самые* древние китайские рукописи относятся максимум к *шестнадцатому* столетию. То, что иные авторы утверждают, будто при этом держали под рукой древнейшие оригиналы, дела не меняет – кто эти оригиналы видел? В точности как с «Велесовой книгой» – апологеты ее, звучно бия себя в грудь, на голубом глазу уверяют, что писана она не иначе как за миллион лет до нашей эры, вот только подлинник куда-то запропас-

тился. И со «Словом о полку Игореве» обстоит точно так же, и с ворохом иных «бесценных памятников»...

Вообще с «древними китайскими достижениями» следует обращаться осторожно – тщательнее надо, ребята, как учит Михал Михалыч Жванецкий. Поскольку казусов хватало. Вот один, достаточно известный. Лет семьдесят назад тогдашние Мензисы решили преподнести миру очередную сенсацию: объявили, что логарифмы изобрел не шотландский математик Джон Непер, впервые в европейской истории издавший таблицу логарифмов в 1614 году, а именно что древние, очень древние китайцы. В доказательство была предъявлена древняя, очень древняя китайская рукопись – одни логарифмы...

Вот только когда над «древней» рукописью поработали профессионалы, случился конфуз: математики быстро определили, что перед ними нечто целиком списанное как раз с книги Непера. И доказательства железные: в «древней» рукописи обнаружилось все до единой опечатки, присутствовавшие в книге Непера.

А вот наемдн... Попалась мне в книжном магазине книга с названием «История Китая». Полагая, что столкнулся с очередным «баснословием», я лениво ее перелистнул... и вскоре помчался к кассе. Поразительно, но оказалось вдруг, что касаясь «древней» истории Китая в наши дни есть и *другие* мнения.

Автор – профессор Австралийского государственного университета Ч. П. Фицджеральд. К «новым хронологам» не имеет ни малейшего отношения (полное впечатление, вообще о них не слыхивал), так что по убеждениям – стойкий «традиционалист». Одним словом, в связях, порочащих его, не замечен...

Вот только взгляды уважаемого профессора – самые что ни на есть еретические! Р-ревизионистские. Не хуже, чем у Фоменко...

Одним махом (так и подмывает сказать «одним движением скальпеля») австралиец укорачивает историю Китая с баснословной до реальной ровно *вдвое*. С четырех тысяч лет до двух.

Логично рассуждая, отсюда вытекает, что в недалеком будущем (о чем пишет сам Фицджеральд), вполне возможно, «баснословие» можно будет укоротить еще не энное количество столетий...

Факт отраднейший: «настоящий» ученый, прочно стоящий на позициях «традиционной» истории-хронологии, совершает прямо-таки еретические, с точки зрения многих отечественных умов, действия. Более того, из книги Фицджеральда недвусмысленно следует, что он вовсе не одиночка-отщепенец, и близкие к его точке зрения взгляды в западной историографии получили распространение. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Цитирую: «На Западе широко распространено еще одно заблуждение, а именно: китайская цивилизация очень древняя, уходящая корнями в далекое прошлое. На самом же деле она гораздо моложе, например, критской цивилизации. Цивилизация Ближнего Востока тоже намного старше китайской».

Далее – еще интереснее. «Сами китайцы в немалой степени способствовали распространению этого заблуждения. Считалось абсолютно нормальным записывать в официальные летописи выдуманные события, которые якобы на самом деле имели место быть, причем за тысячу лет до начала реальной истории Китая. Эта древняя традиция была, без сомнения, принята на веру первыми синологами, которые, конечно, не имели возможности подтвердить реальность исторических событий археологическими находками».

Оказывается, такова уж была китайская традиция. «Китайцы писали свою историю с вполне определенной целью – нравственной, которая состояла в том, чтобы предостеречь современников от ошибок, приводя печальные примеры прошлых пороков и заблуждений, и вдохновить их на добрые дела примерами добродетели и мудрости. Фактические события нельзя было фальсифицировать: если действия бывших правителей были плохими, они должны были служить примером порока и ошибок. Там, где исторические записи не могли преподать такой урок, следо-

вало заменять их традицией. Легенды прошлого должны были принять вид, подходящий для того, чтобы служить нравственным уроком».

Как видим, китайцы сочиняли «невообразимо древнюю» историю своей страны, в общем, не ради того, чтобы получить какие-то выгоды – это просто-напросто служило нравовучению и воспитанию. Другое дело, что появившиеся в Китае европейские исследователи, не уловившие этих немаловажных нюансов, не стали отделять «длинные» вымыслы от «коротких» реалий и, не мудрствуя лукаво, удлиннили историю Китая вдвое, а то и больше, исключительно на основе *веры* – ежели написано на бумаге, значит, так оно и было...

А потому Фицджеральд безжалостно сокращает «баснословие». Изобретение книгопечатания с помощью отдельных иероглифов он, например, относит не к «седой древности», а к 1045 году от Р. Х., что выглядит гораздо более реальным.

«Стекло не было изобретением китайцев; его делали на Ближнем Востоке задолго до того, как начали ввозить в Китай... Когда китайцы познакомились со стеклом, они начали экспериментировать с новым веществом и изобрели технологию производства стекла, отличную от той, которая использовалась на Западе».

«Долго считалось, что именно китайцы придумали очки, но, скорее всего, они были изобретены на Ближнем Востоке или в Европе. Нет сведений, что очки использовались в Китае, до конца XIV века, когда начались активные контакты с Персией и арабскими странами».

Приоритет китайцев в изобретении компаса Фицджеральд не отрицает, но считает, что его практическое использование началось в X–XI веках *после* Рождества Христова, а до того магнитная стрелка была тщательно скрываемой тайной немногочисленных ученых, имевших больше сходства со жрецами-магами...

Жуткие «боевые ракеты» китайцев, якобы еще лет восемьсот назад выжигавшие все живое на полсотни метров в окружнос-

ти, Фицджеральд опять-таки сводит к более реалистичным приспособлениям. По его мнению, максимум, на что была способна китайская оружейная мысль – это *нетарды*, которыми пытались испугать лошадей противника. И не более того...

О морских экспедициях XV века Фицджеральд упоминает – но, разумеется, не повторяет побасенок об открытии китайцами Антарктиды, Америки и Австралии. Все проще: китайцы плавали на гораздо более близкие расстояния – к Малайзии, Яве, Суматре, Цейлону и Филиппинам, в Бирму и на восточное индийское побережье. Максимум, куда они добрались – в Персидский залив и на Занзибар... А потом широко распространилось японское морское пиратство, в названных акваториях появились португальцы и голландцы. И те, и другие, и третьи активнейшим образом нападали на китайские джонки, так что китайское мореплавание поневоле сошло на нет...

Правда, системы речных *иллюзов*, по Фицджеральду, были изобретены в Китае на несколько столетий раньше, чем в Европе, – в XI в. после Р. Х. Но причиной тому не особая «гениальность» китайцев, а насковзь практические поводы: в Китае нужно было вести широкомасштабные работы по осушению обширных болот, а в Европе такой проблемы не имелось... Точно так же обстояло дело и с бурением артезианских скважин: китайцам пришлось развивать это ремесло из-за того, что их соляные залежи залегали глубоко под землей и требовали особых технологий глубокого бурения – ну а европейцы испокон веков работали по другой технологии, добывая каменную соль шахтным методом...

Одним словом, выход на русском языке книги Фицджеральда – явление отраднейшее. Приятно неожиданно-негаданно получить поддержку с самой неожиданной стороны, из лагеря «традиционалистов». И завершить тут можно словами Фицджеральда: «С течением времени, когда политические страсти улягутся, придет более полное и всеобъемлющее понимание китайской истории. Разные точки зрения на ее периодизацию будут пере-

смотрены учеными будущего, которые будут более заинтересованы в фактах, доподлинно установленных в результате неустанного труда ученых сегодняшних».

Правда, есть сильное подозрение, что *отечественные* твердолобые, хоть им кол на голове теши, так и останутся при своей точке зрения. Не зря же наша наука вот уже полторы сотни лет (!) с маниакальным упорством держится за мифический «подвиг Ивана Сусанина» и немалую пригоршню других столь же баснословных «свершений»...

Взять хотя бы ситуацию с «государством Урарту», о котором многие из читателей, я уверен, слыхивали что-то в школе. Якобы таковое существовало в IX–VI вв. до Р. Х. на территории нынешней Армении, но тогдашние предки армян не имели к нему никакого отношения.

Еще в конце 50-х годов прошлого века появились достаточно убедительные гипотезы, говорившие о том, что никакого такого «Урарту» никогда не существовало. Просто-напросто, обнаружив на территории Армении древнюю клинопись, *напоминавшую* ассирийскую, ученые прочитали ее по-ассирийски же. Это примерно то же самое, как если бы польский текст переводили по правилам грамматики и фонетики английского – буквы в основном те же, но язык-то другой! Вот и было изобретено химерическое «Урарту».

А меж тем ученому миру прекрасно была известна «История Армении» Мовсеса Хоренаци, где он, в частности, пишет, что там, где историки впопыхах поместили мифическое «Урарту», преспокойно существовало *армянское* царство династии Гайказуни. Да и тогдашние соседи царей Гайказуни никакого такого «Урарту» не знали.

Тем не менее ученые мужи поступили как шкодливые мальчишки: те места из Мовсеса Хоренаци, которые не противоречили их собственным построениям, признали достоверными, те, что их теориям откровенно противоречили, объявили «неточностями» и «вымыслами». Это любимый прием историков в обра-

щении с источниками, кстати говоря – как только древний автор упомянет что-то пришедшее не по нраву современным *жрецам*, он моментально становится «заблуждавшимся» и «ошибавшимся».

А потому в той же Армении наблюдается немало курьезов, скажем мягко. Когда сорок лет назад озеро Севан ощутило обмелело из-за построенных поблизости ГЭС, на обнажившейся суше археологи обнаружили внушительные остатки древних сооружений. Пикантность же в том, что геологи, так называемая «школа Милановского», много лет до того утверждали, что эти места стали дном озера полтора миллиона лет назад... Геологические теории пересматривать никто не стал (а следовало бы!), но археологи извлекли с того места, которое якобы полтора миллиона лет было дном озера, массу обиходных предметов, золотые и серебряные украшения, даже колесницы...

К слову, есть веские доказательства того, что вовсе не гегуэзцы, а армяне возвели в средневековом Крыму крепости и церкви. Поскольку крепость в Судаке (X–XI вв. от Р. Х.) как две капли воды напоминает армянские цитадели в Ани и Ване, а храмы в том же Судаке построены не по европейским канонам, а в стиле типично армянской архитектуры и украшены типично армянскими фресками Христа и Богоматери. Тем не менее все это упрямо приписывается гегуэзцам. Противоположной точки зрения придерживался академик Н. Я. Марр, но он в свое время стал «политическим пугалом» и был прямо-таки вычеркнут из истории науки, а потому и упоминать о его работах стало как бы *неуместно...*

Но спустимся наконец с армянских гор в степи. Пока что – не азиатские, а причерноморские...

Глава третья

ХОЗЯЕВА ЗОЛОТЫХ КУРГАНОВ

История событий, происходивших пару тысяч лет назад в Северном Причерноморье и на тех землях, что впоследствии станут называться Южной Русью, как и истории обитавших там народов, по версии официальной истории, выглядят донельзя баснословно.

Обрисовать это можно примерно следующим образом:

Киммерийцы	– 1000–700 гг. до Р. Х.
Скифы	– 700–200 гг. до Р. Х.
Сарматы	– 200 гг. до Р. Х. – 200 гг. после Р. Х.
Готы	– 200–370 гг. после Р. Х.
Гунны	– 370–454 гг.
Авары	– 558–650 гг.
Хазары	– VI в. по Р. Х.
Волжские булгары	– 650–737 гг.
Печенеги, торки, берендеи	– IX–XI вв.
Половцы (куманы)	– XI–XII вв.
Монголо-татары	– XIII в.
Калмыки	– XVIII в.

Обратите внимание, с какой точностью – до года! – датируется нашей официальной историей появление в Южной Руси гун-

нов и аваров. При том, что ни они сами, ни их соседи не оставили документов с точными датами и штампами о прописке-выписке...

Но и это еще не все. Обстоятельства появления и исчезновения всех вышеперечисленных народов (кроме более поздних «татаро-монголов» и совсем уже поздних калмыков) изображаются стандартно: некие ужасно могучие соседи начинали «теснить» бедолаг киммерийцев из Азии на запад. Те беспомощно бежали, обосновывались в Причерноморье и южнорусских степях, причем, что характерно, были до того сильны и могучи, что без особого труда «выкраивали» себе земли и устраивались на них, пару-тройку столетий угнетая всех «местных». Становились гегемонами, так сказать. Потом с востока накатывалась очередная орда иноплеменников – с одной стороны, безбожно слабых, вытесняемых «сильными соседями», с другой – чертовски могучих, поскольку без особого труда разбивали в хвост и в гриву пригревшихся в благодатных краях предшественников. После чего предшественники непонятным образом «исчезали».

И вот так якобы повторялось *всякий* раз. Этакая карусель, где носятся по кругу одни и те же коняшки, слоны и прочее деревянное зверье. Были вытеснены сильными соседями – обосновались на новом месте, покорив аборигенов, – подверглись нападению очередных «вытесненных» – исчезли. Каждый раз «исчезают» очередные невезучие странники совершенно мистическим образом: вот только что на небольшом пространстве обитал многочисленный народ со скотом и кузницами, с царями и знатью, с чадами и домочадцами – и вдруг взял да «исчез». Причем слово это историки пишут, не краснея, с таким видом, словно это само по себе объяснение. Где скифы? А они исчезли. Как? Каким образом? Вам же русским языком академик объясняет: и-с-ч-е-з-л-и!

Впрочем, иногда (надо полагать, в виде особой милости) историки позволяют тому или иному народу «частично смешать-

ся с завоевателями». Но такое благодущие у них проявляется редко. Гораздо чаще звучит категорическое: исчезли!

Воля ваша, но в *жизни* так не бывает. Случалось иногда, что и в самом деле исчезали целые народы – вроде пруссов, под корень истребленных крестоносцами. Но здесь речь идет о целенаправленном геноциде – а в тех старых источниках, что дошли до нашего времени, ни разу не упоминается, чтобы очередные завоеватели ставили себе целью начисто, под корень истребить предшественников. Более того, эти старые источники сплошь и рядом как раз и дают насквозь еретическую картину былых времен, категорически не совпадающую с официальной историей...

Но не будем забегать вперед. Источники мы еще рассмотрим вдумчиво...

Киммерийцы – безусловно, весьма интересные сами по себе, – для нашего повествования как раз неинтересны, поэтому, миновав их, перейдем сразу к скифам.

Естественно, легко догадаться, что это никакой не народ, а группа «племен», как и полагается персонажам второстепенным, не особенно и историческим. Само собой разумеется, в изображении «правоверных» историков скифы – кочевое племя. Это определение звучит с монотонностью шаманского заклинания: кочевники, кочевники, кочевники!

Вот только дальше начинается сюрреализм. Вновь историки, пытаясь совместить несовместимое, объединяют (порой в одной фразе) противоречащие друг другу факты.

«В основном» скифы были, конечно, кочевниками (Т. Райс), но в то же время «их пастушеская жизнь в определенной степени зависела и от земледельческих общин».

Кочевники... и в то же время не кочевники вовсе. Как прикажете расценивать следующую словесную эквилибристику: «И совсем не представляется невероятным то, что по крайней мере к V в. до н. э. какая-то часть каждого племени жила в постоянных или полупостоянных (эт-то еще что за диво?! – А. Б.) поселениях, которые служили базой для кочевой части племени.

Великолепно... Племена, конечно, кочевые, но у *каждого* из них есть «база» в виде оседлой части племени.

Но в таком случае это не совсем и кочевники! Точнее, совсем не кочевники! Иначе пришлось бы записывать в «кочевники», например, российских казаков конца XIX – начала XX вв. Как же, все вышеперечисленные признаки налицо: *часть* казаков и в самом деле словно бы «кочует», по несколько месяцев выпасая табуны в степи или ловя рыбу вдали от постоянного жилья – и в то же время другая, большая часть живет оседло в станицах, сажая пшеничку и занимаясь ремеслами...

Да и современная деревня с этой точки зрения – сплошное «кочевье»: пастух ведь день-деньской *кочует* со стадом, да и земледельцы «кочуют» с поля на поле из центральной усадьбы...

Эквилибристика продолжается. Того, что «по крайней мере часть» скифов была оседлой, отрицать нельзя – ведь сохранилась масса древних текстов, повествующих о том, что именно «кочевники» снабжали греческие города-колонии на побережье Черного моря... хлебом. Цивилизованные греки отчего-то никак не могли сами наладить земледелие, вот и пришлось существовать за счет зерна, закупаемого у «диких» скифов.

Итак, скифы – *землепашцы*...

А еще – *строители*. Поскольку обитали... ну, не в городах, конечно, – в *городищах*. Варварам, как мы помним, полагается иметь не города, а городища.

Вот Каменское «городище» – на левом берегу Днепра, прямо напротив греческого *города* Никополь. Площадь скифского «городища» – пять квадратных километров, – опять-таки всего вдвое меньше Парижа образца 1648 года. Дома построены либо из дерева, либо из глины и по площади мало напоминают «хижины» – это именно дома, от 40 до 175 квадратных метров (в наше время квартира в сорок «квадратов» считается вполне приличной). В городище обнаружены остатки многочисленных кузниц...

Вот именно. «Кочевники» еще и неплохо обрабатывают металлы. Рядовой скифский воин вооружен железным мечом и

одет в чешуйчатый доспех – на кожаную рубаху нашиты ряды железных или бронзовых пластинок (в точности как у «древних» римлян) – и такой же шлем. Их боевые кони также защищены броней: голова – литой налобной пластиной, грудь – кожаным нагрудником, покрытым железными бляшками. Одним словом, схожесть с рыцарем раннего Средневековья поразительная. Как отмечает современный исследователь, «скифами был создан комплекс вооружения, не претерпевший сколько-нибудь серьезных изменений вплоть до изобретения огнестрельного оружия». Деревянное, обшитое кожей седло – тоже, кстати, изобретение скифов.

Еще более внушительно, нежели Каменское «городище», выглядит скифская *столица* – Неаполь Скифский, что был раскопан археологами на окраине нынешнего Симферополя. Площадью около двадцати гектаров, столица была окружена каменной стеной, толщиной от 8 до 12 *метров* – с соответствующей высотой. В городе немало общественных зданий, построенных из камня, крытых черепицей, украшенных колоннами, статуями из бронзы и мрамора...

И наконец – *ювелиры*. В приложении читатель может увидеть лишь малую часть великолепных изделий из золота и серебра. Наши «кочевники» не только строили города, окруженные каменными стенами, каменные дома, изготавливали железное оружие, броню и всевозможные инструменты «гражданского» применения, но и были искуснейшими ювелирами.

А значит, сказка о «кочевниках» – сказка и есть. Если некий народ добился всех вышеперечисленных достижений, нет оснований записывать его в «дикие скотоводы». Речь, безусловно, может идти – как вы, быть может, согласитесь, – о *государстве*. Может статься, и не дотягивающем до «древнего» Рима, но все же оригинальном, самобытном государстве – с земледельцами и кузнецами, ювелирами и оружейниками, ткачами, ветеринарами, медиками, каменщиками, столярами, кровельщиками...

Другое дело, что «неисторическим» народам государств по канонам официальной науки не полагается. Отсюда и все словесные выверты касаются «частичного кочевничества» и «городищ».

В своем рвении историки перегибают палку, и иные несообразности плавно перетекают в сущий экстремизм. Не так уж и давно некая отечественная историсса пыталась доказать, что искусство скифов «несамостоятельно», их ювелирные изделия якобы полны сюжетами, заимствованными... у фракийцев, с Балкан.

Ерунда первостатейная, конечно. Во-первых потому, что, взявшись что-то заимствовать, скифы уж наверняка в первую очередь брали бы пример с соседей-греков, а не с обитателей более далеких Балкан. Во-вторых...

Во-вторых, скифское искусство берет начало не на Балканах и не в греческих колониях на побережье Черного моря, а в Азии. Из Азии скифы к Черному морю и переселились. Этот тезис настолько хорошо подкреплён результатами археологических раскопок на огромном пространстве, что в обширных доказательствах не нуждается. От Неаполя Скифского до Алтая (знаменитые Пазырыкские курганы), до Минусинской котловины в приенисейских степях, до Тувы обнаружена масса украшений и бытовых предметов, выполненных совершенно в том же стиле, какой торжествовал в скифском искусстве.

У меня есть сильное подозрение, что корень зла в том и кроется – в азиатском происхождении скифов, подсознательно раздражающем европоцентристов, а если совсем точно, европейских шовинистов от истории. С их точки зрения, «азиятам» не полагается «государств» и «городов», на каковые имеет право лишь цивилизованная Европа.

А потому скифов, не декларируя это явственно, стремятся то искусно, то неуклюже *принизить*, насколько возможно. В противовес массиву археологических находок, утверждающих родство народов, обитавших от Енисея до Черного моря, скифов упорно «выводят» из древнего Ирана. Хитросплетением словес затушевывают всякую мысль о скифском *государстве*. Кочев-

ники, кочевники, кочевники! И в то же время в крупнейших музеях открыто экспонируется «скифское золото», которое могло быть мастерски изготовлено лишь самими подданными скифских царей, а не наемными греками и уж тем более не обитателями далеких Балкан.

Между прочим, скифы (опять-таки в соответствии с давней азиатской традицией) изготавливали еще великолепные шерстяные ковры, украшенные замысловатым узором, изображениями людей, животных, мифологических чудовищ – самобытные изделия, не имеющие никаких соответствий в Греции и Фракии. А золотые изделия скифские ювелиры, кстати, мастерски украшали разноцветной эмалью, что само по себе требует сложных технологий, которые не могли родиться в юрте кочевника.

Интересно, что попытки чуть-чуть «приопустить» скифов наблюдались уже в древние времена. «Отец истории» Геродот так описывает один из скифских *городов*: «Будины – большое и многочисленное племя. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища».

Правда, Геродот тут же добавляет, что построили город Гелон никакие не скифы-будины, а греки. Из греческих городов в Причерноморье якобы изгнали какое-то количество жителей, уж неизвестно, за какие прегрешения, эти беглецы-то и построили Гелон, где возвели святилища эллинских богов, в честь каковых регулярно устраивали массовые празднества. Ну и некоторое количество скифов-будинов «смешалось» с пришельцами, поднабравшись у них культуры...

Вот только это утверждение Геродота начисто противоречит его же собственным описаниям скифских традиций и нравов. Он сам в другом месте подробно рассказывает, как скифы «упорно избегают» не только поклонения чужим богам, но и просто чужеземных обычаев. Некий скиф Анахарсис, долго странствовавший в чужих краях, где-то познакомился с греческим куль-

том Матери Богов и, вернувшись домой, в Скифию, имел неосторожность совершить обряд в ее честь. Увидев его за этим кощунственным занятием, соседи-скифы поспешили к царю Савлию и сообщили, каким идеологическим вывертам предается вольнодумец. Царь Савлий озаботился этим настолько, что немедленно прискакал к дому Анахарсиса, и узрев, что тот, повесив на шею изображение Матери Богов, самозабвенно бьет в бубны, самолично прикончил его из лука. Мало того, высочайше повелено было впредь не вспоминать, что Анахарсис жил вообще – в дальнейшем скифы дружно уверяли, что знать такого не знают. Между прочим, Анахарсис был не каким-то там плебеем, а родным братом царя Савлия. Но вот поди ж ты, не пожалели...

Точно так же много лет спустя уже не царский брат, а сам скифский царь Скил поплатился жизнью за чересчур тесную привязанность к эллинским обычаям. Судя по описанию, он чем-то напоминал наших интеллигентов-демократов, млеющих от всего происходящего из США и глубоко презирающих родную землю...

Означенный Скил завел такой обычай: иногда он в одиночку, без свиты и телохранителей, приезжал в близлежащий греческий город Борисфен и жил там с месяц – расхаживал в греческом наряде, даже совершал жертвоприношения по греческим обычаям. «Оттянувшись» таким образом, переодевался в свое, скифское, уезжал домой и как ни в чем не бывало правил своим народом.

Увы, в конце концов какой-то болтливый грек проболтался скифам, как изволит развлекаться их владыка и как именно он проводит в городе свой отпуск. Несколько скифов уговорили болтуна провести их в город (надо полагать, заплатили неплохо), и своими глазами увидели, как их обожаемый царь шествует в процессии на празднике Вакха...

Побежали к своим и все рассказали. Скила моментально свергли, а когда он бежал к соседям, хитростью заполучили обратно и немедленно оттяпали голову. Пример этих двух вольнодум-

цев, надо полагать, подействовал – больше со скифами ничего подобного не случилось...

Теперь зададимся несложным вопросом: при столь нетерпимом отношении скифов к чужому не только религиозному, но и просто культурному влиянию возможно ли, чтобы они позволили «беглым грекам» не просто устроить свой поселок в самом сердце скифской территории – а еще и завести целый комплекс греческих святилищ с регулярными празднествами?

Сдается мне, ни в коем случае...

Гелон, добавлю, найден довольно давно. Археологи прочно ассоциируют его с Бельским городищем у реки Ворсклы. Что характерно, площадь этого поселения, когда-то окруженного серьезными крепостными стенами – 3868 гектаров, что лишь самую чуточку меньше площади Москвы в начале *двадцатого* столетия. Но «кочевникам» из недр Азии, как мы помним, полагаются исключительно городища...

В Бельске-Гелоне обнаружены не только многочисленные кузницы, мастерские бронзолитейщиков и гончаров, но и святилища – причем сугубо местные, скифские, ни единого на греческий манер...

Только в том случае, если допустить, что Скифия все же была не территорией кочевников, а страной городов, приобретает смысл такое известное в истории событие, как вторжение в скифские пределы армии персидского царя Дария...

В одной из научно-популярных книг ситуация охарактеризована предельно четко: «Интересно, что этот поход не был вызван какой-либо политической или экономической целесообразностью. Современные историки, правда, пытаются найти в действиях Дария некое рациональное зерно и как-то прояснить смысл данной грандиозной экспедиции, но их версии звучат не совсем убедительно. Говорят, например, что персы пытались обезопасить собственные северные границы в преддверии похода на греков. Или что это была глубокая разведка. Однако скифы того времени вовсе не собирались нападать на империю

Дария, а значит, персам ничто не угрожало. Следовательно, ни о какой превентивной войне или профилактическом карательном мероприятии речи быть не может. С другой стороны, Дарий прекрасно сознавал, что вторгается в страну, где нет городов и поселений и поэтому завоевать ее в принципе невозможно. Единственное внятное объяснение целям экспедиции дает все тот же Геродот: достигнув величия, персы захотели отомстить скифам за унижения, нанесенные Мидии во время переднеазиатских походов».

Речь идет о случившемся за пару *сотен* лет до того массивного вторжении скифов в Малую Азию и на Ближний Восток, когда они огнем и мечом прошли вплоть до египетских границ, которые *вроде бы* не переступали.

(Говорю «вроде бы», потому что в истории Египта числится завоевание его кочевыми племенами «гиксосов». Гиксосы эти, с одной стороны, были якобы дикими кочевниками, с другой же – именно у них египтяне научились и обращению с лошадью, и новинкам в строительных делах, да и многому другому. Вторжение гиксосов относят к вовсе уж седой древности, но если египетская хронология все же искусственно растянута, то нельзя исключать, что под видом гиксосов фигурировали как раз скифы).

Другими словами, персидский царь Дарий однажды, проснувшись в дурном настроении, вспомнил, не имея больше к чему придраться, что двести лет назад скифы серьезно изобидели его предков-мидийцев – и решил отомстить. И повелел двинуть в скифские пределы несметную рать.

Для голливудского мультфильма на «историческую» тему этот сюжет, может быть, и сгодится. Но в реальной жизни подобные детские обиды никак не служат поводом для *больших* войн. Дарий, как большинство его коллег по ремеслу, наверняка был нормальным человеком и умел соразмерять желания с возможностями. Это в сочинениях современных фантазеров с учеными степенями древние владыки то и дело картинно повелевают сотворить что-нибудь грандиозное – то построить в пустыне, где любой гвоз-

дик нужно возить за сто верст, огромный беломраморный город с фонтанами, академиями и ипподромами, то собрать в одночасье миллионную армию и погнать ее за тысячу километров мстить за нанесенную двести лет назад обиду. Реальность обычно более тесно связана с экономическими возможностями...

В том, что мы – по крайней мере, частично – имеем дело с откровенным баснословием, убеждают цифры. Геродот, не моргнув глазом, вывел недрогнувшей рукой, что Дарий отправил на скифов *700 тысяч* воинов и 600 кораблей. Его собрат по блудливому перу, некий Ктесий Книдский, считал, что воинов у Дария было даже поболее – 800 тысяч.

Вы мне не поверите, но «профессиональные историки» до сих пор относятся к этим цифрам *серьезно*. Поскольку Геродот для них остается непререкаемым авторитетом – ведь все, как мы помним, основано на вере, и сомневаться в *священной* жреческой книге было бы жуткой ересью...

Господи ты боже мой... Будь все так на самом деле, кроме семисот тысяч воинов Дарий обязан был иметь еще пару сотен тысяч обозников, погонщиков, врачей, поваров, оружейников и прочих подсобных людишек, жизненно необходимых в военном походе: кто-то же должен вести повозки с запасом провизии, стрел, перевязочного материала и прочего скарба...

Так что – миллион, не меньше. *Сколько* же жратвы, простите за вульгарность, понадобилось бы этой ораве, которая, заметим, долгие *недели* двигалась по безлюдным скифским равнинам? Даже если считать по минимуму – лепешка в день и пригоршня фиников... нет, по минимуму считать нельзя. Подобной диеты хватит только на то, чтобы древнеперсидский воин – он же не робот, не Терминатор с атомной батареей в пузе! – только-только не умер с голоду. А ему ведь предстоит неделями тащиться в полном вооружении, да еще и сражаться с достаточно сильным противником. Одним словом, даже если доверять Геродоту в описательной его части, любые приводимые им числа следует сокращать, быть может, на пару нулей.

Напоминаю: в 1812 году Наполеон привел в Россию всего шестьсот тысяч человек, собранных со всей Европы – и эта орда очень быстро превратилась в жалкую кучку измученных бродяг, причем не столько из-за морозов, сколько из-за лютого голода. А ведь наполеоновская армия шла не по безлюдным пустошам, а по достаточно населенной аграрной стране...

В беспомощной попытке хоть как-то отстоять истинность жреческих писаний одна отечественная историсса выдвинула довольно оригинальную версию: мол, по мере продвижения в скифские степи персы попросту съедали своих обозных животных, а опустевшие от провизии повозки бросали, что повышало мобильность, да и с голоду не позволяло умереть...

Все равно не складывается. Очень уж грандиозные объемы расхода провианта получаются, как ты ни извращайся. И потом, миллионному войску надо было еще и *пить*. А это, даже при режиме жесткой экономии, все равно получается – миллион литров воды в *день*. Да и «обозные животные» пить хотят, и литра им мало. Как же миллионное войско Дария решало проблему с водой?

Самый внятный ответ, какой по этому поводу способна дать современная историческая наука: «Ну, как-нибудь так...» Ручейки, мол, по пути попадались, речушки...

Представьте себе *миллион* человек,двигающихся довольно компактной массой. И делайте выводы...

Ладно. В конце концов, я не намерен отрицать Геродота *полностью*. Допустим великодушно, что поход Дария против скифов все же имел место в реальности. Вот только войско у него было, конечно же, не миллионное, а раз в десять меньше (что, впрочем, опять-таки предполагает немалые трудности со снабжением). И снова тот же вопрос: *зачем?*

Как бы ни кипели в душе старые обиды (чей накал несомненно преувеличен кабинетными книжниками), серьезный человек должен был понимать, что гоняться по необозримым степям за конными кочевниками – задача непосильная даже для

великого Дария Гистаспа, оставшегося в истории человеком вполне вменяемым и умным...

Так вот, «великий поход» Дария приобретает смысл при одном-единственном варианте: если допустить, что у скифов было немало *городов*, где можно было собрать нешуточную добычу. Вот при *этом* раскладе мотивы Дария предстают вполне понятными и насквозь прагматичными: персы были большими мастерами устраивать грабительские походы, то бишь великие завоевания...

К слову, если раскопанных скифских *городов* сегодня известно немного, это еще не означает, что их было *мало* – гораздо вероятнее, что найдены далеко не все. Учитывая нынешнее финансирование археологических работ в России и на независимой Украине, трудно ждать масштабных открытий.

Даже с *известными* городами происходили порой примечательные курьезы. Вот, скажем, знаменитый путешественник П. К. Козлов, сподвижник Пржевальского, в 1908 году обнаружил в пустыне Такла-Макан «город мертвых»* Хара-Хото, многие сотни лет как оставленный жителями. В 1909 году, во время своей второй экспедиции туда, он обнаружил огромные богатства: тысячи древних книг, сотни скульптур, массу предметов буддийского богослужения, множество золотых и серебряных украшений. Людей и лошадей у него было мало, вывезти все это добро не было никакой возможности, и Козлов, засыпав найденное землей, вернулся в Россию, надеясь, что будет еще случай все вывезти.

Случай представился только через семнадцать лет – в 1926 году, уже при Советской власти, Козлов совершил свое третье и последнее путешествие в Хара-Хото... но не нашел закопанного им клада. То ли не смог вспомнить места, то ли новые барханы намело и ландшафт изменился, уничтожив прежние приметы... В общем, «клад Козлова» не обнаружен до сих пор. Что же говорить о лежащих под землей городах, которых попросту не искали?!

* Так в отчете П. К. Козлова

Конец скифов, по версии традиционной истории, был унылым. Во втором веке до Р. Х. они, многочисленные и могучие, попросту сгнули куда-то. Вот так, немудрящим образом, взяли да и сгнули...

Объяснения, которые современная наука по этому поводу дает, не устраивают категорически. Скифов якобы «сменили» сарматы. Из загадочных азиатских просторов вдруг нахлынули эти самые сарматы – неисчислимы конные орды, с головы до ног закованные в железную броню. Вроде бы они по каким-то совершенно непонятым причинам настолько ненавидели скифов (за что, собственно?!), что решили извести их под корень и со всем рвением принялись за выполнение этой задачи. Вот скифы и «исчезли».

Правда, эта гипотеза совершенно не объясняет, как так вышло, что скифы покорно сидели у своих очагов и ждали, когда придут их вырезать поголовно ужасные сарматы. Логичнее было бы, учитывая, что скифы владели неисчислимыми конскими табунами, предположить, что они друженько попрыгали в седла и ускакали подальше от этакой напасти, справедливо предполагая, что сарматы вряд ли будут гнаться за ними до «последнего моря».

Однако тезис о дружном уходе скифов на запад наука отвергает. Почему – она и сама толком объяснить не в состоянии. Отвергает – и все тут. Потому-то и родилась уклончивая формулировка: сарматы *сменили* скифов. Более подробных разъяснений не дается, да и не скажешь, что их регулярно требуют – большей части народонаселения как-то не до причин исчезновения скифов...

Вообще у нынешних историков есть две универсальные *отмазки* на тот случай, когда приходится объяснять, почему на данном историческом отрезке в их построениях отсутствуют какие-то народы или немалые материальные ценности. Пожары и нашествия супостата. Этими двумя напастями объяснить можно все что угодно.

Где великая Александрийская библиотека с ее миллионами томов? Так ее ж сожгли дочиста хулиганствующие элементы! Где оригинал «Слова о полку Игореве»? Так Москва ж сгорела начисто!

Где скифы? А их сарматы сменили! Как именно? Вам же ученые люди отвечают ученым языком: с-м-е-н-и-л-и!

Остается совершенно непонятным, кстати, что за сила регулярно *выталкивала* из Азии «переселяющиеся народы». Грандиозных природных катаклизмов, после которых на прежнем месте ни за что не выживешь, не отмечено. Пресловутая «пассионарность», якобы заставляющая целые народы в одночасье срываться с насиженного места и катить за тридевять земель, будем откровенны, существовала исключительно в воображении Л. Н. Гумилева и не зафиксирована какими бы то ни было научными приборами ни в вольтах, ни в амперах, ни даже в децибелах.

И наконец, как быть с тем, что все эти «сарматы», «авары» и прочие «вестготы», как две капли воды, напоминают рыцарскую конницу раннего Средневековья? Конница таковая, уточню, существовала как в Европе, так и в Азии, «рыцарство» – никак не исключительно европейское достояние...

По своему циничному обыкновению все интересное, связанное со скифами, я приберег напоследок. В следующей главе мы как раз и займемся *нетрадиционными* взглядами *прежних* историков на историю скифов. Но сначала снова отступим в прошлое, во времена, когда Юлий Цезарь, трубя в боевые буцины, преследовал «дикие племена» галлов...

Глава четвертая

ВАРВАРСКАЯ ЕВРОПА: НЕЗНАКОМАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

У современной исторической науки есть серьезный недостаток: предельно узкая специализация не только по столетиям, но даже по отдельным четвертушкам какого-либо столетия, не только по крохотным княжествам, но по отдельным вовсе уж мелким аспектам жизни этих самых крохотулечек. А потому не редкость, когда человек становится кандидатом или даже доктором исторических наук за сочинения вроде: «Конские подковы в Рязанском княжестве второй половины XII в.» или «Сапожники в графстве Артуа первой трети XIII в.». Честное слово, я не особенно и преувеличиваю. Мне лично известен субъект, ставший кандидатом наук за диссертацию об отщепях – крохотных каменных кусочках, отлетавших от орудий первобытного человека при их, орудий, изготовлении. Это примерно то же самое, как стать кандидатом математических наук, накропав работу «К вопросу о свойствах таблицы умножения». Но у историков, как не раз говорилось – свои понятия...

Что любопытно, порой эта узкая специализация из недостатка превращается в откровенное достоинство – с точки зрения циничного ниспровергателя основ вроде вашего покорного слуги...

Поясню, что я имею в виду. В фундаментальных, основополагающих, так сказать, трудах по истории «древней» Римской империи будет, голову можно прозакладывать, кратенько написано что-нибудь вроде: «Варварские орды готов разграбили Рим», «Дикие гунны опустошили римские провинции», «Галлы, обитатели диких лесов...» И все, не более того.

А вот историк, занимающийся *исключительно* галлами, готами или древними германцами, сплошь и рядом просто-таки вынужден не повторять вышеприведенные канонические фразы, а подробнейшим образом описывать, как жили его подопечные, чего достигли, что умели. И картина открывается поразительная...

Решительно перестаешь понимать, где цивилизованные народы, а где «дикари». Потому что как-то само собой получается, что не «древний Рим» служил маяком цивилизации и родоначальником прогресса, а как раз те самые «дикари»...

Судите сами. Я уже упоминал о военном флоте галлов, превосходившем римские галеры. Теперь нелишним будет уточнить, что у галлов была *своя* денежная система, а кроме укрепленных городов, они построили еще и обширную сеть крайне удобных дорог (по которым и чапали браво доблестные легионы Цезаря). Мало того, именно «кельты», то бишь галлы, изобрели вместо прадедовской сохи более совершенный *плуг* – дышло на двух колесах и мощный железный лемех. Именно у галлов его и заимствовали «передовые» римляне.

С бронзового века люди жали серпом – но опять-таки именно в Галлии была изобретена коса, орудие гораздо более производительное. После чего римляне... см. выше.

Из одной ученой книги в другую кочует изображение римской жнейки: бык толкает перед собой двухколесную тележку, передняя часть которой снабжена зубьями, подрезающими колосья, падающие в «бункер»...

Это – *галльское* изобретение! Гораздо позже перенятое римлянами.

Горнорудное дело *поставили* в Европе опять-таки галлы, первыми начавшие добывать железо. Даже прозаические, но столь нужные в крестьянском хозяйстве *бочки* придумали они же. Итальянцы первое время хранили все жидкости исключительно в амфорах из обожженной глины – а галлы изобрели гораздо менее хрупкие, гораздо более удобные в обращении и гораздо более простые в изготовлении бочки из тонких дощечек, скрепленных обручами...

За галлами, безусловно, и приоритет в изготовлении и использовании всевозможных телег и повозок. Все их разновидности придумали галлы, а римляне только заимствовали.

Основных разновидностей римских повозок четыре: «каррус» – большая грузовая телега, которую в России позже называли «ломовая»; «реда» – легкая и быстрая четырехколесная «бричка»; «карпентум» – двухколесная повозка, нечто вроде арбы; «эсседум» – боевая двухколесная колесница.

Все эти термины совершенно официально признаются заимствованными из галльского – а значит, галлы все это разнообразие и придумали первыми.

Так кто же кого учил и кто был дикарем на самом деле? Вполне возможно, дойди до нашего времени галльские библиотеки, ответ отличался бы от общепринятого ныне. Но очень уж старательно Цезарь их изничтожал, а потому *ни единого* галльского документа не сохранилось, вот и вышло, что победил тот, кто лучше владел не технологиями, а пером...

В III–V вв. от Р. Х. Европа, согласно воззрениям традиционных историков, представляла собой рай земной для непуганых варваров. По европейским просторам, едва успевая сменять друг друга, носились неисчислимые орды дикарей, направо и налево крушивших все достижения высокой цивилизации, какие к тому времени успели создать римляне. Дикие племена готов, вандалов, гуннов и прочих визиготов – сущие питекантропы, разве что на коняшках! – чуть ли не зубами грызли прекрасные статуи, жарили конину на кострах из рукописей, устраивали конюш-

ни в христианских храмах и творили массу других непотребств. Поскольку были дикими, как африканские бабуины, и не имели другой задачи, кроме как уничтожить достижения цивилизации, чтобы, вот совпадение, было потом на кого свалить их отсутствие...

Но, если обратиться к тем самым «специализированным» источникам, то предстает совсем иная картина. Качественно иная. Вместо череды «варварских нападений на Рим с разграблением оного» явственно вырисовывается что-то *другое*. И больше всего это похоже не на разбойное нашествие, а на гражданскую войну, сплошь и рядом с религиозной подоплекой – как, скажем, в XVI веке во Франции...

Можно удовлетвориться мимоходом прочитанной фразой: «вождь племени готов Аларих захватил и разграбил Рим». А можно и *углубиться*... Что же мы тогда увидим?

В первую очередь выяснится, что помянутый Аларих – не злокозненный пришелец, а высокопоставленный офицер *римской* армии, в переводе на современные звания – не менее чем генерал. Подчиненные ему части состоят и правда большей частью из готов, но это опять-таки *римские* воинские части.

Во-вторых, Аларих – христианин арианского направления. И, пребывая на римской службе, он довольно долго занимается экспедициями, которые так и подмывает назвать «крестовыми походами». Именно Аларих методично и старательно во главе своих войск уничтожает в Греции языческие святилища – а те храмы, что оставляет в неприкосновенности, превращает в христианские церкви. И только через пятнадцать лет подобной деятельности Аларих *занимает* своими войсками Рим.

Именно такое слово более уместно для происходящего – потому что не пришедшее из диких степей войско дикарей захватывает Вечный Город. В него входят части *римской* армии под командованием *римского* генерала. Грабеж, беспорядки, буйства, безусловно, имеют место быть – примерно такие, каких и следует ожидать во время любого *военного мятежа*. Прелюбопыт-

нейшая деталь: когда началась заварушка, римляне массами, прихватив детей и ценности, кинулись спасаться в храм св. Петра на Ватиканском холме. Аларих, как христианин, не позволил ни одному своему готу войти внутрь. Плохо вяжется с традиционной картиной варварского набега, не правда ли?

Не менее интересна история начальника Алариха, вандала Стилихона («вандал» в данном конкретном случае – не обидная кличка, а указание на национальную принадлежность). Такой же арианин, как и Аларих, Стилихон в качестве первого министра активнейшим образом занимается христианизацией Рима. Издаёт указ о разрушении языческих святилищ, после чего язычники устраивают бунт, и перепуганный император указ отменяет. Но Стилихон уже своей собственной волей жжет главные римские языческие святыни, за что его чуть позже «проязыческое» лобби и подведет под смертный приговор по надуманному обвинению.

Странные «дикари», не правда ли? В первую очередь озабочены не разбойными набегами, а утверждением христианства. Кстати, когда к Риму приблизились *настоящие* внешние супостаты, войско Радегая*, то отбивал его тот же Аларих.

В общем, «захваты Рима варварами», если исследовать их подробно, гораздо больше похожи на солдатские мятежи – а это, знаете ли, совсем другое... Из-за того что в гражданской войне во Франции XVI в. участвовали отряды иностранных наемников – швейцарцев и прочих валлонов – никто не называет происходившие там события «нашествием варваров». Обыкновенная внутренняя замятня...

Дальше – больше. «Всем известно», что в 476 году «вождь племени германцев Одоакр» низложил последнего римского императора Ромула Августа. Это – поверхностное изложение, а реальные события гораздо сложнее и интереснее.

* Скифский вождь (официальная история утверждает, что он относится к IV веку).

Вовсе не «вождь дикого племени» ворвался в Рим неожиданно и злодейским образом сверг юного императора. Одоакр (то ли германец, то ли славянин) – еще один высокопоставленный римский военачальник. А Ромул Август – император, говоря современным языком, совершенно нелегитимный. Его папенька, римский генерал Орест, в один прекрасный день взял да и сверг законного императора Льва Первого, а на опустевший трон непринужденно усадил собственного сыночка. Тут и появился Одоакр...

Каковой, обратите внимание, соблюдает существующее законодательство. Он не с мечом наголо врывается в покои самозванного императора, а собирает римский сенат и с соблюдением всех юридических процедур отменяет *саму* Западную Римскую империю. Сенат после мягкого и ненавязчивого внушения Одоакра принимает официальное решение, что с императорской властью в Риме отныне покончено раз и навсегда. Она именно что отменяется. Регалии императорской власти – диадему и пурпурную мантию – Одоакр не в кости проигрывает и не любовницам дарит, а отправляет в Константинополь со всеми сопроводительными документами...

Интересные дела? Быть может, правы те, кто утверждает, что *старше* как раз императорская власть Константинополя? Вполне можно предположить, что заигравшиеся с сепаратизмом римляне решили *тоже* сделать все, как у больших, в темпе провозгласили собственного императора (чтоб не хуже, чем в Царьграде), но тут появился Одоакр и восстановил статус-кво...

Что любопытно, арианин (ну не язычник же!) Одоакр был весьма близок со святым Северином, известным и почитаемым отшельником и прорицателем (о нем подробнее – чуть позже). Правда, в биографии Одоакра числится один-единственный откровенно антицерковный поступок: в 477 году его дружина напала на город Ювава (нынешний Зальцбург) и убила св. Максима вместе с пятьюдесятью учениками. Но это – именно что уникальный пример. А потому тут следует заподозрить какую-то

внутрицерковную разборку. Примеров достаточно. В свое время в Новгороде по приказу Ивана Грозного опричники убили митрополита Филиппа – но это вовсе не означает, что Грозный был «языческим вождем», боровшимся против христианства. Дело там было чисто политическое...

Кстати, надгробная надпись на гробнице св. Максима, сделанная в XVI веке на основании какого-то более древнего, утраченного образца, сама по себе чертовски интересна. В ней утверждается, что в составе дружины Одоакра были готы (которым вроде бы полагалось уже как пару сотен лет «исчезнуть»), *русины*, а также мадьяры (унгары), которым вроде бы еще не полагалось обитать в Европе...

Вот, кстати, о готах. Вопреки канонам традиционной истории, они упрямо отказывались «исчезать» и, очень похоже, представления не имели, что их кто-то «вытеснил». «Исчезли» они исключительно на страницах скалигеровской истории, а в реальности еще многие сотни лет преспокойно обитали в Европе. Готы «исчезли», как вещают скалигеровцы, якобы в VII веке от Р. Х. – тем не менее *четыре*ста лет спустя чрезвычайно распространяется новый архитектурный стиль, который так и именуется – «готический». Объяснения на сей счет традиционных историков, конечно же, смехотворны: мол, в поисках названия для нового стиля вспомнили невзначай, что *четыре*ста лет назад в этих местах обитали некие готы, вот и назвали в их честь новую архитектуру... Прикажете в *это* верить? Скорее уж готический стиль потому так и назван, что внедрили его в жизнь *сами* готы. Преспокойно, повторяю, обитавшие на севере Европы. На протяжении всего Средневековья «готами» именуют *шведов*. Еще в XVII веке титул шведского короля звучит как «король Шведский и *Готский*»...

Кстати, и король тех самых вандалов, чье имя стало нарицательным – Гейзерих, взявши Рим, опять-таки не трогал христианских храмов. Держался он, конечно, не ангелочком, но все же особого «вандализма» не допускал. Словечко это запустили в

оборот гораздо более поздние книжники, жившие через сотни лет после событий...

Странное дело с этими «варварами». Сплошь и рядом, что ни возьми – обнаруживается, что именно они, по примеру галлов, форменным образом цивилизовали Римскую империю – и никак не наоборот...

Уже упоминалось, что металлургию, повозки и многое другое римляне откровенно заимствовали у кельтов-галлов. Появление в римской армии железных мечей и доспехов – не собственные усилия, а результат *германизации* означенной армии. Да что там, даже пряжки на поясах римских офицеров передают... «излюбленные мотивы германского искусства».

Вот, кстати, о германском искусстве. Широко известны так называемые «моркенские» шлемы – передовой для своего времени воинский защитный головной убор. Довольно сложное изделие: склепано из отдельных железных полос, прикрепленных к основе-обручу, снабжено железными нащечниками, клепаной железной маской и кольчужной плетенкой для защиты шеи, покрыто позолоченной бронзой и отделано кожей. *Единицы* таких шлемов попадаются на территории Римской и Византийской империй, а большинство – как раз из погребений «варваров». Так чьи технологии были выше?

Что до самого мирного искусства, ювелирного, то и здесь, оказывается, «варвары» опережают «цивилизованные» народы. Без особого труда, копаясь в исторической литературе, наткнешься на фразы вроде: «варварская» художественная работа по металлу... «осталась непревзойденной вплоть до эпохи Возрождения»! Оказывается, что даже *стиль* «варварских» изделий стал основой для всех прочих стилей европейского искусства в последующие столетия. Сплошь и рядом для приличия делаются надлежащие оговорки: мол, варваров «вдохновило» римское искусство – но тут же приводятся примеры самобытных технологий и изображения изделий, далеко позади оставляющих римские. По сравнению с «варварскими» достижениями римская «ювелирка» вы-

глядит донельзя убого, в чем нетрудно убедиться, ознакомившись с солидными энциклопедиями и трудами по искусству.

И наконец, о гуннах, вокруг которых тоже нагромождено немало безответственных фантазий и примитивной лжи...

Гунны, пришедшие из Азии, создали государство от Кавказа до Эльбы, которое, как легко догадаться, «государством» в европейской историографии называется разве что из вежливости. Разумеется, это была всего лишь «территория», контролируемая «дикими племенами», которые в конце концов, вот наглость, возымели намерение ворваться в Европу... Словом, очередные «кочевники», буквально на прошлой неделе по недоразумению лишившиеся хвостов...

Вот как изящно обрисованы гунны в рассказе Артура Конан Дойля, который так и называется – «Нашествие гуннов»: «Короткая сутулая фигура, большая голова совсем без шеи... человеческое тело, похожее на бесформенный узел... Это был очень короткий и очень толстый человек с очень смуглым лицом... Маленькие глазки сидели глубоко и казались черными отверстиями в тяжелом, плоском, безбородом лице. Ноги были короткие и очень кривые, так что он неуклюже переваливался на ходу... омерзительная, втянутая в плечи голова...»

Этакая, надо полагать, мерзость! Словно и не человек вовсе...

В одном из энциклопедических словарей я с превеликим удивлением прочитал о гуннах: «...кочевой монгольский народ». Поскольку в предисловии к словарю значилось, что составлен он «на основе» знаменитой английской «Карманной энциклопедии Хатчинсона», я поначалу решил, что это отечественные издатели столь творчески развили и дополнили первоначальную британскую основу.

Снял с полки «Хатчинсона». Увы, никакой отсебятины, у англичан в оригинале то же самое: «...кочевой монгольский народ». Вот откуда берет начало творение сэра Артура...

Приглашаю читателя вдумчиво изучить приведенное изображение «стандартного» гунна, научным образом воссозданное

по черепу профессором М. М. Герасимовым (см. иллюстрации). Легко догадаться, что к монголам и вообще к монголоидной расе этот человек не имеет ровным счетом никакого отношения.

Впрочем, англичане не сами придумали все эти монструозные описания. Они просто-напросто чересчур уж увлеченно читали сочинение офицера римской армии и историка Аммиана Марцеллина. В свое время сей достойный муж сражался с гуннами, был чувствительно бит, а потому, надо полагать, отвел душу посредством пера и чернил. В точности так, как поступали гораздо позже битые вермахтовские генералы, смачно живописавшие, как на их культурно оборудованные позиции накатывались орды «монголоидных дикарей» в пилотках с красными звездами...

Ну не любит Марцеллин гуннов за все прошлое, чего уж там! Можно представить, как он на старости лет мстительно хихикал и ядовито ухмылялся, выводя строчки. Гунны у него – маленькие, кривоногие, большеголовые уроды, которых можно принять скорее «за двуногих зверей», чем за людей. Одеты они в шкуры «диких крыс» (быть может, сусликов или сурков?), и эта одежда «снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения».

С едой, конечно же, обстоит самым дикарским образом: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной к вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть».

Ну что же, бывает и хуже – средневековые европейские авторы всерьез уверяли, что воины Чингисхана горстями лопают вшей, а из мяса предпочитают долго пролежавшую падаль...

Естественно, земледелия гунны не знают: «никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи». Домов у них, конечно же, нет, а сплошь и рядом и шатров не имеется – по Марцеллину, гунны не только пьют и едят в седле, но и спят верхом на коне, из ночи в ночь (между прочим, ни у одного из азиатских народов столь идиотской привычки как-то не отмечено).

Поскольку гуннское государство вобрало в себя множество самых разных народов, нельзя исключить совсем, что среди гуннских воинов и в самом деле попадались личности довольно экзотического облика, вроде описанных Марцеллином. Но *чистокровные* гунны выглядели совсем иначе.

Потому что были *тюрками*, то есть людьми вполне европейского облика, ничуть не похожими на монстров. В византийской рукописи 572 г. есть многозначительная оговорка: «Гунны, которых мы обычно называем *тюрками*».

Следует упомянуть, что Марцеллин никогда не бывал в *самом* царстве гуннов – тем ценнее свидетельства человека, который видел собственными глазами жизнь и быт гуннов. И имел все условия для неспешных наблюдений – поскольку не воевал с гуннами, а ехал к ним в составе дипломатической миссии.

Речь идет о знаменитом Приске Панийском (иногда его именуют еще Приском Фракийцем), преподавателе ораторского искусства из фракийского городка Пания на побережье Мраморного моря. В 448 году видного сановника византийского двора Максимиана отправили послом к Атилe. Максимиан пригласил Приска поехать вместе с ним, и тот из любопытства согласился. По крайней мере, так пишет сам Приск. Никак нельзя исключать, что этот мирный книжник, «ритор и софист», был попросту византийским разведчиком – очень уж он внимателен, точен и подробен в наблюдениях для обычного кабинетного интеллигента. В те времена, как и теперь, трудно было попасть в состав дипломатической миссии «просто так», по приглашению знакомого, пусть даже высокопоставленного. А вот разведка уже тогда стояла на высокой ступени развития. И уж мы-то прекрасно знаем, сколько таких вот книжников оказались «искусствооведами в штатском».

Впрочем, это третьестепенная тема, не имеющая отношения к главной. Даже если Приск и был разведчиком, его тем более следует поблагодарить за прекрасный отчет о поездке.

К слову сказать, это посольство связано с весьма захватывающей, прямо-таки детективной интригой, ничуть не уступающей современным шпионским романам. Византийский император Феодосий Младший как раз спланировал покушение, в результате которого Аттилу должны были убить. В этом заговоре якобы принимал самое живое участие посол Аттилы в Константинополе Эдекон – который на самом деле был «двойником» и старательно сообщал Аттиле обо всем, что творится при императорском дворе.

Насколько можно судить, никто из членов посольства не знал, что за методы «активной дипломатии» плетутся за их спинами – но Аттила-то прекрасно был осведомлен. Посольство *тормознули* на дальних подступах, и посланцы Аттилы заявили: ежели византийцам нечего сказать, кроме того, что содержится в грамоте, которую они привезли, то они могут убираться восвояси. Другими словами, Аттила уже знал заранее, что написано в грамоте, которую послы везут. Не триллер ли?

И вот тут-то почтенный Приск начинает действовать так, что лишь укрепляются подозрения в его работе на византийскую разведку. Именно этот «книжный червь», а не официальный посол, как-то ухитрился уговорить сановника Аттилы все же позволить посольству увидеться с царем гуннов. Приск упорно твердит, что при посольстве он оказался чисто случайно, но из его же собственного рассказа недвусмысленно вытекает, что он точно играл при после ту же роль, что некогда «прикрепленные» из КГБ при спортивных командах. Очень уж *шустер...*

Но оставим шпионские страсти и перейдем к рассказу При-ска. Какой же перед ним предстала страна, жители которой якобы всю жизнь щеголяют в одежде из мышиных шкурок, с коня слезают в исключительных случаях, землю не пахут, жилищ не строят?

Гуннские послы и точно вели в свое время переговоры с римлянами не спешиваясь, а оставаясь верхом – но, как следует из текста, это, скорее всего, способ проявить собственное досто-

инство и не более того. Еще веке в семнадцатом русские посланники в Персии и Турции упрямо отстаивали привилегию доезжать *верхом* до самых ворот резиденции шаха или султана, а не проделывали этот путь пешком, чтобы «не было бесчестья государеву имени». Многозначительная аналогия, кстати, но и об этом – позже...

Так вот, у гуннов есть самые настоящие *селения*, и немало. Их дома Приск именует «хижинами», но это может означать лишь то, что они меньше тех, которые книжник привык видеть у себя в империи. Во всяком случае, это именно постоянные дома. Когда поднялась «страшная буря с громом, частыми молниями и проливным дождем», снесшая шатер византийцев, хижины нисколько не пострадали.

Далее. Гунны все же занимаются земледелием, сеют просо и ячмень, из которого делают какое-то питье. Судя по тому, что византийцев они угощали речной рыбой, у них есть и рыбаки.

А вот и столица – «огромное селение». Логично было бы предположить, что «дикий степняк» живет в шатре, как ему и положено (если только не проводит ночи, похрапывая на коне). Ничего подобного: Аттила обитает во *дворце*.

Дворец «был, как уверяли нас, великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах». Значит, дворцов у гуннского царя *много*. «Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, более служащей к украшению, чем к защите».

В другом варианте дошедшей до нашего времени рукописи Приска его впечатления изложены даже подробнее: «Мы приехали к лежащему недалеко селению, где пребывал царь Аттила; это селение походило на огромный город, в котором нашли мы деревянные здания, построенные из тесаных досок, которые соединены были в такую сплошную массу, что едва можно было разобрать их швы. Там были просторные столовые и изящно расположенные портики. Двор был очень просторен, для того чтобы самая его обширность свидетельствовала о царском дворе».

Между прочим, Аттила и его гунны для описанных Приском мест не аборигены – они туда пришли несколько десятилетий назад... и определенно принесли с собой традиции своей недалекой страны, в том числе деревянное строительство (которое никак нельзя объявить заимствованным у византийцев, потому что те как раз из дерева не строили). Как видим, у гуннов была потребность жить именно в домах, они и на новом месте выстроили себе дворцы, причем довольно мастерски – есть, стало быть, и мастера, и опыт.

Рядом – дворец Онигисия, одного из приближенных Аттилы: «После дома царского самый отличный был дом Онигисиев, также с деревянной оградой; но ограда эта была не украшена башнями, как Аттилина».

Неподалеку – большая баня, в которой и сам Онигисий, и его семейство испытывают, надо полагать, настоятельную потребность. *Аборигены*, покоренные гуннами, бань как раз не строили – и Онигисию пришлось возить камень издалека, а потом приглашать и строителя. После таких подробностей плохо верится в «одежды из диких крыс», истлевающие на теле. Значит, есть традиция регулярного и частого мытья в бане – и вряд ли только у гуннской высшей аристократии, ведь на Руси не одни князья с боярами каждую субботу хаживали в баню, но и последние землепашцы...

Сразу же по приезде в столицу у Приска состоялась любопытнейшая встреча – ему попался человек, одетый как натуральнейший гунн, но говоривший по-гречески не хуже приезжего. Причем одет этот загадочный субъект очень даже роскошно...

Оказалось, типичный невозвращенец, если пользоваться терминами двадцатого века. Биография примечательная!

При взятии гуннами очередного города этот эллин угодил в плен и по обычаю был отдан в рабство – тому самому «первому министру» Аттилы Онигисию. Рабство, впрочем, оказалось не особенно обременительным: во время очередной войны грек вместе с гуннами, как равный, отправился в поход, отличился в

сражениях против римлян и неких «акациров», отдал всю военную добычу своему хозяину, после чего преспокойным образом получил свободу, женился на гуннской девушке, завел дом, детей и хозяйство.

И возвращаться домой отказывался напрочь, поскольку... гуннские обычаи устроены не в пример справедливее, нежели в Византийской империи. Византийцы терпят многочисленные обиды от власть предержащих: налоги до того чрезмерные, что после приезда сборщиков податей разоряются не только целые деревни, но и города. Законы имеют равную силу не для всех, «если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дел своих, тот должен понести налагаемое законом наказание, если не умрет до решения своего дела, потому что тяжбы тянутся весьма долго и на них издерживается множество денег... обиженному не оказывается правосудия, если не даст денег судье и его помощникам».

Одним словом, наш грек нисколько не жалел, что остался жить у «варваров» – у них-то законы как раз справедливые и правильные, и при надлежащем их соблюдении на жизнь пожаловаться грех. Нет ни бюрократии, ни налогового беспредела, ни продажных судей... Сравнение, как видим, далеко не в пользу «цивилизованного» народа. И это понятно: у степных народов, которых высокомерно именуют «азиатскими дикарями», испокон веков жизнь была устроена на гораздо более справедливых началах. Их законы попросту *отличались* от «цивилизованных» европейских, вот и все. Причем отличались в лучшую сторону. Приск, кстати, по его воспоминаниям, потратил немало сил, убеждая бывшего земляка, что византийские законы все же составлены очень мудро – но тот упрямо твердил: законы, конечно, хорошие, вот только те, кто проводит их в жизнь, – сволочь первостатейная... Так и остались при своем.

Но вернемся к описанию дворца Аттилы. «Внутри ограды было много домов: один выстроен из досок, красиво соединен-

ных, с резной работой; другие из тесаных и выровненных бревен, вставленных в брусья, образующие круги». Полы устланы шерстяными коврами (наверняка собственного изготовления, вспомним пазырыкские), помещения украшены занавесями (опять-таки собственной работы – Приск видел, как их расписывали узорами), надлежащей мебелью. Никакой дикости, никто не сидит на полу, не жрет мясо с коврика...

Иногда попадаются утверждения, что гунны-де за каких-то двадцать лет превратились из диких кочевников в относительно цивилизованных людей, «переняв» обычаи завоеванного ими местного населения. Только местное население, вот беда, совершенно не имело традиций деревянного зодчества. Так что гунны принесли свое умение с собой. В их поселениях, кстати, обнаруживаются, как и следовало ожидать, остатки кузниц и прочих ремесленных мастерских. А как же иначе, если на войну гунны отправлялись в весьма совершенных железных доспехах, с железным оружием?

Словом, перед нами – описание полноценного государства. О чем, кстати, пишет и упоминавшийся уже Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский), описывая державу гуннов как стабильное образование, не имеющее ничего общего с ордами диких кочевников.

Между прочим, отец Атилы Роас (Руа) точно так же обитал в красивом деревянном дворце – и имел титул «римского полководца». А сам Атила получил неплохое образование, владел латынью и греческим...

И наконец, гунны, в отличие от языческой большей частью Европы (где поклонялись камням, деревьям и холмам, сплошь и рядом принося человеческие жертвы), были приверженцы единого бога – древней религии Тенгри.

С тенгрианской верой до сих пор многое неясно – очень уж старательно ее пытаются порой сводить к примитивному шаманизму, меж тем она загадочным образом имеет много общего с христианством...

Символом Тенгри на знаменах Аттилы был *крест* (а впрочем, полезно напомнить, что само слово «хоругвь» происходит от тюркского «хоруг» – «стяг», «знамя» и переводится как «защита», «покровительство»). Собственно, Тенгри – это «небо». Но небо, если можно так выразиться, не обычное, прозаическое, с облаками и дождем, а *духовное*: верхний мир, иная реальность, дух Вселенной. В то же время Тенгри – небесный дух-хозяин, *бог-отец*.

До сих пор нет внятных объяснений по поводу чрезвычайно сходства тенгрианских обрядов с христианством. Дело не ограничивается символом-крестом. В каноны тенгрианства входило *крещение* водой (с полным трехкратным погружением). Самым большим праздником считалось Богоявление, когда после зимнего солнцестояния день начинает прибывать, и Тенгри является миру. По некоему странному совпадению, праздник приходится на 25 декабря – как и католическое Рождество. Интересно, что у тенгрианцев полагалось в этот день приносить домой *елку*.

Второй по значению тенгрианский праздник – приход весны, 25 марта. В этот день пекли *куличи*, рядом с которыми полагалось класть крашенные яйца.

Наскальные енисейские изображения сохранили рисунки алтаря со стоящей на нем чашей, весьма похожей на используемый в христианстве *потир*. Там же – изображения священнослужителей в длинных одеждах с жезлами в руках.

Происхождение самого слова «Тенгри» – совершеннейшая загадка. Ни в тюркских, ни в монгольских, ни в иранских языках его нет. Единственная параллель обнаруживается у шумеров, где это слово в виде «денгир» означает «небо». Тут нелишне напомнить, что шумеры даже в официальной истории считаются народом, пришедшим на Ближний Восток откуда-то издалека. Считается, правда, что шумерский язык вышел из употребления за две тысячи лет до появления на исторической арене тюрков – но это по оккультристской хронологии...

Знаменитый поход Аттилы в Западную Европу опять-таки мало напоминает «варварский набег». Несмотря на скудость источников, явственно прослеживаются какие-то сложные политические комбинации, связанные с плохо понятными нам реалиями того времени. Приск писал, что у внезапно умершего короля франков было два сына – и в споре за опустевший престол один искал римской поддержки, второй отправился к Аттиле...

Главной, стратегической целью тут определенно был не примитивный «грабеж». После битвы с римлянами на Каталаунском поле (которую обе стороны считали проигранной противником), Аттила встретился с папой Римским Львом I. Беседа шла с глазу на глаз, и никаких свидетельств о ней не сохранилось – кроме тех заявлений, которые потом сделал сам Аттила. Оказалось, он старался в первую очередь получить задержанную римлянами дань, а также обезопасить свои границы: отказывался впредь от любых попыток вторжения в Галлию и Италию, если Рим, в свою очередь, перестанет вести на территории гуннской державы, выражаясь современным языком, «подрывную работу». Римляне официально признали за Аттилой титул *императора* гуннов...

События, развернувшиеся чуть позже, до сих пор остаются мрачной загадкой. Совершив поход на восток и разбив своего старого неприятеля, Бактрийское государство, пятидесятивосьмилетний Аттила (уже давно вдовец) решил жениться на пленнице, бактрийской княжне, дочери тамошнего царя Ильдико...

Свадьбу устроили пышную, на ней присутствовали не только гунны, но и германцы со славянами, и император с молодой женой удалился в спальню...

Больше его живым не видели. На другой день дверь спальни оставалась запертой так долго, что приближенные забеспокоились. На стук никто не отзывался. Несколько сыновей императора и его сановники, выломав дверь топорами, ворвались в опочивальню, где обнаружили перепуганную новобрачную и мертвого Аттилу, лежавшего в луже крови...

Дело, признаться, темное. Ильдико (которую сначала хотели было прикончить, но все же оставили в живых) уверяла, что ночью у царственного супруга внезапно хлынула горлом кровь, он не велел поднимать тревогу и вскоре скончался. Врачи императора гуннов, не найдя никаких признаков насильственной смерти, посчитали ее естественной (в чем с ними согласны современные медики).

И все же... Зная умение римлян и византийцев устраивать «несчастные случаи», начинаешь испытывать подозрения – тем более что прекрасно известно об организованных в Константинополе заговорах с покушением на жизнь Аттилы. Западный поход был крайне выгоден тому же Константинополю – поскольку, по сути, привел к краху Западной Римской империи. После чего Аттила византийцам был уже не только не нужен, но и опасен... Интересно, что в ночь смерти царя гуннов византийский император Маркиан увидел «вещий сон»: некое божество показало сломанный золотой лук. Утром, не откладывая, император рассказал приближенным о ночном видении, а еще через день пришли известия о смерти Аттилы. «Вещий сон» или точное знание? Ответа уже не доищешься...

Могила Аттилы неизвестна. По сохранившимся сведениям, тело императора положили сначала в железный гроб, символизировавший власть над гуннами, тот – в серебряный (власть над скифами), и оба – в золотой, символ господства над готами. Тройной гроб захоронили то ли в безлюдной степи, то ли на дне реки, воды которой специально отвели в сторону, а потом пустили по прежнему руслу. Все, кто участвовал в похоронах, были убиты. В гробу вместе с Аттилой якобы лежат несметные сокровища. Проверить истинность этой легенды пока что не удалось... После похорон устроили тризну – которую источники именуют *славянским* словом «страва».

А вот теперь настало самое время вернуться к «бесследно исчезнувшим» народам. Обратите внимание: Аттила словно бы и ведать не ведал, что скифам и готам полагалось бы исчез-

нуть – одним вообще из истории, другим из тех мест. Он преспокойно над ними *властвует*.

Я намеренно кое-что опускал из труда Приска. Дело в том, что Приск Панийский (и не он один) упорно именует гуннов... *скифами*. И никак иначе! А где-то рядом, когда заходит речь об Аттиле и его державе, частенько маячат *сарматы*, тоже вроде бы исчезнувшие без следа...

Чрезвычайно похоже, что теория о веренице кочевых народов, якобы поголовно вырезавших предшественников, существует только в воображении позднейших историков. В реальности представляется более убедительной другая картина: помянутые народы, конечно, воевали и конфликтовали, но обитали практически *одновременно*, порой перемешиваясь и становясь жителями одной страны. Никто никого не вырезал «подчистую»...

Историки давным-давно придумали свой аргумент против подобных еретических теорий: они объявили, что летописцы прошлого просто-напросто не понимали, что и кого видели. Ну совершенно не понимали! Видели гуннов, но записывали их «скифами». Видели монголов, но по легкомыслию и недомыслию своему записывали их «татарами». И только в более поздние века, лет этак с тысячу спустя, «настоящие ученые», вооруженные «историческим методом», наконец-то разобрались, кого же *своими глазами* видели древние...

Разбирать эту теорию не стоит по причине ее полной шизофреничности: я так полагаю, Приску и его современникам было виднее. Если он пишет о скифах – значит, скифов и видел.

Крупнейший историк допетровского времени Андрей Лызлов (не то чтобы не признаваемый современными историками, но откровенно *отодвинутый* в сторонку) шел еще дальше: он писал, что именно от скифов произошли татары Чингисхана и Батые...

Точно так же, по мнению византийских историков, современников крестовых походов, скифы в то время преспокойным образом обитали в Крыму, непринужденно общаясь с генуэзцами...

А уж какую ересь порой пишут современные западные авторы... Уже упоминавшаяся Т. Райс, представьте себе, утверждает, что скифосарматское влияние в искусстве... распространилось по всей Европе и знаменитый «звериный стиль», а также другие мотивы «просочились в Скандинавию и северную Германию», «стали преобладать в искусстве Скандинавии», и... «скифо-сарматские тенденции дошли даже до самой Британии».

Следуют многочисленные примеры. «На диске, прикрепленном к выступу в центре щита из сокровищ Саиттон-Ху (графство Суффолк. – А. Б.) изображено двуглавое существо, имеющее много общего с работами древнескифского периода».

«На папильском кресте, датируемом VIII в. или даже ранее, что находится на острове Бура, одном из Шотландских островов, изображен лев в характерной для скифского зверя настороженной позе».

«На абботсфордском кресте, что находится в Музее древнего мира в Эдинбурге, изображено животное, также отличающееся рядом скифских черт... в заостренных концах ног просматривается сходство с оленями из Куль-Оба и Золдаломпушты и славянскими пластинками из Мартыновки».

И наконец, саксонские каменные плиты XI века *после* Р. Х. «Одна из них, первоначально находившаяся во дворце церкви св. Павла, а в настоящее время – в музее Гилдхолл в Лондоне, имеет изображение оленя с совершенно скифскими чертами».

Интересное кино. Скифы вроде бы «исчезли» многие сотни лет назад, но их стили в искусстве тщательно сохраняются даже в Британии, на северных Шотландских островах... Принято высмеивать Мурада Аджи, утверждающего, что тюрки добрались не только до Центральной Европы, но и до Британии. Но стоит только сопоставить его гипотезу с вышеизложенными фактами, пропадает всякое желание смеяться.

Кстати, древние британцы совершенно на скифский манер любили украшать себя предметами, чрезвычайно напоминающими скифские *пекторали*. Золотая шейная гривна из Снетти-

шема крайне напоминает скифскую – и уж совсем неотличимо от скифских украшений бронзовое ожерелье из Ститчелла (разве что не из золота, а из бронзы выполнено, но стиль тот же самый)...

Т. Райс, кстати, идет даже дальше – она прослеживает скифское влияние в скульптурных украшениях на русских церквях... XII и XIII веков! По ее мнению, вплоть до Петра I «русское декоративное искусство сохраняло многие черты скифского стиля».

Могло ли так оказаться, если бы речь шла о давным-давно «вымершем» народе? Вряд ли. Чрезвычайно похоже, что после своего «исчезновения» скифы (как и сарматы, и готы) продолжали еще долго существовать, оказывая нешуточное влияние на европейское искусство...

А германцы отчего-то считали Аттилу *своим* легендарным королем, что нашло отражение в «Песни о Нибелунгах». Что же до «напрочь исчезнувших» гуннов, то средневековые армянские историки преспокойно их обнаруживают в XIII веке, в войске чингизида Угедэя... Судя по всему, гунны чувствуют себя превосходно и вымирать вовсе не собираются.

В этой связи любопытно было бы узнать, куда подевались гуннские книги? Письменность у них *была*. Сохранились прелюбопытнейшие византийские источники, упоминающие, что некий Кардусат, епископ Арранский, проповедовавший среди гуннов христианство, перевел несколько книг (наверняка библейских) на *гуннский* язык. Без существования гуннской письменности сделать такое решительно невозможно. А историк VI века Прокопий Кесарийский делает многозначительную оговорку: «...большинство гуннов были совершенно неграмотны». Но это означает, что меньшинство грамотным все же было! К слову, в Российской империи перед революцией *большинство* населения тоже было неграмотным – что вовсе не означает, будто в России не было письменности...

Подведем некоторые итоги. Совершенно ясно, что сказочка о длинной веренице азиатских народов, которые «сменяли» друг

друга, причем всякий раз при этом «исчезали полностью», никак не может соответствовать реальному историческому процессу. Поскольку все эти народы после своей «официальной» смерти оказывали нешуточное влияние на окружающих (скифский звериный стиль, готическая архитектура), то ясно, что они продолжали пребывать в добром здравии. При этом они роднились, перемешивались, названия (именно *названия!*) менялись, а то и переходили от одного народа к другому.

И еще. Сплошь и рядом европейская историко-литературная традиция старательно *принижала* достижения помянутых народов и степень их цивилизованности (довольно высокой, порой, как мы видели, превосходившей римскую). Шло некое соревнование, в котором победил тот, чьи книги *сохранились*. Кельтам и гуннам в этом смысле решительно не повезло – впрочем, тут следует говорить не о невезении, а о чем-то другом, рукописи уничтожались сознательно и целеустремленно, как это сделал Цезарь с библиотекой в Алезии. А масса сохранившихся тюркских рун что-то очень уж медленно и нерадиво «вводится в научный оборот»...

ОТ ЕНИСЕЯ ДО КАСПИЯ

Интересно, что французский историк Ж. Дюмезиль, описывая скифское общество, решительно характеризует его как *феодалное*, четко выделяя соответствующие этому определению группы населения – высшая власть принадлежит князьям, ниже располагается наследственная знать, еще ниже – незнатные, но свободные скифы. И знать, и незнатные владеют рабами (впрочем, рабство преспокойно существовало в Европе не в «античные» времена, а в Средневековье).

Но достаточно о скифах. Перейдем к череде *каганатов* – государств, возглавлявшихся каганами, сочетавшими в своем лице и светскую, и духовную власть. Цепочка этих государств протянулась от монгольских степей до... Киева.

Подчеркиваю: речь идет не о «районах обитания кочевников» или «степных империях», как чуточку более облагороженно принято выражаться, а о самых настоящих государствах. Под этим названием я подразумеваю человеческие общности, ведущие оседлый образ жизни, владеющие земледелием, обработкой металлов, письменностью и прочими признаками, отличающими «кочевую орду» от *державы*.

Что касемо оседлого образа жизни, то древние обитатели Азии жили в деревянных домах еще в те незапамятные времена,

когда Рим был именно что *городищем*, а население остальной Европы, как бы это поделикатней выразиться, не могло похвастать высоким уровнем цивилизации, то есть щеголяло в звериных шкурах, обитало в примитивных хижинах и пользовалось в основном каменными орудиями, от наконечников стрел до топоров. Да и земледелие, не говоря уж о скотоводстве, азиатские народы, опять-таки дипломатически изъясняясь, освоили чуточку раньше европейцев...

Европейская наука, естественно, изо всех сил сопротивлялась подобным утверждениям. Для просвещенных европейцев, полное впечатление, была невыносима сама мысль о том, что тюрки живут в Сибири достаточно давно и создали свою, самобытную цивилизацию. А потому, едва обнаруживается в Сибири очередной археологический памятник или письмена, в первую очередь делаются попытки связать их с «европейским», «древнеиранским» или «угро-финским» влиянием. Оттого-то тюркские руны порой и объявляются «нечитаемыми», что к ним пытаются подходить с *чужеземными* стандартами, не допуская их *местного* происхождения.

До сих пор можно столкнуться с утверждением, что тюрки стали «проникать» в Западную Сибирь с IV в. по Р. Х., а то и позднее. И были это, конечно же, *европейские* странники, или в крайнем случае ираноязычные народы.

Реальность совершенно иная. Еще три тысячелетия назад в Минусинской котловине обосновались люди так называемой карасукской культуры, предки тюркских народов. История сибирских тюрков слишком обширна, чтобы описывать ее подробно, поэтому коснусь лишь нескольких ключевых моментов, чтобы читатель, как уже обещалось ранее, понял, *откуда* родом Чингисхан...

К VI веку по Р. Х. сложилось государство, которое обычно называют Великим тюркским каганатом – но оказалось оно чересчур *рыхлым* и полным внутренних противоречий. Каганат погубили не только беспрестанные войны с китайцами, иранца-

ми и арабами, но еще и то, что входившие в его состав народы были слишком крепкими и самобытными, чтобы жить меж собой мирно. В одной берлоге оказались даже не два, а добрая дюжина медведей, что ни к чему хорошему привести не могло...

Когда каганат распался, в «самостоятельное плавание» пустились кипчаки и кимаки, печенег и огузы, кыргызы, хазары и болгары – имена, читателю несомненно знакомые. Уйгуры, происходившие от тюркского рода теле, оказались во главе «сепаратистов» и создали Уйгурский каганат – чистейшей воды *феодалное* государство.

В Уйгурском каганате существовали многочисленные города – Орду-Балык, Хатун-Балык, Бай-Балык. Часть населения занималась скотоводством, разводя овец, быков, верблюдов – а вот другие сеяли просо, ячмень, овес, пшеницу (с использованием искусственного орошения). Выплавляли железо, добывали золото и серебро, делали украшения, добывали шкуры пушного зверя. Уйгурский каганат держал под своим контролем один из участков Великого шелкового пути и вел широкую международную торговлю как с китайцами, так и с арабами.

В VIII веке уйгуры сменили прежнюю руническую письменность на заимствованный с Ближнего Востока алфавит, который теперь так и именуется «уйгурским» (строчки вертикальные, пишут сверху вниз). Осталось множество документов и наскальных надписей как рунами, так и уйгурской письменностью.

Именно в VIII веке в уйгурских документах впервые упоминаются *татары* – как один из народов, населявших каганат.

В 840 году уйгурская держава развалилась – опять-таки из-за войн с соседями и сепаратизма внутри. Начались внутренние распри, мятежи полководцев, к заварушке с превеликой радостью подключились китайские войска... Каганат пал.

Булгары и болгары еще раньше ушли на запад, в Европу. Первые создали свое государство на Волге, вторые, как известно, добрались до Балкан и основали там государство Болгария.

Оставшиеся в Сибири тюркские народы деградировать как-то не собирались. «На обломках» уйгурской державы кимаки создали свой каганат, представлявший своеобразную федерацию семи племен, в том числе кипчаков и татар.

Как и уйгуры, кимаки сочетали скотоводство с земледелием. Арабские писатели насчитывают в их землях 16 городов, расположенных главным образом на торговых путях и соответствующим образом укрепленных. По сообщениям тех же арабов, в Кимакском каганате существовал уже государственный аппарат – чиновники, собиравшие налоги и управлявшие провинциями. Именно кимаки, кроме привычных проса и ячменя, стали выращивать рис и виноград. Легко догадаться, что в их государстве существовали всевозможные ремесла. Письменных памятников после них не осталось, хотя письменность должна была быть: не зря же араб Абу Дулаф оставил примечательное сообщение: «у них растет тростник, которым они пишут».

Увы, увы... Древние азиатские библиотеки большей частью погибли. Не обязательно по злему умыслу: когда держава переставала существовать, большая их часть, конечно же, оказывалась заброшенной и потихоньку гибла сама по себе. Известен случай, когда возле одного из городов Хорезма обвалился склон холма и оказалось, что это не холм, а целое помещение, битком набитое странными книгами из лубяных полос, исписанных знаками, ничуть не похожими на арабский алфавит, только и знакомый хорезмийцам. Никто не умел этих загадочных книг прочитать, а потому их оставили там, где нашли, и они понемногу истлели. О *чьей* библиотеке идет речь, сегодня уже невозможно определить, ясно только, что это было культурное наследие одного из каганатов.

Кимаки, как и большинство тюрков, были приверженцами Тенгри. И кимаки, и кипчаки ставили многочисленные каменные изваяния – от Центральной Азии до Дона и Нижнего Днепра.

К концу X века начались те же процессы, что погубили уйгурское государство. Наступление восточных тюрков и монголо-

язычных племен, ослабление центральной власти, усиление кипчакского ханства, самого большого и сильного члена «федерации»...

Печенеги ушли на запад, поселившись неподалеку от Киевской Руси. Следом двинулись огузы – часть их стала известна на Руси как тюрки, другая ушла еще дальше, в Малую Азию, где позднее прославилась под именем сельджуков (к ним мы еще вернемся).

Оставшиеся стали обустриваться уже по-своему. Свое государство, Дешт-и-Кипчак, создали кипчаки. Свое – енисейские кыргызы.

Последнему, каюсь, я симпатизирую особенно – потому что существовало оно в моих родных местах, в Минусинской котловине, более восьмисот лет, то входя в состав других государств, то сохраняя независимость. Каганат енисейских кыргызов опять-таки был построен на феодальных началах – знать строила для себя крепости и замки, судя по реконструкциям археологов, не только не уступавшие европейским аналогам, но зачастую их превосходившие. В земледелии была одна особенность: создание особо сложных оросительных систем. В Северной Хакасии и приенисейских степях сохранились остатки древних каналов, плотин, дамб, водоводов, соединяющих русла рек. Самое интересное, что уже при Советской власти, сотни лет спустя, часть этих систем без особого труда восстановили и преспокойно используют до сих пор.

Арабские и китайские авторы пишут о водяных мельницах, о добыче железа, золота и олова. Грамотность населения в каганате была довольно большой – судя по множеству рунических надписей, сохранившихся не только на скалах, но и на бытовых предметах.

Любопытная подробность из области законотворчества: человеку, уличенному в воровстве, мало того, что отсекали голову – эту голову его отец всю оставшуюся жизнь должен был носить на шее. Мера, конечно, жестокая, но она несомненно оказывала

большой воспитательный эффект: наверняка, глядя на это зрелище, другие отцы старались воспитывать детей так, чтобы те и чужого ржавого гвоздика в карман не сунули...

История сибирских государств, как я ее здесь изложил, конечно же, предельно краткая, схематичная и далеко не полная. Но в мою задачу и не входило излагать ее подробно. Я просто-напросто постарался доказать несложный тезис: обитавшие в Азии тюрки были не «дикими ордами кочевников», а жителями сложно организованных, самых что ни на есть настоящих *государств*: города и крепости, земледелие, оросительные системы, добыча руды и выплавка металлов, ремесла и искусства, письменность. Эти государства решительно *ни в чем* не уступали по своему развитию существовавшим в то же самое время европейским – а то и превосходили их масштабами. Европа-то веке в одиннадцатом представляла собой невероятное скопище крохотных полунезависимых феодальных владений, где не имелось ничего похожего на то, что в тюркских языках именуется «эль» – сильная державность, твердая государственность. Нелишне будет вспомнить, как чувствовал себя французский король в стольном граде Париже (величиной уступавшем многим азиатским городам): перед тем как отправиться куда-то, он осторожно приоткрывал парижские городские ворота и тщательнейшим образом озирался, чтобы, не дай бог, не случилось какой неприятности – под самым Парижем некий вольный барон построил разбойничий замок и непринужденно развлекался на больших дорогах в двух шагах от столицы, без малейшего почтения к королевской власти. То еще позорище, надо полагать...

Позже, под напором монголоязычных племен, рухнуло и государство енисейских кыргызов. Принято считать, что этими племенами как раз и предводительствовал «монгол» Чингисхан, но мы будем придерживаться другой версии...

Повторяю на всякий случай: все народы, которые я перечислял, все создатели каганатов – не монголоиды, а *тюрки*, то есть люди вполне европейского облика, сплошь и рядом светлогла-

дые и светловолосые. Разумеется, из-за контактов с монголоязычными племенами среди них неминуемо должно было присутствовать некоторое количество «раскосых», но вряд ли слишком большое. Вот, например, в свое время венгерский антрополог Т. Тот, изучавший погребения Аварского каганата с целью выявления доли монголоидов, таковых обнаружил лишь семь с небольшим процентов...

Итак, X–XIII столетия от Рождества Христова. Время интереснейшее, сложное, насыщенное самыми разнообразными загадками.

Вот одна из них (чтобы отвлечь читателя от некоторой наукообразности повествования).

Знаменитый арабский путешественник Ахмед Ибн Фадлан, в 922 году ездивший к волжским булгарам, оставил описание таинственного зверя, обитающего в тех местах...

«...Обширная дикая местность, о которой рассказывают, что в ней есть животное, по величине меньшее, чем верблюд, но больше быка. Голова его – голова верблюда, а хвост его – хвост быка, тело его – тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посреди головы один толстый круглый рог. По мере того как он возвышается, он становится все тоньше, пока не сделается подобным наконечнику копья. Из рогов некоторые имеют в длину от 3 локтей до 5 локтей, больше или меньше этого. Оно питается листьями дерева халандж, имеющими превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним рысак, то он спасается от него с трудом, а если оно догонит всадника, то оно хватает его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его в воздух и вновь подхватывает своим рогом, и не перестает делать таким образом, пока не убьет его. А лошади оно ничем не вредит, никоим образом и никоим способом. И они преследуют его в диких местах и лесах, чтобы убить его. А это делается так, что они влезают на высокие деревья, между которыми животное находится. Для этого собирается несколько стрелков с отравленными стрелами, и когда оно

окажется между ними, то стреляют в него, пока не изранят его и не убьют. Право же, я видел у царя три больших миски, похожих на йеменский оникс, о которых он мне сообщил, что они сделаны из основания рога этого животного. Некоторые из жителей этой страны утверждают, что это носорог».

Сказка? Но в том-то и штука, что ученому миру это животное прекрасно известно. Перед нами – эласмотерий, обитавший когда-то в Сибири. И рог у него в самом деле находился не на конце морды, как у носорога, а «посреди головы». Тут, правда, два нюанса: во-первых, эласмотерий начисто вымер миллионы лет назад, во-вторых, ростом он был больше слона. Однако некоторые еретики от палеонтологии считают, что зверюга могла дожить «до появления человека» – чуточку при этом измельчав. Тунгусы, кстати, сохранили в своем древнем фольклоре память о каком-то «черном быке-единороге».

Кстати, у болгар Ибн Фадлан видел еще огромную змею, длинной и толщиной схожую с поваленным деревом. Тут самое время вспомнить, что герои древнерусских былин порой азартно сражаются как раз с исполинскими змеями. Араб, правда, пишет, что эта тварь на людей специально не нападает – но подобная змеища непременно разозлится не на шутку, когда вокруг нее начнет мельтешить богатырь в кольчуге и пырять молодецким копьём...

Теперь – о делах более серьезных.

Довольно долго неподалеку от Руси существовал Хазарский каганат, основанный выходцами из Великой Степи, ушедшими на запад после распада Уйгурской державы. Естественно, самый настоящий эль – города, крепости, засеянные поля, кузницы и ювелирные мастерские, письменность...

Этому государству в отечественной историографии не везло особенно, прямо-таки по-черному. Его сплошь и рядом и государством-то признавать отказывались: так, бродячий сброд... Иные ученые мужи бестрепетно именовали Хазарию «паразитической» – потому что она всю пользовалась выгодами сво-

его положения, располагаясь на оживленных торговых путях своего времени: устраивала ярмарки, склады, постоянные дворы, словом имела свой процент.

Замечу по этому поводу: вот если бы хазары старательно *грабили* проезжающих купцов, они и в самом деле могли бы считаться «паразитами». Однако торговый посредник, устроитель ярмарки, постоянного двора, удобного торгового пути такого определения безусловно не заслуживает.

А если учесть, что часть хазарской знати в те же времена имела неосторожность принять иудаизм, легко представить, что творилось в умах иных ревнителей Святой Руси: тут вам и форпост сионизма у славянских рубежей, и коварство жидомасонов, «пробравшихся» аж на Волгу с понятными замыслами...

Вот только дело приобретает особенную пикантность, когда появляется возможность выдвинуть гипотезу, что хазары со славянами находились в достаточно близком родстве... По крайней мере, так еще в XVIII веке писал Татищев, основываясь на каких-то утраченных ныне материалах. Более того, согласно его изысканиям, и обосновавшиеся в Киеве иудеи говорили не на иврите, а на... славянском языке.

На самом деле никакие такие палестинские евреи в Хазарию не «пробирались» – часть *местного* населения приняла иудаизм, вот и все. В архивах Западной Европы сохранилась переписка европейских евреев с хазарами: ученые раввины, прослышав об обитающих на Волге единоверцах, интересовались, не есть ли это то самое загадочно пропавшее «тринадцатое колено»? (У евреев было тринадцать родов-«колен», но одно из них куда-то таинственно запропастилось еще в давние-предавние времена. Где его только ни искали, даже среди американских индейцев...)

Однако хазары так и отписали в Европу: местные мы, местные, ниоткуда не приходили, разве что из Азии. *Веру* приняли, и не более того...

Кстати, именно у хазар славяне заимствовали столь полезное оружие, как сабли и кистени. Впоследствии хазарам наверняка

долго от этого икалось. Дело в том, что их держава, полторы сотни лет процветавшая, потом оказалась меж трех огней. Из Азии после очередных тамошних политических потрясений переселились печенеги – и, ничуть не смущаясь тем, что придется хазарам дальними родственниками, начали их жечь и грабить со всем усердием. Объявились и сорванные с места теми же азиатскими потрясениями огузы – и тоже весьма заинтересовались хазарским добром. Наконец, усилилась Киевская Русь – и ее каган Святослав решил однажды, что двум медведям в одной берлоге как-то тесновато... Короче говоря, кончилось все тем, что русские дружины разгромили Хазарию, захватили часть ее территории и перехватили под свою руку тех данников, которых до того крышевали хазары. Остатки Хазарского каганата подобрал с превеликой радостью Хорезм – ну и огузы с печенегами подсустились, подхватив все, что удалось...

Далее начинается обычная *придурь* историков касаясь бесследных «исчезновений» целых народов. Вновь стали утверждать, что хазар полностью «вытеснили» печенеги, после чего хазары «исчезли» – а там печенегов «вытеснили» половцы, и печенеги, не вынеся такого удара, от огорчения опять-таки исчезли до последнего человека...

В реальности хазары еще как минимум пару столетий продолжали жить-поживать, уже без прежней роскоши, конечно, и только потом не «исчезли», а попросту смешались с окружающими народами, превосходившими их численностью и силой. Еще в летописи 1203 года написано, что князь Мстислав, отправившись войной на князя Ярослава, взял с собой *хазар*.

После крушения Хазарии какое-то время в степи благоденствовали печенеги, с которыми опять-таки связана интересная загадка Древней Руси. Я имею в виду классический эпизод из «Повести временных лет». Когда печенеги впервые осадили Киев, князь Святослав воевал где-то в отдалении. К нему решили послать гонца, чтобы доложить о бедственном положении столицы. Некий храбрый юноша, взяв уздечку, слез со стены и

отправился бродить по печенежскому лагерю, спрашивая, не видел ли кто его коня? Так он добрался до реки, переплыл ее и невредимым добежал до Святославовой дружины, каковая немедленно нагрянула и печенегов прогнала...

А теперь задумаемся. Чтобы печенеги не пристукнули сразу дерзкого лазутчика, а позволили ему долго шляться по лагерю в поисках якобы пропавшего коня, сей юноша должен был:

- а) не отличаться от печенегов внешностью;
- б) не отличаться от печенегов одеждой;
- в) говорить по-печенежски настолько хорошо, чтобы в нем не распознали чужака.

А ведь печенеги, как в летописи утверждается, появились на Руси *впервые*. Даже если летописец ошибся, что-то напутал, и это был не первый, а, скажем, десятый раз, все равно – как насчет внешности, одежды и владения языком? Ведь получается, что юный киевлянин нисколько от печенегов не отличался ни обликом, ни одеждой... (проистекающие отсюда выводы – в конце книги).

Печенеги сплошь и рядом предстают в русских источниках как лютые супостаты, только тем и озабоченные, как бы побольше навредить Святой Руси. На деле все сложнее: еще Святослав в союзе с печенегами, случалось, ходил на византийцев. *Каган* Ярополк, сын Святослава, некоторых печенежских вождей обложил данью, а других зачислил на службу. Уже при *кагане* Владимире печенежские князья Метигай и Кучюг приняли в Киеве крещение.

(Вот тут, как говорится, возможны варианты. Не исключено, что они не «крестились», а попросту, живя в Киеве, старательно исполняли церемонии тенгрианской веры. Которая, напоминая, включала в себя и почитание креста, и крещение водой, и еще многое, сближающее ее с христианством. Сближающее настолько, что порой закрадывается подозрение: учитывая, сколь скудны сведения о крещении Руси и как они друг другу противоречат, быть может, не Владимир печенегов в христианство крес-

тил, а *сам* принял тенгрианскую веру? Существующие описания крещения Киева этому, между прочим, нисколько не противоречат: ведь, собственно, что мы наблюдаем? Крещение в воде и воздвижение креста, и не более того. А это, знаете ли, и к тенгрианскому крещению могло относиться...)

А что до разбоев – то русские князья, как нам ни неприятно вспоминать, в этом плане мало чем отличались от «диких печенегов». Совершенно неважно, подлинник или фальсификат «Слово о полку Игореве». Главное – оно описывает грабительский набег *русских* на половцев, а не наоборот.

Вот вам еще примечательный абзац из современной исторической книги: «В следующем году по просьбе владимирского великого князя Василько отправился в военный поход. Мария с печалью его проводила, поскольку ждала появления на свет второго ребенка. Но все прошло благополучно. Князьям удалось захватить и сжечь мордовский город Серенск и с богатой добычей вернуться домой».

Мило и непринужденно. Когда *нам* удастся спалить дотла и вдоволь пограбить соседа, это – дело житейское. Но вот ежели на *нас* совершит грабительский набег какая-нибудь печенежская морда, то это, разумеется, жуткое непотребство.

Разумеется, нет оснований говорить об «исконно русском» двуличии. Подобная психология свойственна всем без исключения народам. Вот, скажем, целый пласт английской приключенческой литературы (и не только английской) посвящен тому, как лихо английские *пираты* вроде галантного капитана Блада грабят испанские города и корабли (кстати, при полном отсутствии адекватных мер с испанской стороны). Но вот ежели, не дай бог, испанцы такого пирата изловят и посадят, то они, естественно, предстают извергами рода человеческого...

Вспомним, кстати, начало классического романа Хаггарда «Прекрасная Маргарет». Главный герой гуляет по родному Лондону с кузиной, которую пьяный солдат из свиты испанского посла спьяну облапил и попытался поцеловать. Хулиганство,

конечно. Но ответ больно уж неадекватный: наш герой с ходу насмерть убивает хама дубиной, с его мечом кидается на остальных, ни в каком хулиганстве не повинных, причем громогласно призывает земляков «истребить испанских собак» (при том, что покойный нахал и не испанец вовсе, а шотландец на испанской службе). И перед королевским дворцом едва не начинается резня, которую предотвращает, к слову, испанец. Главный герой, напоминая, положительный. Такова тенденция у британской литературы: испанец – вечный супостат и исчадие ада, а земляк-англичанин, что бы ни творил – рыцарь и светоч добродетели...

Но вернемся в южнорусские просторы. В 1036 году князь Ярослав нанес печенегам сокрушительное поражение, после которого они никогда больше не оправились – одни откочевали подальше и в конце концов смешались с окружающими тюрками, другие остались на русской службе (где, надо полагать, тут и к бабке не ходи, смешались уже с русскими. А как же иначе? Не «исчезли» же волшебным образом?)

Почти в то же время объявились тюрки-огузы, но с ними закончили довольно быстро, часть перешла в македонские области Византии, часть осталась служить в русских пограничных крепостях (и тоже, надо полагать, смешалась с русскими).

И наконец, появляются половцы, которым опять-таки чертовски не повезло с пиарщиками. Как водится, и половцев тоже сплошь и рядом объявляют «дикой кочевой ордой». Стандартный набор: и шубы у них из мышиных шкурок, и писают-то они прямо с коня, и мясо сырым жрут по дикости своей...

Вот только половцы, наследники азиатских каганатов, едва обжившись на новом месте, начали активнейшим образом налаживать именно что оседлую жизнь. Рассказывая об одном из походов русских на половцев, Андрей Лызлов в своей «Скифийской истории» преспокойнейшим образом пишет, что были разрушены «города, и крепости, и деревни половецкие». Впрочем, и нынешние историки порой раздобьются до того, что скрепя

сердце признают за половцами занятия земледелием – но, полное впечатление, сквозь зубы цедят: «начатки» земледелия, «своеобразные степные городки». То есть – как бы и не настоящие города вовсе, а так... своеобразные.

Меж тем, судя по сохранившимся описаниям, штурмом взятые киевскими дружинами половецкие Шарукань и Сугров – самые настоящие *города*...

У русских князей появляется новый национальный интерес – использовать половцев в своих междоусобных распрях. Те и рады стараться – чего ж воротить рыло, коли сами приглашают? А потому упоминаний об участии половцев в раздорах князей столько, что и сосчитать невозможно. Впрочем, кое-какие вычисления все же велись. П. В. Голубовский определил: с 1061 по 1210 год половцы совершили 46 больших походов на Русь исключительно по собственной инициативе – и за это же время 34 раза участвовали в качестве наемников в междоусобных княжеских войнах... Особенно тесные связи с половцами наладило Черниговское княжество, но и другие, имевшие к тому возможность, старались всюду.

Несмотря на взаимные набеги и грабежи, с некоторой долей цинизма можно, пожалуй, сказать, что перед нами – нечто, носящее явные признаки не навязываемой сверху, как это бывало в СССР, а самой что ни на есть искренней «дружбы народов». В смысле пограбить половцы, конечно, своего не упустят (правда, по подсчетам современных историков, их набеги за все время затронули не больше одной пятнадцатой части русской территории). Но точно так же не упустят случая прогуляться за добычей русские князья. Половецкая знать сплошь и рядом принимает крещение (или попросту соблюдает обряды тенгрианства, что не ушло от внимания русских), русские князья охотно женятся на знатных половецких красавицах...

А на Руси тем временем крепнет то, что принято именовать классической феодальной раздробленностью. Князья жгут друг у друга города, не щадя ни церквей, ни монастырей, рязанцы

весело ловят суздальцев и продают их в рабство, стараясь не продешевить, киевляне так же поступают с галичанами...

И, что интересно, в Константинополе еще в середине X века император и по совместительству писатель Константин Багрянородный, словно бы не замечая полнейшего исчезновения с исторической арены скифов и гуннов, усматривает таковых... в войске киевского князя Святослава. Ну не читал человек в десятом веке современных «правильных» историков, что ты тут поделаешь! Что видел своими глазами, то и в книжку писал...

Итак, на Руси, что греха таить, наблюдается нечто больше всего похожее на пожар в сумасшедшем доме во время наводнения.

И тут войной на половцев идут воины Чингисхана. И впервые слышен грохот копыт его коня...

Глава шестая

ПОТОМОК ВОЛКА

Сомневаться в реальности Чингисхана, в том, что он когда-то жил на свете, водил войска, составлял законы, нет смысла. Как нет смысла сегодня изображать дело так, будто «под именем» Чингисхана скрывался какой-нибудь русский князь. К превеликому сожалению, *настоящая* Киевская Русь, нравится это любителям версий о «мировой русской истории» или нет, была не более чем скопищем крохотных феодальных владений, не имевшим никаких возможностей к тому, чтобы распространиться на парочку континентов...

Так что будем исходить из того, что Чингисхан был. Был именно что Чингисханом...

А вот *монголом* он, безусловно, не был. Речь, конечно же, идет о *тюрке*.

Настоящие, а не сказочные монголы к XIII веку имели еще меньше возможностей к тому, чтобы создать ту великую империю, которую им склонны приписывать. Потому что, глядя правде в глаза, представляли собой не более чем рыхлое скопище *племен* (степных кочевников и лесных охотников). Легко сочинять красивые сказки: про то, как эти *классические* кочевники-скотоводы однажды, неведомо с какого перепугу, решили завоевать и ограбить весь окружающий мир до «последнего моря». Отыска-

ли «среди здесь» подходящего мужичка, провозгласили его главным предводителем и за считанные годы захватили полмира...

В реальной жизни таких чудес не бывает, поскольку жизнью правят не романтические фантазии, а упрямые экономические законы. Быть может, неким степным мечтателям и впрямь грезилося после сытного обеда, как они грабят богатого соседа, обитающего не в юртах, а в городах. Но тут можно вспомнить фразу из классического анекдота: съест-то он съест, но кто ж ему даст?!

Чтобы совершить более-менее масштабные завоевания, нужна не просто «большая орда», а хорошо организованная армия с соответствующим вооружением. Поскольку у монголов не было ровным счетом никаких традиций *государственности*, они оказались бы решительно неспособны в кратчайшие сроки эту армию создать. А убогие *экономические* возможности ни за что не позволили бы эту армию вооружить должным образом – на мясо, шкуры, сыр и молоко, будь ты хоть владелец тысячных стад, ни за что не выменяешь должного количества доспехов и оружия. Которые к тому же требуют постоянного ухода и починки – а ведь у средневековых монголов не замечено искусства обработки металлов...

Разбой и грабеж – идея, в общем, заманчивая. Но трудно представить себе разбросанные на огромной территории племена, которые внезапно, в едином порыве, воодушевились бы этой идеей и возопили, как один человек: айда, ребята, горожан потрошить! Реальные кочевые племена, например современные пуштуны, ведут более скромный образ жизни. О каких-то единичных разбойничьих набегах кочевников, осуществленных небольшими силами какого-то конкретного рода, племени, колена, еще имеет смысл говорить, примеров в истории достаточно – но, повторяю, большую организованную армию может собрать лишь предводитель, имеющий традиции *государственности* и обладающий неким *аппаратом*, способным воздействовать на население определенной территории.

Одним словом, мы вплотную подошли к простому, чуть ли не примитивному вопросу: а *кто* у нас к XIII веку в Азии обладал опытом государственного строительства, создания профессиональной армии, управленческого аппарата, организации больших масс людей на военные или «народнохозяйственные» проекты?

Ответ и искать не нужно, он лежит на поверхности.

Конечно же, *тюрки*. Имевшие за плечами многовековой опыт каганатов, опыт государственности, *эль*. Богатейший опыт!

Насколько с точки зрения реальной экономики, военной истории, техники и политики самым что ни на есть сомнительнейшим кандидатом на роль объединителей Великой Степи предстают монголы, настолько же подходящим – тюрки.

Не имеющие, напоминаю, никакого отношения к монголоидной расе. Старые китайские книги внешность тюрок оценивают однозначно: «голубые глаза и светлые волосы»; «они вообще рослые, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком»; «их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами».

Казахский ученый О. Исмагулов (1977 г.): «У истоков древнего населения Казахстана... находится хорошо отличаемый, ярко выраженный европеоидный тип без какой-либо монголоидной примеси».

А меж тем древние источники рисуют Чингисхана высоким, длиннобородым, с «рысьими» зелено-желтыми глазами! *Современник* Чингиса, персидский историк Рашид Ад-Дин писал, что в роду Чингисхана дети «рождались большей частью с серыми глазами и белокурые». Согласно «монгольской» легенде, Бодуаньчар, предок Чингисхана в девятом колене – белокурый и голубоглазый. К чему тот же Рашид Ад-Дин добавляет: родовое имя «Борджигин», которое носили потомки Бодуаньчара, как раз и означает «Сероглазый».

Перед нами, таким образом, никакой не монгол, а обычный тюрк. Знатный представитель старинного рода, не гонявшего

скот по степям, а имевшего тот самый многовековой опыт государственного строительства. Наследник *эль*, былых каганатов. У *такого* человека, естественно, есть откуда взяться опыту создания армии, государства, писанных законов. И экономические возможности имеются – во всех каганатах были свои «промышленные центры». Для *тюрка* Чингисхана создание нового государства было не каким-то экзотическим экспериментом, а делом самым что ни на есть обычным, которым на протяжении долгих столетий занимались его предки. Можно ли сказать о русских казаках, завоевывавших Сибирь, что они были «кочевниками»? Никоим образом. За спиной у них, вдалеке, имелась *держава*, которая их отправляла в походы. Точно так же обстояло и с Чингисханом.

Можно допустить, что моментально зазвучат протестующие возгласы: как же так, ведь существуют обстоятельные монгольские источники, относящиеся к тому времени!

Ну что ж, давайте подробно изучим эти источники – и не средневековые, и, очень похоже, не монгольские вовсе...

Собственно *монгольская* письменность сложилась только в XVII веке. Так что никаких «современных Чингисхану» монгольских летописей в природе не существует. Есть на свете два варианта «древней монгольской истории»: «Сокровенное сказание» и «Алтан тобчи». Давайте присмотримся...

«Сокровенное сказание» (представляющее собой лишь *часть* книги «Алтан тобчи»), или, на китайский манер, «Юань-чао биши», объявилось только в *девятнадцатом* столетии. В 1841 году китайский ученый Чжан Му составил сборник редких старинных сочинений, в 1848 году напечатал его – и это-то *печатное* издание и попало в руки к знаменитому китаеведу Палладию Кафарову, привезшему его в Россию.

Никаких *оригиналов* «Сокровенного сказания», никаких более-менее старых рукописей обнаружить так и не удалось. Самая «древняя» рукопись относится опять-таки к первой трети девятнадцатого столетия...

С «Алтан тобчи» обстоит еще интереснее. Начнем с того, что даже сегодня неизвестно, что же, собственно говоря, это название означает. «Алтан» – «золотой», тут нет никакой головоломки. А вот «тобчи»... Это слово переводят и как «сокращенное содержание» и как «пуговица», и как «ружейная пуля».

История явления миру «Алтан тобчи» достаточно примечательна. В одна тысяча девятьсот двадцать шестом году председатель Ученого комитета Монгольской Народной Республики Джамьян-гун, отправившись отдохнуть, обнаружил в юрте молодого монгола из старинного рода единственный известный ныне экземпляр рукописи – и после долгих уговоров заполучил эту ценность для науки.

Оговорюсь сразу: хотя по поводу этой находки можно выдвигать, согласитесь, самые разные, деликатно выражаясь, версии, лично я нисколько не ставлю под сомнение порядочность Джамьян-гуна. Будем исходить из того, что он эту рукопись действительно *нашел* в юрте.

А вот рукопись сама по себе... Впрочем, слово авторам предисловия к изданию, осуществленному издательством «Наука».

«Уникальная рукопись ее, хранящаяся в Государственной библиотеке МНР, судя по некоторым палеографическим признакам, может считаться списком XVIII в. Однако вопросы монгольской палеографии еще недостаточно разработаны, поэтому установить дату списка можно только приблизительно. Впервые датировку списка рукописи предложил Ц. Жамцарано на основании почерка, который он назвал "канцелярским, XVIII века". Почерк этот вполне четкий и легко читается. Список написан тонкой камышинкой, черными чернилами на китайской бумаге. По мнению Х. Пэрлээ, такой способ письма был распространен в Халхе во второй половине XVIII века, что совпадает с выдвинутой Ц. Жамцарано датировкой списка. Никто из последующих исследователей летописи эту датировку не оспаривал».

Иными словами, перед нами манускрипт, написанный *неизвестно когда*, как, в общем, признают сами авторы вышеприве-

денного абзаца. Но даже если она и впрямь относится к XVIII веку, то, как легко подсчитать, отстоит от времени Чингисхана на пятьсот с лишним лет, а потому в роли «достоверного исторического источника» смотрится бледно – и это еще мягко сказано.

Что характерно, на протяжении *сорока* страниц предисловия старательно обходится вопрос: на *каком* же, собственно, языке рукопись написана? Прямо это так и не сказано – а приведенные образцы букв ясности не вносят, совершенно непонятно по двум скудным примерам, древний ли это уйгурский или более поздний монгольский? Упоминается вскользь, что «на китайском» – и на том спасибо... Зато в том же предисловии пара страниц отведена гаданиям на тему того, на каком же языке были написаны древние оригиналы, которых никто не видел: на уйгурском или китайском? Поскольку «древние оригиналы» в природе не существуют, это именно гадания...

Написал «Алтан тобчи» *вроде бы* ученый лама Лубсан Данзан. Повествующая о нем фраза предисловия столь прелестна, что я приведу ее целиком: «Не останавливая своего внимания на более детальном определении того, кем был Лубсан Данзан, о котором достоверно ничего не известно, Ц. Жамцарано, тем не менее, в примечании указал, что Лубсан Данзан был также автором сочинения "Описание горы Утай"».

Господи ты боже мой, ну не в состоянии я, темный, понять логику этих шаманов, именуемых историками! «Достоверно ничего не известно» об этом самом Лубсане – но в то же время именно он считается автором «Описания горы Утай». Почему? «Я так думаю!» – сказал приятель Мимино, блестяще сыгранный Фрунзиком Мкртчяном...

Кстати, а почему именно Лубсан Данзан считается и автором «Алтан тобчи»? Да исключительно оттого, что историкам больше *некого* оказалось привлечь. Оглянувшись и поскребя по сусекам, они вспомнили, что в конце XVII – начале XVIII века жил и творил лама Лубсан Данзан, писатель и переводчик. Зна-

чит, он и написал. Почему? А потому, что некому больше. Вы не поверите, вы будете смеяться, но примерно так и излагается...

Правда, вскоре дело окончательно запуталось. Два пытливых историка обнаружили еще *одного* Лубсана Данзана – тоже лама, тоже ученый книжник, жил примерно в то же время. И вот уже много лет увлеченно дискутируют: который именно из двух Лубсанов написал «Алтан тобчи»?

Еще о датировке: «Указанный В. Хейссыгом год создания летописи, по его собственному признанию, был установлен им в результате "тщательного обдумывания". Это означает в переводе на язык нормальных людей, что *точную* датировку историки сделать не в состоянии, привязаться не к чему, годы жизни упоминаемых в рукописи монгольских князей XVII в. известны лишь приблизительно, так что, как водится в ученом мире, остается с грехом пополам *договориться*, то есть выбрать самую пристойную версию из кучи... гм, менее пристойных и уповать на «дальнейшие исследования», которые, мол, непременно внесут когда-нибудь совершеннейшую ясность.

И наконец, самое существенное. «Алтан тобчи» – вовсе *не историческая хроника* времен Чингисхана. Большой частью это – чисто лаамистские сочинения более позднего времени: рассказ о возникновении человека, о происхождении индийских и тибетских царей, о тех или иных буддистских догматах. О *самом* Чингисхане, его походах и свершениях сказано гораздо меньше, да и подход весьма своеобразен...

«Следует отметить одну интересную особенность монгольских летописей XVII века. Биография Чингисхана, особенно описание событий его юности, его борьбы с владыками монгольских племен, его деятельности как объединителя монголов, занимает в летописях много места; рассказ же о завоевательных походах всегда чрезвычайно краток. В большинстве случаев летописцы упоминают только названия завоеванных стран. Сведения о военных походах для летописцев XVII в. уже были утеряны, да и в памяти народной их не сохранилось, потому что

монголы, совершавшие походы, расселялись по чужим завоеванным странам, а вернувшиеся из походов в Монголию были вовлечены в новые войны. Деятельность же Чингисхана как создателя государства монголов была, с точки зрения летописца, привлекательной и заслуживающей особенного внимания».

Это, простите за резкость, не ученый комментарий, а наглядное пособие к учебнику «Лечение психических болезней». Нужно же и меру знать, думать, что пишешь...

Если монголы «расселились» по завоеванным странам так, что и некому было передать оставшимся на родине сведений о военных походах, то каким же образом сохранились гораздо более *ранние* сообщения о *начале* деятельности Чингисхана? В те времена, когда он вроде бы был ничем не примечательным юнцом? Как-то предельно странно получается: о юности Чингисхана известно достаточно, о его первых шагах по созданию *небольшого* государства – достаточно, а вот от самых славных, масштабных дел, от покорения многих могучих царств, остался только краткий список названий?!

Простите, так не бывает. Случается как раз наоборот... Невозможно себе представить толстый том биографии Наполеона, в котором страниц пятьсот отведено его юношеским годам, учебе в военной школе, службе артиллерийским поручиком – и только на последней страничке, скороговоркой, упомянуто: «Бонапарт ходил войной на Германию, Италию, Испанию, Австрию, Россию».

Не забудьте: нам старательно *впаривают*, что очень долго именно в *Монголии* существовал стольный град наследников Чингисхана Каракорум, не только административный, но и культурный центр, где жило много ученых книжников. Как же так получилось, что обладавшие таким культурным центром монголы ухитрились начисто забыть подробности завоеваний Чингисхана, сохранив лишь «названия завоеванных стран»?

Все мгновенно становится на свои места, если вернуться к тому, что Чингисхан никакой не монгол, а тюрк. Скучность *мон-*

гольских сведений о нем получает простое и логичное объяснение: поскольку монголы не принимали никакого участия в свершениях Чингисхана, то и сведения о них имели самые общие. Кто бы специально посылал людей в монгольские кочевья, чтобы читать им лекции о достижениях соседей-тюрок? И только несколькими столетиями позже, когда у монголов завелась своя письменность и свои книжники, было написано чисто *литературное* произведение, имеющее мало общего с реальной историей.

Не просто беллетристика, а еще и «социальный заказ». Почему «Лубсан Данзан» (или кто он там) уделил непропорционально много места именно юности Чингисхана и его трудам по созданию государства, с простодушным цинизмом объясняется в том самом предисловии: «Что заставило автора столь много рассказать о Чингисе, изложить сведения из "Секретной истории монголов", собрать рассказы и легенды о нем, использовать приписываемые ему изречения? Вопросы эти правомерны, и ответ на них следует искать в той исторической обстановке, в которой жил и творил Лубсан Данзан. Только что кончилась неудачей последняя попытка объединения разрозненных монгольских княжеств* Лэгден-хаганом, погибшим в кукунорских степях, куда он бежал под напором маньчжуров. Одно за другим монгольские княжества попадали под власть Маньчжурской династии, агрессивные действия которой против монголов все усиливались. В этой напряженной обстановке и создавалась летопись, основной целью которой была пропаганда идеи объединения монгольских княжеств, а для этого удобным и ярким приемом было обращение к прошлому, когда из разрозненных племен создавалось единое монгольское государство».

Уяснили? Черным по белому признается, что перед нами не «летопись», а сочиненная на потребу сиюминутным интересам

* Иными словами, и в XVII в. *реальная* Монголия еще пребывала в состоянии самой пошлой раздробленности.

политическая агитка... Публицистика. Беллетристика. Так что следа исторической достоверности нет уже ни малейшего.

Ну, а кроме того, «удобным и ярким приемом» было, конечно же, объявление великого Чингисхана *монголом*. В политических целях с выдающимися деятелями прошлого и не такие финты проделывали, благо защититься они были уже не в состоянии...

Нужно уяснить себе как следует: то, что Чингисхан – монгол, утверждается *только* в «Сокровенном сказании» и «Алтан тобчи». Всего-навсего в двух неизвестно кем написанных книгах, появившихся в обращении спустя многие сотни лет после событий...

Ход, в истории известный, – вспомним, что Александра Македонского пытались сделать «своим» аж тридцать народов, и это далеко не единственный пример...

Мы имеем дело именно что с литературой, со сказкой. Как Александра Македонского мифологическая традиция превратила в сына бога Зевса, так и Чингисхан предстает прямо-таки сказочным героем: по одному из вариантов, он родился от волка и бурой лани, по второму – упомянутый волк (мифический предок – покровитель тюрок) превратился в луч света, оплодотворивший мать Чингиса Алангоа...

Чистой воды литературщина – и рассказ о детстве-юности Чингисхана со старательно нагнетаемыми страстями: еще в детском возрасте будущий великий завоеватель беспризорником скитается по чащобам, питаясь сусликами и диким чесноком, потом его, подростка, захватывают враги, напялив колодку, определяют в рабство, откуда он сбегает и благодаря природным дарованиям в кратчайшие сроки становится правителем над многими народами...

В *реальной* Великой Степи подобная головокружительная карьера была бы попросту невозможна. Там был свой уклад жизни, достаточно сложный, освященный многовековыми традициями. У юного бесприютного бродяги не было никаких шансов стать великим ханом...

Кстати, нам растолковывают, что само имя «Чингисхан» в переводе означает «Океан-хан». Откуда бы такие словечки у монголов? А вот тюрки, повидавшие и Каспий, и Черное море, и Атлантику, такое имя своему правителю вполне могли дать...

В общем, по моему глубокому убеждению, следы реальной биографии Чингисхана следует искать не на востоке, в Китае и Монголии, а как раз *на западе*.

В первую очередь я обратился к «Скифской истории» Андрея Лызлова. Мотивировка проста: если кто-то считает вполне достоверным историческим источником сочинение Данзана, отчего таковым не может быть написанная примерно в то же время книга Лызлова, опиравшегося, к слову, на массу исторических трудов – русских, польских, итальянских? Нет уж, элементарная логика требует оба сочинения уравнивать в статусе...

Сведения о Чингисхане у Лызлова, прямо скажем, скуднейшие – но гораздо более реалистические, нежели китайское баснословие, написанное неизвестно когда неведомо на каком языке...

Никаких «монголов» у Лызлова, разумеется, нет – только *татары*. «Татары же, называемые еще Заволжская орда, обитают по той же реке Волге ниже болгарских границ даже до моря Каспийского».

Болгары имеются в виду, разумеется, не балканские, а волжские. Обратите внимание на слово «даже»: Каспийское море – крайний восточный рубеж Заволжской орды. Какая там, к дьяволу, Монголия... Татары, по Лызлову, «пришли из пустыней, отстоящих к китайским странам». Под «Китаем» имеется в виду вовсе не современный Китай, а какие-то среднеазиатские области. *Нынешний* Китай Лызлов, как было принято в его время, наверняка назвал бы «Чина».

«И начали жить около великих рек Камы и Яика». Далее уточняется, что татары – «единонравны» с волжскими болгарями. Ну разумеется! И те и другие – тюрки, что в особых доказательствах не нуждается.

«Иностранные же историки называют страну ту Заволжская орда, яко Гваньини пишет, глаголя: Орда татар заволжских названа есть от реки Волги, за нею же обитали; граничится та страна от востока морем Хвалиским». Гваньини – итальянский историк (1538–1614), автор «Хроники Сарматии Европейской», откуда Лызлов многое почерпнул. Хвалиское море – Каспийское.

А вот и Чингисхан – здесь же, в Заволжской орде!

«А о начале своем те ордынцы повествуют так. Якобы в тех странах, откуда они пришли, жила некая вдова знатного рода. Она некогда от прелюбодеяния породила сына по имени Цынгис, коего старшие сыновья, как незаконно рожденного, хотели убить. Вдова же, обращая вину свою к себе в оправдание, сказала: "От лучей солнечных зачала я сына"».

Здесь до Лызлова явно дошли сказания об Алангоа, оплодотворенной солнечным лучом. «Цынгис» – это, конечно же, Чингисхан. О котором Лызлов далее пишет: «И сын той вдовы, войдя в зрелый возраст, Заволжскую орду распространил и умножил, и множеством жителей, и дел мужественных деянием, и самого края изобилием едва ли не все тамошние орды превзойдя. Народ тот, мужеством превосходя все дикие поля, воинскими делами славу свою размножил».

Как видим, никаких монголов нет и в помине. Татары-тюрки в свое время переселились к Волге и Каспию. Первоначально они были одним из родов в царстве некоего Ункама, но когда этот род усилился и укрепился, Ункам стал всерьез его опасаться, а потому, чтобы малость «проредить» расплодившийся народишко, стал посылать его на все войны, какие только случались, ставя в первые ряды. Татары быстро догадались, что это не головотяпство, а продуманный геноцид и, чтобы избежать дальнейших трений, переселились всем народом подальше от Ункама, основав собственное государство. А потом избрали верховным правителем Цынгиса, Хингиса, Чингисхана. Первой крупной акцией был поход как раз против Ункама. Сначала Чингисхан мирно попросил в жены его дочь, но Ункам отказал, тог-

да Чингисхан пошел на него войной и захватил все его царство (дело, конечно же, наверняка не в девушке, а в тех самых старых счетах).

Как видим, сведения о Чингисхане поистине скуднейшие. Но другим просто неоткуда взяться, если не обращать внимания на монгольские баснословия. Молодой человек из знатного рода, чье появление на свет омрачено какой-то грязной историей с обвинением в незаконном происхождении. Юноша, надо полагать, незаурядный, поскольку со временем стал великим ханом Заволжской орды. По сути, это *все*, что нам известно о *реальном* Чингисхане, увы...

Кое-какие столь же скудные дополнения можно почерпнуть из обширной книги хорезмийского книжника ан-Насиви. Источник поистине бесценный, без малейшей иронии – поскольку был современником Чингисхана и *единственным* независимым свидетелем. Авторы других сочинений находились на службе у Чингисхана, а потому полной объективности от них ждать, согласитесь, трудно...

Ан-Насиви, конечно же, не заметил никаких «монголов». Народ Чингисхана – *тюрки*.

Согласно ан-Насиви, в свое время существовало государство Ас-Син, где правили совместно шесть тюркских ханов, подчинявшихся великому хану по имени Алтун. Ан-Насиви называет эту страну еще и Китаем, но из его же собственного описания следует, что к *нынешнему* Китаю она не имеет никакого отношения.

Чингисхан был правителем одного из шести ханств, а его соседями были Кушлу-хан и Души-хан, муж тетки Чингисхана. Души-хан неожиданно умер. Вдова, не имевшая сыновей-наследников, вызвала племянника Чингиса и передала ему удел покойного мужа.

Надо полагать, молодой хан управлял своими владениями неплохо – к нему стали стекаться окрестные роды, ханство усиливалось, крепло... Что вскоре вызвало явную неприязнь вер-

ховного повелителя Алтун-хана. Когда он вернулся из долгой поездки в свою столицу, *город* Тамгадж, ему по обычаю стали присылать подарки шестеро подвластных ханов (точнее, уже пятеро, потому что Чингис управлял сразу двумя «провинциями»). Подаренных остальными ханами коней верховный принял, а у Чингисхановых распорядился отрезать хвосты и прогнать их со двора, что было, мягко выражаясь, поступком не вполне дружественным.

Очень быстро из дворца великого хана стали распространяться слухи, что Чингису и его друзьям жить осталось всего ничего, и им очень быстро открутят головы. Естественно, Чингисхан не стал ждать, пока его прирежут, как барана, – с верными ему предводителями, он, выражаясь современным языком, провозгласил окончательный суверенитет своих владений.

Алтун-хан послал против мятежников войско. Чингисхан это войско моментально расколошматил в хвост и в гриву, так что Алтун-хан бежал в Индию с остатками войск приближенных, бросив страну на произвол судьбы. Естественно, Чингисхан со сподвижниками перенял бразды правления. Какое-то время его соправителем был помянутый Кушлу-хан, но после его смерти Чингисхан поссорился с его наследником и взял курс на единоличное правление, подчинил окрестные земли, а также занял тот самый город Хара-Баласагун в долине киргизской реки Чу, который позже станет одним из кандидатов на роль мифического Каракорума. Алтун-хан из своей эмиграции вел переговоры, в конце концов выговорил для себя какие-то земли, но потом умер, что окончательно развязало Чингисхану руки, и он стал активнейшим образом укреплять свое государство.

Это – опять-таки *реальность*, поскольку ан-Насиви жил в то время и не сказки сочинял, а добросовестно записывал все, что происходило вокруг.

Собственно говоря, у нас нет других сведений о Чингисхане, кроме тех, что можно почерпнуть из книг Лызлова и ан-Насиви (все остальное доверия не внушает). Но все же, повторяю, и этого

достаточно, чтобы иметь о нем кое-какое представление – есть та пресловутая печка, от которой следует плясать. *Тюркский* хан, своими руками выкروивший себе государство, что для той бурной эпохи было, в общем, делом житейским. Надо полагать, умен и смел. Хороший полководец и толковый управленец. В некоторых случаях – коварен и жесток, но это уж, господа мои, с его стороны не какое-то извращение, а всего-навсего следование традициям эпохи. Цари, султаны и ханы, к сожалению, в государственных делах особой добродетелью не отличались. Должность такая...

Восточные походы Чингисхана, по моему глубокому убеждению, попросту выдуманы теми же китайскими книжниками. Никакого сомнения, на территории Китая происходили какие-то войны с участием степняков (то ли монголов, то ли тюрков), но сведения о них большей частью откровенно баснословны: жуткие китайские боевые ракеты, выжигающие все живое чуть ли не на сто метров вокруг, девятьсот тысяч *гробов*, которые китайцы за пару дней изготовили для погибших во время осады и вынесли из города, и прочие ужасики. Мы почему-то считаем, что военная фантастика – изобретение столетия этак девятнадцатого, а ведь она существовала гораздо раньше. Когда господа историки сей факт уяснят, им станет куда легче жить и работать, а в том, что они пишут, появится больше логики и здравого смысла.

Безусловно, какие-то стычки у татар с китайцами случались – но не более того. Совсем недавно появилась любопытная статья о «Сокровенном сказании», где автор, аспирант Европейского института в Санкт-Петербурге (безусловно, не замеченный в симпатиях к «новой хронологии»), сообщает интереснейшие вещи: «Китайские ученые, занимавшиеся разбором дворцовых архивов после падения в 1368 г. "монгольской" династии Юань, обнаружили это сочинение в закрытом для постороннего доступа отделении архива и потому назвали его "Юань биши" ("Тайная история династии Юань"). Через 15–20 лет решили использо-

вать в качестве своего рода хрестоматии для подготовки переводчиков с монгольского языка и перетранскрибировали монгольский текст китайскими иероглифами. Тогда-то недавно присвоенное китайское название и было переведено на монгольский язык как "Тайная история МОНГОЛОВ". То, что учеными первых лет Мин воспринималось как история легитимной китайской династии Юань, китайскими переводчиками и транскрипторами было переинтерпретировано как история "монголов" – опасных "северных варваров", присутствие которых на границах угрожало нарождавшейся "собственно китайской" идентичности».

Иными словами, как и в случае с «Алтан тобчи», понадобилось на потребу конкретной политической ситуации изрядно присочинить, изобразив прежних насквозь китайских императоров в виде страшных северных дикарей, то и дело тревоживших Китай набегами. Похоже, что и в стане «классических» историков начинает помаленьку формироваться «критическое» направление. Дай-то бог...

Итак, Чингисхан разделался с соседями, стал единоличным правителем, получив императорский титул. Чем же он занимается, неужели ведет жизнь «классического» кочевника?

Самое интересное, что – ничего подобного. На примитивное кочевое житье-бытье никак не похоже...

Глава седьмая

МИР И ВОЙНА

Чингисхан прямо-таки ударными темпами начинает строить *государство*, проводя разнообразнейшие реформы во всех областях жизни. Делает все, чтобы превратить скопище кочевых родов в самый настоящий эль. Возникает *держава* – несомненно, по примеру прежних каганатов.

Начинается все с армии. До того войско было чертовски архаичным, построенным по принципу родового ополчения. Десятки, сотни и тысячи формировались из родичей, своеобразных «станичников».

Чингисхан в первую очередь организует гвардию («кешиг») и использует ее, вот парадокс, в точности так, как пятьсот лет спустя Петр I: гвардия превращается не только в воинское подразделение, но и в некий административный аппарат. Гвардейцы Чингисхана выполняют функции полиции и охраны караванных путей, заведуют дворцовым имуществом, хранением воинских штандартов и барабанов, берут на себя судебные функции и даже наблюдают за тем, как ведется хозяйство в улусах. Все это им приходится делать, потому что администрации как таковой пока что попросту нет.

В армии вводится другой принцип, который можно охарактеризовать нынешними терминами как «всеобщую мобилизацию».

Воинские подразделения теперь формируют уже не из родственников, а распределяя «призывной контингент» по усмотрению командования.

Параллельно меняется законодательство. До Чингисхана действовала архаичная система, когда «мудрые люди», опираясь на прецеденты (совершенно как в Англии), разбирали те или иные частные случаи и выносили решение, как жизненный опыт подсказывает.

Чингисхан заменил этот пережиток системой писаных законов под названием «Яса» – уголовный, гражданский и административный кодексы, вместе взятые. Судьи отныне обязаны были судить по *писаным* законам, а не по прецедентам и «родовому праву». Для руководства ими Чингисхан назначил Верховного судью государства.

Точно такие же реформы начались и в экономике. Вместо прежних «обычаев» хозяйственной деятельностью теперь стали руководить специальные чиновники, занимавшиеся к тому же и налогообложением. Размеры и сроки взимания налогов, распределение пастбищ и прочие хозяйственные дела теперь все тщательно фиксировалось в особых прошнурованных книгах, которыми ведали специальные чиновники. Именно тогда и появилась знаменитая «татарская десятина» – как минимальная налоговая ставка, десятая часть скота, зерна, а потом и денег, которые следовало отдавать в казну. К слову, когда явившиеся на Русь татары потребовали с населения эту десятину, они вовсе не занимались каким-либо беспределом, а намеревались брать ровно столько налога, сколько брали и со *своих*.

Стало формироваться и чиновничество, где поначалу большую роль играли разнообразные «инородцы»: китайцы, мусульмане, уйгуры – лишь бы были грамотными и дело знали...

В общем, подобные реформы вряд ли оказался бы способным последовательно и целеустремленно проводить «дикий кочевник», пусть даже и побуждаемый к тому «китайскими муд-

рецами», играющими роль этаких добрых гениев при «монголах». За преобразованиями Чингисхана явственно проступает весь предшествующий многостолетний опыт тюркских каганатов, опыт человека, опиравшегося на богатое наследие предков-государственников.

Некоторые статьи «Ясы» достаточно интересны. Так, смертной казнью наказывались сочинители ложных доносов, а также подданные обоего пола, уличенные в прелюбодеянии (вот со вторым, на мой взгляд, перехлест совершенно излишний). И вовсе уж грустной философичностью проникнут раздел о пьянстве, сочиненный самим Чингисханом: «Если уж нет средства против питья, то человеку нужно напиться три раза в месяц. Как только он перейдет за три раза – совершит наказуемый поступок. Если же в течение месяца он напьется только дважды – это лучше; если один раз – еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого?! Но где же найти такого человека, который совсем бы не пил, а если уж такой найдется, то он должен быть ценим!»

Естественно, строительство нормального государства было не всем по вкусу – консерваторы везде одинаковы. А потому вскоре случился классический конфликт светской и духовной власти, какие бывали на всех континентах...

Судя по всему, «центром оппозиции» стал не кто иной, как верховный шаман Чингисхана Кокочу, он же Тэб-Тенгри, «Самый Небесный». Именно он от лица Тенгри освятил избрание Чингисхана великим ханом. Насколько можно судить по дошедшим до нас скудным сведениям, человек был сильный, волевой, себе на уме, внушавший многим суеверный страх. Вспоминают, что в разгар зимы он любил, раздевшись догола, усаживаться на лед, который «таял от тепла его тела», так что клубы пара окутывали Кокочу, и суеверное простонародье считало, что шаман ненадолго возносится на небо на белом коне (нельзя исключать, что тут был еще какой-то фокус с пиротехникой соответственно техническому уровню того времени).

Трудно сейчас понять, в чем там было дело, но еще до образования государства многие соседи татар отчего-то упорно считали Кокочу затаившимся врагом Чингисхана. Вроде бы даже недруги Чингиса из числа соседних ханов пробовали привлечь шамана на свою сторону, но он отказался.

Как бы там ни было, с определенного момента Тэн-Тенгри начал вести себя предельно нагло, вмешиваясь во все, что его касалось и не касалось. Вокруг него стали *кучковаться* знатные татары, простые воины, всевозможные искатели приключений, обиженные, недовольные и прочие любители половить рыбку в мутной воде. Именно Кокочу своими интригами спровоцировал вражду между Чингисом и его братом Хасаром, из-за чего последний угодил в жуткую немилость. Понемногу в ставке шамана людей оказалось «столь же много, как у самого Чингиса». К нему даже стали перебегать люди младшего брата Чингиса Отчигина, и в конце концов «от Чингисхановой коновязи многие подумывали уйти к Тэб-Тенгри».

Начался натуральный беспредел. Отчигин отправил к Кокочу своего гонца, требуя вернуть беглецов, но посланника как следует отколотили, отобрали коня, навалили на спину седло и прогнали прочь, жизнерадостно вопя что-то вроде: «Какой посол, такой и господин!»

Отчигин, разъярившись, прискакал к Тэн-Тенгри, но тот уже, надо полагать, чувствовал себя настолько уверенно, что семеро его братьев силой поставили Отчигина на колени и заставили просить прощения за то, что побеспокоил.

В переводе на европейские мерки это выглядело бы так, как если бы братья архиепископа Парижского надавали оплеух явившемуся их отчитать брату французского короля. Ситуация, ясно, накалилась до предела...

На следующий день Кокочу как ни в чем не бывало явился в шатер Чингисхана со своим отцом и помянутыми братьями-безобразниками и преспокойно уселся на почетное место. Тут к нему подскочил Отчигин, схватил за ворот и заявил, что по ста-

ринному обычаю вызывает на единоборство. Чингисхан с невозмутимым видом процедил что-то вроде: «На улице, на улице разбирайтесь!»

Единоборства не получилось. Едва верховный шаман вышел за порог, к нему подскочили трое силачей, вмиг переломили спинной хребет и бросили под телегу. Возвратившийся Отчигин пояснил (надо полагать, не без злорадства):

– Тэб-Тенгри не хочет со мной силами мериться, лежачим притворяется...

Чингисхан и бровью не повел – скорее всего, прекрасно знал, в чем тут фокус. Братья Кокочу попытались было «качать права», угрожая Чингису, но ворвались гвардейцы, и им пришлось притихнуть.

Тело шамана, как вспоминали современники, загадочным образом исчезло. Чингисхан, не особенно удивляясь, невозмутимо объяснял это возмездием Неба: «Тэб-Тенгри бил моих братьев и несправедливо клеветал на них, за что Небо и невзлюбило его, и отняло вместе и жизнь, и тело его».

Не исключено, что многие ему верили – при таком количестве личной гвардии как не поверить... И все же, полное впечатление, разбитая таким образом оппозиция, хотя и не пыталась больше что-то предпринимать против Чингисхана, какое-то время оставалась реальной силой: после некоторых колебаний Чингис так и не решился казнить ни отца Кокочу, ни его буйных братьев, хотя обвинение в мятеже и покушении на великого хана само собой подворачивалось...

Со смертью Тэб-Тенгри с тогдашней политической арены исчезла последняя крупная фигура, которая решилась бы встать вровень с Чингисханом и оказывать неповиновение. Чингисхан становится *настоящим* самодержцем...

К западу к границам его государства примыкал Хорезм – достаточно сильная и обширная держава. На престоле там восседал хорезмшах Ала-ад-Дин Мухаммед, личность своеобразная и, насколько можно судить, моральными принципами не обре-

мененная вовсе. В свое время он смирехонько платил дань властителю кара-китаев, но едва соотношение сил изменилось в его пользу, без колебаний убил прибывшего за очередной выплатой посла с его свитой и, не мешкая, выступил в поход на столицу кара-китаев Хара-Баласагун, каковую взял штурмом и разорил. За это придворные официальным образом присвоили шаху титул «Второго Александра Македонского». Чуть позже Мухаммед уже по собственной инициативе распорядился добавить к своим именам еще и «Санджар» (так звали знаменитого сельджуцкого султана XI века), а на своей большой печати приказал изобразить надпись «Тень Аллаха на земле». Большой скромности был человек...

Сплошь и рядом можно встретить утверждение, будто зловерные Чингисхановы орды самым коварным и агрессивным образом ни с того ни с сего «вторглись» на территорию мирного, белого и пушистого Хорезма. На самом деле все обстояло чуточку иначе...

Сын Чингисхана Джучи с двадцатью тысячами всадников отправился в поход на территорию нынешнего Казахстана, преследуя отцовского неприятеля Кушлу-хана-младшего, сына бывшего сподвижника Чингиса. Догнал, разбил и повернул домой. Тут показалось войско с Мухаммедом во главе, с ходу изготавившееся к бою.

Джучи послал к Мухаммеду парламентеров, которые вежливо объяснили, что татары пришли воевать не с султаном, а со своими старыми неприятелями и сейчас возвращаются домой... Джучи выразил готовность отдать султану всю доставшуюся ему добычу. Как пишет ан-Насири, «он упомянул, что его отец приказал ему вести себя благопристойно, если он встретит в этой стороне какую-нибудь часть султанских войск, и предостерег его от проявления чего-либо такого, что сорвало бы покрывало приличия и противоречило бы принципу уважения».

Мухаммед, прикинув, что войска у него больше, ответил: «Если Чингисхан приказал тебе не вступать в битву со мной, то

Аллах всевышний велит мне сражаться с тобой и за эту битву обещает мне благо. И для меня нет разницы между тобой, и Гюрханом (царь кара-китаев. – А. Б.), и Кушлу-ханом, ибо все вы – сотоварищи в идолопоклонстве».

И началось сражение. Арабский историк Ибн-аль-Асир уверяет, что оно длилось «три дня и три ночи» – но это, скорее всего, обычное цветистое восточное преувеличение. Более походит на правду сообщение ан-Насири, что битва продолжалась «до сумерек». Ночью татары разожгли множество костров, словно разбили лагерь, а сами тихонько отступили.

С тех пор султан Мухаммед, как отмечают его же придворные, форменным образом *подвинулся* на завоевании державы Чингисхана и Китая, рассчитывая на хорошую добычу: «Мы, его слуги и придворные, пытались отговорить хорезмшаха от этой навязчивой идеи, мотивируя свои соображения дальностью расстояний, трудностями пути и другими препятствиями, но хорезмшах стоял на своем».

Воевать он, правда, не решился – отправил к Чингисхану посольство. Чингисхан, судя по его поведению, на конфронтацию вовсе не нарывался. Послу он сказал так:

– Передай хорезмшаху: «Я – владыка Востока, а ты – владыка Запада. Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои в таком же порядке пусть перевозятся ко мне».

Чингисхан отправил Мухаммеду подарки – не только нефрит и ткани, но и слиток золота «величиной с верблюжьей голову». Воевать он явно не собирался. Вскоре в Хорезм прибыл татарский караван и остановился в пограничном городе Отрар. Караван был солидный: 500 верблюдов, нагруженных золотом, серебром, китайскими шелками, соболиными шкурками и другими мехами. С ним пришли 450 мусульманских купцов и татар, а также посол Чингисхана Ухун, везший хорезмшаху послание

Чингиса, где говорилось: «Купцы являются опорой страны. Это они привозят владыкам диковинки и драгоценности, и нет нужды препятствовать им в этом. Я, со своей стороны, не намерен мешать нашим купцам торговать с вами. Надо, чтобы мы оба действовали совместно ради процветания наших краев. Поэтому мы приказали, чтобы отныне между всеми странами на земле установился мир, чтобы купцы безбоязненно направлялись во все края. Богатые и бедные будут жить в мире, и благословлять Аллаха».

В отличие от Мухаммеда, пылавшего страстью «борца за веру», Чингисхан руководствовался тенгрианской веротерпимостью. В «Ясе» так и было предписано: «Уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному, дома Божии и его служителей, кто бы ни был – щадить, оставлять свободными от налогов и почитать их».

Из всех, кто пришел с караваном, живым спасся и добрался до татарской границы один-единственный человек... Все остальные, включая посла, были убиты, а караван разграблен.

Ан-Насири считает, что в этом преступлении виноват исключительно наместник Отрара Инал-хан, сын дяди по матери Мухаммеда: «Его низкая душа стала жадной к имуществу этих купцов». Инал якобы написал хорезмшаху письмо, где утверждал, что все эти купцы и послы – переодетые шпионы, все до одного. Хорезмшах якобы распорядился взять «лазутчиков» под арест, но Инала уже *понесло*, он велел всех убить, а их богатствами завладел единолично.

Араб Ибн-аль-Аср излагает события по-другому: «Хорезмшах прислал ему (наместнику. – А. Б.) приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему. Он убил их и отослал, что при них было, а вещей было много. Когда посланное прибыло к хорезмшаху, то он разделил его между купцами Бухары и Самарканда и взял с них стоимость его».

Вторая версия больше похожа на правду – учитывая то, что произошло потом...

Легко представить, что Чингисхан пришел в дикую ярость. Согласно древним тюркским обычаям, купец – лицо неприкосновенное, и уж тем более тягчайшим преступлением является убийство посла («доверившегося», как именовался любой дипломат). Существовала даже формула: «Посла не душат, посредника (т. е. парламентаря) не убивают».

И тем не менее в Хорезм поскакали не конные тумены, а посольство Чингисхана во главе с мусульманином Ибн Кафраджд Богра с двумя спутниками-татарами. Но еще до этого к Чингисхану вроде бы приезжали посланцы от хорезмшаха с письмом, где вся вина за гибель послов и купцов возлагалась исключительно на Инал-хана. Такой вывод можно сделать, потому что существуют *две* версии письма Чингисхана к Мухаммеду. Первая гласит: «Ты даровал подписанное твоей рукой обещание обеспечить безопасность купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил вероломно и нарушил слово. Вероломство мерзко, а со стороны султана Силама еще более. И если ты утверждаешь, что совершенное Иналом сделано не по твоему повелению, то выдай мне Инала, чтобы мы наказали его за преступление, и помешали кровопролитию. А в противном случае – война, в которой самые дорогие души станут дешевы и древки копий переломаются».

Эта версия подразумевает, что хорезмшах не только письменно валил вину на родственника, но и заранее выдал каравану «охранную грамоту». Есть и другая – араба ас-Субки. По ней, письмо Чингисхана звучало так: «Сообщи мне, то, что произошло – случилось ли по твоему желанию? Если это случилось не по твоей воле, тогда мы требуем кровь убитых и твоего наместника в Отраре, которого надобно доставить к нам в самом жалком виде, униженным и обесчещенным. Но если это сделано по твоей воле, тогда ответственность несешь ты, ибо я не исповедую твою религию и не одобряю твоих действий. Ты принадлежишь к религии ислама, а ведь купцы эти тоже были твоей религии. Тогда как же расценивать приказ, который ты отдал?»

Даже собственный сын хорезмшаха Джелал-ад-Дин советовал отцу выдать Инала к чертовой матери, поскольку – заслужил. Но Мухаммед на это не пошел. Быть может, попросту оттого, что его родственник был в государстве человеком влиятельным и принадлежал к кипчакскому роду, который был военной аристократией Хорезма. Ага, вот именно. Первоначально в тех краях правил тюркский род Караханидов, но потом властители Хорезма, предки Мухаммеда, перехватили власть с помощью кипчаков-полководцев, так что население страны было неоднородным, состояло из нескольких национальных групп, в том числе и принявших ислам тюрок.

А быть может, все же сам хорезмшах действительно приказал разграбить караван? Это на него, в общем, похоже.

Как бы там ни было, Мухаммед велел убить посла Ибн Каф-радж Богра, а двум его спутникам-татарам в знак позора отрезать бороды и отправить в таком виде к Чингисхану...

Самое интересное, что практически все *мусульманские* авторы обвиняют в татарско-хорезмийской войне не Чингисхана, а как раз Мухаммеда. Характерное выражение: «И не было никогда более мерзкого действия, чем это». Некоторые уверяют даже, что, получив от Мухаммеда вызов на смертный бой, Чингисхан три дня молился и просил Тенгри «даровать ему силу для отмщения», поскольку «не он был виновником этой смуты». Об этом же пишет и Рашид ад-Дин: «В этом пламени гнева он поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и приник лицом к земле. Трое суток он молился и плакал... После этого он почувствовал в себе признаки знамения благовестия и бодрый и радостный спустился оттуда вниз, твердо решившись привести в порядок все необходимое для войны».

А почему бы, в конце концов, не допустить, что Чингисхан был искренне верующим человеком? Что в этом такого странного?

Одним словом, больше посольств не было. К хорезмшаху прискакал татарский гонец с письмом, где стояла одна-единственная строчка: «Ты хотел войны – ты ее получишь».

И вскоре татарская конница тремя бешеными потоками ворвалась в Хорезм...

После шестимесячной осады был взят Отрар. Правда, Инал-хан, которому терять было совершенно нечего, еще месяц защищался во внутренней цитадели. Под конец он остался один (татары старательно выполняли приказ Чингисхана взять наместника живым), его загнали на какую-то крышу, откуда он еще некоторое время швырял в татар кирпичами, но потом его все же повязали и отвели к Чингисхану. По этому случаю хан вроде бы не произносил никаких исторических фраз – а вот от ругательств наверняка не удержался.

По приказу Чингиса сребролюбивому Инал-хану залили уши и глаза расплавленным серебром – видимо, и мимо рта не пронесли. Инал-хан, естественно, таких воспитательных мер не выдержал и быстренько помер...

Затем татары взяли Бухару (предварительно сравнив «злой город» Отрар с землей), а затем и Самарканд, – его защитникам не помогли даже технические новинки в виде боевых слонов, выдрессированных на индийский манер.

Самое примечательное, что хорезмшах Мухаммед, заварив такую кашу, вел себя, право слово, как последний идиот. После убийства татарских послов, прекрасно понимая, что Чингисхан нагрянет мстить, он не собрал свою немаленькую армию в один кулак, а небольшими отрядами разбросал ее чуть ли не по всей стране. Потом татары их старательно колотили поодиночке. Объяснение такой «стратегии» найти трудно – вероятнее всего, до пределов раздутое самомнение «тени Аллаха на земле». Чувяками собирался закидать «дикарей», быть может...

Сосед и единоведец Мухаммеда, багдадский халиф ан-Насир смотрел на происходящее в Хорезме, втихомолку радуясь: он давным-давно собачился с Мухаммедом на тему: «Кто из нас настоящая тень Аллаха на земле», а потому втихомолку поддерживал вполне дружескую переписку с Чингисханом, не смущаясь различиями в вере...

Немаловажная деталь: если перебежчиков из числа «местной администрации» из Бухары, Кундуза и Балха татары пальцем не тронули, то Карачу-хана из Отрара, даже когда он капитулировал, все равно казнили – надо полагать, за причастность к истории с караваном. С Бухары и Самарканда взыскали стоимость товаров того самого каравана. Сдавшийся город Дженд разграбили, но людей не тронули. Зато Сыгнак, жители которого убили парламентаров, был разрушен до основания, и живых там никого не осталось.

Сплошь и рядом можно столкнуться с крайне поверхностной трактовкой вторжения Чингисхана в Хорезм: якобы татары буквально «в одночасье» захватили государство. На самом деле все было гораздо сложнее и интереснее...

О том, как хорезмшах по-дурацки рассредоточил всю армию (вдвое, к стати, превосходившую татарские силы), я уже говорил. Кроме этого, Мухаммед разослал по стране сборщиков податей с приказом собрать налоги за три года вперед – хотя налоги за текущий год были только что собраны с превеликим трудом. Как он утверждал, деньги ему срочно нужны на оборонные нужды. Но население отчего-то встретило такие налоговые новшества крайне неодобрительно.

И наконец, в очередном приступе стратегической мудрости хорезмшах повелел сжечь дотла все селения на довольно большой территории, примыкавшей к татарской границе, а жителей всех поголовно оттуда выгнать – чтобы злые татаровья, когда придут, не нашли там себе ни крова, ни пищи. Его приказ выполнили в точности. Но жители, лишившиеся абсолютно всего, отчего-то не поднялись защищать своего мудрого повелителя, а ушли к татарам и поголовно, без малейшего принуждения присоединились к их войску...

О «кровожадности» татар рассказывают всяческие ужасы, но очень похоже, что все преувеличено самым беззастенчивым образом. Достаточно вспомнить, какие странности наворожены вокруг «трагической судьбы» города Мерва. В конце февраля

1221 года татары, взяв его, якобы опустошили до последнего человека: часть жителей перебили, а оставшихся угнали в плен. Меж тем другие источники преспокойно повествуют, что в конце того же года «обезлюженный» Мерв восстал против татар, и они перебили там еще сто тысяч неизвестно откуда взявшегося народа. На сей раз, кажется, все? Ничего подобного. Уже через несколько месяцев будто бы дважды опустошенный Мерв как ни в чем не бывало выставляет против татар десятитысячное войско... Сам собой напрашивается вывод, что рассказы о «сотнях тысяч» жертв и «начисто опустошенных» городах – типично восточные преувеличения.

Никакого «всенародного сопротивления» Чингисхану не возникло. Ханы и эмиры наперегонки переходили на его сторону, да и простой народ, в общем, партизанить не рвался. Тут необходимо уточнить, что многонациональный Хорезм частенько сотрясался мятежами против Мухаммеда, и буквально перед самым вторжением Чингисхана с трудом подавили один такой, который возглавлял... собственный зять Мухаммеда, принадлежавший к старой династии Караханидов.

Судя по воспоминаниям современников, того же ан-Насири, хорезмшаха Мухаммеда просто-напросто *бросили* подданные, которым он, надо полагать, осточертел – и «тьень Аллаха на земле» еще какое-то время с кучкой слуг болталась по стране, словно дворняжка с консервной банкой на хвосте. В конце концов Мухаммед укрылся на необитаемом островке в Каспийском море, да там и помер вскорости – видимо, от огорчения.

Но это был еще не конец Хорезма, «лоскутной империи». После смерти Мухаммеда султаном стал его сын Джелал ад-Дин...

Только не подумайте, что новый султан с ходу принялся организовывать то самое «всенародное сопротивление» татарам. Он, действительно, порой *повоевывал* с воинами Чингисхана, но главные задачи у него были другие. Например, он собрал войско (в то самое время, когда страну якобы «наводнили» и «опусто-

шили» татары), отправился в Грузию, сжег тамошнюю столицу, нагреб немало добычи и с триумфом вернулся домой.

Потом отправился в Индию и активнейшим образом участвовал там в междоусобных войнах раджей. Потом водил войска штурмовать единоверный Багдад – за что против него ополчилась целая коалиция мусульманских правителей Малой Азии и Ближнего Востока, и Джелал, как-то забыв о татарах, воевал еще с коалицией.

Периодически он, правда, пытался организовать что-то такое под лозунгом «Смерть татарским оккупантам!», но вяло, неубедительно и как бы не всерьез. Все его силы поглощали другие занятия, о которых араб ибн-Васил пишет без всякой деликатности: «Чинил несправедливости, враждовал с соседями, вел себя предательски и вызывал недовольство».

Чуть позже, когда последовательно провалились все интриганские предприятия Джелала, а грабить больше было некого, так как войско его покинуло, он заметался *всерьез*. Он утопил в реке свой немаленький гарем, чтобы красавицы не достались татарам, а сам принялся рассылать письма тем окрестным властителям, с которыми только что воевал, уговаривая сколотить антитаатарский союз – под его, естественно, главенством и командованием.

Соседи эту идею дружно проигнорировали. Джелал ад-Дин, в точности как его папаша, еще какое-то время скитался с горсткой джигитов, пока его не взяли в плен дикие курды где-то в горах. Как водится, ограбили начисто. Султан начал уверять, что он – султан, и предводитель курдов, решив – а вдруг правда? – оставил его в живых и поселил в какой-то глухой деревушке.

Тут вернулся с охоты какой-то абориген, который стал интересоваться: что это за хорезмийская морда расселась тут, как порядочная? «Ошалел? – ответили ему односельчане. – Это ж великий султан, он сам сказал!» Увы, курд оказался вовсе уж дикий и недоверчивый: он сказал, что таких «султанов» на любом базаре на пяточок пучок, и, недолго думая, проткнул Дже-

лала копьем. На том и кончилась династия хорезмшахов, о которой никто особенно и не сокрушался...

Преследуя рассеявшиеся войска хорезмшаха, татары вошли и в Грузию, но быстро ее покинули после первого же сражения. Они, быть может, и остановились бы там пограбить, однако Грузия лежала в развалинах, только что опустошенная и разграбленная Джелал ад-Дином...

Полководцы Чингисхана Джебе и Субудай, преследуя отступающих хорезмских половцев, вышли в причерноморские степи. Половецкий хан Юрий Кончакович попытался дать им сражение, но татары его разбили и гнали до Днепра.

Тогда половцы бросились за помощью к русским князьям, живописно повествуя, как на них вопреки всяким понятиям, наехали чисто конкретные беспредельщики. Большинство князей не горело желанием тащиться в дикие степи – половцы, знаете ли, в конце концов, не братья родные – но часть Рюриковичей решила показать удаль молодецкую: киевский Мстислав Романович, галицкий Мстислав Удалой, еще один Мстислав, козельский и черниговский, смоленский Владимир, курский Олег и еще несколько.

Судя по всему, они искренне представляли нового противника какой-то кочевой бандой, которую нетрудно будет разогнать, а потом, как у князей принято, от души пограбить.

Получилось совершенно наоборот...

Сначала повторилась почти та же самая история с Джучи и Мухаммедом. Татары прислали к князьям послов, и те резонно, в общем, заявили, что воюют не с русскими, а с половцами, против русских же ничего не имеют и потому предлагают кончить дело миром.

Князья послов убили. По некоторым источникам, не просто убили, а *умучили*...

Не стоит усматривать в этом типично русскую специфику. Это был обычный пример свойственной *всей* Европе «рыцарственности», согласно которой короли и князья, бояре и герцоги

были полными хозяевами своего честного слова: хотели – давали, хотели – брали обратно. Обещали под честное слово не трогать сдавшихся городов – а потом выжигали их начисто. Обещали сохранить жизнь сдавшимся пленникам – и вырезали поголовно, да еще и животы вспарывали, разыскивая в желудках проглоченные драгоценности (как поступил король Ричард Львиное Сердце с тремя тысячами сарацин). Степь жила по своим законам, а рыцарская Европа – по своим...

Интересно, что татары прислали послов и во *второй* раз – с теми же предложениями. *Этим* повезло, убивать их не стали, но всякие предложения о мире отвергли. И стали переправляться на левый берег Днепра.

Поначалу Мстислав Удалой, оправдывая свое прозвище, одержал первую победу: разбил татарский сторожевой полк и захватил немало скота. Глядя на добычу, остальные князья воодушевились: вроде бы неплохо получается...

И девять дней преследовали отступающих татар, пока не достигли совершенно никому тогда не известной речушки по имени Калка...

Единого командования у русской рати не имелось. Вдобавок Мстислав Удалой уже в походе ухитрился прежестoko поссориться со своим киевским тезкой (и двоюродным братом). Так что отряды двигались каждый отдельно – а о том, чтобы обсудить единый план сражения, и речи не было.

И начался бардак... Мстислав Удалой, никого из союзников не предупредив – а то еще добычей заставят делиться! – переправился через Калку и вместе с половцами пошел на татар.

Поблизости от него вел самостоятельную баталию Олег Курский.

Мстислав Киевский наблюдал за происходящим с безопасного расстояния, по рассказам уцелевших, приговаривая что-то вроде: пусть копошатся, неумехи, я человек умный, подожду немного, а потом этих поганых татар в одиночку разобью...

Получилось все с точностью до наоборот. Татары ударили на половцев, те, пустившись бежать, врезались в галицкие ряды и совершенно их смешали, так что воинство кинулось врассыпную. Мстислав вновь показал свою удаль: он первым примчался к днепровской переправе, посадил своих людей в несколько лодок, а остальные приказал сжечь и изрубить, нимало не беспокоясь, на чем будут переправляться оставшиеся в степи русские дружины и что с ними будет вообще. Позднейшие историки оправдывали его тем, что он якобы «лишил татар возможности переправиться», но это совершеннейший вздор – идущие за ним в погоню татары тут же переправились без всяких лодок и продолжали преследование... Мстислав, правда, все же ускользнул.

Пока одни татарские отряды преследовали бегущего Удалого, другие взялись за Мстислава Киевского... Вот тут он спохватился, но было поздно. Три дня отбивался, потом попал в плен. Встречается утверждение, что татары победили его обманом – якобы предложили за выкуп отпустить восояси, но когда Мстислав поверил и покинул укрепленный лагерь, татары его коварным образом убили вместе со всеми воинами.

История эта представляется недостоверной по двум причинам. Во-первых, совершенно непонятно, *кто* мог сообщить о ней на Русь, коли татары вырезали русских поголовно? Во-вторых, зная татарские обычаи, легко предположить, что они не стали бы вступать с убийцами своих послов ни в какие переговоры, а попросту приложили бы все силы, чтобы укоротить их на голову...

Вокруг битвы на Калке до сих пор сохраняется масса загадок и неясностей. Очень долго был неизвестен даже *год*, когда она состоялась – то ли 1223-й, то ли 1224-й. Только в 1854 году историки договорились считать, что – 1223-й.

Есть сведения, что на стороне татар воевала дружина неких «бродников», людей крещеных и вроде бы истинно русских, с воеводой Плоскиней во главе. Кто они были точно и каким образом ухитрились в сжатые сроки «покумиться» с татарами,

остаётся загадкой – но не оставляет ощущение, что средневековая история сложнее, чем мы о ней думаем...

Во многих книгах современных авторов встречается утверждение, что на Калке погибли те самые легендарные богатыри из былин – Добрыня Никитич, он же Добрыня Золотой Пояс, и Алеша Попович со своим верным слугой Топором, а также еще семьдесят витязей...

Вынужден разочаровать. Еще сто лет назад было доказано, что это – более поздняя легенда, сочиненная древнерусскими книжниками уже значительно позже прихода «татаро-монгольского ига»...

Еще одна загадка: когда татары, преследуя бегущего Мстислава и его спутников, достигли города Новгород-Святополч на берегу Днепра, горожане отчего-то вышли им навстречу *крестным ходом* – но были сгоряча перебиты.

История предельно странная: русские авторы «Повести о битве на Калке» (сами, как водится, участия в ней не принимавшие и писавшие с чужих слов) особо подчеркивают, что до того никто из русских с татарами не встречался, кто они такие, какому богу молятся и чего вообще хотят от жизни, совершенно не представлял. «Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги».

Отчего же тогда навстречу совершенно неведомому, неизвестной веры противнику вышли именно что крестным ходом?

Лично я вижу одно-единственное объяснение: над подскакавшими татарами развевались тенгрианские знамена с крестами, те самые, что у Аттилы. Это-то и сбilo с толку жителей Новгорода-Святополча. Если у кого-то есть более правдоподобная версия, не смею препятствовать...

Андрей Лызлов писал, что татары именно после битвы на Калке разорили *крепости, города и села* половецкие, заняли зем-

ли около Дона, Азовского и Черного морей, возле Перекопа – и преспокойным образом там поселились.

(На что, отмечу в скобках, русские князья не обращали внимания *пятнадцать* лет, не придав поражению на Калке совершенно никакого значения.)

Некоторая часть татар там наверняка и в самом деле поселилась – но вот *войско* Джебе и Субудая через нынешний Казахстан вернулось в пределы государства Чингисхана. Таким образом, не вполне соответствует истине встречающееся кое-когда утверждение, будто тумены Джебе и Субудая вели «разведку боем».

За все оставшиеся ему годы жизни Чингисхан *вообще* не предпринимал больше походов на запад. Ему хватало дел и на востоке, там по-прежнему оставался его старый, упорный и последовательный соперник – царь тангутов: полководцы Чингисхана воевали и с ним, и с чжурчженями в Северном Китае (но, повторяю, все сведения о том, будто татары захватили *весь* Китай да еще неведомо как освоили в считанные годы мореплавание и отправляли боевые флотилии к Японии и Индонезии – чистой-шей воды баснословие).

Чингисхан после всего вышеописанного выступил в новый поход, достиг со своим войском Восточной Индии, так что оставалось только перевалить горный проход Железные Ворота.

И тут...

Глава восьмая

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Один из китайских источников рассказывает, что несколько гвардейцев Чингисхана встретили диковинного зверя: похожего на оленя, но с зеленой шерстью, лошадиным хвостом и одним рогом, и он вполне членораздельно сказал им: «Пусть ваш повелитель поворачивает обратно!» Ошарашенные гвардейцы тут же помчались к Чингисхану. Тот позвал своего знаменитого советника Елюй Чуцая (который, кстати, был не китайцем, как порой утверждается, а из тюркского племени киданей). Елюй Чуцай, ученый книжник, тут же объяснил: «Это благовещий зверь, и зовется он Цзю-Дуань. Он умеет говорить на всех языках, любит жизнь и ненавидит убийство. Небо ниспосылает этот знак, чтобы предостеречь вас. Вы – старший сын Неба, а все люди Поднебесной – сыновья ваши. Внемлите воле неба и сохраните жизнь народам!»

И Чингисхан повернул армию назад, так что Индия оказалась спасена...

Судить о подлинности этой истории трудно. В обширном списке азиатского мифологического зверья Цзю-Дуань вроде бы не числится. Напоминаю: если исключить скупые свидетельства современников событий, *все*, что сообщается о Чингисхане и его деяниях, написано сотни лет спустя, а потому носит большую примесь легенды и «беллетристичности».

Однако... Нельзя исключать – и такие версии выдвигались – что гвардейцы и в самом деле пришли с рассказом о диковинном звере и его напутствии. Вот только это была заранее обдуманная попытка воздействовать на великого хана с помощью мифологии: войско устало от долгих и тяжелых походов, хотелось отдохнуть в родных местах... Не исключено, что хитроумный Елюй Чуцай был в игре с самого начала...

Существует и еще более житейская версия: что Чингисхан повернул назад, потому что гонцы сообщили ему о восстании в тылу совсем недавно усмиренных тангутов. Вот это уже совсем реалистично...

За полгода до смерти Чингисхана при странных обстоятельствах умер его старший сын Джучи (Души, Чжочи). Здесь мы снова сталкиваемся с какими-то непроясненными до сих пор тайнами – и не прояснятся они уже никогда...

Первая загадка – происхождение первенца Чингисхана. Возможно, он был родным сыном Потрясателя Вселенной. А быть может, и нет... Когда Чингисхан был совсем молод, не успел совершить еще ничего выдающегося, или, как цветисто выражается Рашид ад-Дин, «когда на страницах листов эпохи еще не появилось следов его миродержавия», воины из тюркского рода меркитов, воспользовавшись удобным случаем, разгромили его кочевье и вместе с добычей увезли жену, красавицу Буртэ. Пленницу потом отослали к правителю кераитов Онг-хану, побратиму отца Чингисхана (мотивы этого поступка не вполне ясны). Онг-хан, дружески расположенный к Чингисхану, жену ему вернул.

Вот только приехала она уже с новорожденным сыном, родившимся в пути. Практически сразу же поползли слухи, что ребенок родился от некоего знатного меркита, названного даже по имени – Чильгирбохо...

Как и многие другие тайны истории, эта может быть разгадана только в случае изобретения машины времени – или хотя бы того самого пресловутого «хроноскопа». Сам Рашид ад-Дин,

современник событий, горячо отстаивал версию законнорожденности Джучи. К тому же и сам Чингисхан (тогда еще именовавшийся Тэмуджин) пресекал всякую болтовню, говоря, что Буртэ попала в плен уже беременной. Впрочем, это ни о чем еще не говорит... Рашид ад-Дин, напоминая, состоял на службе у Чингисхана и вряд ли стал бы писать нечто «диссидентское». Правда, он сам в своей книге поместил довольно странный абзац, где писал, что сыновья Чингисхана Чагатай и Угедэй всегда считали своего брата Тулуя законным сыном Чингисхана. Что до Джучи... «Между ним и его братьями Чагатаем и Угедэем всегда были препирательства, ссоры и несогласия по причине...»

По причине чего, сегодня установить невозможно – почему-то дальнейшие слова Рашид ад-Дина не сохранились...

Правда, никакие сомнения в законности появления Джучи на свет не повлияли на его место в государстве Чингисхана. Никто не попрекал его потом незаконным происхождением. Главой Чингисханова рода Борджигийн стал именно сын Джучи Бату, более известный нам как Батый. А сам Джучи, когда Чингисхан распределял владения меж матерью, младшими братьями и сыновьями, получил самый большой удел...

Обстоятельства смерти Джучи опять-таки темны и запутанны. По официальной версии, «озвученной» придворным историком Чингисхана Рашид ад-Дином, Джучи умер в кипчакских степях от какой-то болезни, как раз в то самое время, когда Чингисхан хотел поручить ему возглавить поход на башкир, волжских болгар и русских. Но это именно что точка зрения официального историографа. К тому же Джучи умер в начале 1227 года, а поход, о котором идет речь, совершил Батый, и только через десять лет. Неужели поход десять лет откладывался из-за отсутствия главнокомандующего? Так что есть вроде бы основания сомневаться и в «официальной» версии смерти первенца Чингисхана, и в том, что в 1227 году Чингисхан уже планировал большой поход на север.

Арабский книжник Джузджани приводит другую версию: якобы Джучи, очарованный степной страной Дешт-и-Кипчак,

стал думать, что в мире нет лучшего места – и уже не стремился к дальнейшим походам. Более того, он якобы собрался устроить заговор против отца, умертвить его на охоте, заключить мир с Хорезмом, восстановить разрушенное и осесть в Дешт-и-Кипчак, став правителем этой страны. Его брат Чагатай каким-то образом об этих планах проведал и немедленно известил отца. Как многие властители в подобной ситуации, Чингисхан не стал возбуждать официального следствия и предавать дело огласке – он попросту послал доверенных людей, которые то ли подсыпали Джучи яду, то ли выждали момент, когда он на охоте отделился от свиты, сломали спину и бросили в камышах...

Вот только одно многозначительное дополнение: автор этой версии Джузджани Чингисхана ненавидел, вынужден был бежать после разгрома Хорезма в Индию и там, по обычаю всех «политэмигрантов», писал книги сугубо «антитатарского» содержания, старательно выставляя Чингисхана и его земляков вырожденками человечества, повинными во всех смертных грехах...

Однако не все так просто. Версию о заговоре и убийстве поддерживает и автор «Алтан тобчи», то ли Лубсан Данзан, то ли попросту анонимный книжник-лама: старший сын Чингиса «задумал против своего отца плохое, и когда он ехал к нему, то навстречу ему отправился Очин Сэчен и дал ему яд».

А впрочем... И так – негладко, и этак – неладно. Автор «Алтан тобчи», кто бы он ни был, писал свою книгу через четыреста с лишним лет после событий и мог полагаться исключительно на труды предшественников. Он настолько плохо знает историю татар, что называет Джучи Чагатаем – хотя из текста ясно, что речь идет все же именно о Джучи.

Есть еще третья версия, основанная на степном фольклоре – в Великой Степи традиция устных сказаний очень развита, и память о событиях держится порой сотни лет. Так вот, степные предания в один голос твердят, что Джучи умер *не своей смертью* – но виной тому отнюдь не человеческие руки. Вариантов

три: Джучи, преследуя стадо маралов, упал с коня, сломал себе шею и умер; его растоптало стадо куланов, когда он на охоте вылетел из седла; на Джучи напал тигр (в те времена тигры в кипчакских степях еще водились).

Сколько бы ни было гипотез, всей правды мы уже не узнаем никогда...

К тому времени Чингисхан, никаких сомнений, уже не раз задумывался о *смерти*.

Человеку, которому исполнилось шестьдесят, думать о таких вещах поневоле приходится, хочет он этого или нет (к тому же в те времена человек таких лет считался *старцем...*). С одной стороны, представляется невероятным проникнуть в мысли жившего чуть ли не восемьсот лет назад человека, с другой – с большой долей вероятности эти мысли можно достаточно достоверно угадать...

Нет никаких сомнений, что *любой* властитель, будь то хан из Великой Степи, европейский король или просто лидер могучей страны, размышляя о смерти, чаще всего употребляет слово «несправедливость». Это уж точно. Наверняка всякому, привыкшему повелевать миллионами людей и принимать решения, затрагивающие судьбы стран и континентов, подсознательно представляется чертовски несправедливым, что он – Он! Сам! Великий! – оказывается столь же бессилён и незащищён перед костлявым лицом Той, Что Приходит За Всеми Людьями, словно последний пастух или городской нищий. Наверняка так и обстоит – человеческая психология, знаете ли...

В общем, согласно старинным источникам, Чингисхан однажды начал искать способ продлить жизнь, а то и обрести бессмертие. Он попросту не мог не слышать о знаменитом Древе Бессмертия из китайской мифологии, о золотых пилюлях бессмертия или иных столь же чудодейственных эликсирах, тайнами которых, как люди говорят, владеют монахи-отшельники...

Один из приближённых Чингисхана, мусульманин Джабар-Ходжа (к слову, проживший 118 лет), отправился в далекое пу-

тешестве, чтобы привести к Чингису знаменитого даосского монаха Чан Чуня. Даосизм, одно из китайских верований, как раз и проповедовал, что бессмертие – вещь вполне достижимая, и его можно обрести с помощью медицины, алхимии и магии. Джабар-Ходжа был не простым придворным, а одним из военачальников Чингисхана и крупным чиновником его империи – так что миссия была серьезная...

Чан Чунь, живший отшельником где-то на берегах Иртыша, был еще и поэтом – а также, никаких сомнений, романтиком и идеалистом. Сохранились свидетельства, что он искренне надеялся уговорить Чингисхана прекратить войны и «ввести» всеобщий мир. Так и писал в своих стихах:

Я иду к местопребыванию государя, что на вершине реки,
Для того, чтобы прекратить войны и возвратить мир!

Увы, как это частенько случается, мечты так и остались мечтами. Чингисхан охотно беседовал с ученым отшельником о тайнах мироздания, но любые намеки о милосердии и всеобщем мире решительно пресекал...

Едва они встретились, после обмена приветствиями Чингис спросил напрямую: если ли на свете, у Чан Чуня или где-нибудь еще, «лекарство для вечной жизни»?

Чан Чунь, что делает ему честь, не стал *охмурять* татарского великого хана шарлатанскими обещаниями. Ответил честно: нигде на свете эликсира бессмертия нет...

Потеряв к гостю всякий интерес, Чингисхан отпустил его восвояси, разрешив вместе с учениками поселиться в любом месте татарского государства, какое понравится, и молиться о долголетию великого хана.

Вероятнее всего, Чан Чунь это добросовестно и делал – но даже если так, молитв его хватило на пять лет...

В августе 1227 года (насколько можно вычислить, 2 августа) Чингисхан умер в своей ставке, расположенной под городом Чжунсин, столицей царства тангутов, которую великий хан осаждал.

Обстоятельства его смерти опять-таки весьма туманны. Рашид ад-Дин, свидетель, которому в данном случае можно верить безоговорочно, пишет, что великий хан скончался от «скоротечной болезни» – но никаких подробностей не приводит, что и неудивительно, учитывая уровень медицины того времени.

Одни книжники пишут о «нездоровом климате» тангутских земель, вызвавшем какую-то скоротечную хворобу (другие конкретизируют – малярию). «Сокровенное сказание» сообщает, что во время охоты на куланов пожилой государь не справился с конем, упал и сильно расшибся. «Алтан тобчи» упоминает про «сильный жар».

Разумеется, моментально, практически сразу же, стали распространяться мистические легенды. Джузджани повествует, что взятый незадолго до того в плен император тангутов предсказал Чингисхану смерть на третий день после своей собственной смерти – и у Чингиса с истечением этого срока якобы действительно открылась старая рана, оттуда потекла кровь «как белое молоко», и он «отправился в ад». Правда, Джузджани, как мы помним, находился далековато от места событий, да и к Чингисхану относился с лютой ненавистью.

В Европе ходили и другие версии. Плано Карпини пишет, что Чингисхан умер от удара молнии – но его книга представляет собой пример самого беззастенчивого баснословия, об этом я уже писал подробно и повторяться не намерен.

Гораздо позже, через несколько столетий, когда у монголов появилась своя письменность и они стали писать книги, в том числе и легенды о Чингисхане, появилась еще одна версия, насквозь мифологическая и к тому же крайне пикантная, а потому заслуживающая рассмотрения в качестве красивой и страшной сказки...

По этому сказанию, Чингисхан и царь тангутов бились долго – сошлись в единоборстве и превращались в кого только могли: царь тангутов – то в страшного змея, то в тигра, то в юного богатыря, Чингисхан – то в сказочную птицу Гаруду, то в льва, то в

божество. В конце концов победил Чингисхан (в полном соответствии с исторической правдой). Тогда пленный царь тангутов сделал Чингисхану довольно странное предсказание: «Если убьешь меня, погибнешь сам, а если не убьешь, плохо придется твоему потомству». Чингисхан, подумав, царя тангутов все же убил и вознамерился провести ночь с его вдовой. Она-то Чингисхана и погубила: «к потаенному месту своему приладила шипцы», чем, конечно же, причинила непоправимый вред «тайному месту» Чингисхана – после чего с чувством исполненного долга утопилась в реке.

Схожие легенды и в Великой Степи бытовали – якобы Чингисхан решил жениться на пленной тангутской царевне, и она его ночью зарезала. Но это чересчур уж напоминает расхожий сказочный сюжет (вспомним обстоятельства смерти Аттилы) и с исторической правдой, похоже, не согласуется.

Как бы там ни было, обстоятельства смерти Чингисхана остаются неясными. Как и точная дата смерти, известная лишь по долгим и старательным вычислениям историков, которые могут вовсе не совпадать с тогдашним степным календарем. Как и место смерти – до сих пор, кажется, не установлено точно место, где находился город Чжунсин.

И уж, конечно, так и неизвестно место погребения Чингисхана.

Погребение, никаких сомнений, состоялось в обстановке строжайшей секретности, практически все источники, и те, кому можно доверять, и более ненадежные, сходятся на том, что отправившиеся с похоронной процессией люди убивали всех, кто попадался на пути. Что-то подобное, несомненно, имело место в действительности: точное место, как и в случае с Аттилой, не известно никому (нельзя исключать, что были и ложные погребения, чтобы запутать след, ведь существовала вполне реальная опасность, что неприятели могут осквернить могилу, украсть богатые сокровища, по слухам, положенные вместе с Чингисханом).

Самый надежный в данном случае свидетель, Рашид ад-Дин, откровенно путается в «показаниях»: уверяет, что Чингисхана похоронили на горе Бурхан-Халдун в Монголии, но тут же пишет, что захоронение состоялось в *степи*. Нельзя исключать, что он был в тайну посвящен и умышленно запутывал след...

В его книге есть интересное место: «Говорят, что в том же самом году, в котором его там похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него».

Деревья за год не вырастают. Быть может, это место – косвенное указание на то, что погребение состоялось в какой-то глухой чащобе?

Одним словом, существует длинейший список возможных «мест погребений Чингисхана», который здесь нет смысла приводить. Разве что стоит упомянуть: есть версия, по которой тело Чингисхана до Монголии не довезли, похоронили неподалеку от места смерти – а вот какие-то его вещи, превратившиеся в реликвии, и сокровища спрятали в нескольких других местах.

В семнадцатом столетии, когда монголы увлеклись сочинением книг, когда среди них появилось немало образованных людей, когда великого тюрка уже стали помаленьку превращать именно что в монгола (невероятно лестно сделать такого героя *своим* предком!), книжники-ламы ухитрились каким-то чудом... Они не только узнали точное место погребения, некое местечко в Северном Китае под названием Ихти Эджен-Хоро, но и неведомо как раздобыли останки Чингисхана. Далеко не все им верили, но это место быстро превратилось в весьма доходное предприятие: паломники и просто любопытные шли косяком, и каждого скромненько просили сделать пожертвование на содержание мемориала... Сколько из этого шло на личные нужды ламаистских монахов (не имевших и отдаленного отношения ни к Чингисхану, ни к татарам, ни к тенгрианской вере), подсчитать никто, разумеется, не в состоянии. Но доход был приличный.

Во второй половине XIX века это место посетил сибирский ученый Г. Н. Потанин и оставил подробное описание. На невысокой четырехугольной насыпи, облицованной кирпичами, стояли две разукрашенные юрты. Внутрь входить не разрешалось. Потанин и сопровождавшие его монголы трижды поклонились, став у входа, потом из-за полога высунулась рука, державшая красное деревянное блюдо, на котором в медной вазочке горело масло. Потанину дали это блюдо ненадолго подержать, потом попросили вновь поклониться троекратно и объявили, что на этом церемония окончена. Хранители уверяли, что в юрте лежит серебряный ларец с костями Чингисхана, но этого ларца, не говоря уж о костях, никто и никогда не видел.

У хранителей, надо отдать им должное, давным-давно было сочинено и удачное объяснение по поводу недоступности костей. Якобы в старые времена Чингисхану приносились человеческие жертвы, но явился некий тибетский лама, едва ли не живой бог, перепоясал высохшие останки Чингисхана красным поясом и заявил, что он «затворяет» человеческие жертвоприношения, и теперь предстоит ограничиться лошадьми. После чего запер ларец на три замка, ключи увез с собой, так что хранители, мол, и сами который десяток лет не знают, что у них там хранится...

Лично я в эти сказочки не верю совершенно. Чересчур уж фантастическую череду допущений придется сделать, чтобы признать всерьез, будто монголы через четыреста лет ухитрились обнаружить останки Чингисхана. Не ими погребено, не им и отыскать... *Хориг!* Или, как это звучит в другом варианте, *хэрэг!* В детали позвольте не вдаваться. Поверхностно объясняя – в Азии с незапамятных времен существует система *заветов* на могилы особо выдающихся людей (отголоски этой давней тюркской практики нашли отражение в русском фольклоре о зачатых кладах – и, быть может, не только в фольклоре...). И, поскольку такие вещи выполнялись знающими свое дело людьми, совершенно не верится, что первый попавшийся

предприимчивый лама мог добраться до могилы Чингисхана, пусть и четыреста лет спустя...

В тридцатые годы двадцатого века, когда в Китай вторглись японцы, эти две юрты вывезли в знаменитый тибетский монастырь Гумбум – правда, при этом опять-таки нет совершенно никаких сведений о пресловутой серебряной шкатулке с костями Чингисхана. Да и после окончания войны, да что там, вплоть до наших дней достоверных сведений о ней так и не появилось.

Зато денежки текут исправно. В 1956 году уже в коммунистическом Китае на месте Ихи-Эджен-Хоро был выстроен роскошный храм высотой 25 метров и площадью 2400 кв. м. Китайцы по непонятным мотивам стремятся сделать Чингисхана своим национальным героем – что абсолютно бессмысленно даже в случае «классической» версии его монгольского происхождения, не говоря уж о более реальной тюркской. Потому что никакого «китайского вклада» в свершения Чингисхана не было и быть не могло.

Но как бы там ни было, нынешний Ихи-Эджен-Хоро стал доходнейшим туристским комплексом, вот ведь в чем штука...

И еще о могиле Чингисхана. В Азии, кроме широко известного фольклора, есть еще *другая* устная традиция: кое о чем рассказывают не каждому, не в полный голос, и, разумеется, на трезвую голову. Так вот, давненько уже поговаривают, что *настоящая* могила Чингисхана не имеет ничего общего ни с одним из многочисленных мест, которые перечисляли досужая молва и ученые книжники. Называют даже точное место – правда, с точностью до нескольких десятков километров, а не географические координаты. И говорят еще, что за могилой Чингисхана есть кому присматривать до сих пор. Совсем уж понизив голос, могут рассказать, что не просто в советское – в сталинское время, когда интересовались не ценой, а результатом, – в тех местах бесследно сгинуло несколько экспедиций.

Человек европейский вправе ничему этому не верить. Азиаты к подобным вещам относятся гораздо серьезнее. Дело даже

не в тех «великих сокровищах», которые просто обязаны были лечь с Чингисханом в могилу по давней степной традиции. Есть могилы, которые категорически не рекомендуется тревожить – из-за возможных последствий. Достаточно вспомнить, *что* грянуло буквально на следующий день после того, как любители удовлетворить любопытство за государственный счет открыли гробницу Тамерлана...*

Так *кто* же такой Чингисхан?

Уж безусловно не примитивный дикарь, одержимый лишь жадной грабежа и разрушения. Будь он всего лишь грабителем и разбойником, разве что превосходившим предшественников по размаху, он продолжал бы вести привольную и незамысловатую жизнь кочевого вождя: соболя портянки, золотые стремяна, медовуха в бесценных нефритовых жбанах тончайшей китайской работы, толпы пленных красавиц, охоты, пиры и прочие увеселения...

Меж тем все обстояло гораздо сложнее. Начиная с определенного момента, Чингисхан старательно и упорно, ломая хребет консерваторам – когда в переносном, а когда и в прямом смысле – создавал из скопища полудиких племен, утонувших в бесконечных взаимных распрях, самое настоящее государство. Эль. Без малейшей натяжки, возрождал древние степные каганаты. И после его смерти на огромном пространстве от северных областей Китая до Каспийского моря вместо необозримых «ничьих земель», населенных ведущими вечную войну племенами, возникло огромное государство: с администрацией и безопасными торговыми путями, с писаными законами и аппаратом, следившим за их выполнением, с письменностью и ремеслами. У рядового степного грабителя, живущего по древним племенным законам, попросту никогда бы не возникло *потребности* в

* Гробница Тамерлана была вскрыта советской археологической экспедицией 21 июня 1941 года.

строительстве подобного государства. У наследника каганатов, наоборот, потребность эта вполне естественна, и удивить должно было бы скорее ее отсутствие.

Государство это, разумеется, было не идеальным – а что, где-то существуют *идеальные* государства? Оно было построено на крови... а знает кто-нибудь государства, которые создавались бы *иначе?*

Есть два непреложных тезиса, которые просто невозможно опровергнуть, поскольку их при нужде нетрудно подкрепить огромным фактическим материалом.

Во-первых, законы империи Чингисхана, по которым жила значительная часть Азии, содержали гораздо больше честности и благородства, нежели уклад жизни современных Чингисхану европейских государств.

Во-вторых, любые разрушения и жертвы, ставшие результатом завоеваний Чингисхана, не идут ни в какое сравнение с тем, что мы сплошь и рядом наблюдаем в европейской истории.

Так что Чингисхан (по легендам, родившийся со сгустком крови в руке) был жесток ровно настолько, насколько были жестоки сами времена. Взявшись пристально исследовать его походы, всю его жизнь, не найдешь одного – *бессмысленного* садизма и убийств ради самого убийства. Великий хан был железным прагматиком, чем чрезвычайно напоминает Сталина. И не будет преувеличением сказать, что у него были свои нравственные принципы. Например, все древние авторы единодушно отмечают примечательную деталь: Чингисхан терпеть не мог изменников и предателей, тех вельмож и приближенных его врага, которые *предавали* своего правителя. Иногда и воспользовавшись их услугами, он таких все равно потом казнил. И наоборот, приближал к себе, зачислял на службу многих из тех, кто до последнего момента дрался против татар или переходил на их сторону, но никого при этом не предавал. Между прочим, одним из полководцев, штурмовавших Рязань и Козельск, был как раз тангут Сили Цяньбу, в свое время до последнего драв-

шийся против татар и взятый ими в плен. Нравится это кому-то или нет, но Русь никак не является исключением из правила...

Именно после завоеваний Чингисхана Европа и Азия, Восток и Запад вступили в прямой контакт, и громадный континент в некотором смысле стал *единым*. И у русских, строго говоря, по отношению к Чингисхану не может быть никаких причин для неприязни – *его* войска на русскую землю никогда не вторгались. А за своих потомков он, разумеется, не ответчик... Ну, а о том, чем Русь *обязана* татарам (пусть кого-то и шокирует такая постановка вопроса), – мы поговорим чуть позже...

Современные исследователи давно уже пишут, что, судя по всему, Чингисхан с некоего не проясненного для нас момента искренне верил, что Тенгри, Великое Небо, именно ему предназначило власть над миром. Это, кстати, опять-таки прекрасно соотносится с психологией *каганов*, одновременно и светских, и духовных владык. Все противники Чингисхана, не принимавшие эту идею, считались не просто врагами, а «булга ирген», мятежниками, выступавшими против воли Неба. И война против них, таким образом, была морально оправданной необходимостью. Так что Чингисхана вела не жажда грабежа, а некая *высокая идея*. Была ли она истинной или ошибочной, по нраву она нам, сегодняшним, или нет – это уже второй вопрос. Нельзя забывать, что и *наши* высокие идеи, во имя которых наши предки пролили немало кровушки, *другим* сплошь и рядом казались и не идеями, и не высокими. Все относительно, в конце концов...

Перед смертью (очевидно, все же не внезапной) Чингисхан в присутствии десятков свидетелей дал наставления двум своим сыновьям, которым предстояло принять государство – Угедю и Тулую. Главные его требования, высказанные в предельно жесткой форме, – соблюдать целостность государства и не изменять «Ясу», свод писаных законов. Считается, что при этом было высказано еще и категорическое пожелание расширять татарскую империю «до последнего моря», но насчет *этого* достоверно

ничего не известно. Эта сторона вопроса наиболее туманна, так что до сих пор нельзя сказать с уверенностью, в самом деле Чингисхан завещал сыновьям идти до «последнего моря», или эта идея возникла после его смерти и была приписана авторитету покойного властелина...

В 1229 году брат Чингисхана Отчигин, сыновья Джагатай и Тулуй в присутствии всех мало-мальски значимых в Великой Степи людей провозгласили Угедэя великим ханом. Девятикратно, как требовал обычай, поклялись ему в верности. А в 1235 году состоялся знаменитый курултай, совещание, в котором участвовали тысячи людей – не только знатные люди и военачальники, но и особо отличившиеся воины. Там-то и обсуждался серьезнейший вопрос: продолжать походы за пределы государства или удовольствоваться уже имеющимися?

И у той, и у другой точки зрения имелись свои сторонники – татары вовсе не были сплоченной ордой грабителей, только и мечтавшей о новых набегах. Бесконечные войны, как легко догадаться, тяготили и самих воинов – у каждого была семья, хозяйство, а любовь к приключениям хороша только в юные годы. Сам Угедэй, хоть и четверть века проведенный по воле отца в походах, военное дело не особенно любил, а ставший его первым министром Елюй Чуцай к «ястребам» тоже не относился и любил говорить, что главное – не воевать, а управлять. Тем более что бывшие враги – соседние государства были начисто разбиты и угрозы не представляли никакой. Во времена Чингисхана было добыто достаточно богатств, чтобы вести обеспеченную жизнь.

Однако «партия войны», как легко догадаться, сложилась сильная – потому что состояла из тех, кого с полным на то основанием можно именовать *генералами*. Очень возможно, что некий общетатарский референдум, проводившийся среди *простого* народа, показал бы, что большинство за мир – еще и оттого, что вводившиеся в случае войны чрезвычайные налоги по бедноте и «среднякам» били не в пример сильнее, чем по знати. «На войну» забирали обычно трех коней с каждого «хозяйства». Тот,

у кого тысячный табун, такую реквизицию перенесет легко, если вообще заметит. А тот, у кого коней всего десяток?

Генералы, без сомнения, не хотели расставаться с той громадной властью, которой обладали только в *военное* время. Да и военная добыча... Мы прекрасно помним, что в сорок пятом году рядовой мог притащить домой только то, что помещалось в заплечном мешке – а вот генералы и маршалы вывозили из Германии добро вагонами. Точно так же обстояло и в тринадцатом веке, разве что вагонов еще не изобрели...

И знать *пробила* идею нового военного похода. Именно тогда впервые в полный голос прозвучала ссылка на «завещание Чингисхана», призывающее идти до «последнего моря». Ситуация отнюдь не уникальная в мировой истории – когда непререкаемым авторитетом великого вождя освящалась идея, быть может, не имевшая к нему никакого отношения.

Весной 1236 года татарские тумены под командованием Батухана, Батгя, двинулись к Волге.

Но еще не на Русь...

Глава девятая

ВОЛЖСКАЯ АТЛАНТИДА

Прежде всего Батый ударил на страну, которая, думается мне, вполне заслуживает названия Волжской Атлантиды – на Великую Булгарию.

Собственно говоря, эта страна, в отличие от многих легендарных островов, никуда не погружалась, не оказывалась скрыта волнами, преспокойно оставалась на своем месте все последующие столетия. Но вот из *памяти* она оказалась вычеркнутой начисто. О ней если и упоминают, то непременно мимоходом, как о чем-то весьма несущественном – и потому у нескольких поколений школьников просто-напросто не сформировалось знание о Великой Булгарии как о большой, настоящей, развитой и сильной стране, что при скудости информации неудивительно. Жили на Волге какие-то не вполне понятные булгары, а потом куда-то подевались – что еще можно вспомнить, если деталям и подробностям никто не учил?..

Так вот, в свое время существовало государство Великая Болгария, которой правил царь Кубрат. После его смерти, как частенько случается, страна не просто распалась – из нее *ушли* люди. Болгария Кубрата располагалась на территории современной Украины и Северного Кавказа. Два сына покойного *балтавара* (именно так звался Кубрат), с подчиненными им родами отпра-

вились в разные стороны. Хан Аспарух ушел на Дунай, где основал существующее до сего дня государство, известное нам как Болгария. Хан Котраг отправился в другую сторону, на Волгу, где создал Волжскую Болгарию – в отечественной историографии ее называют чаще Булгарией, так что этого названия и будем придерживаться.

Столицей Волжской Булгарии стал город Булгар, располагавшийся примерно в 120 километрах вниз по течению Волги от Казани. Из-за выгодного географического положения Булгар уже в X веке стал крупнейшим торговым центром на Волге и Каме. Славяне везли в Булгар мед, хлеб, воск, меха, «рыбий зуб», то есть моржовые клыки, янтарь с Балтики. Арабы и хазары в обмен давали бисер, золотые и серебряные ювелирные изделия, булатные клинки, шелк, пряности и много чего еще, от гарпунов для рыбной ловли, до разнообразной бижутерии. Булгарские купцы, как все купцы на свете, были людьми хитрыми и оборотистыми: они давным-давно распустили слухи, что некоторые подвластные им племена – людоеды, и ездить к ним чужим нет никакого резону – сожрут, мол, моментально, по дикости своей. Ну а сами вовсю скупали у этих «людоедов» меха и с выгодой перепродавали арабам с хазарами.

Что до происхождения булгар, то лучше всего на этот вопрос ответили они сами: когда арабский книжник Димашки встретил в Багдаде идущих в Мекку булгарских паломников и поинтересовался их родословной, они ответили: «Мы булгары, а булгары – смесь турок со славянами» (под «турками» в те времена понимались не нынешние турки, а разнообразные тюркские народы из Великой Степи).

По вере булгары были магометанами – в 922 году их царь Алмуш принял ислам, побудил к тому же своих подданных и стал «младшим братом» багдадского халифа. Именно в этом году из Багдада пришло большое посольство, и его секретарь Ахмед Ибн-Фадлан оставил интереснейшие записки, сохранившиеся до нашего времени: «Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на Волгу».

Естественно, Булгария была не степным кочевьем, а «страной тысячи городов», как ее называли иностранные книжники. Городов, конечно, было гораздо менее тысячи, но это несущественно. Главное, что это было *государство* – черная и цветная металлургия, обработка металлов, ювелирное, гончарное, кожевенное ремесло, резьба по дереву, камню и кости. Волжские болгары, факт исторический, первыми в Европе стали выплавлять чугун. Именно в Булгарии русские князья в неурожайные годы закупали зерно.

Если прибавить ко всему этому ежегодные международные ярмарки, легко понять, что страна была зажиточная.

Те самые иностранные книжники оставили немало любопытных свидетельств о болгарских обычаях. В первую очередь, они отмечали свободу, которой пользовались женщины, повсюду появлявшиеся с открытым лицом и ничуть не похожие на «темных затворниц» мусульманского мира или Руси. Согласно обычаю, мужчины купались вместе с женщинами (такие же порядки существовали и у славян). Правда, при сватовстве решающее слово оставалось не за самой просватанной, а за ее родителями (у болгар, как у правоверных мусульман, кстати, было в традиции многоженство). Ну, а наказание за супружескую измену, как и у татар, гуманизмом не отличалось: виновного или виновную привязывали к четырем столбам и рубили топором от всей души. Служило ли это стопроцентно высокому «облику морале», в точности неизвестно.

С убийцей поступали столь же сурово: его надежно запирали в крепкий сундук, а сундук вешали на высокое дерево и оставляли там, куда преступник сам не помет.

Если в дом ударяла молния, болгары его покидали навсегда, считая, что это признак гнева божьего.

Некоторые обычаи, впрочем, никакой симпатии не вызывают. Ибн-Фадлан упоминает, что болгары имели привычку вешать людей, выделявшихся необычайной ученостью и превосходившим средним уровень умом, говоря не без цинизма, что

такой человек не достоин скудного земного бытия, и ему следует «идти служить Богу».

Каждые двадцать лет всех старух обвиняли в чародействе и бросали в реку. Выплывших признавали колдуньями и сжигали на кострах, а тех, кто пошел ко дну, признавали невинными. Сколько при этом захлебывалось бедолажных невинных бабуль, которых не успевали откачать вовремя, история умалчивает. А впрочем, и у тогдашних славян был схожий обычай – регулярно устраивать «охоту на ведьм» в самом прямом смысле...

Страна эта никоим образом не была каким-то Эдемом. Сохранилась книга жившего тогда писателя Шереф-Эддина Булгари, который с горечью свидетельствует: «Наши болгары славились своим развратом. Ученые законными уловками разрешили брать проценты (в исламе одним из самых жутких прегрешений считается давать деньги в долг под процент. – А. Б.), а равно много было грехов прелюбодеяния и смертоубийства; из-за пьянства оставили джуму (соборное моление в пятницу), не исполняли обрядов, считая дозволенным пить бузу и пиво; порицали имама Шади, называли его слова пустословием, не исполняли праздника жертвоприношений, стали весьма грешными перед Всевышним».

Ну что тут скажешь? У всякого народа, во всякой стране, к сожалению, эта тенденция присутствует: как только государство становится более-менее развитым и культурным, откуда ни возьмись распространяются всевозможные пороки, и совершенно неважно, идет ли речь о христианском мире или мусульманском. Есть что-то этакой миной заложенное в самой городской культуре: за определенным пределом нравы падают, как пьяный в канаву...

И вот тут мы вплотную подступаем к крайне неприятному для нашей национальной гордости вопросу...

Нравится это ревнителям Святой Руси или нет, но русские князья в истории Волжской Булгарии играли совершенно ту же самую роль, что для Руси – степные ханы. Именно русские пер-

выми стали устраивать набеги на болгар – за добычей. Началось это еще при Владимире Крестителе, а поскольку добыча была богатой, то князья взяли в привычку ходить на болгар точно так же, как половцы наведывались на Русь прихватить все, что лежит плохо, а особенно – хорошо.

Хаживал «за зипунами» и суздальский Андрей Боголюбский (1172), и великий князь Всеволод (1184), совместно с киевлянами, рязанцами и муромчанами. Всякий раз, как нетрудно догадаться, нападающие сжигали города, опустошали села, угоняли скот и пленных, которых, в соответствии с традициями эпохи, распродавали в рабство. Булгары тоже не оставались в долгу – когда суздальский Всеволод умер и его сыновья принялись драться за опустевший «стол», булгары в 1217 году взяли Углич и вдоволь там побуянили.

Нижний Новгород был построен в 1221 году именно как крепость на стратегическом месте, при впадении Оки в Волгу, необходимая в первую очередь как укрепление против болгар. Но не только – из Нижнего Новгорода русские князья устроили два похода на мордву (в 1226 и 1228 гг.), после чего, естественно, разобиженная мордва во главе со своим князем Пургасом предприняла ответный визит в Нижний Новгород, но крепость взять не смогла.

История этой осады, состоявшейся в 1229 году, весьма интересна. Мордовские князья были вассалами болгарских царей, а булгарам и самим надоели русские визитеры. Поэтому к Нижнему Новгороду подступили не только мордовские дружины, но и болгарские войска во главе с самим царем Мир Гази.

А командовал осажденным гарнизоном Нижнего Новгорода... тоже чистокровный болгарин по имени Гази Барадж, крупная и интереснейшая фигура того времени, совершенно выпавшая из русской историографии...

В свое время булгары выдали Андрею Боголюбскому в качестве заложников потомков болгарского царя Арбата и Азана. Заложники отнюдь не стали заключенными, наоборот, попали

на русскую службу. Арбат даже стал воеводой в небольшой крепости под названием Москва (о которой тогда никто и думать не мог, что позже она превратится в столицу государства Российского). Азан, отец Гази Бараджа, вот парадокс, участвовал... в походе князя Всеволода на Булгарию.

И наверняка без малейшего душевного неудобства. Дело в том, что Всеволод хотел посадить Азана, как своего ставленника, на болгарский трон. Народ в те времена был ох как не лишен прагматического цинизма, а потому можно ручаться, что самому Азану эта идея весьма даже нравилась.

Однако это увлекательное предприятие сорвалось. Азан с сыном Гази попали в плен к булгарам – и оказались уже на болгарской службе: Азан – на гражданской, а Гази – на военной.

В 1219 году уже русские взяли Гази в плен и шесть лет продержали в темнице, а потом сделали предложение поступить на русскую службу. Гази Барадж согласился, и князь Юрий назначил его воеводой в Нижний Новгород, где Гази и отбил старательно нападение своих земляков. Удивляться тут нечему, в те времена и на Руси, и в Западной Европе подобное случалось сплошь и рядом. Да что там, такое положение сохранялось до наполеоновских войн – когда иные французские генералы из-за идейных разногласий с Бонапартом воевали на русской службе, и никто их этим не попрекал ни в России, ни в родной Франции... Традиция, знаете ли.

Потом в Булгарии умер своей смертью царь Чельбир, династия пресеклась, и болгары пригласили на опустевший трон как раз Гази Бараджа...

Кстати, не кто иной, как дореволюционный *русский* историк М. Н. Пинегин еще в конце девятнадцатого века писал о русско-болгарских войнах без всяких попыток выгородить земляков: «Первым внешним врагом были русские; они начали походы на болгар еще при князе Владимире Святом; болгары также не остались в долгу, грабили русские города, опустошали целые волости, уводили жителей в плен, то же самое производили и русские

при своих нападениях на болгар; лишь большими окупам последние спасались от полного разорения. К началу XIII века Болгария доведена была русскими до совершенного изнеможения».

Еще и по *этой* причине наши историки не любят подробно излагать историю Болгарии – в самом деле, как-то стыдно признаться, что Русь играла в отношении этой страны ту же роль, что «степняки» в отношении ее самой...

В 1223 году, когда Гази Барадж еще сидел в русской темнице, татарские тумены Джебеге и Субудай-багатура, разбив русских князей на Калке и гнавшись за ними до Новгород-Святополча, повернули на восток, к Булгару.

И получили там по полной программе. Булгары заманили татар в некую «полосу укреплений», специально построенную для засады, и разбили наголову. Было взято четыре тысячи пленных, которых потом булгары ради пушей насмешки вернули татарам в обмен на баранов – голову за голову. Позор был еще тот, и Чингисхан, узнав о «бараньей битве», как она стала позже именоваться, разъярился не на шутку (хотя вряд ли стоит верить иным современным болгарским романтикам, что именно из-за этого поражения он впал в такую меланхолию, что скоропостижно скончался). Как бы там ни было, оплеуха татарскому самолюбию была булгарами нанесена увесистая – за что их следует уважать, особенно в сравнении с поведением русских на Калке...

...А потом судьба Гази Бараджа продолжала выписывать причудливейшие зигзаги...

Надо полагать, Гази и в самом деле относился к русским с определенной симпатией – потому что против него в родной Болгарии почти мгновенно составилась нешуточный мятеж, главари которого всюду кричали, что новый царь – «тайный христианин», «тайный доброхот русских» и даже «враг исламской державы». Как всегда бывает в подобных случаях, невозможно определить, что здесь от правды, а что – вранье тех, кто сам под шумок хотел захватить престол...

И началась нешуточная заварушка. Крупные феодалы, образовав этакую фронду, двинулись с войсками на столицу Биляра свергать Гази Бараджа, у которого почти не было военной силы. А потому он, недолго думая, бежал на Русь, прихватив с собой останки русского священника Авраамия, чья судьба опять-таки, как выразился бы дон Румата, достойна баллады.

«Попище» Авраамий попал к булгарам в плен в 1219 году, будучи участником похода суздальского князя Ярослава на Булгарию. Его собирались было продать в рабство вместе со всеми, но персону в облачении священника заметил сам царь Чельбир – и велел немедленно освободить, поскольку, по давним болгарским обычаям, слугителя какой бы то ни было веры в рабство обращать категорически не полагалось. Авраамий *прижился* в болгарской столице Биляре, стал священником тамошней христианской общины, а заодно занялся и торговлей, в чем преуспел.

В 1229 году в Биляре некий мулла Кылыч, очередной борец за чистоту веры, устроил христианский погром, при котором Авраамий погиб. На Руси, когда его останки были привезены Бараджем, Авраамия возвели в чин «христовых мучеников» – а Бараджа опять назначили воеводой в Нижний Новгород.

В 1232 году появилась татарская конница во главе с Батыем и направилась к Биляру посчитаться за прежнее. Вот только татарам второй раз выписали по первое число... В решающем сражении Батый потерял 15 тысяч воинов и отступил в степи, будучи ранен в поясницу. Именно в память об этой победе крепость, около которой шла битва, была названа Бугульма. В переводе на русский «бугульма» означает «не гнется», а раненый Батый действительно не мог согнуться...

Таким образом, как мы видим, Волжская Булгария *дважды* за короткий срок наносила татарам весьма чувствительные поражения – пример, прямо скажем, для истории татарских завоеваний уникальный.

Ну а русские князья повели себя как последние идиоты...

Отбив татар, болгарский царь Алтынбек прислал владимирскому князю Юрию Всеволодовичу в подарок мрамор (которым потом вымостили пол в церкви Владимирской Богородицы) и попросил помощи против татар, справедливо замечая, что угроза и для Руси нешуточная. Юрий отправил в Болгарию десяти тысячное войско под командованием своего сына Всеволода, состоявшее из владимирских, рязанских и муромских дружин. Вот только, вместо того чтобы вместе с болгарями выступить на татар, это войско... принялось жечь и грабить Болгарию (кто бы тогда знал, что всего пять лет спустя и Юрий, и Всеволод умрут от татарских сабель, и никто, даже соседние русские князья, не придет им на помощь?)

Болгары встретили русское войско и расколошматили его так, как только что татар. Участвовавший в походе Гази Барадж понял, что с русскими каши не сварить, и отправился в ставку Батые. Батый представил его великому хану Угедэю, а тот назначил Гази «эмиром» Болгарии и пообещал вернуть ему царский трон.

А в 1237 году, как я уже говорил, начался большой поход Батые на север...

На территории Великой Болгарии маршрут для татарского войска старательно составил Гази Барадж. Его дядя, правитель одной из областей, перешел к татарам, но остальная страна упорно сопротивлялась. Защитники крепостей Сарман и Тубулгатау дрались до последнего человека. Внук Чингисхана Мункэ в знак признания их мужества велел сжечь тела на погребальном костре – что по татарским обычаям считалось большой честью: татары верили, что при сожжении тела удалца его душа сразу воссоединится с Тенгри и вернется обратно на землю в облике нового храбреца.

В сентябре татары подошли к Биляру и после двухнедельного яростного штурма взяли город. Уговаривавший земляков сдаться Гази Барадж успеха не имел – в ответ его ранили со стены стрелой. Точно так же меткий стрелок, сын кипчакского хана

Миннебай Ямат, имевший с татарами свои счеты, убил из лука сына Чингисхана Кюлькана (правда, известный наш писатель В. Ян отчего-то приписал это русским витязям).

Разъяренные татары разрушили Биляр полностью и перебили всех пленных. Против этого выступал не только Гази Барадж, но и Мункэ с Батыем и Субудай-багатуром, но хан Гуюк, человек злобный и мстительный, велел истребить всех под корень. Биляр так никогда больше и не оправился, он попросту перестал существовать.

Гази Бараджа, рассчитывавшего на царский титул, татары быстро *окоротили*, признав за ним только право на звание эмира, то есть правителя вассальной области...

Однако еще держался большой цветущий и богатый болгарский город Банджа. Татары осаждали его год – потому что разрушать не хотели. Батый именно из него намеревался сделать столицу своего Кипчакского улуса. Вот только жители с этой идеей были категорически не согласны...

Любопытно, что оборону Банджи возглавляла женщина – царица Алтынчач, дочь царя Алтынбека. После годичной осады все же начался решающий штурм. Оставшиеся в живых защитники города отступили в деревянную мечеть «Сабан» и еще долго там отбивались, пока Мункэ не велел мечеть поджечь. Не выдержав жара и дыма, оставшаяся горстка болгар выбежала наружу и попала в плен. Но царицы Алтынчач среди них не оказалось, как ее ни искали, не нашли ни живой, ни мертвой. Есть народная легенда, что ей все же удалось ускользнуть из Банджи, и она еще долго нападала на татар во главе небольшого отряда...

По какому-то неисповедимому вывиху сознания правившие в прилегающих к Булгару княжествах русские Рюриковичи разгром и покорение татарами Булгарии... проигнорировали совершенно, не придав этому никакого значения. И после Калки, и после занятия татарами Булгарии они, полное впечатление, упорно не понимали, что столкнулись не с каким-то очередным ко-

чевым племенем, а с армией сильного государства, всерьез намеревавшейся продолжать завоевания...

Несмотря на все жертвы и разрушения, болгары сохранили себя как *народ*, хотя и стали вассалами татар. Разрушенный Батыем город Булгар был восстановлен и какое-то время был резиденцией ханов Золотой Орды, а также оставался крупнейшим торговым центром.

Последующий ущерб для Булгарии – опять-таки дело рук русских, нравится нам это или нет. В 1278 году страну опустошал русский князь Андрей Городецкий и его помощник князь Федор Чермный – не по своей, разумеется, личной инициативе. Оба помянутых князя много лет принимали самое активное участие в татарских походах – и в Осетии, и в Булгарии, и в карательных экспедициях на Русь. После художеств в Булгарии Городецкий с русско-татарскими отрядами за «непокорство» опустошал и жег Муром, Переяславль, Владимир, Суздаль, Тверь и Торжок. По сообщениям *русских* летописцев, воинство Андрея угоняло людей в рабство, насилывало монахинь, разграбило все церкви, попадавшие на пути...

Но вернемся к Булгарии. В 1396 году город Булгар был до основания разрушен правителем Золотой Орды Темир Аксаком и уже никогда не возродился. Столицей Волжской Булгарии стала Казань, которую еще долго именовали Болгар-аль-Джадил, то есть «Новый Булгар».

С этого времени и начинается история Казанского ханства, чье население мы привыкли называть *татарами*. Однако, не отрицая полностью существования народа под названием «казанские татары» (что было бы просто глупо), не нужно забывать, что *часть* населения Казанского ханства составляли все же *болгары*, сохранившие себя как нацию.

Присутствие *болгарского* элемента в истории Казанского ханства прослеживается четко. Турецкие документы 1550 года называют Казань столицей *Болгарского* вилайета. После завоевания Казани Иван Грозный присоединил к длинному

списку своих титулов еще и «князь Болгарский» – не «татарский», а именно что *болгарский*. Кстати, именно на основании этого скверновато знающий средневековую историю Фоменко и сделал вывод, что Россия правила-де некогда *дунайской* Болгарией – иначе, мол, почему русские самодержцы до самого краха монархии именовались «князьями Болгарскими»? Меж тем речь идет как раз о *Волжской* Болгарии, чье существование для Фоменко, насколько можно понять, так и осталось тайной за семью печатями. Впрочем, это не его личная вина – отечественная историография со всем усердием, достойным лучшего применения, погружала Булгарию в совершеннейшее забвение. Поистине Волжская Атлантида, скрытая от глаз исключительно людскими усилиями, а не кактаклизмами природы...

При Петре I хлынувшие в Россию западноевропейские ученые кое к каким вопросам подходили с восхитительным простодушием. Ни в коей мере нельзя отрицать их вклад в развитие российской науки, но и благоглупостей они напоролы изрядных. Как это было с «татарами». Иностранные специалисты (сплошь и рядом не знавшие не только татарского, но и русского) не утруждали себя тщательными поисками родословной народов Российской империи. Живут в Сибири? Значит – сибирские татары, и точка! В Казани? Казанские татары, ясен пень. Говорите, некоторые из этих «татар» упрямо именуют себя «булгарами»? Антинаучный подход, батенька. *Европейские* ученые труды никакой такой Великой Булгарии знать не знают, а значит, и булгар на свете быть не может, и они – чисто мифологическая фигура, вроде единорога или песьеглавца...

Вероятнее всего, логика рассуждений была именно такой. Хотя булгары не раз поднимали восстания (как это было, скажем, в 1753–1755 гг.), стремясь к возрождению именно *Булгарии*. А русские летописи, составленные после Ивана Грозного, частенько пестрят фразами вроде «*булгары* окаянные опять восстали».

В 1862 году появилась организация «Совет волжских болгарских мусульман», чья суть ясна из названия и дополнительных разъяснений не требует.

В июле 1917 года волжские болгары созвали в Казани съезд и решили возродить Волжскую Болгарию (будем отныне писать это название через «о», как делают сами представители данного народа в наше время). Съезд возглавил Садри Максуди, человек ученый и эрудированный, прекрасно знавший историю своего народа, получивший в Сорбонне высшее юридическое образование и ставший депутатом Государственной думы двух созывов.

В ноябре того же года была провозглашена национально-культурная автономия Идель-Урал, территория которой включала исторические земли Волжской Болгарии.

(Уточню сразу: мне категорически не по душе откровенные *перехлесты* современных болгарских идеологов, которые в полемическом запале заявляют, будто никаких татар «нет вообще», будто все казанские татары – это болгары, вот только одни болгары «правильные», сохранившие историческое самосознание, а другие – нет. Это уже перебор – поскольку татары реально существуют как нация и не стремятся признавать себя «неправильными болгарами». Межнациональные отношения – штука тонкая, особенно в нашу непростую эпоху, а потому следует семь раз отмерить, прежде чем резать. Татарский народ существует – и точно так же *существует* болгарский, хотя наверняка не в тех масштабах, которые представляются восторженным романтикам. От подобных романтиков, скажем откровенно, иногда бывает больше вреда, чем пользы.)

С. Максуди, подготовивший Конституцию Идель-Урала, вовсе не был ни узколобым националистом, ни сепаратистом, не требовал никакого «суверенитета» и писал: «Мы не хотим быть свободными против русского народа... мы твердо верим в возможность свободного существования совместно с русским народом, которого мы никогда не смешивали с правительственной властью, не исходящей из народа».

Против Максуди и его идей выступили те «татаристы», которые *вообще* не признавали существования отдельного «болгарского» народа.

А потом пришли большевики... Вовсе не склонные ломать себе голову над проблемами болгарского народа – у них был *свой* план действий, предписывавший в том числе избегать лишних сложностей. Какая, в сущности, разница – одни татары живут в Поволжье, или еще и какие-то болгары, если всем народам предстоит плечом к плечу сражаться за мировую республику Советов? К чему забивать себе голову ненужными подробностями?

27 мая 1920 года Ленин подписал декрет об образовании *татарской* республики... До этого большевики старательно разгромили и Идель-Урал, и Совет волжских болгарских мусульман как сугубо «контрреволюционные» организации. С. Максуди, за голову которого большевики предлагали крупное вознаграждение, сумел бежать за границу и обосновался в Париже. Он направил в адрес Парижской мирной конференции стран Антанты, подводившей итоги Первой мировой войны, меморандум о проблемах болгар, где писал: «Представляется целесообразным обратить внимание на то, что название представляемой мною нации "татары" не что иное, как историческая ошибка». Однако высокая конференция решала гораздо более судьбоносный вопрос, нежели восстановление исторической справедливости в отношении какого-то полузабытого азиатского народа. Члены Антанты увлеченно грабили побежденных и строили новый мировой порядок с самими собой, любимыми, во главе – где уж тут вспоминать о болгарях, которые, вот чудо, обитают не на Балканах, а на Волге...

Между прочим, еще в марте 1920 года на территории Казанской губернии вспыхнуло восстание болгар, не желавших «приписываться» в татары – а заодно и против большевиков, успевших надоесть хуже горькой редьки. Большевики, не мудрствуя, объявили мятеж обычной контрреволюционной вылазкой и са-

мым кровавым манером подавили силами регулярных войск. В чем с превеликой охотой участвовали иные «красные татарские деятели», которых потом Сталин (правда, за совершенно другие «заслуги») прислонил к стенке, отчего они до сих пор считаются «безвинными жертвами культа личности».

Потом появилась и Башкирская республика – как своеобразная плата башкирам за поддержку красных против Колчака. Болгарам снова не нашлось места в этом «параде суверенитетов». Но болгары оставались болгарами. В 1922 году автор книги «Мусульманская культура в Среднем Поволжье» М. Худяков писал: «Масса современных казанских мусульман и в настоящее время не считает себя татарами, а зовет себя болгарами». В 1926 году, во время Всесоюзной переписи населения, болгары себя назвали полтора миллиона человек – но к тому времени уже стали появляться «научные труды», изображавшие волжских болгар попросту «пришедшими из Монголии монгольскими кочевыми племенами»... А там и всеобщая паспортизация с «пятой графой», куда всем поголовно, чтобы не умничать, вписывали «татарин».

Максуди еще много лет прожил за границей, был профессором Сорбоннского, потом Стамбульского и Анкарского университетов, преподавал право и историю, умер в 1957 году, и вернуться в Россию ему было уже никогда не суждено...

В апреле 1946 года в Москве состоялась научная сессия при Академии наук СССР, организованная отделением истории. В ней участвовали известные историки, археологи, этнографы, лингвисты. Было сделано немало серьезных выводов: о том, что современные татары не имеют никакого отношения к «монголам», что такая нация, как волжские болгары, существует в действительности, что она никогда не была «истреблена дочиста». Увы, никаких последствий для восстановления исторической справедливости не последовало.

Когда началась перестройка (не к ночи будь помянута), журнал «Известия ЦК КПСС» в 1989 году опубликовал перечень

народных просьб, отправляемых письменно в адрес ЦК. «Во многих письмах из разных регионов страны казанские татары просят именовать их «болгарами» или «булгарами».

Ну а когда в последние годы трудами энтузиаста Ф. Нурутдинова был опубликован свод болгарских летописей, на многие события в истории *всей* России пришлось взглянуть по-иному (позже мы и этого коснемся).

Можно привести и свидетельство человека, безусловно авторитетного в данном вопросе. Талгат Таджуддин, муфтий и шейх-уль-ислам, глава Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ: «И так уж нас татарами обзывают, хотя на самом деле мы булгары... А болгары – это ближайшие родственники булгар. Просто одни остались на Волге, а другие ушли дальше, на Дунай, и смешались с остальными».

Так что выводы просты: не претендуя на право татар считать себя народом, нужно все же признать, что некоторая *часть* татар является *булгарами*. Какие бы причудливые этнические смешения ни происходили в результате Батыева нашествия с превеликим множеством этносов, древние булгары сохранили себя, свой язык и культуру.

И следовало бы почаще вспоминать об их стране и отводить ей в истории то место, какого она, безусловно, заслуживает – не шараясь от «скользких» тем и «острых» вопросов...

Глава десятая

ЦАРЬ БАТЫЙ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

История татарского нашествия в современной ее передаче изобилует не то чтобы мифами – просто-напросто значительными искажениями. Все вертится вокруг нескольких незатейливых штампов, сплошь и рядом не имеющих ничего общего с давней реальностью. Либо сводится к общим фразам, которые создают впечатление, будто вторжение татар было неким невиданно жутким катаклизмом – прямо-таки в стиле голливудских боевиков о природных катастрофах, неким совершенно небывалым прежде несчастьем, превосходящим все случавшееся ранее.

На самом деле (хотя кто-то, воспитанный на устоявшихся штампах, может этому и не поверить) татарское нашествие сплошь и рядом *уступало* по числу жертв и разрушений прежним княжеским междоусобицам. Нравится это кому-то или нет, но это суровый факт. Мы как-то подзабыли, что «литература хоррора» – вовсе не изобретение двадцатого века. В Средневековье тоже прекрасно умели сочинять разнообразнейшие ужастики, особенно когда на это имелся недвусмысленный социальный заказ...

В последние годы не то чтобы началось некое «ревизионистское» переписывание истории – всего-навсего ученые, не име-

ющие никакого отношения к «новой хронологии» и прочим ересям, начали все же *размышлять* над скудными источниками. К тому же в оборот вошли те источники, которые еще лет двадцать назад попросту не рассматривались – например, болгарский летописный свод, откуда можно почерпнуть массу интересного и напрочь расходящегося с «канонической» версией.

Начнем с того, что подвергшаяся удару Батыя Южная Русь чуть ли не пятьдесят лет до того, с последних лет XII века и до вторжения татар, была охвачена непрерывными и кровопролитными войнами князей. Они брали штурмом, сжигали и грабили друг у друга стольные города, захватывали чужие «столы», подсылали убийц, преспокойно брали в заложники жен и детей соперников, сплошь и рядом нарушали честное слово («крестное целование»).

Между прочим, все это была, собственно, одна большая семья – потомки по прямой линии Владимира Святого. Но когда речь идет о власти, престоле и прочих благах земных, никакие родственные отношения во внимание не принимаются – а потому сплошь и рядом убивали, свергали, ослепляли и подсиживали друг друга родные и двоюродные братья, дядья и племянники и прочая близкая родня. На дворе стоял классический феодализм, и русские князья, в точности как их западноевропейские братья по классу, дружно плевали на лирические мелочи вроде кровного родства и клятвы на кресте...

И, главное, практически все русские летописи известны только по «спискам» пятнадцатого-шестнадцатого столетия, то есть были написаны не непосредственными очевидцами и участниками событий, а жившими лет через двести–триста книжниками, перед которыми стояла уже совершенно *другая* задача: создать собирательный образ «злых татаровей», людоедов и супостатов, злейших врагов Святой Руси. Поскольку в те времена политическая ситуация коренным образом изменилась: избавившись от вассальных обязательств перед татарами, воюя со всеми без исключения ханствами, созданными после распада Золо-

той Орды, русские великие князья нуждались в идейном обосновании своей политики и в идеологической обработке масс в нужном направлении. Насущная политика требовала показывать татар исключительно злобными демонами, не имевшими другой задачи, кроме как опустошить начисто русскую землю, да так, чтобы она и не возродилась более. Давным-давно умершие Батыевы татары стали демонами во плоти...

А вот в последние годы начали всплывать интереснейшие факты. Выяснилось, например, что летописный рассказ о взятии и разорении Батыем Суздаля составлен из фрагментов, заимствованных летописцами из рассказов о событиях, *предшествовавших* татарскому нашествию – например, из описания разграбления Киева *половцами* в 1203 году (половцы, замечу в скобках, не сами по себе окаянствовали, а были приглашены претендовавшим на Киев князем Рюриком Ростиславичем). Вообще получается, что о татарском «разорении» повествуется общими фразами, без претендующих на достоверность деталей...

Если мы возьмемся подробно изучать ситуацию вокруг Киева, то обнаружим, что события эти чертовски сложны и по закрученности сюжета не уступают толстеному приключенческому роману.

С 1235 по 1240 год Киев *семь* раз перехватывали друг у друга русские князья – как легко догадаться, всякий раз с боем, с пожарами, разрушениями и грабежом (иного в Средневековье и ожидать не следовало). Так что татары в конце концов штурмовали уже в значительной степени разрушенный и обезлюдевший город, жители которого, надо полагать, осатанели от подобной неустойчивости жизни и вряд ли горели желанием стоять до последнего. Восемь нашествий за пять лет – это, знаете ли, многовато...

События, непосредственно примыкающие к появлению Батя, выглядят следующим образом.

Жил-поживал на свете крайне амбициозный и непоседливый князь Михаил Черниговский. Княжил-то он в Чернигове, но,

вульгарно выражаясь, стремился прихватить все, что плохо лежит. В 1238 году он ненадолго захватил Галич – но из очередного похода вернулся тамошний законный князь Даниил Галицкий и вышиб непрошеного гостя к чертовой матери обратно в Чернигов.

В следующем году объявилась Батыева рать, к тому времени вот уже два года нападавшая то на одно, то на другое княжество (на что соседи не обращали особого внимания, продолжая собачиться меж собой). Прослышав, что татары взяли Владимир, великий князь Киевский Ярослав Всеволодович решил не геройствовать и, прихватив немалую дань, отправился в Булгар, где довольно быстро договорился с татарами, что те признают его титул, а он согласен платить дань и сопротивляться не намерен.

Вот только он и понятия не имел, что в Киеве уже сидит тот самый Михаил – прослышав об отъезде Ярослава, он нагрязнул с дружиной, захватил «мать городов русских» и великим князем непринужденно провозгласил себя. Увлеченный этой процедурой, он совершенно не обращал внимания на то, что творится в покинутом Чернигове – на который тем временем напали татары, разбили оставшегося «на хозяйстве» Михайлова двоюродного брата Мстислава и пограбили как следует.

Затем Менгу-хан, сын Угедэя и племянник Батыя, вышел к Киеву. Подивившись красоте города (надо полагать, не дотла все же его выжгли князья-претенденты), он стал выяснять, где Ярослав.

История не сохранила подробностей состоявшегося разговора, но наверняка это выглядело примерно так:

– Ярослав! Эгей, Ярослав! – кричал хан Менгу, разезжая у городских ворот.

Тут на стене объявилась совершенно неизвестная ему фигура осанистого вида.

– А Ярослав где? – изумился Менгу.

– Я за него! – бодро отвечивал Михаил.

Так ли это происходило, в точности неизвестно. Фактом является то, что Менгу отправил в город послов, предложивших сдаться добровольно. Как полагалось по европейской рыцарской традиции, князь Михаил велел послов перебить. У Менгу было мало войска, чтобы идти на штурм, и хан уехал восвояси, заявив, что они еще непременно увидятся. Едва татары отступили достаточно далеко, Михаил велел оседлать коней и что есть мочи припустил в Венгрию вместе с сыном Ростиславом – без сомнения, уже кое-что слышал об обычаях татар и боялся, что за послов придется ответить.

Он так спешил унести ноги, что где-то меж Киевом и Венгрией *потерял* ближних бояр и собственную супругу – которую тут же захватил Ярослав Всеволодович, уже прослышавший, как Михаил вместо него распоряжается в Киеве. И томиться бы бедной княгине в плену, не заступись за нее родной брат Даниил Галицкий...

В Венгрии Михаил не придумал ничего лучшего, кроме как сватать своего Ростислава за дочь венгерского короля Белы IV. У мадьяра это предложение восторга не вызвало – на кой черт ему в зятя бесприютный бродяга, да еще с довеском в виде столь же бесприютного папы? – и он велел гостям убираться восвояси. Михаил с Ростиславом уныло поплелись в Польшу, к своему родственнику князю Конраду Мазовецкому, просить польского войска, чтобы отбить Киев.

Но в том-то и юмор, что в Польше в то время бушевала *вовсю своя* междоусобица, и знатым господам было не до бедных родственников. Михаил вернулся домой и как-то ухитрился поладить с Даниилом Галицким, который его и приютил.

Все это было гораздо позже – а в Киев, едва только Михаил оттуда сбежал, нагрянул с дружиной Ростислав Смоленский и, как легко догадаться, объявил себя великим князем киевским.

Прослышав о таких новостях, в Киев примчался со своими орлами Даниил Галицкий, разбил смолян, захватил город, а не успевшего сбежать Ростислава взял в плен. Он, однако, предус-

мотрительно не стал обустроиваться в «матери городов русских», а вернулся в Галич, оставив в Киеве распоряжаться от своего имени некоего тысяцкого Дмитрия (Дмитра).

Вот тут-то, уже осенью, через несколько месяцев после убийства послов, под Киевом и появился сам Батый с немаленьким войском. Через несколько дней город, истерзанный прошлыми вторжениями, был взят. Тысяцкий Дмитрий невредимым попал в плен и без особых моральных терзаний перешел на службу к Батюю, которому удалец приглянулся.

С падением Киева связана прямо-таки детективная история, которую сегодня уже не распутать. После взятия его татарами пропал без вести, словно в воздухе растворился, глава русской церкви митрополит Киевский Иосиф. Татары, напоминая, с почтением относились ко всем религиям и священнослужителей обычно не трогали.

Пикантный нюанс здесь в том, что глава русской церкви был греком, чуть ли не перед самым нашествием прибывшим из Константинополя – а на Руси многим и многим весьма не нравилась церковная зависимость от Царьграда. В этих обстоятельствах бесследное исчезновение Иосифа выглядит как-то... двусмысленно. Тем более что русские летописи ясности не вносят: одни скороговоркой упоминают, что митрополит неопознанным погиб в развалинах Киева, другие выражаются еще загадочнее: «удалился в другое место и сгинул там безвестно». Сформулировка, мягко скажем, странная. Глава всей русской церкви – фигура достаточно крупная для того, чтобы «сгинуть безвестно»... Одним словом, темная история. Через три года князь выбрали в митрополиты *своего* – русского игумена Кирилла, а касаясь Иосифа с подобающей скорбью отписали в Константинополь: дескать, сгинул безвестно от злых татаровей... скорбим дружно... память сохранится в сердцах...

Вот кстати, Даниил Галицкий, узнав о взятии Киева, на всякий случай поспешил укрыться в той же Венгрии – и, как совсем недавно Михаил, попытался просватать венгерскую прин-

цессу за своего сына Льва. Король Бела, еще не отойдя от предыдущих сватов, и этих отправил по тому же адресу, так что Даниилу с сыночком пришлось податься в ту же гостеприимную Мазовию, где их по-родственному приютил до ухода татар один из тамошних князей...

Появилась информация, позволяющая по-новому взглянуть на знаменитую битву на реке Сити. По канонической версии, там собрали войско владимирский князь Юрий Всеволодович и три его племянника – но были разбиты татарами наголову, причем одного из племянников погибшего Юрия, Василько Константиновича, татары взяли в плен и пытались обратить в свою веру, заставить воевать на их стороне. Но гордый князь категорически отказался «бусурманиться», за что и был убит. Брат Юрия, Ярослав Всеволодович, спешил ему на помощь, однако опоздал...

На самом деле, очень похоже, все обстояло гораздо сложнее – и не совсем так...

Начнем с того, что Ярослав Всеволодович (тот самый, что ненадолго захватывал Киев) на помощь брату не особенно и спешил. Он появился на сцене очень кстати, в самую пору – когда русское войско Юрия перестало существовать, а татары ушли. Вот *тут* Всеволодыч быстренько примчался в разоренный Владимир и взял в свои руки управление «осиротевшим» княжеством: провозглашает себя князем, раздает уделы родственникам. Ни малейшей попытки схватиться с татарами он не предпринял, наоборот, быстренько с ними договорился...

Но и это еще не все. Есть даже версия, что Юрий погиб не от татарской сабли, а от руки своих же бегущих воинов, которых пытался остановить. Выдвинул ее не очередной ересиарх а-ля Фоменко, а профессор-славист из Оксфордского университета Дж. Феннел. Трудно по причине скудости источников определить, прав ли англичанин, но фактом остается одно: *собственный* летописец Юрия старательно избегал каких бы то ни было подробностей его кончины, а соседи-новгородцы в своих летописях поведали, что версий смерти Юрия кружит *множество*...

Зато *булгарские* летописцы сообщают вовсе уж интересные подробности. Не кто иной, как уже знакомый нам эмир Гази Барадж оставил обширную «Летопись Гази Бараджа», охватывающую 1229–1246 гг. и на русском языке появившуюся совсем недавно. Так вот, Гази Барадж утверждает, что никаких татар на Сити не было – против дружины Юрия сражалась *булгарская* конница и четыре тысячи *русских* пеших воинов из Нижнего Новгорода и Ростова, примкнувших к Батыю. Не верить «басурманину» нет никаких оснований.

И смерть князя Василько Константиновича в изложении Гази Бараджа выглядит совершенно иначе. Оказывается, не кто иной, как наш добрый знакомый Ярослав Всеволодович, привез хану Гуюку ту самую дань, *наклепал* на Васильку, уверяя, будто тот увел у него часть этих самых повозок с данью, чтобы передать ее не татарам, а булгарам. Хан Гуюк, человек сердитый, разбираться не стал и стгоряча велел отрубить Васильку голову... На фоне всего, что нам уже о Ярославе известно, такой поступок был бы совершенно в его стиле.

Теперь – о Рязани. О знаменитой легенде, мимо которой не проходит никто из «традиционных» авторов, пишущих о Батыевом нашествии. Я имею в виду печальное сказание под названием «Повесть о разорении Рязани Батыем», где подробно живописуется трагическая гибель сына рязанского князя Феодора Юрьевича. Якобы сластолюбивый хан Батый, прослышав о поразительной красоте супруги Феодора, вызвал его к себе и потребовал отдать жену, а когда князь отказался, велел убить и его, и его свиту до последнего человека.

Узнав о гибели мужа, княгиня Евпраксия, чтобы не достаться охальнику Батыю, вместе с малолетним сыном бросилась с высокой башни и, естественно, погибла.

Красиво, конечно. Но никакими историческими источниками не подтверждается. Во-первых, в истории татарских завоеваний попросту не отмечено ни единого случая, чтобы хан или военачальник требовал жену у *живого* (на *вдовах* погибшего

противника, конечно, женились сплошь и рядом). Во-вторых, Феодор был *послом*, то есть личностью, по татарским понятиям, неприкосновенной, и трудно поверить, что Батый сделал бы послу *такое* предложение, да еще приказал его убить. В-третьих, неизвестно когда и кем написанная «Повесть» – *единственный* источник, сообщающий о сексуальной невоздержанности Батые и случившейся из-за этого трагедии. Изобилует он прямо-таки фантастическими «детальями»: «свидетелем» всего этого якобы послужил доверенный человек князя Феодора, его «пестун» Апоница. Когда татары, выполняя приказ Батые, поголовно истребляли русское посольство *посреди* ханской ставки, располагавшейся *в центре* татарского лагеря, оный Апоница тем не менее где-то ухитрился укрыться – а потом тут же, недалеко от Батыевой юрты, похоронил по-христиански тела всех умученных, выбрался из лагеря незамеченным и добрался до русских, где поведал всю эту историю летописцам...

Да это же попросту древнерусская *беллетристика*! Сентиментальный роман, каковой вовсе не является порождением галантного восемнадцатого века.

В чем нас убеждают кое-какие многозначительные детали. В Чернигове, как писали дореволюционные русские фольклористы, «старожилы показывали курган Черная Могила и курган княжны Черны, считавшиеся соответственно могилами князя Черного и его дочери, которая якобы выбросилась из окна своего терема и лишилась таким образом жизни во время осады Чернигова князем древлянским, пленившимся ее красотой».

А согласно болгарским летописям, когда татары уже захватили город Биляр, жена царя Алтынбека Фатима обняла своего малолетнего внука, сына царевны Алтынчач, и вместе с ним бросилась с вершины минарета «Сулейман»...

Таким образом, есть серьезные основания подозревать, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» просто-напросто использован бродячий литературно-фольклорный сюжет того времени, опирающийся, очень возможно, как раз на историю гибели

царицы Фатимы. Которая, правда, была уже бабушкой преклонных лет и вряд ли была способна разжечь страсть в сердце татарского полководца – но на то и существует изящная словесность, чтобы романтически приукрашивать скучные бытовые подробности...

Вот, к слову, о рязанских князьях. Есть любопытная статистика, основанная на доподлинных исторических фактах. Татары убили – обратите внимание, в честном бою лицом к лицу – всего одного рязанского князя, Юрия Игоревича (смерть Феодора отнесем к разряду баснословий). А вот за двадцать лет до того, в 1217 году, не дикие степные кочевники, а доподлинные Рюриковичи Глеб Владимирович и его брат Константин убили *шесть* членов рязанской княжеской фамилии. Дело, можно сказать, житейское, вполне в стиле той эпохи: Глеб и Константин хотели захватить власть в Рязани, а потому пригласили этих шестерых князей на почетен пир, но вместо пира велели своим дружинниками всех перерезать. Те и перерезали. Нужно непременно уточнить, что один из шести убитых был родным братом Глеба и Константина, а остальные пятеро – двоюродными... Кто у нас в этой истории (и тьме ей подобных) выглядит благороднее – татары или Рюриковичи?

К слову, о знаменитом граде Козельске – том самом, который якобы семь недель героически отбивал приступы Батыея. Булгарская летопись уточняет, что Козельск держался не семь недель, а семь *дней*. И жители его вовсе не погибли поголовно: когда настал седьмой день осады, находившиеся в Козельске конные дружинники, то есть профессиональные бойцы, ранним утром прорвались из города. Татары, застигнутые врасплох, не сумели их перехватить, и конники, потеряв несколько человек, благополучно ускользнули.

Летопись на этом прекращает рассказ – но его можно продолжить. Обратите внимание, спаслись только *конные*. Те самые военные профессионалы. А как же *остальные*? Городские жители, у которых наверняка не было коней?

Вывод напрашивается сам собой: горожан конные витязи попросту *бросили*. Сами спаслись на борзых конях, а «лапотников» преспокойно оставили на произвол судьбы. Их-то и перебили до последнего человека разъяренные татары... Вряд ли эту историю можно отнести к тем, что прославили русское оружие. А в общем древнерусских дружинников не зря сравнивают с западноевропейскими рыцарями. Совершенно рыцарское поведение: господа в кольчугах, профессиональные бойцы, спасают в первую очередь свои драгоценные персоны, нисколько не забываясь об участии сиволапых простолудинов...

Не будет преувеличением сказать, что Батыево нашествие затронуло лишь *некоторую* часть Руси, а не всю «Русскую землю». *Некоторые* города были и в самом деле взяты штурмом, сожжены, разграблены, а население понесло немалые потери. Но в то же время значительная часть князей и городов преспокойным образом *полюбовно* с татарами договорилась. Князь Ярослав Всеволодович, отправившийся к татарам с данью в то время, когда они еще и не объявлялись под Киевом, вовсе не выглядит каким-то одиноким выродком – он всего-навсего успел первым...

Богатый торговый Углич практически моментально нашел общий язык с татарами – дал лошадей и провизию, заплатил дань, и татары ушли. Точно так же поступили другие поволжские города – Ярославль и Кострома. Интересно, что Четвертая Новгородская и Первая Софийская летопись о каком-либо *штурме* Киева не упоминают вообще, излагая события совершенно иначе: татары, мол, «придоша с миром к Киеву и смирившися с Мстиславом и с Владимиром и с Даниилом». Имеется в виду Даниил Галицкий – который с татарами не воевал ни дня, а именно что «смирившися»! Такая вот загадочка. Ясно одно: далеко не *все* русские летописцы считали, что Киев был взят штурмом и разорен...

Да и с Господином Великим Новгородом все, как выяснилось, неоднозначно. Принято было считать, что татары до него не до-

брались из-за распутицы. Или вообще не собирались на Новгород идти.

Булгарская летопись излагает другую версию: в Новгород прибыли послы от великого хана Угедэя с его письмом, в котором он обещал не трогать город, если новгородцы не станут помогать великому князю владимирскому и будут держать нейтралитет. Князь Александр Ярославич, будущий Невский, посоветовавшись с остальными двумя «ветвями власти», городскими и церковными, это предложение принял. Учитывая последующие теснейше-дружеские отношения Невского с Золотой Ордой, как-то больше верится булгарам, нежели отечественным книжникам...

Точно так же моментально признали себя вассалами татар Болховские княжества – самый загадочный элемент русской средневековой истории. Историки до сих пор не пришли к согласию, где же, собственно, эти княжества располагались – то ли в Подолии, то ли на юге Черниговщины. Но в том, что они существовали, сомневаться не приходится: очень уж часто они упоминаются в древних источниках.

И вовсе уж неведомым образом избавились от татарского нападения жители богатого торгового Смоленска. Известно, что передовые отряды татар были от него в 25 верстах – а потом отчего-то ушли. Никаких достоверных сведений нет, но, когда речь заходит о «богатом» городе, «торговом», то выводы напрашиваются совершенно несложные: кто-кто, а купцы испокон веков умели договариваться с любым захватчиком, пересыпая нечто звенящее и приятно поблескивающее из горсти в горсть...

Одним словом, никакого «общенародного сопротивления» татарам так и не получилось – поскольку Русь состояла из превеликого множества княжеств, смотрящих друг на друга волками, у всех были свои, местные интересы, и ни о каком таком «общенациональном» интересе еще и речь не шла, *тогдашние* люди попросту не поняли бы, что это такое.

Пора понять, что наших далеких предков ничуть не унижает тот факт, что многие князья полюбовно договорились с Батыем и признали себя его вассалами, и, более того, русские из самых разных княжеств преспокойно вступали в татарское войско. Сие вовсе не свидетельствует о какой-то «исконно русской ущербности».

Все тогда жили по законам феодальной эпохи. Понятия «национальное государство» попросту не существовало. Во Франции его буквально вдолбил в головы землякам не кто иной, как кардинал Ришелье – а до того «ля Белль Франс», как и остальная Европа, от Атлантики до Урала, жила по другому принципу: есть сеньор, и есть его подданные. Совершенно неважно, как сеньор зовется – герцог Бургундский, великий князь Киевский или хан Батый. Главное, при соблюдении некоторых не особенно и сложных правил можно преспокойно переходить от сеньора к сеньору. Сегодня рыцарь служит королю французскому – а завтра «отъехал» в ту же Бургундию. Сегодня богатырь на службе у князя Галицкого – а завтра уехал к Батыю. Сегодня барон у прусского короля, а мурза у Казанского хана – а завтра они с разных сторон направились к царю Московскому, и он преспокойно зачислил их на службу... И никто, ни одна живая душа не считает всех этих людей «изменниками родины» – поскольку такого понятия не существует вовсе. Поменять сеньора – дело житейское. И эта система, как я уже говорил, дожила аж до девятнадцатого столетия.

Порой жизнь людей, эту систему свято соблюдавших, выписывала преудивительные зигзаги... В те же времена, о которых я рассказываю, однажды случилось так, что русский князь едва не оказался... на австрийском престоле!

История интереснейшая, и о ней безусловно стоит упомянуть, пусть даже чуточку отклонившись от главной темы.

Для этого надо вернуться к непоседливой парочке – Михаилу Черниговскому и его сыну Ростиславу, которых мы оставили в тот благодатный момент, когда они помирились с Даниилом Галицким и клятвенно пообещали никогда более против него не злоумышлять...

Обманули, конечно, как среди рыцарей положено. Не прошло и пары годочков, и они вновь стали думать, как бы им пригоститься на Галицком «столе». Папа Михаил, правда, от дел отошел и смиренхонько сидел где-то в глуши, но Ростислав, взяв в компанию изгнанного из Рязани князя Константина Владимировича (того самого, что вместе с братцем Глебом перебил шестерых родственников), собрал войско и, воспользовавшись отсутствием Даниила, захватил Галич.

Даниил вернулся и вышиб обоих в два счета, хотел поймать и повесить, но кони у них оказались быстрее. Ростислав по старой привычке помчался в Венгрию – и *вновь* попросил у тамошнего короля Белы руку его дочери.

Хотя он вновь был бесприютным бродягой без всяких видов на будущее, на сей раз король отчего-то согласился. Быть может, ему показалось выгодным занять этакого вот зятя – тот еще парнишечка, ни принципов, ни моральных устоев, одна мечта – выбиться в люди. Палец в рот не суй – голову откусит. В хозяйстве может и пригодиться, одним словом.

В общем, какими бы мотивами король Бела ни руководствовался, на этот раз он согласился отдать Ростиславу то ли ту же самую, то ли другую дочку (их у него было несколько) и закатил свадебный пир по всем правилам. Тут в Венгрии объявился Михаил и слезно попросил у сыночка подмогнуть венгерским войском, чтобы восстановиться на каком-нибудь «столе», пусть заваляшеньком.

Ростислав папе отказал – поскольку венгерское войско было нужней ему самому. Он вторгся в Галицкое княжество – но был разбит Даниилом. Вернулся к тестю, собрал новое войско, позвал еще и поляков, снова пошел на Даниила и снова был бит.

После этого Ростислав прекратил всякие попытки утвердиться на Руси и стал мирно жить-поживать в Венгрии. Король-тесть пожаловал ему достаточно высокий титул бана. Впоследствии Ростислав выдал свою дочь за чешского короля, другую – за болгарского царя Михаила Асеня, а своего сына женил на сест-

ре царя Марии. Вскоре, в полном соответствии с европейскими нравами, царя Асеня убил его родной брат Коломан. Ростислав, считая себя, очевидно, в Болгарии уже своим человеком, вторгся туда с войском и провозгласил болгарским царем мужа царицы Марии, своего сына Михаила. И тот просидел на престоле десять лет. Сам же Ростислав в конце концов умер своей смертью, что для человека его положения и образа жизни было, в общем, немалым достижением.

Его папенька, Михаил Всеволодович, кончил куда как печальнее. Оказавшись совершенно не у дел, он поехал в Орду что-то выклянчивать, там его при достаточно туманных обстоятельствах и прикончили *русские*. Впоследствии сочинили красивую сказочку, будто Михаила умучили «злые татаровья» за отказ совершить языческий обряд – но все за то, что это «подсуетился» старый недоброжелатель Михаила Ярослав Всеволодович, тот еще голубь мира и образец благородства. Как бы там ни было, но Михаила в конце концов по каким-то политическим надобностям, уже при Иване Грозном, канонизировали, и останки его ныне покоятся в Архангельском соборе Московского Кремля...

Где же Австрия, спросите вы? А сейчас...

После двух военных кампаний Ростислава против Галицкого княжества Даниил Галицкий прибыл в Венгрию вести переговоры о мире. Удачно их завершив, он, как и Ростислав, вторично попросил у Белы руки его второй дочери – не для себя, а для сына Льва. На сей раз Бела и ему не отказал. Стали, как говорится, дружить домами. И однажды Роман, другой сын Даниила Галицкого, при венгерском дворе познакомился с молодой красавицей по имени Гертруда, вдовой маркграфа Баденского. Через два года они обвенчались. Приданое у означенной Гертруды было примечательное – именно что Австрия. Потому что красавица была дочерью покойного Фридриха I, герцога Австрийско-Штирийского. Тогда еще Австрия была не империей, а достаточно скромным герцогством.

В том же году, когда Роман обвенчался с Гертрудой (история умалчивает, по католическому обряду или по православному), Даниил Галицкий получил от папы Римского титул «короля Русского». Нежданно-негаданно ставший не просто князем, а натуральным европейским принцем, Роман моментально рискнул: а чем он не герцог Австрийско-Штирийский? Жена на герцогство имеет все права...

Загвоздка оказалась только в одном – у Фридриха было две дочери, и вторая, будучи замужем за чешским королем Отокаром, вместе с муженьком полагала, что Австрия как раз ее приданое, а сестричка Гертруда – так, сбоку припека...

Ну, что тут прикажете делать? Воевать, конечно!

Быстренько сколотили коалицию: король Даниил Галицкий, Бела IV и его зять, краковский князь Болеслав Стыдливый. В то время Польша из королевства превратилась чуть ли не на двести лет в скопище феодальных владений на манер русских княжеств: король Болеслав III Кривоустый на смертном одре не придумал ничего лучшего, кроме как поделить страну на уделы меж сыновьями («старшим» как раз и считался Краковский, как Киев в России).

Бравое воинство вторглось в Чехию, чтобы отбить у короля Отокара охоту строить из себя австрийского самодержца. Однако Отокар стал сопротивляться, и довольно успешно. Сначала разбил гостей в чистом поле, а потом несколько его городов отбили все попытки взять их штурмом. Спалив и разорив с горя все, до чего смогли дотянуться, галичане, ляхи и мадьяры из Чехии отступили.

Роман в этом увлекательном предприятии участия не принимал – потому что сам оказался в осаде. Еще до начала войны он с Гертрудой поселился в австрийском городе Нейбурге под Венной, куда тут же нагрянули чехи и взяли город в осаду.

Правда, ничего путного из этого не вышло – «стены замка были крепки, бароны отважны». Нейбург был хорошо укрепленной крепостью, и у чехов ничего не получилось. Тогда Отокар отправил послов, которые от его имени передали Роману

следующее: мол, парень, мы ж с тобой свояки, на сестрах жена ты, какого черта нам воевать? Брось ты этого старого прохвоста Белу, который тебя обязательно обманет, и поделим с тобой Австрию пополам. Папу Римского в свидетели беру!

Черт его знает, Отокара – всерьез он собирался поделить Австрию пополам или обманывал. Как бы там ни было, Роман его не послушал, и зря. Насчет короля Белы Отокар оказался совершенно прав – тот и в самом деле хотел заграбастать Австрию исключительно себе, а потому войском Роману не помог. В конце концов Гертруда уговорила мужа уехать, они каким-то образом пробрались через кольцо осаждающих и благополучно добрались до Галича.

Через шесть лет Даниил Галицкий с венграми вновь вторгся в Чехию – и Отокар его вновь разбил. После этого ни король Русский, ни его сын не предпринимали больше попыток заполучить Австрию. Правда, и Отокар ею владел не так уж долго: нагрянул Рудольф, германский король и герцог Габсбургский, которому Австрия тоже чрезвычайно нравилась. В одном из сражений Отокар погиб, а Рудольф основал Габсбургскую династию, просуществовавшую аж до 1918 года.

Вот такие головокружительные курбеты случались с людьми, странами и династиями в феодальные времена...

Нужно еще упомянуть, что Даниил Галицкий и его потомки оказались первой и единственной на Руси королевской семьей. И очень скоро королевство перестало существовать: Даниил, как было принято в то интересное время, поделил его меж четырьмя сыновьями, которые, таким образом, стали уже не королями, а черт-те чем. Их преемники привели Галичину к окончательному краху, и лет через сто после смерти Даниила ее захватил литовский князь Миндовг, который решил, что в сложившихся исторических условиях Галичина тяготеет как раз к Литве, а не к Венгрии, как отчего-то полагают мадьяры. Войск у него оказалось поболее, чем у мадьяр, а потому быстро выяснилось, что Галичина точно тяготеет именно что к Литве...

А еще через несколько столетий – история любит иногда замысловатые шутки! – Галиция после веселого раздела Речи Посполитой попала под власть той самой Австрии, которую сама когда-то пыталась заполучить...

Обозревая деятельность первого и единственного русского короля Даниила Галицкого, приходишь к выводу, что ничем особенным он себя не проявил, потому что никаких особенных свершений, поднимавших бы его над неким «средним княжеским уровнем», не добился. Всю жизнь занимался двумя забавами: активнейшим участием в междоусобных войнах на Руси и вмешательством в западноевропейские дела, и то, и другое – без серьезных достижений. С татарами он отнюдь не горел желанием затевать «священную войну» за идеалы. Одну-единственную кампанию он все же провел – правда, не против самих татар, а опустошил земли тех самых болховских князей, татарских союзников. Татары за своих вассалов вступились, послали к Даниилу гонцов с требованием определиться: враг он им или друг. Даниил быстренько, согласно татарскому ультиматуму, уничтожил укрепления вокруг своих городов – а потом на всякий случай долго отсиживался в Польше и Венгрии, выясняя, не серчают ли на него ордынцы.

Его сын Лев Данилович тоже стал королем, но как бы не вполне настоящим, поскольку «королевствовал» не самодержавно, а совместно с двумя братьями. По примеру отца он тоже пытался прихватить еще какой-нибудь соседний престол: предлагал свою кандидатуру в великие князья литовские – но литовцы о нем и слышать не захотели; вторгся в Польшу, чтобы занять опустевший престол Краковского удела, но поляки его разбили наголову.

В общем, династия Даниловичей получилась какая-то чуточку опереточная – а впрочем, и не получилось нормальной династии, очень быстро перестала существовать...

А теперь самое время поговорить о «страшном», «жутком», «невероятно тягостном» явлении, которое эмоционально, но без

малейшего соответствия с исторической правдой именуют «монголо-татарским игом». До сих пор можно встретить утверждения, что это была жутчайшая тирания басурман над Святой Русью, каковая беспрерывно стенала втихомолку, несла сплошные лишения, одним словом, откровенно прозябала в самом что ни на есть рабском положении...

Более вдумчивые исследования неминуемо приводят к выводу, что ничего этого не было: ни особого гнета, ни тирании, ни стenanий. Даже больше того, возникают уже совершенно крамольные мысли: что власть татар над Русью оказалась для Руси *благодатью*. Кому-то это утверждение может показаться диким? Давайте попробуем разобраться.

Прежде всего зададимся вопросом: *что* представляла собой Русь до прихода татар? Как уже говорилось, скопище абсолютно суверенных владений, иногда совсем крохотных, которые увлеченно воевали друг с другом и со всем окружающим миром. Причина не только в царившем на дворе феодализме...

К моменту прихода татар потомков Владимира Мономаха, исконных Рюриковичей, насчитывалось, если называть вещи своими именами, несметное количество. Лиц княжеского рода, имевших более-менее законные права на «стол», было в несколько раз больше, чем самих «столов». К тому же одновременно действовали сразу *три* варианта, по которым можно было «сесть на княжеский стол».

1. «По завещанию» – когда правящий князь сам назначал себе наследника.

2. «По избранию» – когда жители той или иной земли сами приглашали того, кто им больше нравился.

3. «Возложение старшинства» – общерусский совет князей возлагал на кого-то права наследования того или иного «стола».

Как легко догадаться, при всех трех вариантах обязательно находилось немалое количество людей, считавших себя обойденными, ущемленными, наконец попросту не признававших решений очередного «исторического съезда» – как, например,

недоброй памяти Рюрик Ростиславович, который несколько раз захватывал Киев по своему хотению. В конце концов его поймали и постригли в монахи, но после кончины инициатора этого мероприятия Рюрик скинул рясу, в который раз собрал рать и вновь принялся навязывать свою кандидатуру всем, кто не успевал вовремя увернуться...

Именно оттого, что количество претендентов в несколько раз превышало число «столов», и творились все эти злодеяния и клятвопреступления – когда охваченные жаждой власти индивидуумы резали на пиру родных братьев, дядя ослепляли пленников, а отцы недобро поглядывали на сыновей, глядя засапожный булатный ножичек...

Можно еще добавить, что сплошь и рядом претенденты на престол приводили с собой чужаков – половцев, чехов, венгров, поляков, а уж те, ничем с данными землями не связанные, грабили всюю. И наконец, попадались еще откровенные, право слово, «махновцы» – вроде князя Владимира, выгнанного с Галицкого «стола» за пьянство и разврат, изрядно превышавшие все достаточно зыбкие моральные кодексы той буйной эпохи. Владимир сколотил форменную банду из искателей приключений и, прекрасно понимая, что захватить какой бы то ни было «стол» у него силенок не хватит, просто-напросто колесил по Галицкой земле, пробавляясь откровенным разбоем: священников во время богослужения его орлы убивали, как о том повествуют летописи, коней в церкви ставили...

А потом в этот сумасшедший дом пришли татары и водворили строгий порядок. Один князь становился «старшим», получив от них ярлык на великое княжение. Остальные тоже должны были «проходить утверждение в столице Золотой Орды». На тех, кто по старой памяти пытался устраивать штурмы и перевороты, всякий раз выступала татарская конница, сплошь и рядом вместе с вассальными князьями. И этот новый порядок, двух мнений быть не может, покончил с прежним кровавым хаосом.

А теперь попробуем вычислить, что случилось бы, победи на курултае, где решалось будущее татарской державы, «партия мира», считавшая, что следует отказаться от крупных завоеваний и жить мирно в существующих границах. Предположим, войско Батыя так и не объявилось ни на Руси, ни в Булгаре... Что было бы в этом случае?

Несомненно, на Руси продолжалась бы та же заварушка. Князей было столько, что покончить с их бесконечными войнами-заговорами-налетами могла только могучая *внешняя* сила, какой и стали татары. Так что *без* Батыя все катилось бы по накатанной: сильные князья воевали бы друг с другом, временами отвлекаясь от этого занятия, чтобы устроить очередной набег на булгар или вмешаться на манер Даниила в европейские дела. Соседи не оставались бы в долгу – и, нет сомнений, понемногу прибирали бы к рукам те или иные окраинные области Руси. Поскольку хватало *крепких* соседей. Булгария и Венгрия были единими государствами, Польша тоже после междоусобиц объединилась в неслабое королевство, да вдобавок подрастало как на дрожжах Великое княжество Литовское...

Не будет чересчур уж беспочвенной фантазией предположить, что подобное состояние для Руси могло затянуться на *столетия*. Напомню, что именно так и обстояло с Германией и Италией – они долгими столетиями оставались скопищем независимых «суверенов» и только во второй половине *девятнадцатого* века сумели объединиться в единые державы. Потому что нашлись достаточно сильные личности, сыгравшие роль объединителей. А если бы у Германии не было Бисмарка, а у Италии – Кавура? Нельзя исключить, что и двадцатый век означенные страны встретили бы, пребывая в пошлой раздробленности.

Францию *согнал* в единое государство кардинал Ришелье – а если бы он умер в юности или стал жертвой одного из многочисленных заговоров?

В те времена, когда Колумб плыл в Америку, еще не существовало никакой такой «Испании». Колумба отправила в море

страна, именовавшаяся «Кастилия и Леон»: два государства из нескольких, на которые была разьединена Испания, объединились совсем недавно – и прошло еще много времени, прежде чем возникла та Испания, какую мы знаем...

Короче говоря, была серьезная вероятность, что без татар Русь так и осталась бы разобщенной. Строго рассуждая, возвышение Московского царства при Иване Грозном никак нельзя считать «победой русских над басурманами». Называть это следует несколько иначе: после распада Золотой Орды ее бывшие улусы, то бишь провинции (как-то: Московия, Казанское и Астраханское царства, Ногайская и Сибирская орды и Крымское ханство) начали меж собой ожесточенную борьбу за гегемонию над бывшим пространством империи – и в этой борьбе победил Московский улус...

Кто-нибудь ехидный может напомнить, что на Русь, когда она уже была вассалом Золотой Орды, иногда устраивали натуральные разбойничьи набеги те или иные татарские предводители.

Все правильно, кто ж спорит. Но, во-первых, все эти набеги, если их сосчитать и изучить, *уступали* размахом прежним чисто русским войнам и войнушкам. Во-вторых, не происходило ничего *нового* – до татар русские князья точно так же грабили и опустошали земли соседей. Еще Владимир Мономах, автор сохранившихся морализаторских наставлений, как о чем-то само собой разумеющемся вспоминал о *полном* опустошении им Минска: «не оставил ни челядина, ни скотины». Сможет кто-нибудь внятно объяснить, *чем* татары хуже русских? Что они совершили такого, *превышавшего* бы «достижения» русских князей? Да ничего...

А когда речь заходит о русских людях, угнанных татарами на чужбину, следует сделать парочку немаловажных уточнений.

Во-первых, во времена «ига» татары не занимались продажей русских пленников за границу своей державы – разве что в ничтожном количестве. Они угоняли к себе, в первую очередь, умелых ремесленников, которые потом не в цепях спину гнули

где-нибудь в подземелье – наоборот, судя по воспоминаниям иностранных путешественников, жили свободно, получали плату за труд и пользовались всеми теми же правами, что и татары. Это гораздо позже, после распада Золотой Орды, Крымское ханство сделало торговлю русскими пленниками главной статьей экспорта...

Во-вторых, как это ни прискорбно напоминать, но и *сами* русские практиковали работорговлю задолго до прихода «злых татаровей», причем торговали такими же христианскими душами, как и сами (хотя, например, и у католиков, и у мусульман категорически запрещалось продавать в рабство единоверцев). Самые первые русские купцы, с которыми еще в X веке столкнулись в Булгаре арабские гости, привозили туда не только меха, но и молодых девушек, уж безусловно, не «бусурманских». Позже, в Константинополе, когда там образовался целый русский торговый квартал, среди его обитателей было немало русских работорговцев. Арабский путешественник XII века встретил торгующих невольниками русских аж в Александрии Египетской – надо полагать, мужички были ушлые и предпочитали сами возить товар, а не прибегать к услугам посредников. Русский епископ Серапион, умерший в 1275 году, в числе грехов, навлекших разные беды на русскую землю, упоминает и такой: «...братью свою ограбляем, убиваем, в *погань продаем*». То есть речь опять-таки идет о том, что русские преспокойно продавали «басурманам» своих единоверцев, захваченных во время очередной княжеской междоусобицы – для того сплошь и рядом эти усобицы и затевались, чтобы, помимо прочего, разжиться живым товаром, обладавшим приличной стоимостью на иностранных рынках. Сохранилась письменная жалоба рижского купца на самоуправство витебского князя, который в 1300 году посадил его в тюрьму без всякой вины, «по беспределу». Так вот, рижанин прибыл в Витебск, чтобы «девки купити» – причем князь упек его за решетку вовсе не за это.

Так что работоторговлей русские занимались и до татар, и во время «ига» и после его окончания... *Чем* в данном случае татары хуже?

А теперь поговорим об одном существеннейшем отличии татарских нашествий от русских усобиц.

В отличие от русских, татары не грабили церкви и не обижали священнослужителей. Погибших во времена Батыева нашествия русских священников можно пересчитать по пальцам – причем их смерть последовала в горячке боя, при том, что большая часть татарских воинов была безграмотным *простонародьем*, попросту не способным опознать русского попа.

1169 год. Суздальский князь Андрей с примечательным прозвищем Боголюбский берет Киев штурмом, а потом победители увлеченно грабят город. Не ограничиваясь «мирскими» пожитками, воины одиннадцати князей, составлявших войско Боголюбского (половцев там не было), опустошили и монастырь, и церковь Святой Софии, и Десятинную церковь. «И церкви опустошили от икон и книг, и ризы с колоколами все вынесли. И Печерский монастырь Пресвятой Богородицы зажгли».

1204 год. Рюрик Ростиславич в очередной раз напал на Киев: «...и митрополию Святой Софии разграбили, и Десятинную церковь Богородицы разграбили, и монастыри все, и иконы захватили, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и платье блаженных первых князей, что висело в церквах святых памяти ради... Монахов и монашенок почтенных годами изрубили, а попов старых, и слепых, и хромых, и иссохших в трудах всех тож изрубили...»

Могут сказать, что войско Рюрика состояло из половцев, и это будет чистая правда – но в летописях не отмечены попытки Рюрика хоть как-то унять свое расшалившееся воинство...

В 1372 году тверские дружинники, взяв новгородский Торжок, обобрали с икон все серебряные оклады, а церкви спалили. Новгородцы тоже не уступали – в 1398 году они, взяв Устюг, «пограбиша» тамошнюю соборную церковь (а ведь дело проис-

ходило уже после окончания «ига»). В 1434 году великий князь Василий Васильевич, взявши Галич, хладнокровно спалил все тамошние церкви и монастыри...

Дело в том, что христианская практика тогдашних русских носила некий явственный отпечаток язычества. *Свои* иконы, чтимые в том или ином княжестве, считались неприкосновенной святыней, и любого *земляка*, посягнувшего на них, истребили бы без пощады. Зато иконы и церковное имущество *других* княжеств чем-то святым не считалось совершенно...

И главное, никак нельзя сбrehнуть, что это-де «безбожные татаровья» научили чистых душой русских грабить церкви и насиловать монахинь, вот что печально...

«Злые татаровья», наоборот, во исполнение писанных законов Чингисхановой «Ясы», относились к русской церкви с величайшим уважением. Уже Батый сразу после покорения Руси дал церкви привилегии, каких она *никогда* не имела при русских князьях. Представление об их характере дает ярлык великого хана Менгу-Тимура, выданный чуть позже, в 1270 году: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных им архимандритов, протоиереев, иереев. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу, и сами они Божьи. Да помолятся они о нас».

Еще дальше пошел позднее хан Узбек: «Все члены православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не князьему суду. Тот, кто грабит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню – тот подлежит смерти, без различия, русский он или татарин».

Каково? «Злой татарин» не только рубит головы всем, кто осмелится богохульствовать, но еще *полностью* выводит церковь из-под какой бы то ни было светской юрисдикции. Кстати, русские

патриоты с древности и до наших дней издержали немало чернил и желчи, порицая папу Римского именно за то, что он к подобному стремился – не осуществил это на практике, а лишь стремился...

Попробуйте догадаться, была ли у церкви в таких условиях охота поднимать народ русский на сопротивление «басурманам»?

Ни малейшей. Они, как с некоторым смущением отмечают историки русской Церкви, и не пытались. Наоборот, повсеместно в церквях в обязательном порядке звучали молитвы во здравие «царя ордынского». Татар официально объявили вовсе не супостатами, а «батогом Божьим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния».

В столице Золотой Орды Сарае практически с момента ее основания появилась православная Сарайская епархия, а ее глава епископ Феогност успешно совмещал обязанности как пастыря, так и ордынского дипломата: три раза ездил послом от хана в Константинополь.

Что любопытно: если исходить из русских документов, получается, что татарские сборщики налогов, пресловутые баскаки (среди которых хватало и русских, в том числе в монашеском чине), похоже, каким-то образом подчинялись именно сарайскому епископу. Иначе как расценить грамоту епископа Феогноста, адресованную «детям моим, баскакам, и сотникам, игуменам и попам, и ко всем крестьянам Червленого Яру, и всем городам». Ордынские сборщики налогов поименованы *среди* русских жителей, попов и чиновников...

И наконец, вовсе уж пикантнейший факт. Уже гораздо позже, в *шестнадцатом* веке, когда и след простыл татарского «ига», сначала Иван III, великий князь Московский, а потом его сын, царь Иоанн Грозный предпринимали попытки слегка поумерить аппетиты церковников, ставших крупнейшими на Руси собственниками. Оба раза, сопротивляясь таким богомерзким новшествам, отцы церкви требовали признать за ними все их исконные права и привилегии, в качестве главного аргумента предъявляя... семь ярлыков от разных ханов!

Церковь, как видим, откровенно держала сторону татар. Как и подавляющее большинство князей, которые с превеликой охотой ездили в Сарай, интриговали там друг против друга, подкупали татарских сановников, одним словом, стали частью золотоордынского истеблишмента. Их тоже сложившееся положение дел вполне устраивало. Ну а если на княжеском столе вдруг объявлялся некий, с точки зрения общепринятой морали, выродок, решивший восстать против татар, на него сплошь и рядом обрушивались не татарские тумены, а войска русских же князей – как поступил и Александр Невский со своим родным братом Андреем, осмелившимся на бунт. Прогнал его за пределы Новгородской земли, а новгородцам, замешанным в мятеже, резал уши, носы и пальцы...

Именно тем, что русская правящая верхушка, и светская, и церковная, без особого сопротивления *срослась* с татарской элитой, и объясняется то, что за все годы «ига» так и не последовало каких-то более-менее масштабных народных выступлений против завоевателей. Хотя нам старательно пытаются впарить, что происходило это-де от некоего патологического страха многих поколений русских перед татарами. Страх если и был, то в первую очередь перед *своими* князьями и церковными иерархами, которые ни за что не поддержали бы бунт, а наоборот, приняли бы все меры, чтобы с ним разделаться.

И еще один немаловажный нюанс: как частенько бывает в человеческой истории, татарская империя была притягательна сама по себе именно из-за того, что она – империя. Одно дело – старательно строить карьеру в крохотном княжестве, где всего-то и достоинств, что суверенность, и совсем другое – делать то же самое в империи, раскинувшейся на половину тогдашнего обитаемого мира.

Вот, например, князь Федор Ростиславович Чермный (что на тогдашнем русском языке означало «Красавец»). Сын смоленского князя, он при разделе наследства получил не княжество, а крохотный удел с городом Можайском. Прозябать в этакой глу-

ши Красавцу не хотелось, он с еще тремя такими же «бесперспективными» юными джентльменами собрал войско, отправился в Золотую Орду и зачислился там на службу. Участвовал в походе татар на осетин, потом руководил карательной экспедицией в Булгар, в конце концов получил немаленький по тем меркам придворный чин, став виночерпием хана Менгу-Тимура. Ну а чистого развлечения ради порой отправлялся с татарскими войсками, выступавшими против мятежных князей – как, например, было с Переяславлем. В конце концов он женился на принявшей крещение дочери Менгу-Тимура. Когда опустел ярославский «стол», хан дал зятю войско, и тот без особого труда овладел Ярославским княжеством. «И какие были Федору обиды, он отомстил за них повелением царским, а татар отпустил с честью в Орду».

Впоследствии его произвели в святые – но тут уж была чистой воды политика: соперничавшие с Москвой ярославские князья хотели поднять престиж Ярославля, заведя собственного святого. Вот только современники отнеслись к этому иронически, судя по сохранившейся Ермолинской летописи...

Федор был не один такой – хватало его земляков и единомыслителей, с превеликой охотой делавших карьеру в Орде. Империя – вещь привлекательная...

Между прочим, в те времена все же существовала, и довольно долго, одна-единственная организованная и серьезная сила, *всерьез* воевавшая с татарами. Звалась она – новгородские ушкуйники. Но дело тут было вовсе не в святых идеалах национально-освободительного движения, а в презренном металле, увы...

Название «ушкуйник» произошло от слова «ушкуй» – так назывались довольно большие морские и речные суда. На них плавала лихая новгородская вольница, которую в другое время и в других морях именовали не иначе как «пиратской».

Первые походы ушкуйников, против шведов, еще носили кое-какие признаки «защиты Отечества». Господин Великий Нов-

город тогда воевал со шведами, и ушкуйники совершили против «свеев» несколько морских походов. Но потом был заключен мир, лихие ребята остались не у дел – а возвращаться к мирным занятиям им чертовски не хотелось, потому что это было скучно, уныло и неприбыльно. И тогда ушкуйники, оглядевшись как следует, вспомнили, что далеко на юге располагается богатая держава под названием Золотая Орда. С Новгородом она, правда, никоим образом не конфликтовала, но такие мелочи никого не волновали...

В 1360 году ушкуйники спустились по Волге и взяли штурмом большой татарский город Жукотин – все же они были не ватагой разбойников, кое-как одетых и вооруженных чем попало, а дружиной профессиональных вояк, отлично экипированных и вооруженных. Захватив богатую добычу, ушкуйники на обратном пути остановились в русской Костроме, чтобы как следует отдохнуть и развеяться.

Тогдашний хан Золотой Орды Хидырбек, не мешкая, отправил гонцов к тамошним князьям. Князья повязали ушкуйников и выдали татарам. Чуть позже коллеги арестованных в отместку спалили дотла и Нижний Новгород, и Кострому, а потом стали эти города грабить всякий раз, как проплывали мимо по пути из варяг в татары («Вы что ж это, козлы позорные, правильных пацанов ментам сдали?!»).

В общем, ушкуйники что ни год отправлялись в пределы Золотой Орды, а по дороге не обходили вниманием и вполне русские города. Хан посылал гонцов к московскому князю, прося навести порядок. Князь отправлял сердитые послания новгородцам. Новгородцы лукаво отписывали в ответ, что это-де самоуправствуют молодые и бесшабашные ребята, которые москвитян не трогают, а бьют только «басурман». Это была далеко не вся правдочка: сплошь и рядом ушкуйниками руководили опытные новгородские воеводы, а оружием и деньгами вольницу втихомолку снабжали новгородские купцы – за долю в прибыли...

Город Булгар, пока он еще существовал, ушкуйники брали трижды – а в 1374 году осмелели настолько, что с налету захватили и разграбили столицу Золотой Орды Сарай.

На следующий год они на семидесяти ушкуях (под началом опять-таки не выборного атамана, а новгородского воеводы) объявились у Костромы. Управлявший там московский воевода Плещеев с пятью тысячами войска вышел им навстречу. Ушкуйников было только полторы тысячи, но они, ударив из засады в тыл, Плещеева разбили, после чего заняли беззащитную Кострому и две недели там оттягивались (детали представить нетрудно).

Окрыленный успехом, новгородский воевода Прокоп со своими орлами поплыл вниз по Волге и объявился в Булгаре. Тамошние власти, наученные горьким опытом, откупились, не задавая лишних вопросов. Прокоп двинулся к Сарая, вторично взял его штурмом и разграбил. А поскольку аппетит приходит во время еды, поплыл дальше, в устье Волги, и бросил якоря в городе Хаджи-Тархан (нынешняя Астрахань), где правил хан Салгей.

Хан задираться со столь грозными гостями не стал – он беспрекословно заплатил дань, сколько потребовали, за приличные деньги купил всех взятых в Булгаре пленников (чем безбожно нарушил мусульманские обычаи, поскольку пленники были его единоверцами), а потом закатил для новгородцев роскошный пир. Потерявшие бдительность ушкуйники быстро перепились, набежала толпа ханских нукеров и сделала им кирдык...

Примерно в те же годы ушкуйники устроили даже свою *столицу*, этакую российскую Тортугу – заняли крепость Хлынов на реке Вятке, откуда было очень удобно ходить в набеги как за Урал по Оби, так и на Золотую Орду по Волге. Карамзин: «Малочисленный народ Вятки, управляемый законами демократии, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самих единоплеменников, за что стяжал себе не особенно почетное название – хлынские вору».

Да уж, стоит только развести демократию, как ворья и разбойников неведомо откуда набегит столько, что диву даешься...

И татарские ханы, и московские воеводы не раз пытались с Хлыновом покончить, но крепость отбивала все атаки. Давным-давно стало «делами давно минувших лет» татарское владычество над Русью, а эта пиратская республика, управлявшаяся «ватаманами», процветала.

Покончить с ней удалось только отцу Ивана Грозного Ивану III. В 1489 году он послал на Хлынов войско, к которому охотно примкнули и казанские татары с ханом Ураком. Целая армия числом в шестьдесят четыре тысячи человек, имевшая категорический приказ без победы не возвращаться, после долгой осады и штурма взяла-таки «русскую Тортугу». «Авторитетов» перевешали, а прочих выселили на жительство в московские города. Правда, часть хлыновцев сумела бежать еще до взятия крепости, обосновалась на Дону и, как считают некоторые исследователи, и стала родоначальниками донских казаков.

Такое вот «национальное сопротивление татарским оккупантам», гораздо больше похожее на трудовые будни флибустьеров Карибского моря, грабивших все, что плывет...

Да вот, кстати. Не угодно ли посмотреть, как выглядит *настоящее* иго? Тогда давайте познакомимся с жизнью доброй старой Англии после завоевания ее герцогом нормандским Вильгельмом в 1066 году.

Победив в битве под Гастингсом тамошних правителей, Вильгельм первым делом велел переписать имена *всех* участвовавших в сражении против него – и погибших, и живых, не только тех, кто дрался с оружием в руках, но и тех, кто только *собирался* идти на войну, но не успел. У оставшихся в живых и у детей убитых отобрали все имущество, движимое и недвижимое. Тем, кто «собирался, но не успел», сначала пообещали оставить часть нажитого добра, но потом тоже все отобрали. Лично для себя новоявленный король Англии Вильгельм забрал казну прежних королей и все церковные ценности.

Затем «раскулачили» всю местную, саксонскую аристократию, от самых крупных землевладельцев до самых мелких – отобранное, опять-таки в строгом соответствии с положением в обществе, Вильгельм раздал своим сподвижникам. Саксонских богатых наследниц насильно выдавали замуж за знатных нормандцев, сочетая, надо полагать, приятное с полезным.

Самый задрипанный из солдат, выбив дверь пинком, входил в дом самого знатного сакса и делал, что хотел, со всем и всеми попадавшимися ему на глаза. По сообщениям хронистов, ошалевшие от легкой добычи нормандцы проигрывали в кости целые *города*. Ну а чтобы покоренные не вздумали бунтовать, специальным указом было объявлено, что за каждого убитого нормандца будет казнено сто саксов, имевших неосторожность проживать в той местности, где случилось убийство.

Монастыри Вильгельм тоже обложил налогами и податями, на что его предшественники не решились. И начал строить повсюду укрепленные замки, что опять-таки привело к нешуточным разорениям: укрепления возводили сплошь и рядом не в чистом поле, а посреди покоренных городов. В Йоркшире после таких новшеств из 411 жителей осталось 43, а остальные разбрелись куда глаза глядят – в совершеннейшую неизвестность. В Йорке из 1800 домов снесли тысячу, в Рочестере, Норвиче и Честере – аккурат половину строений. В Оксфорде 300 домов оставили нетронутыми, обложив их владельцев дополнительным налогом, а остальные 500 либо снесли, либо разграбили дочиста. И наконец, огромные леса, где охотиться мог каждый, объявили личными королевскими заповедниками, а «браконьеров» вешали...

Вот так, судари мои, выглядит *настоящее* иго – всеобщее разорение, повсеместный узаконенный грабеж среди бела дня, куча новых налогов, покоренная аристократия практически уничтожена или, по крайней мере, лишена *всех* земель...

Наблюдалось на Руси нечто хотя бы отдаленно похожее после того, как она стала провинцией Золотой Орды? Ну, не смещи-

те. Никакого сравнения. Десятипроцентный налог ничуть не превышает тот, который взимается с «коренных» татар, абсолютно все собственники остались при своем, церковь благоденствует, немало народу по своей воле уходит делать карьеру у татар, национальной культуре не наносится ни малейшего урона. Зато прекратились беспрерывные междоусобные войны, да вдобавок внешний неприятель уже не рискует вторгаться в пределы Руси, поскольку имеет дело не с прежним скопищем дохленьких княжеств, а с провинцией могучей империи, которая не дает свои улусы в обиду...

Это, знаете ли, никакое не «иго». Это что-то другое, гораздо более привлекательное и вполне устраивающее большинство населения. Все «страшилки» появятся гораздо позже, через пару столетий, когда возникнет к тому насущная политическая необходимость и потребуются образ лютого супостата...

Впрочем, даже татары не смогли *полностью* отучить русских от усабиц – они, хотя и в гораздо меньших масштабах, продолжались весь «золотоордынский» период истории Руси. Еще классик русской исторической науки С. М. Соловьев собрал прелюбопытную статистику (не сделав из нее, правда, должных выводов): «Круглое число неприятельских нашествий будет 133; из этого числа на долю татарских опустошений приходится 48, считая все известия о тиранстве баскаков в разных городах; приложив к числу опустошений от внешних врагов число опустошений от усабиц, получим 232».

Интересная статистика, не правда ли? На первом месте усабицы – 99, на втором вражеские нашествия – 85. И только на третьем стоят «татарские опустошения», причем в их число внесены не *набеги*, а «тиранство сборщиков налогов» – а это вещь, конечно, неприятная, но все же несопоставимая с классическим набегом. Кстати, *сколько* же было набегов и *сколько* – случаев «тиранства»? Вот тут Соловьев отчего-то не дает точных цифр – ой неспроста. Вполне может оказаться, что пресловутые татарские набеги по своему количеству стоят на последнем месте, позади всех

других напастей... Кстати, любопытно было бы знать, сколько зачислено в «набеги» простых подавлений бунтов, которыми сплошь и рядом занимались не «злые татаровья», а сами князья?

Особое уточнение: вся эта статистика, по Соловьеву, охватывает период в *двести сорок* лет – с 1240-го до 1480-го, который считается «официальным» окончанием «ига». Так что картина выглядит еще примечательнее: за двести сорок лет – всего 48 татарских набегов, из какого числа следует вычесть «тиранства баскаков» в неустановленном количестве... Нисколько не похоже на «национальную катастрофу»...

И налоги для Орды, к слову, собирали тоже князья – уже с конца XIII века «ордынские баскаки» исчезают из русских летописей. Сколько при этом, как водится, прилипало к рукам самих сборщиков, история скромно умалчивает...

Между прочим, значительную часть дани ордынские ханы не с танцовщицами прогуливали, а пускали на содержание дорог, ямских станций, на государственный аппарат и прочие необходимые расходы... Напоминаю, Орда была нормальным *государством*, которое строило, развивало ремесла, обеспечивало безопасность своих граждан – а вовсе не кочевой разбойничьей шайкой. Таковой были как раз доблестные ушкуйники, которые, когда приходила нужда в деньгах, преспокойно продавали в тот же Булгар захваченных ими *русских* пленных.

А собственно, как выглядело государство, звавшееся Золотой Ордой? Давайте посмотрим...

Глава одиннадцатая

ЗОЛОТАЯ ЮРТА

Именно это значение в первую очередь имеет в тюркских языках слово «орда» – не войско или толпа, а «юрта» (под чем понимается не только одиночная юрта, но и целое поселение).

Золотая юрта, по давней традиции, ставилась для верховных властителей. Арабский путешественник Ибн-Баттута оставил описание такой юрты, принадлежавшей хану Узбеку: «В пятницу, после молитвы, он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями».

Страну под названием Золотая Орда до сих пор частенько объявляют таким грандиозным кочевьем, скопищем «монгольских» бродяг, которые ничем другим не занимались, кроме как грабили коренные народы, а потом, свалив вокруг юрт награбленное добро, с дикарским простодушием жарили конину на бесценных рукописях, отправляли поэтов и астрономов пасти стада, а землю полагали плоской, как доска...

Реальность не имеет с этой ублюдочной картиной ничего общего. Золотая Орда – страна городов. Тот же Ибн-Баттута оста-

вил описание столицы Сарая: «Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... и все сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов».

Это описание смотрится особенно многозначительно при сравнении со стольным градом Парижем, который за полчаса неспешным шагом можно было пересечь из конца в конец что вдоль, что поперек, а на большинстве парижских улочек двум пешеходам, чтобы разойтись, приходилось поворачиваться боком и прижиматься к стене. К тому же славный город Париж, уж простите за грубость, был *засран* в самом что ни на есть прямом смысле. Ночные горшки непринужденно выплескивали на улицы, где вольготно бродили вносившие свой вклад в благоухание улиц свиньи, нечистоты текли с подворий, так что, по многочисленным свидетельствам очевидцев, лишь посреди улиц оставался узкий проход меж куч дерьма, но все равно и люди, и лошади в нем вязли. Классическим примером является описанный хронистами случай с одним из французских королей: он стоял у окна своего дворца, но тут по площади поехали телеги и как следует размесили дерьмо. Воньща поднялась такая, что его величество грохнулся в обморок.

Уточнение: Париж существовал уже несколько сот лет, а Сарая, воздвигнутому на голом месте, едва исполнилось девяносто – но разница меж ними ошеломительная...

Согласно сегодняшним исследованиям, в Золотой Орде было до сотни торговых и ремесленных городов. Разумеется, можно сказать, как это звучит сплошь и рядом, что города для татар «возводили покоренные народы», но даже если так, то это означает, что «дикие кочевники» отчего-то чувствовали *потребность* в строительстве больших и красивых городов. Потребность в

развитии архитектуры, торговли, наук и искусств – все это весьма странно для образа «дикого кочевника», которому подобные потребности совершенно чужды. Но поскольку европейские историки не любят вспоминать о величии древних степных каганатов, ничуть не уступавших европейским странам, то сплошь и рядом попадаются кудрявые, логически противоречивые фразы типа: «Пышно распустилась совершенно чуждая номадам (кочевникам. – А. Б.) яркая урбанистическая восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской ученой духовности, толкователей Корана и математиков-алгебраистов».

Это – о золотоордынских городах. Средневековая восточная культура кочевникам якобы совершенно чужда – но отчего-то они ее с превеликим усердием развивают, поддерживают и финансируют... Тот же автор, совершенно не чувствуя противоречий, порой абзацев далее пишет: «Ханы вывозили из Средней Азии, Ирана, Египта и Ирака ученых, астрономов, богословов, поэтов». То есть опять-таки тратили немалые деньги на поддержку якобы чуждой им культуры... Воля ваша, так не бывает. Если хан поддерживает городскую культуру, науки и искусства, ремесла, значит, он чувствует в том нешуточную потребность – а следовательно, он вовсе не дикарь, и культура ему нисколько не чужда...

А вот составленный «дикими кочевниками» документ – ярлык хана Узбека, выданный венецианским купцам (его перевод на латинский сохранился в Венеции): «Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие к нам на кораблях и совершающие торговые сделки в городе Азове и других городах, пусть платят в нашу казну торговый налог в размере трех процентов; если купля-продажа не производится, пусть никто не требует с них торгового налога. Также у нас исстари не брали торговый налог с торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью; и ныне пусть не берут.

Также, если какой-либо товар продается на вес, то от ханского таможенника и консула выделяются соответственно по одному уполномоченному, которые стоят вместе, следят за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового налога и весового сбора.

Также стороны, совершающие между собой куплю и продажу, дают посреднику или принимают одна от другой задаток; такой задаток считается действительным и входит в стоимость покупки.

Также, если поссорится наш человек с венецианцем и один на другого подаст жалобу, то пусть наш правитель края и соответственно венецианский консул тщательно расследуют конфликт и определяют меру ответственности каждого; пусть не хватают невинного взамен виновного...»

Прикажете верить, что подобные документы составлялись «степными дикарями»?!. Как и все прочее, торговля в Золотой Орде регулировалась подробно разработанными *законами* – а потому любой купец, путешественник, «командировочный» или ученый мог безопасно странствовать по огромной территории от Черного моря до китайских границ. К слову, в Европе в те времена ситуация была качественно иная: купцам, отправившимся с товаром, приходилось то и дело развязывать кошельки или делиться грузом, потому что старушка Европа была покрыта бесчисленными «шлагбаумами» на границах бесчисленных феодалных владений, и каждый убогий барончик драл три шкуры за проезд по своей земле, если не все отнимал...

Даже Карамзин, отнюдь не склонный хвалить татар, вынужден был отметить: «Знаменитый Могольский город Крым (когда именем называли всю Тавриду), столь великий и просторный, что всадник едва мог на хорошем коне объехать его в половину дня. Главная тамошняя мечеть, украшенная мрамором и порфиром, и другие народные здания, особенно *училища* (курсив мой. – А. Б.), заслуживали удивление путешественников. Купцы ездили из Хивы в Крым без малейшей опасности, и,

зная, что им надлежало быть в дороге около трех месяцев, не брали с собою никаких съестных припасов, ибо находили нужное в гостиницах; доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю!»

Самое интересное, что современные историки искусства скрепя сердце вынуждены признать: с середины XIV века русское ювелирное искусство полнится *заимствованиями* из Золотой Орды! Оказалось, что золотой оклад иконы «Богоматери Млекопитательницы» в Новодевичьем монастыре выполнен в *ордынском* стиле и, мало того, на полях оклада узор составлен из... многократно повторенного слова «Аллах». В панагиях Желтикова и Кирилло-Белозерского монастыря тоже четко прослеживается ордынский стиль...

Великий хан Угедэй, нужно признаться, был горьким пьяницей (от чего в конце концов и помер). Но в то же время он оказался весьма талантливым государственным деятелем. Якобы потомок кочевников, кочевую жизнь он отчего-то терпеть не мог – и занимался градостроительством на широкую ногу, создал разветвленную сеть почтовых станций, прокладывал дороги, приказал вырыть в безводных местах множество колодцев и соорудить немало государственных складов зерна, откуда в неурожайные годы населению раздавали продукты (позже эту ордынскую практику будет применять русский царь Борис Годунов, кстати, далекий потомок ордынского мурзы).

Вообще сохранилось немало свидетельств о том, как Угедэй раздавал просителям и просто бедным немалые деньги из государственной казны. Чиновники его канцелярии частенько пеняли великому на это расточительство – на что он ответил так: «Те, кто в этом (накоплении сокровищ. – А. Б.) усердствуют, лишены разума, так как между землей и зарытым кладом нет разницы – оба они одинаковы в своей бесполезности. Поскольку при наступлении смертного часа (сокровища) не приносят никакой пользы и с того света возвратиться невозможно, то мы свои сокровища будем хранить в сердцах, и все то, что в налич-

ности и что приготовлено, или поступит, отдадим подданным и нуждающимся, чтобы прославить доброе имя».

Переходя к религии, стоит рассказать еще об одном случае, связанном с Угедэем. Однажды к нему явился некий араб, ярый противник ислама, и заявил, что якобы видел во сне великого Чингисхана, который просил передать своему сыну Угедэю, чтобы тот убил побольше мусульман, «так как они очень плохие люди».

Угедэй, не особенно и задумываясь, спросил:

– Он тебе это передал через кого-то или сам сказал?

– Собственными устами! – заверил хитрый араб.

– А ты татарский знаешь? – поинтересовался Угедэй.

Араб сознался, что не знает.

– Вот и выходит, что ты, пес смердящий, брешешь, как нанятый, – спокойно сказал Угедэй. – Мой отец, кроме татарского, других языков не знал, как же он мог с тобой разговаривать, чтобы ты его понимал?

Потом кликнул охрану, хитромудрого араба вывели прочь и укоротили на голову...

О веротерпимости подробно писал персидский историк Джувейни: «Они не принадлежали ни к одной из главных религий и не отдавали предпочтение никакой вере. Они избегали фанатизма и исповедания той или иной религии, избегали выделить одну из религий и поставить ее над всеми остальными. Скорее, они чтили и уважали ученых и набожных людей каждого вероисповедания. Они относились к мусульманам с большим почтением, так же как к христианам и идолопоклонникам. Многие из детей и внуков Чингисхана выбрали религию в соответствии со своими наклонностями: некоторые приняли ислам, другие – христианство или стали идолопоклонниками, некоторые примкнули к старинным верованиям своих отцов и дедов... они остерегались проявить хоть малейший фанатизм и не отклонялись от закона Чингисхана: уметь уважать все веры и не делать различия между ними».

Европа к подобной терпимости пришла только в конце *двадцатого* столетия...

Мельком об уровне науки. В стихах золотоордынского поэта Сайфи-Сараи (1321–1396) есть прелюбопытнейшие строчки:

*«Узнала любви притяженье душа,
Землей вокруг Солнца круженье верша».*

За сто пятьдесят лет до Коперника... То, что Земля обращается вокруг Солнца, предстает не как ошеломительная научная сенсация, а как проходная фраза, содержащая всем известные истины...

А если спуститься с небес на землю, в «Книге Марко Поло» отыщутся сведения о неизвестном европейцам способе топить печи: «Правда, что во всей провинции киданей есть способ применения черных камней: эти камни добывают в горах, и они горят, испуская пламя, как поленья: они сгорают полностью, как древесный уголь. Они долго горят, и готовить на них легче, чем на древесине... потому что они лучше и стоят меньше, чем древесина, которую таким образом экономят».

Совершенно неважно, существовал в действительности Марко Поло или нет, была ли приписываемая ему книга написана в XIII веке или в XV-м, когда была впервые напечатана. Главное тут в другом: в отличие от «диких» татар, «цивилизованная» Европа и в XV веке совершенно не умела топить печи каменным углем, хотя в Европе имелись немалые его залежи. Европа начисто сожгла свои обширные леса – вот и пришлось совершенно отказаться от мытья, и благородные дамы с кавалерами смердели вовсю – не от неряшливости, а оттого, что леса истребили, а углем пользоваться не умели...

О высоком положении женщин в Золотой Орде сохранилось немало свидетельств. Добропорядочный мусульманин Ибн Баттута изрядно возмущался тем, что тюркские женщины не сидят затворницами по теремам и разгуливают с открытыми лицами.

И записал добросовестно: «Я был свидетелем в этой стране одной удивительной вещи – уважения, которым пользуются женщины: они имеют действительно более высокий ранг, чем ранг, занимаемый мужчинами... часто жену сопровождает ее муж, которого многие принимают за одного из ее слуг».

Плано Карпини: «Девушки и женщины ездят верхом и несутся вскачь так ловко, как и мужчины. Мы даже видели, как они неслись со стрелами и колчаном... Женщины выполняют все работы: шьют шубы, одежду, обувь и все, что делается из кожи; они ведут телеги, чинят их, нагружают верблюдов и делают все быстро и ловко».

Речь идет, разумеется, о простолюдинках – дамы благородного сословия гораздо более утонченны.

Итальянец Рикольди дель Монтекроче (1291 г.): «Татары относятся с большим уважением ко всем женщинам в мире, но особенно к своим. Именно женщины занимаются общественными и домашними делами, они же покупают и продают. Женщины горды и воинственны. Они ездят верхом, как мужчины, и я их видел часто въезжающими в города, как мужчины, с луком и стрелами. Они очень верны своим мужьям».

После всего этого с нешуточным удивлением читаешь проникнутые простодушным цинизмом рассуждения историка С. Соловьева о некоем «превосходстве» Европы над всеми прочими: «Превосходство древнеевропейских народов над восточными нам понятно, потому что у первых мы видим чрезвычайно благоприятные природные, племенные и исторические условия, или условия народного воспитания... Также понятно нам превосходство новых европейских народов перед древними, потому что к той же выгоде условий природных и племенных присоединился запас древней цивилизации, да еще выгоднейшие исторические условия, лучшее воспитание, присоединилась общая жизнь народов при высшей религии».

Отсюда следует непререкаемый вывод: «Но мы не имеем никакого права сказать, что... племена монгольские, малайские

и негрские могут перенять у арийского племени дело цивилизации и вести его дальше».

«Арийский» мыслитель, забавлявшийся подобными упражнениями за полсотни лет до герра Розенберга, и не подозревал, насколько вторична и убога европейская цивилизация в сравнении с азиатской, понятия не имел о высокой культуре тех, кого высокомерно назвал «монгольскими племенами»...

В Золотой Орде, кстати, никаких монголов нет. Нет, хоть ты тресни. Куда ни глянь – повсюду тюрки, тюрки и еще раз тюрки. И уже совершенно не убеждают ритуальные утверждения множества историков – были монголы, были, непременно были, только они, вот незадача, в кратчайшие сроки «растворились» среди тюрков... Вздор. Если монголы смогли буквально в течение пары десятков лет без следа «раствориться» в тюркском море, значит, они и с самого начала не играли в событиях особой роли – вполне возможно, что огромное войско Чингисхана мимоходом подхватило в свои ряды и какое-то небольшое монгольское племя – но не более того...

Выше уже говорилось, что и «Чингисхан», и «Темуджин» – совершенно не монгольские имена, а тюркские. Рассмотрим еще несколько любопытных фактов.

Довольно часто в качестве «доказательства» прихода на Русь именно *монгольской* орды кстати и некстати поминают о нескольких находках (и в Киеве, и в других местах) черепов людей, несомненно принадлежавших к монголоидной расе. И в простоте душевной полагают это неопровержимой уликой. Цепочка рассуждений простая: если есть монголоидные черепа – значит, их хозяева когда-то пришли из Монголии.

Святая простота... Суждение логически вроде бы верное, но насквозь неправильное...

Дело в том, что обладатели «монголоидных черепов»... обитали в европейской части России за многие столетия до прихода Чингисхана.

В погребениях VIII–IX веков на территории так называемого Цимлянского городища, неподалеку от Дона, давным-

давно обнаружены черепа «со значительной монголоидной примесью» – просто-напросто в те отдаленные времена в Северном Причерноморье *уже* обитали как жители сарматского (европейского) облика, так и самые натуральные монголоиды. Не имеющие, таким образом, никакого отношения к расположенной за восемь тысяч километров от них Монголии...

Более того, в гораздо более ранние времена, примерно пятнадцать тысяч лет назад, наряду с кроманьонцами в Западной Европе обитали и люди так называемого лапоноидного типа, т. е. с явными признаками «монголоидности». Ученые считают, что именно от них и произошли живущие ныне в Финляндии саамы – по своему облику классические монголоиды. Которые, кстати, вполне могли оказаться в том или ином количестве среди тех, кто меж собой воевал на территории Руси. Так что «монголоидные черепа», относящиеся к периоду взятия Киева Батыем, доказывают лишь одно: что далеко не все обитатели Европы были европеоидами, только и всего...

Да что там монголоиды... Когда-то в Европе в качестве коренных жителей обитали самые натуральные *негры*. Еще в 1954 году на знаменитой стоянке древнего человека в Костенках ленинградские археологи раскопали погребение, и, когда профессор М. М. Герасимов восстановил по черепу облик похороненного, получился классический... негроид! Обитавший в незапамятные времена под нынешним Воронежем.

Ничего удивительного: еще в самом начале двадцатого столетия и во Франции, и в Италии раскопали немало черепов, принадлежавших опять-таки негроидам. А позже и в Причерноморье – но, насколько мне известно, никто даже не пытались выдвигать гипотезы, будто в седой древности из далекой Африки пришла некая «негритянская кочевая орда». Все гораздо проще: в кроманьонские времена в Африке обитали не только негроиды, но и племена вполне европейского облика, а в Европе, соответственно – негроиды. Точно так же обстоит и с монголоида-

ми, которые мирно – или не всегда мирно – обитали по соседству со славянами и шведами за сотни лет до Батая...

Интересные вещи обнаруживаются при вдумчивом чтении киргизского народного эпоса «Манас». Разумеется, подобные произведения никак нельзя считать историческими источниками, но все же в них неминуемо отражаются какие-то исторические детали. Взять, скажем, европейскую средневековую «Песнь о Роланде», славном рыцаре Карла Великого, согласно балладе, оставшемся прикрывать отступление армии Карла, преследуемого мусульманами-сарацинами и героически погибшем при этом. *На самом деле* Карл Великий воевал тогда не с сарацинами, а с басками-язычниками – но вот *остальное* полностью соответствует исторической правде: маркграф Роланд был реально существовавшим человеком, он действительно погиб в горном ущелье, защищая проход...

Так вот, «Минас», что называется... в упор не видит никакой такой «великой монгольской империи». Согласно эпосу, у средневековых киргизов было только два серьезных противника, с которыми они постоянно боролись: это китайцы и кочевые племена калмыков, как раз и обитавших тогда в районе современной Монголии.

Разумеется, историки, не в силах игнорировать этот очевидный факт, еще с полсотни лет назад предложили свое объяснение: по их убеждению, киргизы попросту «называли калмыками все монголоязычные народы».

Написать такое мог только человек, совершенно не знающий древних традиций Великой Степи. Там как раз принято было скрупулезно доискиваться до *корней*. Всем, наверное, помнится извечный вопрос, с каким обращаются к герою в русских сказках: «Ой ты, гой еси, добрый молодец! Ты какого будешь роду-племени?»

Так вот, этот вопрос позаимствован из старой тюркской традиции, где его следовало понимать в *буквальном* смысле: путник, какого ты *рода*, какого *племени*? В степи не бывает каких-то

абстрактных «казахов» – есть кият, меркит, жалаир. Не бывает абстрактных «хакасов», обязательно поинтересуются: ты саганец или шорец? И так далее. Так что насчет «обобщенных» калмыков – чушь собачья. Тут другое: средневековые киргизы просто-напросто не видели поблизости от себя никаких таких сильных, могучих, представлявших реальную опасность монголов, вот и все...

Кстати, «кият», «меркит», «жалаир» и «аргын» – роды, упоминающиеся при перечислении «монгольских» родов Чингисхана, – это *современные* казахские роды! К монголам никакого отношения не имеющие.

Наконец, «древнемонгольский» обычай избрания нового хана отчего-то неизвестен в *монгольской* традиции, зато, как оказалось, как две капли воды похож на обычай, сохранившийся у казахов и узбеков до конца XIX века: когда кандидат получает большинство голосов участвующих в избрании знатных лиц, его сажают на кошму из тонкого белого войлока и трижды приподнимают войлок за концы, громко провозглашая: «Хан! Хан! Хан!». Потом вслед за знатью ту же процедуру повторяет «простой народ», кошму рвут на мелкие кусочки, за которые идет форменная драка – каждый старается унести такой лоскуток в память о том, что он лично участвовал если не в избрании хана, то в его торжественном провозглашении. В тюркских языках этот ритуал именуется «хан кутармак», на персидском «хан бар даштан». Монгольского аналога не существует...

Есть интересное объяснение слова «монгол» применительно к татарам, взятое из средневекового китайского документа «Краткие сведения о черных татарах», написанного книжниками Пэн Да-я и Сюй Тинем: «Государство черных татар называется Великой Монголией. В пустыне имеется гора Мэнгушань, а в татарском языке серебро называется мэнгу. Чжурчжени называли свое государство "Великой золотой династией", а потому и татары называют свое государство "Великой серебряной династией"».

В том, что речь идет именно о Чингисхане и его державе, легко убедиться из дальнейшего текста: «Тот их правитель, который первым узурпировал титул императора, звался детским именем Тэмочжэнь, а по узурпированному им титулу императора – Чэнцзисы»...

Масса словесной эквилибристики применяется, чтобы «загнать» столицу татарской державы в невероятно любившиеся «классическим» историкам монгольские степи. Еще Карамзин «корректировал» книгу Плано Карпини, добавляя свои *догадки*. Вот, скажем, Карпини пишет: «Далее мы увидели обширное озеро, оставили его на левой стороне и чрез землю кочующих найманов на исходе июня прибыли в отечество монголов, которые суть истинные татары».

Карамзин добавляет в скобках к упоминанию об озере: «Байкал». Что является не более чем его домыслами, поскольку это озеро вполне может оказаться и Аральским морем. Тем более что Карпини пишет, как сначала приезжает в Хиву и Бухару, а потом как-то сразу оказывается у того самого «озера», которое все же больше похоже на Арал – между Бухарой и Байкалом расстояние весьма даже немаленькое, но Карпини-то не дает об этих землях, по которым вроде бы должен был проезжать, никаких подробностей.

Зато он дает координаты татарской державы, с «монгольской» версией категорически не сочетающиеся: «К востоку же от них расположена земля китайцев, а также солангов, к югу – земля сарацин, к юго-западу расположена земля гуиров, с запада – область найманов, с севера земля татар окружена морем-океаном».

Сарацины – это попросту среднеазиатские мусульмане. Гуиры – уйгуры. По поводу загадочных солангов один современный комментатор утверждает, что речь идет о корейцах. Корея к востоку от Монголии – это, знаете ли, оригинально. Всегда она находилась от монголов к югу.

Уйгуры – это жители нынешней китайской провинции Синьцзян, расположенной неподалеку от того места, где сходятся

рубежи Киргизии и Казахстана. Если уйгуры обитают «с юго-запада» от татар, то татары, соответственно – еще не обязательно в Монголии, а в том же Казахстане.

Но особенно мне нравится упоминание о «море-океане». Это какое же море-океан омывает с севера *Монголию*?! Зато если речь идет о той самой Заволжской Орде, то все становится на свои места – с севера вполне может оказаться «море», то есть Арал...

Довольно интересные вещи пишет о татарах и польский историк начала XVII века Михалон Литвин: «Хотя татары считаются у нас варварами и дикарями, они, однако, хвалятся умеренностью жизни и древностью своего *скифского* (курсив мой. – А. Б.) племени, утверждая, что оно происходит от семени Авраама, и они никогда не были ни у кого в рабстве, хотя иногда бывали побеждаемы Александром, Дарием, Киром, Ксерксом...»

Иными словами, татары – или по крайней мере какая-то их часть, – считают себя потомками «исчезнувших» скифов, живущими в Причерноморье достаточно давно, чтобы иметь дело с Александром Македонским, Дарием, Киром и Ксерксом. Батый, по Литвину, родился опять-таки в Заволжской Орде. Причем татары отчего-то считают своим праотцом именно Авраама, родоначальника еврейских племен, а пить вместо браги молоко им заповедал не кто иной, как... библейский царь Соломон! Я устал повторять, что до восемнадцатого века существовала совершенно *другая* историография, ничего общего не имевшая с нынешней – именно стройная система исторических знаний, а не «скопище заблуждений и анахронизмов»...

Как и все без исключения его современники, Литвин полагает, что русские были вассалами не «монголов», а тех самых «заволжских татар». Что до «скифов», то и византийцы, и западноевропейские историки часто писали, что скифы преспокойно обитали в Крыму и в Средневековье, общаясь с генуэзцами. Лызлов на основании каких-то не дошедших до нас летописей считает, что половцы и «давным-давно исчезнувшие готы» – это один и тот же народ. Так, может быть, длинная череда народов,

якобы на протяжении тысячи лет старательно «вытеснявших» друг друга, а потом поочередно самым загадочным образом «исчезавших», существует только в буйном воображении нынешних историков? И все означенные народы не «сменяли» друг друга, а обитали на сравнительно коротком историческом отрезке, разве что время от времени меняя свои *названия*?

Кстати, Переяславско-Суздальская летопись преспокойно утверждает, что скифы – это всего-навсего *хазары*...

Ну что поделать: русские летописи сплошь и рядом – источник совершенно еретических с точки зрения скалигеровщины фактов. Лаврентьевская как ни в чем не бывало утверждает, что Александр Невский в 1250 году, после победы над шведами, устроил некое «празднование памяти князя Владимира», причем среди торжественных мероприятий числится и церковная служба в «великом граде Киеве» – который вроде бы до основания разрушен татарами и совершенно обезлюдел...

Новгородская летопись старшего извода отчего-то считает, что храм Святой Софии в Киеве закладывался *дважды* – в 1017 и 1037 годах.

Еще о скифах. Автор «Славянской хроники» священник Гельмольд (1171 г.) причисляет к скифам не только славян, но и скандинавов.

Но вернемся в Золотую Орду, где татарская армия вновь собирается в поход – на сей раз в Европу...

Глава двенадцатая

СИЯНИЕ И ЗАКАТ

В начале 1241 года, зимой, татарские тумены перешли Вислу, и начались события, известные как «монгольское вторжение в Европу». Этот поход тоже таит немало загадок. Судя по всем последующим событиям, сам Батый особенного желания вторгаться в Европу не испытывал, ему было неплохо и в золотой юрте на Волге. По версии Ипатьевской летописи, на эту кампанию Батыя подбил тот самый пленный тысяцкий Дмитрий, которого татары приняли на службу в Киеве. Предположение сомнительное: слишком масштабным был поход, чтобы начинать его единственно по совету едва принятого «в ряды» чужестранца, которого еще не проверили в деле...

Более правдоподобен вариант, по которому татары вторглись в Европу, преследуя своего старого «кровника», половецкого хана Котяна, бежавшего к венграм. За ханом числился весьма серьезный грешок – он в свое время убил татарских послов. Достоверно известно, что великий хан Угедэй писал венгерскому королю Беле, требуя выдать Котяна и обещая в случае неподчинения много неприятных сюрпризов. Как пишет современный отечественный историк, «Бела проявил враждебность к монголам». Подобные уклончивые фразы в устах европейского человека всегдастораживают. Уж не

убил ли и Бела послов, по рыцарским правилам старушки Европы?

А вы знаете, так и оказалось! Только в 1920 г. в архивах Ватикана обнаружили письмо сменившего Угедзю великого хана Гуюка, где он в упрек мадьярам поминает именно что об уничтожении ими посольства...

Правое крыло татарского войска вошло в Польшу. Впрочем, это уже было не «татарское» войско, а *имперское*. Поляки ментально опознали среди наступающих смоленские и галицкие дружины. Глупо думать, что русских туда погнали силой – дружинник того времени, профессиональный вояка, жил исключительно военной добычей, так что вряд ли смолян и галичан пришлось долго уговаривать, как стеснительных девочек. А король Бела в письмах европейским монархам жалуется, что его обложили, как волки овчарню, всевозможные славянские «еретики», среди которых упоминает и бродников.

Татары захватили Сандомир и Краков, без особого труда разгромили парочку местных князей средней руки. В Силезии, у городка Лигнице им навстречу вышел человек посерьезнее – Генрих Силезский из польского королевского рода Пястов, к которому примкнули моравский владетель Владислав, тамплиеры и рыцари Тевтонского ордена...

Их тоже разбили быстро и качественно. Генрих и Владислав погибли в бою (причем неутешные родственники Генриха поставили над ним художественно выполненное надгробие, где вопреки очевидным фактам именно Генрих попирает ногами и щекочет мечом злого татарина, причем у татарина, вот диво, внешность совершенно русская...). Чешский король Вацлав, узнав об этом афронте, решил с татарами не связываться (правда, некоторые источники уверяют, что какое-то мелкое сражение между чехами и татарами все же состоялось).

Тем временем левое крыло татар вторглось в Венгрию. К тому времени выяснилось, что хана Котяна недавно прирезали сами же венгры, но останавливаться уже никто не горел желанием.

В битве на равнине Мохи венгров расколошматили подчистую. При этом погиб татарский военачальник, чье имя до сих пор не удается определить точно. «Юань би-ши» именует его «Бахадуром», но о ком именно идет речь, непонятно. Эта смерть стала основой для устойчивой легенды, что в Венгрии погиб сам Батый, имевшей некоторое хождение и угодившей даже в отдельные русские летописи.

Король Бела бежал в Австрию. Вот тут Европу *затрясло* по-настоящему. По невежеству своему европейцы были нишкolečко не осведомлены о том, что лежит за пределами их крохотного «континента», а потому терялись в догадках. Тут еще случилось полное солнечное затмение, и «цивилизованная» Европа, усмотрев в этом недобрый знак, ополоумела окончательно. Сохранилась масса свидетельств о невероятной панике, охватившей не то что континентальные страны, но и островную Англию. Со всех сторон неслись уверения, что настал конец света.

Священники из тех, кто питал пристрастие к мистике, стали лихорадочно перелистывать Библию в поисках подходящего места. И накопили-таки упоминание о некоей «стране Фарсис», чей царь «будет обладать от моря до моря и от реки до концов земли». В одном из псалмов тоже значилось: «падут пред ним жители пустынь, и враги его будут лизать прах, цари Фарсиса и островов принесут ему дань». Творчески развивая эту мысль, кто-то из патеров связал царя Фарсиса с тремя волхвами, привезшими приношения младенцу Иисусу. А поскольку мощи трех волхвов покоились в Кельнском соборе, то дальше рассуждалось уже совсем просто: «неведомые пришельцы» идут на Кёльн, чтобы забрать мощи своих предков...

Легко представить, что поднялось в Кёльне, когда там прослышали об этих теоретических изысканиях... Но переполох быстро утих – татары свернули из Польши и Венгрии на юг, на Балканы, так что теперь было совершенно ясно, что на Кёльн они не пойдут.

Тогда не желавшие останавливаться на достигнутом патеры выдвинули новую гипотезу: пришельцы и есть то самое неведомо где потерявшееся «тринадцатое колено Израилево». Кто-то самый грамотный тут же вспомнил, что 1241 год соответствует 5000 году по еврейскому календарю, и в этот год многие евреи ждут прихода Мессии или хотя бы возвращения царя Давида.

Тут к делу подключился епископ Матье Парижский и довел изыскания до логического конца: бей жидов, спасай Европу! И огласил неизвестно как к нему попавшую сенсационную информацию: ворвавшиеся в Европу «дикари» и в самом деле – пропавшее «тринадцатое колено», о чем европейские евреи прекрасно знали заранее, а потому, «собравшись на совет в тайном месте», составили коварный план уничтожения христианского мира. Для чего собрали уйму золота и драгоценных камней, накупили массу оружия и доспехов, спрятали в бочки и поджидают теперь татар, чтобы все это им отдать...

К сожалению, шуткой тут и не пахло. Под воздействием сенсационных откровений епископа Матье по всей Западной Европе, от Англии до Рима, начались обширнейшие еврейские погромы...

Тем временем татары появились под Веной. Во время схватки с их передовым отрядом рыцари герцога Габсбургского взяли в плен командира отряда, который оказался... английским дворянином на службе у великого хана! Более точных сведений о нем уже не доискаться – австрийцы его сгоряча убили, так что все подернуто туманом неизвестности...

Отступив от Вены, татарские отряды двинулись по Хорватии вдоль Адриатического моря (о возможных причинах этого марша я уже писал в «России, которой не было», и повторяться не буду. Скажу лишь, что в отличие от других гипотез *эту* я пересматривать не намерен). Король Бела, укрывшись где-то на острове посреди Адриатики, посылал отчаянные письма европейским монархам и папе Римскому, прося помощи.

Папа Григорий IX призвал европейских королей выступить в крестовый поход против «неверных». Но те вели себя совершенно так же, как совсем недавно русские князья, не проявляя ни малейшего желания объединиться и вообще идти в поход. В Европе в это время бушевали свои усобицы – меж теми, кто поддерживал папу, и теми, кто выступал против него. Сами же папские приближенные поддавали жару, обвиняя германского короля Фридриха II, что это именно он втихомолку договорился с татарами, «организуя заговор против монархии во всем мире, ведущий к окончательному крушению христианской веры». При этом означенного Фридриха непринужденно сравнивали с Люцифером и Антихристом.

Шум по всей Европе стоял страшный. Срочно распространились «свидетельства» о нравах татар, вроде, например, следующего: «Их вожди питаются трупами, как будто это хлеб, и оставляют ястребам только кости... Старых и некрасивых женщин отдавали этим каннибалам, и они их ели в течение дня, красивых женщин воздерживались есть, но, несмотря на их крики и слезы, они их душили, многократно подвергнув изнасилованию... Они оскверняли девушек, пока те не умирали, затем отрезали им груди, которые они подносили своим начальникам как деликатесную еду, и те их с жадностью поедали...»

Неизвестно, кто больше трясся от ужаса после таких «фронтовых сводок» – старушки или молодые красотки. Правда, сочинил эту страшилку некий аббат Ион из французского города Нарбонна, который в жизни не видывал ни одного татарина и за пределы Франции не выезжал...

В общем, крестовый поход откровенно застопорился – Европа сочиняла страшные сказки и взапуски уничтожала беззащитных евреев. Матье Парижский срочно сочинил трактат об обычаях татар, где подробно живописал, как они лопают вшей горстями и пьют кровь пленников (самое смешное, что его бред до сих пор кое-где фигурирует в качестве «исторического источника»).

Французский король Людовик IX, когда его матушка попыталась намекнуть насчет крестового похода на безбожных татар, отписал в ответ следующее: «Мать моя, пусть правит нами покой небесный. И если эти люди, которых мы называем татарами, должны прийти к нам, то или мы закинем их назад в район Тартара, откуда они вышли, или же они всех нас отправят на небо».

Известный историк Г. В. Вернадский отчего-то назвал это «глубоким религиозным чувством и покорностью судьбе». Вашему покорному слуге скорее уж представляется, что Людовик отличался здоровым цинизмом – роман Вальтера Скотта «Квентин Дорвард», основанный на строгих исторических фактах, дает кое-какое представление об этой весьма характерной персоне, далекой от христианских добродетелей...

Шведы с тевтонцами вскоре переключились на более выгодное и традиционное занятие, нежели война с татарами, – вылазки против Новгорода и Пскова. Европейское единство решительно не вытанцовывалось. Наоборот, как и в других местах, знатные господа, мадьярские и немецкие, не особенно и ломаясь, переходили к татарам. Сохранилось свидетельство европейского хрониста, что после неудачной для венгров битвы у Шайон на службе у ордынского военачальника Кадана моментально оказалось шестьсот немцев из числа капитулировавших.

Европа дружененько отстукивала зубами от ужаса, но объединяться для крестового похода все равно не собиралась, хоть ты тресни; бродячие проповедники кричали на перекрестках о Гоге и Магоге, о грядущем и скором пришествии Антихриста; по всей Европе увлеченно истребляли евреев, поскольку это предприятие было выгодным и совершенно безопасным; где-то в глуши отсиживался венгерский король Бела – все, казалось, рушится...

И тут Батый уводит свои тумены из Европы!

Это до сих пор кажется настолько ошеломительным, нелогичным, непонятным и загадочным, что в версиях по сей день нет недостатка.

Русские с легкой руки Александра Сергеевича Пушкина привыкли считать, что татары-де «забоялись» оставить в тылу разбитую, но не покоренную Русь, несгибаемо строившую планы всенародного отпора захватчикам.

Как это ни оскорбительно для национального самолюбия и патриотической восторженности, но с глубоким прискорбием приходится констатировать, что ничего даже отдаленно похожего в реальности не существовало. Русь, по причине разобщенности и откровенно враждебного отношения княжеств друг к другу, ни малейшей опасности не представляла – и никаких таких планов «православного крестового похода» не существовало и существовать не могло. Галичане и смоляне с превеликой охотой принимали участие в набеге на Европу (за что последние были освобождены от всей и всяческой дани), русские поселенцы по приказу Батые обосновывались на венгерских землях, на Дон и Волгу (на Дону и Волге?) (потом историки это назовут «бегством от татарского нашествия», что на правду ничуть не похоже – еще можно с грехом пополам считать таковым уход русских на север и северо-восток, но вот как быть с тем, что они не менее охотно селились на южных, находящихся под контролем ордынцев, территориях? Археологические данные подтверждают, что в XIII веке появились целые поселения русских в Крыму, причем речь идет не о каких-то там жалких рабских лачугах. Империя, что греха таить – вещь привлекательная, а хороший мастеровой мог у татар неплохо устроиться – как описанный западноевропейцами русский золотых дел искусник Кузьма, сделавший великому хану великолепный трон и большую золотую государственную печать...)

Ну а сами князья объединиться в некое отдаленное подобие антитарарской коалиции были решительно неспособны, им представлялось гораздо более выгодным и важным собачиться друг с другом. Вот классический пример: знаменитый «княжеский съезд» 1295–1296 гг. во Владимире. Речь там шла о самом насущном и наиболее болезненном: кому владеть Переяславлем? Обсужде-

ние проходило настолько бурно, что князья схватили мечи и приготовились драться: с одной стороны – Андрей Владимирский, Федор Чермный и Константин Ростовский, с другой – Данила Московский и Михайло Тверской.

Смертоубийство с превеликим трудом предотвратили ордынский посол Олекса Невруй и два епископа – сараевский Измаил и владимирский Симеон. Пикантная деталь: трое из тех князей потом были произведены в святые. А чуть погода отдельные участники съезда нарушили его «исторические решения», и вновь началась междоусобица, довольно быстро, впрочем, затихшая – татары ни одной из сторон не стали помогать войсками, несмотря на слезные просьбы, а без татарской подмоги крушить соперников было как-то несподручно... Вообще, русские источники битком набиты примерами, когда ордынские послы этаким пожарной командой мечутся по Руси, крестом и пестом уговаривая русских князей не резать друг друга хотя бы по выходным и праздникам. А пресловутые «восстания горожан против татарского ига» сплошь и рядом напоминают обычные базарные драки на национальной почве. Классический пример: шел суздальский дьякон, вел кобылу на водопой. Прельстившиеся ею татары стали у дьякона животину отнимать, тот во всю глотку скликал соседей, завязалась кутерьма, к обеим сторонам подоспела подмога...

Поляки любят вспоминать, что это их гордая шляхта остановила вторжение Батыя – на что у них не больше прав, чем у русских. Тевтонские рыцари, едва оправившись от разгрома, тоже любили надуть щеки и хвастать, что это они отогнали басурмана. Даже чехи, имевшие с татарами парочку мелких стычек, стали в свое время твердить, что это их славный король Вацлав избавил Европу от татарской напасти. Да что там, даже баварского герцога пытались выставить спасителем Европы, сочинив историю, как татары, опустошив Польшу и Венгрию, стали переправляться через Дунай, чтобы лавиной разлиться по германским землям – но доблестный баварский герцог Оттон IV со сво-

ей ратью перестрелял их из луков и потопил. Вот только *единственный* источник, сообщающий об этом славном подвиге принадлежит борзому перу даже не баварского, а флорентийского книжника, писавшего к тому же через сотню лет после Батыева похода...

Поскольку предположения о том, что Батый «заболел» и далее воевать со славными витязями (графу «национальность витязей» каждый заполняет сам, согласно своим предпочтениям) годятся разве что для «настоящих историков», у людей более трезвых родилась другая гипотеза: Батый увел войска, узнав о внезапной смерти великого хана Угедэя – ибо для него жизненно необходимым было участвовать в выборах нового владыки.

Это уже больше похоже на правду, но... существует немало достоверных свидетельств тому, что Батый оставался в Европе еще долгое время, даже получив известие о смерти Угедэя. Тверская летопись пишет – три года, Рашид ад-Дин – полтора.

А ведь существует самый простой вариант объяснения причины решительного и бесповоротного ухода Батыя: татарам, привыкшим к огромным и богатым городам Азии, Европа оказалась слишком убогой и нищей, чтобы тратить на нее силы всерьез. Татарам попросту никак не улыбалось проливать кровь и тратить силы, чтобы в конце концов стать повелителями крохотных городишек, утонувших по колена в навозе. Косвенным образом это подтверждается тем, что *никогда* более, даже во времена своего расцвета и нешуточного могущества, они даже не пробовали вторгнуться в Европу (хотя вроде бы, как мы помним, существовало категорически того требовавшее «завещание Чингисхана»). На Ближний Восток ходили походами, в Китай – ходили, в Индию вторглись и основали там династию Великих Моголов. А вот в Европу больше – ни ногой. Всерьез предполагать, что они боялись европейских чудо-богатырей, никак не тянет...

А теперь перейдем к чисто внутренним делам татарской империи. Речь пойдет о череде событий интереснейших и загадоч-

ных, способных стать сюжетами множества приключенческих романов и фильмов...

То, что происходило там на протяжении многих лет, даже превосходит европейские хитросплетения интриг – читатель вскоре сам в этом убедится...

Великий хан (каган) Угедэй, судя по тому, что нам о нем известно, был человеком в принципе весьма даже неплохим – не тиран, не сатрап, не любитель войны и казней (сам признавался, что пороков у него только два – вино и доступные красотки). О народе пекся, зерно раздавал в голодные годы...

Вот только его смерть до сих пор остается загадкой. Вроде бы великий хан, всего-то пятидесяти лет от роду, скончался от неумеренного пьянства – но, согласно сохранившимся свидетельствам, сразу после его кончины широко распространились слухи, что дело ох как нечисто...

И последующее десятилетие с полным на то правом можно назвать *бабьим царством*...

Еще при жизни Угедэя большую часть своих властных полномочий и государственных дел он вполне официально передал своей жене Туракине (Туркан-хатун) – не татарке, а бывшей пленнице, на которой он когда-то женился во время одного из походов. Сохранились документы, свидетельствующие, что Туракина вполне серьезно управляла государственными делами и внешней политикой, религией и образованием, строительством и прочими административными вопросами.

Угедэй еще до кончины назначил официального наследника – своего внука Ширамуна, однако Туракина этому категорически воспротивилась и стала «продвигать» на престол своего сына Гуюка, субъекта вздорного, злого и никакими особенными талантами не блещущего.

Началось нечто вроде *безвременья*. Юный Ширамун не располагал влиятельными сторонниками – но и Гуюка великим ханом не выбрали, в буквальном смысле слова не собрав кворума. Великого хана избирала Золотая Семья – потомки и родствен-

ники Чингисхана, а большинство из них Гуюка терпеть не могли, да и он со всеми успел перессориться...

Так что белая кошма оставалась пустой... целых пять лет! Великого хана на престоле не было – но госпожа Туракина этому, в общем, не огорчалась, поскольку правила сама. Разогнала министров покойного мужа, немало высших чиновников – и, как легко догадаться, повсюду расставила своих. Самое интересное, что «премьер-министром» у нее тоже стала женщина – некая Фатима, то ли персиянка, то ли хорезмийка, захваченная в плен еще в Хорезме. Джувайни (как истинный мусульманин, относившийся к происходящему крайне неодобрительно: виданное ли дело – бабы правят?!) оставил подробное описание деятельности Фатимы, которая всем и заправляла от лица Туракины (впрочем, властная Туракина и сама была отнюдь не марионеткой в руках фаворитки).

Нужно непременно уточнить, что татарская империя была, собственно, *федерацией* из крупных улусов, принадлежавших сыновьям Чингисхана и их потомкам: области со своими правителями и «федеральный центр» – столица великого кагана. Так вот, из четырех правителей мужчиной оказался только один – Батый, который решил на имперский трон не претендовать и, обосновавшись в Поволжье, строил то государство, которое вскоре стало известно как Золотая Орда.

В «федеральном центре» сидела Туракина с премьершей Фатимой. Двумя остальными регионами управляли две вдовы Чингизидов, Соркоктани и Эргэнэ (опять-таки не татарки, а бывшие пленницы). Надо полагать, дамы были решительные и незаурядные, если смогли отодвинуть в сторонку жаждавших власти мужчин – а их в роду Чингисхана насчитывалось немало...

Туракина разогнала практически всех, кто занимал высшие государственные посты при Чингисхане – правда, никто из них не лишился головы, время было еще, можно сказать, вегетарианское.

Но вскоре оно пришло к концу. В 1246 году Туракина *продавила* наконец кандидатуру любимого сыночка Гуюка на пост великого хана – правда, и сама при этом не собиралась устраняться от государственных дел, крепко держа в руках *бразды*. Батый, кстати, на курултай не приехал, отговорившись ревматизмом – через своих людей в столице успел прознать, что ему, очень возможно, в два счета там устроят отравление грибами или неудачное падение с коня.

Естественно, очень быстро отношения матери и сына испортились совершенно. Гуюк прямо-таки метался, пытаясь выдумать что-нибудь популистское: то, по примеру Угедэя, начинал раздавать народу деньги и товары, то демонстративно стал покровительствовать христианам в ущерб всем остальным религиям (но, поскольку христиане эти были несторианами, то на Гуюка затаили неприязнь православные, к которым принадлежал – или, по крайней мере, покровительствовал им, – и сын Батыея Сартак)... Особой любви к нему все эти ужимки и прыжки не прибавили. Становилось ясно, что следует что-то предпринять в смысле «кровопролитиев».

И началось... Гвардейцы Гуюка силой захватили Фатиму. Низложенную госпожу премьер-министра обвинили в колдовстве и стали при большом стечении народа пытать раскаленным железом – что прямо противоречило «Ясе» Чингисхана, запрещавшей всякое мучительство даже в отношении приговоренных к смерти, которых следовало казнить быстро и без издевательств. Гуюк с невинным видом цеплялся за букву закона, объявив, что «Яса» касается только *урожденных* татар, а Фатима, если покопаться в родословной – всего лишь военнопленная, даже не жена татарина.

Разумеется, после многих дней лишения пищи и воды, плетей и раскаленного железа Фатима «чистосердечно призналась», что и в самом деле колдовала вовсю, чародейскими штучками добилась расположения Туракины и хотела наслать порчу на всю Золотую Семью... «Убедились?!» – орал торжествующий Гуюк,

потрясая письменными показаниями. Народ безмолвствовал, косясь на конных гвардейцев...

Фатиму казнили самым зверским образом. Детали описывать не стоит – они чересчур мерзкие даже для того жестокого века (и опять-таки стали совершеннейшим нарушением «Ясы»). Тут же началась кампания по выкорчевыванию «врагов народа» – без всяких законов и судебных установлений хватали и убивали всех, кого объявляли «приспешником Фатимы». По закону репрессий дело очень быстро дошло до единственного оставшегося в живых родного брата Чингисхана Отчигина – его схватили, припомнили неудавшуюся попытку во времена «бескаганья» захватить власть и казнили, что было уже форменным беспределом, не лезшим ни в какие ворота.

А что же властная матушка Гуюка Туракина? А она как-то очень кстати умерла через три месяца после того, как сынок стал каганом, сразу после казни Фатимы. Обстоятельства ее смерти покрыты совершеннейшим мраком, нет ни малейших деталей. Персидский историк Джузджани оставил многозначительную фразу: «Но Всевышний знает всю правду». Поневоле задумаешься...

Затем что-то произошло с Эргэнгэ – подробностей опять-таки практически не сохранилось, но нет никаких сомнений в том, что она покинула этот мир вряд ли естественным образом...

Гуюк взялся за Соркоктани, предложив ей выйти за него замуж. Когда она отказалась, он разоружил ее войска, собрал небольшую армию и двинулся якобы на «большую охоту» – вот только маршрут этой «охоты», если его проложить, упирался прямо хонько во владения Батыя...

Соркоктани, судя по всему, находившаяся в прекрасных отношениях со своим племянником Батыем, послала к нему гонцов...

В общем, посреди затеянного им похода Гуюк отчего-то скоропостижно скончался, успев пробыть великим каганом всего полтора года. От роду ему едва исполнилось сорок три года, здо-

ров был, как бык, так что с учетом всего вышеизложенного в естественную смерть абсолютно не верится.

Вдова Гуюка Оглу-Гаймыш, продолжая традиции «бабьего царства», попыталась было сама созвать курултай и, судя по сохранившимся свидетельствам, хотела править империей в гордом одиночестве – но поскольку, когда речь идет о троне, следует опасаться даже самых близких родственников, ее не поддержали и родные сыновья. А Батый с тетушкой обыграли вдову весьма даже изящно: именно Соркоктани владела той священной для татар землей, где Чингисхан родился, был избран и похоронен. И с невинным видом предложила провести курултай именно там. Ну кто тут мог отказаться?

Когда все собрались (знать без сильных воинских отрядов), по какому-то странному совпадению объявились тридцать тысяч конников под командой брата Батыя Берке – обеспечивать безопасность столь важного мероприятия, как они объяснили.

Ну а дальше было совсем просто. Окруженный тремя конными туменами курултай быстренько избрал великим ханом старшего сына Соркоктани Мункэ. Уже после избрания прискакали сыновья Угедэя и Гуюка и на скорую руку попытались организовать переворот с убийством Мункэ – но проделано все было наспех, топорно, Мункэ с этим горе-путчем без труда справился. И, не обладая ангельской кротостью, вынес семьдесят семь смертных приговоров. Поскольку, согласно «Ясе», пытать потомков Чингисхана или проливать их кровь законом запрещалось, кое-кому из путчистов, не мудрствуя, набивали рот камнями и землей, пока они не умерли. Соркоктани тем временем распорядилась схватить не унимавшуюся Оглу-Гаймыш, которую без особых издевательств утопили в ближайшей речке...

Со смертью Соркоктани и закончилось десятилетнее «бабье царство», – причем никак не следует вкладывать в это понятие какой-либо насмешливый или уничижительный смысл. Все перечисленные здесь женщины были по-настоящему крупными фигурами, государственными делами занимались всерьез, ста-

рательно и с несомненной пользой. Как легко догадаться, в Европе ни о чем подобном не следовало и мечтать – прошли столетия, прежде чем женщины перестали быть в большой политике и управлении государством редким исключением. Ну а женщин в роли премьер-министра Европа узрела только в конце двадцатого века.

При великом хане (или великом кагане, татары употребляли оба этих титула одновременно) Мункэ империя Чингисхана, пожалуй, достигла вершины могущества и величия. Все четыре сына Соркокхани, один за другим, стали великими каганами – Мункэ, Арик-Буга, Хубилай и Хулагу. Они покорили Персию, Багдад, Сирию и Турцию, разгромили китайскую династию Сун и покончили с жутким тайным обществом ассасинов, с которым пару сотен лет ничего не могли поделать ни крестоносцы, ни багдадские халифы.

Эта история сама по себе достаточно примечательна. Исмаилиты – причудливая помесь секты с тайным обществом убийц – по современным меркам были натуральной террористической организацией, действовавшей во всем мусульманском мире. Грубо говоря, они, как водится, хотели, чтобы победили именно их идеи – ну а все остальное из этого проистекало. Программа их главаря Хасана ибн Саббаха была довольно простой. Вождь один знает истину, а остальные должны ему слепо подчиняться, любыми средствами добиваясь его прихода к власти. Человечество делится на людей и нелюдей. Приверженцы Вождя – единственные настоящие люди. Христиане и евреи – нелюди. Тюрки – порождение джиннов. Мусульмане, что сунниты, что шииты... в общем, тоже почти что нелюди, которых ради их же блага нужно привести к единственно правильному учению Вождя. Примерно так, без всякого преувеличения.

Хасан ибн Саббах хитростью захватил неприступнейшую крепость Аламут на вершине отвесной двухсотметровой скалы – а потом добавил к ним еще несколько. Его прозвали Старцем Горы...

«Пророк» собственного учения, не исключено, первым в истории создал *школу* террористов. Тщательно отобранных юношей учили мастерски прикидываться кем угодно, от нищего до вельможи, выслеживать, подсматривать и подслушивать, убивать и скрываться незамеченными. Учили на совесть, и выпускники потом наводили ужас на весь мусульманский мир. Согласно легенде (а может быть, и не легенде вовсе), Старец Горы устроил у себя в крепости «рай». Молодым «стажерам» подсыпали в пищу снотворного, а потом они, проснувшись, оказывались в прекрасном саду: красивые деревья, фонтаны, яства и питья, очаровательные девушки, выполнявшие любое желание. Ну а назавтра прекрасно отдохнувший юнец вновь просыпался в скромной келье. Приходил Старец и ласково объяснял: сын мой, ты провел денек в самом что ни на есть доподлинном раю – и, коли уж случится так, что ты героически погибнешь в борьбе за торжество идеалов, именно туда и вернешься на вечные времена...

Черт его знает, возможно, это и не легенда. Как бы там ни было, фидая, террористы-смертники Старца Горы, долго наводили ужас на исламские страны. Список их жертв впечатляет: восемь мусульманских государей (в том числе два багдадских халифа), шесть визирей, наместники областей, правители городов, духовные лица и даже два европейских владельца, князь Раймунд Триполийский и маркиз Конрад Монферратский. Полководцы, эмиры, султаны... Простых горожан, чиновников и офицеров никто не считал, такое их было множество...

Единственная промашка случилась со знаменитым султаном Саладином – как ни охотились на него исмаилиты, все покушения окончились провалом. Но это – уникальный пример. Обычно намеченная жертва рано или поздно расставалась с жизнью.

За исмаилитами гонялись все тогдашние секретные службы мусульманских государей, крестоносцы и простые горожане, их крепости пытались взять штурмом – но не получалось. Дело тут не только в совершенстве террористических методов, но еще и

в том, что ассасины порой оказывались очень полезными: те же самые мусульманские государи частенько нанимали их, «заказывая» соперника, а потом так же стали поступать и крестоносцы, устроившие в Палестине свои крохотные королевства...

Ну а в середине XIII века в тех местах появились татарские армии – и татары, познакомившись с исмаилитами поближе, решили эту заразу истребить, чего очень быстро и достигли. Большинство крепостей было взято, последние продержались еще лет двадцать, но в конце концов сдались...

Татарские войска взяли Багдад, Иерусалим, Дамаск – и вышли к границам Египта. Там им нанесли поражение мамлюки, личная гвардия египетских султанов. Ирония истории в том, что мамлюки были по происхождению частично турки, частично славяне, проданные из Крыма в рабство...

Поскольку рассказывать все время о войнах, интригах и убийствах чуточку утомительно, непременно стоит вспомнить о знаменитом диспуте, который великий каган Мункэ как-то устроил меж представителями разных религий. Мероприятие было серьезное: христианин, мусульманин и буддист, каждый с «группой поддержки», должны были обсудить основы веры, по дискутировать о природе добра и зла, о душе, о том, правда или ложь – реинкарнация, создавал ли Бог зло, или оно – от дьявола. Судя по всему, Мункэ, старательно соблюдавший изложенные в «Ясе» принципы веротерпимости, и в самом деле рассчитывал получить ответы на какие-то глубинные вопросы бытия...

Он сам установил правила, по которым малейшее оскорбление оппонента каралось смертью, а дискутировать следовало спокойно и чинно, ни в коем случае не переходя на личности.

К сожалению, чинной дискуссии о загадках бытия и Бога так и не получилось. Участники стали сбиваться на демагогию, согласием и не пахло, благожелательностью тоже, да вдобавок у татар было принято, чтобы борцы, поэты и ученые на своих состязаниях в перерывах невозбранно потрещали алкоголь, сколько душа пожелает...

В конце концов христианские монахи, исчерпав логические аргументы, принялись хором петь псалмы. Муллы, чья религия псалмов не знает, попросту стали во всю мощь легких декламировать Коран. Самыми тихими оказались буддисты: они сели на корточки и старательно принялись медитировать. Мункэ посмотрел-посмотрел на все это, да и махнул рукой, сообразив, что никаких высших истин с такой компанией не постигнет...

В «цивилизованной» Европе подобную дискуссию в то время представить себе решительно невозможно: обстановочка не та. Европа если и дискутировала о вере, то непременно посредством костров и приспособлений вроде дыбы и «испанского сапога»...

Всего через несколько десятков лет Великий Татарский Каганат двинулся к растянувшемуся на несколько столетий закату. Все в конце концов *обрушилось* – богатые города, почтовые тракты, библиотеки, ярмарки, поэтические состязания и веротерпимость, военные победы и мирные свершения. Империя понемногу распадалась на совершенно независимые государства. Некоторые из них, вроде державы Железного Хромца Тамерлана, на короткое время достигали могущества, но это уже ничего не могло изменить...

Почему так произошло? Да попросту оттого, что татары, создав огромное государство, своими же руками запустили в него *вирусы*, свойственные всякой городской цивилизации. Независимо от своего желания, они вынуждены были теперь подчиняться совершенно другим законам, о которых и представления не имели.

Я вовсе не хочу сказать, будто старинные обычаи Великой Степи приводили к созданию царства Божьего на земле – всего лишь пытаюсь доказать, что степные законы были неизмеримо более благородными, чем европейские. Но вот что до остального...

Зачатки сепаратизма, братоубийственных интриг, грязных политических игр, безусловно, существовали и в Великой Сте-

пи – но в том-то и печаль, что городская цивилизация в сочетании с широким общением с представителями *иных* культур послужила той чашкой с питательным бульоном, в которой с невероятной быстротой и размножаются лабораторные микробы. Создав великую империю, тюрки независимо от собственной воли перестали быть *собой*. Это уже была какая-то *другая* цивилизация. Усугублявшая пороки и подавлявшая прежнее степное рыцарское благородство. Не зря же поется в одном музыкальном спектакле:

*От Бога на земле все чудеса –
Холмы, поля, леса,
И радуга, и солнце, и вода –
Но создал дьявол города...*

Тюркам только *показалось*, что это они завоевывают мир. На самом деле это их незаметно завоевывали и покоряли невидимые и неосязаемые, как радиация, но столь же смертоносные *чужие* установления, витавшие над занятыми городами...

И очень быстро все стало *меняться*. Первые ростки сепаратизма расцвели пышным цветом. Уже в 1267 году вспыхивает так называемая Великая Смута, растянувшаяся на сорок лет. Чингизиды разделяются на несколько ожесточенно воюющих лагерей, и начинается та же самая свара, которая не так давно сотрясала Русь – разве что в неизмеримо большем масштабе. В 1269 году *два* курултая избирают *двух* великих каганов – причем ни то, ни другое избрание не соответствует правилам, четко изложенным в «Ясе». И начинается – войны, интриги, претенденты на Белую Кошму посылают тумены друг на друга, знать примыкает то к одному претенденту, то к другому, предает, нарушает клятвы, убивает. Дядя подсыпает яд племяннику, а брат отправляет убийц к брату. Никто уже не соблюдает «Ясу», близкие родственники хрипят в лицо друг другу: «Мусульманин проклятый!», «Христианин мерзкий!», «Язычник поганый!»

Начинает распадаться и основанная Батыем Золотая Орда. Хан Узбек в качестве государственной религии вводит ислам – и те, кто не в силах отказаться от своей веры и не способен смириться с нарушением «Ясы», бегут, в том числе и в превеликом множестве на Русь.

На территории нынешней России воюют меж собой *осколки* Золотой Орды – Казанское ханство, Астраханское ханство, Крым, Московское царство. Правда, никакой особой *непримиримости* не существует. Московский царь поддерживает того или иного кандидата на казанский престол, казанцы и астраханцы, не меняя ни веры, ни подданства, участвуют в военных походах московского царя, то же происходит и с Крымом. В конце концов московские войска берут Казань (причем войска эти в значительной степени состоят из татар), Крым окончательно уходит в вассалы Османской империи...

Вот *теперь* только и начинается непримиримое противостояние Севера-Московии и Юга-Крыма. Меж Севером и Югом пролегает незримая черта, по обе стороны которой обитают, с точки зрения и москвитов, и крымчан, совершеннейшие *чужаки*. Да и жители других бывших провинций Татарского Каганата, хотя и помнят о былом единстве, становятся друг другу злейшими врагами.

А Европа тем временем переживает «промышленную революцию» – и начинает сначала робко, затем все решительнее провозглашать себя светочем цивилизации посреди необозримого моря «диких азиатов». И в мусульманских странах, и в Китае, и в Индии, и в Московии все больше суетливых, высокомерных, позвякивающих монетами в кармане европейцев, презрительно вззирающих на «варваров».

Да легенды злые...

Однако еще какое-то время Азия весьма резко противостояла Европе. Достаточно долго Турция вполне успешно вела экспансию в Европу (именно потому, что турецкая веротерпимость, как уже не раз говорилось, превосходила европейскую, а турец-

кие налоги были настолько меньше европейских, что к туркам европейские крестьяне бежали, прямо скажем, массами...)

Собственно говоря, следовало бы рассматривать мятежи Разина и Пугачева именно как последние, *затухающие* войны Азии против Европы: уклад на уклад, менталитет на менталитет, можно даже, пожалуй, сказать, цивилизация на цивилизацию. Ну а последнее противостояние Азии и Европы, если вдуматься, произошло уже в двадцатом столетии, когда армия адмирала Колчака двигалась на запад. Тут нет ни малейшей натяжки. Сибирь, то есть Азия, европейских, то есть большевистских новшеств не приняла совершенно. Поскольку жила абсолютно не по Марксу и не по Ульянову-Ленину. Специфика, знаете ли. Пролетариат был представлен главным образом рабочими железнодорожных мастерских вдоль Транссибирской магистрали, а крестьяне, по причине полного отсутствия помещиков, не нуждались в земле. Своей хватало. Оттого-то красные по всей Сибири были восприняты (свидетельств достаточно) вовсе не как новая власть, а попросту как бандиты, вынырнувшие на поверхность по причине смутного времени и безвластия. Их в свое время скинули без особых усилий (даже официозные труды признают, что Советская власть в Сибири «пала»). *Поначалу* заявившая о своей независимости Сибирь подняла бело-зеленое знамя и собиралась строить собственное государство. В окружении Колчака главными сторонниками этой линии были братья Пепеляевы, два молодых генерала, по своим политическим симпатиям близкие к эсерам. Однако сухопутный адмирал, наркоман и, есть стойкие подозрения, вульгарный английский агент *эту* карту разыгрывать отказался – то ли по скудости ума, то ли исполняя инструкции британских хозяев. Хотя... Сохранилось огромное количество донесений красных командиров, в которых наступающий противник, вопреки обычным клише, не именуется ни «белогвардейцами», ни даже «колчаковцами». Документы эти пестрят термином «сибиряки»: сибиряки атакуют, сибиряки продвинулись, сибиряки нажимают... Так что и у красных многие

прекрасно понимали *суть* войны. Никакие «измы» сибиряков не интересовали – им просто хотелось освободиться наконец от Москвы, от Европы, столетиями эксплуатировавших Сибирь как колонию.

Но адмирал все испортил. Расстрелы, реквизиции, карательные отряды уничтожают деревни дотла, в Поволжье восстанавливаются права помещиков на землю... Сибиряки от Колчака *отошли* – именно потому он и проиграл. А вместе с ним свою последнюю крупную войну против Европы проиграла и Азия. Японскую войну против «белых дьяволов» я в расчет не беру – это с самого начала смотрелось авантюрой, печально и закончилось.

Глава тринадцатая

ЧЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Обязательно нужно еще добавить, что в решении Чингисхана поделить свою империю на улусы меж сыновьями нет ничего специфического, никакой такой «азиатчины». В Европе происходило то же самое. Карл Великий разделил империю между любимыми сыновьями – после чего от нее очень быстро осталось одно воспоминание. Польский король Болеслав Кривоустый, чтобы не обидеть никого из чадушек, поступил так же – и сто пятьдесят лет на месте бывшего королевства творилось черт-те что, причем соединилась Польша вовсе не в результате усилий кого-то из своих государственных мужей, а благодаря чешским королям. Ярослав Мудрый (!) точно так же поделил единое Киевское государство и завещал сыновьям жить в любви и согласии – детки кое-как продержались в дружбе десять лет, но потом началось такое, что хоть святых вон выноси.

Увы, есть болезни, общие для всего человечества. Зулусского короля Чаку, создателя могучего государства, убили собственные братья в точности так, как это проделывалось в европейских владетельных домах...

Собственно говоря, и на примере Чингисхана мы сталкиваемся с печально известным всему человечеству процессом – когда после кончины по-настоящему великого государственно-

го деятеля его наследники (вовсе не обязательно родственники) в краткие сроки ухитряются развалить все, до чего могут дотянуться. Достаточно вспомнить тех бабуинов, что пришли на смену Сталину, или панов генералов, буквально через четыре года после смерти Юзефа Пилсудского угробивших Польшу. После Ришелье во Франции, пожалуй, не было ни одного по-настоящему крупного правителя, неважно, коронованного или нет – нельзя же считать великим человеком Наполеона, который, словно спятивший робот, воевал со своей Европой двадцать лет непонятно зачем...

Как же случилось, что татары стали чуть ли не олицетворением ада, воплощением дикости?

Ну разумеется, в первую очередь виной тому пресловутый европейский «двойной стандарт». Когда считается хорошим все, что делают сами просвещенные европейцы, – а вот «инородцы» при попытке учинить хотя бы слабое подобие европейских «достижений» на ниве кровопролития и зверства объявляются исчадиями ада.

Самое примечательное, что средневековые татары времен Чингисхана и его сыновей были, полное впечатление, *единственным* народом, который не практиковал издевательства над пленниками и жителями захваченных городов. Убивать – убивали, что греха таить. А вот какого бы то ни было мучительства избегали, разве что речь шла о преступниках вроде убийц послов.

Вот с татарами поступали совершенно иначе. Хорезмийский султан Джелал ад-Дин, захватив в плен четыреста человек, велел привязать их к лошадиным хвостам и таскать по улицам на потеху горожанам, пока не умрут. Персы однажды убивали татарских пленников, вколачивая им гвозди в головы. Делийский султан в 1305 году велел положить пленных татар связанными на площади и при большом стечении народа давил слонами, а потом приказал отрубить у трупов головы и соорудить башню.

Византийский император Василий в 1014 году, разбив болгар, приказал ослепить пятнадцать тысяч пленных – причем

одному из сотни оставили один глаз, чтобы смог довести остальных домой.

Ну а уж Западная Европа, как водится, испокон веков показывала пример. Ричард Львиное Сердце перебил в Палестине три тысячи пленных сарацин, после чего победители распарывали им животы и старательно копались в желудках в поисках проглоченных драгоценностей.

Вот вам еще один насквозь исторический факт: будни осады войсками Фридриха Барбароссы, императора Священной Римской империи, итальянского города Кремона. Сначала солдаты Фридриха обезглавили пленных на виду у осажденных и играли их головами в нечто напоминавшее футбол. Тогда кременцы вывели на стену пленных немцев и принялись отрезать им половые члены. Немцы устроили облаву на местное население в прилегающих деревнях и всех схваченных повесили. Кременцы в ответ повесили на стене оставшихся у них пленников. Немцы вновь прошлись по округе, наловили детей и стали швырять их из катапульт таким образом, чтобы те разбивались о городские стены.

И подобными забавами европейская история битком набита...

Ученые, умеющие мыслить логически, давным-давно подвергли сомнению фантастическое число «татарских жертв». Американский историк Д. Уэзерфорд подсчитал: если верить арабским и персидским летописям касаясь количества «изничтоженных горожан», то выходит, что каждый татарин должен был убить... триста пятьдесят человек. Но при таком численном перевесе горожане, вооружившись даже простыми оглоблями, без труда покончили бы с татарским войском прямо-таки играючи...

Нужно еще добавить, что доля вины лежит и на Тамерлане. Вот он точно зверствовал над побежденными самым лютым образом. А поскольку он упорно именовал себя родственником Чингисхана, понемногу, с течением времени, его методы стали ассоциироваться и с *прежними* татарскими полководцами. Хотя, насколько сегодня известно, к Чингизидам Тамерлан не имел

никакого отношения – его отец был мелким князьком, а Чингизидом Тамерлан себя объявил в обстановке смутного времени, когда решил, что промышлять кражей скота стало небезопасно и пора уходить в большую политику. Ну а поскольку Бог шельму метит, быть может, и не случайно короткое и насквозь лютое владычество Тамерлана закончилось прямо-таки анекдотически. Перед смертью он велел выбить на фронтоне построенной по его приказу в Самарканде мечети Биби-Ханым: «Тимур есть тень Бога на земле». Архитектор что-то не рассчитал, не хватило места... В общем, мечеть стоит до сих пор, и на фронтоне в самом деле красуется надпись: «Тимур есть тень»...

Ну а с тех времен, когда стала крепнуть и набирать силу наука история, европейцы выработали стройную концепцию, по которой, как уже не раз упоминалось, светочем цивилизации была лишь Европа, а все остальные – существа дикари. Ну а азиаты, согласно этой концепции – не более чем примитивные кочевники, не способные создать ничего хотя бы отдаленно напоминающего европейскую культуру.

И этот поганый принцип настолько въелся, что историки попросту не замечают, что пишут. Подробно повествуют, как завоевавшие Малую Азию и Ближний Восток тюрки-сельджуки строили прекрасные города, развивали науки, искусства, ремесла – и привычно повторяют определение «дикие кочевники». Как и в случае с Золотой Ордой и другими областями империи Чингисхана. Ну а поскольку русские всегда из кожи вон лезли, чтобы выглядеть стопроцентными европейцами, они прилежно перепевают те же байки. Чтобы увидеть несообразность, право же, не обязательно носить жреческое звание, то бишь быть «дипломированным историком». Вот, скажем, в первые века после Р. Х. в Иссык-Кульской котловине обитал тюркский народ усуней. Считается, что их столица Чи-Гу была, «как положено», примитивной «ставкой кочевников», состоявшей исключительно из юрт, кибиток и прочих шатров. Но в то же время в летописях указывается, что жена усуньского правителя, китайская ца-

ревна Си Гюнь, *три месяца* держала осаду в Чи-Гу от неприятельского войска. Элементарный здравый смысл подсказывает, что в этом случае Чи-Гу обязательно должен был быть не кочевым табором, а настоящим городом с мощными укреплениями...

И еще один многозначительный нюанс...

Сто раз говорилось – и не мною, таким умным, придумано, – что всякий народ стремится иметь персонального супостата, выделяемого из всех прочих соседей. Супостат несет несколько весьма важных функций. Во-первых, существованием особо вредного и опасного супостата легко объяснять очень многое, от повышения налогов до урезания прав и свобод. Зачем? Да потому что супостат у ворот! Вон-вон-вон из-за угла уши показались!

Во-вторых, максимально очерняя супостата, тем самым как бы возвышаешь собственный народ – что ему, народу, чего уж там, очень даже нравится. Братцы, кто мы? Святая Русь! Цивилизованная Англия! Великая Польша! А эти? А они – дикари, людоеды, с собственными бабушками блудят и кошек жрут!

Англия давным-давно выбрала себе супостатом испанцев. Французы – немцев (хотя, согласно исторической правде, именно французы сплошь и рядом выступали агрессорами, а не наоборот). Поляки обожают винить во всех своих бедах русских. Таежные эвенки – якутов, играющих в эвенкийском фольклоре практически ту же роль, что в писаниях национал-патриотов жидомасоны. Судя по рассказам моих бывавших в Шотландии знакомых, там встречаются индивидуумы, склонные уверять, что это именно англичане развратили чистых душой горцев, заразив их разнообразными пороками от скотокрадства до пьянства. И так далее, и тому подобное. Если копнуть глубоко, обязательно окажется, что нет на Земле хотя бы крохотного народа, который бы не назначил себе супостата...

В России эту малопочтенную обязанность возложили на татар.

До XVIII столетия «злых татаровей» просто поносили, так сказать, мимоходом, по любому поводу и в особенности без по-

вода, создавая, как честно признался кто-то из историков, «собирабельный образ» извечного супостата. Цену этой агитации прекрасно знали уже тогда. Не зря, когда в 1735 году российская Академия наук решила напечатать русские летописи, то моментально воспротивился Святейший Синод и пытался это дело запретить – поскольку, честно признали синодские чины, в летописях «не малое число лжей и басен»...

А потом пришел ученый историограф Карамзин и накатам могучий труд, где не просто изобразил татар лютыми зверями, а подвел уже совершенно другую основу, насквозь идейную...

Не угодно ли? «Сень варваров, омрачив горизонт России, скрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались... Возникли университеты... В сие время Россия, терзаемая монголами, направляла силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть... Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства... Свойства народа объясняются всегда обстоятельствами... самый нынешний характер россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством монголов».

Прекрасное объяснение. До татарского нашествия русские люди были святыми праведниками – но пришли «злы татаровья» и научили лгать, нарушать клятвы, подличать, пресмыкаться перед властью имущими. Они и виноваты, а Святая Русь совершенно ни при чем. Правда, остается непонятным, отчего же Русь и до прихода татар жила весьма даже несправедно, и брат шел на брата, крещеный люд обдирали оклады с икон при разгроме городов и продавал единоверцев в рабство. Но это, должно быть, снова иногородцы виноваты: хазары, половцы и прочие печенеги...

Именно Карамзин, кстати, и пустил в обиход сказочку о полумиллионной татарской орде, нахлынувшей на Русь – ну понятно, будь татар хоть самую чуточку меньше, тыщ всего четыреста, наши богатыри их оглоблю победили бы.

Что странно, сам же Карамзин в другом месте своего труда преспокойно пишет нечто совершенно иное: «Не татары вы-

учили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы все то видели у россиян гораздо прежде. Татары не вступались в наши судные дела гражданские». И еще: «Одним из достопамятных следствий татарского нашествия было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений... Владения церковные, свободные от налогов ордынских и княжеских, благоденствовали».

А еще Карамзин мимоходом упоминает о нравах древних летописцев: если какой-то князь не имел привычки делать щедрые подарки церквам и монастырям, летописцы упоминали о нем вскользь (они ведь все были особами духовного звания), а если князь засыпал дарами, то и книжные люди, соответственно, писали о нем немало лестного... Современные историки, склонные слепо верить каждой букве, этой тенденции, похоже, не учитывают совершенно...

Легко догадаться, что нашлось немало народу, которому объяснения Карамзина пришлись крайне по вкусу: все скверное, что встречалось в жизни государства и отдельно взятого индивидуума, крайне приятно было объяснить дурным влиянием татар. Дороги мостить не торопимся? Тяжкое наследие ига! К наукам ленивы? Татары виноваты! Губернатор – хам и сатрап? Пережитки татарщины-с! Коллежский регистратор Пупкин взятки дерет с просителей? Последствия ига в гены впечатались, что вы сразу к прокурору тянуть бедолагу собрались?

Да, к слову. Европейская привычка окутать супостата в дермо по самую маковку, опробованная на татарах, самым беззастенчивым образом применялась и в двадцатом столетии. Во время Первой мировой войны английская пропаганда на полном серьезе уверяла – и люди ей верили – что «проклятые тевтоны» понастроили фабрик, где варят мыло из героически павших союзных солдат. После войны британские джентльмены, нимало не смущаясь, бровью не поведя, признались: они, конечно, вра-

ли как сивые мерины, но исключительно для пользы дела, а не по врожденной гнусности характера. Ну а немцы из тех же сиюминутных политических надобностей живописали в газетах, как косматые и зубастые русские казаки, вломившись в Восточную Пруссию, выхватывали младенцев из колыбелей и тут же их пожирали, кровожадно урча...

Вернемся к татарам. Карамзин указал направление и наметил ориентиры – а дальше было совсем просто. Машина уже работала по инерции. Новые и новые ученые мужи помаленьку расцветчивали страшные сказки о «нашествии извергов» и «татарском иге» деталями, живописными подробностями и уточнениями, высосанными главным образом из пальца по принципу «я так думаю». Разве что с наступлением Советской власти пришлось чуточку поправить формулировки: татары теперь были равноправными членами братской семьи советских народов, строящих коммунизм, обижать их не следовало, а потому «татаро-монгольское иго» как-то незаметно оборотилось в «монголо-татарское» – поскольку Монголия была маленькая и дохленькая, считалось, что она перетерпит и не обидится на старшего брата...

Что касаясь современности, то теперь, как уже упоминалось, наследниками Чингисхана себя с превеликой охотой числят и монголы, и китайцы – хотя их одновременные притязания на «славного предка Чингисхана» противоречат элементарной логике... Чингисхан, конечно, был великим человеком, но даже он не мог одновременно быть и китайцем, и монголом, хоть ты тресни!

И, как обычно случается, дошло до полной... до полного... в общем, судите сами. Ничего не буду пересказывать своими словами, а попросту процитирую того самого американского историка Д. Уэзерфорда, рассказавшего о монгольских ученых, с которыми он общался, работая над книгой о Чингисхане.

«Вскоре я понял, что Сухбатор – буквалист, крайний эмпирик, для которого каждое слово "Сокровенного сказания" было истинной правдой»...

Впрочем, на фоне своего коллеги этот самый Сухбатор смотрится белым и пушистым...

«С другой стороны, Пурев полагал, что в истории ничего нельзя воспринимать буквально. По его мнению, Чингисхан был самым могучим шаманом в истории, а текст на самом деле представляет собой мистический трактат, который в символической форме описывал его путь к вершинам власти. Если разгадать этот язык символов, то будет вновь обретен шаманский рецепт по завоеванию и управлению миром». Прониклись? Пурев, между прочим, настоящий профессор – впрочем, и наш Мулдашев не зубной техник... Ну что ж, финал закономерный: код да Винчи, цифровая мистика египетских пирамид, теперь еще и шаманский код Чингисхана... Вот только профессор Пурев, по моему глубокому убеждению, повторяет ту же ошибку, что и наши доморощенные толкователи Нострадамуса, лихо перетолмачивающие катрены исключительно по *русскому* переводу. Возможно, имело бы смысл искать «мистический язык символов» в *оригинале* «Сокровенного сказания» – но его-то, как известно, не существует. На монгольский оно переведено только во второй половине *двадцатого* века, а рукопись семнадцатого столетия написана, строго говоря, неведомо на каком наречии – то ли монгольские слова записаны китайскими иероглифами, то ли еще запутаннее дело обстоит...

Ну а поскольку «Сокровенное сказание» в приложениях дано целиком, то всякий любознательный читатель вправе последовать примеру профессора Пурева и искать шаманский рецепт завоевания мира – авось да повезет. Только, я вас умоляю, не увлекайтесь. Если что – я не виноват...

Теперь самым решительным образом отвлечемся от татар и перейдем к тем самым славянам, чьи благородные, чистые и высокоморальные души были грубо искалечены татарским игом.

Интриговать читателя не буду и вопрос поставлю в лоб. Мы уже столько узнали о многочисленных тюркских народах, что самое время изречь крамолу...

Быть может, славяне попросту – тюрки?

Глава четырнадцатая

НО КТО МЫ И ОТКУДА, КОГДА ОТ ЭТИХ ЛЕТ...

Сначала сделаем лирическое отступление о предмете, в общем не особенно и лирическом: о деньгах. На которых, нравится это нам или нет, и держится современный мир, причем одни деньги зарабатывают, а другие получают долю, взятую у первых.

Некоторая моя агрессивность, проявляемая в отношении представителей нашей славной исторической науки, как раз и проистекает из того неопровержимого факта, что я – налогоплательщик, а означенные товарищи – бюджетники, сиречь персоны, живущие на мои денежки. Внимательный зритель, постоянно смотрящий американские фильмы, наверняка вспомнит регулярно повторяющиеся сцены: при столкновении с полицейским, фэбээровцем, шерифом или иным бюджетником вроде государственного чиновника, американец сплошь и рядом довольно жестко начинает качать права: мол, как стоишь, как свистишь, как летаешь? Почему рубишь или волокитишь? Перед тобой – Налогоплательщик! Ты, трах-тарарах, на мои деньги живешь, на мои кровные баксы! Это я тебе зарплату плачу!

Что характерно, бюджетник, какие бы эмоции он ни испытывал, никогда не вступает в дискуссии – стоит себе и сердито по-

малкивает. Поскольку он прекрасно понимает: вот он лично живет не на денежки данного Джона Смита, но какая разница, если зарплату ему и в самом деле платят из тех налогов, что собраны с миллионов таких вот Смитов? Против фактов не попрешь...

Так вот, я – налогоплательщик. Вкупе с миллионами других сограждан. Поскольку экономика нынче большей частью не государственная, то доходы в казну идут в основном от налогов, собираемых с миллионов таких, как я. И никак нельзя исключить, согласно строгим законам точной науки математики, в частности теории вероятности, что именно на мои деньги сейчас какой-нибудь историк ладит себе бутерброд с колбаской или покупает цветочки любовнице. А коли так, то давайте уж жить на американский манер. Вульгарно выражаясь, кто девушку ужинает в ресторане, тот ее и танцует в койку...

Как налогоплательщик, я вправе знать, на что мои денежки уходят – хотя бы в общих чертах. В применении к данному конкретному случаю это означает, что товарищи историки, доценты с кандидатами, обязаны... ну, конечно, не отрываясь посреди рабочего дня ради того, чтобы отвечать на мои вопросы лично... Но по крайней мере обязаны своей *работой* отвечать на те вопросы, которые у меня возникают. Если я, скажем, хочу знать, «откуда есть пошла Русская земля», историки обязаны давным-давно предоставить книги, содержащие четкие и недвусмысленные ответы.

Но ведь не дождешься! Сплошь и рядом вместо точной информации – догадки, домыслы, фантазии, узаконенные некими *договоренностями* меж собой мифы.

Причем в точных науках – в той же физике, которую проще всего использовать для сравнения и примера, все обстоит наоборот. Если у меня возникает такая потребность, я рано или поздно, *продравшись* сквозь сложнейшую терминологию и формулы, в конце концов из имеющейся литературы смогу все же получить пусть и приблизительное, но верное представление о

свершениях нынешних физиков. Это будет адски трудно – но старательно подготовленная и изложенная *точная* информация все же имеется. И никто не станет отговариваться некой «тайной научного знания», якобы непостижимой для людей с улицы. Вот они, стопки книг, а дальше уж твое дело – если есть желание, терпение и настойчивость, есть с чем работать.

В истории – совершенно наоборот, как уже сто раз отмечалось. В ответ на любые недоуменные вопросы обычно следует разжижающая мозги шаманская болтовня о том, что профанам следует принимать на веру объяснения историков – поскольку будто бы историей «имеют право» заниматься только «дипломированные историки», вооруженные тем самым полумистическим «научным методом», недоступным непосвященным в жреческие ритуалы...

А это глубоко неправильно, хорошие мои. Скатываясь в неизбежную здесь легкую вульгарность, представим себе разговор какого-нибудь небедного мужичка с красоткой, которую он содержит:

– Ты где трое суток каталась на автомобиле, который я тебе подарил?

– Не твое дело!

– А почему я вчера весь вечер не мог попасть в квартиру, которую тебе снимаю, потому что дверь была на задвижке?

– Тебе это знать не обязательно!

– Я сегодня русским языком сказал, что приеду, и чтоб постелька была постелена. А тебя не было. Где болталась?

– Не твое дело! Вот, кстати, дай-ка мне баксов пятьсот, а лучше – тысячу...

Легко догадаться, что очень быстро после таких ответов финансирование будет обрезано решительно и бесповоротно... Так вот: нравится ли это господам интеллигентным историкам с их неповторимым внутренним миром и творческими исканиями, или же не нравится, но коль уж так карта легла, коли уж они живут на денежки налогоплательщика, то обязаны вести

себя так, чтобы налогоплательщик был доволен, а не заниматься за закрытыми изнутри дверями некими загадочными шаманскими ритуалами, суть коих категорически не хотят объяснять тому, кто старательно оплачивает помещение, в котором эти жрецы собираются. Это, пардон, общемировая практика. Коли уж я содержу девочку с ногами от ушей, она обязана по моему звонку приходить в полную боевую готовность. Коли уж я содержу милиционера, он обязан «со свистком и пистолетом на посту зимой и летом...» Коли уж я содержу врача, он обязан в рабочее время сидеть в поликлинике, а не дуть пиво в скверике. Коли уж я содержу историка, таковой обязан предоставлять мне ответы на вопросы, которые меня интересуют. Поскольку вопросы эти, смею думать, вполне здравые и продиктованы искренним недоумением по поводу многочисленных логических нестыковок и откровенных «лжей и басней», переполняющих ученые писания...

Ну а если товарищам историкам это не нравится... Ребята, не вопрос! Отключите свою область высокой науки от бюджетного финансирования, то есть от денег моих и тех, кто их платит наравне со мной, заработайте где-нибудь сами «несколько денег» – и уж на *эти* бабки, капусту, лавэ стройте свою науку так, как вам будет угодно. Тогда при любой попытке постороннего приставать со скользкими вопросами вы вправе, гордо запахнувшись в древнеримскую тогу, объяснять всем и каждому: не ваше собачье дело, чем мы тут занимаемся, мы, знаете ли, вовсе не обязаны объяснять каждому с улицы, отчего в наших книгах уйма противоречий и нелепостей, мы занимаемся любимым делом за свой собственный счет, а потому работаем исключительно для самих себя – а если кому охота получать ответы, устройте на свои денежки такую же контору и доискивайтесь до требующихся вам истин!

Ну а пока вы, стервецы, существуете на денежки налогоплательщика, извольте не воротить нос и стелить свежее постельное белье, коли спонсор требует. Простите за хамство, но имен-

но так во всем цивилизованном мире и обстоит: тот, кто платит деньги, имеет полное право задавать вопросы и требовать разъяснений...

И, повторяю в который раз, все «еретические», «крамольные», «лженаучные» теории, абсолютно все, вызваны к жизни в первую очередь тем, что современная историческая наука по тому или иному поводу не способна дать четких, ясных, логически непротиворечивых объяснений. И происходит естественный процесс: пытливый человеческий ум, наткнувшись на обширные прорехи в представленной ему картине мироздания, обязательно начнет их заполнять уже по своему разумению.

Так вот: мне, человеку любопытному и въедливому, всерьез и давно хочется получить наконец ответ на не самый сложный вопрос бытия: *откуда* русские появились на белом свете и *кто* они такие? В частности, объясните вы мне: где обитали предки русских веке во втором-третьем до Р. Х. и *как* они тогда звались? Ведь должны были они где-то обитать и как-то зваться!

Если они – смешение каких-то древних племен и народов, объясните *которых*. Меня совершенно не устраивают туманные фразы типа: «русские, как этнос, сформировались к V в. н. э. в Северном Поднепровье».

Никакое это не объяснение, а примитивная попытка увильнуть от ответа. Как это «сформировались»? Солнышко светит, травка зеленеет, на берегу ручья суслик добивается взаимности от сусличихи, птички щебечут – и вдруг в воздухе начинают мутными силуэтами проступать фигуры босых мужиков с топорами и кольями... Улепетывают не достигшие консенсуса суслик с сусличихой, разлетаются всполошившиеся пичуги – а призрачные силуэты на глазах обретают плоть и кровь, становятся вполне материальными объектами. Сплюнув на песок, сшибив топором с ветки некстати подвернувшуюся белку, переглядываются, ухмыляясь:

– Фу-у... Сформировались! Произошли! Ну что, мужики, самое время это дело обмыть.

И наполняются глиняные чары пенной брагой, и летит над рекой, к ужасу лесных обитателей, задорная частушка:

– Мимо долбаного Рима я без шуток не хожу,

То копьё в окошко суну, то секиру покажу!

Нет, ну вы уж, пожалуйста, давайте конкретику! Что-нибудь вроде: предки славян произошли от «культуры битых горшков», а та, в свою очередь, произошла от «культуры соломенных хижин», каковая пришла в эти места от днепровских порогов, будучи уцелевшим племенем «культуры медных грабель», каковую в значительной степени истребил по пьянке, принявши за алкогольную галлюцинацию, римский заезжий центурион Поллюций Септик, про которого еще великий Тацит упоминал в сорок пятой главе «Анналов»: «Означенный Поллюций Септик в 534 г. от основания Рима во время мартовских ид принял смерть от этрусского кувшина, каковым его огрела матрона Юлия Лямблия, застав со своей несовершеннолетней дочкой в предосудительнейшей позе».

Шутки шутками, но в данном примере как раз и наличествуют две необходимейших вещи: временная привязка к конкретной точке хронологии и генеалогическая цепочка. Нет?

Увы, увы... Ни привязок, ни генеалогии. Конкретики старательно избегают. В противоположность всем прочим народам, славяне в одночасье «произошли» или «сформировались» без всяких указаний на то, как именно происходил этот, надо полагать, небезынтересный процесс.

Одно время, и довольно долго, принято было считать, что славяне происходят от неких антов – загадочного народа, в свою очередь «возникшего» неизвестно откуда, а потом, как это в скалигеровской истории водится, «исчезнувшего» напрочь и поголовно. *Вроде бы* анты – предки славян, а по другим «вроде бы» – смесь славян с иранцами, этикие дедушки самим себе. Нет никакой ясности, кого же именно византийские и римские книжники под «антами» подразумевали (то ли аланов, то ли полян), и славяне ли они вообще... Поскольку сами анты мемуаров не ос-

тавили и в начале VII века очень предусмотрительно «исчезли из средневековых текстов». Ну а поскольку вскоре после того в тех же примерно местах и «сформировались» славяне – следовательно, делают вывод историки, раз анты славянам предшествовали, то анты, ясен пень, и есть славянские прародители (что, между прочим, вовсе не очевидно).

Но мы, помнится, собирались поговорить о том, что славяне – это один из многочисленных *тюркских* народов? Извольте. Особо хочу подчеркнуть: книги Мурада Аджи (кто сей?) при работе над данной главой практически не использовались. К Мураду Аджи я отношусь с большим интересом и уважением (хотя, по моему глубокому убеждению, он, как всякий увлеченный человек, порой перехлестывает), но ради чистоты эксперимента я пользовался только результатами самостоятельных скромных изысканий – а выводы пусть делает сам читатель и сам ответит, убедил я его или нет...

Так вот, современная наука предполагает, что во времена гуннских походов на запад славяне (не имевшие, естественно, никакого отношения к гуннам), «отсиживались» где-то на безопасном удалении, то ли в селах, то ли в болотах. А уж потом, когда стало вдоволь свободного места, когда ушли в Европу готы, сарматы и гунны, славяне, насквозь самобытные, облегченно вздохнув, выбрались из чащоб и широко расселились по Дунаю и Днепру...

А так ли уж они «не имели никакого отношения» к гуннам? Гораздо позже, в X веке, арабские путешественники отмечают обычай славян при похоронах знатного человека класть ему в могилу убитых лошадей и слуг – *гуннский* обычай. Заимствование? Но отчего оно продержалось столько лет? Пятьсот лет как сгинули гунны, а заимствованные у них обряды остались.

Что совсем уже интересно, от всего гуннского языка сохранилось в европейских хрониках всего три слова – и одно из них тюркско-славянское, а два других – *чисто* славянские. Китайские летописи, говоря о гуннах, называют их колчаны гуннским

словом «сагайдак», которое использовали и тюрки, и славяне. Приск Панийский упоминает гуннский напиток под названием мёд, а готский историк Иордан, рассказывая о погребении Аттилы, называет справленную по нем погребальную тризну словом «страва», которое употреблялось *исключительно* славянами, в том числе поляками и чехами...

А потому еще во второй половине XIX века российские писатели и историки стали выдвигать гипотезы о славянском происхождении Аттилы и гуннов. Причем это были не какие-нибудь маргиналы, а личности достаточно серьезные и вполне вменяемые: Вельтман, Хомяков, Венелин-Гуца, Нечволодов, Забелин, Иловайский и «примкнувший к ним» чех Шафарик. Гипотезу эту они не из пальца высосали, а взяли из сочинений западных средневековых историков – и Саксон Грамматик, и Гельмольд, и Адам Бременский считали гуннов и славян одним и тем же народом...

Вот только мало кто задумывался о том, что от перестановки слагаемых сумма не меняется. Гунны, насколько известно – несомненные тюрки, пришедшие из Центральной Азии. А следовательно, можно слагаемые преспокойнейшим образом поменять: если имеются веские основания считать, что гунны-тюрки – это славяне, то остается всего один шаг до логического завершения: славяне – это тюрки. Один из тюркских народов, не из прозрачного синего воздуха «сформировавшийся» на берегу Днепра, а пришедший из Великой Степи, когда масса тюркских народов пустилась в многотысячекилометровый путь, пока не достигла Европы.

Любопытно, что возражения, которые мне приходилось по этому поводу слышать, как правило, чистейшей воды всплеск эмоций тех ревнителей славянской самобытности, кто просто-напросто не желает происходить от тюрков, не желает узреть свои корни в Азии. Ну хочется людям быть европейцами, и все тут! Хочется «присоединиться» к великому «светочу цивилизации», а не от «диких кочевников» брать свое начало во тьме вре-

мен. Хотя, как я старался доказать в меру сил и возможностей, и «кочевники» – вовсе не дикие (а то и сплошь и рядом – никакие не кочевники), и Европа как-то не тянет на роль светоча цивилизации и маяка культуры. Но вот поди ж ты: хотим быть европейцами, и баста! Азия ведь – синоним отсталости и дикости! Пустите Дуньку в Европу!

И невдомек отечественным поклонникам «цивилизованной Европы», что надуваться спесью и задирать нос перед «отсталой Азией» Европа начала только в восемнадцатом веке, и не столько по той причине, что раньше Азии открыла электрический ток и научилась сочинять энциклопедии. В науках и изящной словесности, а также прочих видах искусства Азия и Ближний Восток вкупе с арабским миром как раз очень долго шли впереди, не говоря уж о гигиене и массе других передовых придумок, которые у «дикарей» переняли крестonosцы – вшивые и неграмотные субъекты в грубом домотканом сукне...

Европа задрала нос исключительно оттого, что это ее державы поделили меж собой большую часть земного шара и устроили повсюду свои колонии, а не наоборот... В восемнадцатом веке у Европы было больше военных кораблей и пушек, оттого-то и началось...

А чуточку раньше сами же европейские мыслители смотрели на свой «континент» не в пример скептичнее, а идеал государственного устройства и образцы высокой морали искали как раз за пределами Европы...

Чтобы не быть голословным, приведу обширную цитату из сочинения польского книжника Михалона Литвина.

«Татары превосходят нас не только воздержанием и благоразумием, но и любовью к ближнему. Ибо между собой они сохраняют дружеские и добрые отношения. С рабами, которых они имеют только из чужих стран, они обходятся справедливо. И хотя они или добыты в сражении, или приобретены за деньги, однако более семи лет их не держат в неволе. Так предначертано в Священном Писании (Исход, 21). А мы держим в вечном

рабстве не добытых в сражении или за деньги, не чужеземцев, но нашего рода и веры сирот, бедняков, состоящих в браке с невольницами. И мы злоупотребляем нашей властью над ними, ибо мы истязаем, увечим, казним их без законного суда, по любому подозрению. Напротив, у татар и москвитян ни один чиновник не может казнить человека, пусть и уличенного в преступлении, кроме столичных судей, и то в столице. А у нас по всем деревням и городам выносятся приговоры людям. До сих пор мы берем налоги на защиту государства от одних лишь подвластных нам бедных горожан и беднейших земледельцев, обходя владельцев земель, тогда как они многое получают от своих латифундий, пашен, лугов, пастбищ, садов, огородов, плодовых насаждений, лесов, рощ, пасек, ловов, кабаков, мастерских, торгов, таможен, морских поборов, пристаней, озер, рек, прудов, рыбных ловов, мельниц, стад, труда рабов и рабынь».

Писалось это в середине XVI столетия, и Михалон Литвин вовсе не был прекраснодушным мечтателем, интеллигентом из провинции. Настоящее его имя было Венцеслав Миколаевич, и он много лет служил на серьезных постах: секретарь канцелярии великого князя литовского, дипломат, администратор. Свое сочинение он опубликовал под псевдонимом, потому что хватало и сторонников противоположного мнения – об «исконной азиатской дикости», и они были достаточно влиятельны, их следовало всерьез опасаться...

Но в том-то и дело, что Миколаевич-Михалон вовсе не был каким-то любителем эксцентричных теорий. В те времена в Европе хватало книжных людей, которые видели идеал как раз в султанской Турции и советовали реформировать европейские страны по турецким порядкам. Многих привлекала система правосудия, единого для всех слоев общества, отсутствие сословных барьеров – в Турции «господами не рождаются», писал шляхтич Отвинковский, насмотревшись турецких нравов и делая сравнения не в пользу своей родины. Только во Франции с 1480 по 1609 год было напечатано более 800 книг, посвящен-

ных Турции – и сплошь и рядом сравнение выходило опять-таки не в пользу Европы. Среди тех, кто призывал брать с турок пример, были такие крупные фигуры, как Жан Боден, Ульрих фон Гуттрен, Кампанелла, Лютер. Что интересно, и в Московском царстве появилось сочинение И. Пересветова, где он опять-таки видит в Турции образец...

Кстати, о Польше. Там среди шляхты столетиями отчего-то держалось стойкое убеждение, что поляки происходят непосредственно от сарматов – а в качестве прародителей фигурировали еще аланы и готы. Только после XV века эти взгляды стали помаленьку заменяться на чувство принадлежности к семье европейских народов...

Но давайте рассматривать вопрос о возможном тождестве славян и тюрков по порядку, начиная с времен примерно тысячелетней давности. Средневековые арабские энциклопедии возводили всех жителей земного шара к трем сыновьям праотца Ноя: Симу, Хаму и Иафету. Согласно арабским представлениям, состав потомков Иафета достаточно любопытен: славяне, хазары, тюрки, дунайские болгары – к которым на каком-то основании причисляли еще жителей Испании мавров.

Что вовсе уж интересно, в бурятском фольклоре настойчиво повторяется, что русские и буряты – близкородственные народы.

А вот как выглядит список тюркских народов арабской школы Джайхани: гузы, киргизы, карлуки, кимаки, печенеги, хазары, бургасы, болгары, мадьяры, славяне, русы. (Славяне и русы испокон веков считались *разными* народами, но это настолько запутанная и загадочная тема, что здесь мы ее касаться не будем.)

Араб ат-Табари: «Жители этих стран все неверные, из хазар, русов и алан. Они смешались с тюрками и взаимно соединились с ними посредством бракосочетаний». Многие другие арабские и персидские источники опять-таки отмечают родство русов и аланов... Великий поэт Насими, описывая войско русов, уточняет, что состояло оно из хазар, бургасов и алан.

Ибн-Фадлан, побывавший в Булгаре в X веке, описывает русов так: «И от края ногтей кого-либо из них до его шеи имеется собрание деревьев и изображений и тому подобное». Эти татуировки русов моментально вызывают в памяти обычаи древнего населения Алтая – там как раз было принято «расписывать» все тело сходными изображениями.

Арабский ученый XII века Шараф аз-Заман Тахир Марвази прямо относит русских к тюркам. Хотите знать, что пишет о киевлянах его земляк Абу Хамид ибн Ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалузи, бывавший в Киеве несколько раз в 1131–1153 гг.? «И прибыл я в город страны славян, который называется Киев. А в нем тысячи магрибинцев, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке. А известны они в той стране под именем печенег».

Согласно современной истории, печенеги в те времена не в стольном граде Киеве культурно обитали, а кочевали по степи самым диким образом. Но араб-путешественник отчего-то не упоминает киевских славян, зато усматривает там «многие тысячи» тюрков. Так кем же были тогдашние киевляне?

Более того, по сообщению историка X века ал-Масуди, основатель Киева Кий был... выходцем из Хорезма, а настоящее имя его – Куйя (потому арабы и называли Киев Куяба). К этому можно добавить, что согласно *русской* летописи славная княгиня Ольга – дочь *половецкого* властителя. А в *русской* же Радзивилловской летописи свекор Ольги, великий киевский князь Олег, как недвусмысленно следует из помещенного там рисунка, воюет со своей ратью на Балканах под знаменем, на котором начертана *арабская* надпись «Дин», то есть – «вера».

Так кто же такие киевские русские?

А что до «диких» печенегов, то они внезапно оказываются вполне грамотными, располагающими какой-то своей письменностью. В XVI в. австрийский посол С. Герберштейн написал «Записки о Московии», которые современные историки признают ценнейшим источником. Об убитых князя Святослава печенегах сказано следующее: «Курия, государь печенегов, убил его

(Святослава. – А. Б.) из засады, а из его черепа сделал себе чашу в золотой оправе, *написав* на ней так: «Ища чужое, потерял свое». Герберштейн пользовался не слухами и сплетнями: он общался с людьми знатными, с книжниками, которые ему переводили старинные русские летописи...

Англичанин Джером Горсей, побывавший в Московии самую чуточку позже, упорно именует крымских татар *скифами*. В чем он совершенно солидарен с превеликим множеством современных ему авторов, которые, как не раз упоминалось, совершенно не замечают «исчезновения» скифов, сарматов, готов, считая с завидным единодушием, что эти народы по-прежнему обитают в Причерноморье...

У Андрея Лызлова татары – опять-таки скифы.

«Синописис», русский учебник истории XVII века, производит от сарматов славян, россов, аланов, поляков и литовцев. В общем, большинство старых источников совершенно не замечает этой длинной череды старательно «вытеснявших» друг друга, а потом «бесследно исчезающих» народов: все они, в изложении и наших предков, и арабов, и европейских историков, находятся меж собой в самом близком родстве и обитают примерно в одном и том же временном отрезке...

Ученый немец Шлецер, работавший в Академии наук вскоре после смерти Ломоносова, на основании каких-то не дошедших до нас данных четко делил «русов» на две части: одна – скандинавский народ из Прибалтики, другая – *азиатский*, обосновавшийся в конце концов в Северном Причерноморье. Эти идеи развивал ректор Дерптского университета Эверс, связывая южных, азиатских русов с хазарами. В первой трети уже XIX столетия в том же направлении работал глава «скептической школы» Каченовский, выводя южных русов от хазар. Что любопытно, вся критика Каченовского, какую мне удалось найти в отечественной историографии, сводится всего к двум пунктам: во-первых, Каченовский, вот ужас, был сыном обрусевшего грека, а во-вторых, у него было мало учеников. Каким образом эти два

аргумента опровергают труды Каченовского, лично мне решительно не понятно...

Вплоть до конца XIX века появлялись работы, в которых русов объявляли родственниками готов – Лызлов, кстати, тоже считал, что половцы – это и есть готы.

Византийцы, в свою очередь, старательно именуют славян «скифами»: «Этот скифский, и грубый, и варварский народ» (Константинопольский патриарх Фотий). «Народ скифский, около Северного Тавра обитающий, лютый и свирепый» (Георгий Кедрин).

Древнегрузинская хроника: «Осаждавшие в 626 г. Константинополь скифы были русские».

Принято считать, будто такова была «традиция» – якобы летописцы в возвышенном стиле античности именовали русских «скифами» для пущей красоты. Однако для «традиции» эта привычка чересчур уж устойчива и повсеместно распространена...

Мухаммад ал-Ауфи писал о русах интереснейшие вещи: они сделались христианами в 300 году хиджры (что еще не дает точной даты, поскольку, кроме нынешнего «первого года хиджры» как 622 года от Р. Х., в старые времена существовали и другие датировки), а потом... «они все сделались мусульманами».

Стоит только предположить, что речь идет о волжских булгарах, все моментально становится на свои места. Но это означает, что булгары – родственник славянам народ, те и другие – тюрки.

А впрочем, абсолютно неясно, какую веру *на самом деле* исповедовали в Киевской Руси. Арабская надпись на штандарте князя Олега, многочисленная утварь с арабскими надписями, найденная в культурных слоях XI века...

Могут сказать: мол, эти предметы принадлежали обосновавшимся в Киеве заезжим мусульманам.

Однако есть масса примеров того, как *русские* на протяжении многих столетий подозрительно часто и много пользовались арабским письмом.

Татарским, впрочем, столь же часто и охотно – причем в случаях, которые объяснить с точки зрения «традиционной» истории попросту невозможно. Монеты Дмитрия Донского с одной стороны носят надпись по-татарски. Это еще можно попытаться объяснить «вассальными отношениями» – но и на некоторых монетах Ивана III встречается то же самое: надпись на татарском «москов акчасы будыр» («это московская монета»), и даже имя царя написано на татарский манер – «Ибан». Во времена Ивана III никакого «ига» не могло существовать даже теоретически. Как и при Иване Грозном – но на одной из монет того времени рядом с русской надписью красуется и арабская, Иван Васильевич опять-таки именуется «по-басурмански»: «Ибан».

К слову сказать, опять-таки из татарского заимствовано и прочно вошедшее в русский язык слово «алтын». Да и само слово «деньги» – тюркского происхождения. Как можно узнать из солидных книг по нумизматике, написанных без малейших «ересей», название русской монеты «денга» происходит от древнетатарского «денке» (только в XVIII веке стали писать с мягким знаком – «деньга»...)

На русском оружии и доспехах масса надписей на арабском – это странное обыкновение держалось вплоть до начала XVII века. Шлем Александра Невского – с арабской надписью, шлем Ивана Грозного – тоже. Не счесть сабель с подобными «украшениями». Существует малоубедительное объяснение: якобы клинки эти поступали с Востока, из арабских стран. Но, во-первых, известны сабли стопроцентно русской работы (а надписи на них – арабские), во-вторых, трудно представить, чтобы русские пользовались оружием с совершенно непонятными для них надписями – мало ли что «басурмане» могли понаписать... Значит, арабские надписи были *нужны*. Значит, их без особого труда читали.

Что вовсе уж интересно, от Великого Княжества Литовского осталась масса документов, написанных на старобелорусском (собственно, старорусском) языке, но... *арабскими* буквами. Есть подобные тексты, написанные и русскими на Руси...

(И вовсе уж любопытным предстает упоминание о том, что в том же Великом Княжестве Литовском еще в XVI веке не в каких-то хранилищах древностей, а в действующих, магистратских и судебных архивах хранилась масса документов на *печенежском* языке. Отсюда автоматически вытекает, что еще в те времена печенегов среди славян обитало много, и их язык, их письменность были вполне «рабочими», употреблявшимися для разных насущных потребностей.)

Коли уж зашла речь о языке, рассмотрим подробно знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, четыре года странствовавшего по Индии...

Никитин прямо-таки *вызывающе* двуязычен. «В Индейской земле купцы останавливаются на подворьях, еду для них варят хозяйки, они и постель гостям стелют, и спят с ними, сикиш илересен ду шитель бересин, сикиш илимесь екьжитель берсен достур аврат чектур, а сикиш муфут, а любят белых людей».

На тюркском Никитин привел некоторые деликатные подробности, в переводе звучащие следующим образом: «хочешь с хозяйкой иметь близкую связь – даешь два шителя, не хочешь – даешь один».

«Князья да бояре надевают портки, сорочку, кафтан, одна фата на плечах, другою опоясываются, а третьей обертывают голову, а се оло, оло, абрь оло ак, олло керем, олло рагим».

Здесь уже на тюркском дано обращение к богу: «Боже, Боже великий, истинный, благий и милосердный!»

И снова, когда речь идет о божественном, тверитянин совершенно непринужденно пользуется двумя языками: «Да молился есми Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именем, бог олло, бог керим, бог рагим, бог ходо, бог акь берь, бог царь славы, олло варено, олло рагимельно сеньсень олло ты».

Как видим, православный христианин не видит ничего неудобного в том, чтобы славить бога на тюркском языке. Все подобные примеры не стоит и приводить, «Хождение» ими бук-

важно битком набито – то после нескольких фраз на русском Никитин раздражается длинной тирадой на тюркском, то не-принужденно вплетает короткие тюркские фразы меж русских. Что, за четыре года подзабыл русский настолько, что и писать на нем разучился? Совершенно не верится...

Давайте уж о языке, коли затронули эту тему. Я уже писал о нешуточной странности во время нашествия печенегов на Киев – вроде бы вообще впервые на русской земле, но тут же, откуда ни возьмись, выныривает шустрый парнишка, который так хорошо болтает по-печенежски, что его все принимают за своего (к тому же, надо полагать, ни одеждой, ни внешностью не отличается).

То же самое мы наблюдаем, когда к Киеву, опять-таки впервые в русской истории, подступает татарская рать. Карамзин: «Димитрий бодрствовал и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева...»

Интересно, а как они вообще объяснились меж собой – пленный татарин и русский воевода? Как-то общались, без малейших затруднений, прекрасно понимали друг друга...

Зловредный Фоменко, кстати, в одной из своих книг приводит фотографии иноческого наряда допетровской эпохи, покрытого опять-таки предельно странными надписями: вообще-то они на русском, но слово «Бог», как и в «Хождении», начертано как «олло»... Во многом Фоменко подозревают и обвиняют, вот только ни разу не уличали в прямой подделке...

Англичанин Джером Горсей, много раз бывавший на Руси в конце XVI – начале XVII в., оставил загадочную строку касаемо славянского языка: «Он может служить также в Турции, Персии, даже в известных ныне частях Индии и т. д.» Стоит предположить, что «славянский» и «тюркский» – одно и то же, как все становится на свои места: в самом деле, с тюркским ни в Турции, ни в Персии, ни даже в Индии, где в то время правили турки Великие Моголы, не пропадешь...

Не угодно ли краткий список заимствований из тюркского языка в русском? Извольте.

Алтын, деньги, башмак, караул, базар, туман, колпак, лачуга, изюм, сундук, карий, алый, дорога, атаман, казак, курень, колчан, есаул, булат, улан, ковыль, сапог, епанча, телега, хоругвь, богатырь, сабля, жемчуг, товар, безмен, амбар, аршин, кирпич, фитиль, ковер, тюфяк, диван, карандаш, кафтан, сарафан, халат, доха, армяк, башлык...

Это, напоминаю, очень краткий список. Тюркских слов, которыми мы пользуемся и по сей день, гораздо больше. А ономастика, наука о названиях, спокойно утверждает, что в России не менее трети географических названий происходит от тюркских слов, причем и в тех местностях, что вроде бы испокон веков считаются исконно русскими.

Впрочем, «заимствование» – весьма неподходящее слово. Как оказались «заимствованными» столь обиходные слова, как «сапог» и «башмак»? Что, у русских не было своих удачных названий, и оттого пришлось перенимать татарские? Странновато... Гораздо логичнее будет предположить, что эти слова существовали в русском *с самого начала*. А следовательно, русский... Ну, вы поняли.

Вот, кстати! Коли уж речь зашла о сапогах и башмаках, давайте уж подробно посмотрим, как обстоит с «исконно русской» одеждой, какую носили в допетровские времена.

Сорочка. Слово вроде бы русское, но, согласно археологическим находкам, как раз сорочка составляла основу одежды скифов и сарматов.

Сарафан. От тюркского «сарапай».

Сукман. Под этим названием известны две разновидности одежды: просторная верхняя одежда и вариант сарафана. В любом случае, слово это произошло от тюркского «чикман», «чекмень» – просторная верхняя одежда.

Юбка – от арабского «джубба» (кстати, отсюда же и слово «шуба»).

Ферезь (ферязь) – верхняя одежда, как мужская, так и женская. Либо от арабского «фареджия», либо от турецкого (то есть тюркского) «ферандже», что опять-таки означало верхнюю одежду с просторными рукавами.

Охабень – верхняя мужская одежда, широкая, с очень длинными рукавами и отложным воротником до половины спины. Из готского.

Терлик – мужская одежда для знати, длинный, до пят, кафтан с короткими рукавами. Заимствовано из тюркского.

Абаб – нечто вроде кафтана. От турецкого «аба».

Азиям – очень длинный мужской кафтан. Из тюркского.

Армяк. То же самое.

Чекмень – мужской кафтан. Из тюркского.

Зипун – мужская верхняя одежда. Из тюркского.

Чуга – узкий кафтан с рукавами по локоть, для путешествий и верховой езды. Из турецкого.

Шабур – верхняя мужская одежда. Из чувашского.

Епанча – очень древняя верхняя одежда типа плаща или накидки. От тюркского «япинета», где это слово как раз и означает «плащ».

Емурлук – еще один вид плаща. Прямиком из турецкого («ямур» – «дождь»).

Тулуп – в объяснениях не нуждается. От тюркского.

«Кушак» по-тюркски как раз и означает «пояс».

Кокошник, женский головной убор. Опять-таки от скифов.

Мягкие сафьяновые сапоги-чедыги – от татар.

ОСОБО УТОЧНЯЮ: во всех без исключения случаях «заимствовалось» не просто название, но и *сам* вид одежды.

Что-то чертовски интересное получается: полное впечатление, что *своего* у русских как бы и нет: ни слова для обозначения самых расхожих предметов, ни самих этих предметов. За редким исключением все «заимствовано» от тюрков. Пред нами – некий народ, который одевается, как тюрки, да вдобавок разговаривает на языке, где большой процент слов – тюркские. Остается лишь

сделать один-единственный крохотный шаг до закономерного вывода: так ведь это и *есть* тюрки!

Только в семнадцатом столетии «отшатнувшиеся» в славянство...

Сами по себе, повторяю, «заимствования» выглядят как-то нелепо. Отчего-то в *других* случаях русские, живя бок о бок с другими народами, заимствовали от них крайне мало. От поляков – разве что кунтуш. От шведов... Как минимум пятьсот лет новгородцы и псковичи поддерживали самые тесные отношения со шведами, немцами и вообще западноевропейцами. Но почему-то никаких таких массовых «заимствований» – что в языке, что в одежде, что в названиях предметов, – так и не произошло. А ведь Новгород и Псков никакого такого татарского влияния испытывать не могли. Кстати, и жившим «под игом» обитателям других регионов было, собственно говоря, *не от кого* эти «заимствования» совершать в массовом порядке. Татарских гарнизонов в русских княжествах не имелось – одни только одиночки-баскаки, да и то продержавшиеся не более тридцати лет. И тем не менее «заимствования» выхлестывают за все мыслимые пределы! Объяснить это можно лишь тем, что русские – либо целиком тюркский народ, либо формировавшийся с самым широким участием тюркского элемента.

Да и с поляками не все ясно. Еще в XIV веке татары стали селиться в Великом Княжестве Литовском довольно большими группами. Во-первых, они моментально переходили к оседлому образу жизни, совершенно, такое впечатление, «забыв», что им положено быть кочевниками, а во-вторых, они как-то очень уж быстро, практически на протяжении пары столетий... отказались от родного татарского языка. Сей странный факт давно привлекает внимание ученых: «Поселившись в Литовском княжестве, татары подверглись необычайно быстрой социальной и культурной ассимиляции, в том числе и языковой, однако сохранили свое религиозное отличие и связанное с этим чувство национальной особенности».

Чувство национальной особенности, между прочим, дает в первую очередь язык, а не религия. Тем более что вместе с татарами в Великом Княжестве осела и другая этническая группа – караимы. Так вот, они-то как раз никоим образом не ассимилировались в языковом плане, сохранив язык в неприкосновенности на протяжении долгих столетий...

В чем тут загадка? Быть может, в том, что поляки с татарами и до того были *родственными* народами? Оттого-то татары так легко поменяли язык – на родственный?

Караимы, конечно, тоже тюрки – но, вероятно, находившиеся с поляками в гораздо более дальнем родстве, чем татары...

Наша древняя история полна самыми неожиданными связями и ассоциациями. Взять, например, легендарного новгородского князя Гостомысла, якобы правившего незадолго до прихода варягов: «В скором времени ему приснился чудесный сон. Он увидел, что из чрева его средней дочери Умилы выросло великое и плодовитое дерево; оно укрыло под своей кровлей весь Великий град... Гостомысл призвал волхвов, чтобы они истолковали его сон, и услышал от них, что Умила произведет на свет его наследника».

Это – *буквально* повторение древней персидской легенды о вещем сне мидийского царя Астиага: он увидел, что «из чрева» его дочери прорастает «великое дерево», и срочно вызванные волхвы вмиг объяснили царю, что вскоре родится тот, кто станет хозяином царства Астиага...

Вообще пора сделать совсем несложное умственное усилие и понять наконец: то, что нам известно из ученых трудов, научно-популярных книжек и учебников, – не подлинная история Руси тысячелетней давности, а лишь одна из версий, которую ее создатели тем не менее с совершенно неуместным апломбом представили как полную и окончательную истину. Ну а все, что этой канонизированной версии противоречило или попросту не укладывалось в некие шаблоны, потихонечку отправлялось в пыльные дебри запасников.

В этом плане крайне интересна история с так называемым «памятником Бусу». Этот гранитный монумент величиной под два с половиной метра изображает человеческую фигуру по пояс, определенно европейского типа, а нижняя половина покрыта письменами. Он с незапамятных времен стоял на кургане в 30 километрах от Пятигорска, и тамошние черкесы весьма его почитали, именуя «Дука Бех» – хотя и не могли объяснить, кем памятник поставлен и когда.

В конце концов за него взялись сформировавшиеся как класс ученые – но особой ясности не внесли, разве что выдвинули версию, что монумент поставлен в честь вождя антов Буса. В 1847 году был вроде бы определен возраст памятника: IV в. от Р. Х. Именно что «вроде бы»: сделавший это открытие человек ученым не был, да и тогдашнее развитие исторической науки оставляло желать лучшего. С надписью тоже сплошные непонятности: одни источники именуют ее «рунической», другие пишут более пространно: «Начертана на неизвестном языке буквами, составленными частью из греческих, частью из славянских». Из *которых* славянских? Что здесь имеется в виду – кириллица или глаголица? Ответа нет. Попыток расшифровки надписи тоже не наблюдалось на протяжении последних полутора столетий. Сначала монумент трудами члена Одесского общества любителей древности Авраама Фирковича (караиматюрка) был перенесен в Пятигорск, но несколько лет спустя его перевезли в Москву, в Исторический музей, и после нескольких вялых попыток «изучения» отправили в запасники, где памятник пребывает и поныне, совершенно забытый ученым миром.

Ученый мир, надобно вам открыть секрет, страшно не любит всевозможных «надписей на неизвестных языках», которые как-то очень уж быстро объявляются «нечитаемыми» и отправляются следом за «памятником Бусу». И только время от времени вспыхивают камерные скандалчики, когда кому-нибудь все же удастся «нечитаемую» надпись прочитать – но всякий раз,

что характерно, результат идет вразрез с каноническими теориями, а потому предается анафеме.

То же самое касается и древних тюркских рун. Считается, что они делятся на две части: азиатскую группу, распространенную от Лены до Семиречья, и европейскую, известную от Енисея до Дона. А вот на Дону, такое впечатление, поставлен некий незримый шлагбаум. Многочисленные попытки прочесть те европейские руны, что находятся западнее Дона, на тюркский манер всякий раз объявляются ересью – хотя результаты порой бывают весьма интересными. Ну, что поделывать – как я уже говорил, не только Россия, но и западноевропейские народы с негодованием сметают все попытки как-то связать свою древнюю историю с «дикими кочевниками из азиатских степей». Европа предпочитает горделиво считать, что она произошла, если можно так выразиться, «сама от себя»: на европейских просторах благоухали цветы, пели птички и шелестела листва, светило солнышко – и вдруг, как гром с ясного неба, стала «формироваться» европейская цивилизация. Сама по себе. Из синего прозрачного воздуха. Боже упаси, без малейшей связи с дикой Азией... А потому запасники забиты «нечитаемыми» надписями – а публикации «Хождения за три моря», исключая изданные мизерным тиражом суперакадемические, переводятся на современный русский язык *сплошь*, в том числе и те самые многочисленные тюркские вставки...

Меж тем нет никаких сомнений, что в незапамятные времена все было гораздо интереснее и сложнее, чем гласят нынешние каноны. Классический пример – крещение Руси. То его описание, которое нам сегодня преподносит официальная наука, – опять-таки одна из версий, основанная исключительно на домыслах. Хотя сегодня уже нет никаких сомнений, что рассказ о том, как князь Владимир призвал представителей разных религий и долго слушал их доводы – не более чем *содранный* с хазарских источников эпизод о выборе веры тамошним царем Буланом...

Неизвестно, *откуда* пришло крещение: из Рима? из Константинополя? из Болгарии? В пользу каждой из этих гипотез можно подобрать немало убедительных аргументов, что давно уже и продельвается. Мало того, существует целый *блок* извлечений из старинных рукописей, позволяющих предполагать, что в раннее Средневековье на Руси исповедовали вовсе не христианство, а... магометанство. И иные сохранившиеся с древности храмы подозрительно похожи по своей архитектуре на мечети, и иные религиозные запреты как две капли воды напоминают магометанские. Заезжий персидский книжник страшно негодует по поводу обычая русских есть свинину – причем негодует так, как будто речь идет о его *единоверцах*. А на старинном рисунке, изображающем русское кладбище, прилежный западноевропейский художник, вот странность, изобразил часовню и надгробия, не имеющие ничего общего с христианскими. С исламскими, впрочем, тоже...

Стоит лишь, как мы это уже делали прежде, допустить, что европейская история искусственно удлинена на добрую тысячу лет, многие странные факты получают объяснение.

К примеру, очень уж широко и повсеместно распространено язычество – причем в те времена, когда и Русь, и Западная Европа вроде бы уже не одну сотню лет пребывают в лоне христианской церкви. Что до Руси, то не только в отдаленных селах, но и в крупных городах прямо-таки *бушевало* самое неприкрытое язычество: «лесть идольская и празднование кумирное». В XVI веке знаменитый Стоглавый собор, созванный Иоанном Грозным, приложил массу сил для борьбы с «бесовскими потехами» – причем общая тональность такова, что можно подумать, будто христианство на Руси стало распространяться совсем *недавно*, и редкие христианские храмы еще тонут в море разлитого язычества. Даже в XVIII веке понадобилось включать в Духовный регламент специальные статьи против языческого «моления под дубом». И в массовом порядке «подчищать» старые летописи, где простодушно описывается, как якобы давным-

давно крещенные князья (с совершенно нехристианскими именами вроде Изяслава, Святослава и Всеволода) то и дело, заключая какое-либо соглашение, приносят сугубо языческую клятву «роту». Приходилось повсюду эту «роту» заменять на «крестное целование» – о котором означенные князья, очень может статься, и представления не имели...

В фундаменте церкви на московской Швивой горке лежит огромный валун, которому москвичи устраивали языческие поклонения еще в *восемнадцатом* столетии. Как недвусмысленно явствует из географических названий, летописей и свидетельств современников, там же, поблизости от Швивой горки, на Красном холме, долго стояли некие «идолы», которых православные церкви сменили только в конце *шестнадцатого* века. Автор так называемого Каталанского атласа (1375 г.) называет Владимир и Тверь их нынешними именами – а вот Москву отчего-то обозначил как... «Перун»! И это не единственная карта, где Москва так именуется...

В Западной Европе, якобы уже много сотен лет как крещенной – та же картина. Язычества не просто много – *очень* много. «Христианский» английский книжник, составивший в 1073 году «Кентерберийское заклинание против болезни», недрогнувшей рукой вписал туда: «Да благословит тебя Тор». Исландский медицинский трактат XIII века опять-таки пестрит именами скандинавских языческих богов: тут и Тор, и Один, и Фригг, и Фрейя, и Фьолнир...

В 1331 году, когда вся Европа вроде бы давным-давно христианизирована, римская церковь объявляет крестовый поход против язычников-славян, обитающих, собственно, под боком – на границе Италии и Словении. Что тут удивительного, если еще в конце Второй мировой войны румынская «глубинка» молилась не Христу, а Илеане Санзиане, богине Луны...

Да что там, в самой Италии, цитадели католической церкви, царит форменный *разгул* язычества. В Римини в 1450 году некий Леон Альберти строит храмы, набитые статуями языческих

богов – это принимает такой размах, что княжество Римини предстает вроде бы и не христианским вовсе. Современники тех событий писали, что в Римини «вернулись к языческим богам»...

И не только в Римини. К 1570 году старшина гильдии мастеров бронзового литья Джованни ди Болонья буквально *заполнил* статуями языческих богов Болонью и Флоренцию. Да и в самом Ватикане работает «Афинская школа» Рафаэля, живописующая сплошь языческие темы.

Англия тем временем не в церкви ходит по воскресеньям, а с большим энтузиазмом пляшет вокруг насквозь языческих «майских деревьев» – среди бела дня. Только во второй половине *семнадцатого* столетия в Англии и Уэльсе ретивые пуритане уничтожают большую часть языческих святилищ.

В Англии вообще творится что-то странное. Много лет в первой половине XIII века христианских священников там не было вообще. *Вообще*. Якобы король Иоанн поссорился с папой Римским, и тот отозвал из Англии всех до единого священнослужителей...

А может, их попросту и не было ранее того периода? Зато во второй половине того же XIII века в Англии, не особенно и скрываясь, совершают свои обряды те самые друиды, которых якобы истребил еще Юлий Цезарь. И не где-нибудь в глуши – в известном своей ученостью городе Оксфорде, и руководит друидами не пастух какой-нибудь, а барон Бридлод. И гораздо позже, в 1374 году, фаворитка короля Эдуарда III Алиса Перрейс устраивает в Лондоне пышное шествие в честь богини Солнца. И не допускает к королю христианских священников, когда он умирает – так и отошел Эдуард в мир иной без христианского духовного напутствия.

Не только в Англии, но и по всей Европе вплоть до двадцатого (!) столетия совершают типично языческие жертвоприношения заклания лошадей – на похоронах полководцев и королей, в честь окончания войн и даже... при закладке христианских церквей!

Считается, что в те времена давным-давно изничтоженное язычество вдруг «возродилось», да так, что волны этого «возрождения» захлестнули всю Европу. Любопытно, что инквизиция (чья деятельность неимоверно оболгана, а достаточно малое число ее жертв без зазрения совести увеличено в тысячи раз) начинает действовать только в 1230 году. Быть может, не было никакого «возрождения», а попросту христианство в трудной борьбе только *начинало* распространяться в Европе? *Лишь* в 1480 году колдовство начинает рассматриваться как ересь и подлежит суду инквизиции – раньше, надо полагать, сделать это было невозможно, потому что Европа была *сплошь* языческой...

Да, кстати, о «миллионных» жертвах инквизиции. Эту сказочку запустил в оборот один-единственный человек, некто Сесил Уильямсон, заведовавший на острове Мэн интересным учреждением под названием «Музей ведьм». Он-то, глядя в потолок, и сочинил, что за двести лет, с 1480 года, инквизиция изничтожила аж девять миллионов безвинных жертв. Вот только современные западные исследователи, сколько ни рылись в архивах, больше сорока тысяч «пострадавших» не насчитали. Ну а в том, что языческие колдовские практики и, следовательно, тайные общества колдунов имели в Европе огромное распространение, современные западные исследователи уже практически и не сомневаются, и написано на эту тему немало...

Но мы, кажется, отвлеклись, углубившись в интересную саму по себе, но не имеющую прямого отношения к данной книге тему...

Итак, настала пора подвести некоторые итоги. Европа и Азия... Мне представляется, что я привел достаточно убедительные аргументы в пользу той версии, что русские – одно из многочисленных тюркских племен, пришедших некогда из Азии. Все возражения, с которыми мне приходилось сталкиваться в ходе работы над этой книгой, были чисто эмоциональными. Вновь то же самое: многим кажется неприличным, неправильным, прямо-таки позорным происходить от «диких

степных кочевников» – хотя я, смею думать, доказал, что эти «дикие кочевники» создавали могучие государства в те времена, когда Европа, раздробленная на сотни лоскутных феодальных владений, пребывала в самой пошлой нищете и отсталости. Лишь после крестовых походов Европа начала чуточку цивилизовываться – крохотными шажками, во всем: в искусстве, строительстве государства, военном деле, законотворчестве, науках – лишь *повторяя* то, что было давным-давно достигнуто в других местах, в том числе и в «дикой» Азии. Единственный пример: сравните уровень художников средневековой Европы и их коллег из Азии, живших за *тысячи* лет до европейцев...

Вообще, а велика ли честь происходить от Европы, судари мои? И есть ли это вообще *честь*? Позвольте усомниться. Если отбросить всю напыщенную болтовню об исконном «превосходстве белого человека» и «европейской цивилизаторской миссии», если взглянуть холодно и непредвзято, откуда-нибудь из верхних слоев атмосферы, что мы увидим, изучив несколько сот лет европейской цивилизации?

Называя вещи своими именами, Европа – не более чем крохотный полуостров на западе великого Азиатского континента. Убогий, тесный полуостров, населенный ордой примитивных племен, чьим главным занятием на протяжении долгих лет было резать друг друга. Просто-напросто сложилось так, что именно на этом фитюлечном полуострове придумали всевозможные станки-мануфактуры, отлили много пушек, построили много кораблей и пустились по всему белу свету – не из страсти к познанию, а попросту от перенаселения и с голодухи. Пользуясь преимуществом в вооружении, европейские страны захватили и поделили меж собой едва ли не весь мир – именно в этом, *только* в этом и заключается хваленое европейское «превосходство». Ну а стоило после Второй мировой рухнуть колониальной системе, как Европа очень быстро превратилась во что-то вроде сытой богадельни...

Весьма важное уточнение: Европа – еще и распространительница на все остальное человечество всевозможной духовной отравы. Нет спору, во всем остальном мире за пределами Европы тоже существовали религиозные войны, угнетение, террор тиранов и сатрапов – но, если разобраться вдумчиво и последовательно, с цифрами в руках, приходишь к печальному выводу: именно Европа держит безусловное первенство во всевозможных войнах, репрессиях, погромах, зверствах и прочих малоаппетитных забавах.

Именно Европа одарила мир двумя мировыми войнами. И Холокостом. И нацизмом, наконец. Не было никакого «бесноватого фюрера», который, стервец, самостоятельно измыслил нечто людоедское. Основу нацистской идеологии положил (пусть и ненамеренно) милый и добродушный церковный староста Чарльз Дарвин, а вскоре, уже вполне умышленно и с превеликим азартом, учение об «арийской расе» и «белокуром сверхчеловеке» стали конструировать француз Гобино и англичанин Чемберлен – и лишь гораздо позже отставной ефрейтор герр Гитлер их труды старательно изучил, обобщил, дополнил и творчески развил – так что останавливать его пришлось чуть ли не всем человечеством, и тянулось это долгие годы, и обошлось в миллионы жизней обитателей всех континентов...

А еще даже раньше в Европе стал писать толстенные книги бородатый эмигрант по имени Карл Маркс – последствия чего мы видим по сей день. Именно Европа с завидным постоянством заражает весь остальной мир, словно сифилисом, насквозь гнусными, антигуманными, гнилыми идеями и теориями.

И не надо, я вас умоляю, напоминать мне про Пол Пота! Это уже оскмину набило – когда, дабы противопоставить европейским зверствам что-нибудь «типично азиатское», вспоминают за неимением лучшего как раз о Пол Поте.

Вроде бы все правильно, Пол Пот и в самом деле оставил в процветающей некогда Камбодже груды в несколько миллионов человеческих черепов. Вот только никаким таким «типичным

ЧИНГИСХАН. НЕИЗВЕСТНАЯ АЗИЯ

азиатом» он не был. Поскольку людоедских идей нахватался не у себя дома, не из азиатской философии, и даже не у российских большевиков, а именно что в славном парижском университете Сорбонна, каковой и сформировал идейно-духовно как Пол Пота, так и вурдалаков из его ближайшего окружения...

И следующий вопрос, который прямо-таки напрашивается: а есть ли, господа мои, у Европы *будущее*?

Глава пятнадцатая

ИГРАЕМ В КАССАНДРУ

Вообще-то вопрос с самого начала должен быть поставлен чуточку шире: есть ли будущее у европейской цивилизации? Ведь значительная часть современного мира, географически лежащая за пределами Европы, все же является плодом *европейской* цивилизации, столь старательно насаждавшей старушкой Европой повсюду – в точности так, как насаждали кукурузу за Полярным кругом при Хрущеве.

Вот мы и ставим вопрос шире: если ли будущее у цивилизации европейского типа?

Что-то не просматривается...

Наличествует вполне реальный парадокс: самые разные страны мира заимствуют и заимствовали исключительно европейские *второстепенности*. Чисто бытовые детали, вроде зубных щеток, консервных банок и мини-юбок. При попытках перенять европейские *идеи* дело оборачивается сплошным безобразием, крайним выражением которого как раз и служит Пол Пот. А вот достижения как раз и происходят, когда европейские идеи отбрасывают к чертовой матери.

Великолепнейший пример – Соединенные Штаты Америки. В свое время американцы, поголовно потомки европейцев, как раз и смогли сделать несомненный рывок вперед оттого, что их

революция и все последующие события были, по сути, *отторжением* перенесенных на американскую землю европейских идей, традиций, установлений, укладов. Потом, правда, Америка обзавелась своими собственными болячками, но это уже другая история...

А Европа... В том, что потерпели крах все ее идеи, теории, интеллектуальные наработки и тому подобные высокие материи, сомневаться не приходится. Не стану многословно рассуждать на эту тему, просто порекомендую читателю книгу умного немца Шпенглера с многозначительным названием «Закат Европы». Там все описано гораздо подробнее и талантливее, чем способен сделать ваш покорный слуга.

Вслед за идеями стала явственно пробуксовывать и порожденная Европой техническая цивилизация. Вот уже тридцать–сорок лет в науке и технике господствует самый неприкрытый *застой*.

Вот, скажем, авиация. 1910 год – в небе стрекочут уморительные сооружения из досточек и проволочек, которые без церемоний так и называли: «этажерки». 1930 год – по небосклону проносятся цельнометаллические аэропланы, по скорости и высоте превосходящие «этажерки» многократно. 1950 год – авиация переходит на реактивную тягу, из Европы в Америку летят пассажирские гиганты...

А дальше – *тупик!* Самолеты становятся чуточку побольше, в них напихано больше мудреной электроники, пассажирские салоны стали гораздо комфортнее... но ведь это лишь развитие каких-то мелких частных, и не более того. Нет ничего *принципиально* нового, нет *революционных* прорывов. Все сводится к фокусничанью дизайнеров... *Принципиально* любой сегодняшний самолет мало чем отличается от своего дедушки 60-х годов прошлого столетия.

С автомобилями – та же петрушка. Больше хитрой электроники, больше комфорта – и только. *Прорывов* на качественно иные уровни нет – хотя субъекты с неприличным названием

«футурологи» обещали много хорошего вроде экологически чистых, принципиально новых двигателей...

То же самое – в энергетике. *Иных*, качественно новых технологий не видно. В котельных по-прежнему, как сто лет назад, горит уголь и мазут, атомные реакторы работают в точности так, как лет тридцать назад, вода все так же вертит турбины ГЭС. Принципиально новых технологий, несмотря на все обещания, не дождалось.

Компьютеры становятся всего лишь *быстрее*, и не более того, да еще проникают туда, где прежде не было – в детские игрушки, в унитазы... *Революционных* прорывов нет.

Судостроение... Промолчим из жалости.

А ведь столько интересного, нового, удивительного нам обещали лет сорок назад – подводные дома и подводные плантации, качественно новые источники энергии, «лифты на орбиту», управление климатом, ет цетера, ет цетера...

И как-то тихонечко, скорбно, без особых причитаний погибает на наших глазах пилотируемая космонавтика – поскольку при *нынешних* космических аппаратах, работающих на тех же принципах, что и сорок лет назад, она, скажем откровенно, представляет собой пустой перевод денег...

Так называемый «технический прогресс», навязанный человечеству в первую очередь стараниями Европы, на деле напоминает скучное прозябание в болоте. Учитывая, что этот «прогресс» на наших глазах уничтожает невозполнимые энергоносители, прозябание из скучного, того и гляди, обернется трагическим.

И наконец, проблемы исключительно плотские: примитивное воспроизводство популяции. Европа и на это уже не способна. Рождаемость катится вниз, как тыква с горки, в некоторых европейских столицах уже есть районы, где «потомственный» европеец смотрится экзотической диковинкой, и над европейскими мегаполисами давненько уже разносится бодрая переключка муэдзинов. Те футурологи, что не померли по дряхлости и не спились, прогнозы свои оформляют уже исключи-

тельно в виде гаданий над датами: одни твердят, что Европа станет мусульманской, вообще «инородческой», годик к 2050-му; другие держатся бодрее: ну что вы, мы еще до конца двадцать первого столетия продержимся... но там уж, правдочка ваша, выйдем окончательно...

Загибается Европа на наших глазах. И главный вопрос бытия, на мой взгляд, таков: оптимистический прогноз – это если Европа *крякнет* одна, сама по себе, пессимистический – если она по своей дурной привычке и остальной мир за собой потащит... Первый вариант, понятное дело, предпочтительнее.

Давайте, перекрестясь и ахнув чарочку, решимся задать себе не самый приятный вопрос: а что, если однажды и в самом деле все к чертовой матери *обрушится*? Без пресловутой ядерной зимы и вообще войны. Естественным ходом вещей обрушится. Крякнет, квакнет, накроется медным тазом, нае... в общем, обвалится в мелкие дребезги привычная нам Европа и вообще привычная нам цивилизация?

И всюду воцарится нечто напоминающее книгу Уиндэма «Хризалиды» или, чего уж там скромничать, роман некоего А. Бушкова «Анастасия»? Если техническая цивилизация а-ля Европа обрушится и выживет достаточно много народу, которому предстоит как-то выживать?

В США – хоть святых вон выноси, понятное дело. Нам, сирым, у себя в России, думается, не понять, какой ад крошечный наступит в первую очередь для тех толстопузых миллионов, которые целыми *поколениями* привыкли жить на пособие и пребывать под защитой политкорректности. Ну и все прочие проблемы, которые прекрасно просматриваются уже сейчас.

Африка? Прогноз неутешительный и несложный: они там, завидев бесславную кончину европейской цивилизации, примутся увлеченно резать друг друга и воевать все против всех, так что через энное количество лет Африка станет, в общем, довольно приятным и тихим местечком, раем для непуганых шимпанзе и жирафов...

Латинская Америка – континент слишком интересный и непредсказуемый, чтобы браться за прогноз. Есть в тамошних людях какой-то *задел*, который вселяет оптимизм.

Так вот, Европа... Принято строить апокалиптические картины ее поголовного омусульманивания, полного замещения европейцев инородцами. Но, сдастся мне, глубоко заблуждается тот, кто решит, что для мусульман и прочих инородцев в этом случае наступит в Европе рай Божий.

Что-то я по их поводу пессимистически настроен... Понимаете, ведь получится так, что они просто-напросто *заместят* собой европейцев. И не более того. Сами станут Европой, а это означает, что теперь они, в свою очередь, вдохнут полными легкими той неощутимой и невидимой отравы, что рассеяна над всей Европой и зовется «европейской цивилизацией» – а это штука страшнее проникающей радиации. «Заместившие» собой европейцев мусульмане, сердце мне вещует, станут *другими*. Перестанут быть марокканцами, ливанцами, турками – потому что, как ни крути, дети их родятся не в Марокко, не в Ливане, не в Турции. Хотят они того или нет, но они обречены стать «новыми европейцами» – с упором на второе слово... И многовековые духовные традиции мусульманского мира в *данном* случае из тупика могут и не вывести. Мусульманский-то мир останется на прежнем месте, у себя дома, а что получится из «новых европейцев», решительно непонятно. Почему-то те страны, где мусульмане пытались *сосуществовать* с европейцами, с завидным постоянством кончали печально. Доколумбова Испания с ее мавританской цивилизацией... Где архитектура этой цивилизации, ее наука, культура, искусство, наконец, где они сами, блестящие, великолепные испанские мавры? Их нет. Совсем нет. Вообще. Где сейчас Ливан? В месте, для которого цензурного слова ни за что не подберешь, как ни извращай. Мусульманский мир крепок, духовно чист и исполнен веры в единого Бога лишь у себя дома. И да хранит его Аллах. Но вот что случится с *заместившей*

европейцев мусульманской массой, глотнувшей *отравы*... Говорю же, я пессимистичен. Как ни крути, а получается что-то унылое.

И остается Азия. Великий континент, который просто невозможно угробить в силу как его необозримости, так и того трудноопределимого словами многотысячелетнего азиатского духа, что недоступен пониманию европейцев. Азия видела слишком многое, чтобы опускать руки даже при всеобщем катаклизме. Даже сегодня все эти ГЭС, леспромхозы, ядовитые химические комбинаты, города и прочие сомнительные достижения европейской цивилизации занимают чересчур ничтожную площадь Великого Континента, чтобы причинить ему вред. Все это сохнет, Азия останется. Над ней за тысячелетия пронеслось слишком много, и потому *коренная* философия проста, переключаясь с убеждениями премудрого царя Соломона: все проходит, и это пройдет...

Немаловажное уточнение: Азия точно так же большей своей частью населена *белыми*. Европейцы любят шулерскую подмену понятий: свою кончину они без всякого на то права отождествляют с кончиной *всей* белой расы. А это, простите, чушь собачья. Европейцы – всего лишь одно из племен белой расы, не самое честное, не самое умное, не самое лучшее. И не более того. Вообще, деление человечества на «белую» и «желтую» расы придумал сотни полторы лет назад какой-то очередной европейский ученый придурок (мне лень разыскивать по книгам его фамилию). Придумал «белых», «желтых», а заодно и американских «краснокожих», хотя ничего подобного нет и не было. Так-то.

А посему, что бы там в Европе ни творилось, что бы ни делалось во всех других местах, судьбу Азии предсказать легко. Она просто вернется к своим истокам, к той дороге, откуда ее увела Европа. Тысячелетние традиции великих каганатов, выверенные и благородные законы Великой Степи – неплохое подспорье. Жизнь вновь станет неспешной, незатейливой, но честной, го-

раздо честнее той, что кипела в Европе. Потому что Тенгри, великое небо – та единственная вещь, что существует, пока существует Вселенная. В отличие от всего остального. Неизменное, вечное, недоступное земной грязи Вечное Небо над головой. Уткнувшейся рылом в землю Европе этого никогда не было дано понять.

И по степям вновь поскачут батыры, и будут красивые песни, и украшения, и будут любить девушек, и мериться силой, и соблюдать степные законы, собранные Чингисханом в «Ясе». Европа исчезнет, как дурной сон. Степные всадники будут веселы и счастливы.

Если только не примутся строить города.

Вы ведь помните, кто придумал города?

Красноярск, август 2006

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азбулов М.* Путешествие в загадочную Скифию. М.: Наука, 1989.
2. *Айвазян С.* История России: армянский след. М.: Крон-пресс, 2000.
3. *Алексеев А.* Скромный кондотьер. М.: Политиздат, 1991.
4. *Алексеев С.* Славянская Европа V–VI веков. М.: Вече, 2005.
5. Александрия. Жизнеописание Александра Македонского. М.: Айрис-пресс, 2005.
6. *Амальрик А., Монгайт А.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука, 1966.
7. *Аптекер Г.* Колониальная эра. М.: Изд. иностр. лит., 1961.
8. *Артамонов М.* История хазар. СПб.: Лань, 2001.
9. *Ахметшин Н.* Тайны великой пустыни. М.: Вече, 2003.
10. *Багров Л.* История картографии. М.: Центрполиграф, 2004.
11. *Баймухаметов С.* Ложь и правда русской истории. М.: Яуза, 2006.
12. *Бацалев В.* Тайны городов-призраков. М.: Вече, 2006.
13. *Болье М.-А. П.* Средневековая Франция. М.: Вече, 2006.
14. *Брашинский И.* В поисках скифских сокровищ. Л.: Наука, 1979.
15. *Булычев К.* Тайны Руси. М.: Дрофа, 2003.
16. *Бушков А.* Россия, которой не было – 3. М.: Олма-Пресс, 2004.

17. *Быков А., Кузьмина О.* Эпоха Куликовской битвы. М.: Вече, 2004.
18. *Бычков А.* Киевская Русь: страна, которой никогда не было. М.: Астрель, 2005.
19. *Бычков А.* Московия, легенды и мифы. М.: Астрель, 2005.
20. *Валянский С., Калюжный Д.* Другая история Руси. М. Вече. 2001.
21. *Валянский С., Калюжный Д.* Другая история Средневековья. М.: Вече, 2001.
22. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М.: Изд-во МГУ, 1987.
23. *Великовский И.* Миры в столкновении. М.: Новая планета, 2002.
24. *Вернадский Г.* Монголы и Русь. Тверь.: Леан, 1997.
25. *Волков А.* Тайны открытий XX века. М.: Вече, 2006.
26. Всемирная история. Крестоносцы и монголы. М.: АСТ, 2001.
27. *Галкина Е.* Тайны русского каганата. М.: Вече, 2002.
28. *Гаскойн Б.* Великие монголы. М.: Центрполиграф, 2003.
29. *Герберштейн.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.
30. *Геродот.* История. М.: АСТ, 2006.
31. *Гимбутас М.* Славяне. М. Центрполиграф. 2005.
32. *Голыденков И., Пархаев О.* Армия императорского Рима. М.: АСТ, 2000.
33. *Горелик М.* Армия монголо-татар. X–XI вв. М., 2002.
34. *Горненский И.* Тайны империи Чингисхана. М.: Вече, 2004.
35. *Дафтари Ф.* Краткая история исмаилизма. М.: АСТ, 2004.
36. *Горсей Д.* Записки о России. Изд-во МГУ, 1990.
37. *Греков Б.* Киевская Русь. Политиздат, 1953.
38. *Гришин Я.* Польско-литовские татары: взгляд через века. Казань, Татарское кн. изд-во, 2000.
39. *Громов Д., Бычков А.* Славянская урническая письменность. М.: София, 2005.

40. Гумилев Л. Черная легенда. М.: Айрис-Пресс, 2000.
41. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая Степь. М.: АСТ, 2004.
42. Гумилев Л. Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2004.
43. Гумилев Л. Древние тюрки. СПб.: Кристалл, 2003.
44. Данзан. Алтан тобчи. М.: Наука, 1973.
45. Даврижеци А. Книга историй. М.: Наука, 1973.
46. Даркевич В. Аргонавты Средневековья. М.: Университет – книжный дом, 2005.
47. Деген И. Иммануил Великовский. Ростов-на-Дону: Феникс, 1979.
48. Делюмо Д. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994.
49. Демин В. Тайны Евразии. М.: Вече, 2006.
50. Демин В. Русь нордическая. М.: Вече, 2005.
51. Демин В. Тайник русского Севера. М.: Вече, 2006.
52. Демин В. Северная прародина Руси. М.: Вече, 2006.
53. Демин В. Русь летописная. М.: Вече, 2003.
54. Демин В., Лазарев С., Слатин Н. Древнее древности. М.: АйФ-Принт, 2004.
55. Диллон М., Чедвик Н. К. Кельтские королевства. СПб.: Евразия, 2002.
56. Джуэтт С. О. Завоевание Англии норманнами. Минск: Харвест, 2003.
57. Бычков А., Низовский А., Черношвитов П. Загадки Древней Руси. М.: Вече, 2000.
58. Доманин А. Монгольская империя Чингизидов. М.: Центрполиграф, 2005.
59. Доронин Б. Историография императорского Китая. XVII–XVIII вв. СПб.: Изд-во СПб университета, 2002.
60. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.: Логос, 1999.
61. Дуглас Д. Вильгельм Завоеватель. М.: Центрполиграф, 2005.
62. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990.
63. Жио П.-Р. Бретонцы. М.: Центрполиграф, 2005.
64. Зюков Б. Под волнами Иссык-Куля. М.: Географгиз, 1962.

65. Из глубины столетий. Казань: Татарское кн. изд-во, 2004.
66. *Иловайский Д.* Становление Руси. М.: Алгоритм, 1996.
67. История Киева, тт. 1–2. Киев: Изд-во Украинской Академии наук, 1963.
68. История Испании и Португалии. М.: Монолит, 2002.
69. История СССР, тт. 1–5. М.: Наука. 1966.
70. История монголов. М.: АСТ, 2005.
71. История Китая. М.: МГУ, 2002.
72. *Калужный Д., Кеслер Я.* Другая история Московского царства. М.: Вече, 2003.
73. *Карамзин Н.* История государства Российского. Кн. 1–3. СПб.: Кристалл, 2003.
74. *Каргалов В.* Русь и кочевники. М.: Вече, 2004.
75. Карманная энциклопедия Хатчинсон. М.: Внешсигма, 1995.
76. *Кестлер А.* Тринадцатое колено. СПб.: Евразия, 2006.
77. *Прокотий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993.
78. *Класен Е.* Древнейшая история славян и славяно-русов. М.: Белые альвы, 2005.
79. *Кеслер Я., Давиденко И.* Мифы цивилизации. М.: Эксмо, 2005.
80. *Кеслер Я.* Русская цивилизация вчера и завтра. М.: Олма-Пресс, 2005.
81. Книга для чтения по истории Средних веков под редакцией проф. Виноградова. М.: Т-во Сытина, 1912.
82. *Князьков С.* Допетровская Русь. М.: Вече, 2005.
83. *Кожин В.* Правда против кривды. М.: Алгоритм, 2006.
84. *Коломийцев И.* Тайны великой Скифии. М.: Олма-Пресс, 2005.
85. *Конан Дойль.* А. Т. 5. М.: Правда, 1966.
86. *Королев А.* Загадки первых русских князей. М.: Вече, 2002.
87. Краткий энциклопедический словарь. М.: Внешсигма, 2001.

88. Кузьмин А. Начало Руси. М.: Вече, 2003.
89. Кузьмин А. Крещение Руси. М.: Эксмо, 2004.
90. Кычанов Е. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: «Восточная литература» РАН, 1995.
91. Ларионов В. Витязи Святой Руси. М.: Эксмо, 2004.
92. Ларионов В. Сокровенный путь в Беловодье. М.: Яуза, 2005.
93. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994.
94. Лызлов А. Скифская история. М.: Наука. 1990.
95. Малиничев Г. Археология по следам мифов и легенд. М.: Вече, 2006.
96. Манас. М.: Огиз, 1946.
97. Мартынов А. Археология. М.: Высшая школа, 2005.
98. Мензис Г. 1421 – год, когда Китай открыл мир. М.: Яуза, 2004..
99. Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г. Ханы и князья. М.: Вече, 2005.
100. Можейко И. 1185 год. М.: Наука, 1989.
101. Молев Е. Эллыны и варвары. М.: Центрполиграф, 2003.
102. Морозова Л. Русские княгини. М.: АСТ, 2004.
103. Мыльников А. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996.
104. Мэн Д. Чингисхан. М.: Эксмо, 2006.
105. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2006.
106. Шихаб ан-Насиви. Жизнеописание султана Джалал ад-Дин Манкбурны. М.: «Восточная литература» РАН, 1996.
107. Никитин А. Хождение за три моря. Калининград: Янтарный сказ, 2004.
108. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб.: Типография Безобразова и К°, тт. 1–3, 1864.
109. Нидерле Л. Славянские древности. М.: Алетейа, 2001.
110. Николаев В. История предков чувашей. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2005.

111. *Никольский Н.* История русской церкви. Минск, 1990.
112. *Низовский А.* Неразгаданные тайны Австралии и Океании. М.: Вече, 2005.
113. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань: Александрия, 2001.
114. *Осокин Н.* История Средних веков. Минск: Харвест, 2003.
115. *Пенник Н., Джонс П.* История языческой Европы. СПб.: Евразия, 2000.
116. *Перхавко В., Сухарев Ю.* Воители Руси IX–XI вв. М.: Вече, 2006.
117. *Пинегин М.* Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005.
118. *Политковская Е.* Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI–XVIII веках. М.: Флинта, 2005.
119. *Покровский М.* Русская история, т. 1. СПб.: Полигон, 2002.
120. *Попова А.* Ритмы истории. Русь и славяне в поисках прародины. М.: Яуза, 2003.
121. *Почекаев Р.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2006.
122. *Плутарх.* Сочинения. М.: Худ. лит., 1983.
123. Поэзия Золотой Орды. М.: Наталис, 2005.
124. *Прозоров Л.* Времена русских богатырей. М.: Яуза, 2006.
125. *Путенихин В.* Тайны Аркаима. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
126. *Райс Т.* Сельджуки. М.: Центрполиграф, 2004.
127. *Райс Т.* Скифы. М.: Центрполиграф, 2004.
128. *Райт Дж.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М.: Наука, 1988.
129. Рассказы начальной русской летописи. Новосибирск: Кн. изд-во, 1991.
130. *Ру Ж.-П.* Тамерлан. М.: Молодая гвардия, 2006.
131. *Ру Ж.-П.* Чингисхан и история монголов. М.: Астрель, 2005.
132. *Рубцов С.* Легионы Рима на нижнем Дунае. СПб. – М., 2003.

133. *Рыбаков Б.* Рождение Руси. М.: АиФ-Принт, 2003.
134. *Рябцевич В.* О чем рассказывают монеты. Минск: Народная асвета, 1977.
135. *Саггс Х.* Вавилон и Ассирия. М.: Центрполиграф, 2004.
136. *Серяков М.* Любовь и власть в Древней Руси. М.: Яуза, 2005.
137. *Сидихменов В.* Маньчжурские правители Китая. Минск: Миринда, 2004.
138. *Скрынников Р.* Иван III. М.: АСТ, 2006.
139. *Соловцов П.* История Сибири. М.: Вече, 2006.
140. *Соловьев С.* Наблюдения над исторической жизнью народов. М.: АСТ, 2003.
141. *Султанов Т.* Чингиз-хан и чингизиды: судьба и власть. М.: АСТ, 2006.
142. *Сычев Н.* Книга династий. М.: АСТ, 2005.
143. *Татищев В.* История Российская, тт. 1–2. М.: АСТ, 2003.
144. *Тацит.* Анналы. Малые произведения. История. М.: АСТ, 2001.
145. *Тевено Э.* История галлов. М.: Весь мир, 2002.
146. Типографская летопись. Рязань: Александрия, 2001.
147. *Тодд М.* Варвары. М.: Центрполиграф, 2005.
148. Три еврейских путешественника. Иерусалим. Гешарим. М.: Мосты культуры, 2004.
149. *Троцкий М.* Учебник логики. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1886.
150. *Успенский Л., Шнейдер К.* За семью печатями. М.: Молодая Гвардия, 1963.
151. *Уэзерфорд Д.* Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005.
152. *Файзрахметов Г.* История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. Казань: ФЭН, 2002.
153. *Федоров-Давыдов Г.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
154. *Федосеев Ю.* Русь и Золотая Орда. М., 2006.

155. *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989.
156. *Феофан Византиец, Приск Панийский.* Рязань: Александрия, 2005.
157. *Филлис Э.* Монголы. М.: Центрполиграф, 2004.
158. *Фишман О.* Китай в Европе: миф и реальность. XIII–XVIII вв. СПб., 2003.
159. *Фицджералд Ч.* История Китая. М.: Центрполиграф, 2005.
160. *Халил Г.* Куда исчезла Волжская Болгария? Казань, 2004.
161. *Хаттон Э.* Атила. М.: Центрполиграф, 2005.
162. *Уэллес-Хедрилл Дж-М.* Варварский Запад. СПб.: Евразия, 2002.
163. *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 2. М.: Иностр. лит-ра, 1961.
164. *Ходжсон М. Дж. С.* Орден ассасинов. М.: Вече, 2006.
165. Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука, 1986.
166. *Храпачевский Р.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004.
167. Хрестоматия по истории Средних веков, т. 2. М.: Соцэкономиздат, 1963.
168. *Худяков Ю.* Сабля багыра. СПб.– М., 2003.
169. *Цветков С.* Русская история. Кн. 1–2. М.: Центрполиграф, 2004.
170. *Цезарь.* Записки о галльской войне. Крисп. Сочинения. М.: АСТ, 2001.
171. *Ципоруха М.* Покорение Сибири. М.: Вече, 2004.
172. *Ципоруха М.* Российские мореходы. М.: Познавательная книга плюс, 2003.
173. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Политиздат, 1950.
174. *Чудинов В.* Загадки славянской письменности. М.: Вече, 2002.

ЧИНГИСХАН. НЕИЗВЕСТНАЯ АЗИЯ

175. *Широкова Н.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000.
176. *Широкорад А.* Русь и Орда. М.: Вече, 2004.
177. *Широкорад А.* Куликовская битва и рождение московской Руси. М.: Вече, 2005.
178. *Широкорад А.* Дипломатия и войны русских князей. М.: Вече, 2006.
179. *Шуриц Г.* История человечества. Средняя Азия и Сибирь. СПб.: Полигон, 2004.
180. Энциклопедический словарь М. М. Филиппова, тт. 1–3. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1901.
181. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. СПб.: Типография «Труд», 1913.
182. *Юрченко А.* Империя и космос. СПб.: Евразия, 2002.
183. *Ютен С.* Повседневная жизнь алхимиков в Средние века. М.: Молодая гвардия, 2005.
184. *Ян В.* Чингиз-хан. М.: ГИХЛ, 1960.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЭЗИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Хисам Кятиб

ЦАРЬ-ЧЕРЕП 1368–1369 годы

*«Вечен мир!» – они кричали. Где они?
Посмотри, как скоротечны наши дни!*

*В срок урочный перестанет белый свет.
Средь живущих на земле – бессмертья нет.*

*Все приметы правдой полнятся одной:
Все, что создано, не вечно под луной.*

*Глянь на тех, кто жил на свете прежде нас,
Нечестивец и святой – ушли в свой час.*

*Где пророки, где цари и мудрецы?
Где огромные державы и дворцы?*

*Где наш праотец Адам? Где пращур Ной?
Их следы замыты вечности волной.*

*Где Джамшид?¹ Где Сафуан?² Ушли с земли,
Их теней не различить уже вдали.*

*Где коварный Дакъюнус,³ заклятый лгун?
Где Нимврод, охотник-царь? Где Фаридун?*

*Где Рустам? Лишь тишина звенит в ушах.
Где теперь Ануширван, правдивый шах?*

*Где воинственный Махмуд, Газны султан?
Где Хосров и где Ширин? Где Зулькарнайн?⁴*

*Где другой султан, Азам, что под конец
Выбрал дервиша колпак, отдав венец?*

*Где Чингиз, где Хулагу,⁵ следов их гарь?
Где язычник Бохтнасыр,⁶ лукавый царь?*

*Каждый думал, держит Божий мир в руке,
Каждый белый свет покинул налегке,*

*В бело-мертвенную бязь заворотясь,
Оставляя на земле и кровь, и грязь,*

¹ Джамшид (Джемшид) – легендарный царь Древнего Ирана, у которого была чаша, на дне которой отражалось все, что происходило в мире. В мусульманской поэзии Джамшид – символ власти и величия.

² Джамшид, Сафуан, Рустам, Фаридун – герои иранских сказаний, увековеченные в «Шах-наме» Фирдоуси.

³ Дакъюнус – по всей видимости, языческий бог Дионис.

⁴ Зулькарнайн – «двурогий», мусульманское прозвище Александра Македонского.

⁵ Хулагу – монгольский хан, разрушивший Багдад.

⁶ Бохтнасыр – вавилонский царь Навуходоносор.

*И обилие скота, и роскошь яств,
И удачу, и престол, и блеск богатств.*

*В мир пришел – уже готовься уходить,
Поспевай по мере сил добро творить.*

*Полон чадами Адама чернозем,
Все своим уходят в землю чередом.*

*С каждым шагом, попирая лик земли,
Топчем лица, прахом легшие в пыли.*

*Распускается нарцисс под пенье птиц:
Кудри желтые – как локоны юниц.*

*Расцветает гиацинт в струенье дней:
Кудри черные – как локоны царей.*

*Сколько их уж приняла земля сыра,
В ней лежат они дни, ночи, вечера.*

*Кто султан из них? Кто раб, а кто – эмир?
Кто богач? Кто – мудрый шейх, презревший мир?*

*Кто здесь воин, кто старик и кто – юнец?
Помни Господа, когда придет конец.*

*Чей-то прах взметут лучистые ветра,
Чьи-то кости чисто выбелит жара,*

*Ниц, богат, велик, ничтожен? Не узнать.
Раб, султан, ходжа, вельможа? Не узнать.*

*В доказательство пример вам приведу:
В нем едином – мед со всех цветов в саду.*

** * **

*Иисус-пророк в скитальчестве своем
По сирийской шел пустыне жарким днем,*

*Увидал он над рекой зеленый луг:
Струи блещут, птицы тенькают вокруг.*

*Омовенье совершая в добрый час,
Чтоб в опрятности творить потом намаз,*

*Иисус увидел глыбу среди камней:
Страшный череп белизной сверкал на ней.*

*Ни очей, ни уст, ни тела – ничего
Не имелось у несчастного сего.*

*Сын Марии, потеряв души покой,
Посочувствовал той участи людской:
«Много видел я, – сказал он, – дел земных,
Но такого не встречал я среди них!»*

*Письмена он возле черепа узрел:
«Человечья голова – вот твой предел!*

*Испытаний много даст тебе Аллах,
Прежде чем душа взовьется на крылах...»*

*Иисус пошел к злосчастной голове,
Чтоб разведать о мирской ее судьбе:*

*«О иссохшая глава, чьей ты была?
Может, прежде ты красавицей слыла?»*

*Господина ты венчала иль раба,
Голова, чья так безрадостна судьба?»*

*Ты вельможным богачом была в миру
Иль жила бродягой нищим на ветру?»*

*Ты щедра или скупа в миру была?
Благонравна или низменна и зла?»*

*Волей Божьей, словно бы издалека,
Скорбный череп провещал без языка:*

*«Слушай же – я расскажу судьбу мою.
Ни одной из бед своих не утаю.*

*В брennom мире я великим был царем,
Яств-богатств никто б не счел в дому моем.*

*Славен был я, справедливый государь,
Так меня и прозывали – Череп-царь.*

*Град огромный был столицею моей,
Не исчислить, сколько зданий было в ней;*

*Вдоль – пять дней и поперек – три дня пути,
Недовольных мною было не найти.*

*Там дворец возвел я новый – подивись! –
Десять тысяч мер в длину и столько ж – ввысь.*

*Кто извне был – громко славил власть мою,
Кто вовне был – тот как будто был в раю.*

*Не взойдешь шутя на крышу – висока,
А взберешься – окунешься в облака.*

*Сорок тысяч везирей служило мне,
Каждый льва бы укротил наедине.*

*Восемнадцать тысяч беков всей земли
Дважды в день служенье идолам вели.*

*Содержал я двадцать тысяч ловчих птиц,
Гончих псов, лихих коней и кобылиц.*

*Десять тысяч слуг обслуживало стол,
Без молитвы ввек я к трапезе не шел.*

*Десять тысяч слуг следило за питьем,
Десять тысяч слуг держал я за шитьем,*

*Десять тысяч жен своих, что дня светлей,
Выбирал я лишь из царских дочерей.*

*Десять тысяч милых дев, помимо жен,
Содержал я, нежной лаской окружен.*

*Ровно тысяча служанок, чуждых сну,
Обихаживало каждую жену.*

*Были гурии мои прелестней дня,
Без ума они все были от меня.*

*И семь тысяч музыкантов от души
Слух мой тешили гармонией в тиши.*

*Чанг, комуз, курай звучали без конца,
Барабан, стуча, подбадривал певца.*

*Были все мои застолия тесны...
Нынче с грустью вспоминаю эти сны.*

*Войско было – сотня тысяч удалцов,
Каждый справился бы с тысячей бойцов.*

*Ни именья, ни скота я не считал,
Насыщались угощением стар и мал,*

*Львиной силой обладая в те года,
Сам бы с тысячей я справился тогда.*

*Изумруды, яшма, жемчуг и янтарь...
Славен был своим богатством Череп-царь.*

*Был пригож я – кто питал ко мне любовь,
Душу б отдал, отдал бы до капли кровь.*

*Был подобен я сиянием луне,
Знаток наук я слыл в своей стране,*

*Ниспослал мне Величайший с высоты
Полной мерой и ума, и красоты.*

*Я обычаю был верен одному,
Я обязан был прозванием ему:*

*Кто бы с просьбою ни шел в мои врата,
Нищий дервиш или бедный сирота,*

*Хоть и тысяча увечных шла ко мне,
Уезжали после в шубе, на коне.*

*Всех, кто шел ко мне, отчаясь, – выручал,
Всех, кто шел ко мне, печальясь, – привечал.*

*День и ночь я не чурался добрых дел,
О голодных и убогих я радел,*

*Каждый день кормилась вдосталь беднота,
Не жалел я им ни птицы, ни скота,*

*Тьмы заклав овец, быков и лошадей,
Головами их я лакомил людей¹.*

*Так и жил бы я, красив и тароват,
Только смерть мне объявила шах и мат».*

* * *

*И замолкла костяная голова,
Иисусу провещав свои слова.*

*Он же молвил: «О заблудший человек,
Как же с телом распрощался ты навек?»*

*Что увидел ты в загробном сне своем,
Вдруг уйдя за жизни этой окоем?»*

¹ В скотоводческих культурах голова животного является самым почетным лакомством. Видимо, прозвище Череп-царь происходит именно отсюда.

*Кто допрашивал тебя в иных мирах,
Там изведal ты блаженство или страх?*

*Коли ты узрел воочью Ад и Рай,
Мир загробный мне в рассказе воссоздай!*

*Расскажи, как пережил ты смертный миг,
А не можешь, так забудь земной язык!»*

* * *

*За слезою покатилась тут слеза
Из глазниц, где были некогда глаза.*

*Череп вымолвил: «Однажды ввечеру
Восседал я, услаждаясь, на пиру.*

*Кто венец держал, кто – шубу, и сам-друг
Я сидел в кругу наложниц и супруг.*

*Слушай тот, кто любит радости земли:
На одну из них глаза мои легли,*

*Загорелось возжеление в крови,
Я возлег на ложе страсти и любви.*

*Тут придворный весть принес, что у дверей
Ждет убогий – просит милости моей.*

*Был охвачен я хотеньем – сверх него
Не желал я знать и видеть ничего.*

*“Дурень, – молвил я ему, – всему свой час,
Венценосу не до милостей сейчас”.*

*Царедворец, чтоб обиду превозмочь,
Резким окриком прогнал калеку в ночь.*

*Пораженный этой грубостью большой,
Бедный прочь ушел с израненной душой.*

*Грех мой стал ему сопутствовать в пути.
Как его я ни искал – не смог найти.*

*Пламень нежности с подругой поделив
И телесное желанье утолив,*

*После в банный я направился покой,
Чтоб любовный пот омыть своей рукой.*

*Окатил себя водой из таза – вдруг
В голове возник неведомый недуг,*

*Свет в очах моих погас, и в тот же миг
Кровь отхлынула и желтым стал мой лик.*

*И рабы, узрев упавшего меня,
Принесли меня из бани, гомоня,*

*И на ложе возложили, и вокруг
Сели тысячи наложниц и супруг.*

*В страшной немоци лежал я ночью той,
Несносимой мучась болью головной.*

*На заре пришли везири и князя,
Разных снадобий наробовался я,*

*Не пошло мне ни одно лекарство впрок,
Лишь усилил хворь мою Всевышний Бог.*

*Днем умножились страдания стократ,
Изнемог я с головы до самых пят,*

*За неделю истерзал меня недуг,
В муках я не осязал ни ног, ни рук,*

*Думал я, вступить не в силах в разговор:
Кто ж наслал на тело этот сглаз и мор?*

*Вновь явились царедворцы во дворец,
Увидали, что приходит мне конец,*

*В плач ударились при виде смертных мук,
Отослали прочь невольниц и супруг.*

*Позабыв, кто я такой и что со мной,
Государство забыв с его казней,*

*Так лежал я в забытии, убог и сир.
Вдруг пустыней обернулся дольний мир,*

*И, в глазах являя пламень неземной,
Шестиликий ангел встал перед мной.*

*Лица спереди и сзади у него,
От него не утаится ничего,*

*На закат и на восход концами крыл
Указует этот ангел Азраил,*

*В дланях держит чашу смерти и копье,
Завершая человека бытие.*

*Он, прижав к моей груди конец копья,
Дал испить из чаши горького питья,*

*Изрекая: "Коль придешь когда в себя,
Вновь друзей увидишь, Бога возлюбя".*

*Чуть испил – не стало вмиг земных вещей,
Изошла душа из высохших мощей,*

*Ни казна, ни власть, ни весь соблазн земли
Удержать ее на свете не смогли».*

*Череп молвил: «Слушай далее, пророк!
Снова очи отворил я в некий срок,*

*Вижу – в саване лежу, в земле, впотьмах,
Телеса мои, гляжу, истлели в прах.*

*"Где престол мой, – я вскричал, – и где казна?
Кони где мои и шубы, где страна?"*

*Где рабыни и супруги, все блага,
Где рубины, изумруды, жемчуга?*

*Где друзья и то приятное житье,
Где изысканные яства и питье?"*

*Оказалось все тщетой и суетой,
Не осталось ничего от жизни той.*

*Тут в могильной шелестящей тишине
Два престаишных существа явились мне.*

*“Кто вы?”, – спрашиваю, ужасом объят.
“Мы – загробные писцы”, – мне говорят.*

*Оторвав полоску смертной простыни,
На нее мои деянья нанесли*

*И сказали: “Ты видал при жизни рай,
Ныне адские терзания узнай!”*

*Задрожал я, и застлала очи хмарь:
“Что же сделал ты с собою, Череп-царь?”*

*Крепко взяв меня в тиски, в чаду угроз
Учинили мне с пристрастием допрос,*

*И на жалобы в ответ – что было сил
Каждый ангел тяжелой палицею бил.*

*После новые мучители пришли,
Раскаленной цепью шею оплели*

*И погнали в этом огненном ярме
Прямо в полямя, ревущее во тьме.*

*Жаждой мучимый в той огненной беде,
Я молил истошным криком о воде,*

*Но они, разжав мне зубы, средь огня
Напоили едкой горечью меня.*

*Я испил ее – и с первым же глотком
Все нутро сожглось каленым кипятком,*

*Несносимо стало больно животу,
Все навек спеклось в гортани и во рту.*

*Снова начали силком меня поить:
“Не хочу, – им закричал я, – больше пить!”*

*Палачи меня по окрику старшин
Заковали цепью в семьдесят аршин,*

*Били боем, и напрасен был мой крик,
Принялись потом вытягивать язык:*

*С языком, как бич свисающим с плеча,
Снова в пламя потащили, волоча,*

*Снова бросили в пылающую печь...
Эти муки передать бессильна речь.*

*О пророк, в пределах адского огня
Несказанные терзанья принял я.*

*Этот пламень – он жесточе, чем пожар:
Этажками вниз идет слоистый жар,*

*И круги его, чем ниже, тем жарчей
Польхают злее тысячи печей.*

*Каждый круг, своим названьем именит,
Детям Евы и Адама надлежит.*

*Самый первый круг там "Бездною" зовут,
Пыл его невыразимо зол и лют,*

*Лицемеров истязают в том кругу:
Там их столько, что исчислить не смогу...*

*А еще узрел я муки, господин,
Безобразных обезьяньих образин, –*

*Тех, кто низостью позорил белый свет,
Ближним - дальним нанося ущерб и вред.*

*А еще в кругу огня узрел я тех,
Что ходили носом вниз – ногами вверх:*

*Это – те, что ублажали гордый нрав,
Всё кричали "Я!" да "Я!", носы задрав.*

*Свыше тысячи ремесел превзойди, –
Все равно пред Богом "якать" погоди...*

*Также видел я средь адовых огней
Нечестивцев грешных с рылами свиней, –*

*Что сновали по стране вперед-назад,
Смуту сеяли в народе и разлад.*

*А еще я видел там другой народ –
Слепошарых, что бродили взад-вперед, –*

*Тех, кто век своих грехов не замечал,
Но в соседях все огрехи отмечал.*

*Безъязыкий люд я видел в корчах мук
И других, что не имели ног и рук.*

*Те, что корчились, мыча, в крошечном зле,
Были судьями когда-то на земле.*

*А лишённые конечностей – в миру
Издевались над соседом по двору.*

*И другое племя мучимых теней
Видел я среди очистительных огней.*

*Бродят, свесив языки в аршин длиной,
С языков тех истекают кровь и гной.*

*Это – те, кто в прошлом облике земном
Правду в кривду превращал своим враньем,*

*Кто двурушничал для грешных заводил,
Кто напраслину на ближних возводил.*

*И других людей я видел в адской мгле,
Я вовек себя не числил в их числе:*

*На глаза им налепляли палачи
Золотые, раскаленные в печи.*

*Злое золото, как жгучая слеза,
Прожигало им и кожу, и глаза.*

*Это – те, кто не творил вовек добра,
Сидя сам на куче кучей злата-серебра.*

*Без сознания, что послал богатство Бог,
Никому оно, тщеславное, не впрок.*

*Посмотри ж, какой конец по смерти ждет
Тех, кто бедных обделяет и сирот!*

*Свыше тысячи ремесел превзойди –
Все зазря, когда тщета живет в груди.*

*А когда ты из смиренного числа,
Не большой и грех – не ведать ремесла.*

*И еще тужил в аду народ иной:
Уголь огненный служил ему едой.*

*Это – те, кто, в сребролюбии суров,
Брал лихву и обирал сирот и вдов.*

*У других, лишь полыхнет огнистый меч,
То и дело голова слетала с плеч,*

*Но Всевышний вещим промыслом Своим
Тотчас головы на плечи ставил им, –*

*Тем разбойникам, что в злобе вновь и вновь
Грабя, головы рубили, лили кровь.*

*И других я видел в огненных цепях –
Волоса их, волочась, будили страх.*

*Это – те, кто, даже мучась животом,
Жадно жрал, не оставляя на потом.*

*В наказание в адской огненной пыли
Волоса их достигали до земли.*

*И других я зрел вдали от благ земных:
Эти выглядели хуже остальных.*

*Нагишом они ходили, трепеща:
Ни венца на них, ни царского плаща,*

*Кровь струилась с обнаженных жалких тел,
Грешный люд на них с презрением глядел.*

*Семь десятков язв открытых на телах,
И не счесть печатей, скрытых на челах.*

*Гольшом в огне сгорают – не сгорят,
Пусть же знают в страхе Божьем стар и млад:*

*Всяк из них когда-то был царем земным,
Всяк бахвалился могуществом своим;*

*Но для бедных доли не было у них,
О несчастных боли не было у них;*

*Не одели никого, не помогли,
Не утешили ничем своей земли;*

*Поскупясь на саван бедному в гробу,
Не давали воли пленнику, рабу –*

*Вот и мучаются... Знай же наперед:
Всем тот пламень по заслугам воздает».*

*Иисус, в душе питая Божий страх,
Повесть горестную слушал, весь в слезах.*

*Речь продолжил скорбный череп в тишине:
«Снова ангелы гурьбой сошлись ко мне,*

*Потащили снова волоком меня
В самый нижний круг великого огня.*

*Этот круг зовется нижним оттого,
Что числа нет всем терзаниям его.*

*Есть гробница там – огонь вокруг свиреп,
“Полезай, – мне приказали, – в этот склеп!”*

*В склеп залез я, и ничтожный облик мой
В трех обличиях предстал передо мной.*

*“Кто вы?!” – я спросил у призраков троих.
“Мы – цари, – в ответ услышал я от них. –*

*Выше всех в отчизне днесь стояли мы,
Но о том, что будем здесь, не знали мы.*

*Если б ведали, что ждет нас лютый ад,
Каждый с нищим поменяться был бы рад.*

*Было б дервишами мыкать нам беду,
Чем царями горько мучаться в аду..”*

*В страшном склепе я лежал, не числа дней,
Среди гнусных скорпионов, мерзких змей.*

*Плоть мою кусали-жалили они,
Поминая мне мои былые дни.*

*Как ни рвали гады плоть мою впотьмах,
Снова мясо нарастало на костях.*

*Я в рыданиях и тоске у адских сил
Облегчения терзаниям просил,*

*Но никто не отвечал моей мольбе,
Вызволенья не видел я себе.*

*На спасенье были чаянья тщетой,
Видно, не было исхода пытке той.*

*Но внезапно меж терзаний в некий час –
“Отпуститъ его! – раздался свыше Глас. –*

*Преисподней он прошел последний круг,
Пусть душа его избавится от мук.*

*Пусть он был кафир неверный – по всему,
Был он милостив к народу своему,*

*Помогал он бедным-сырым, не чинясь,
Не разнились для него бедняк и князь”.*

*Снова подняли меня и вознесли
В этот мир из преисподних недр земли.*

*Тысячу я в этом мире прожил лет,
И четыре – истязал меня тот свет,*

*Вот уж семь десятков лет и много дней
Истлеваю в сей пустыне средь камней».*

* * *

*Иисус тогда спросил: «О Череп-царь,
К вам от Бога приходил ли вестник встарь?»*

*Молвил череп: «Приходил пророк Ильяс¹,
Но его никто не выслушал у нас,*

*К Богу мы не обратились вместе с ним,
Мы верны остались идолам своим,*

*И за это, умываясь кровью, мы
Муку адскую познали среди тьмы».*

*Иисус сказал: «О мученик, поверь,
Примет Бог твое моление теперь».*

*Череп молвил: «Удручен своей виной,
Я б вернулся в прежний образ свой земной,*

*Сколько лет молю Всевышнего о том,
Да простит нас в милосердии святом!»*

*Иисус, воздевши руку над головой,
Помолился: «О Всеслышащий, Живой!»*

*Об одном прошу, Владыка наш в мирах,
Душу заново вдохни в истлевший прах!»*

¹ Ильяс – святой Илия, предтеча мессии Иисуса.

*Вняв пророку, наш Всевидящий Господь
Возвратил тогда рабу и дух, и плоть...*

* * *

*Ныне вкратце подытожу притчи суть,
Чтобы в ней не усомнился кто-нибудь:*

*Тьма царей ушла в былые времена,
Их дела запечатлели письма,*

*Только если долг исполнит человек,
След его святым останется навек.*

*Знаешь ты теперь про Черепа-царя,
Он в Египте жил и царствовал не зря,*

*Славен был он долгим царствием земным.
Но душа всевластна стала и над ним.*

*Я ж, Хисам Кятиб, сей труд по мере сил
В год семьсот семидесятый завершил¹.*

¹ 770 г. Хиджры падает на 1368–1369 гг. от Рождества Христова.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

Лубсан Данзан

АЛТАН ТОБЧИ **(«Золотое сказание»)**

Перевод с монгольского Н. П. Шастиной

Глава II. РОДОСЛОВНАЯ ЧИНГИС-ХАНА

После того как Будда погрузился в нирвану и прошло более чем три тысячи двести пятьдесят лет, в северной монгольской земле вот как родился августейший Чингис-хан: произошедший от первого тибетского Худзугун Сандалиту-хагана Далай Субин Алтан. Сандалиту-хаган имел трех сыновей: старшего – Борочу, второго – Шигагучи, младшего – Бортэ Чино-а. Так как они между собой жили не в ладах, то Бортэ Чино-а переправился через Тэнгис-далай по направлению к северу и прибыл в землю Дзад. Незамужнюю девушку по имени Гоа Марал взял в жены и поселился в земле Дзад; так произошел род «монгол».

Бортэ Чино-а и Гоа Марал, прибывшие согласно предопределению Высшего неба, переправившись через Тэнгис-далай, поселились около Бурган-Галдуна. От этих двоих родился Бата Чаган. Сын Бата Чагана назывался Тамачин. Сыном Тамачина был Хоричир Мэргэн. Сыном Хоричир Мэргэна был Огуджам Бохурул. Сыном Огуджам Бохурула был Сали Халчаху. Сын Сали Халчаху назывался Йэхэ Нидун. Сын Йэхэ Нидуна назывался Сэм Сочи. Сын Сэм Сочи назывался Харачус.

Сын Харачуса поселился на южной стороне Бурган-Галдуна в истоках [речки] Бутаган-Бохурчин; [там] родившийся Борджигидай Мэргэн жил с женой Монголджин-гоа. Родившийся от Монголджин-гоа Торголд-

жин Байан имел от жены Борогчин-гоа юного [сына] Боролдай Хубилая и имел двух аргамаков-коней – Дайра и Боро. От Борогчин-гоа родились [еще] двое [сыновей]: Дува Сохор и Добу Мэргэн.

Так как Дува Сохор имел единственный глаз посредине лба, то он мог видеть на расстоянии трех кочевков.

Однажды братья отправились на охоту. Когда посмотрели с Бурган-Галдуна сверху, то старший брат Дува Сохор увидел, что приближается небольшая группа людей из-за лесного хребта по течению речки Тунгилэк, и сказал: «Среди тех людей, что приближаются, кочуя по течению речки Тунгилэк, отсюда видно прекрасную собою девушку, сидящую на передке крытой повозки. Если она не отдана [какому-либо] человеку, то для тебя, младшего моего брата, мы ее и попросим». Сказав так, он отправил Добу Мэргэна посмотреть ее.

Когда он подскакал к тем людям, то [увидел], что действительно там находилась девушка по имени Алун-гоа, весьма славящаяся своей красотой и добротой, еще не отданная замуж. То была Алун-гоа, рожденная от Баргуджин-гоа и Хорилдай Мэргэна, владыки того народа баргуджин-тумэтов.

Хорилдай Мэргэн в своей земле тумэтов наложил запрет [на охоту] на соболя, белку и лесных зверей. Так как [тумэты] препятствовали друг другу и между ними происходили ссоры, то и стал род [называться] хори-лар. Сказав: «На Бурган-Галдуне много диких зверей», – он прикочевал к Шингшинг Байану и Бурхану Урианхаю на Бурган-Галдуне. Вот тогда-то и взял Добу Мэргэн в жены Алун-гоа, дочь хори-тумэтского Хорилдай Мэргэна, рожденную в Ариг-Усуне. Алун-гоа, прибыв к Добу Мэргэну, родила двух сыновей по имени Бэлхунутэй и [Бэхунутэй].

У Дува Сохора было четверо сыновей. После того как все это случилось и Дува Сохора не стало, четверо его сыновей перестали считать своего дядю Добу Мэргэна членом рода, презирали его и откочевали. Они образовали род дорбэн. Они стали предками дорбэнов.

После того Добу Мэргэн отправился однажды поохотиться на Тобучаг-Ундур; в лесу [он встретил] одного человека, который убил трехлетнего оленя и сидел, поджаривая его внутренности и ребра.

Добу Мэргэн подошел и сказал: «Друг! [Дай] жареного!» И когда он спросил: «Ты чей человек?», – тот сказал: «Я человек урианхайский», – и, взяв себе легкие, голову с сердцем и кожу, все остальное мясо отдал Добу Мэргэну.

Когда Добу Мэргэн, взяв мясо, возвращался домой, по дороге [к нему] приблизился один бедный человек, ведший своего маленького сына.

Когда Добу Мэргэн сказал: «Ты чей человек?», – тот человек ответил: «Я человек Магалиг Байагудая; не могу идти я так [больше]. Отдам тебе

этого своего сына, а ты не дашь ли мне [часть] того мяса?» Когда он так сказал, то Добу Мэргэн, отрезав одно из бедер трехлетнего оленя, отдал ему, и тот мальчик стал [у него] в юрте слугой. Вскоре после того как это было, Добу Мэргэна не стало. После того как Добу Мэргэна не стало, Алун-гоа, живя без мужа, родила трех сыновей по имени Буху Хатаги, Бухучи Салджи и Боданчар Мунгхаг.

Двое сыновей ее Бэлхунутэй и Бэхунутэй тайком говорили между собой о том, что у их матери родились эти три сына: «Нет никого [у матери нашей], ни братьев, ни родственников. Чьи же эти сыновья? Этот человек Магалиг Байагудай стал хозяином в юрте. Не его ли они [сыновья]?» То, о чем они говорили между собой, Алун-гоа поняла.

Однажды в весенний день, сварив сбереженной, вяленой баранины, [она] собрала пятерых своих сыновей, велела им сесть в ряд и взять по одному прутику. Когда она дала [прутики], то сказала: «Сыны, сломайте!» Сыновья ее сломали [их]. Когда же еще дала, связав по пяти прутиков вместе, то не сломали. После того мать их Алун-гоа сказала: «Вы, два моих сына! Ваше подозрение насчет того, как родились эти [последние] три сына, чьи они сыновья, – так это правильное подозрение! Каждую ночь приходил желтый маленький человек, поглаживал мое чрево, входил в юрту [или] через дымовое отверстие, [или] притолку; в час, когда всходило, разливая свет, солнце, он оборачивался желтой собакой и, царапаясь, уходил.

Для тех, кто понимает,
Это знак, что он сын Неба. Да!
И я так думать стала.
Не считайте его простолюдином, не говорите так!
Ведь потом, когда станет владыкою
Чужих ханов и народов, –
Вот тогда и поймете вы:
Не простой человек он. Нет!

Когда так случится, то вы оба станете ему преданными товарищами, – сказала она. Оба сына ее промолчали. Алун-гоа также сказала поучение своим сыновьям:

«Вы, пятеро сынов моих, из одного чрева родились. Да!
Если вы впятером без согласия меж собой будете [жить],
То, подобно одному прутику, будете легко побеждаемы!
Если будете в едином согласии, то станете как крепкие прутья.
Кто же сможет [над вами] стать?»

Тем временем вскоре Алун-гоа не стало.

После того как не стало их матери, старшие и младшие братья разделили стадо ее между собой. Бэлхунутэй, Бэхунутэй, Буху Хатаги, Бухучи Салджи, четверо старших взяли все части. Старшие братья, полагая, что Боданчар Мунгхаг глуп, не считали его сородичем и не дали ему его части.

Боданчар, не получив своей части, сказал: «Этак-то как же здесь жить?» – сел верхом на Орог-Шинхула, у которого

язвы на спине,
хвост как стрела,

и, говоря: «Умереть ли, жить ли, пусть то ведает судьба моя!», – уехал по течению реки Онон.

Едучи, он достиг до Балджир-Арала на Ононе и стал там жить, устроив себе шалаш из травы. Жил он на высоком месте; однажды, увидя сероватого ястреба, схватившего и поедавшего черного тетерева, захватил его волосяной петлей, сделанной из [волос] хвоста Орог-Шинхула, [у которого]

язвы на спине,
хвост как стрела,

и обучил.

После того, не имея пищи, чтобы поесть, подкрадывался он к диким животным, притаившимся в ложбине от серых волков, стрелял, убивал и себя этим кормил, воспитывал своего ястреба, так тот год и прошел.

Наступил следующий год.
Когда настала весна,
Когда прилетели утки и гуси,
Когда ястреба своего, привязав, запускал,
То на каждом сухом дереве внутренности
Развешивал и насаживал надолго,
До того, что протухали и смердели.

В то время как он жил так, поедая пойманных уток и гусей, из-за леса по течению речки Тунгилэк прикочевал один народец. Боданчар увидал [его], взял своего ястреба и отправился к тому народу. Пойманных днем уток он отдавал и приходил, чтобы выпить кислого молока, ночью возвращался в свой шалаш [и там] ночевал.

Когда тот народец попросил у Боданчара ястреба, то он не отдал. Народец не спрашивал у Боданчара, чей он и кто он такой. Боданчар также не спрашивал, чьи они, так и жили рядом.

Между тем старший его брат Буху Хатаги подумал: «Младший брат мой Боданчар ушел по течению этой реки. Жив ли он или умер?» – и

отправился искать. Когда [он] расспросил у того народца на речке Тунгилэк: «Был ли [здесь] такой-то человек с таким-то конем?», – те люди сказали: «Есть такой человек, похожий на разыскиваемого тобою, человек с конем. Каждый день к нам приходит, отдает [часть] своих уток; напившись кислого молока, уходит. Где он ночует ночью, не знаем. Есть у него один сероватый ястреб. Когда случается северо-западный ветер, то перья и пух от схваченных тем ястребом уток и гусей несутся по ветру и сыплются подобно снегу. Мы просили [у него] ястреба, [он] не дал. Сейчас наступил час его прихода. Подожди-ка немножко!»

Через некоторое время с верховья речки Тунгилэк стал приближаться человек. Когда он подошел, [оказалось, что] это действительно был Боданчар. Старший его брат Буху Хатаги увидал своего младшего брата Боданчара, узнал его, увез, и когда они, ничего не говоря, ехали рысью обратно [домой], то Боданчар, следуя позади за своим старшим братом, сказал: «Хорошо, когда у тела есть голова, когда у шубы есть воротник!» Старший брат его ничего не произнес.

Еще немного проехали вместе, [Боданчар] сказал те же самые свои слова. Опять ничего не произнес [старший брат]. Когда же [он] опять сказал те же самые слова, то старший брат спросил: «Что за слова ты сказал только что?»

Когда [он] так сказал, то Боданчар заговорил: «Вы, старшие братья, между собою разделили [все] части, мне [моей части] не дали. Разве ты этого не знаешь? Этих слов, говоришь, ты также не понял. Народец, у которого мы только что были, не имеет ни больших, ни малых. Нет главы у них, легко будет [захватить их]. Давай-ка нападём на них». Когда он это проговорил, то Буху Хатаги сказал: «Чтобы так сделать, надо сговориться с братьями, чтобы все согласились». Прибыли к своим юртам, и, сговорившись друг с другом, все братья отправились [в путь], велев Боданчару проводить их.

Когда напали на тех людей, Боданчар захватил одну женщину, которая была беременна. Он спросил ее: «Чья ты?», – и та женщина сказала: «Я из людей Урйанхадая, из джарчигутов, осиливших анханов!»

Эта женщина, находившаяся в середине беременности, прибыв к Боданчару, родила мальчика. «Это из народа дзад», – сказали и назвали его Джурчидай. Сын того Джурчидай назывался Тугудэй. Сыном Тугудэя был Бури Булишиху. Сын Бури Булишиху назывался Хара Хадаган. Так произошёл род джарчират. Они были предками джарчиратов.

Затем [у этой женщины] от Боданчара родился сын. Сына, рожденно-го от захваченной женщины, назвали Багаридай. Сын Багаридая назывался Чидухул. Сыновья у него рождались во множестве. От них произошёл род маха багарин. Они были предками багаринов.

От родича Бэхунутэя, [сына] Добу Мэргэна, произошел род бэхунут. От сыновей Бэлхунутэя произошел род бэлхунут. Сыновья Буху Хатаги стали родом хатагин. Они были предками хатагинов. Сыновья Бухучи Салджи стали родом салджигутов. Они были предками салджигутов.

Родившийся у старшей жены Боданчара сын назывался Барим Шихэрэту Хабичи-багатур. Так произошел род борджигит. То были предки борджигитов.

Боданчар взял в жены женщину, приведенную как *инджи* к матери Барим Шихэрэту Хабичи-багатура. Родившийся от этой *инджи* сын назывался Джэгуридэй. При жизни Боданчара он участвовал в родовых жертвоприношениях.

После того как Боданчара не стало, главою юрты стал Урианхадай. Со словами: «Он не нужен!» – он изгнал [Джэгуридэя из участия] в родовых жертвоприношениях. [От Джэгуридэя] произошел род джэгурийэд. Он был предком джэгурийэдов.

Сыном Барим Шихэрэту Хабичи-багатура был Бэхир-багатур, сын которого именовался Маха Тудун. У Маха Тудуна от жены Номалун Торгун родилось семь сыновей. Первый, старший, был Хачи-кулук, [другие] назывались Хачин, Хачиху, Хачила, Харалдай, Хачихун, Начин-багатур. Их было семь.

Сына Хачи-кулука звали Хайду. Так как нравом он был заносчив [как *нойан*], то и род его стал [называться] нойакин. Он был предком рода нойакин. Сына Хачиху звали Барилдай. Так как он был большой обжора, то и род его стал барлаг. Так как сын Хачила был велик ростом и был большой обжора, то называли его Йэхэ Барула. От него произошел род барулас. Эрдэмту Барла, Тодэгэн и другие были предками баруласов. Сыновья Харалдая [смешались] подобно каше, не имели главы; [от них] и произошел род будагут. Они были предками будагутов.

Сын Хачихуна назывался Адархидай. Так как старшие и младшие братья говорили там и тут клеветнические [слова], то и род этот был завистников. Мухур Сагурин и прочие входили в род адаркин. Они были предками адаркинов. Сыновья Начин-багатура звались Урхудай и Мангхудай. Сыновья Урхудая образовали [род] урхут. Сыновья Мангхудая образовали род манхут. Они были предками рода манхутов. У Начин-багатура от старшей жены родились двое – Шишихудай и Дохолху. От них произошли роды шишигут и дохолхут. Они были предками этих родов.

У Хайду были три сына: Байшингхор Догшин, Чирахай Лингхуа, Чауджин Ортэгэй. Сын Байшингхор Догшина назывался Тумбиной Сэчэн. Сын Чирахай Лингхуа назывался Сэнгум Бэлгэ. Сыновья Сэнгум Бэлгэ во главе с Исэлэй-хаганом образовали род тайчжигут. Так были они пред-

ками тайчжигутов. Сын Чирахай Лингхуа, родившийся неизвестно от кого, назывался Бэсут. [От него] произошел род бэсут. То были предки бэсутов. Сыновья Чауджин Ортэгэя были предками [родов] оронар, хонгхотан, арулун, сунит, хабтурхат, кэит, гэргэс.

У Тумбиной Сэчэна было два сына: Хам Хацула и Хабул-хаган. Сын Хам Хацула назывался Бултачу-багатур. Сыном Бултачу-багатура был Мэргэн Сэчэн. Из семерых сыновей Хабул-хагана первым, старшим, был Окин Бараг, [затем] Бартан-багатур, Хутугту Монгур, Хутула-хаган, Хулан-багатур, Тодэгэн, Хадаган – было их семь.

Сын Окин Барага назывался Дзоригту Джургэ. У него было два сына: Сэчэн-бэки и Тайчу. От них произошел род джургэн. Они были предками джургэнов.

У Бартан-багатура было пятеро сыновей – Йисугэй-багатур, Нэгун-тайджи, Мэнгэту-хиа, Мэргэн Йэхэтэй, Даритай-отчигин. Они родились от Сочихэл-уджин. Сочихэл-уджин была дочерью монгола таргучина тарчигуджина Джисутая. Сын Хутугту Монгура был Бури Бухэ. Во время праздника, на котором были и джургэны, в роще у [реки] Онон, это он – [Бури Бухэ] рассек пополам плечо *нойана* Бэлхутэя.

У Хутула-хагана было три сына – Джочи, Кэрмиху и Алтан. [От них] произошел род уджэгэт. Сыном Хулан-багатура был Йэхэ Чэрэн. Бадай и Хишлиг были *нойанами* тархутов. Хадаган и Тодэгэн не имели потомства.

Хабул-хаган ведал всеми монголами. После Хабул-хагана, хотя у него и было семеро сыновей, ведасть [монголами] согласно словам Хабул-хагана стал Амагар-хаган, сын тайчжигутского Сэнгум Бэлгэ.

Когда Амагар-хаган отдавал свою дочь в жены Буйругу, *нойану* всех родов татарского народа, жившего около реки Орусху, [протекавшей] между озерами Буир-нор и Хулэн-нор, сам отправился проводить ее. Амагар-хаган был захвачен людьми чуйнскими, враждовавшими с татарским народом. Когда его повезли, чтобы выдать китайскому Алтан-хагану, то Амагар-хаган отправил через своего посланного по имени Балгагчи из людей бэсут такой устный наказ: «Скажи Хутуле, среднему из семерых сыновей Хабул-хагана; скажи Хадаган-тайши, среднему из моих десятерых сыновей [такие слова:] "Когда станешь владыкой народа, хаганом надо всеми, то собственной персоной не провожай своих дочерей, как сделал я, Амагар. Захвачен я татарскими людьми. Старайтесь отомстить за меня,

пока ногти на пяти ваших пальцах не сойдут,
пока на всех десяти пальцах ваших ногти не сотрутся!"».

В то время, когда Йисугэй-багатур, сын Бартан-багатура, охотился на птиц по реке Онону, он встретил мэркинского Йэхэ Чилэду, возвращав-

шегоса с девушкой из рода олхунут, взятой им в жены. Когда они приблизились, то [Йисугэй-багатур] глянул на повозку и, увидав [в ней] девушку-хатун необычайной красоты, возвращавшуюся к своей юрте, он двинулся [к ним] в сопровождении своего старшего брата Нэгун-тайши и младшего брата Даритай-отчигина.

Когда они приближались, Чилэду, испугавшись, хлестнул своего Хурдун-Хуба, когда он поскакал к другому холму, то они втроем потянулись в объезд, – а он быстро ехал рысью. Когда Чилэду, объехав рысью холм, подскакал к повозке, то Огэлэн-уджин сказала ему: «Понял ли ты, что это за три человека? Лица этих людей иные, [чем обычные лица]. Быть может, эти люди смогут причинить зло твоей жизни? Если ты останешься жив, то ведь

в каждой повозке с навесом есть госпожи,
в каждой повозке с передком есть девицы,

и найдешь ведь себе красавицу, такую же, как я. Да! Если найдешь себе [девушку] с другим именем, то ведь можешь назвать ее Огэлэн. Да! Ты беги, жизнь свою спасай! Запах мой понюхай и беги, иди!» С этими словами она сняла с себя рубашку и отдала ему. Когда, наклонившись с коня, он взял ее, то уже сзади подъезжали братья, которые вместе обогнули мыс [холма]. Чилэду, испугавшись, стегнул своего Хурдун-Хуба и пустился в бегство, устремившись вверх по реке Онону.

Вслед за ним погнались [братья] и до тех пор гнались, пока не перевалили через семь холмов, но догнать не смогли и вернулись. Йисугэй-багатур держал вожжи [повозки] Огэлэн-уджин, старший его брат Нэгун-тайши ехал впереди, младший брат Даритай-отчигин подъехал, ведя верблюда. Уджин-эхэ, громко плача, говорила:

«Аха мой, Чилэду!
До сих пор мой локон против ветра развевался,
До сих пор в степи мое чрево голодало;
Теперь-то как же я буду? Обе косы свои – одну на
спину, другую на грудь – откидывая, как жить буду?»
Громко плакала она,
До того, что Онон-река взволновалась,
До того, что отзывалась эхом каждая роща.

Тогда Даритай-отчигин, горделиво ехавший [рядом], сказал:

«Много перевалов перевалил тот, кого обнимала ты,
Много вод переплыл тот, о ком плачешь ты,

Если заплачешь, не услышит,
Если поглядишь, не увидит.

Замолчи!» – уговаривал он.

Таким-то образом была захвачена Йисугэй-багатуром Огэлэн-уджин.

Так как Амагар-хаган наказал избрать [хаганом] Хадагана или Хутулу, то все монголы и тайчжигуты собрались в Хорхоге на берегу Онона, и Хутула стал хаганом. Хадаган стал *тайши*. По этому случаю монголы плясали так, что [пыль] до колен поднялась. Сказав: «Отомстим за Амагар-хана!», – Хутула-хаган и Хадаган-тайши оба отправились в военный поход против народа татар. Говорят, что тринадцать раз рубились они с татарским Койтэн Барха-багатуром, Томучином, Хорибугой, Джалибугой и другими татарами и не смогли

местью отомстить,
воздаянием воздать

за Амахай-хагана.

Кудэй Сэчэн сказал:

«Вы, десять сынов Амахай-хагана, слушайте!
В овражистых горах ведете вы облаву.
Самок и самцов архаров убиваете вы,
Из-за дележа мяса самок и самцов
Учиняя драки и убийства, между собою разъединяетесь вы.
В туманных горах ведете вы облаву,
Оленей и оленух убиваете вы,
Из-за дележа оленьего мяса
Учиняя раздоры и драки, разъединяетесь вы.
В каменистых степях ведете вы облаву,
Диких коней, антилоп убиваете вы,
Из-за дележа конского, антилопьего мяса
Рубитесь и бьетесь друг с другом, – разъединяетесь вы.
А у тех семерых сыновей Хабул-хана
Такое вот поведение:
В увалах ведут они облаву,
Оленьих детенышей убивают они,
Деля мясо оленьих детенышей,
Говорят: "Попируем, друг другу окажем честь!"
Сказав же: "Да будет счастье и благодеяние!", –
разъезжаются они.
В покрытых туманом горах ведут они облаву,

Кабаргу и другую дичь убивают они,
 Деля мясо кабарожье и звериное,
 Говорят: "Угостим же друг друга, окажем друг другу честь!"
 Говоря взаимно приятные и желанные слова, разъезжаются они.
 В речных волнистых долинах ведут они облаву,
 Зайцев и фазанов убивают они.
 Деля меж собой заячье и фазанье мясо,
 Говорят: "Почествуем и уважим друг друга!"
 Говоря друг другу приятные и любезные слова,
 разъезжаются они.

У вас же, десяти сыновей Амахай-хагана,
 Нрав и характер дурной,
 Простыми данниками станете вы.
 А те семь сыновей Хабул-хана –
 Силою дружбы [своей] и согласия
 Ханами над всеми, владыками над народом ведь
 станут они!

Не прогневайтесь же за то, что слабый и дряхлый старик говорит [вам]:
 "Сородичи старшие и младшие, живите в мире и любви"!»! Так говорил он.

Когда Йисугэй-багатур прибыл после нападения на татар, во главе которых были татарские Томучин и Хорибуга, то Огэлэн-уджин была беременна. Во время пребывания в Дэлигун-Болдаге на Ононе в год черной лошади, в первый летний месяц, в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган.

Говорят, что когда он родился, то в правой руке он сжимал сгусток черной запекшейся крови, похожий на бабку. Когда праздновали рождение ребенка, то привели татарского Томучин-угэ, поэтому-то согласно обычаю и нарекли его Томучином, да еще и потому, что качали его в железной колыбели.

После того как прошло семь дней со времени рождения Томучина, посредине островка на море в течение трех дней, когда солнце, поднявшись, находилось справа, [появлялась] на черном камне черноватая птица и пела. Йисугэй-багатур сказал: «Это вещая птица», – и когда посмотрел, расколов тот черный камень, то видневшаяся [там] золотая печать улетела на небо. Поистине,

тот камень по повелению [Неба] закрыт был прежде,
 та птица по повелению [Неба] чирикала прежде.

Затем, когда он расколол [тот камень], то видневшаяся серебряная печать погрузилась в море. И также, когда

тот камень закрыт был,
та птица чирикала,

Йисугэй-багатур сказал: «Этот сын родился и эта вещая птица явилась». Когда он посмотрел, расколов тот камень, то внутри его была печать Хасбу. Взяв ее, [Йисугэй,] почитая ее святость, пришел, возжег лампаду и *хучжи*, и когда он так сидел, то та черноватая птица села на дымник и прочирикала: «*Чингис, чингис*». Вот по этой-то причине, из-за пения той птицы и нарекли [Томучина] Чингис-ханом. Так вот это и было.

Был у него сакьяский лама Гунга Нинбо, служивший ему опорой. По приказу того ламы в городе, называвшемся Эсруэ, был воздвигнут храм, названный «Далай дагурисуху», на верхушке северных ворот было два одинаковых *лавара*.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган воссел на ханский престол в возрасте сорока пяти лет. Тот Чингис-хаган, начав с [владения] народами пяти цветов и четырьмя чужими, стал обладателем трехсот девяноста одного племени Джамбутиба, брал налоги и дань с народов семисот двадцати языков, умиротворил их, –

руки на землю
ноги на почву, –

и прославился как Чакраварти-хан.

Прошло с лишком три тысячи двести пятьдесят лет после того, как Будда погрузился в нирвану, прежде чем родился во вселенной Джамбутиба обладающий величием августейший Чингис-хаган. [Еще до того] родились двенадцать плохих ханов, мучивших все живые существа сильным голодом, и всемогущим Буддой Шикэмуни было отдано повеление, чтобы появилось перерождение пламенного Эсруа-тэнгри – обладающий величием августейший Чингис-хаган – для того, чтобы ведать живыми существами. За три года [до рождения Чингис-хагана] сакьяский Гунга Нинбо-лама сказал: «Кажется, не знают еще все народы, что по повелению Верховного Неба родится августейший Чингис-хаган, подобный неколебимому Чиндамани, и станет он тем, кто будет ведать всеми».

Два китайца по имени Илсида и Шигу Биба во время [своих] странствий написали о том на красном камне на Бурхан-Галдуне. По повелению, данному верховным Буддой Шикэмуни, находящийся внизу хан *лусов* Нандай Уба Нанди вынес печать Хасбу и отдал ее Чингис-хану.

У Йисугэй-багатура родились от Огэлэн-уджин четверо [сыновей] – Томучин, Джочи Хасар, Хачиху, Томугэ-отчигин. И была единственная дочь по имени Тумулун. Когда Томучину было девять лет, Джочи Хасару

было семь. Когда Хачигуну было пять лет, Томугэ-отчигину было три года. Томулун была в колыбели.

У Йисугэй-багатура от второй жены Сочихэл-эхэ родились двое – Бэк-тэр и Бэлхэтэй.

Когда Томучину было девять лет, Йисугэй-багатур сказал: « Попрошу [для Томучина] девушку из рода олхунут у родичей Огэлэн-уджин». Взяв с собой Томучина, он отправился в путь. Когда они ехали, то встретили в [местности] между Чэкэчэром и Чихурху хонгхиратского Дай Сэчэна.

Дай Сэчэн сказал: «Сват Йисугэй, куда ты отправился?» Йисугэй-багатур ответил: «Поехал я, чтобы попросить девушку из рода олхунут у дядей по матери для этого вот своего сына». Дай Сэчэн сказал: «Сын твой – мальчик,

в глазах его огонь,
в лице его блеск.

Сват Йисугэй, снился мне сон в эти две ночи: белый сокол прилетал, держа солнце и луну, и опускался на мою руку. Об этом сне моем людям не рассказал я. Смотрел я и видел солнце и луну. Теперь этот сокол, сжимая их, прилетел, на руке моей стал светлым и белым. Я сказал себе – к добру ли это привиделось? Если так случилось, то этот сокол, прилетев, указал [мне], что он-то и есть [хранитель] рода кийат.

Мы, народ хонгхираты, с давних дней
Не боремся с чужими народами,
Своих прекраснощеких девушек,
Когда вы становились ханами,
Сажали в большую одноколку,
Запрягали черного верблюда
И отправлялись, пустив его рысью,
На сиденье для госпожи
Усаживали их вместе с ханом.

Не боремся со многими народами.
Своих милovidных, красивых [дочек]
Сажали в повозку с передком,
Запрягали пегого верблюда
И, ведя его, отправлялись [к ханам],
На высокое сиденье усаживали их
По одну сторону рядом с ханом.
С древних дней у нас, хонгхиратов,
Были прекраснощекие жены,

Красивые миловидные дочки.
Всегда были прелестные внучки
И красивые девушки.
О наших же сыновьях [говорят],
Что смотрят они за кочевьем своим.
Девушки нашего рода
Славятся красотой своей!

Сват Йисугэй-багатур! Дочка моя еще мала, отправимся ко мне в юрту, ты посмотри-ка на нее». И у своей юрты заставил его сойти с коня.

Когда увидел его дочку, –

в глазах ее огонь,
в лице ее блеск, –

увидел, и в мысли его вошла она. На один год была она старше Томучина, десять лет ей было, звали ее Бортэ. Йисугэй переночевал, и когда наутро стал сватать ее, Дай Сэчэн сказал: «Если отдать, когда много просили, то себя уважить; если отдать, когда мало просили, то себя унижить. Девушка предназначена мужчине, нет такого закона, чтобы состарилась она у родной двери. Отдам-ка я свою дочку! Оставь сына твоего у меня в зятях и поезжай!» Оба сказали: «Да!» – и стали сватами. Йисугэй-багатур сказал: «Отправлюсь-ка я, оставив своего сына у тебя в зятях. Сын мой боится собак. Не пугай его». Говоря так, он отдал в подарок лошадь, которую привел [с собой,] и, оставив Томучина зятем, отправился [в путь].

Во время обратного пути Йисугэй-багатур захотел пить и сошел с коня по дороге к Чэкчэр в Шара-хэгэре, где сидели татары и пировали. Там были старые [его] враги. Говоря: «Йисугэй-кийат приехал!», – они вспомнили о прежних нападениях и из вражды [к нему] подмешали яд и дали ему напиток. В середине пути ему стало плохо; три дня он ехал и, достигнув юрты, сильно занемог.

Йисугэй-багатур сказал: «Внутри у меня болит. Кто тут вблизи меня?» Когда он так говорил, то поблизости находился Мэнглик, сын хонгхотанского Чирха-эбугэна. Позвал [он] его, велел подойти и сказал: «Мэнглик, дитя мое, есть у меня маленький сын. Сына своего Томучина я оставил как зятя, а когда возвращался, то дорогой [встретил] пирующих татар и, захотев пить, сошел с коня. Разгневались на меня [татары]. Болит у меня внутри. Ты позаботься о младших братьях своих, оставляемых мною еще малыми, о старшей невестке своей, которая станет вдовой, ведай домом [моим]. Сына моего Томучина поскорее возьми и привези. О дитя мое, Мэнглик!» Сказав это, он скончался.

Глава III. ЮНЫЕ ГОДЫ ТОМУЧИНА

Выполняя наказ Йисугэй-багатура, отправился Мэнглик к Дай Сэчэну и сказал: «Старший брат Йисугэй очень желает видеть Томучина, он скорбит душой. Приехал я взять Томучина». Дай Сэчэн сказал: «Если сват так желает видеть своего сына, то пусть он отправляется,

скоро отправившись,
скоро пусть [и] приедет».

Когда Мэнглик, взяв [с собой] Томучина, приехал, Йисугэй-багатур уже стал *тэнгри*. Когда Томучин упал ниц на землю и лежал, горюя и скорбя, хонгхотанский Чарха, утешая [его], говорил:

«Ты трепещешь, словно рыба таймень,
Ты горюешь – зачем так?
Воинов-*тургаутов* своих укрепим!
Разве не говорили мы [о том]?
Ты бьешься, словно рыба налим,
Ты печалишься – зачем так?
Весь свой народ устроим!
Разве не говорили мы [о том]?»

Когда он так сказал, Томучин превозмог свои слезы.

Той весной обе ханши Амагар-хагана, Орбэй и Хогатай, совершали [обряд] *ихэ ирагу*, и так как Огэлэн-уджин пришла поздно, то Орбэй и Хогатай лишили ее [права] вкушать жертвенные яства. Тогда Огэлэн-уджин сказала обеим – Орбэй и Хогатай: «Йисугэй мой умер, а сыновья мои еще не стали большими. Не потому ли вы лишаете меня части приносимых в жертву кушаний и напитков? Этак-то вы, не подумав, сможете уйти потихоньку, откочевать, оставив меня».

При этих словах обе ханши, Орбэй и Хогатай, сказали: «Амахай умер, и не с тех ли пор Огэлэн стала с нами так разговаривать?»

Ты ведь не из тех, кому по правилам раздают [пищу], пригласив их;
Ты ведь из тех, кто обычно ест то, что придется;
Ты ведь не из тех, кому по правилам раздают [пищу], пригласив их;
Ты ведь из тех, кто обычно ест то, что достанется.
Эту мать с сыновьями покинем в кочевье и откочуем.

Уйдем, не возьмем их всех!» Так они говорили. Назавтра утром тайчжигуты [во главе] с Тархутай Кирэлтухом и Тодэгэн Гэртэ двинулись вверх по реке Онон. Когда [они] откочевывали, оставив в кочевье матушку Огэ-

лэн-уджин с сыновьями, и хонгхотанский Чирха-эбугэн уговаривал [их] не уходить, то Тодэгэн Гэртэ сказал:

«Ключевая вода, посинев, иссякла,
Камень раскололся на части».

И они откочевали. Чирха-эбугэн удерживал Гэртэ: «Зачем ты так говоришь?» Тогда Гэртэ кольнул его копьем в подмышку. Раненый Чирха-эбугэн ушел в свою юрту. Когда [он] лежал [там] и было ему худо, Томучин пришел [на него] посмотреть. Тогда Чирха-эбугэн сказал: «Вот так-то я и лежу, потому что удерживал, когда откочевывала ваша тайчжигутская родня, захватив весь наш народ, собранный твоим добрым отцом». От этих слов Томучин заплакал и вышел.

Тогда Огэлэн-уджин сама поехала верхом, чтобы остановить свой откочевавший народ. Некоторых людей она удерживала, другие люди не остановились, откочевали вслед за тайчжигутами.

Родня-тайчжигуты откочевали, оставив в кочевье мать малых сирот, вдову Огэлэн-уджин с сыновьями.

Мудрой женщиной родилась Огэлэн-уджин:
Сыновей своих, сирот, чтобы вскормить,
На макушку *богтаг* наденет, коротко подпояшется,
Вверх по Онон-реке пораньше побежит,
Собирает яблочки и черемуху –
Днем и вечером глотки их насыщала.
С гением-хранителем рожденная Уджин-эхэ
Августейших сыновей своих чтобы вскормить,
Возьмет пихтовую острую палочку,
Копает клубни сараны и лапчатки, –
Дни и ночи так вот проводила.

Госпожой рожденная Уджин-эхэ
Ханов, сыновей своих, чтобы вскормить,
Возьмет ильмовую острую палочку,
прибежит на Халдун-гору, собирает,
Копает дикий лук и лук-[черемшу] –
Вдоволь, досыта чтоб ели, вскармливала.

Соблюдавшей обычаи рожденная Уджин-эхэ
Сыновей своих, рожденных по воле [Неба], чтобы вскормить,
Острым стержнем копала корень,
Отдавая им все, кормила их досыта,
Учила их соблюдать обычаи.

Красавицей рожденная Уджин-эхэ
 Своих сыновей, родившихся святыми, чтобы вскормить,
 Острым стержнем [копала], ничего [в земле] не оставляла,
 Диким луком и луком [простым] вскармливала.
 Сыновья красавицы Уджин-эхэ,
 Вскормленные диким луком и чесноком,
 Достигли того, что стали достойными вельможами.
 Сыновья госпожи Уджин-эхэ,
 Вскормленные диким луком и чесноком,
 Достигли того, что стали ханами и вельможами.
 Сыновья обладающей счастьем-величием Уджин-эхэ,
 Вскормленные сараной и лапчаткой,
 Достигли того, что стали величайшими мудрецами.
 Сыновья соблюдавшей обычай Уджин-эхэ,
 Вскормленные клубнями досыта,
 Достигли того, что по предопределению стали вельможами.
 Когда подросли, став мужами-вельможами,
 Они преисполнились силой и гордостью
 И меж собой говорили: «Воздадим матери за ее благодеяния».
 Взяв крючки и изогнутые иголки,
 Сидя на берегу матушки-Онон,
 Крючком ловили рыбу, кривую да увечную.
 Изогнутою иголкою
 Посреди болотных растений
 Подкалывали и вытягивали [рыбку].
 Связав невод и сеть,
 Разыскивали мелкую рыбешку,
 Воздавая за благодеяния, кормили свою матушку.

Однажды, когда Томучин, Хасар, Бэктэр и Бэлхэтэй сидели вчетвером и ловили на крючки [рыбу], [они] вытащили одну светлую рыбу; Бэктэр и Бэлхэтэй отняли ее силой у Томучина и Хасара и ушли.

Томучин и Хасар вдвоем пришли в свою юрту и сказали матери Уджин-эхэ: «Вчера мы вот так же поссорились из-за какой-то подстреленной птички, силой отняли они [ее]; ныне также два старших брата Бэктэр и Бэлхэтэй силой забрали светлую рыбку, подколотую на крючок. Мы [этак и] дома будем лишены...

На эти слова Уджин-эхэ промолвила: «Зачем вы, старшие и младшие братья, так ссоритесь?»

Только тень – [инога] товарища нет,
Только [бычий] хвост – [инога] бича нет.

Тяжелое горе [причинила нам] та родня тайчжигуты. Кто же отомстит? Зачем вы сами поступаете, как пятеро сыновей жившей в прежние времена Алун-гоа? Перестаньте!»

Сыновья ее ничего не сказали [на это]. Дверь откинули и ушли. Бэк-тэр сидел на пригорке, смотрел за своими девятью конями и соловым мерином. Томучин притаился сзади, Хасар спереди и, выгавив свои стрелы, стали подходить. Бэк-тэр увидел [их] и сказал: «Когда родственники убивают друг друга, когда люди соперничают друг с другом, то [дружба и родство] становятся тенью.

Только тень – [инога] товарища нет,
Только [бычий] хвост – [инога] бича нет.

Не от этого ли трудно человеку без товарища? Ныне я для вас как шелуха во рту, как ресница в глазу. Зачем мне быть таким? Не разоряйте мой очаг. Не причиняйте только зла моему Бэлхутэю». И, сидя со скрещенными ногами, претерпел. Поспешно выпустив [в него] спереди и сзади стрелы, Томучин и Хасар ушли.

Когда они вернулись домой, то Уджин-эхэ, поняв по лицам своих сыновей [что произошло,] сказала:

«Скорбя мы живем,
Своего друга лишившись.

Когда из чрева моего выходил ты, –
С черной кровью в горсти родился!

Подобен ты собаке, пожирающей свои внутренности,
Подобен когтистому *салбару*, бросающемуся на скалы,

Подобен льву, что не может свой гнев удержать,
Подобен чудовищу, глотающему живьем,

Подобен ястребу, бросающемуся на тень свою,
Подобен жуке, глотающей втихомолку,

Подобен верблюду, кусающему поджилки своего верблюжонка,
Подобен волку, нападающему в дождливый день,

Подобен турпану, пожирающему птенца, что не может ходить,
Подобен шакалу, защищающему логово, если его потревожат,

Подобен тигру, нападающему без промедленья,
Подобен собаке, нападающей на слепого, –

не так ли вы поступаете? [Ведь у нас]

Только тень – [инога] товарища нет,
Только [бычий] хвост – [инога] бича нет.

Теперь, когда мы не можем отомстить старшим и младшим тайчжигутам, как мы будем жить, если вы так ссоритесь?» – говорила она своим сыновьям,

слова предков толковала
слова старые повторяла, –

очень сердито говорила она.

В это же время прибыл тайчжигутский Тархутай Кирэлтух, предводительствуя своими *тургагутами*, [и сказал]:

«Ягнята-то подросли,
барашки-то закурчавились!»

Тогда матушка Огэлэн-уджин, ее старшие и младшие сыновья, испугавшись, ускользнули в чащу леса на Ононе. Бэлхэтэй наломал деревьев, притащил и построил заграждение. Хасар пускал стрелы; Хачигун, Тэмугэ и Тэмулун спрятались втроем в глубоком ущелье. Когда они таким образом сражались, тайчжигуты кричали: «Пошлите [к нам своего] старшего брата Томучина, других из вас нам не надобно». Тогда посадили Томучина верхом и отправили тайком в глубь леса. Когда тайчжигуты [это] увидели, они погнались за ним, а он въехал в чащу Тэгунэ-Ундур, тайчжигуты же [туда] войти не смогли и охраняли выходы из леса.

Когда Томучин переночевал в лесу три ночи, он решил выйти и, ведя свою лошадь под уздцы, приблизился [к проходу], [и тут] с лошади соскользнуло седло. Когда он посмотрел, то увидел, что седло соскользнуло при надетом нагрудном ремне и подтянутой подпруге. Тогда он подумал: «Подпруга крепкая, нагрудный ремень на месте, как же соскользнуло седло? Не мой ли *тэнгри* удерживает [меня]?» И, подтянув седло, вошел [в чащу]. Еще три ночи переночевал он и когда опять приблизился [к выходу из леса] и решил выйти, то увидел, что при выходе из леса лежит белый камень величиной с юрту, завалив выход. «Мой *тэнгри* удержива-

ет меня», – сказал он и еще три ночи переночевал. Всего девять суток он пробыл без еды. Сказав себе: «Неужели умереть мне безвестным?» – он срезал своим ножом для подрезки стрел кусты, находившиеся вокруг этого белого камня величиной с юрту, из-за которого нельзя было пройти, и провел своего коня и проскользнул по ущелью. Тайчжигуты же сидели, охраняя [выход]. Они схватили его и увели.

Когда Тархутай Кирэлтух прибыл к своим людям, он отдал распоряжение, чтобы Томучин в каждой юрте ночевал [только] одну ночь и просил бы еды, скитаясь.

В шестнадцатый день первого летнего месяца, когда было полнолуние, тайчжигуты пировали на крутом берегу Онона и не расходились до захода солнца. На том празднестве Томучина охранял какой-то слабосильный юноша. Когда расходились с этого пира, Томучин сильно ударил по голове того юношу своей колодкой, убежал и скрылся в лесу у Онона. Войдя [в лес], он прилег, но боясь, как бы не увидели его, вошел в тихую воду и лег так, чтобы колодка была направлена вдоль течения и чтобы лицо его было еле видно.

Когда человек, упустивший [Томучина], закричал во весь голос: «Я упустил человека с колодкой!», – то тайчжигуты, которые уже было разошлись, вернулись и при яркой луне, словно [это было] днем, стали искать [его] в лесу на Ононе. В то время как его искали, он лежал в заводи; судусский Торган Шира прямо направился [туда], увидел [Томучина] и сказал:

«На воде нет всплеска,
На небе нет следа, –

куда же ты ушел? Свои родственники точат [на тебя] зубы, они приближаются. Лежи тихонько. Из-за вот этой [твоей] сообразительности, потому что

в глазах твоих огонь,
в лице твоём блеск,

они тебя и разыскивают. Ты так и лежи. Я не выдам». Сказав так, он отошел. Тайчжигуты искали [его], но не могли найти, Они говорили друг другу: «Давайте вернемся и поищем его по истинному следу».

Когда они приблизились, Торган Шира опять сказал : «Мы, *нойаны* тайчжигутов, [при луне, словно] в светлый, ясный день, упустили человека. Как [же] мы найдем его в ночной темноте? Давайте же завтра днем разойдемся в поисках по его следу, по местам, где он шел, и все вместе поищем, куда он ушел». Они сказали друг другу: «Пусть так и будет!».

Между тем как они искали, Торган Ши́ра, проходя мимо [Томучина], сказал [ему]: «Сейчас искать кончили и разошлись, договорившись, что будут искать завтра. Не говори никому, [кто тебя увидит,] что я тебя видел. Сейчас, когда мы разойдемся, пойдй и поищи мать и младших братьев». Сказав это, он повернул обратно.

В то время когда они расходились, [Томучин] думал про себя: «Когда я бродил за подаянием в маленьком стойбище, то он был милосердным; когда я ночевал в юрте Торган Ши́ра, то его сыновья Чимбай и Чилагун в сердце своем меня жалели, ночью ослабляли шейную колодку и так оставляли [меня] ночевать. Вот и теперь Торган Ши́ра увидел меня, не выдал и ушел. Воистину они спасут мою жизнь». И он отправился вверх по Онону в поисках юрты Торган Ши́ра.

Признаком его юрты было то, что, когда наступала полночь, [в ней] начинали сбивать в кумыс собранное кобылье молоко. По этому-то признаку, слыша непрерывный [стук], и дошел [Томучин] до юрты. Когда он вошел, Торган Ши́ра сказал: «Разве не сказано было [тебе]: иди ищи, ищи своих братьев и мать! Разве не так я говорил? Зачем же ты пришел сюда?» Чимбай и Чилагун, его сыновья, сказали: «Пташка, гонимая хищником, прячется в куст, и куст спасает ее. Зачем же ты так говоришь человеку, который пришел не таясь?» Не слушая своего отца, они разобрали шейную колодку и сожгли [ее] в огне; затем спрятали [Томучина] в простую повозку с овечьей шерстью и, никому не сказав, велели заботиться о нем своей младшей сестре по имени Хадаган.

На третий день пришли тайжигуты и сказали: «Куда же мог уйти этот человек с колодкой?»

Между нами не остался ли?

Между друзьями не остался ли?

Между своими товарищами не поискать ли нам [его]?»

Обыскивали каждое стойбище, посмотрели в юрте Торган Ши́ра; вплоть до того, что смотрели под кроватью, в повозках – не нашли. Осматривая ту простую повозку с овечьей шерстью, они вытащили шерсть, которая была [впереди] в отверстии, и когда уже [почти] добрались до конца, Торган Ши́ра сказал: «Вообще-то в такую жару может ли вытерпеть человек лежа среди шерсти? Ищите, если не верите этим словам». Тогда те, кто обыскивал, спустились [с телеги] и ушли.

После того как обыскивающие ушли, Торган Ши́ра сказал: «Ты едва не погубил меня, словно ветер, развеивающий пепел. Ну а теперь, раз уж так случилось, иди искать свою мать и братьев». Велел он посадить его на яловую саврасую белоротую кобылицу, дать ему приготовленного по-

луторагодовалого ягненка, исправный бурдюк, лук и две стрелы, но не давать седла и огнива, и вот так отправил его.

Таким-то образом Томучин поехал, достиг того места в лесу, где они [прежде] хоронились, окружив себя частоколом, и, идя по следам, по примятой траве, вверх по реке Онон, пришел к речке Кимурга с западной [стороны]. Шел он по следу вверх по речке Кимурга и встретился с ними в Хорцахур-Болдаге на мысе Бэдэр, где они и пребывали.

Там он соединился [с семьей], и оттуда все направились на южный [склон] Бурхан-Галдуна. Когда они стали кочевьем [возле] Хухэ-нора, в местности Хара-Чжиругэн по речке Сэнхур, в [урочище] Хурлэку, то пились убитыми сурками и сусликами.

Однажды, когда около юрты находились восемь соловых мерин, пришли грабители и до тех пор высматривали их, пока [наконец] не увели. Томучин видел, [как их уводили], но был пеший и отстал. Бэлхутэй верхом па короткохвостом буланом Дархи уехал ловить сурков. Вечером, после заката солнца, Бэлхутэй пришел пешком, ведя на поводу буланого Дархи, навьюченного сурками так, что тот еле двигался. Когда ему сказали: «У нас увели соловых мерин», – Бэлхутэй сказал: «А ну-ка, погоню я [за ними]!» Хасар сказал: «Ты не сумеешь, я погоню [за ними]», – а Томучин сказал: «Вы оба не сумеете, я погоню», – и, сев верхом на буланого Дархи, он поехал по следу на примятой траве. Проездив трое суток, рано утром он встретил одного юношу, доившего кобылицу в большом табуне, и когда он спросил его о соловых меринах, тот юноша ответил: «Нынче утром еще до восхода солнца здесь прошли [люди] и гнали перед собой восемь соловых мерин. Я укажу [тебе] их следы». Он велел оставить короткохвостого буланого Дархи и посадил Томучина верхом на Орог-Шинхула. Сам он сел на своего каурого и поехал, не заезжая домой, не сказав отцу и матери, оставив в степи свое ведро и кожаный мешок. Он сказал [Томучину]: «Товарищ, ты приехал в тревоге. Если случилась беда у мужчины, то ведь это [и для меня] беда. Я присоединяюсь к тебе. Отец мой зовется Наху Байан. Я единственный его сын, зовусь Богурчи». Поехали они по следу соловых мерин, трижды ночевали и вечером [четвертого дня], когда солнце начало склоняться, доехали до людей, стоявших одним большим куренем. На краю того куреня они увидели восемь соловых мерин, щипавших траву. Томучин сказал: «Друг, побудь здесь; вот наши соловые мерин. Я сам туда войду и выгоню их». Когда он так сказал, Богурчи [в ответ] промолвил: «Я пошел [с тобой], считая, что стану [тебе] другом, а не то зачем я здесь сейчас нахожусь?» Они вместе напали, вошли и, выгнав соловых мерин, вышли.

Сзади один за другим приближались гнавшие за ними люди; один из них, в красном халате, был на быстром коне; держа свой укрюк, он

приближался в одиночку, догоняя [их]. Богурчи сказал Томучину: «Друг, дай мне лук и стрелу. Я выстрелю!» Когда он так сказал, Томучин ответил: «Друг мой, ты можешь из-за меня погибнуть. Выстрелю я». Сказав так, он выстрелил. Тот человек в красном халате на белом коне подал знак своим укрюком и отстал. Когда [к нему] стали подъезжать один за другим следовавшие за ним товарищи, медленно склонявшееся солнце уже закатывалось. Наступили сумерки, и преследовавшие их люди, свернув укрюки, отстали.

Проведя ту ночь без сна, они не спали [еще] три дня и три ночи, и когда находились уже около дома, Томучин сказал: «Друг, разве привел бы я без тебя своих коней? Сколько же из них возьму я, а сколько возьмешь ты?» Когда он [так] сказал, Богурчи молвил: «Я пришел, думая, что хороший друг в затруднении и я буду полезен. Если я решу [взять часть] добытого вместе, то об отце моем Наху Байане будут злословить: ведь единственному его сыну все [богатство] остается полностью. Какая же это будет услуга с моей стороны, [если я возьму коней]?» Так он сказал и не взял [ни одного].

Доехали до юрты Наху Байана. В то время как Наху Байан сидел, проливая слезы об исчезнувшем сыне своем Богурчи, тот внезапно явился. Наху Байан то выговаривал ему, то смеялся [от радости]. Когда же он сказал: «Сын мой Богурчи, расскажи же, что случилось?», – Богурчи ответил: «Вот как было: добрый друг был в затруднении, я стал ему другом и отправился вместе с ним. Теперь [вот] я пришел!»

Он быстро отправился в степь, где им были оставлены ведро и кожаный мешок, и принес их.

Томучину дали припасы, забив полуторагодовалого ягненка, и снабдили кожаным мешком, полным [кумыса]. Наху Байан сказал: «Оба вы – молодые люди, и стали товарищами, так и впредь не отдаляйтесь друг от друга».

Томучин тотчас же отправился [в путь]. Он ехал три дня и [три] ночи и прибыл к своей юрте на речке Сэнхур. Огэлэн-эхэ, Хасар и младшие братья Томучина сидели, печалясь [о нем]. Увидав его, они возрадовались.

Затем Томучин и Бэлхэтэй отправились искать Бортэ-уджин, дочь Дай Сэчэна, с которой [Томучин] расстался, когда ему было девять лет. Они поехали искать ее по течению реки Керулен. Там между Чэкчэром и Чихурху и находился Дай Сэчэн хонгхират. Увидев Томучина, Дай Сэчэн обрадовался и сказал: «Зная, как ненавидят тебя старшие и младшие тайчжигуты, я очень горевал и отчаивался. Наконец-то я увидел тебя!» Сказав так, он соединил его с Бортэ-уджин и отправил ее с ним, сам же отправился проводить ее, но, когда они доехали до Дзол-Ухута

на Керулене, он вернулся в верховья Керулена, так как был тучен и ему стало жарко. Мать Бортэ-уджин звали Цотон. Провожая свою дочь, она довезла ее до Хурлэху по речке Сэнхур, где жила [семья Томучина].

Когда Цотон должна была возвращаться, [Томучин] отправил Бэлхутэя пригласить Богурчи и сказать ему: «Подружимся!» Когда Бэлхутэй прибыл, Богурчи, не сказавшись своему отцу,

сел верхом на горбатого буланого,
свой плащ серого сукна перекинул

и уехал вместе с Бэлхутэем. Такой дружбой [он показал], что таков обычай для тех, кто стал друзьями.

Затем [они] откочевали с речки Сэнхур и остановились кочевьем на крутом берегу в истоках реки Керулен. [Бортэ-уджин] сказала: «Вот *шид-кул* от матушки Цотон!» – и велела одеть шубу из черных соболей. Томучин, Хасар и Бэлхутэй втроем взяли ту соболью шубу и ушли. [Томучин сказал]: «Прежде Онг-хаган кереитского народа назвался побратимом нашего отца-хагана. Раз он назвался побратимом нашего отца, то и для меня пусть будет он как отец. Так-то! Онг-хагану [я] буду полезен». Зная, что Онг-хаган пребывает в темном лесу на Турхуле, Томучин-сын отправился к нему и сказал: «Некогда вы с нашим отцом назвались побратимами, [так] будь мне отцом! Жена [моя] приехала и, сойдя с коня, поднесла шубу из черных соболей».

Онг-хаган очень обрадовался и сказал:

«[За] твою шубу из черных соболей я отплачу.
Твой отделившийся народ соберу и [тебе] отдам;
[За] твою соболью шубу я отплачу;
Твой рассеявшийся народ соберу.
Как почка в пояснице,
Как грудина в груди,
– так это будет!»

После того как Томучин вернулся и рассказал об этих словах матери, все возрадовались. В то время, когда они жили на крутом берегу Керулена, пришел старик Джарчихудай из урианхадаев, несший на спине кузнечный мех. Он вел с собою своего сына по имени Джэлмэ. [Старик] сказал: «Еще в то время, когда вы жили в Дэлигун-Болдаге в верховьях Онона, когда родился ты, Томучин, я преподнес соболью колыбель и вот этого своего сына Джэлмэ преподнес я. "[Он еще] мал", – сказали [мне], и я увел его. Теперь же пусть Джэлмэ седлает твое седло и охраняет твою дверь». И он отдал его.

Когда они находились все там же, у истоков Керулена, на крутом берегу, однажды утром, едва рассвело, встала старушка Хоногчин, прислуживавшая в юрте Огэлэн-эхэ, и сказала: «Матушка, матушка, вставай скорее, вставай же! Земля дрожит. Слышится конский топот. Не приближаются ли это опасные [враги] тайчжигуты? Матушка, скорее вставай!» Когда она так сказала, Огэлэн-эхэ велела: «Разбуди сыновей!» Огэлэн-эхэ скорехонько встала. Сыновья во главе с Томучином тоже поспешно встали, схватили своих коней. Томучин сел на коня, Огэлэн-эхэ тоже села на коня, Хасар тоже сел на коня, Хачигун тоже сел на коня, Бэлхутэй тоже сел на коня, Богурчи тоже сел на коня, Джэлмэ тоже сел на коня. Огэлэн-эхэ прижала к себе Тэмулун. Одного коня вели запасным. Для Бортэ-уджин коня не хватило.

Томучин вместе со всей своей родней ранним утром взошел на Бурхан-Халдун. Старушка Хоногчин посадила Бортэ-уджин в крытую повозку, положила туда вещи, сама же села в одноколку и, таща за повод впряженного [в повозку] быка с пятнами на боках, направилась в горы. Когда они подъезжали к речке Тунгилэк, наступали уже сумерки; навстречу к ним рысью выехали воины и окружили их. «Что за люди? Ты чья будешь?» – спросили они. Старушка Хоногчин сказала: «Я принадлежу Томучину. Я приезжала в большую юрту стричь овец. Теперь, нагрузив шерсть, я возвращаюсь к себе домой». Тогда воины спросили: «Дома Томучин или нет? Далеко ли до его юрты?» Старушка Хоногчин сказала: «Юрта близко. А дома ли Томучин или нет, я не знаю. Я пришла уже после того, как все встали». Когда она так сказала, воины тотчас же уехали рысью. Старушка Хоногчин, нахлестывая своего быка с пятнами на боках, спешила уехать, но у повозки сломалась ось. Пока они [с Бортэ-уджин] переговаривались: «Ось сломалась, давай убежим пешком в лес!», – подъехали те же самые воины вместе с матерью Бэлхутэя, посаженной сундалой, так что у нее болтались обе ноги. Они спросили: «Что в повозке?» Старушка Хоногчин сказала: «Там лежит шерсть». Старшие из воинов сказали: «Ну-ка, младшие сынки, сойдите с коней да посмотрите!» Младшие сыновья сошли с коней, и когда открыли дверцы повозки, там внутри оказалась сама госпожа. Ее вытащили из повозки, заставили сойти и, посадив ее и старушку Хоногчин сундалой, забрали с собой.

Затем, преследуя Томучина, они три раза обошли Бурхан-Халдун, но захватить его не смогли. Как ни старались они [его] настигнуть то тут, то там, хоть и по пятам за ним шли, а схватить не смогли, потому что там были болотистые топи, где можно погрузиться на дно, а густые леса образовывали такую чашу, где и сытый змей проползти не сможет. То были три мэркита – Тогтага из удуит-мэркитов, Даир Усун из унаг-мэркитов,

Хагатай Дармала из асхун-мэркитов. Эти три мэркита пришли ныне отомстить за то, что раньше была отнята Огэлэн-эхэ у Йэхэ Чилэду. Мэркиты говорили: «За то, что забрали Огэлэн, мы теперь отомстили, жену его взяли, за отцов и дедов отомстили». Переговариваясь так, они спустились с Бурхан-Халдуна и вернулись к своим юртам.

Они велели присматривать за Бортэ-уджин Чилгэру, младшему брату Йэхэ Чилэду.

Когда Томучин спросил : «Здесь ли те трое мэркитов или вернулись в свои юрты?», – Бэлхутэй, Богурчи и Джэлмэ втроем погнались и трое суток шли следом за мэркитами. Томучин спустился с вершины Бурхан-Халдуна и, ударя себя в грудь, сказал:

«Так как матушка Хоногчин
Слышит, как колонок,
Видит, как горностай,
То я сам смог убежать.
Идя по следу оленя,
Что ходит по узкой тропе,
Где ивняк был мне домом,
Поднялся я на Бурхан-Халдун.

Единственную свою жизнь пожалев,
Идя по следу сохатого,
Что ходит по темной тропе,
Где ивовые ветви были мне домом,
Взошел я на Халдун.
На Бурхан-Халдуне
Жизнь моя, что не больше, чем вошь,
Была спасена.
На Бурхан-Халдуне
Жизнь моя, что не больше чем ласточка,
Была защищена.

Отныне каждое утро буду я приносить жертву Бурхан-Халдуну; каждый вечер я буду призывать его; да помнят [об этом] потомки потомков моих». Говоря так, повернулся он к солнцу и, повесив свой пояс себе на шею, положив свою шапку себе на руку, ударяя в свою грудь рукой, преклонив девять раз колени, совершил он поклонение в сторону Бурхан-Халдуна.

Глава IV. БОРЬБА С МЭРКИТАМИ.
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ТОМУЧИНА ЧИНГИС-ХАНОМ

После того Томучин, Хасар и Бэлхутэй договорились и втроем отправились к керейтскому Онг-хагану, пребывавшему в густом лесу по реке Тола. [Томучин] сказал: «Трое мэркитов неожиданно пришли и захватили мою жену. Хаган, отец мой, спаси жену, начни их преследовать и возврати ее мне! Я пришел сказать [тебе об этом]».

В ответ на эти слова Тогорил Онг-хаган сказал: «Разве не говорил я тебе прежде, когда ты принес соболью шубу и сказал: "Во времена отца [вы с ним] назвались побратимами, так будь моим отцом", – и когда ты надевал [на меня эту] одежду, – разве не говорил я:

"[За] твою соболью шубу я отплачу,
Твой рассеявшийся народ соберу и [тебе] отдам!
[За] твою шубу из черных соболей я отплачу,
Твой отделившийся народ соберу и [тебе] отдам!
Как грудина в груди,
Как почка в поясице, –
так [это] и будет!"

Разве не так я говорил? Теперь тем моим словам пришло время исполниться.

[За] твою соболью шубу я отплачу,
Всех мэркитов подавлю и разорю,
Твою Бортэ-уджин отыщу и верну [тебе].
[За] твою шубу из черных соболей я отплачу,
Всех мэркитов разобью,
Твою госпожу Бортэ отберу –
мы возвратим [ее].

Ты Расскажи [об этом] младшему брату Джамухе и отправь [к нему гонца]. Сейчас младший брат Джамуха находится в Хорхог-Джихуре. Я выступлю отсюда с двумя *тумэнами*, образуя правое крыло, младший брат Джамуха оттуда выступит с двумя *тумэнами*, образуя левое крыло. Место нашего соединения пусть назначит младший брат Джамуха». Так он сказал. Вскоре Томучин и Хасар возвратились от Тогорил-хагана. Прибыв домой, Томучин отправил к Джамухе Хасара и Бэлхутэя с такими словами: «Когда прибудете к побратиму Джамухе, скажите ему: "Трое мэркитов пришли,

и мое ложе стало пустым.
Разве мы не объединимся для защиты?
Разве мы не отомстим за это мезтью?
Свою грудь я разбил [горюя].
Разве мы не одного рода-племени?
Разве мы не воздадим за это воздаянием?"

Вы передайте Джамухе не только [эти мои] слова, но передайте Джамухе также слова, сказанные керейтским Тогорил Онг-хаганом: "Помня, что прежде его отец Йисугэй-хаган оказал [мне] хорошую услугу, я выступлю с двумя *тумэнами*, которые составят правое крыло. Пусть младший брат Джамуха выступит с двумя *тумэнами*, которые станут левым крылом. Место, где мы должны сойтись, пусть назначит младший брат Джамуха».

Когда они так сказали Джамухе, [тот], выслушав эти слова, ответил:

«Узнал я, [что] ложе побратима Томучина стало пустым,
и сердце мое надломилось,
и печень моя сломалась.
Мезтью своей отомстим,
Уничтожим удуит[-мэркитов] и унаг-мэркитов,
Спасем Уджин-Бортэ!

Всех асахун-мэркитов предадим огню,
Госпожу Бортэ-уджин вернем и спасем!
Начнем мстить и отомстим.

Ныне этот Тогтага, что пугается, –
Когда хлопнут по чепраку,
Ему кажется, что это звук барабана, –
Должен [он] быть в Богура-хэгэре.

[Ныне этот] Дайр Усун, что бросает союзников,
Когда шевелится колчан,
Должен быть в Шигату-Талун-арале
Между [Орхоном] и Селенгой.

Ныне Хагатай Дармала,
Что стремглав убегает в густые леса,
Когда шевелится перекати-поле,
Должен бы быть в Хараджу-хэгэре.

Теперь мы пойдем напрямик,
Войдем в реку Хилок;
Ведь осока сейчас хороша:
Свяжем плот и вступим [на землю врага].

На того пугливого Тогтага
Сразу нападём, упав сверху на дымник,
Опрокинем, развалим его превосходные двери,
Уничтожим, истребим его жен и детей.
Священную раму его двери разломаем и опрокинем,
Весь народ его истребим, пока не станет пусто».

Джамуха также сказал: «Побратиму Томучину и старшему брату Тогорил-хагану передайте, [что] я отправил такие вести:

"Свое знамя, что видно издалека, я окропил.
В свой звонко рокочущий барабан, покрытый кожей
черного быка, я ударил.
На своего черного бегунца сел я верхом.
Свои крепкие латы я надел.
Свое крепкое копьё я взял.
Стрелу из дикого миндаля в свой лук я вложил.
На хаад-мэркитов отправиться в поход я готов!
Ныне скажите им это.
Древнее, издалека видное свое знамя я окропил.
В свой низко рокочущий, обтянутый воловьей кожей
барабан я ударил.
На своего бегунца с темной спиной сел я верхом.
Свой стеганный панцирь я надел.
Свой грозный меч [в руки] я взял.
Свою стрелу с ушком в лук я вложил.
С удуйт-мэркитами я буду биться до смерти!" —
Скажите им это.

Пусть старший брат Тогорил-хаган выступит в поход; [пусть встретится] с побратимом Томучином на южном склоне Бурхан-Халдуна; условленным [местом встречи] пусть будет Бутоган-Бохурчи в верховьях реки Онон. Я же [выступлю] отсюда и возле этого Бутоган-Бохурчи, в верховьях реки Онон, соединюсь с вами», — велел он передать.

Эти слова Джамухи Хасар и Бэлхутэй передали Томучину и сообщили Тогорил Онг-хагану. Тогорил-хаган, согласно этим известиям, полу-

ченным от Джамухи, выступил в поход с двумя *тумэнами*. Отправляясь в поход, Тогорил-хаган сказал: «Я пойду по крутому берегу Керулена по склону Бурхан-Халдуна». Томучин находился на крутом берегу. Он сказал: «Я стою у него на пути!» – и двинулся с того места. Откочевав вверх по Тунгилэку, он спустился по ручью Таг к склону Бурхан-Халдуна. Оттуда Томучин двинулся с войском. У Джига Гэмбу, [брата] Тогорил-хагана, был один *тумэн*, у Тогорил-хагана – [также] один *тумэн*. Когда [Томучин] сошел с коня в стойбище Харалда на речке Кимурга, он присоединился к ним.

Когда Томучин, Тогорил-хаган и Джига Гэмбу собрались втроем и, двинувшись отсюда, достигли Бутоган-Бохурчи в верховьях Онона, оказалось, что Джамуха прибыл в условленное место еще за три дня до того. Увидев воинов Томучина, Тогорил-хагана и Джига Гэмбу, Джамуха построил два *тумэна* своих воинов в боевом порядке. Томучин, Тогорил и Джига Гэмбу также построили своих воинов в боевом порядке, но не решались [начать действия]. [Затем] узнали друга, и Джамуха сказал:

«Если случится дождик в назначенное [для встречи] время,
Если случится дождь в [назначенное] для сбора время, –
не опаздывайте! –

не так ли мы говорили друг другу? Когда монгол говорит "да", это звучит как клятва; разве мы не говорили, что тот, кто опоздает, выйдет из рядов?» На эти слова Джамухи Тогорил-хаган сказал: «В условленное место мы опоздали на три дня, – так сказал [Джамуха]. Пусть же младший брат Джамуха распорядится о порицании и наказании». Об осуждении [нарушивших] уговор больше между собой не говорили.

Двинулись из Бутоган-Бохурчи и, дойдя до реки Хилок, связали плоты, а когда переправились, то в Богура-хэгэре напали внезапно на Тогтага-бэки.

Превосходные его двери разрушив, опрокинули,
Жен и детей захватили и истребили,
Священные его двери, сокрушив, разломали,
Весь его народ разогнали, так что стало пусто.

Тогтага-бэки лежал до тех пор, пока [они] не прибыли. Все рыболовы, соболевики, звероловы, находившиеся на реке Хилок, шли всю ночь, чтобы доставить [ему] весть: «Выступили в поход [враги], придут сюда днем!»

Когда эта весть была доставлена, удуит-мэркитский Тогтага-бэки и унаг-мэркитский Дайр Усун объединились вдвоем, но, ничем не располагая, кроме самих себя и немногих [людей], бежали вдоль по течению Селенги.

В то время когда мэркитский народ ночью бежал в панике по течению Хилока, наши воины всю ночь преследовали бежавших. Когда гнались [за ними], Томучин поспешно подскакал к бежавшим людям, крича: «Бортэ! Бортэ!». Он считал, что Бортэ-уджин находится среди вынужденных бежать людей. Услышав голос Томучина и узнав его, она сошла с повозки и прибежала. Бортэ-уджин и Хоногчин вдвоем схватили [коня] Томучина за поводья. Была яркая полная луна. Когда он посмотрел, то узнал Бортэ-уджин, и, встретившись друг с другом, они обнялись.

В эту же ночь Томучин велел отправить весть Тогорил-хагану и Джамухе: «Я нашел то, что должен был искать! Не пойдем [дальше] ночью! Остановимся здесь!» [Вот какие слова] он повелел сказать. Мэркитский народ бежал в панике и с наступлением ночи рассеялся; кто где в пути сошел с коня, там и ночевал.

Вот так была отнята у мэркитов Бортэ-уджин и они встретились друг с другом.

Еще раньше удуит-мэркитский Тогтага-бэки, унаг-мэркитский Дайр Усун и асахун-мэркитский Хагатай Дармала – эти три мэркита во главе трехсот своих людей отправились воздать и отомстить за то, что некогда у Ихэ Чилэду, младшего брата Тогтага-бэки, была похищена Йисугэй-багатуром Огэлэн. Сначала они три раза обошли вокруг Бурхан-Халдуна, где находился Томучин, затем захватили Бортэ-уджин. Они велели заботиться о ней Чилгэр Бухэ, младшему брату Чилэду.

[Теперь же] присматривавший за ней Чилгэр Бухэ, спасаясь бегством, сказал :

«Черный ворон

По обычаю должен поедать остатки кожи,

А он, говорят, пожелал есть гусей [и] журавлей.

[Ах] я скверный, грубиян Чилгэр!

Покусился я на Бортэ-уджин!

Стал я бедствием для всех мэркитов.

Простолюдин я, скверный я Чилгэр!

Не ответить бы мне за то своей черной головой.

Спасая свою единственную жизнь,

Проберусь-ка я в темное ущелье!

Кто сможет меня защитить?

Скверная птица-мышеловка,

Которой судьба назначила есть мышей да сусликов,
Пожелала, говорят, вкушать лебедей [и] журавлей.

Скудный, скверный я Чилгэр!

Августейшую, священную *уджин*

Страстно пожелал.

Стал я бедствием для всех мэркитов.

Дрянной я, скверный я Чилгэр!

Не ответить бы мне за то своей сухой головой.

Спасая свою ничтожную, как вошь, жизнь,

Скроюсь-ка я, скользнув в темное ущелье!

Жизнь моя ничтожная, как вошь!

Кто же станет ее поддерживать?» –

Так говоря, он бежал.

Захватили Хагатай Дармала, надев на этого расточителя деревянный ошейник, привязали его и повели. Бэлхутэй отправился спасать свою мать. Когда он вошел через правую дверь в ее юрту, его мать в изорванной овчинной одежде вышла через левую дверь и сказала какому-то человеку: «Мне говорили, что мои сыновья стали ханами. Здесь я была соединена с плохим человеком, как я посмотрю в лицо сыновьям?» Сказав так, она убежала в густой лес. Сколько [ни искали ее], не нашли. Бэлхутэй-нойан, завидев людей из рода мэркитов, стрелял костяными стрелами и кричал: «Приведите мою мать!» Триста мэркитов – тех, что некогда врасплох напали [на семью Томучина] на Бурхан-Халдуне, – всех истребили до потомков их потомков и пепел их развеяли. Из оставшихся [в живых] женщин и мальчиков, тех, кого можно было взять [к себе] на ложе, сделали наложницами, [а] тех, кто мог сидеть у дверей, сделали привратниками.

Томучин почтительно поклонился и сказал Тогорил-хагану и Джамухе: «Хаган, отец мой, и побратим Джамуха, с вами обоими сдружившись, получив от Неба и Земли силу и мощь,

По предписанию всемогущего Неба,
При помощи Матери Земли,
У мэркитов, звавшихся мужами,
Мы сумели опустошить грудь
И рассечь их печень.

Их ложе мы сделали пустым,
[Их] род и людей мы уничтожили,
Тех, кто остался, мы взяли в плен.

Народ мэргитов дотла || разорив, удалимся». Так было сказано.

Когда удуйт-мэргиты в растерянности бежали, наши воины нашли в брошенном кочевье мальчика пяти лет в собольей шапочке, в сапожках из меха марала, в шубке из выделанной оленьей кожи, отороченной выдрой. Звали его Кучу. Огонь был в его глазах. [Его] поднесли в подарок О'гэн-эхэ.

Томучин, Тогорил-хаган и Джамуха втроем у мэргитов

крутоверхие юрты разрушили,
прекрасных женщин забрали

и пошли обратно из Талхун-арала до слияния Орхона и Селенги. Томучин и Джамуха вместе направились в Хорхог-Джибур; Тогорил-хаган, возвращаясь обратно, бродил у Бурхан-Халдуна. Пройдя через Ухэрту-Джибур, перейдя через Хохурату и достигнув ущелья Улиату, он поохотился там, а затем направился в густые леса на Толе.

Томучин и Джамуха, соединившись в Хорхог-Джибуре, остановились там. Вспомнив, что когда-то они стали здесь побратимами, оба воскликнули: «Анда!» и вместе остановились на отдых.

В то время когда они побратались, Томучину было одиннадцать лет. Джамуха отдал ему косточку-бабку косули, а Томучин [Джамухе] – крепкую бабку-[налиток]. Так они стали побратимами. Еще тогда, когда они гоняли кости по льду Онона, они назывались побратимами. Потом весной, когда они вместе стреляли из своих малых луков, [Джамуха] отдал Томучину свою шумящую стрелу [с наконечником], сделанным из рога оленя. Томучин обменялся с ним стрелой с шишечкой из можжевельника: так они стали побратимами. Вторично назвались побратимами – таков был обычай.

Они сказали друг другу: «Слышали мы некогда сказанные слова стариков о побратимстве: "У побратимов одна общая жизнь, не оставляйте друг друга, в жизни будьте охраной друг другу. Таков закон взаимного братства". Ныне мы также произнесем [клятву] побратимства – будем жить мирно!»

Томучин опоясал Джамуху золотым поясом, отобранным у мэргитского Тогтага, подарил Джамухе светлую с черными хвостом и гривой яловую [кобылицу], взятую у Тогтага. Джамуха в ответ на это опоясал Томучина золотым поясом, отобранным у унаг-мэргитского Даир Усуна, посадил Томучина на белого коня с шишкой на лбу, принадлежавшего [когда-то также] Даир Усуну. На южной стороне крутого откоса Хулдагар в Хорхог-Джибуре, под ветвистым деревом, они назвались побратимами и, услаждая друг друга, пировали и праздновали, и спали вместе под одним покровом.

Томучин и Джамуха были друзьями только один год. Они дружили также часть следующего года. Однажды они сказали друг другу: «Откочуем-ка с этой старой кочевки!» – и в шестнадцатый день первого летнего месяца в полуденный час откочевали. Томучин и Джамуха ехали впереди повозок. Когда [повозки] подъехали, Джамуха сказал: «Побратим Томучин!

Вблизи горы сойдем с коней,
Там наши пастухи коней
Найдут себе огонь и искры!
Не верно ли это?
Вблизи реки сойдем с коней,
Там пастухи овец, ягнят
Найдут себе [еду] для горла.
На это ведь запрета нет?»

Томучин не понял смысла этих слов Джамухи и ничего не ответил. Отстав к середине кочевки и подождав свою повозку, он сказал Огэлэн-эхэ: «Джамуха-побратим сказал вот что:

"Вблизи горы сойдем с коней,
Там наши пастухи коней
Найдут себе огонь и искры!
Не верно ли это?
Вблизи реки сойдем с коней,
Там наши пастухи овец, ягнят
Найдут себе [еду] для горла.
На это ведь запрета нет?"

Я не мог понять смысла этих слов и ничего не ответил. "Спрошу-ка у матушки!" – сказал я себе и приехал». Как только он это произнес, прежде чем Огэлэн-эхэ успела выговорить [слово], Бортэ-уджин сказала: «Говорят, что побратим Джамуха скучает. Настало время, когда мы ему наскучили. Слова побратима Джамухи, сказанные только что, – не слова ли это отвращения к нам? Мы не остановимся здесь, двинемся дальше и отделимся [от него]. Будем двигаться всю ночь!» Так сказала она.

Согласившись со словами Бортэ-уджин, они не сошли с коней и ехали всю ночь. Дорогой они приблизились к тайчжигутам. Тайчжигуты, [боясь] преследования, в эту же ночь в замешательстве двинулись в сторону Джамухи.

В кочевье тайчжигутских бэсутов они подобрали оставленного там маленького мальчика по имени Кокэчу и отдали Огэлэн-эхэ. Огэлэн-эхэ воспитала его в своей юрте.

Всю ту ночь они ехали, а днем, когда стало светло, увидели, что к ним приблизились джалаирские Хачихун Тохурахун и Хархай Тохурахун. Эти три Тохурахуна, старшие и младшие братья, двигались ночью. Пришли также пятеро тархутов – тархутский Хадаган Далдурган со старшими и младшими братьями. Пришел также сын Мэнгэту-киана Оггуй во главе своих чангшигутов и байагутов. От барласов пришли Хубилай, Худут, старшие и младшие братья. От мангутов также пришли два брата – Джэдэй и Дохолху-чэрби. Младший брат Богурчи Эгулэ-чэрби, отделившись от арулатов, пришел и присоединился к своему старшему брату Богурчи. Младший брат Джэлмэ, Чорган Субэгэтэй-багатур, оставив урианханов, пришел и присоединился к Джэлмэ. От бэсутов пришли также два брата, старший и младший, Дэгэй и Кучугур. От сулдусов пришли также Чилгутэй, Тагай, Тайчжи-гудай, – старшие и младшие братья. Пришли также сыновья джалаирского Шира Домога – Архай и Хасар Бала. От хонгхотанов пришел Суйкэту-чэрби. Пришел сын сукэгэнского Джэгэя Хонгдахара Сугэй Джэкун. Прибыл Нэгудэй Цаган-гоа. Прибыли олхунутский Кингэтэй, от хорлосов Сэчигур, от дорбэнов Мочи Бидутэн. Прибыл также от икирасов Буту, находившийся там в зятях. От нойакинов прибыл Джонкэй. От орохоров пришел также Джиргухан. От барлагов пришли Гоа Сэчэн и Харачар со своими сыновьями. Прибыли также баринский Хорчи, Усун-эбугэн, Кокочос со своими маха-багаринцами.

Хорчи, прибыв, сказал: «Мы родились от женщины, взятой самим Боданчаром, мы с Джамухой из одного чрева, единого рода. Я не хотел отделяться от Джамухи. Был нам знак, мы видели своими глазами. Пришла красная корова и стала ходить вокруг Джамухи, бодать его юрту на повозке и бодала самого Джамуху. Она сломала себе один рог и стала однорогой, и [все] мычала и мычала в сторону Джамухи: "Отдай мой рог!", – все раскидывала и раскидывала землю. Рыжеватый бык, привязанный к повозке с большой юртой, поднял и потянул ее, идя [вслед] за Томучином по широкой дороге, и [все] мычал и мычал, приближаясь к нему. Небо соединилось с Землей, и мы сказали: "Да будет Томучин владыкой народа!" [Весь] народ приведем к тебе. Знамение это я видел [своими] глазами. Это было нам указание [свыше]. Томучин, когда ты станешь владыкой народа, какую службу ты мне назначишь за то, что [я рассказал] о знамении?»

Томучин сказал: «Если правда то, что я буду повелевать народом, сделаю тебя *нойаном тумэна*. [Так] он сказал, [и Хорчи ответил]: «Для меня, человека, указавшего [тебе] эти приметы, стать *нойаном тумэна* – разве это счастье? Когда сделаешь меня *нойаном тумэна*, вели дать мне красивых и благородных девиц, сделай так, чтобы у меня было тридцать жен. Прислушайся к тому, что я сказал!» Так он говорил.

Во главе с Хунаном прибыл один курень гэнигэсов. Прибыл также один курень Даритай-отчигина. От джадаранов прибыл также Мухули-гоа. Еще прибыл один курень от учжин-сагуринов. Когда они отделились от Джамухи, ушли от него и сделали остановку в стойбище Харага на речке Кимурга, то один курень Сэчэн-бэки и Тайчу, а также один курень Алтана и Хучир-бэки, сыновей Тайши, и один курень Алтан-отчигина, сына Хутула-хагана, [тоже] отделились от Джамухи, двинулись [в путь] и присоединились к Томучину, сойдя с коней [также] в стойбище Харага на речке Кимурга. Оттуда они покочевали в глубь Хурэлху и остановились около Хухэ-нора в [урочище] Хара-Чжиругэн по речке Сэнхур.

Алтан, Хучир и Сэчэн-бэки, придя к взаимному согласию, сказали Томучину: «Сделаем тебя хаганом! Когда ты станешь хаганом, [то мы,]

Отправившись в поход на многих врагов,
Красивых и добрых девиц для дворца,
Прекраснощеких *хатун* из чужого народа,
Добрых коней отменных статей
Захватим, рысью пригоним и [тебе] отдадим.
Когда мы в облаве на диких зверей
Выследим их, то [тебе] отдадим,
Когда мы отыщем лесных зверей,
Найдем и выгоним их, то [тебе] отдадим.
Когда мы сгоним вместе степных зверей,
Сгрудив их брюхо к брюху, – то [тебе] отдадим.
Не оплошаем и не спугнем их,
Неукротимых подняв, [тебе их] отдадим.
Зверей из ложбины согнав вместе,
Так что ляжка прижмется к бедру, – [тебе] отдадим,
Заставим с пригорка зверей [мы] уйти,
Спугнем их и [тебе] отдадим.
Если не станем щитом для тебя в день сраженья,
То, отлучив нас от дома и слуг,
Черные головы наши бросив на землю, – уйди!
Если нарушим твои мирные дни,
То, от слуг и от жен оторвав нас,
Оставь [нас] в земле, где нет владыки, – уйди!»

Как только они приняли это решение, то поклялись и принесли жертву верховному вечному Небу, водрузили и воздвигли девятиножное белое знамя. Еще до того как родился Томучин, хаган мудрых *луусов* вытолкнул [из камня] печать Хасбу; черноватая птица, сидя на дымнике, прощепетала:

«*Чингис, чингис*». Щебетание этой птицы и было причиной того, что [Томучину] дали имя Чингис, когда сделали его хаганом. В возрасте сорока пяти лет, в год *бинг* тигра в истоках реки Онон он водрузил свое девятиножное белое знамя и воссел хаганом на великий престол.

Сын Неба Томучин Чингис-хаган весь мир собрал воедино вплоть до Тэнгис-далая и равным образом устроил, о чем я расскажу, начав с восшествия его на верховный престол.

Когда Чингис-хаган стал [хаганом], то он пристегнул колчан Эгулэ-чэрби, младшему брату Богурчи; пристегнул колчан [и] Хачихун Тохурахуну. Энгур, Суйкэту-чэрби, Хадаган Далдураган – все трое сказали:

«Мы не потревожим утреннего питья,
Мы не будем нерадивыми при вечернем питье», –

и были поставлены *багурчинами*.

Дэгэй сказал:

«Утром не потревожу, приготавливая бульон
из молодого барашка
Вечером также не замедлю [подать].
Пегих баранов буду пасти,
Ими я заполню [загоны], что позади.
Светло-желтых овец я буду пасти,
Ими заполню [твои] загоны,
Не стану я обжираться,
Кишки овец, которых пасу, я стану есть!» –

и был назначен пасти овец.

Его младший брат Кучугур сказал:

«Твоим повозкам с [железными] чеками
Я не позволю опрокинуться!
Твои повозки с [железной] осью
[В стороне от] широкой дороги я не проведу!» –

и был сделан возницей. Тудэй-чэрби сказал: «Я буду управлять в юртах домашними слугами».

Трое – Хубилай, Чэкулгэтэй, Хархай Тохурахун были поставлены наравне с Хасаром; [Чингис-хан] им [привесил] мечи [и сказал]:

«Тем, кто чванится силою,
Перерезайте шеи;

Тех, кто кичится доблестью,
Подравняйте».

Бэлхутэю и Харалдай Тохурахуну он сказал обоим, чтобы они были конюхами и охраняли коней.

И еще сказал:

«Тайчжигудай, Хуту Мориту и Болгалаху пусть втроем ведают табунами». [И еще] он сказал: «Аранай Хасар, Дахай, Сухэй и Чахурхан пусть вчетвером будут

собирающими далеко [летающие стрелы],
собирающими близко [падающие стрелы]».

Субэгэтэй-багатур промолвил:

«Стану мышью, чтобы собирать,
Стану черным вороном, чтобы подобрать все, что снаружи.
Подобно войлочному плащу [тебя] укрою,
Чтобы [ты] мог отдохнуть.
Стану войлоком, что кругом покрывает юрту,
Чтобы защитить тебя».

Затем, когда Чингис-хаган стал хаганом, он сказал Богурчи и Джэлмэ: «Вы двое, когда у меня не было [иного] друга кроме тени, стали [моей] тенью. Вы успокоили мои мысли. Да! Я помню об этом. Да! Когда кроме [бычьего] хвоста не было [иного] хлыста, то вы стали [моим] хлыстом. Вы успокоили мое сердце. Да! И теперь вы в моем сердце. Помню об этом, потому что вы оба еще прежде были [вместе со мной], и поэтому разве вы не должны быть выше всех?»

Чингис-хаган также изволил сказать: «Поскольку Небо и Земля оказали мне покровительство, увеличив мои силы, а вы, что пришли ко мне от побратима Джамухи, подумали и решили стать [моими] товарищами, то разве это не значит, что вы – мои старые, счастливые друзья, которым следует быть выше всех?» И он поставил их над всеми. [Чингис-хаган] опирался [на людей, пришедших] из разных сторон.

«Чингис-хаган стал хаганом» – с таким известием отправил [он] послами к керейтскому Тогорил-хагану Дахая и Сухэя. Тогорил-хаган сказал: «Томучин, мой сын, стал хаганом – это правильно! Как можете вы, монголы, жить без хагана! Не разрушайте же этого согласия. Не лишайтесь же своего единения. Откармливайте своего старшего брата!» Так говоря, он отправил [их обратно].

Глава V. БОРЬБА С ДЖАМУХОЙ И ТАЙЧЖИГУТАМИ

Когда Аранай Хасар и Чахурхан были отправлены послами к Джамухе, тот сказал: «Скажите это двоим – Алтан Хучиру и Сэчэн-бэки», – и отправил их, чтобы они передали: «Алтан Хучир и Сэчэн-бэки, зачем вы оба разлучаете нас с побратимом Томучином,

в утробу тыкая,
в бок укалывая?

Мы, побратимы, жили вместе, еще не разлучались, почему же вы тогда не сделали хаганом Томучина, моего побратима? Что вы задумали теперь, когда назвали его хаганом? Запомните вы оба, Алтан Хучир и Сэчэн-бэки, сказанные вами слова и успокойте моего побратима. Будьте же ему хорошими товарищами, служите ему!» Сказав так, он отправил их обратно.

После этого младший брат Джамухи Тичар, находившийся в Улгэй-булаге у южного склона Алмы, [отправился, чтобы угнать табун коней Джочи Дармала, который находился в нашей Сагари-хэгэр. Захватив и угнав табун Джочи Дармала, Тичар удалился. Так как у Джочи Дармала угнали табун, а товарищи его [при этом] оробели, Джочи Дармала отправился один; ночью он подсказал к самому краю своего табуна и, пригнувшись к спине своего коня, выстрелил и, попав Тичару в хребет, убил его, забрал свой табун и прибыл обратно.

Говоря: «Младший брат мой Тичар убит!» – Джамуха во главе джачиринов, объединившись с тринадцатью чужаками, составил три *тумэна* и, перейдя через перевалы, со своими *алагутами* и *тургагутами* выступил в поход против Чингис-хагана. Когда Чингис-хаган находился в Хурлэху, двое из рода икирасов – Мулэхэ Тотуга и Боролдай – пришли с известием о том, что они приближаются. Узнав об этих словах, Чингис-хаган, у которого было тринадцать куреней, составил три *тумэна* и выступил на встречу Джамухе; они сразились в Далан-Балджуте. Преследуемый Джамухой, Чингис-хаган бежал в ущелье Джаргана на Ононе. Джамуха сказал: «Мы загнали его в ущелье Джаргана на Ононе!» Возвращаясь обратно, он приказал сварить в семидесяти котлах юношей из рода чинос. Нэгүдэю Цаган-гоа он отрезал голову, привязал [ее] к хвосту коня и так поехал.

После возвращения Джамухи уругутский Джурчидай, предводительствуя своими уругутами, и мангутский Хуйлдар, предводительствуя своими мангутами, отделились от Джамухи и пришли к Чингис-хагану. Хонгхатанский Мэнглик-эчигэ, который был с Джамухой, пришел со своими

семью сыновьями. Чингис-хаган обрадовался и сказал сам себе: «Народу прибыло!» Вместе с Огэлэн-уджин, Хасаром, джургэнскими Сэчэн-бэки и Тайчу они [все] в согласии обсудили и сказали: «Попируем-ка [теперь] в лесу на Ононе!» Во время пира Чингис-хагану первому подносили чашу, затем поочередно Огэлэн-эхэ, джургэнским Сэчэн-бэки, Тайчу и другим. «Рожденные в одном роде, разве не одно мы были? Разве прежде мы плохо жили?» – так они говорили, когда подносили [чашу]. Огэлэн-эхэ соизволила сказать: «Говорят:

злбный враг малочислен,
ядовитая змея тонка,

но не думай, что это так. Не доверяй! Будь бдителен!» Когда она так сказала, то августейший владыка повелел: «Хабуту Хасар, ты охраняй колчан. Бухэ Бэлхутэй, ты охраной будь. Хачигун, ты охраняй коней. Ойту Отчигин, ты будь около меня. Мало ли что может случиться?» Так он приказал.

Джургэны, задумав недоброе, выкопали яму и покрыли ее сверху войлоком. Когда владыка подошел и [сказал]: «Сядем на середину войлока!» – то Отчигин оттащил от владыки войлок и усадил его на край подстилки. Сэчэн-бэки налил чашу и подносил [ее] сперва Чингис-хагану, Огэлэн-уджин и Хасару – всем троим [по очереди]. Так как чашу наливали и подносили сначала Эбэхэй – младшей матери Сэчэн-бэки, то Хориджан-хатун и Хогугчин-хатун обе сказали: «Нам обем не налили раньше!» – и побили багурчи Шихурчи.

Багурчи Шихурчи сказал: «Из-за того что нет Йисугэй-багатура и Нэ-гун-тайши, меня бьют», – и когда он так говорил, то плакал и кричал.

На этом пиру от нас распорядился Бэлхутэй, от джургэнов на этом пиру распорядился Бури Бухэ. Коня Чингис-хагана держал Хачигун. Одна женщина из джургэнов, проходя мимо, ловко срезала стремя, взяла его и ушла. Бэлхутэй увидал это, ударил ее и сломал ей ногу. Тогда Бури Бухэ, защищая свою воровку, долго боролся с Бэлхутэем. Бэлхутэй опустил свой правый рукав и оголил [плечо]. Бури Бухэ разрубил своим мечом его обнаженное плечо. И хотя у Бэлхутэя было разрублено [плечо], он не придал этому никакого значения и не остановил кровь. Чингис-хаган, сидевший в тени, увидал это из круга пирующих и, выйдя оттуда, подошел и сказал: «Кто это сделал, пока мы разговаривали?» Бэлхутэй сказал: «Мы порубились еще утром. Не нужно из-за меня нарушать согласие между родственниками. Я не утомлен!»

Хотя Бэлхутэй и удерживал [Чингиса], это ему не удалось: наломав суковатых палок, [Чингис с товарищами] вытащили кожаные мешки, стали драться и победили джургэнов. Они захватили Хогугчин-хатун и Хо-

риджан-хатун и увели их. Хасар каждой выпущенной стрелой сваливал на землю человека.

В той суматохе Бэлхутэй шел и бил по сторонам своим кожаным мешком с кумысом. Левой рукой он посадил владыку на белую яловую кобылицу хорчинского Тогтаху. Тогтаху был пожалован привилегией. От него произошел род дархат. Он порицал [Хачигуна], говоря: «Я сам видел, как было отрезано стремя. Хачигуна надо вытолкать из куреня».

Затем тайчжигуты схватили Бэлхутэя, привязали его к большой повозке, да так и оставили. После, когда все уснули, Бэлхутэй пришел обратно, волоча за собой повозку.

После того августейший владыка сказал: «Во время ссоры с тайчжигутами Бэлхутэй не уважил меня – посадил на коня левой рукой, – и велел взять его под стражу.

Затем Хасар и Бэлхутэй говорили друг другу: «Для этого владыки нет такого обычая, чтоб установить подобный закон. Ловкость Хасара в стрельбе, сила и мощь Бэлхутэя привели под его власть великие народы пяти цветов и четыре чужих. Да!» Владыка узнал об этих разговорах и сказал: «Я подавлю их гордость!» Он принял облик простого старика и, держа длинный желтый лук, [он] подошел [к ним] и сказал: «Продаю [этот лук]». Тогда Хасар и Бэлхутэй спросили: «Что ты за человек, откуда пришел? Этакого мы и не видывали». Тот старик сказал: «Я бедный человек. Живу тем, что продаю луки».

Тогда оба они, издеваясь, сказали: «Ведь ты нам сказал, чтобы мы взяли твой лук». Тогда тот старик сказал: «Хотел бы я знать, не будет ли он плох, если его натянуть?» Бэлхутэй взял, но сколько ни натягивал, так и не смог [его натянуть]. Тот старик дал натянуть [его] Хасару. Хасар натягивал, но не смог натянуть. Тогда тот старик обернулся седым человеком, сидящим верхом на сером муле с белым пятном на лбу. Он приложил к длинному желтому луку свою золотую стрелу и выстрелил так, что скала расколосась. «Разве вы оба не младшие братья августейшего владыки, которых называют ловкий стрелок Хасар и силач Бэлхутэй? Ведь говорят, что

вместо большого хвастовства
лучше прикусить язык».

Произнеся это, он ушел. Только тогда оба младших брата устрашились и сказали друг другу: «Это был гений владыки! Так-то!» После этого они прекратили говорить такие слова. Джургэны прислали сказать: «Будем жить в согласии», – и тогда вернули обратно Хогугчин-хатун и Хориджан-хатун, [также] говоря: «Будем жить в согласии». Пока ходили туда и обратно, договариваясь о согласии, Алтан-хаган, [владыка] народа Китая,

отправил *онгинг-чингсанга*, наказав ему, чтобы он не мешкая двинул своих воинов против татарского Мэгучин Сэгулту за то, что тот не соблюдает мирного соглашения. *Онгинг-чингсанг* преследовал татар во главе с Мэгучин Сэгулту и прогнал их на Улдзу с табунами и со всем пропитанием. [Он] известил [Чингиса] о своем приближении. Услыхав эти вести, Чингис-хаган молвил: «С древних времен татарский народ истреблял [наших] дедов и отцов. Ненавистный и мстительный народ! Ныне мы воспользуемся [случаем] и зажем их [с двух сторон]». И он отправил к Тогорил-хагану посланца [с вестью]: «*Онгинг-чингсанг*, [военачальник] Алтан-хагана, прогнал татар во главе с Мэгучин Сэгулту и гонит их вверх по Улдзе: он известил, что приближается. Мы зажем татар, губивших наших дедов и отцов. Тогорил-хаган, отец, приходи скорее!» Отправил он посланца, чтобы доставить эти слова. Получив известие, Тогорил-хаган сказал: «Сын [мой] сказал правильно», – и послал ответ: «Мы зажем их!»

На третий день Тогорил-хаган собрал своих воинов, выступил и очень скоро прибыл. Чингис-хаган и Тогорил-хаган отправили сказать джургэнским Сэчэн-беки, Тайчу и прочим джургэнам: «В прежние времена татары губили наших дедов и отцов, теперь мы зажем их в ущелье. Отправляйтесь вместе с нами в поход!» – и отправили [гонца]. Шесть дней прождали прихода джургэнов, обещавших прибыть, а больше ждать не могли. Чингис-хаган и Тогорил-хаган, приведя в движение войска, вместе спустились по течению Улдзы. Когда они вместе с *онгинг-чингсангом* подошли, сжимая [противника с обеих сторон], то [увидали, что] на [реке] Улдзе в [урочищах] Хошигунту-шитугэн и Нарату-шитугэн татары во главе с Мэгучин Сэгулту построили укрепления.

Чингис-хаган и Тогорил-хаган захватили Мэгучин Сэгулту, укрывшегося в том укреплении, и тут же убили его.

Чингис-хаган взял там серебряную колыбель и одеяло, [расшитое] жемчугом.

Со словами: «Мэгучин Сэгулту убит!» – Чингис-хаган и Тогорил-хаган отправились навстречу *онгинг-чингсангу*.

Узнав об убийстве Мэгучин Сэгулту, *онгинг-чингсанг* очень обрадовался и пожаловал Чингис-хагану титул *чаутхури*, керейтскому Тогорил-хагану пожаловал титул *онга*. С тех пор как *онгинг-чингсанг* пожаловал [их такими титулами], они так и стали [называться]. *Онгинг-чингсанг* сказал: «Я доложу Алтан-хагану о том, что вы убили Мэгучин Сэгулту, зажав его с двух сторон. Пусть знает Алтан-хаган, что [Чингису] надо дать более важный титул *чжао тао*». Оттуда *онгинг-чингсанг*, все так же радуясь, пошел обратно. Чингис-хаган и Онг-хаган ограбили там татар, поделили между собой [добычу] и, забрав ее, [вернулись и] у своих юрт сошли с коней.

В то время когда в Нарату-шитугэн спешились и грабили кочевье, наши воины нашли в кочевье маленького мальчика, на котором был надет четверугольный передник из шелка, затканый золотом, подбитый соболем, и золотая серьга. Унесли этого мальчика и отдали в подарок Огэлэн-эхэ. Огэлэн-эхэ сказала:

«Это, должно быть, сын хорошего человека.

Это, должно быть, потомок хорошего рода», –

и сделала его шестым сыном, младшим братом пятерых сыновей, и назвала его Шиги Хутуг. Матушка воспитала его.

Стан Чингис-хана находился у озера Аргалиту. У остававшихся в стане пятидесяти человек была разграблена одежда, а десять человек было убито. Когда оставшиеся в стане указали на это Чингису, говоря: «Вот как обошлись с нами джургэны!», – то он, услышав эти слова, сердясь и гневаясь, сказал: «Как можно [допустить], чтобы кто-то так обходился с нами! Когда мы пировали в лесу на Ононе, Бэлхутэю разрубили плечо. Когда [они затем] сказали: "Будем в согласии!", – мы отдали обратно обеих – Хогугчин-хатун и Хориджан-хатун. После этого мы решили отправиться в поход против татар, губивших наших отцов и предков и прежде бывших нам ненавистными и враждебными, и ждали джургэнов шесть дней, [но] они так и не пришли. Ныне они сошлись с нашим врагом, и разве сами они не стали действительно нашими врагами?» Сказав так, Чингис-хаган отправился в поход на джургэнов.

В то время джургэны находились в Дологан-Болдаге, в степи Худугэ-арал на Керулэне. [Чингис] разбил джургэнов. Сэчэн-бэки и Тайчу, не имея никого кроме самих себя, бежали. Их преследовали до Талту-амасара, где и захватили обоих, Сэчэн-бэки и Тайчу. Чингис-хаган сказал им обоим, Сэчэн-бэки и Тайчу: «Что говорили мы друг другу прежде?» Когда он так сказал, Сэчэн-бэки и Тайчу ответили: «Мы не помним данного нами слова. Напомни наши слова!» Полагаясь на свои слова, они согнулись [в поклоне]. [Чингис] заставил их понять эти слова, что они почувствовали, и тут их прикончили.

Покончив с Сэчэн-бэки и Тайчу, возвратились обратно, и когда погна-ли [с собой] джургэнов, то оказалось, что среди них находились Хумун-гоа, Чилагун Хайчу и Джэбэхэ – трое сыновей джалаирского Тэлгэту Байана. Гоа привел [к Чингису] двух своих сыновей, Мухули и Буха, и, представляя их, сказал:

«У твоего порога

Пусть будут они рабами,

Если удалятся от твоего порога,

Перережь им сухожилия.
У твоих дверей
Пусть будут они твоими рабами.
Если удалятся от твоих дверей,
Вырежь у них печень и брось».

Сказав это, он отдал [сыновей]. Чилагун Хайчу также представил Чингис-хагану двух своих сыновей, Тухэ и Хасара, и сказал:

«Твой золотой порог
Пусть они охраняют!
Так говоря, я их отдаю!
От твоего золотого порога
Если они далеко отойдут,
Жизнь их прерви и убей!
Твои [широкие] двери
Пусть поднимают они!
Так говоря, я их отдаю!
От твоих широких дверей
Если сами они отойдут,
Вырви у них сердце и убей!»

Сказав это, он отдал Джэбэхэ (?) и Хасара. Джэбэхэ принес из кочевья джургэнов маленького мальчика по имени Борохул и отдал Огэлэн-эхэ.

Мальчика по имени Кучу, найденного в кочевье мэркитов, мальчика по имени Кокчу, найденного в кочевье бэсутов, мальчика по имени Шиги Хутуг, найденного в кочевье татар, мальчика по имени Борохул, найденного в кочевье джургэнов, – [всех] четверых Огэлэн-эхэ воспитывала в своей юрте, заботилась о них. Своим сыновьям она говорила: «Сделаю я так,

чтобы днем глаза видели,
чтобы ночью уши слышали!»

И воспитывала [приемышей] в своем доме.

Вот каким образом этот народ [джургэны] стал джургэнами. Старшим из семерых сыновей Хабул-хагана был Окин Бараг. Его сыном был Дзоригту Джурби. Хабул-хаган, сказав: «Это – старший из сыновей!», – выбрал для него из своего народа мужей умных, сильных и мощных, [у которых]

желчь в печени,
ловкость в большом пальце,
сердце, заполняющее легкие,
дыхание, наполняющее рот.

Выбрал и отдал. За вспыльчивость, за гневливость, за громогласность и были они названы [джургэн]. [Вот] таких-то, [вот] этаких-то горделивых людей и подавил Чингис-хаган, рожденный мужем из мужей. Род джургэн был покорен. Этих людей Чингис-хаган сделал лично принадлежащим ему народом.

Однажды [Чингис-хан], пригласив Бури Бухэ, сказал ему и Бэлхутэю: «Поборитесь-ка!». Бури Бухэ был джургэном. [Когда они боролись как-то] раньше, он схватил одной рукой Бэлхутэя, подкосил его одной ногой, свалил и придавил, не давая шевельнуться. [И вот теперь Чингис] велел Бури Бухэ и Бэлхутэю бороться. Бури Бухэ – человек непобедимый – был готов упасть. Бэлхутэй сразу не сумел [бросить его на землю], но поднял его на плечо, так что стала видна часть зада. Бэлхутэй быстро взглянул на Чингис-хагана. Чингис-хаган прикусил нижнюю губу. Бэлхутэй понял, сел верхом на Бури Бухэ, схватил [его] за голову и ноги, потянул и, нажав коленом, сломал ему хребет. Бури Бухэ со сломанным хребтом промолвил: «Бэлхутэй не победил. Я боялся хагана и, испугавшись, нарочно упал и упустил свою жизнь». Сказав [это, он] умер. Бэлхутэй, сломавший ему хребет, оттащил его и ушел.

Старшим из семи сыновей Хабул-хагана был Окин Бараг. Следующим был Бартан-багатур. Его сыном был Йисугэй-багатур. Следующим за ним был Хутугту Монгур. Его сыном был Бури Бухэ. Превосходя в борьбе сыновей Бартан-багатура, он подружился с молодцами из рода барлаг. Хотя Бури Бухэ и был самым сильным из своего народа, он умер, потому что Бэлхутэй сломал ему хребет.

После того в год курицы хатагинский Баху Чороху, салджигутский Иркидэй-багатур, дорбэнский Хачухун-бэки, татарский Джалибуга из [рода] алчи-татар, икирасский Тугэ Маха, хонгхиратский Тэргэ Эмэл Алхуй, горлосский Чиндан Чаган, найманский Буйруг-хаган, Хуту – сын мэркитского Тогтага-бэки, ойратский Худуга-бэки, тайчжигутские Тархутай Кирилтух, Ходун Орчик, монгольский Агачу-багатур и другие – все они собрались вместе в Алахуй-булаге и говорили так: «Возведем хаганом Джарчирадая Джамуху!» Разрубив и убив жеребца и кобылицу, они дали клятву, [а затем] покочевали оттуда по течению реки Аргунь. [Там, где] в Аргунь вливается река Хан, на широкой большой косе возвели Джамуху в *гурханы*. «Мы возвели [его] в хаганы. Отправимся в поход на Чингис-хагана и Онг-хагана», – говорили они друг другу.

Хоридай из [рода] горлос прибыл к Чингис-хану, находившемуся в Хурлэxu, и доставил ему эти вести. Получив такое известие, Чингис-хан послал уведомить об этом Онг-хагана.

Получив эти вести, Онг-хаган поспешил со своими воинами навстречу Чингис-хагану и прибыл.

Когда Онг-хаган прибыл, то Чингис-хаган и он, соединившись, сказали друг другу: «Отправимся в поход навстречу Джамухе», – и выступили в поход по течению реки Керулен. Чингис-хаганом были посланы в качестве передового отряда трое: Алтан, Хучар и Даритай. Онг-хаган [также] отправил в качестве передового отряда троих: Сэнгума, Джига Гэмбу и Бэлгэ-бэки. Из передовых отрядов были высланы вперед дозоры. В Хуйлду был выставлен постоянный дозор. Подальше от него был еще выставлен дозор в Чэкэчэре, а еще дальше был поставлен дозор в Чухурху. Когда наши передовые Алтан, Хучар, Сэнгум и другие дошли до Эдухуя и когда они решили сойти с коней, в это время примчался человек, поставленный в дозор в Чухурху, и сообщил, что враг приближается. Получив такие вести, они, не сходя с коней, отправились дальше и говорили: «[Пойдем] навстречу врагу, возьмем языка!» Двинулись вперед и, взяв языка, спросили его, кто он такой. Это был [человек] из передового отряда Джамухи, в который входили Нагачу-багатур» из монголов, найманский Буйруг-хаган, сын мэркинского Тогтага-бэки Хуту, ойратский Худуга. Эти четверо шли в качестве передового отряда Джамухи. Наш передовой отряд громко кричал их отряду: «Наступает вечер, утром будем рубиться!» [Затем,] возвратившись, он присоединился к главному войску и стал на ночевку.

Назавтра утром двинули [войска] и, подойдя друг к другу, выстроились в боевом порядке в Хуйлдуне. В то время как они располагались, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз, те двое, Буйруг-хаган и Худуга, сражались, зная волшебство. Учинив волшебство, они вызвали грозу, но именно над ними-то и разразилась гроза, так что они не могли идти, падали в рытвины и бежали в беспорядке, говоря: «Неугодны мы Небу!»

Найманский Буйруг-хаган отделился и двинулся в сторону Улуг-тага на южном склоне Алтая. Хуту, сын мэркинского Тогтага-бэки, пошел по направлению к Селенге. Ойратский Худуга-бэки двинулся в сторону Шигшига, пробираясь лесом. Тайчжигутский Нагачу-багатур двинулся в сторону реки Онон. Джамуха, ограбив народ, возведший его в *гурханы*, двинулся обратно в сторону реки Аргунь. Онг-хаган погнал Джамуху по течению Аргуни. Чингис-хаган прогнал тайчжигутского Нагачу-багатура в сторону Онона. Нагачу-багатур, дойдя до своего улуса, заставил свой народ двинуться с места и рассеяться. Тайчжигуты Нагачу-багатур и Ходуг Огэдэ на той стороне Онона построили в боевом порядке оставшихся у

них воинов и стояли в боевом порядке, намереваясь сражаться. Чингис-хаган подошел [со своими воинами] и начал сражение с тайчжигутами. Бились сильно и не один раз обходили кругом [врага]; когда наступил вечер, расположились кругом на том же месте, где рубились, укрепились и ночевали [там]. Бежавшие люди поспешно подошли и также ночевали вместе с воинами, расположившись кругом.

В том сражении Чингис-хаган был ранен в шею. Он изнемог, потому что не смогли остановить кровь. Солнце закатилось, и там же, [где рубились,] сошли с коней, чтобы установить охрану. Чтобы остановить кровь, Джэлмэ высасывал ее своим ртом и сидел окровавленный, не доверяя никому, охранял [Чингиса]. Наступила полночь, он все очищал [рану] своим ртом, а [кровь] или выплевывал или глотал. После полуночи Чингис-хаган совсем очнулся и сказал: «Кровь остановилась, очень тяжело, я пить хочу!» Тогда Джэлмэ снял свою шапку, обувь, халат и [остальную] одежду, оставшись в одних нижних штанах, раздетый побежал к врагам, которые еще оставались среди людей, расположившихся кругом, и искал в повозках у них кумыса, но не смог найти, потому что люди, бежавшие в растерянности, оставили кобылиц недоенными. На одной повозке он нашел и поднял большой кожаный мешок с молочным *тараком* и принес его.

По пути, когда он шел вперед и когда возвращался, никто его не видел. Да! Само Небо охраняло его. Да! Когда Джэлмэ принес кожаный мешок с *тараком*, то сам же пошел искать воду, принеся, смешал ее с *тараком* и заставил хагана выпить. Хаган три раза выдохнул и стал пить, затем сказал: «У меня просветлело в глазах». Приподнялся и сел; [уже] рассвело. Когда он так сел, то увидел, что кругом была грязь от выплнутой на землю крови, которую Джэлмэ высасывал и сплевывал. Чингис-хаган увидел это и сказал: «Это что же такое? Плевал бы подальше, лучше бы было». На это Джэлмэ ответил: «Ты был в обмороке, поэтому я боялся, [что] если уйду подальше, то ты обессилеешь, и я, сжав зубы, глотал, если глоталось, отплевывал, если отплевывалось, спешил, и сколько же вошло в мой живот!» Чингис-хаган еще сказал: «Пока мне было плохо и я лежал, зачем же ты убежал голым и вошел в круг [к тем людям]? Если бы тебя захватили, то разве они не поняли бы, что я вот так [лежу]?» Джэлмэ сказал: «Мысль у меня была такая: я ушел голым потому, что если бы меня захватили, то я сказал бы им, что хотел присоединиться к ним, но об этом узнали, схватили меня и, грозя убить, сняли всю одежду, одни нижние штаны не успели снять, и я сумел ускользнуть, меня упустили, и я пришел [к ним]. Так бы я сказал им. Меня бы сочли правдивым, дали бы одежду и призрели бы меня. Разве я не мог бы внезапно вскочить на коня и, пока они не видели, я не смог в это время быстро

прискакать? Так я думал и, желая успокоить страждущего от жажды хагана, не моргнув глазом, [решил] пойти». Чингис-хаган сказал: «Что же [мне] теперь [сказать]? Да! В прежние дни, когда пришли три мэргита, когда они трижды обошли кругом Бурхан-Халдуна, тогда ты в первый раз спас мою жизнь. И ныне, когда я хотел пить, ты отсосал своим ртом кровь и спас мою жизнь. И также, когда я истомился от жажды и жизнь моя находилась в опасности, ты, не моргнув глазом, пошел к врагам и нашел питье и вдохнул в меня жизнь. Эти три твои услуги останутся [насегда] в [моей] душе». Так он соизволил сказать.

Когда совсем рассвело, [стало видно], как [вражеские] воины, ночевавшие в укреплении, разбежались в беспорядке, а народ, расположившийся кругом, стоял на месте не двигаясь, ибо им нелегко было [двинуться в путь]. Чтобы вернуть разбежавшихся воинов, Чингис-хаган выступил с места ночевки. В то время как возвращали разбежавшихся поспешно воинов, какая-то женщина в красном халате, стоя на холме, плакала и громко кричала: «Томучин!» Чингис-хаган услышал и спросил: «Что это за женщина так плачет?» – и отправил [человека], чтобы тот ее спросил. Та женщина сказала: «Я дочь Торган Шира, зовусь Хадаган; эти воины схватили моего мужа и хотят [его] убить. Я кричу и плачу потому, что моего мужа убивают. Передай Томучину, чтобы он спас моего мужа!» Тот человек вернулся и передал Чингис-хагану сказанные ею слова. Чингис-хаган, услышав это, рысью подскакал [к ней], сошел с коня и обнял ее. «Как бы только наши воины еще раньше не убили ее мужа», – сказал он и послал к тем людям и спас ее мужа.

Когда вернули обратно тот народ, [что разбежался в страхе,] Чингис-хаган переночевал на этом же самом месте со [всем] великим войском. Он позвал мужа Хадаган, тот пришел, и [Чингис] посадил его около себя. Назавтра утром пришли Торган Шира и Джэбэ, оба они были людьми тайчжигутского Тодогэ. Чингис-хаган сказал Торган Шира: «[То, что ты]

Сбросил на землю
Тяжкое древо
С шеи моей,
Велел удалить
Деревянную колодку
С воротника моего,

– это ваша заслуга, отец и сыновья. Да! Зачем вы пришли?»

Торган Шира сказал: «Про себя я думал о тебе как об истинном владыке, но зачем было торопиться? Если бы я поторопился, то тайчжигутские *нойаны* мою жену и сыновей, стада и имущество, – все, что [у меня]

было, – развеяли бы как пепел по ветру. Подумав так, я не спешил, а ныне я пришел присоединиться к своему хагану». Когда он так сказал, [Чингис-хаган] молвил: «Правильно!»

Чингис-хаган сказал: «Когда в Хуйлдуне воины были выстроены в боевом порядке, друг против друга, [а затем,] обойдя друг друга, встали с правой стороны, то с хребта прилетела стрела. Кто это выпустил стрелу, разбившую шейные кости у моего боевого беломордого саврасого?» На эти слова Джэбэ сказал: «С горы стрелял я. Теперь, если хаган велит умертвить меня, я останусь гнить на [куске] земли величиной с ладонь. Если же хаган дарует [мне жизнь], то я перед ним

Вычерпаю ключевую воду,
Разломаю белый камень,
В месте, до которого он велит дойти,
Разломаю синие скалы;
В месте, которое он велит охранять,
Вдребезги раздроблю черные скалы».

Чингис-хаган сказал: «Если человек пришел к врагу, то разве он не таится, разве не удерживает свой язык, разве он признается, что убил, действуя как враг? Раз он не скрываясь говорит всю правду о том, что убил коня, действуя как враг, и сам на это указывает, то такой человек может быть товарищем. Ты назывался [прежде] Джирхугадай. Но так как ты выстрелил в шейную кость моего боевого беломордого саврасого, то [впредь] называйся Джэбэ, и пусть тебе дадут оружие. Будешь ходить около меня!» Так он повелел.

Вот таким-то образом и пришел Джэбэ от тайчжигутов.

Глава VI. ВСТРЕЧА С ТАЙЧЖИГУТАМИ. РАЗГРОМ ТАТАР. РАЗРЫВ С ОНГ-ХАГАНОМ

Чингис-хаган развеял по ветру пепел тайчжигутов, разорил их вплоть до потомков их потомков. Двинувшись с места вместе со своими людьми, он провел зиму в Хубахайа.

Когда обладающий величием августейший Чингис-хаган перекочевывал на дальнюю кочевку, он взял девять своих самых близких *сайдов*. По дороге они рассматривали следы и увидали вдали что-то неясное; владыка так повелел: «Вообще-то неизвестно, с какой стороны появится враг. Девять моих *сайдов*, разделитесь на три части!» По повелению своего владыки Джэлмэ, Чуу Мэргэн и Шиги Хутуг втроем составили

одну часть. Богурчи, Борохул и Мухулидай втроем составили еще одну часть. Сулдусский Торган Шира, бэсутский Джэбе, ойратский Хара Хиру – эти трое составили еще одну часть и оставались на месте. В то время как владыка, взяв с собой *сайдов*, двигался по северному склону горы Цагарай-хан, выискивая след, он увидел [вдали] что-то неясное. Пока они ехали вдоль кручи Джалман-хама, из-под [ног коня] владыки выскочил грязный, темный козел и побежал. Тогда владыка на своем сивом с пятнами коне

Погнался по северному склону,
Растянул лук на сажень,
Своей золотой стрелой
Выстрелил так, что поморщился,
И убил [козла].

Когда шесть *сайдов* сошли с коней, взяли козла и привязали его к то-рокам, владыка повелел: «Поскорей снимите шкуру с этого козла. Ведь я, поднявшись на то желтое возвышенное место, сказал, что [там] что-то виднеется!» И пока они по повелению владыки поднимались на желтое возвышенное место и высматривали то, что виднелось вдали, владыку стало клонить ко сну, и он задремал, опираясь на свой кнут и склонясь к гриве своего сивого с пятнами коня. Во время дремоты он увидел сон. Как только *сайды* прибыли и сошли с коней, он рассказал об этом сне шести своим *сайдам*:

«При этом сне
Бедное сердце мое забилося – «бол-бол»,
Короткое ребро мое
Захрустело – «шир-шир».
На желтой равнине, где были
Три высоких бугра вдали,
Три сотни врагов повстречал я,
Три черных знамени было у них.
А начальник, их предводитель,
Был на рыжем коне с лысинкой.
[Шлем на нем] с изогнутым козырьком,
С беловатой, круглой кистью [наверху];
Моложавый черный человек
С лицом, скрытым черной бородой,
Был одет он в красный панцирь –
Вот какого встретил я человека.

Высматривал он свою судьбу-свободу.
 Как игла [быстро] он двигался,
 Как нитка [ловко] тянулся
 – [вот как] он был виден!

Если мой сон сбудется, то как поступите вы, мои шестеро?» Так он спросил. Когда [же] спросил, то Шиги Хутуг сказал:

«Я всегда далеко вижу:
 Что у монголов случится –
 [Все хорошо] рассмотрю;
 Что у мэркитов случится –
 [Все хорошо] буду знать;
 Что у тайчжигутов случится –
 [Обо всем] я буду осведомлен».

Джэлмэ сказал : «Не увижу я равнины, на которой скот его скудеет и жизнь гибнет; [не увижу потому, что] выйду, держа меч [в руке], пересеку путь врагу; разрублю я того, кто на пути повстречается; человека, который держит три черных знамени, разрублю и убью и знамена его силой захвачу; сразу же, немедленно, как только увижу, верхушку знамени воткну вниз, поташу круг, огромный как море, и отдам [его тебе]». Чуу Мэргэн сказал: «Малодушен я был, испугался и бросился бежать. Ты меня позвал, наставил и побранил; я, неразумный, приду и дарованную моим владыкой судьбу-свободу не утрачу». Богурчи сказал:

«Врага, идущего с юга, остановлю,
 будет полезно [его] утрашить.
 От золотых поводов моего владыки
 Я не отлучусь!»

Борохул сказал:

«Я стану прикрытием от выпущенной стрелы,
 Я стану навесом против свистящей стрелы,
 К золотой особе своего владыки не допущу я стрелы».

Мухулидай сказал:

«Врагов твоих подавлю,
 Добычу твою пригоню и доставлю.
 За хвостом моего коня туман стелется,
 Перед гривой его солнце восходит.

Вражеского коня я заставлю блуждать,
Не уклоняясь, я иду,
Всю свою силу отдам [владыке]».

Так он сказал. Владыка выслушал слова своих шестерых *сайдов*, то-ропливо поел жареного мяса козла, сошел со своего солового Шинхуна и отдал его Шиги Хутугу, сказав: «Не случилось ли так, как было в моем сне? Разгляди [все] на Желтой равнине с тремя проходами в зубчатых горах и возвращайся». И он отправил его. Шиги Хутуг сел верхом на солового Шинхуна и,

степь позади оставив,
через тайгу протацившись

подъехал и испугался, когда, выйдя на Желтую равнину, внезапно встретил врагов с тремя черными знаменами, спешивших навстречу. Они гнались за Шиги Хутугом вплоть до [того] места, где находился владыка. Владыка спросил: «Шиги, что случилось?» Шиги Хутуг сказал: «Когда я поспешно выехал на Желтую равнину, я испугался, повстречав триста врагов, а они за мной погнались. Были ли то тайчжигуты – я не мог узнать. Были ли то мэркиты – не мог я понять. Были ли это монголы – не мог рассмотреть. Только раз бросил взгляд назад, поглядел: все действительно было так, как во сне моего владыки. Если то были мэркиты, то неведомые багатуры были. Если были монголы, то несокрушимые багатуры были. Похоже, [однако], что это тайчжигуты. Они приближаются рассыпавшись».

После того как это было сказано, шестеро *сайдов* сошли с коней, взяли свои потники, и пока они перепоясывались, показались, приближаясь, те дальние враги. Когда они подошли, Богурчи, сев на своего буланого коня с темным ремнем на спине, выехал вперед, а когда выехал, то спросил: «Чьи вы люди будете? Мы ваши законные владыки! Скорее скажите: если вы люди, обладающие обычаями, то скажите свой обычай; если вы люди, обладающие именем, то скажите свое имя». Когда он так сказал, они ответили: «Какое [там еще] у нас [может быть] доброе имя! Скорее давайте биться». Тогда Богурчи сказал: «Так говорить вам не следует. Какое вам тут веселье! Будем веселиться, пока солнце светит!» Так он громко кричал. Тогда те, люди простые, сказали: «Какое у нас хорошее имя? Рыболовы мы да сурколовы».

Тогда Шиги Хутуг проговорил: «Чего хорошего с них можно спрашивать? Они тайчжигуты, я узнаю их. Нападем-ка на них без промедления!»

Джэлмэ двинулся на них, держа меч прямо. Защищая дорогу, они врезались клином вперед, напали и порубили людей, держащих три черных

знамени, заставили бросить их, захватили знамена силой. Поспешно выйдя [из сраженья], они воткнули верхушки знамен в землю, а огромный как море круг разломали на части.

Чуу Мэргэн убежал. Богурчи, ушедший в сражении вперед, возвращаясь обратно, увидел [его] и сказал: «Эй, Чуу Мэргэн, стой! Так-то ты, убегая, отдаешь свою силу владыке? Что же ты разыгрался, словно годовалый жеребенок, впервые выбежавший в поле?» Когда он так сказал, Чуу Мэргэн воротился и, смеясь, сказал: «Владыка мой! Ведь говорят, что когда сражаешься рядом, то стрел-то своих не хватает!» Владыка выдернул из своего золотого колчана красную, расписанную киноварью стрелу и отдал ему. Чуу Мэргэн,

выгасив стрелу,
натянул свой лук

и не лишился он дарованной владыкой судьбы-свободы.

Пока светлый человек свой козырек поворачивал,
Пока добрый человек свои завязки развязывал,

Чуу Мэргэн выстрелил и убил его. Его рыжего с лысинкой на лбу коня он захватил, привел и посадил на него владыку. После того как он посадил верхом владыку, он стал носиться как [ветер], летать как [птица]. Владыка смеялся. Сражавшихся врагов осталось немного, колотивших врагов осталась половина. Пока они так забавлялись, в голову Борохула попала стрела. Он упал, потом встал и пошел ощупью, опираясь на конец своего лука; когда он шел так, спотыкаясь и держа как щит войлочный потник, то Богорчи, возвращавшийся из сраженья, увидел его и сказал: «Эй, Борохул! Разве [добрые] мужи падают от одной стрелы? Ты как козленок, ударивший своими рогами и упавший! Чего же ты? Разве так отдают свою силу своему владыке?» Когда так он сказал, Борохул повернул обратно своего коня, шедшего вспять, и, держа свой заслон, стал беззаботно сражаться.

Затем враги, находившиеся вдали, подобрали своих убитых и бежали обратно. Тогда владыка соизволил сказать: «Что же будет врагу, который с умыслом пошел было на нас?» Когда он так сказал, то Богурчи проговорил: «Говорят, что

Сайдам, ставшим бурханами,
Своими благими действиями мы помогаем,
Беззаконно шедшим [на нас] врагам
Своими острыми стрелами мы помогаем.

Погонимся же!» Так он сказал. Согласившись с этими словами, [Чингис и *сайды*] погнались. Гнали они врагов до белой равнины Цайту, ворвались [к врагам,] подобно волку, вошедшему [в загон], где много овец, рубились и сто человек убили, двести человек захватили и ушли. Забрали сто коней и пятьдесят панцирей. Мухулидай подавил врага, забрал добычу; у коня его перед гривой солнце восходит, за хвостом туман стелется; брошенных врагом коней он окружил и собрал, не уклоняясь, шел прямо, отдал свою силу. Все забрали, не оставили даже разорванной нитки, сломанной иголки и благополучно вернулись к себе домой. Когда они прибыли, то владыка сказал: «Верховному Небу, своему отцу, поклонимся!» Взойдя на высокий бугор, владыка разостлал свой потник, свой пояс повесил на шею и произнес молитву:

«Я сделался владыкой не по своей храбрости,
Я стал владыкой по велению Неба, моего отца!
Я сделался владыкой не из-за удивительных своих
достоинств;
Я стал владыкой по велению моего отца Хан-Тэнгри;
Он даровал мне победить хитрых врагов», –

так говоря, он совершил поклонение. Когда пришло время садиться на коней, владыка произнес хвалу своим шестерым *сайдам*. Сначала восхвалял он Шиги Хутуга:

«Мэркитов узнал,
Монголов рассмотрел,
Тайчжигутов распознал
Укротивший врагов мой добрый Шиги Хутуг татарский!»

Так говоря, он восхвалял его. Джэлмэ он так восхвалял:

«Затаившегося зверя
Выследить умеющий,
Горделивого врага
Своим отрядом сделавший,
Когда не было у меня коня,
Коня [ты] захватил и [мне] отдал,
Когда жаждал я напиться,
Питье из *тарака* ты захватил и [мне] дал.
[Ночь проведенный] без сна,
Без промедления свое намеренье [ты]

выполнил.

Государству и прежде силу свою отдавал
Мой добрый Джэлмэ урианхайский!»

Так говоря, он восхвалял его.

Чуу Мэргэна он так восхвалял: «Дарованной моим повелением судьбы-свободы [ты] не лишился; по козырьку светлого человека, по подстежке узды [коня] доброго человека [ты] стрелял до тех пор, пока не разметал [врагов], рыжего коня с лысинкой на лбу захватил и привел,

Непокорного врага
Немногочисленным сделавший,
Рубившегося врага
Наполовину уменьшивший
Чуу Мэргэн мой чжурчжитский!»

Так говоря, он восхвалял его.

Борохула [так] восхвалял он:

«Ставший щитом
От выпущенных стрел;
Ставший завесой
От свистящих стрел;
Хоть и попала стрела
В твою голову,
Но без препоны и беззаботно
Свой потник [ты] схватил и держал [как щит], –
Славный мой Борохул хушинский!»

Так говоря, он хвалил его.

Восхвалял он также Мухулидая:

«Врага подавивший,
Добычей завладевший, –
Перед гривой его коня солнце восходит,
За хвостом его коня туман стелется.
Вражеских коней [ты] окружил,
Ловко их захватил!
Мой славный Мухулидай джалаирский!»

Так говоря, он хвалил его. Восхвалял [также Чингис] Богурчи:

«Когда гнался я за восемью соловыми конями,
В час, когда солнце склоняется к западу,

Встретил тебя, и [ты мне] отдал свою силу,
Сын Наху Байана славный *кулук* Богурчи мой!
Когда по дороге в аил [ты] зашел,
Как пестрый годовалый телок был кроток ты;
Когда мы сражались с врагом, убивая,
Души и тела своего ты не жалел,
Кулук Богурчи мой!
В те времена, когда мы подружились,
Как черный годовалый телок в загоне был кроток ты.
Когда же с чужими врагами встречался,
Подобно ястребу ты хватал, нападал на вторгнувшихся, *кулук*
Богурчи мой!

Когда наступало время для смеха [и шутки],
Как черный годовалый телок был кроток ты;
Когда же с проворным врагом ты встречался,
Подобно соколу ты хватал, нападал на пришельцев, *кулук*
Богурчи мой!

Когда наступало время для смеха и игр,
Подобно малышу-жеребенку был кроток ты,
Когда же рубились с близким и далеким врагом,
Подобно кречету ты хватал, нападал на вторгнувшихся, *кулук*
Богурчи мой!

Сильному врагу
Твердо и нерушимо противостоял,
От особы хана, владыки своего, не удалялся,
Славный в деяниях своих *кулук*
Богурчи мой!»

Так владыка произнес похвалу шестерым своим *сайдам* в час, когда отправлялись они дальше верхом на конях; перед владыкой своим Богурчи, сидя верхом на лучшем мышастом коне, воткнув [в землю] копьё, окращенное киноварью, и в шутку [подскакивая], будто едет рысью, пропел похвалу своему владыке:

«У тебя отец Йисугэй-багатур,
У тебя матушка Огэлэн-хатун,
У тебя девять *орлуков-тушимэлов*;
Народы пяти цветов и четыре чужих
Под власть свою покоривший,
Обладающий счастьем Чингис-хан,
владыка мой!

У тебя матушка Огэлэн-хатун,
 У тебя *сыновья-хубилганы* Угэдэй и Толуй.
 Ненавистного врага
 Топтал ты своими ногами.
 Так зачем же, обладающий величием хан,
 Таким образом ты [нам] внимание оказывал?
 Почему ты испугался чужих врагов, когда [мы]
 вместе шли?
 Не ходи переваливаясь, как [ходят] птенцы лебедя!
 Не доверяй словам лжецов и плохих людей!
 Не оказывай милости врагам, что рубятся с нами,
 своей особой!
 Не болтай попусту, как [болтают] гусята!
 Не доверяй словам злых и плохих людей!
 Не оказывай милости врагам, что убивают нас,
 своей особой».

Такую песню спел *кулук* Богурчи.

Обладающий величием Чингис-хан во время пути-дороги разбил триста тайчжигутов, вернулся домой живой-здоровый и жил в мире-спокойствии.

А еще обладающий величием августейший Чингис-хан и *кулук* Богурчи, сын Наху Байана, ехали вдвоем и увидели кочевье Нада в Индийской земле, кочевье Тарда в Тибетской земле; *нойан* по имени Джил вышел [им] навстречу и поднес три подарка: саврасого коня с лысинкой на лбу, беличью шубу и кобылицу с жеребенком. Эти три подарка [Чингис] не отдал Богурчи, а отдал прибывшему навстречу с родины Улэ Дзандану. Богурчи так [без подарка] и вернулся обратно к себе домой. После того как Богурчи вернулся, хан-владыка отправил к нему на разведку Учир Сэчэна. Учир Сэчэн тайком уселся около юрты и тут же стал прислушиваться. Супруга Богурчи спросила: «Какие же дары пожаловал владыка сопровождавшему его Богурчи?» Богурчи сказал: «*Нойан* по имени Джил пожаловал и поднес [ему] три подарка – саврасого коня с лысинкой на лбу, беличью шубу и кобылицу с жеребенком. Эти три подарка он дал не мне, а Улэ Дзандану». На эти слова Богурчи супруга его сказала:

«Разделил бы – осталось бы и Улэ Дзандану!
 Саврасую лошадь с лысинкой на лбу
 Зачем ему отдал?
 Всюду следовавший за [владыкой]
 Мой Богурчи, в чем же твоя вина?»

Святейшего Чингис-хагана
Лживым своим обхождением не обошел ли он?

Разделив, оставил бы [часть] и Улэ Дзандану!
Зачем беличью шубу ему отдал?
Всегда сопровождавший [владыку]
Кулук Богурчи мой, в чем же твоя вина?
Дающего счастье Чингис-хагана
Лживым своим обхождением не обошел ли он?

Поделил бы, оставил бы [часть], и Улэ Дзандану
Кобылицу да жеребенка отдал бы!
Отроком следовавший [за владыкой]
Мой Богурчи, в чем же твоя вина?
Дающего благо Чингис-хагана
Лживым своим обхождением не обошел ли он?»

В ответ на эти слова своей супруги Богурчи сказал: «Говорят, что у женщин

Долог халат, а мысли узки!
Поделил он и оставил для Улэ Дзандана
Саврасую лошадь с лысинкой на лбу –
Так что же [из того]?
Святейшего Чингис-хагана моего
Золотые нити да будут крепки!
Если я следовал за ним без измены,
Разве за это должно жаловать меня долей?
Отделил он и оставил для Улэ Дзандана
Беличью шубу –
Так что же из того?
Счастье [дающего] Чингис-хагана моего
Золотые нити да будут крепки!
Если всегда сопровождал я [владыку],
Разве за это должно жаловать меня счастьем?
Отделил он и оставил для Улэ Дзандана
Кобылицу и жеребенка –
Так что же из того?
Счастливого Чингис-хагана моего
Золотые нити да будут крепки!
Если издавна следовал я [за владыкой],
Разве за это должно жаловать меня дарами?»

Учир Сэчэн тайно [подслушал] эти слова и рассказал хагану. После этого хаган-владыка всегда был очень милостив к Богурчи. Владыка соизволил сказать: «Иногда и плохие слова женщины могут стать поучением для мужчины! Знание правды – разве это не мудрость?»

После того как тайчжигутский *нойан* Тархутай Кирилтух переплыл реку, Ширгэту-эбугэн из [рода] ничугун багарин вместе со своими сыновьями Алагом и Найагой сказали: «[Это] враждебный нам человек!» И захватили его; он не мог ехать верхом на коне, и они посадили его в повозку. Когда багаринский Ширгэту-эбугэн вместе со своими сыновьями Алагом и Найагой, захватив Тархутай Кирилтуха, подъезжали, то младшие братья и сыновья Тархутай Кирилтуха прибежали, чтобы отнять и спасти [его]. Когда сыновья и младшие братья подбегали, то Ширгэту-эбугэн залез на повозку, где лежал и не мог подняться Тархутай, сел на него верхом и, вытащив свой нож, сказал: «Твои сыновья и младшие братья пришли, чтобы отнять тебя и спасти. Скажут, что я поднял руку на своего хана, и хотя бы я и не убил тебя, то буду за то убит! А если убью тебя, то все равно буду убит! Уж если я умру, то умру на подушке!» Сидя на нем, он вытащил свой большой нож и приставил к его горлу, чтобы перерезать. Тархутай Кирилтух закричал своим сыновьям и младшим братьям, прося их: «Ширгэту меня убивает! Если он убьет меня – я умру. Вы захватите мое бездыханное тело, а на что оно вам? Скорей возвращайтесь обратно, пока меня не убили! Томучин не убьет меня! Когда Томучин был еще мал, –

в глазах у него огонь,
в лице у него свет, –

и оставался в кочевье без владыки-[отца], я пришел, чтобы спасти его, и привел к себе. Я сказал [себе]: "Если я буду обучать его, то он наверное научится; я буду учить его и указывать ему, подобно тому, как учу своего трехлетнего жеребенка". Если бы я хотел умертвить его, то разве я не мог убить его? Ныне, сказал я себе, поведение его разумно, а способности его обширны, и Томучин не велит убить меня. Мои сыновья и младшие братья, скорей возвращайтесь обратно, Ширгэту убьет меня и разделит на части!» – так кричал он громким голосом.

Его сыновья и младшие братья переговаривались между собой: «Мы пришли, чтобы спасти жизнь нашего отца! Если Ширгэту-эбугэн убьет нашего отца, на что нам его безжизненное, бездыханное тело? Поскорей вернемся обратно, пока он его не убил!» Так говоря друг другу, они возвратились.

К их приходу пришли также встретившиеся им Алаг и Найага. Когда они приближались, [медленно] двигаясь по пути к Хутхул-нугуту, Алаг и Найага сказали: «Если мы придем, захватив этого Тархутая, то Чингис-хаган скажет нам, что мы пришли, подняв руки на своего собственного хана, а какое же доверие может быть к таким слугам? Как же может он считать нас дружинниками-товарищами, своими слугами? Слугам, поднявшим руку на своего хана, он велит отрубить голову, и нам отрубят головы. Поэтому оставим Тархутая, отправимся и скажем: "Мы сами пришли отдать [свою] силу Чингис-хагану". Когда мы подумали, что по дороге мы схватили Тархутая, но не могли видеть, как погибнет наш собственный хан, то мы оставили его и сами пришли отдать свою силу – так вот и подумали!»

С этими словами Найаги согласились отец его и братья, оставили Тархутай Кирилтуха и отправили его обратно из Хутхул-нугута; сам же Ширгэту-эбугэн с сыновьями Алагом и Найагой пришел [к Чингису] и сказал, что пришли простые люди.

Ширгэту-эбугэн сказал Чингис-хагану: «Мы приближались, захватив Тархутай Кирилтуха; но мы говорили, что не можем лишить жизни нашего собственного хана, глядя ему в лицо и оставив его, мы отправили его обратно, а сами пришли отдать свои силы Чингис-хагану».

Чингис-хаган сказал им: «Если бы вы пришли, подняв руку на своего собственного хана Тархутай Кирилтуха, то стали бы вы слугами, поднявшими руку на своего хана. И я велел бы отрубить головы вам и всему вашему роду. Вы не смогли лишить жизни вашего хана, и вы поступили правильно!» – сказал он и пожаловал Найагу.

После этого к Чингис-хагану, находившемуся в Торгуте, прибыл керейтский Джига Гэмбу, чтобы стать ему товарищем. Лишь только он прибыл, как пришли мэркиты и напали. Чингис-хаган и Джига Гэмбу сразились [с ними] и заставили их повернуть обратно. Тогда же пришли и подчинились Чингис-хагану из [числа] разбежавшихся керейтов тумэн тубэгэны и олан донгхойты. Что же касается керейтского Онг-хагана, то прежде, во времена Йисугэй-багатура, жили они в доброй дружбе и называли друг друга побратимами. Вот как они стали побратимами: так как Онг-хаган убил младших братьев своего отца Хурчакхус Буйруг-хагана и поднял мятеж против *гур-хагана*, своего дяди по отцу, тот вынудил его бежать, и он ускользнул с сотней воинов через узкий проход Хархут. Когда он прибыл к Йисугэй-багатуру, тот принял его у себя и сам со своими воинами отправился в поход, погнав *гур-хагана* в сторону Хашина, захватил его людей и отдал Онг-хагану; вот тогда-то и сделались они там побратимами.

После [младший брат] Онг-хагана Эрхэ Хара, чтобы не быть убитым своим старшим братом, бежал и предался найманскому Инача-хагану.

Иначе отправил воинов, но Онг-хаган, успешно пройдя три города, прибыл к кара-китайскому *гур-хагану*. Оттуда после мятежа он ушел и, следуя через города уйгуров и тангутов, питался молоком, которое выдаивал, присев, у захваченных им пяти коз; пил кровь верблюда, подкалывая его, пока не пришел к озеру Хушэхуй-нор.

Из-за того что прежде [Онг-хаган] назывался побратимом Йисугэй-багатура, Чингис-хаган отправил к нему посланцев Дахи-багатура и Сухэй Нэгуна. Сам же Чингис-хаган пошел от истоков Керулена навстречу ему. [Онг-хаган] сказал: «Я пришел голодный и ослабевший», – и поэтому [Чингис] ввел его в свой курень, собрал для Онг-хагана особый налог и тем содержал его.

В ту зиму, постепенно перегоняя скот в горы, [Чингис] перезимовал в Хубахайа.

Тогда младшие братья и *нойаны* Онг-хагана стали говорить между собой: «Этот хаган, наш старший брат, имеет слабый нрав, и разве внутри у него не вонючая печень? Он истребил старших и младших братьев, покорился кара-китатам, заставил народ страдать. Что нам [теперь] с ним делать? Рассказывают, что в прежнее время, когда ему было семь лет, напали мэркиты и захватили его: одетый в шкуру черно-пегого козла, в степи Богура-хэгэр у реки Селенга, он толоч в ступке зерно для старших братьев. Отец его Хурчакхус Буйруг-хаган напал на мэркитов, спас своего сына, но когда вернулся, то татарский Аджи-хаган опять напал, захватил тринадцатилетнего мальчика и его мать и увел их. Он заставил его пасти верблюдов. Когда это случилось, то пастух овец взял его у Аджи-хагана и привел [к себе]. Так-то! А разве потом он не бежал, испугавшись найманов, в землю сартагулов, на реку Чуй, к *гур-хагану* кара-китатов? Да! Не прошло и года, как он начал там смуту, и, уйдя, блуждал в землях уйгуров и тангутов, где обеднел до того, что питался молоком пяти привязанных коз и пил кровь верблюда, которого подкалывал. Он так обеднел, что пришел к Томучину с единственным слепым конем, у которого черная грива и черный хвост. Томучин содержит его, обложив для него налогом своих подданных. И теперь, когда он так живет у сына своего Томучина, забыв о том, что было, и хранит свою вонючую печень, что же мы должны делать?» Так они говорили между собой.

Эти слова, сказанные ими друг другу, Алтан Эсуг передал Онг-хагану. Алтан Эсуг сказал: «Я и сам входил в этот стговор, но тебя, моего хагана, я не могу погубить». Тогда Онг-хаган захватил своих младших братьев Илхабури и Алин-гайши. Из младших братьев один только Джига Гэмбу бежал и предался найманам. [Взятых] в оковы, Онг-хаган велел ввести [их] и сказал: «Когда мы приближались к своим уйгурским и тангутским землям, что мы говорили друг другу? Что же вы [будете делать], если и я

буду думать, как вы?» Сказав так, он плюнул им в лицо и велел освободить их от оков. Так как хаган приказал [остальным] плюнуть, то все находившиеся в юрте слуги встали и тоже плевали.

Перезимовали эту зиму. В год собаки осенью Чингис-хаган в Далан-Нэмургэне [дал сражение] татарам: цаган-татарам, элчи-татарам, дутагит-татарам, арухай-татарам. Еще раньше, [перед сражением,] Чингис-хаган дал приказ: «Когда подавляют врага, то не останавливаются ради добычи. Когда истребим [врагов], тогда и добыча будет наша. Так-то! Разделим ее. Так-то! Если кто из наших дружинников повернет обратно, то пусть он остановится там, откуда началось наступление. Если он не задержится там, откуда впервые двинулись, то ему отрубят голову». Так было приказано.

Сражались в Далан-Нэмургэне, погнали татар и, принудив их всех сойтись в Улхуй-Шилгэгэчид, разгромили. Там уничтожили могущественный народ цаган-татар, элчи-татар, дутагит-татар, арухай-татар.

Алтан, Хучар и Даритай втроем не выполнили данного им приказа, не посчитались с его словами и захватили добычу. Чингис сказал: «Своего собственного слова они не сдержали!» – и отправил Джэбэ и Хубилая, велел им отобрать добытые табуны и все, что было захвачено.

Уничтожив татар, разгромив и разграбив [стойбища,] Чингис-хаган сказал: «Что же делать с их народом?» Он вошел в отдельно стоящую юрту и созвал на большой совет своих родичей. «С давних пор татарский народ губил наших отцов и дедов. За отцов и дедов мстью отмстим, воздаянием воздадим, с чекой [их] сравним, и кто выше чеки, тех уничтожим. Кто останется – [те] станут рабами. [Рабов] поделим между всеми».

Когда, окончив совет, выходили из юрты, татарский Йэхэ Чэру спросил у Бэлхутэя: «О чем совещались на совете?» Бэлхутэй сказал: «Договорились, что мы всех вас истребим, сравним с чекой». Об этих словах Бэлхутэя Йэхэ Чэру известил своих татар, и те укрепились. Когда наши воины пошли на укрепившихся татар, то понесли большие потери. С трудом ворвались к укрепившимся татарам, и когда стали истреблять их, сравнивая по чеке, то татары сказали друг другу: «Пусть каждый человек спрячет в рукав нож, и мы умрем на подушках!» И многие [наши воины] тогда погибли.

Когда кончили истреблять татар, уничтожая тех, кто выше чеки, тогда Чингис-хаган [повелел]: «Из-за того, что Бэлхутэй рассказал о решении Великого совета нашего рода, погибло много наших воинов. С этого времени пусть Бэлхутэй не входит в Великий совет! Пусть он охраняет снаружи, до тех пор пока не окончится совет! Пусть он судит тех, кто совершает дела воровства и лжи! Когда совет окончится и питье будет выпито,

[только] после этого Бэлхутэй и все остальные могут войти». Так он соизволил сказать.

Тогда же Чингис-хаган взял в жены Йисугэн-хатун, дочь татарского Йэхэ Чэру. Так как с ней обращались любовно, то Йисугэн-хатун сказала: «Моя старшая сестра Йисуй-хатун превосходит меня красотой, она более подойдет хагану. Так-то! Недавно она вышла замуж. Но куда же она убежала сейчас, вот в этой суматохе?»

На эти слова Чингис-хаган сказал: «Если твоя старшая сестра красивее тебя, то я велю разыскать [ее] и привести. Если твоя старшая сестра придет, то уступишь ли ты ей свое место?» Йисугэн-хатун сказала: «Когда хаган пожаловал меня, то он не видал моей старшей сестры. Для своей старшей сестры я освобожу место». При этих словах Чингис-хаган повелел отыскать Йисуй, и наши воины встретили ее, когда она шла по лесу со своим мужем, которому была отдана. Муж ее убежал. Йисуй-хатун привели. Тогда Йисугэн-хатун, увидев свою старшую сестру и помня свои слова, сказанные ранее, встала и заставила ее сесть на сиденье, на котором [прежде] сидела, а сама села ниже. Она соответствовала тому, что было сказано Йисугэн-хатун; Чингис-хагану понравилась Йисуй-хатун, он принял ее и велел ей сесть рядом с ним.

Однажды, когда уже окончили громить татар, Чингис-хаган сидел снаружи [юрты] и вместе с другими пил [вино]. В то время как все пили, он сидел между Йисуй-хатун и Йисугэн-хатун, и вдруг Йисуй-хатун тяжело вздохнула. Тогда Чингис-хаган подумал про себя, позвал *нойанов* Богурчи и Мухулидая и сказал: «Расставьте-ка собравшихся здесь людей, каждого в свой отряд, а отдельно поставьте тех людей, у которых нет своего отряда!» Так он повелел. Когда все построились по своим отрядам, один молодой человек с заплетенной косой остался один без отряда. Когда его спросили: «Ты чей?», – он ответил: «Я был зятем, которому была отдана дочь татарского Йэхэ Чэру по имени Йисуй. В то время когда враги громили [татар], я испугался и бросился бежать. [Потом я] подумал и сказал себе: "Теперь-то стало спокойно!" Я пришел, думая, что меня не узнают среди множества слуг». Когда эти слова были переданы Чингис-хагану, то он соизволил сказать: «Действительно, это враг, оставшийся при отступлении. Сейчас он пришел сюда для того, чтобы подсматривать. Таких, как он, мы сравнили с чекой. Зачем же медлить? Уберите его прочь с моих глаз!» – сказал он. Тотчас же тому отрубили голову.

После того в тот же год собаки, когда Чингис-хаган отправился в поход на татарский народ, Онг-хаган отправился в поход на мэркинский народ, прогнал Тогтага-бэки и преследовал его до Баргуджин-тухум. Он убил Тэгус-бэки, старшего сына Тогтага, взял двух жен Тогтага – Хатугтай и Чаглалун, захватил также двух [его] сыновей – Хуту и Чилагуна, а

народ взял в плен. Чингис-хагану он ничего не дал.

После того Чингис-хаган и Онг-хаган отправились в поход на Буйруг-хагана из найманского [рода] хучухуд и настигли его в то время, когда он находился в Хосуг-усуне на Улуг-таше. Буйруг-хаган был не в состоянии сражаться и двинулся на Алтай. Гнались за Буйруг-хаганом от Хосуг-усуна, перевалили через Алтай, и когда гнались по течению Урунгу в Хумшигэре, то захватили одного из его *нойанов* по имени Йидэй Табалут, шедшего в дозоре. За ним погнался наш караул, и, когда у него разорвалась подпруга, он побежал в горы, там его [и] взяли. Преследуя Буйруг-хагана по течению Урунгу, дошли до озера Хочалбаш и там его прикончили.

Оттуда Чингис-хаган и Онг-хаган возвращались обратно. В это время найманский рубака Конгсэху Сабраг встретил воинов в Байдараг-бэлчире, чтобы дать сражение. Чингис-хаган и Онг-хаган решили сразиться; когда они построили воинов, [уже] наступил вечер. «Сразимся завтра!» – сказали они, и ночевали, построившись рядами. Тогда Онг-хаган в своем расположении велел зажечь огни; ночью же [он сам] двинулся вверх по Хара-Сэгул.

Тогда Джамуха также двинулся, чтобы идти вместе с Онг-хаганом. Джамуха сказал Онг-хагану: «Томучин, мой побратим, издавна обменивался послами с найманами. Ныне же он не пришел. Хаган, хаган, сам-то – как степной жаворонок, мой же побратим – перелетный жаворонок! Он, должно быть, ушел к найманам! Да! Он остался и перешел к ним!» На эти слова Джамухи Урочичидай Хурус-багатур сказал: «Как это ты из лести говоришь хулу на своего прямого родственника?»

Чингис-хаган переночевал там ночь, и когда, собираясь начать сражаться, посмотрел на рассвете, то увидел, что на стоянке Онг-хагана огней не стало, и сказал: «Видно, эти считают меня за ничто!» И он двинулся отсюда, прошел пастбища Атар-Алтая и, двигаясь в том же направлении, в степи Сагари-хэгэр сошел с коня. Тогда-то Чингис-хаган и Хасар поняли, что у найманов произошла суматоха, но они не сумели ею воспользоваться.

Конгсэху Сабраг стал преследовать Онг-хагана и захватил жену и сыновей Сэнгума вместе с их людьми; он захватил и угнал часть стада и припасов Онг-хагана, которые находились в Тэлгэту-амасаре, и вернулся обратно. Между тем Хуту и Чилагун – сыновья мэркинского Тогтага – отошли [от Онг-хагана], забрав всех своих людей, и двинулись по течению Селенги, чтобы соединиться с отцом.

Онг-хаган, преследуемый Конгсэху Сабрагом, послал к Чингис-хагану гонца, [чтобы тот передал:] «Найманы преследуют меня и моих людей, угнали моих жену и сыновей. Посылаю я просить у тебя, моего сына, четырех твоих *кулуков*, пусть они спасут и вернут моих людей».

С такими словами [он его] отправил. Тогда Чингис-хаган послал Богурчи, Мухули, Борохула и Чилагун-багатура – этих четверых своих кулуков – с отрядом воинов. Но еще прежде чем эти четверо кулуков прибыли, Сэнгум начал сражение в Улан-хуте, и когда его конь с простреленным бедром был схвачен, то как раз эти четверо кулуков подошли и захваченных людей, жену и сыновей – всех спасли и вернули. Тогда Онг-хаган сказал: «Ты спас и вернул [мне] мой погибавший народ, подобно тому, как некогда [сделал] твой славный отец. Также и ныне четыре кулука моего сына спасли и вернули мой захваченный народ. Да ведают Небо и Земля, как воздать тебе за это доброе дело!» И еще Онг-хаган сказал: «Йисугэй-багатур, мой побратим, однажды спас и вернул мне мой захваченный народ. Сын Томучин также ныне спас и вернул мой разбежавшийся народ. Оба они – отец и сын – собрали здесь разбежавшийся народ, чтобы вернуть его мне; для кого же они собирали и возвращали? Я состарился ныне.

Состарившись, взойду на вершины.
 Когда взойду на скалы,
 Кто будет вестать моим народом?

Мои младшие братья для этого не годятся. Единственный сын мой, он один у меня. Если Томучин станет сыном, старшим братом Сэнгума, то будет у меня два сына, и я буду спокоен». [Онг-хаган,] встретившись с Чингис-хаганом в густом лесу по реке Тола, нарекли друг друга отцом и сыном. Наречение отцом и сыном произошло потому, что еще в прежнее время Онг-хаган назвался побратимом с Йисугэй-багатуром, отцом [Томучина]. По обычаю при наречении отцом и сыном были сказаны друг другу такие слова: «Вместе [будем биться], чтобы низвергнуть многих врагов, вместе будем делать облавы, чтобы охотиться на неуловимых зверей».

И еще Чингис-хаган и Онг-хаган сказали друг другу:

«Когда мы оба соединимся, –
 Если станет нас подстрекать змея с зубами,
 Подстрекательству ее не поддадимся!
 Мы доверяем только тому, что было сказано нашими
 ртом и зубами!
 Если станет нас разъединять змея с клыками,
 Разъединению ее не поддадимся!
 Мы доверяем только тому, что было сказано нашими
 ртом и зубами!»

Приняв вместе такое решение, они жили, любя друг друга. После того Чингис-хаган решил: «Пусть между нами будет не только дружба, но и дружба вдвойне», – и задумал просить в жены для Джочи младшую сестру Сэнгума, Чаур-бэги. Когда он просил, то сказал: «Отдадим взамен нашу Ходжин-бэги за сына Сэнгума Тусаха». На это Сэнгум, много мнивший о себе, сказал: «Если кто-либо из нашего рода придет к ним, то он лишь стоя у дверей посмотрит в *хоймар*; если же кто-либо из их рода придет к нам, то мы сажаем [его] в *хоймар*, и он лишь посмотрит на порог». «Он слишком много думает о себе, говорил с нами презрительно, не отдал Чаур-бэги и не отнесся к нам по-хорошему», [– так было доложено]. При этих словах Чингис-хаган решил: «Я отринул Нилха Сэнгума от своего сердца».

Джамуха понял, что [Чингис] удалил из своего сердца [Сэнгума]. В год свињи, весной, Джамуха, Алтан, Хучир, Хирдагдай, Эбугчин, Нункин, Сугэгэтэй, Тогорил, Хачигун-бэки, бывшие [между собой] в согласии, откочевали к Нилха Сэнгуму, к Бэргэ-Алун на возвышенности Джэджи-гэр. Джамуха говорил, подстрекая: «Томучин, мой побратим, отправляет к найманскому Тайан-хагану посланцев с устными известиями.

Хоть он говорит "отец и сын",
А сам только самому себе верит!

Если вы этого не понимаете, то что же будет? Если вы отправитесь походом на Томучина-побратима, то я выступлю [вместе с вами] и пойду наперерез». Так он говорил. После этого Алтан и Хучир сказали: «Что касается сыновей Огэлэн-эхэ, то старшего мы убьем, а младших отдадим [тебе], чтобы прикончить их». Эбугчин, Нункин и Хирдагдай сказали:

«Руки ему свяжем,
Ноги ему привяжем
И [так] отдадим!»

Тогорил сказал: «Будем действовать осмотрительно! Пойдем и захватим людей Томучина. Когда люди его будут взяты [и] он останется без людей, то что же он тогда сможет сказать?» Хачигун-бэки сказал: «Нилха Сэнгум, сын [мой], что бы ты ни задумал, [я пойду за тобой],

хотя бы на высокую вершину,
хотя бы на дно глубокого моря», –

так он сказал.

Когда эти слова были сказаны, Нилха Сэнгум отправил через своего Сайхан Тодугэра к Онг-хагану, своему отцу, устное известие. Когда эти слова были переданы, Онг-хаган сказал: «Как можно так плохо думать о сыне моем Томучине? Небо не будет нам покровительствовать. Джамуха – злоречивый человек. [Ему все равно,] хорошо или плохо он говорит». Сказав так, он отправил [посланца] обратно. Сэнгум еще раз послал сказать: «Когда человек сам, своим ртом, своим языком говорит это, то почему же не поверить ему?» Но так как [Онг-хаган] послал человека, сказав ему то же, [что и раньше], то [Сэнгум] сам отправился и сказал: «До тех пор пока ты все еще живешь здесь, нас будут считать ни за что. Ты, отец мой хаган,

когда поперхнешься белым,
когда подавишься черным,

то разве не ради меня ты управляешь народом, с таким трудом собранным твоим отцом, Хурчухус Буйруг-хаганом? Для кого же ты ведаешь им?» Онг-хаган на эти слова ответил: «Дитя! Как оставлю я своего [названного] сына, если род его отца всегда был нам поддержкой? Как же можно плохо думать о нем? Небо не будет нам покровительствовать!» При этих словах сын его Нилха Сэнгум рассердился и вышел, отбросив дверь. Но, любя и жалея своего сына Сэнгума, Онг-хаган позвал его, велел прийти и сказал: «Даже если Небо не будет нам покровительствовать, как я могу оставить моего сына, – так говорил я сам себе. Делай же так, как хочешь, то, что вы задумали». Так он сказал.

Затем Сэнгум сказал: «Те просили нашу Чаур-бэги. Теперь назначим день и пригласим их прийти, скажем: "Приходите, чтобы поесть *боголдзура*", и тут-то его и захватим». [Остальные] согласились с ним и сказали: «Хорошо! Мы согласны. Захватим его!» И Сэнгум отправил посланца сказать: «Мы отдаем Чаур-бэги! Приходите вкусить *боголдзура*!»

Приглашенный Чингис-хаган отправился, взяв с собой десять слуг; когда он по дороге заночевал в юрте Мэнглик, эчигэ, то Мэнглик-эчигэ сказал: «Когда ты просил Чаур-бэги, тот отвечал нам презрительно и не отдал ее. Ныне же он пригласил тебя, говоря: "Приходите поесть *боголдзура* на сговорном пиру!" Как это человек, который много о себе мнит, [теперь] приглашает нас, обещая отдать ее? Теперь надо подумать, правильно ли это, хорошо ли? Сын, будь поосторожней! Весна наступила. Табуны наших коней тощи. Надо нам подкормить свои конские табуны!» Так он сказал, и по этой причине они не пошли, сказав: «После придем!» Отправили двоих – Бугатая и Хичигутая, –

сказав им: «Отправляйтесь поесть *боголдзура!*» Чингис-хаган вернулся из юрты Мэнглик-эчигэ к своим юртам.

Когда Хичигутай и Бугатай прибыли, [Сэнгум и другие] сказали друг другу: «Мы обмануты! Завтра утром встанем рано и захватим [Томучина]!»

Сказав: «Пораньше встанем и захватим [его]», – младший брат Алтана Йэхе Цэрэн придет к себе в юрту и сказал: «Завтра рано захватим Томучина. Какую награду дал бы Томучин человеку, который доставил бы эту весть?» Когда это было сказано, жена его Алагут проговорила: «Как ты можешь говорить такие ненужные слова? Кто-либо из слуг может принять их за правду!» Когда она это говорила, пришел табунщик Бадай, который принес молоко, и, услышав эти слова, вернулся обратно. Вернувшись, Бадай рассказал о словах, сказанных Цэрэном, пастуху Хишлигу. Хишлиг сказал: «Я пойду [опять] туда и разузнаю!» – и отправился к юрте. Нарин Гэгэн, сын Цэрэна, сидел снаружи и чистил свои стрелы. Он сказал: «О чем это мы говорили между собой? Тому, кто так говорил, следовало бы отрезать язык, а рот заткнуть!» Проговорив это, Нарин Гэгэн сказал также пастуху Хишлигу: «Поймай мэргитских Цаган Амана и Цаган Гэгэра, приведи [их] и привяжи! Этой ночью я пораньше отправлюсь в поход!» Так он сказал. Хишлиг пошел и сказал Бадаю: «То, что было сказано, должно быть, верно. Сейчас мы оба пойдем и доставим Томучину вести!» Уговорившись между собой, они поймали двух мэргитских коней Цаган Амана и Цаган Гэгэра, привели и привязали их. Вечером они вошли в свой овечий загон, убили одного своего ягненка, сварили [на огне из досок] своего ложа и ночью бежали. Ночью же они дошли до Чингис-хагана, и там, у северной стороны юрты, Бадай и Хишлиг рассказали о словах, сказанных Йэхэ Цэрэном, и о сыне его Нарин Гэгэне, который сидел и чистил свои стрелы, о сказанных им словах, чтобы они поймали и привязали двух мэргитских мерингов Цаган Амана и Цаган Гэгэра, – обо всем этом они рассказали. И еще Бадай и Хишлиг сказали: «Если Чингис-хаган соблаговолит [поверить нам], то пусть не сомневается, ведь те [люди] договаривались окружить и захватить его!» [Такие] вести доставили [они Чингису].

Глава VII. УНИЧТОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА КЕРЕИТОВ

Когда ему так рассказали, Чингис-хаган поверил словам Бадаю и Хишлига; в ту же ночь он известил находившихся вблизи него верных людей и налегке, бросив все, что у него было, ночью бежал.

Проходя позади [горы] Магу-Ундур, он доверил караул урйанхадайцу Джэлмэ-гоа и, оставив после себя для наблюдения посты караульных позади Магу-Ундур, двинулся дальше. Двигаясь таким же образом, на следующий день, когда солнце после полудня начало спускаться к западу, они дошли до Халгачин-Алата, где и сошли с коней, чтобы сделать привал. В то время как они, сойдя с коней, полдничали, Чэгэтэй и Джидар, пасшие конные табуны Алчида, сказали: «Когда мы пасли своих меринов, переходя с места на место по траве, и приближались к Улаган-Бурхату по южному склону Магу-Ундур, то мы увидели пыль, поднятую врагами, решили, что враг подошел, погнали своих меринов и пришли, чтобы известить: "Враг подошел!" Когда мы шли по северному склону Улаган-Бурхата, мы увидели пыль: то приближался, кочуя, Онг-хаган». Так они рассказали. Тогда и Чингис-хаган увидел пыль; своих меринов он велел поймать, навьючить и отправился верхом дальше. Они не видели [врага], так как были беспечны, [не ожидая его] а когда он приблизился, оказалось, что это были Онг-хаган и Джамуха вместе. Тогда Онг-хаган спросил Джамуху: «Есть ли у сына-Томучина кто-нибудь, кто может сражаться?» Когда он так спросил, Джамуха ответил: «Есть люди, что зовутся уругуты и мангуты. Эти-то люди и будут сражаться!»

Каждый [из них] соблюдает порядок,
 Если даже [враг] обойдет кругом;
 Каждый [из них] соблюдает ряды,
 Если даже [его] зацепят крюком.

С малых лет эти люди упражняются с мечом и копьем. Есть у них черные и пестрые знамена. И они бдительный народ! Да!» Так он сказал.

На эти слова Онг-хаган сказал: «Если они таковы, то против них мы поставим Хадана с его джургэнскими *багатурами*; джургэнские *багатуры* пусть нападут первыми, вслед за джургэнами пусть нападет Начин Ширун, сын Тумэн Тумэгэна; вслед за Начин Шируном пусть нападут *багатуры* олан-донгхойитов; вслед за донгхойитами пусть нападет тысяча *тургаутов* Онг-хагана под предводительством Хори Шилмун-тайши; вслед за тысячью *тургаутов* нападём мы – главный, большой [отряд]!» Так он сказал. И еще Онг-хаган сказал: «Джамуха, младший брат! Ты командуй нашими воинами!» При этих словах Джамуха вышел, озабоченный, и сказал своим товарищам: «Онг-хаган сказал, чтобы я командовал этими его воинами. Не могу я сражаться против побратима, а [Онг-хаган велел мне] командовать своими воинами. Разве Онг-хаган менее способен [командовать], чем я? Он товарищ лишь на час. Отправлю-ка я весть побратиму. Пусть побратим поостережется!» Сказав так, Джамуха

тайно отправил к Чингис-хагану *тургагута*, чтобы тот доставил ему вести и рассказал бы так: «Онг-хаган спросил у побратима, есть ли у сына-Томучина люди, которые могут хорошо сражаться. Когда он так спросил, то я ответил, что уругуты и мангуты будут впереди. После этих моих слов он указал, чтобы впереди были поставлены джургэнские *багатуры*. Было сказано, чтобы следующими за ними стояли [воины] Начин Шируна, сына Тумэн Тумэгэна. Было сказано, что вслед за [воинами] Начин Шируна, сына Тумэгэна, будут стоять олан-донгхойиты. Вслед за донгхойитами будет стоять тысяча *тургагутов* во главе с Хори Шилмун-тайши. Вслед за ним, было сказано, будет стоять главный большой отряд воинов Онг-хагана. Еще Онг-хаган сказал: «Младший брат Джамуха, ты командуй этими воинами, – и, говоря так, положился на меня. Если судить по этим [словам], то он случайный товарищ. Как могу я командовать его воинами? Не смогу я сражаться против прежнего побратима. Онг-хаган еще менее способен, чем его побратим. Стойко держись!» [С такими вестями] он отправил [гонца].

Когда эти вести прибыли, Чингис-хаган сказал: «Уругутский Джурчидай, ты что скажешь? Ты ведь командовал передним отрядом». Хуйлдар проговорил прежде Джурчидай: «Я буду сражаться впереди побратима. А ты будешь потом заботиться о моих сыновьях-сиротах». Джурчидай сказал: «Впереди Чингис-хагана буду сражаться я со своими уругутами и мангутами». Так говоря, Джурчидай и Хуйлдар построили в боевом порядке своих уругутов и мангутов впереди Чингис-хагана. Как только они построились, прибыл передовой отряд джургэнов. Едва лишь они подошли, им навстречу выступили уругуты и мангуты и потеснили джургэнов. Когда они приблизились, нападая, то Начин Ширун, сын Тумэн Тумэгэна, напал [на них]. Нападая, Начин Ширун пронзил стрелой Хуйлдара, и тот упал на землю. Мангуты мимо Хуйлдара повернули обратно. Джурчидай со своими уругутами погнался Тумэн Тумэгэна. Когда во время погони он продвинулся вперед, олан-донгхойиты бросились ему навстречу. Джурчидай погнался также и донгхойитов. В то время как их гнали и подошли близко, Хори Шилмун-тайши напал с тысячьо своих *тургагутов*. Джурчидай также заставил Хори Шилмун-тайши повернуть обратно, и, когда, преследуя его, он приблизился, то Нилха Сэнгум, без позволения Онг-хагана, бросился навстречу. Стрела попала ему в румяную щеку, и Сэнгум тут же упал. Когда Сэнгум упал, то все кериты мимо него повернули вспять. В то время когда так гнались, заходящее солнце коснулось земли и наши воины, повернув обратно, подняли Хуйлдара с того места, где он упал раненый, и вернулись. Вечером Чингис-хаган двинулся с того места, где было сражение с Онг-хаганом, и ночевал отдельно.

Переночевали, сохраняя [боевой] порядок; на рассвете пересчитали, и оказалось, что не было троих: Угэдэя, Борохула и Богурчи. Чингис-хаган сказал: «С Угэдэем остались двое верных – Богурчи и Борохул. Живого или мертвого – они не покинут его». Наши воины провели ночь, держа своих коней около себя. Чингис-хаган сказал: «Если подойдут к нам с тыла, будем сражаться!» Сказал так, и все остались в боевом порядке. Стало светло, и когда посмотрели, то увидали, что с тыла подъезжает человек. Когда он подъехал, оказалось, что это был Богурчи. Богурчи подошел. Чингис-хаган сказал: «Да ведает Вечное Небо!» – и сильно ударил себя в грудь. Богурчи сказал: «Во время наступления мою лошадь пронзили стрелой, и я побежал. Когда я шел, то случился перерыв в сражении, и там, где кериты повернули обратно мимо Сэнгума, был один конь с вьюком; вьюк сполз набок, и я срезал его, сам же сел на этого коня верхом, в седло, выехал [с опасного места] и поехал по следу, оставленному нашими отступавшими. Нашел дорогу и тотчас же пришел». Так он сказал.

Вскоре же стал приближаться еще один всадник. Когда он [еще] подъезжал, посмотрели вниз и увидали, что внизу болтаются ноги: похоже, что едет один человек. Когда же он подъехал, то оказалось, что это позади Угэдэя [сидит] Борохул и из уголка его рта течет кровь. Угэдэю в шею попала стрела, кровь свернулась, и Борохул сосал запекшуюся кровь, поэтому она и текла у него изо рта. Чингис-хаган увидел это, и из глаз его полились слезы, и сердце жалось. «Огонь поскорее разожгите!» – сказал он. Огонь разогрелся, и [рану] прижгли. Угэдэя заставили выпить питье. «Если враг придет, будем биться!» – сказал [Чингис]. Борохул сказал: «Пыль, поднятая врагами, видна отсюда; пыль тянется по склону Магу-Ундура в сторону Улаган-Бурхата, они уходят отсюда». На эти слова Борохула [Чингис-хаган сказал]: «Если они придут, будем сражаться. Если же враги двинулись отступая, то мы построим наших воинов и [тоже] сразимся». Так говоря, они двинулись, [а] двинувшись, пошли вверх по Улхуй-Шилэгэчину и достигли Далан-Нэмургэна.

После этого пришел Хадаган Далдураган, оставивший своих жен и сыновей. Прибыв, он рассказал о словах, которые говорил Онг-хаган. Онг-хаган, когда его сын Сэнгум упал, пораженный стрелой в румяную щеку, и сражавшиеся повернули мимо него обратно, промолвил так:

«Кого можно победить,
Того и победили;
Кого можно оскорбить,
Того и оскорбили;
Милому сыну моему
В щеку гвоздь вбили.

Жизнь сына может быть спасена, так нападёмте же!» Когда он так сказал, то Начин Ширун на это промолвил: «Хаган, не надо! Все мы, чтобы иметь сына, втихомолку делаем *джалма* и *илбусун*; желая получить его, молимся, говоря: „*Эбур-ба-буй*“. Давайте же позаботимся о юноше Сэнгуме, которого мы чуть не лишились! У нас, вместе с Джамухой, вместе с Алтаном и Хучиром, монголов больше. Куда смогут уйти монголы, воевавшие вместе с Томучином? Ведь для них лишь деревья будут укрытием! Если они не придут сюда сами, мы [силой] притащим их, как приносят сухой конский навоз в подоле. Так-то!» На эти слова Начин Шируна Онг-хаган сказал: «Да! Все это так, но ведь сын-то мой утомился. Позаботься о сыне, чтобы его не растрясло!» Сказав это, он повернулся и ушел с места сражения. Так рассказал [Хадаган Далдураган].

После того как Чингис-хаган двинулся из Далан-Нэмургэна по течению реки Халхи, он велел пересчитать число [воинов]. Когда сосчитали, то их оказалось две тысячи шестьсот человек. Тысяча триста человек с Чингис-хаганом откочевали на западную сторону [реки] Халхи. Тысяча триста уругутов и мангутов перекочевали на восточную сторону Халхи. Во время кочевки устроили облаву на диких зверей, и Хуйлдар, раны которого еще не зажили, не слушая запретов Чингис-хагана, бросался на дичь. [Болезнь] вновь повторилась, и он скончался. Чингис-хаган велел положить останки Хуйлдара на скалу Хэлтэгэй около [реки] Халхи.

[Чингис-хан] сказал: «У впадения Халхи в озеро Буирнор живут хонгхираты во главе с Ор Малом», – и послал туда Джурчидаю с его уругутами.

«Я полагался на Джурчидаю, как на убежище, что на высокой горе. Он пошел и дошел до водооя на озере Балджуна. Так-то! Однако, выступив в поход от озера Балджуна, Джурчидаю вместе с Аранай Хасаром отправился вперед на керейтов, подвергая свою жизнь опасности. Небо и Земля прибавили нам силы, и мы разорили дотла керейтский народ. Могущественный народ был истреблен. Найманы и мэркиты, потеряв силы, не могли больше сражаться и были разорены.

Так-то! Среди разоренья мэркитов и найманов один только керейтский Джига Гэмбу остался со своими подданными благодаря своим двум дочерям. Но потом он стал нашим врагом, захотел отделиться, и Джурчидаю пошел на него, ловким приемом отделил Джига Гэмбу, захватил его, связал и покончил с ним. Так народ, принадлежавший Джига Гэмбу, был покорен. Такова вторая заслуга Джурчидаю! Так-то!»

Ради того, что он жертвовал своей жизнью
В дни, когда мы сражались;

Ради того, что он изнурялся
В дни, когда бились насмерть,

Чингис-хаган соблаговолил отдать Джурчидаю в жены Ибаха-бэги. Он сказал поучение Ибаха:

«Не говорил я плохо ни о красоте твоей,
Когда ты подрастала,
Ни о нраве твоём, ни о делах, ни о разуме;
Не говорил я, что ноги твои потные,
Что пахнет твоя испарина;
Ты в грудь и ноги мои вошла
И сидела в ряду [моих жен].

Тебя соблаговолил я пожаловать Джурчидаю, ради того, что он служил великому государству, ради того, что Джурчидай

В дни сражений
Был мне щитом;
Для врагов [моих]
Был острием ножа;
Вместе собирал
Рассеянные народы,
Помогал объединять
Рассыпанные народы.

Я отдаю тебя, думая о государстве. И после, когда мои потомки воссядут на наш престол, вплоть до потомков моих потомков, — пусть они не нарушают моих слов, пусть помнят об этой оказанной государству услуге! Да не прервется сказанье об Ибаха!»

И еще [Чингис] сказал Ибаха: «Отец твой Джига Гэмбу дал тебе [в приданое] *багурчи* Ашиктэмура и колчаноносца Алчиха и двести девяносто слуг. Теперь ты возьми сто человек и Алчиха и, уходя, оставь здесь о себе добрую память; мне же оставь из своего приданого сто человек во главе с *багурчи* Ашиктэмуром. Отправляйся!»

Еще Чингис-хаган сказал Джурчидаю: «Отдал я Ибаха сто человек. Прежде ты ведал тысячью своих уругутов; пусть так и будет [теперь]!» Такое повеление он сказал.

Глава VIII. ПОХВАЛА СПОДВИЖНИКАМ
И ОБРАЗОВАНИЕ ГВАРДИИ

[Чингис-хан] сказал Хубилаю:

«Силачу ты шею сгибал,
Борцу ты зад придавливал!

Вот этих-то – Хубилая, Джэлмэ, Субэгэтэя, Джэбэ, – вас, четверых моих кровных, когда я задумал послать,

Лишь сказал: "Дойди!", –
И они камни дробили в куски;
Лишь сказал: "Напади!", –
И они скалы разламывали,
Крепкие камни разбивали,
Глубокую воду останавливали!

Вы – Хубилай, Джэбэ, Джэлмэ и Субэгэтэй, – когда вас, четверых моих верных, я посылаю, то вы отправляетесь в ту [указанную] землю.

Вы – Богурчи, Толуй, Борохул, Чилагун-багатур, – четверо моих кулуков, [всегда] будьте около меня.

Когда случается день сраженья и вы оба – Джурчидай и Хуйлдар, руководя своими уругутами и мангутами, сражаетесь, тогда я спокоен в мыслях своих». Так он сказал.

«Хубилай, оставайся решать все военные дела». Так он соблаговолил повелеть.

[Чингис-хан сказал также:] «Так как Бэдугун строптив, я недоволен им и не дам ему тысячи. Так будет правильно! Да! Пусть он управляет тысячью вместе с тобой под твоим присмотром!» Так он сказал [Хубилаю]. Еще позднее [Чингис сказал]: «Наставляйте Бэдугуна». Чингис-хаган также сказал о Дэгэдэй-гоа : «Вам – Богурчи, Мухули и другие вельможи, вам – Тудэй и Дохолху и прочие *чэрби*, [скажу о нем]:

Черной ночью превращался он в волка,
Светлым днем становился черным вороном,
Когда кочевали, не делал дневок;
Когда умирали, не умирал;
Перед бунтовщиком не менял своего лица,
Перед врагом не изменял своего лица.

Без этих двоих – Гоа и Кокэ Чоса, не имея их согласия, ничего не делайте!» Такое повеление он сказал.

«Старший сын у меня – Джочи. Так-то! Гоа, ты в тумэне Джочи будь *нойаном*, оставаясь во главе своих [сородичей] гэнигэнов». Так он повелел. [И еще он сказал]: «Гоа, Кокэ Чос, Дэгэй, Усун-эбугэн – эти четверо не утаят увиденного, не затаят услышанного. Таковы уж они! Да!»

И еще [Чингис-хаган] сказал, обращаясь к Джэлмэ:

«Старец Джарчихудай пришел, спустившись с Бурхан-Халдуна, за плечами он нес свой кузнечный мех; и он привел [сына] по имени Джэлмэ как раз тогда, когда я родился в Дэлигун-Болдаге на Ононе. Он поднес колыбель из собольего меха и сказал при этом: "Пусть Джэлмэ будет рабом у порога, слугой у дверей". Много заслуг у Джэлмэ!

При моем рождении и ты родился;
 При моем возмужании и ты возмужал;
 Благородного рода, в колыбели собольей;
 Счастливый, превосходный мой Джэлмэ!

Если допустишь девять проступков, то пусть они не вменяются тебе в вину!» Такое повеление он сказал.

[И еще Чингис-хаган] сказал, обращаясь к Толую: «[Отдельно] от отца ты, сын, ведал своей особой тысячью. Пока создавалось государство, ты сам, отдельно от отца, управлял своим крылом. За то, что было собрано воедино и объединено государство, ты был пожалован званием *чэрби*. Оставайся командовать людьми, самим тобою ныне отобранными и присоединенными к *торхутам*, что составит особую тысячу». Такое повеление он сказал.

[Чингис] также соизволил сказать, [обращаясь] к Унгур-багурчи:

«Ты, Унгур, сын Мэнгэту-киана, со своими гурбан-тохургутами, табун-торхутами, чангшигутами и байагутами составлял один курень. Унгур!

Ты не блуждал в тумане,
 Ты не разлучался со мной в смуте,
 Мы мокли вместе в ненастье,
 Мы коченели вместе в холод.

Какое же пожалование ты хочешь ныне?» Унгур сказал: «Если можно выбирать пожалованье, то [я скажу]: старшие и младшие братья байагуты разбросаны повсюду в чужих [землях]. Если соблаговолишь, то соберу я своих байагутов».

Когда он так сказал, [Чингис проговорил:] «Пусть будет так! Собери старших и младших и ведай этой тысячью!»

И еще он сказал повеление: «Унгур и Борхул, вы оба – *багурчи*, вы раздаете пищу на обе стороны – правую и левую; сидящим на правой стороне и сидящим на левой стороне раздавайте без недостатчи; если вы оба будете раздавать таким образом, то горло мое не будет сжиматься и душа будет спокойна. Пусть теперь оба, Унгур и Борхул, распределяют пищу во время походов, когда будет много людей». Так он повелел. И указал, где им сидеть, говоря: «Место, чтобы им сидеть, [пусть будет] у большого чана с вином, и они смогут сидя распорядиться [раздачей] пищи на правую и левую сторону. Пусть сидят в середине вместе с Толуем и другими!»

[Чингис] сказал Борохулу: «Вас четверых – Шиги Хутуга, Борохула, Кучу и Кокэчу – моя матушка нашла на земле кочевья [побежденного] народа и

На коленях своих вас баюкала,
Сыновьями [своими] считала, чтобы вас воспитать;
За шею тянула вас,
Чтобы сделать людьми;
За плечи тянула вас,
Чтобы сделать мужами.

Чтобы стали товарищами ее сыну – так воспитывала вас. Да! За то, что воспитала вас моя матушка, возвратили вы мне все своими заслугами. [Вот ты, Борохул],

Во время сраженья с врагами
Не давал мне оставаться голодным;
Охрану поставив против врагов,
Без горячей похлебki не давал ты мне [лечь] спать,

а еще, когда мы подавляли ненавистный народ татар, губивший наших отцов и дедов, то ты, местию мстя, враждой враждуя, уничтожал тех, кто был выше, чем чека в колесе. Тогда татарский Харгил Ши́ра ушел и стал жить отдельно, но не мог так оставаться долго один и, изголодавшись, пришел. Придя в юрту матушки, он сказал: «Я пришел только [попросить] поесть». Ему было сказано: "Если ты пришел только поесть, то сядь там". И когда он присел слева на край кровати, в юрту вошел пятилетний Толуй и [сразу] выбежал; [Харгил Ши́ра] вышел и схватил его, вытащив свой нож. В это время жена Борохула Илдэй-эхэ была внутри юрты. Ког-

да матушка закричала: „Он схватил мальчика“, – то Илдэй-эхэ выбежала из юрты, и, подбежав к Харгил Шира, схватила его сзади за пучок волос в то мгновение, когда он занес руку с ножом; ухватив его руку, она тянула до тех пор, пока тот не выпустил нож. В это время позади юрты Джэдэй и Джэлмэ вдвоем резали черную безрогую корову. На крик Илдэй[-эхе] Джэдэй и Джэлмэ, схватив топор и нож, с кулаками, красными [от крови], прибежали и своими топором и ножом тут же и убили татарского Харгил Шира.

Когда все трое – Илдэй, Джэдэй и Джэлмэ – заспорили, кто же из них спас жизнь сыночка, то Джэдэй и Джэлмэ говорили: "Если бы нас не случилось тут и мы не прибежали бы сразу и не убили [его], то что бы могла сделать женщина, Илдэй? Разве не кончилась бы жизнь сыночка? Ведь верно, это сделали мы. Да!" Илдэй же сказала: "Если бы вы не услышали моего крика, то как бы вы могли увидеть? Если бы я не прибежала и не схватила бы его за пучок волос, не потянула бы за руку с занесенным ножом, так что он выронил нож, то пока вы оба, Джэдэй и Джэлмэ, прибежали бы, то жизни сыночка разве не [угрожало] бы зло?" И ведь она была права, когда так говорила. Жена Борохула – это правая рука Борохула, и жизнь Толуя – это ее заслуга. Также и Борохул: когда во время сраженья около Халгалачита Угэдэй упал, раненный стрелой в шею, то Борохул сошел с коня около него и отсасывал его кровь своим ртом; так он не оставлял его и ночью, а назавтра посадил с собой на коня, так как тот не мог сидеть один. И обняв сзади Угэдэя, он отсасывал и отсасывал у него запекущуюся кровь, и рот у него был в крови, а жизнь Угэдэя была спасена; так он и доставил его. Таким воздаянием он отплатил за то, что моя мать воспитала его: спас жизнь двум моим сыновьям – это его заслуга! Да! Борохул [всегда] был мне другом,

На мой зов, разносящийся по ветру,
На мой крик не медлил с помощью.

Так-то! Если Борохул совершит девять проступков, пусть не вменяет это ему в вину». Такое повеление он сказал и [тем его] пожаловал. И также [пожаловал ему] девушку из своего рода.

[Чингис] также сказал, обращаясь к старцу Усуну: «Усун, Гоа, Кокэ Чос и Дэгэй – эти четверо не утаивали услышанного и увиденного, не скрывали, не зажимали, а всегда указывали. По монгольским правилам есть обычай для линии *нойана* становиться *бэки*. [Усун] есть старший в роде багарин. Линия *бэки* у нас [идет] с давней поры. Пусть Усун-эбугэн станет *бэки*. [Теперь], когда его возвели, пусть он ездит на белом мерине, пусть носит белую одежду, пусть его сажают на верхнее, почетное место

и пусть так будет повторяться из месяца в месяц». Такое повеление сказал [Чингис-хан].

Чингис-хаган также [повелел]: «Хуйлдар-побратим погубил в сражении свою жизнь, что было его заслугой, и ради этого пусть его потомки и потомки его потомков получают сиротский налог» – о таком пожаловании он распорядился.

Обращаясь к сыну Чаган-гоа Нарин Тогорилу, [Чингис-хаган] также повелел: «Отец твой Чаган-гоа усердно сражался и находился впереди меня во время сражения в Далан-Балджуте и был убит Джамухой. Ныне ради заслуги твоего отца Тогорилу дается сиротский налог». Когда было так сказано, Тогорил ответил: «Если пожалуешь – [хорошо, но] вот ведь старшие и младшие родичи [моего рода] эгус рассеяны по всяким чужим [местам], [позволь] мне собрать старших и младших родичей рода эгус». Когда он так сказал, то [Чингис] повелел: «Если так будет и ты соберешь старших и младших своих [рода] эгус, то тебе и потомкам твоих потомков следует ведать тысячью». Такое повеление он сказал.

[Чингис-хан] также повелел, обращаясь к Торган Шира: «В те времена, когда я был еще мал и был окружен и захвачен старшими и младшими людьми тайчжигутского Тархутай Кирилтуха, Торган Шира вместе с сыновьями Чилагуном и Чимбаем, зная, что [я] ненавистен его старшим и младшим, спрятал меня и поручил своей дочери по имени Хадаган заботиться обо мне, тайком оставил меня [у себя, а затем] отправил домой. Да! О той твоей доброй услуге я помню, и темной ночью во сне, и ясным днем, когда бодрствую, я помню! Да! Хоть ты и недавно пришел к нам, уйдя от тайчжигутов, – да! Ныне же я жалую тебя! Какое пожалование будет принято тобой с удовольствием?» Так он сказал. Торган Шира со своими сыновьями Чилагуном и Чимбаем на это сказали: «Если пожалуешь нас привилегией на кочевье, то земли мэркитов по Селенге и будут нашим кочевьем, когда пожалуешь нас. Если же пожалуешь нас чем-либо другим, то да будет на это повеление хагана».

Затем хаган повелел: «Пусть земля мэркитов по Селенге будет вашим кочевьем, пожалованным как привилегия потомкам ваших потомков. Еще жалую [Торган Шира] привилегией быть колчаносцем и носителем пера. Если он совершит девять проступков, то не считать ему их виной!» Такое повеление он сказал.

[Чингис сказал:] «Также [и вы], Чилагун и Чимбай, – я помню сказанные вами слова! Вы, Чилагун и Чимбай, выскажите свои желанья, если вам что-либо нужно, просите, не говорите через других; сами, своими устами скажите мне о ваших желаньях; о своих нуждах просите сами!» Такое повеление он сказал.

«Вас двоих, Бадай и Хишлиг, так же как и Торган Шира, жалую привилегией быть *дарханами*,

Если найдете добычу у многих врагов,
Добытое вами возьмите [себе].
Если поймаете дикого зверя в облаве,
Пойманного зверя возьмите [себе]».

Такое повеление он сказал. «Что же касается Торган Шира, то ведь он был человеком тайчжигутского Тодогэ. Да! Что же касается Бадая и Хишлига, то ведь они были табунщиками у Цэрэна! Да! Ныне вы стали моими приближенными, пожалованы *дарханами* – носителями пера и колчана, веселитесь же!» Такое повеление он сказал.

И еще он сказал, обращаясь к Найаге: «Когда старец Ширгэту с сыновьями своими Алагом и Найагой, схватив Тархутай Кирилтуха, подъезжали к нам и по дороге дошли до Хутул-нугута, то Найага сказал: "Как мы можем погубить своего собственного [законного] хагана, захватив и связав его?" И тогда они не смогли погубить его, а освободили и отпустили. Старец Ширгэту пришел со своими сыновьями Алагом и Найагой, и тогда-то Найага-билдагур сказал: "Своего собственного хагана Тархутай Кирилтуха мы схватили и везли, но не могли погубить, и я отпустил его, освободив. Вот мы пришли к Чингис-хану отдать свою силу". Если бы они пришли, привезя своего собственного хагана, я бы сказал: "Кто же стал бы доверять захватившим своего собственного хагана? " Когда же ты сказал, что вы не смогли погубить своего хагана, то это значит, что вы подумали о правилах великого государства, по которым нельзя губить своего собственного хагана. И я сказал, что с этими его словами согласен и могу положиться на него во всяком деле. И пусть ныне Найага ведает *серединым тумэном*». Такое повеление он сказал.

«Когда я гнался за восемью соловыми конями,
Когда всходило, сверкая, солнце, я тебя повстречал,
И с тех лет ты отдавал мне силу свою.

Ныне ты, Богурчи, ведай *тумэном* правой руки!» [Так он повелел].

«Врага подавивший,
Добычей завладевший, –
Перед гривой его коня солнце восходит,
За хвостом [его коня] туман стелется.
По следу врага блуждая,

Здоровым и бодрым пришедший
Славный Мухули джалаирский,
Много нам сил отдавший!

Ныне дарую тебе титул *гуй-онг-чингсанга-тайши* и ведай *тумэном* левой руки!» [Еще] он сказал: «Пусть Джэбэ и Субэгэтэй станут тысячниками над разрозненными и ими же собранными [тысячами!]

А также [он сказал]: «Пусть Дэгэй, овечий пастух, ведает тысячью, собранной им отовсюду!»

«Так как Кучугуру – плотнику недостает людей, то, собрав отовсюду из рядов у других, присоединить их [к тысяче] Мулугалаху. И пусть оба – Кучугур и Мулугалаху – совместно командуют одной [тысячью]». Так он сказал.

Тех, кто созидал и основывал вместе с ним государство, [Чингис] назначил *нойанами* тысяч; образовав тысячи, пожаловал *нойанами*-тысячниками, *нойанами*-сотниками, *нойанами*-десятьниками и [выше всех] пожаловал *нойанами тумэна*; пожаловал достойных и отдал о том повеление.

[Чингис-хаган] отдал приказ: «Прежде было восемьдесят *хэбтэгулов* и семьдесят *турхагутов* в *кэшиктэне*. Ныне силою Вечного Неба, силою и мощью Неба и Земли пожаловано нам государство, и оно было вложено в единые наши поводыя, и [потому] ныне нам положено иметь свыше тысячи [людей] в *кэшиктэне*. *Хэбтэгулы*, колчаноносцы и *турхагуты* пусть составят полностью *тумэн*». Такое повеление он сказал.

И еще он отдал приказ, когда отбирали для службы в *кэшиктэне*: «Чтобы знали разные тысячники, как надо отбирать людей, которые войдут в наш *кэшиктэн*: отбираемые [на службу] сыновья темников, тысячников и сотников, а также сыновья простых людей должны быть способными и иметь красивую внешность, чтобы нести службу около нас. Сыновья начальников тысячи, [когда приходят к нам на службу], пусть приводят вместе с собой десять товарищей и одного младшего брата. Когда поступают на службу сыновья начальников сотен, то пусть они приводят с собой пятерых товарищей и одного младшего брата. Когда поступают на службу сыновья начальников десятков и сыновья простых людей, то пусть они приводят с собой трех товарищей и одного младшего брата и пусть приготовят верхового коня со снаряжением из того отряда-тысячи, где раньше находились. Когда будет установлено, кто будет нести службу около нас, то пусть выделяют сыновьям начальников тысяч по десяти товарищей из тех тысяч и сотен, где они [прежде] служили. Если у них будет часть [снаряжения], данная им их отцами, или будут у них слуги и кони, приобретенные

ими самими, то сколько бы всего этого у них ни было, пусть выделяют им [снаряжение], как мы указали, пусть [приготовят] и дадут.

И тем пятерым товарищам, что приведут [с собой] сыновья начальников сотен, и тем трем товарищам, которых приведут сыновья десятников и сыновья простых людей, пусть дадут снаряжение, выделив и приготовив его, кроме той части, которую имеют они сами». Такое повеление он сказал.

«Начальники тысяч, сотен и десятков должны это наше повеление доставить всем [нашим] людям, чтобы они выслушали его. Люди, преступившие [повеление], считаются виновными и будут наказаны. Если среди людей, взятых на службу в нашу охрану, будут люди неподходящие потому, что они уклонялись от служения нам, считая, что служба около нас слишком трудна для них, то берите других людей, а тех следует отослать с глаз владыки в дальние земли». Такое повеление он сказал. «Не удерживайте тех людей, которые пожелают прийти, чтобы обучиться нести службу нам!» – сказал [Чингис-хаган].

Когда хаганом было сделано повеление, то согласно этому указу были отправлены сыновья начальников тысяч, сотен и десятков. Прибыв, они составили *хэптэгул*. Было их восемьсот. [Чингис-хаган] сказал: «Пусть [число их] будет увеличено с восьмисот до тысячи. Пусть они не мешкают и приходят нести службу *хэптэгула*! Такое повеление он сказал. «Старшим над *хэптэгулом* будет Йэхэ Нэгурин, он будет ведаť тысячьо!» – такое повеление он сказал.

«Еще раньше были отобраны четыре сотни колчаноносцев. Старшим над отобранными колчаноносцами назначается Йисутугэ, сын Джэлмэ, вместе с Бухэдэем, сыном Тудэя. Пусть управляют во взаимном согласии», – так он сказал. «Вместе с *турхагутами* вступает в свою очередь [в дежурство] отряд колчаноносцев. Пусть [первым] вступает отряд колчаноносцев, в котором старшим является Йисутугэ. Затем вступает отряд колчаноносцев, где старшим является [Бухэдэй]; следующим вступает в свой черед отряд колчаноносцев, в котором старший – Албала, управляемый таким образом отряд колчаноносцев пусть вступает в свой черед в отряд *турхагутов*, привязав свои колчаны [и луки]. Пусть Йисутугэ начальствует над тысячьо колчаноносцев!» – такое повеление он сказал. «Служившие прежде под началом у Эгулэчэрби *турхагуты* должны быть пополнены до тысячи, и пусть Эгулэчэрби из рода Богурчи ведает ими», – сказал [Чингис]. «Одним отрядом в тысячьо *турхагутов* пусть ведает Буха из рода Мухули», – сказал он. «Алчидай из рода Илугэя пусть ведает одной тысячьо *турхагутов*!» – сказал он. «Тудэй-чэрби пусть ведает одной тысячьо *турхагутов*!» – сказал он. «Дохолху-чэрби пусть ведает одной тысячьо *турхагутов*!» –

сказал он. «Чанай из рода Джурчидаея пусть ведаея тысячьо *турхагутов!*» – сказал он. «Ахудаея из рода Алчи пусть ведаея одной [тысячьо] *турхагутов!*» – сказал он. «Аранаея Хасар, ведаея одной тысячьо *турхагутов*, одной тысячьо отборных богатырей, пусть во все дни охраняет мою золотую жизнь, ставшую яшмоу! Те, кто стали богатырями раньше, в дни сражений пусть и сражаются вместе!» – [так он] сказал и повелел. Прибыли отобранные из многих тысяч [воины] и составили восемь тысяч *турхагутов*. *Хэбтэгулы* вместе со стрелками-колчаносцами составили две тысячи. Так составился *тумэн кэшиктэна*.

И еще [Чингис-хаган] сказал повеление: «Наша стража, состоящая из *тумэна кэшиктэна*, пусть будет главным великим отрядом!»

И еще он повелел: «Четыре отряда *турхагутов* должны соблюдать такой порядок: Буха, ведаея одним отрядом очередной стражи, пусть вступит [на стражу первым], командуя отрядом. Алчидаея, ведаея также отрядом очередной стражи, пусть вступает [вторым] во главе своего отряда. Тудэй-чэрби, ведаея также отрядом очередной стражи, пусть вступает [третьим] во главе своего отряда. Дохолху-чэрби, начальствуя над одним отрядом, вступает [в четвертую очередь]. Приказ об очередности вступления на стражу должен быть объявлен. *Нойану* отряда, вступившего [на стражу], надлежит самому сделать переключку воинов очередной стражи. Отряд, вступивший в свой черед на стражу, должен сменяться после трех ночей [стражи]. Если кто из воинов очередной стражи не исполнит в свой черед службы, то того уклонившегося воина следует проучить тремя палочными ударами. Если тот же воин в другой раз уклонится, то следует его проучить семью палочными ударами. Если тот же человек, не будучи больным и не имея согласия *нойана* очередной стражи этого отряда, в третий раз уклонится от своей службы, то следует наказать его тридцатьо семью ударами палки, и так как он считаея свою службу при нас трудной, то мы отправим его в дальнюю землю!» Такое повеление он сказал.

«*Нойаны* и старшины второй стражи должны объявить этот приказ каждому отряду трехдневной [смены]. Если не объявят, то это будет проступком старшин очередной стражи!» – так он сказал. «Если кто слышал приказ и не исполнит его, если кто уклонился от службы согласно [этому] приказу, то такой воин из очередной стражи будет считаея виновным», – такое повеление он сказал. «Хотя старшины очередной стражи и называются старшинами, но без моего согласия они не могут распоряжатся моими *кэшиктэнами*, вступившими на мою службу. Если следует кого подвергнуть наказанию, пусть доложат мне: кому следует отрубить голову – мы велим отрубить. Если кто должен быть наказан палками, то велю разложить [его] и бить палкой.

Да! Если же кто с моим *кэшиктэном* станет расправляться сам своими руками и ногами, если будет бить палками, то за свою палку получит палкой же, за кулак будет ему возвращено кулаком же!» Так он сказал. И еще он сказал повеление: «[Человек] моего *кэшиктэна* считается выше, чем *нойаны* обычных тысяч. Так-то! Служители моих гвардейцев считаются выше, чем начальники обычных сотен и десятков. Так-то! *Кэшиктэны* равняются с тысячниками, но если кто из тех поссорится с моими *кэшиктэнами*, то будут подвергнуты пытке люди тысячников!» Такое повеление он сказал.

Еще он повелел: «*Нойанам* очередной стражи пусть будет объявлен приказ: отряд колчаноносцев и *турхагутов* несет охрану днем, обходя [дворец] со всех сторон след в след; когда солнце начнет закатываться, освобождают место *хэптэгулам*, а сами выходят наружу и спят. Ночью нас пусть охраняет *хэптэгул*! Колчаноносцы-стрелки, пересчитав свои луки, а повара – свои чашки и сосуды, пусть отдают *хэптэгулам* и уходят. Переночевав снаружи, стрелки, *турхагуты* и повара садятся пилюю, пока едят нашу похлебку; окончив есть похлебку, сообщают об этом *хэптэгулам* и расходятся по местам: стрелки – к своим лукам, *турхагуты* – к своим [местам], повара – к своим чашкам и сосудам. Только по этому правилу должны поступать отряды!» Такое повеление он сказал.

«Людей, которые будут ходить позади и впереди дворца после захода солнца, *хэптэгул* должен забрать и держать [всю] ночь; утром *хэптэгул* должен допросить их. Для того чтобы отряд *хэптэгулов* принял смену, следует пересчитать людей и только тогда вступать [на стражу]. Когда смена *хэптэгулов* кончается, то при выходе следует пересчитать людей, и уходить только тогда, когда будут пересчитаны», – так он сказал.

«Ночью *хэптэгул* лежит вокруг дворца; двери закрывают, и находящийся за дверями *хэптэгул* должен сносить головы прочь тем, кто войдет ночью [в их круг], рубить до самых плеч, тотчас же отрубать. Если человек придет со срочными вестями, то он должен переговорить с *хэптэгулом*, и позади юрты в присутствии *хэптэгула* пусть докладывает.

Никто не должен садиться выше того места, где сидит

хэптэгул.

Никто не должен проходить мимо, не сказавшись *хэптэгулу*.

Никто не должен входить без разрешения *хэптэгула*.

Никто не должен, проходя мимо, указывать *хэптэгулу*.

Нельзя спрашивать о числе [людей] *хэптэгула*.

Людей, ходящих без разрешения *хэбтэгула*, *хэбтэгул* пусть
задержит.

Людей, ходящих и показывающих [пальцем], *хэбтэгул* пусть
задержит.

«У человека, спросившего о числе [людей *хэбтэгула*], *хэбтэгул* тот-час же должен взять верхового коня, [на котором тот ехал,] седло, узду, а также надетое на нем платье и прочее». Такое повеление он сказал.

[Так случилось, что] Илчигэтэй, хотя он и [был] верный человек, был задержан *хэбтэгулом* за то, что ходил без разрешения около рядов *хэбтэгула*.

И еще [Чингис-хаган] сказал такое повеление :

«Облачной ночью

Юрту мою с прикрытым дымником

Окружив, лежала стража моя

И усыпляла меня во дворце.

Старейшая ночная стража моя

На ханский престол меня возвела!

Звездной ночью

Вокруг моей дворцовой юрты

Лежала стража моя,

Не засыпала во дворце у меня.

Счастливая ночная стража моя

На высокий престол меня возвела!

В снежную бурю и мелкий дождь,

Пронизывающий до дрожи,

В проливной дождь и просто в дождь

Вокруг приподнятой юрты моей

Стояла, меня не тревожа,

И сердце мое успокаивала.

Крепкая ночная стража моя

На благодатный престол меня возвела!

Среди врагов, учинивших смуту,

Вокруг юрты с дымником стояла,

Удерживала их мгновенно.

Верная ночная стража моя!

Колчана из березовой коры

Еле слышный шорох услышав,

Без промедленья бросалась бороться

Бдительная ночная стража моя!

Из коры ивы [сделанный колчан]
 Лишь только шевельнется у врага,
 Тотчас же вставала, не мешкая,
 Подвижная стража моя!
 Счастливая ночная стража моя,
 Называйся [отныне] "Старейшей"!

Семьдесят *турхагутов*, вступивших на службу вместе с Эгулэ-чэрби, [пусть] именуется [отныне] "великими *турхагутами*". Богатыри Араная [пусть] именуется [отныне] "старейшими богатырями". Колчаноносцы во главе с Йисутугэ и Бухэдэем [пусть] именуется [отныне] "великими колчаноносцами». Такое повеление он сказал.

«*Тумэн* моих *кэшиктэнов*, пришедших ко мне и поклявшихся служить мне охраною, избран из девяноста пяти тысяч войска. Позднее, когда меня не станет и на престол воссядет [мой] сын, то вы, мои потомки, согласно последней моей воле подумайте о *кэшиктэнах*, не вызывайте у них недовольства, хорошенько о них позаботьтесь. Этот *тумэн* моих *кэшиктэнов*, прежде называвшихся "превосходными", пусть так и остается!» – сказал он.

И еще сказал повеление: «Дворцовыми *чэрби*, прислуживающими в юрте девушками и юношами, пастухами верблюдов и пастухами коров [пусть] ведает и управляет *хэптэгул*; [пусть] также заботится он о дворцовых юртах и повозках. Пусть *хэптэгул* заботится о чашах и сосудах. *Хэптэгул* должен начальствовать над нашей пищей и питьем. Пусть *хэптэгул* распоряжается кушаньями из мяса. Если случится в питье и кушаньях перерасход, то следует взыскать с начальников *хэптэгула*», – сказал он.

«При раздаче пищи и питья стрелкам-колчаноносцам, пока от начальников *хэптэгула* не будет дано дозволения, нельзя раздавать!» – так он сказал.

«*Хэптэгул* надзирает за входами и выходами дворцовых юрт; пусть [люди] *хэптэгула*, стоящие у дверей, будут часовыми около самых дверей. Из *хэптэгула* два человека могут войти и взять чан с вином», – так он сказал.

«Из *хэптэгула* назначаются становщики [кочевья], и они же должны выгружать дворцовые юрты», – так он сказал.

«Когда мы уезжаем на охоту и на ловлю птиц, то *хэптэгул* вместе с нами отправляется на облаву. Некоторые же из *хэптэгула* должны оставаться и охранять юрты и повозки», – так он сказал.

И еще он повелел: «Если я сам не отправляюсь в военный поход, то *хэптэгул* без нас пусть не выступает в поход. Если *чэрби*, ведающий вои-

нами, из зависти к *хэбтэгулу* нарушит составленный подобным образом приказ [о неотправлении] и отправит воинов, – он виновен!». Так приказал [Чингис-хан].

«Вы спросите, почему же *хэбтэгулы* не отправляются в поход? *Хэбтэгулы* охраняют мою золотую жизнь! Когда отправляемся мы на ловлю птиц и охоту, то они переносят невзгоды. Они должны охранять дворцовые юрты, и во время кочевков и остановок они заботятся о юртах и повозках. Провести ночь до рассвета, охраняя мою жизнь, – разве это легко? Заботиться о юртах, повозках великой ставки, когда охраняют ее, – разве это легко? Они исполняют столь разнообразные обязанности, – вот причина, по которой мы сказали, что без нас и отдельно от нас они не должны отправляться в военный поход. Так будет! Да!» – сказал он.

И еще сказал он [такое] повеление: «[Пусть] Шиги Хутуг вместе с *хэбтэгулами* распределит на равные части и раздаст луки, панцири и пики, над которыми имеет попечение. *Хэбтэгулы* должны наблюдать за выбором коней и завьючиванием вьюков», – так он сказал. «*Хэбтэгулы* вместе с *чэрби* должны распределять шелковые ткани», – так он сказал. «При назначении стоянки для стрелков и *турхагутов турхагуты* Йисутугэ, Бухэдэя, а также стрелки Алчидая, Эгулэ и Ахудая должны быть расположены по правую сторону дворца. С левой стороны дворца должны находиться [*турхагуты*] *чэрби* Бухи, Тудэя, Дохолху и Чаная. *Хэбтэгулы* же должны находиться и по правую и по левую стороны дворца, юрт и повозок. Богатыри Араная должны находиться перед дворцом», – так он сказал. «*Хэбтэгулы*, заботясь о дворцовых юртах и повозках, должны находиться около дворца с правой и левой стороны», – так он сказал. «Тудэй-чэрби, заведая дворцом, должен управлять всеми *турхагутами*, окружающими дворец, юношами, прислуживающими в юртах, конскими пастухами, пастухами верблюдов, пастухами коров и чабанами. Тудэй-чэрби располагается сзади. Он должен находиться позади дворца, собирая остатки и разводя огонь сухим конским навозом». Такое повеление он сказал.

Глава IX. РАССКАЗЫ И ЛЕГЕНДЫ О ЧИНГИС-ХАНЕ

Могущественный Хормуста-тэнгри пожаловал августейшему владыке за прежние добродетельные деяния драгоценную нефритовую чашу, наполненную вином *рашияны*. Когда внушающий страх августейший владыка принял ее и сидел, вкушая [напиток], то четверо его младших братьев пришли и доложили ему: «Говорят ведь – старшему брату десять час-

тей, а младшему четыре. О владыка наш, ты уже вкусил много, окажи милость, соблаговоли дать немножко нам. Да ведает твой пресветлый [генный], о чем мы доложили».

Когда так доложили, то августейший владыка сказал четверем своим младшим братьям: «При моем рождении в правой руке моей по повелению Будды появилась из царства *луусов* печать Хасбу. Ныне от могущественного Хормуста-тэнгри [мне] пожалована нефритовая чаша, наполненная вином *рашияны*. Разве я не рожден с судьбою, установленной Небом, быть владыкой?» И соблаговолил сказать: «Желаете пить – так возьмите!» Когда четверо братьев его взяли и стали пить, то хоть [им] и вошло в рот, но не вошло в горло. После этого четверо его младших братьев сказали владыке: «Тебе предопределено быть владыкой, ты рожден с судьбою быть владыкой, мы рождены, не имея такой судьбы, и спорили мы неправильно. Нам следует в твоих стойбищах быть *нойанами*, ведающими налогами. Вкушай же сам, владыка!» – и совершили перед ним поклонение. Владыка принял [чашу] и вкусил [вина]. Разгорячась от той *рашияны*, августейший владыка прекратил пить и сказал: «По повелению Будды при рождении моем появилась ханская печать *луусов*. Ныне могущественный Хормуста-тэнгри пожаловал мне нефритовую чашу, наполненную вином *рашияны*. Рожденный с судьбою, установленной от Неба, стал я владыкой», – так он сказал. Когда обладающий величием августейший Чингис-хаган спросил у своего сына Чагатая: «Какой пир выше всех пиров?», – то Чагатай ответил: «Говорят, старый год уходит от нас, проходя, на смену ему приходит к нам новый год. Если устроить счастливый, блаженный пир, то вот этот-то пир и будет выше всех пиров. Да!»

Когда [Чагатай так] сказал, то августейший Чингис-хаган повелел: «Это не то! Ведь еще не родившемуся ребенку, когда он еще не вышел из чрева и не увидел света, не дают имени; что же будете праздновать вы, что назовете вы [новым]? Если же позднее, со временем, вы, вспомнив день, когда родились от матери, получив начало от отца, станете этот свой день отмечать, то вот этот-то твой пир и будет высшим пиром!» Так он сказал.

Когда наступил день рождения Угэдэй-хагана, то сам он забыл об этом. Августейший Чингис-хаган сказал: «Эй, Угэдэй, завтра приходи пораньше!» Когда же Угэдэй рано вышел [из дому], то [по пути] он был приглашен на пир, и, помня наставление хагана, что надо выпить поднесенное ко рту, там и остановился, сойдя с коня.

Когда августейший Чингис-хаган сидел в ожидании Угэдэя, приготовившись к [праздничному] обеду, он очень гневался. «Эх, Угэдэй! Отец и мать о сыне своем помнят, а сын лишь причиняет страдание

и не помнит ничего!» Пока он так сидел и говорил, наступил вечер, и [Угэдэй] прибыл с напитками и вареной конской головой. «Кто там снаружи?» – спросил Чингис. Когда Угэдэй сказал: «Это я – Угэдэй», – то Чингис ответил: «Входи же!» Угэдэй вошел, и хаган соизволил сказать: «Эх, Угэдэй, я сказал тебе – приходи пораньше, почему же ты пришел вечером?» Угэдэй сказал: «Я рано отправился, но по дороге меня не раз приглашали на празднества. В детстве моем ты говорил, хаган, отец мой, что нельзя отказываться от предложенного кушанья, а не то случится несчастье. Вот из-за этого я и опоздал». Когда он так сказал, то гневное лицо Чингиса смягчилось, он принял конскую голову и, отведав поднесенного кушанья, молвил: «Моих установлений и повелений не переступил только один из моих сыновей, Угэдэй. И после пусть так и будет! Да!». Такое повеление он сказал.

Глава X. БЕСЕДА МАЛЬЧИКА-СИРОТЫ С ДЕВЯТЬЮ ОРЛУКАМИ И БЕСЕДА ЧИНГИСА С ЕГО СПОДВИЖНИКАМИ

Такой же пир [устроил обладающий величием августейший Чингисхаган в прежние, ранние времена, когда женился на своей хатун по имени Бортэгэлджин]. Когда, собрав девять главных *орлуков*, пятерых *тайши* и пять цветных и четыре чужих народа, он сидел, пируя, сулдусский Торхун Шира сказал:

«Верховный хан, владыка мой, соблаговоли доложить:
Если созвал ты обширный, великий хурал твой,
И так случилось, что нет питья и вина,
То можно ль без них собраться и пировать?»

Джалаирский Гоа Мухули выслушал, согласился со сказанным и промолвил:

«[От вина] не задерживается ли связная речь моя?
Не возбуждаются ли кичливые, надменные мысли?
Не рассеиваются ли собранные вместе слова мои?
Разве не возбуждает [вино] споры среди собравшихся?
Если отвергнуть вино и плохие его последствия,
То останутся твердыми слова мои,
И буду я другом [для всех друзей]!»

Когда Гоа Мухули сказал [это], обращаясь к блистательно-рожденному, обладающему величием августейшему [владыке], то чжурчжитский Чуу Мэргэн, выслушав, согласился со сказанным и проговорил:

«[От вина] наши обдуманые слова
 Не разбегаются ли всегда?
 Плохое вместо хорошего
 Не внушает ли нам оно?
 Наши потаенные слова
 Не выходят ли тогда наружу?
 Низкое вместо высокого
 Не побеждает ли [при вине] всегда?
 В этой жизни – не наслаждение ли оно?
 Разве не вспомним о нем потом?
 Если от вина воздержаться сейчас,
 Не будет ли скучным собрание?»

Когда Чуу Мэргэн так доложил достойнорожденному августейшему [владыке], то арулатский кулук Богурчи выслушал, согласился со сказанным и проговорил:

«То, что входит в рот,
 Подобно золотой мошке.
 То, что выходит изо рта,
 Подобно слону или льву.
 То, что вкушается языком,
 Подобно слепню или мошке.
 То, что сходит с языка,
 Подобно бешеному слону.
 [От вина] разум и мудрость
 Не забываются ли всегда?
 Найденное и собранное
 Не истощается ли всегда?
 К напиткам не будьте привержены!
 [Все] обсуждайте, различая хорошее от дурного.
 Не привыкайте к водке-архи!
 Удовлетворим свои желания и разоидемя!»

Так он сказал. Урианхайский Джэлмэ выслушал, согласился со сказанным и проговорил:

«Чтобы стремиться к виноградному вину,
На то нет приказа августейшего владыки!
Чтобы желать простого вина,
На то нет наказа хана, нашего владыки!
Ведь, собравшись пить простое вино,
Как жеребята, мы радуемся,
Рано или поздно мы опьянеем,
То упадем, то поднимемся, так и уляжемся!
Собравшись же пить *тарасун* и *архи*,
Как серые гуси, [в кучу] мы свалимся,
Удовлетворим разные свои желания и разоидемся!»

Бэсутский Джэбэ выслушал, присоединился к сказанному и проговорил:

«Если случится, что нет вина,
Разве это значит, что мы не родня?
Если встретились и сидим [без вина],
Разве не [в этом] для нас удовольствие?
Если случится, что нет вина,
Разве это значит, что нет [между нами] приязни?
Дружно [встретились] и сидим [без вина] –
Разве не [в этом] для нас удовольствие?
Воздержимся же от простого вина
И будем стараться для хана-владыки,
В согласии с делами великого ханского правления
Будем готовы к действиям [против] возмутившихся врагов!»

Так он сказал. Ойратский Хара Хиру проговорил:

«Если все собрались, чтобы выпить, разве это не радость?
Дальние ли, ближние ли услышат [о том] – разве
не пожелают того же?
Если не можешь исполнить, то надо ли клятвой украсить
слова?
Разве не тверды наши сердца в сражениях с врагами?
Перед августейшим владыкой собравшись,
Выпив только малую каплю виноградного вина,
Все по порядку – много ли, мало ли – выпьют;
Разве не радости хочет великий народ?»

Так он сказал. Борохул, выслушав, согласился со сказанным и проговорил:

«Разве любимого друга всегда развлекаем мы [вином]?
 Всякие плохие мысли разве не рождает вино?
 Разве всегда не отделяет [вино] от друзей, живущих вместе?
 Жестоких, надменных мыслей разве не рождает вино?
 Польза виноградного вина столь скудна и убога, –
 [не так [ли?]]
 Вред его в том, что оно все разрушает, ломает – [не так ли?]]».

Так он сказал. Шиги Хутуг, выслушав, согласился со сказанным и проговорил:

«Это охрана святорожденного августейшего владыки,
 Когда она собирается, то криками своими подобна лебедям
 и гусям.
 Как дикие кони, куланы мастью смешались,
 Вместе все собрались мы, веселяся и радуясь!
 Это охрана достойнорожденного хана-владыки,
 Криками своими подобна серым гусям, когда те собираются.
 Как аргали и маралы, мастью единой смешалась,
 Любимых, прекрасных друзей принимаем и веселимся!»

Когда девять *орлуков* кончили соревноваться в своих речах, то сидевший у двери мальчик-сирота поднялся и, подойдя, сказал:

«Войду я в ряды великих,
 Скажу я свое краткое слово!
 Войду я в ряды вельмож,
 Скажу я свои обдуманные мысли».

Сказав так, он замолчал. Августейший владыка услышал эти его слова и сказал: «Невозможный мальчик-сиротка, ну что ты говоришь?» И тот мальчик сказал:

«Ведь ты же – пресветлый и величавый наш *богда*.
 Когда высказывали заветные думы, те, кто здесь собрались,
 не трудно ли им было?
 Ведь ты же пресветлый и величавый хаган, наш владыка!
 Когда говорили заветные думы те, кто здесь собрались, не очень
 ли трудно то было?»

Хоть понимаю я [эти] речи,
 Хоть и трудно, но я разумею, что было сказано, и о том расскажу я», –

проговорил он. Августейший владыка повелел:

«Если есть что сказать, так скажи!
Если хочешь шутить, так шути!

Ну так что ж! Говори!»

Услышав такое повеление своего августейшего владыки, тот мальчик возрадовался и сказал, как мог по своему разумению, что он думает о питье вина:

«Если пить неразумно и много, то разве не заболеешь?
Если же пить понемногу, то не наслаждение ли это?
Если умеренно пить, то в этом-то и есть наслаждение.
Если пьянеть безрассудно, разве то не невежество?
Если же пить постоянно, то ведь досадно будет.
Если же вдруг воздержаться, то [вот это] и будет разумно.
Если пить по хорошему поводу, то [вот это] и есть удовольствие,
Если пьянеть до того, что падаешь, – это невежество.
Вместе собравшись, как птицы-лебеди,
Вы, опьянев, не следите за словами лживых, дурных людей,
Вместе собравшись, желая блаженствовать,
Вы сами становитесь добычей ловких врагов.
В кучу собравшись, как птицы-чайки,
Вы наслаждаться хотите, как мудрецы и ученые,
Вы, опьянев, за речью болтливых людей не следите,
Вас порубить одного за другим, пожалуй, смогут враги!
Сцепившись, как серые гуси, своими клювами
И опьянев, за речью всяких злобных людей вы не следите.
Вы веселитесь, желанья свои выполняя.
Как бы вам не попасть одному за другим к убивающим врагам!
Подобно голодным уткам, вы также готовы сцепиться.
Старых и тех, кто подрост, собравшись, вы веселить хотите
И за словами злобных людей вы, опьянев, не следите.
Как бы вам не попасть, не зная того, к ненавистным врагам!»

Так он сказал.

Чидана Сэчэн Хубшур выслушал и сказал в ответ:

«Речи девяти орлуков плохи, – сказал [ты],
Что за слова ты говоришь?
Речи собравшихся здесь не мудры, – сказал [ты],
Хану-владыке такие слова ты доложил.
Не многого ли ребенка это слова?
Не пугливой ли лошади это пробег?»

Как утка, ты тину клюешь!
 Как собака, ты кость отнимаешь!»

[В ответ] тот же ребенок промолвил:

«Чидана Сэчэн, ты не прав!
 Сущность мыслей моих, [сказал ты,] плоха!
 Разве я говорил, что речи девяти *орлуков* неверны?
 Разве я говорил, что слова мои правильны?
 Разве я говорил, что собравшиеся здесь не мудры?
 Говоря так, не преступал я повеления хагана-владыки!
 Когда маленького человека возвысят из милости,
 Разве его всегда тянут за волосы?
 Когда пугливую лошадь, опекая, воспитывают,
 Разве ей дают постоянно жиреть?»

На эти [слова] Чидана Сэчэн Хубшур разгневался и сказал:

«Будь почтителен в своих складных речах!
 Будь почтителен в сказанных шутках!
 Я же тебя разломлю пополам, как мышонка,
 Всех, кто собрался здесь, над тобою заставлю смеяться!
 Я же проткну твоё [хилое] тело, подобное огарку,
 Всех, кто собрался здесь, заставлю над тобой издеваться!
 [Ну-ка,] продолжай свои речи, скверный мальчишка,
 Ты, противный, все сокрушить, [что ли, хочешь]?
 Мэру в словах соблюдай ты, маленький мальчик!
 Глупец, ты все сокрушить, [что ли, хочешь]?
 Я, Чидана Сэчэн, разве тебе того не сказал?
 И августейшему хану о том доложил ли?
 Я, Хубшур Сэчэн, разве не спорил с тобою?
 Разве я не сказал, чтоб обдумал ты собственный жребий?
 Разве ты различаешь, что верно, что плохо?
 Ты от жадности даже не подпустишь к незамутненному морю.
 Разве не хвастаешь ты милостью *богда*-владыки?
 Разве тебе невозможно со мною в словах состязаться?
 Не негодуешь ли ты в своих словах бесшабашных?
 Ты от жадности даже не подпустишь к великому морю.
 Разве не хвастаешь ты милостью нашего хана-владыки?
 И споришь так злобно, что и ответить нельзя!
 Реку Онон бадьёю ты вычерпать хочешь,

Радугу в небе руками схватить пожелал,
Реку Идэр песком засыпать ты хочешь, —
Разве можешь ты оценить словами своими людей хороших,
почтенных?

Хотел бы я, чтобы ты стал помягче,
Хотел бы я, чтобы ты рад был своим верным словам,
Хотел бы я, чтобы ты воздержался от злых слов,
Хотел бы я, чтобы поправился ты в своих неверных
словах», —

так он говорил.

И августейший владыка при этих словах изволил дать наставление Чидана Сэчэну:

«Когда очищаешь воду в колодце,
То ведь сосудом своим ты не можешь
Всю всплывшую наверх грязь собрать.
Если же выбрать ее корытом,
То ведь скорее колодец очистится,
И скверная, мерзкая грязь
Вся выйдет, от самого дна.
Родниковая вода, появляясь наверх,
Выйдет незамутненной,
Трудно будет ей испариться,
И вытечет, она, вскипая,
Чистая, прозрачная и прекрасная!
Воспитывая птицу *харабтур*,
Если запустят ястреба,
То, увидя его, она от страха укроется,
На землю опустится,
В мышиную норку спрячется.
Воспитывая птицу-ястреба,
Если запустят птицу *харигун*,
Увидав ее, он высоко полетит,
А она прячется в густой траве,
Приникнув к земле, остается».

Так он соизволил сказать. Сын лучезарного светлого Тэнгри, августейший владыка, велел также тому мальчику сесть около себя, дал ему выпить глоток *рашияны*, подобной меду, милостиво пожаловал его созерцанием своего радостного лица и возвысил его.

Спустившийся из страны девяноста девяти *тэнгри*,
 Блистательнорожденный, могучий и сильный,
 Прекрасновладычествующий над всеми [в мире],
 Сын Йисугэя, обладающий счастьем августейший мой
 Чингис-хан!

С неба спустившийся [сын] лучезарного светлого Тэнгри,
 Совершенно и ревностно изучивший «Тридцать пять
 премудростей»,
 Управлявший прекрасно всем многоязычным народом,
 Рожденный хатун Огэлэн-уджин – наш августейший [владыка]!
 После пришествия Тэнгри через двадцать одно поколение
 Родился тот сын и превратился в этого самого *богда*;
 Отнял он область у хана тангутов и нанкинского хана,
 Там он собрал пять цветных и четыре чужих народа.
 На реке Керулен, окруженной пестро цветущими лугами,
 В солнечный день первого летнего месяца, держа жеребенка,
 Совершил он окропление кумысом в день полнолуния,
 Возжег лампаду и свечи и Тэнгри, отцу своему, принес жертву.
 Собрав отовсюду свои народы, – большие, великие, –
 Широко раскинул свой пир, подобный озеру-морю,
 Так наслаждаясь, сидел он, соединив без различья великих
 и малых.

Сыну Наху Байана, *кудуку* Богурчи, августейший владыка сказал:

«Ты – моя полуденная тень, всюду шел ты за мной, не отступая,
 Ты – моя скала-яшма, в часы сражений не колебался.
 Ты – мой шелковый узел, нашего крепкого сговора
 не ослаблял ты,
 В трудных и тяжких делах моих правдиво и нерушимо трудился.
 О Богурчи мой, подобный волю в ярме, промолви хотя бы
 словечко!»

Выслушав повеление августейшего владыки, радуясь, Богурчи сказал
 в ответ восхваление:

«Ты – моя гора Сумбэр, собранная из различных драгоценностей,
 Ты – мое море Анабад, куда отовсюду вливается множество рек,
 Ты – мой небесный Чиндамани, ночью и днем окруженный
 звездами и планетами,
 Ты – сын Всемогущего Неба, мой августейший владыка».

Так говоря, восхвалял он [его].

«Ревностно ты изучил тридцать пять ханских премудростей,
Равно, без упущенья держал ты великое государство
и драгоценную веру.
Перед хитрым врагом не слабел своим твердым сердцем,
В промежутке [от войн] стремился к делам согласия и мира».

Над людьми всесильный, обладающий счастьем, августейший
Чингис-хан
Наставленья свое произнес, обращаясь к Гоа-онг-чингсангу:

«Ты – мой бешеный слон, без препятствий, подобно пожару,
проникший к врагу,
Ты – каменный занавес мой, неподвижно стоящий,
державший знамя мое и бунчук,
Ты – богач, обладающий многим, главный податель
всевозможных яств на великом пиру,
Ты – мое стальное оружие, наводящее трепет во время войны,
Ты, мой Гоа Мухули, промолви хотя бы словечко!»

Выслушав такое повеление блистательнорожденного, величием обладающего *богда*,

Восхваление свое в ответ произнес, обрадовавшись, джалаирский Гоа Мухули:

«Ты – мое дерево Калбираварс, дающее множество
вкусных плодов;
Ты – мой белый лев с горы Цасуту, *асури*,
исполненный силы и мощи;
Ты – мой Гаруди, равно могущественный в силе и в умении;
Ты, рожденный во славе, обладающий счастьем августейший
владыка!»

Так говоря, он продолжал свое восхваление:

«Не колебались твои мысли, подобные глубокому и великому морю;
Испросил ты у Высшего Неба державу и веру свою, почтенную
и великую;
Удержал ты законом своим ненавистных врагов человека;
Покорил, любя весь свой великий народ, твердым нравом своим.
Вот каковы твои дела!»

Сын вечного Высшего Неба, обладающий счастьем
августейший Чингис-хаган
Своему любимому Борохулу так соизволил сказать:

«В назначенный мною час ты вставал, мой не шевелившийся
дикий кабанчик!
Мой гневный *асури*, вставал, нападал [на врагов] и встречал
их стрелы!
Ты, Борохул, витязь мой, был смелым и не был беглецом,
Подобный коню в его быстром беге, не ленился –
Мой Борохул, промолви хотя бы словечко!»

Выслушав такое повеление своего бога-владыки,
Восхваление в ответ произнес Борохул и возрадовался:

«Ты – мое великое море Мапам, не волнующееся
и разливающееся,
Ты – мой Гаруди, преисполненный силы с шестьюдесятью
разными крыльями;
Ты – мой прозрачный Чиндамани, исполняющий девять
желаний,
Рожденный мужем из мужей, обладающий счастьем,
мой августейший владыка».

Так говоря, он продолжал свое восхваление:

«В способах, в силе равно способный
Ты не гордился великою мощью, все возрастающей,
Разных простых людей сделав дружными *нукэрами*,
Надобно было стараться иметь добрую славу, чтобы была
она слышна».

Сын Тэнгри, обладающий счастьем августейший Чингис-хан
Татарскому Шиги Хутугу соизволил сказать:

«Ты, мой дракон, в час сражений без указания трубивший в
белую раковину;
Ты, мой сокровенный лотос, никому не сказавший тех слов,
что мы говорили между собой;
Ты, мой каменный оселок, отточивший мои мечи
и набалдашники копий;

Ты, мой Шиги Хутуг, правитель моих кочевий,
Промолви хотя бы словечко!»

Выслушав такое повеление обладающего счастьем *богда*,
Восхваление свое произнес Шиги Хутуг и возрадовался:

«Ты – широкая река Керулен, через которую без моста нельзя
и переправиться;
Ты – высокая гора Хас-Таш, которую и аргамак не перевалит;
Ты – сын золотого чрева, спаситель всего сущего;
Ты – августейший властелин, обладающий счастьем,
рожденный властвовать над людьми!»

Так говоря, он продолжал свое восхваление:

«Не прерывай твоего обычного великого счастья;
Пренебреги душой и жизнью ради истинных правления
и религии;
Не забывай своих товарищей, отдавших тебе свои силы;
Оставайся с теми простыми людьми, что помогали
в твоих делах!»

Рожденный разумным, обладающий счастьем *богда*
Урианхайскому Джэлмэ так соизволил сказать:

«Ты, искусный мой богатырь, всегда [желавший быть] впереди
всех,
Ты, богатый ловкостью, посадивший меня на коня, когда
не на чем было мне ехать;
Ты, поивший меня *тараком*, когда нечего было пить,
и кормивший приготовленной пищей;
Ты, почитаемый мой, повстречавший Бортэгэлджин
и приведший ее ко мне;
Промолви хотя бы словечко!»

Выслушав повеление блистательнорожденного, обладающего счастьем *богда*,

Восхваление свое в ответ произнес Джэлмэ и возрадовался:

«Ты – мой сандаловый лес, дающий прохладу в зной и засуху;
Ты – мой жестокий огонь, сжигавший, подобно пожару,
всех врагов;

Ты – мой грозный слон, владеющий неисчислимою силой
и мощью;
Ты – мой августейший владыка, обладающий счастьем,
уже при рождении своем получивший имя-основу»

Так говоря, он продолжал свое восхваление:

«Ты принял правила всех мудрецов и ученых, разумных
и светлых;
Ты сразу исправил своим правлением виноватых, плохих
простолюдинов;
Ты старался без всякого небрежения в своих нужных делах;
Ты заботился обо всех, не пропуская никого: так было нужно!»

Пламенеющий *тэнгри*, августейший владыка
Повеление сказал, обращаясь к бэсутскому Джэбэ:

«Ты, моя выпущенная стрела, что скользнет безвозвратно
к врагу, подобному скале;
Ты, мой сизый ястреб, бросающийся на завистников,
если увидишь [их];
Ты, мой железный гарпун, безленостно действующий
в предпринятых трудных делах;
Ты, мой Джэбэ, можешь быть мягким, как шелк, и во всем
быть таким
Промолви хотя бы словечко!»

Выслушав повеление своего хагана-владыки,
Свой ответ произнес и возрадовался бэсутский Джэбэ:

«Ты – мой розовый лотос, огромный, где множество пчел
собирают мед;
Ты – светлый друг лотоса, неуклонно исчезающий и вновь
восходящий;
Ты – мой утес Соринчин, развеявший в прах и пепел
горделивых врагов;
Ты – мой августейший владыка, обладающий счастьем,
исполненный силы и мощи».

Так говоря, он продолжал свое восхваление:

«Верховному Небу всегда ты молился, и трем драгоценностям –
[тоже];
Равно и твердо держал ты правление и веру, предопределенные
судьбой,
Бодрствовал сам, невзирая на то, близок или далек был злобный
враг;
Пусть твое славное имя станет законом – об этом надо
стараться!»

Обладающий счастьем августейший Чингис-хаган,
Обращаясь к сулдусскому Торхун Шира, повелел:

«Ты, мой старший, укрывший меня в повозке с овечьей шерстью;
Ты, мой почтенный, кто помог мне достичь ханского трона
и стать владыкой монголов;
Ты, мой сердечный наставник, не прекращавший своих кротких
наставлений,
Торхун Шира мой, подобный мягкому шелку, не оставлявший
виновного,
Промолви хотя бы словечко!»

Выслушав повеление верховного августейшего *хубилгана*,
Восхваление свое Торхун Шира произнес:

«Ты – мой *хубилган*, принявший из скалы [печать из] нефрита;
Ты – мой превосходный, к тебе спустилась с небес золотая
чаша с *рашияной*;
Ты – мой могучий *вачир*, всех собравший под свою власть;
Ты – мой августейший владыка, обладающий счастьем,
рожденный столь удивительно!»

Так говоря, он продолжал свое восхваление:

«Не считай свою великую достойную особу слишком почтенной,
Не поступай так, чтобы клевета ослабляла твою великую мощь;
Сразу же удаляй от своей особы несправедливых
и преступных;
Ведь надо стараться делать так, чтобы добрые действия были
желанными».

Рожденный великолепным, августейший владыка,
Обращаясь к Чуу Мэргэну, сказал повеление:

«Ты, моя лисица, что бежит, умножая свои увертки, бросаясь
по сторонам;
Ты, мой трехлетний тигр, что скользит, затаясь, и подходит,
внушая страх;
Ты, моя стрела, молния, бьющая без промаха, убивающая все,
что наметила;
Ты, мой Чуу Мэргэн, стреляющий так, что падает враг,
захотевший подойти;
Промолви хотя бы словечко!»

Выслушав повеление великолепнорожденного *богда*,
Чжурчжитский Чуу Мэргэн так произнес:

«Ты – мое Небо, в котором двадцать восемь созвездий и десять
планет наполнены небожителями;
Ты – дерево Калбираварс, распространяющее различные плоды;
Ты – мой золотой жернов, дробящий ядовитого врага, подобно
зерну;
Ты – мой августейший владыка, обладающий счастьем,
владеющий судьбой, [знанием] и мудростью».

Так говоря, он продолжал свое восхваление:

«Прогони свои долгие мысли, содержи [их] в себе;
Обращай на путь закона виноватых, плохих простолюдинов;
Ты получил без меры любовь своего великого народа;
Твое славное имя надо стараться непрерывно прославлять!
Так и будет».

Сын Вечного Неба, обладающий счастьем августейший
Чингис-хан,
Обращаясь к Хара Хиру, сказал повеление:

«Ты, мой черный медведь, схвативший и подавивший
ненавистных врагов;
Ты, мой прут, что наставляет, чтобы помыслы не искривились;
Ты, мое непреклонное сердце, печешься о внешних делах,
все умножающихся;
Мой Хара Хиру, верно служивший мне своей правдой,
Промолви хотя бы словечко!»

Выслушав повеление безленостного августейшего *хубилгана*, восхваляя его, ойратский Хара Хиру произнес:

«Мой бодисатва, чьи мысли равно ко всем милосердны;
Мой Тэнгри Хормуста, собравший все земли под свою власть;
Мой Эрлик-нойан, бесстрашно победивший правду и ложь;
Мой августейший владыка, обладающий счастьем, могучий,
всесильный!»

Так говоря, он продолжал свое восхваление:

«Охраняй, почитай своих предков и великих;
Сострадай, милосердствуй сиротам и малым;
Принял ты в наследство свой великий народ.
Вечно прославить твое имя – об этом нужно заботиться!»

«Слова девяти благодетельных *орлуков* были сказаны для будущих поколений; то, что было сказано ими друг другу, все вы примите и запомните! Пусть знают об этом навечно ханы и *нойаны*». Когда было сделано такое повеление, то все мудрецы и ученые запомнили слова девяти *орлуков*, чтобы, выучив их, распевая в седле, применять [их] на деле.

Глава XI. ПОКОРЕНИЕ УЙГУРОВ И ЛЕСНЫХ НАРОДОВ. НАСТАВЛЕНИЯ ЧИНГИСА. РАСПРАВА С ТЭБ ТЭНГРИ

Был также послан в поход на карлуков Хубилай-нойан. Карлукский Арслан-хаган прибыл к Хубилаю, прося о мире. Хубилай-нойан, взяв с собой Арслан-хагана, прибыл и представил его Чингис-хагану. [Довольный тем, что] они установили [между собой] согласие, Чингис-хаган пожаловал Арслана и отдал ему Алаха-бэги.

Когда августейший Чингис-хаган стал передавать Алаха-бэги карлукскому Арслану, он соблаговолил сказать повеление:

«Став ногой моей, что подпрыгивает,
Став опорой моей, что подламывается,
Став подковой моей, что скользит, –
Будь осторожна в своих действиях!».

Еще [он сказал]:

«[Так] скоро исчезает тело,
 Но надолго остается [доброе] имя».
 «Не тот добрый друг, о ком сама хорошо думаешь;
 Не тот враг, на кого гневаешься и о ком дурно думаешь».
 «Многие достойны доверия, так-то!
 Но нет доверия больше, чем к самому себе!
 Много есть близких, так-то!
 Но нет [ничего] более близкого, чем собственные мысли!
 Много есть милых сердцу, так-то!
 Но нет [ничего] милее, чем собственная жизнь!»
 «Если поступишь честно, то навсегда приобретешь такой же
 обычай.
 Если поступишь разумно, то это сохранится на всю жизнь.
 Если выполнишь трудное дело, то всю жизнь не будешь
 бояться [действовать].
 Так будь же осторожна!»

Так наставлял он ее.

[Чингис] также отправили Субэргэтай-багатура в его повозке с железными [ободьями] против Хуту, Чилагуна и других сыновей мэргитского Тогтага. Субэргэтай прогнал их до реки Чуй, преследовал и, покончив с ними, возвратился.

И Джэбэ также погнался за найманским Кулук-хаганом, преследовал его до реки Хирис. Покончив с Кулук-хаганом, он возвратился.

Уйгурский *идухут* отправил послов к августейшему Чингис-хагану. Через этих своих послов, Абирха и Дарбая, он передал:

«Подобно ясному солнцу, виднеющемуся в безоблачном небе,
 Подобно воде реки, вскрывшейся и очистившейся от льда,

услышав о славе имени августейшего Чингис-хагана, очень возрадовался я! Если бы хаган соблаговолил пожаловать

Хоть пряжку своего золотого пояса,
 Хоть лоскуток от своего красного халата,

то я стал бы твоим пятым сыном и свою силу отдал бы тебе». Он отправил [послов] передать такие речи. На эти слова августейший Чингис-хаган соизволил отправить ответ: «Дочь отдам! Пусть он станет пятым сыном! Пусть придет *идухут*, взяв с собой золота, серебра, жемчуга, больших жемчужин, цветных тканей, кречетов и шелковых материй».

Когда [с таким известием] был отправлен [посол], то *Идухут* возрадовался пожалованием и прибыл, привезя с собой золото, серебро, жемчуг, большие жемчужины, шелка, кречетов, цветные ткани, разную утварь.

Идухут представился августейшему Чингис-хагану. *Идухут* был пожалован, и ему дали в жены Илгалтун-бэги.

Когда августейший Чингис-хаган отдавал в жены уйгурскому *Идухуту* [свою дочь] Илгалтун-бэги, он соизволил дать ей наставление: «У почтенной хатун может быть три мужа. Что касается этих трех разных мужей, то первым пусть будет государственный муж, затем – муж именитый, после него – муж, взятый в мужья. Это называется тремя мужьями. Если будешь ласковой с государственным мужем, то годишься и для именитого мужа. Если утвердишься с именитым мужем, то украдкой присмотри себе где бы то ни было мужа, взятого в мужья». Так повелел.

В год зайца было также велено Джочи отправиться в поход вместе с его воинами в западную сторону на лесные народы. Буха ушел вперед разведывать дороги. Ойратский Худуга-бэки в сопровождении тумэн-ойратов прибыл раньше, желая мира и [желая] быть под властью [Чингиса]. Прибыв к Джочи, он стал указывать ему дороги к тумэн-ойратам и провел его в Шингшинг. Джочи вошел в земли ойратов, бурийатов, баргутов, убсусов, хабсагов, тубасов, и когда он дошел до земель тумэн-киргизов, то киргизские *нойаны* Идэй-инал, Алтай-эрэ, Оробэк-дигит, изъявляя покорность и желая мира, прибыли представиться Джочи, принесли с собой белых кречетов, белых коней и черных соболей.

Джочи привел под власть [монголов] лесные народы, такие, как шибер, кэсдэм, баид, тухас, тэлэнг, тогулэс, тан-бичигэт. Взяв с собой *нойанов* лесных народов, *нойанов* киргизских, туматских и мингатских, Джочи прибыл к августейшему Чингис-хагану и представил их вместе с их белыми кречетами, белыми конями и черными соболями. Ойратский Худуга-бэки прибыл с изъявлением покорности раньше других, предводительствуя своими тумэн-ойратами. Он был пожалован тем, что сыну его Иналчи была отдана в жены Сэчэйгэн. Торолчи, старшему брату Иналчи, была дана в жены дочь Джочи Холуйхан.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган, жалую Джочи, сказал: «Ты, Джочи, старший из моих сыновей, недавно лишь вышел из дому, а в землях, куда ты ушел по хорошей дороге, уже успешно покорил лесные народы и вернулся. Ни люди, ни кони не получили ран. Отдаю тебе эти народы!» Такое повеление он сказал.

Когда августейший Чингис-хаган отдавал Сэчэйгэн-ахай в жены ойратскому Иналчи, он передал ей через Богурчи-нойана поучение. Богурчи-нойан сказал [это] поучение: «Сэчэйгэн-ахай, слушай! Хаган, отец твой,

ради тебя, рожденной им дочери, оставил покоренный ойратский народ кочевать [на тех же землях]. Вставай рано, ложись поздно! Будь всегда внимательна к родне мужа и к его вельможам. Днем и ночью одинаково [вместе с ним] заботься [о своем народе и владении]. Знай наизусть сказанные поучения! Будь целомудренна! Оставь здесь то плохое, чему не учили, и отправляйся! То хорошее, чему учили, запомни и отправляйся! Соблаговолили объединить и направить [на путь] ойратский народ!» Такое было поучение.

Борохул-нойан также был отправлен в военный поход на народ хори-тумат. Когда *нойан* туматов Дайдагул Сахури умер, супруга его Ботохуй Тархун стала ведать туматами. Борохул-нойан, дойдя [до земли туматов], вместе с тремя воинами-телохранителями отправился впереди войска. Когда вечером они шли, стараясь незаметно пройти по тропинке в густой чаще, за ними по их следам шел караул туматов, окружил [их], внезапно напал на них и, захватив Борохул-нойана, убил его.

Когда августейший Чингис-хаган узнал, что люди туматов убили Борохула, он очень разгневался и сам намеревался отправиться в поход. Богурчи и Мухули остановили его и удержали [от похода.] Был отправлен только Дорбэтэй Дорбэй-дог-шин, и [ему] дано повеление: «Строго управляя воинами, молясь Вечному Небу, научи народ туматов покориться нам». Дорбэй распорядился так: по тропе, где раньше шли воины Борохула, были в узких проходах расставлены охранявшие путь караулы, медленно продвигавшиеся вперед. Он распорядился, чтобы воины прошли тропой через [ущелье] Улан-Буха. Тем из воинов, кто боялся идти, он велел дать по десять палок, остальным приказал топорами, тесаками, пилами, долотами срезать и спиливать деревья, находившиеся у тропы, которая проходила через Улан-Буха. Когда путь был проложен и они вышли на вершину горы, то неожиданно напали сверху на туматов, сидевших в своих юртах и пировавших.

Еще прежде туматами были захвачены Хорчи-нойан и Худуга-бэки, находившиеся у Ботохуй Тархун. Вот как туматы захватили Хорчи: когда он получил повеление достать тридцать самых красивых девиц, то отправился, чтобы взять девушек у туматского народа, но там, среди народа, который до того жил мирно, вспыхнул мятеж, и Хорчи-нойан был захвачен.

«Хорчи захвачен туматами», – сказал августейший Чингис-хаган, узнав об этом, и, полагая, что Худуга понимает поведение лесного народа, отправил его. Худуга-бэки также был захвачен. Когда было закончено покорение туматского народа, то согласно обычаю за Борохула было отдано [его семье] сто туматов. Хорчи получил тридцать девушек. Худуга-бэки получил Ботохуй Тархун. Энгудский Уран Чэнкуй также ушел, за-

хватив с собой тридцать один *оток* и решив [жить] к северу от заката солнца. Владыка и Хасар погнались за ним. Затем Хасар посадил своего сына верхом на лучшего иноходца владыки и велел гнаться за Чэнкуем под предводительством Тогтунг-багатура; гнались так, что иноходец сильно утомился, догнали, покорили и привели обратно. Хасар взял в награду женщину по имени Бомбулун. После этого, когда Уран Чэнкуй доставил *хубилгану* Сэчэн-хагану стеклянный *субурган*, то он получил его дочь по имени Ал Алтан. Его же дочь по имени Алтай Гургудай, говорят, была отдана в жены солонгоскому Арин-хагану.

У августейшего владыки было четыре младших брата: Хасар, Бэлхэтэй, Очиху и Хачиху. От хатун Бортэгэлджин-гоа у него было четыре сына, называвшиеся Джочи, Чагатай, Угэдэй и Толуй, а также три принцессы, называвшиеся Алаха-бэги, Илгалтун-бэги и Сэчэйгэн. От хатун Хулан родился Кулугэ, от хатун Йисуй родился Дзочибэй и от хатун Йисугэн родилось трое – Харачар, Харгату и Чахур.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган сказал повеление: «Матери, сыновьям и младшим братьям дам в наследство людей!» Сказав так, он произнес: «Матушка потрудились над собиранием государства. Да! Старший сын у меня Джочи. Да! Младший брат мой Отчигин еще ребенок. Да!» И он дал матушке вместе с Отчигином долю в десять тысяч человек – матери и младшему брату. Мать была недовольна, но промолчала. Джочи он дал девять тысяч человек; Чагатаю дал восемь тысяч человек; Угэдэю дал пять тысяч человек; Толую дал пять тысяч человек; Хасару дал четыре тысячи человек; Алчидаю дал две тысячи человек; Бэлхэтэю дал одну тысячу пятьсот человек. «Даритай вместе с керитами находился, – сказал он, – пусть убирается с глаз долой!» Когда он так сказал, то Богурчи, Мухули и Шиги Хутуг втроем увещевали его: «[Поступать так] – это все равно что гасить огонь, что собственную юрту сломать! Ведь из дома твоего славного отца остался только один дядя. Не отвергай его, воздержись от разрушения своего дома. Пусть тянется дым из родного кочевья твоего славного отца!» Долго говорили они, до тех пор уговаривали, пока не пошел из носу пар. «Уговорили! Пусть так будет!» – сказал он. Вспомнил он о славном отце, и речи этих троих – Богурчи, Мухули и Шиги Хутуга – успокоили его. Да!

Матери и Отчигину он дал десять тысяч человек и в помощь им назначил из [числа] *нойанов* четверых – Кучу, Кокэчу, Джунхура и Хорхасата. В помощь Джочи он назначил троих – Хуна, Монгхура и Хитана. В помощь Чагатаю он назначил [также] троих – Харачара, Мункэ и Индугдая. Он также сказал повеление: «Чагатай ведь жесток, [так] пусть около него с утра до вечера будет Кокэ Чос. Пусть помогает ему обдумывать его поступки». Такое повеление он сказал.

К Угэдэю он назначил двоих – Илугэя и Дэгэя. [И] к Толую он назначил двоих – Джэдэя и Бала. К Хасару он назначил Джэбэхэ, к Алчидаю назначил Чахурхая.

Обладающий величием Чингис-хаган четверым своим сыновьям сказал повеление:

«В высоких горах направляйся к проходу;
 В широком море направляйся к переправе.
 Не тревожься, что далеко: пойдешь – доберешься;
 Не тревожься, что тяжело: станешь поднимать – поднимешь.
 Зубы, чтобы есть мясо, – во рту,
 Зубы, чтобы грызть человека, – в душе.
 Силою тела можно победить одного,
 Силою духа можно превзойти многих».

Такое повеление он сказал.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган четверым своим героям-кулукам соблаговолил дать наставление:

«Тремя мэркитами прогнанный,
 На Бурхан-Халдун, отступая, я взшел,
 Изо всех сил вперед тащился,
 От погони сзади защищался.
 Как только меня захватили,
 Вечное Небо оказало помощь.
 Раскрылись дверные створы,
 Собрал я свои народы.
 Длинные мои поводья вы держите,
 Двери мои открывайте.
 Не для одного или двоих, –
 Для всех я хаганом стал,
 Владыкой народа я сделался. Да!
 [И долго] после меня
 Вы, мои родичи,
 Мимолетно найденные,
 Ханское имя мое
 С любовью охраняйте,
 В трудах обретенное государство
 Спокойно укрепляйте!»

Так он наставлял.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган соблаговолил дать наставление четверым своим сыновьям: «От восхода солнца до захода его собирал я народы, и множество единоплеменников и не единоплеменников объединил я. Для многих других голов стал я единой головой! У кого мысли дурные, те будут сокрушены. У кого разум плохой, те будут истощены. Вы, мои родичи, –

Не медлите в уме своем,
Не уставайте в мыслях своих,

будьте стойкими!» Так он говорил.

Чингис-хан также соблаговолил дать наставление своим младшим братьям и сыновьям:

«От восхода [солнца] до захода я трудился
До тех пор, пока не пожаловали Небо и Земля [мне силы];
Защищал государство, пока подрастали мои младшие братья
и сыновья;

Управлял народом, что отдан был мне предками,
Опорой всего государства,
Арканом для многих народов
Я стал! Да!

Став опорой, я думал об укреплении государства,
Став арканом, я принял на себя трудное дело охраны народа.
Вы, мои младшие братья и сыновья,
Оберегайте [наш] главный корень – [род]!
Примите на себя трудное дело – трудиться ради государства.
Вы, мои старейшины!
Не думая о себе, будьте советниками ради [блага] народа.

Если найдете человека ученого и мудрого, то не удаляйте его от себя. Если найдете ученых и мудрых дома своего, если используете с любовью эту данную вам драгоценность, то воздаяние и польза будет великая. Владыке-Небу я вверился совершенно и доверил [ему] все государство!

Вы, мои сыновья и родичи, после меня охраняйте и оберегайте созданное мною в страданиях государство, соединенные и воздвигнутые мною двери, примите на себя это трудное дело! Если не принять на себя это трудное дело и не охранять то, что сооружено и воздвигнуто, то все внезапно разрушится. Пострадайте над созиданием, вам от этого будет только польза! Ведь сохранивший воздвигнутое станет выше меня. Вы –

мой род-племя. Пока я говорю и думаю, вы запоминайте эти [слова] в душе своей.

Удерживайтесь от многих желаний!
 Управляйте хорошо и справедливо!
 Если можете, сжав легкие, достать ими до рта,
 То превзойдете укрощенного льва;
 Если не можете, сжав легкие, достать до рта,
 То кого же вы сможете удержать, сердясь и напрягая силы?
 Если можете, сжав легкие, достать до шеи,
 То превзойдете укрощенного мощного слона;
 Если не можете, сжав легкие, достать до шеи,
 То кого же вы сможете удержать, сердясь и напрягая силы?
 Вы, родичи мои!

Не ведите себя [так], словно вы высоки, как гора.
 Если случится, что гора слишком высока,
 То и поднявшись наверх, человек поведет себя [как человек].
 Если будете в мыслях [своих] глубоки и велики, как море,
 То когда человек наверху, – он ведь не погибает.
 Тот человек, что не позволит унижить себя, –
 Он и рожден человеком.
 Если будете много говорить,
 То от возгласов немного пользы станет!
 Изучайте разные законы; сравнивая, приноравливайтесь к ним!
 Для разных дел нужны опытные, ученые люди!
 Тот человек выше множества множеств людей,
 который знает законы государства.

В густых лесах я охотился. Да!
 [Вам] отдавал я попавшего в капкан зверя! Да!
 Когда же не мог удержать бежавших из капкана зверей,
 Когда убежали они в свои темные чащи,
 То, возвращаясь, пред вами я был как калека!
 В высоких горах я охотился. Да!
 Вам отдавал я, поймав, захваченных врасплох медвежат,
 Когда же не мог удержать перешедших брод медведей,
 Когда уходили они в свои высокие горы,
 То сам перед вами страданье испытывал я!

Когда разорвется старый халат,
 Он годится на то, чтоб связать *каргану* в корчагу.

Когда совсем лишишься слуг и вассалов,
Тогда что хан, что арат – будут одинаковы.
Когда разорвется новый халат,
Он годится на то, чтоб связать чернобыльник в корчагу,
Когда совсем лишишься слуг и вассалов,
Тогда что ханша, что служанка ее – будут одинаковы.

Если поступить неразумно
И убить дома козленка, сосущего матку,
Есть его будет тяжело.
Если поступить разумно
И убить детеныша дикой козы,
Что идет под горою,
То и есть его будет легко!
Если рассказать хотя бы немного о чужих [домах],
То много есть в этом [такого], что может заставить заплакать супругу.
Если рассказать хотя бы немного о рыбе хариус,
То много их надо самому поймать своими руками.

Подавил я силы многих племен,
Потому что захватывал их разными способами, –
Владыкой многих [народов] я стал! Да!

Трудно [поймать] лисицу на хорошей скале;
Трудно [поймать] зайца под хорошим кустарником;
Трудно [украсть] скотину с хорошим *бурундуком*,
Но хорошо простолодину при хорошем хане;
Для доброго козла и хорошая скала станет убежищем.

Если хан благоденствовать будет,
То и государство его благоденствовать будет.
Если простолодин благоденствовать будет,
То и хан благоденствовать будет.
Если ханша благоденствовать будет,
Сидя в дверях своей юрты,
То и муж у нее благоденствовать будет.
Если все благоденствовать будут,
То мир и согласие во благе наступят!

Разве подданный понимает,
Что ему хорошо [живется] при хагане?
Когда он отойдет от своего хагана,

Тогда-то и поймет,
 Что хорошо ему было при хагане.
 Разве жена понимает,
 Что ей хорошо [живется] при муже?
 Когда она отделится от своего мужа,
 Тогда-то и поймет,
 Что хорошо ей было при муже.
 Если хан поведет себя, как простолюдин,
 То лишится своего народа!
 Если простолюдин поведет себя, как хан,
 То лишится своей черной головы!

Если хан уповаает на Небо, то хорошо будет!
 Если варить пустую воду, то ничего не будет!
 Если ханша доверилась женщинам, то нехорошо будет!»

Так наставлял [Чингис].

И еще обладающий величием Чингис-хаган соблаговолил дать наставление своим младшим братьям, во главе которых был Хасар: «Я велел скрыть обрывистый берег реки Онон, чтобы сделать брод. Для родичей своего рода, для своих дворцовых юрт устроил я брод. Да!

Я велел раздробить на части обрывистый берег реки Керулен, чтобы устроить переправу. Для нужд своего рода, для своих юрт и повозок я устроил переправу. Да!

Когда вы, мои младшие братья и мои потомки, останетесь после меня, то устроенный мною брод вы не срубите. Если вздумаете срубить, поддавшись многим речам [и советам], то это будет подобно тому, что вы сами себя зарубите!

Коня моего, оставленного под покровительством Неба, вы не уничтожайте. Если вздумаете уничтожить его, поддавшись речам других ваших [советников], то этим вы уничтожите мои установления и приказы. Пусть станет [тогда] стыдно вам, братья, все родичи и все прочие!»

Когда августейший Чингис-хаган сказал повеление по поводу сказанного Мэнгэту Сэчэном, то Мэнгэту Сэчэн почтительно отвечал: «Некогда была змея, имевшая тысячу голов и один хвост. Множество голов ее дергали одна другую из стороны в сторону и были придавлены и убиты повозкой. Была еще одна змея, имевшая тысячу хвостов и одну-единственную голову. Хвосты ее, следуя за единственной головой, вошли все в одну дыру и не были придавлены повозкой. Подобно тем

хвостам, мы стали тысячей твоих хвостов. Будем трудиться, отдавая тебе свою силу! – так отвечал он.

– Дождь мешает пиру,
Ров мешает облаве,
Лисица избегает ловушки,
А злые духи прогоняют сон!»

Когда Отчигин-нойан отъезжал, отделяясь, то он почтительно говорил августейшему Чингис-хагану: «Я повсюду следую за своим старшим братом – хаганом:

Когда был я стрелой в колчане, то не оставалось [даже] оленух. Да!
Когда был я заводным конем, не тянул назад, когда рубились. Да!
Когда пробивались напролом, я бился со всеми вместе. Да!
Когда проходили по безводным пескам, я утолял жажду
наравне со всеми. Да!
Когда охотились за серыми волками, я охотился вместе со всеми. Да!
Когда охотились за красивыми рыжими лисами, я охотился
вместе со всеми. Да!

Действуя так, я бы должен быть назначен начальником над *тумэном*. Да!» Так почтительно говорил Отчигин. Августейший Чингис-хаган, почитая Высшее Небо, соизволил сказать: «По собственному твоему рождению ты надо мной не поставлен. Ты не Высшая сила! Выше меня только моя шапка! Так-то!» И сказав так, он снял свою шапку, поставил в *хоймар* и совершил [перед ней] поклонение. В этот день он кушал *тарасун* и был сильно разгорячен.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган, раздавая вино, соизволил дать своим младшим братьям и сыновьям краткое повеление, которое есть питание государства и ключ управления.

После того как Отчигин-нойан отъехал, отделившись от Чингис-хагана, он спросил у Тангудая Гоа Сэчэна: «Я отделился от хагана, своего старшего брата. Какой же закон управления государством у хана?» Когда он так спросил, Гоа Сэчэн сказал: «Ты спросил правильно. Закон хана по управлению государством таков:

Подобно солнцу, он не замедляет [движенья],
Подобно озеру, он смешивает [воды] в середине своей!»

Три дня не мог Отчигин-нойан найти объяснения тем словам и сказал: «Почтенный Гоа, я не нашел объяснения этим твоим словам. Что значат

эти слова?» Когда он спросил, то Гоа Сэчэн сказал: «Сказано мною, что хан, подобно солнцу, не медлит. Когда солнце восходит, то оно равно доставляет свет и тепло хорошим и плохим, живым и мертвым. Подобно тому и хан: если он поступает равно со всеми, то как может исчезнуть великое государство? Сказано мною, что хан подобен озеру. В озеро вливаются хорошие и плохие воды. Если вода загрязняется от вошедшей для водопоя скотины, то озеро от этого не портится. Подобно тому и хан, когда слушает хорошие и плохие слова, когда слушает правду и ложь и не принимает слов подстрекательных, порождающих ссоры: если он слушает спокойно, то как может погибнуть великое государство?» Так говорил он.

Отчигин-нойану Тангудай Гоа Сэчэн сказал:

«Если мерзлый пень бросить в костер,
То погаснет даже большой огонь.
Если дело доверить молодому слуге,
То пострадает государство.
Если водою залить костер,
То погаснет поднявшийся [вверх] огонь.
Если опираться в делах на малых слуг,
То прекратится и государство». Так он сказал.

У хонгхотанского Мэнглик-эчигэ было семь сыновей. Среднего из семерых звали Кокэчу Тэб Тэнгри. Семеро хонгхотанов, издеваясь над Хасаром, избили его. Хасар, став на колени, сказал августейшему Чингис-хагану: «Я был побит семерыми хонгхотанами». Чингис-хаган уже был разгневан чем-то и, гневаясь, сказал Хасару: «Ты говорил, что еще не был побежден никаким живым существом. Как же ты оказался побежденным?» Хасар, роняя слезы, встал и ушел. Хасар был недоволен и не приходил три дня.

Тэб Тэнгри пришел к августейшему Чингис-хагану и сказал так: «Повеление Вечного Неба – это указание для хагана. Сказано: один раз пусть управляет государством Томучин. Сказано: другой раз [пусть управляет] Хасар. Если не ведаешь об этом, то неизвестно, что и будет». Августейший Чингис-хаган в ту же ночь выступил в поход, и когда он отправился, чтобы захватить Хасара, то Кучу и Кокэчу предупредили матушку, сказав, что он уехал, чтобы захватить Хасара. Матушка, узнав об этом, ночью же отправилась в крытой повозке, запряженной белым верблюдом. Всю ночь она провела без сна в пути и прибыла с восходом солнца. В это время августейший Чингис-хаган допрашивал Хасара, у которого были связаны рукава, сняты шапка и

пояс. Тогда-то и прибыла матушка. Августейший Чингис-хаган, уличенный, вздрогнул, испугавшись матушки. Матушка прибыла гневная, сошла с повозки, сама развязала Хасару связанные рукава, освободила его и отдала ему шапку и пояс. Не смогла сдержать своего гнева матушка, села скрестив ноги, вынула обе свои груди, так что оба колена закрыла ими, [и сказала]: «Сами посмотрите! Вот эти-то груди сосали вы. Вы-то, разгрызавшие мою утробу, оторвавшие свой пупок, – что сделали вы с Хасаром? Томучин вот эту одну мою грудь высасывал. Хачигун и Отчигин вдвоем только одну высасывали. Хасар же обе груди высасывал так, что грудь моя становилась пустой. Потому-то ты и ловок, мой Хасар, потому-то и есть у тебя сила и ловкость; ты стрельбой из лука разбивал тех, кто вторгался к нам; встречал тех, кто выходил вперед, и всех разбивал. А теперь, когда говорят, что враги разорены, вы Хасара и видеть не можете!»

Успокаивая матушку, августейший Чингис-хаган сказал:

«При внезапном приезде матушки я

страхом своим испугался,
стыдом своим устыдился.

Поедем-ка обратно!» – и уехал.

Хасар потихоньку, так, чтобы матушка не знала, забрал тысячу триста человек и выступил с враждебными намерениями. Матушка узнала об этом и вскоре же скончалась от размышлений – так это случилось.

Когда владыка Хасар во время этой войны бежал, то владыка государства, отправляя рано утром Субэжэтэя преследовать его, сказал повеление:

«Бегите, подобно коню, идущему впереди,
Так, чтобы алмазом на шапке стал месяц у вас впереди!
Неколебимы вы в твердости,
Слиты вы вместе, как камень.
Могучие, преданные товарищи мои!
Как тростник, стоящие рядами,
Как крепость, окруженная стеной,
Воины мои, подвластные мне,
Слушайте!
В обычной жизни живите тихонько, подобно годовалым телятам,
В бою действуйте быстро, преследуйте, подобно соколу,
что хватает добычу!
Во время веселья и игр будьте как жеребята, бегущие в поле,
В бою преследуйте врага и хватайте, как сокол, что бьет на лету!
В обычной жизни ведите себя, как колонок, что движется, таясь,

В бою, где нужна ловкость, действуйте и нападайте,
подобно соколу!
Будьте дружны, подобно телкам в ограде, собравшимся вместе,
В бою нападайте на хитрых врагов, пускайте стрелы, хватайте,
как ястреб!
Идите, как голодный тигр, как беркут, выдержанный без еды!
Ясным днем будьте бдительны, как матерый волк!
Темной ночью будьте осторожны, как ворон!
Подкрадывайтесь, как крадется ревнивая супруга».

Когда он сделал такое повеление, Субэгэтэй-багатур промолвил:

«Постараемся, как можем, и будем преследовать;
Будем гнаться изо всех сил!
Да будет счастье моему владыке».

Так он доложил, погнался и исполнил [повеление].
Хасару-владыке Субэгэтэй-багатур сказал слово:

«Если разлучишься с родной семьей,
Станешь пищей для чужого человека. Да!
Если разлучишься с материнской родней,
Станешь пищей для монгольских людей. Да!
Если разлучишься с многосемейными людьми,
Станешь пищей для сироты. Да!
Если распадется многочисленный народ,
Станет он пищей для малого народа. Да!
Может, найдешь себе рабов и слуг,
Но родной семьи не найдешь.
Может, найдешь себе подданных,
Но родичей, рожденных в одном роду, не найдешь».

Так он сказал. Хасар был согласен с этими словами [и возвратился].
После этого джалаирский Джэбэхэ, испугавшись, бежал в сторону Баргуджина.

После того к Тэб Тэнгри стали собираться люди всех девяти языков и приходили также от коновязи Чингис-хагана. Много собралось, уходили к Тэб Тэнгри и люди, принадлежавшие к куреню Тэмугэ-отчигина. Отчигин-нойан отправил посланца по имени Сохор, чтобы вернуть ушедших. Тэб Тэнгри сказал посланцу Сохору: «Отчигин и ты – оба вы стали такими почтенными!» И этого посланца он избивал, мучил и, привязав ему на

спину седло, отправил его обратно пешком. Когда измученный, избитый посланец Сохор был отправлен к Отчигину, то назавтра утром тот сам пошел к Тэб Тэнгри и сказал: «Я отправил своего посланца Сохора, а ты отослал его обратно пешком, избив и измучив. Теперь я сам пришел, чтобы вернуть своих людей!» Когда было так сказано, то семеро хонгхотанов со всех сторон окружили Отчигина и сказали: «Разве правильно было, что ты послал своего посланца Сохора?» Испугавшись, как бы [его] не захватили, не задержали и чего-нибудь [с ним] не сделали, Отчигин-нойан сказал: «Неправильно я [сделал, что] отправил посланца». Семеро хонгхотанов сказали: «Если ты сделал неправильно, то стань на колени и покайся!» И перед Тэб Тэнгри его поставили на колени. Люди его не были ему отданы.

Назавтра рано утром, когда Чингис-хаган еще не встал и был в постели, Отчигин вошел к нему, плача стал на колени и сказал: «К Тэб Тэнгри собрались люди всех девяти языков. Чтобы вернуть от Тэб Тэнгри людей своего куреня, я отправил посланца по имени Сохор. Посланца Сохора они избили, мучили [его], и, привязав ему на спину седло, отослали. Когда я сам пошел, чтобы вернуть [людей], то семеро хонгхотанов со всех сторон окружили [меня], заставили каяться, поставили на колени перед Тэб Тэнгри». Говоря так, он заплакал.

Прежде чем Чингис-хаган выговорил хотя бы слово, Бортэ-уджин, лежавшая в постели, села, краем одеяла прикрыла свою грудь и, видя роняющего слезы Отчигина, сказала: «Что делают эти хонгхотаны, сперва они надсмеялись над Хасаром и избили [его], а нынче и Отчигина тоже за чем-то заставили стать перед собой на колени. Что это за обычай такой? Этак-то они и твоих младших братьев повырубят, как слуг и рабов, и могут тебе повредить. Ведь истинно, что позднее",

Когда тело твое упадет, подобно старому дереву,
Кто же будет тогда ведать твоими народами, похожими на
спутанную кудель;
Когда тело твое, подобно колонне, опрокинется,
Кто же будет тогда ведать твоими народами, похожими на
густой лес?

Твоих братьев они погубят, как слуг и рабов. Да! Как же допустят они управлять этих трех моих маленьких ребятишек, когда они вырастут? Что они делают, эти хонгхотаны? А ты позволяешь так поступать с твоими младшими братьями! Как ты это можешь видеть?» Бортэ-уджин говорила и роняла слезы. На эти слова Бортэ-уджин Чингис-хаган сказал Отчигину: «Сейчас должен прийти Тэб Тэнгри. Кто и как должен действовать,

это уж ты [сам] знай!» Затем Отчигин встал, вытер слезы и, выйдя, велел трем силачам приготовиться.

Прошло немного времени, и Мэнглик-эчигэ пришел со своими семью сыновьями. Каждый из семи [сыновей] вошел, а Тэб Тэнгри сел по правую сторону чана с вином. Тогда Отчигин схватил Тэб Тэнгри за ворот и сказал: «Вчера ты заставил меня каяться. Испытаем-ка друг друга!» И, держа его за ворот, потащил в сторону двери. Тэб Тэнгри, сопротивляясь Отчигину, схватил того за ворот и боролся с ним. Шапка Тэб Тэнгри во время борьбы упала перед очагом. Мэнглик-эчигэ взял шапку и, опечаленный, засунул [ее] за пазуху. Чингис-хаган сказал: «Выйдите и боритесь снаружи во всю свою силу!» Чтобы выйти, Отчигин потащил Тэб Тэнгри. У порога двери незаметно стояли три силача, заранее поставленные; они схватили сопротивлявшегося Тэб Тэнгри, вытащили его и, переломив ему позвоночник, бросили на левую сторону, около края [стоявших] повозок.

Отчигин вошел и сказал: «Тэб Тэнгри принудил меня покаяться. Когда же я сказал: "Потягаемся!", – то он не стал, притворился и лежит. Неверный он друг!» Когда он так сказал, Мэнглик-эчигэ понял и, роняя слезы, сказал: «Ведь я был вам товарищем еще тогда,

когда вся земля была величиной с пригорок,
[все] моря и реки были величиной с ручей».

Когда он так говорил, семеро хонгхотанов, его сыновей, стали у двери и вокруг очага и засучили свои рукава. Чингис-хаган испугался и, будучи зажат между ними, сказал: «Расступитесь! Я выйду!» Как только он вышел наружу, вокруг Чингис-хагана встали колчаносцы и *турхагуты*. Увидя Тэб Тэнгри, брошенного с переломанным позвоночником у края повозок, Чингис-хаган велел принести серую дорожную юрту и поставить ее над Тэб Тэнгри. «Сейчас же укучем!» – сказал он, и оттуда откочевали.

В дорожной юрте, поставленной над Тэб Тэнгри, прикрыли дымовое отверстие, закрыли двери, и слугам было велено охранять ее. На третью ночь, когда день [погас и взошел] месяц, [сам собою] открылся дымник и появился он сам. Когда внимательно разглядели, то, действительно, это был Тэб Тэнгри, там его внимательно разглядели. Чингис-хаган сказал: «Так как Тэб Тэнгри заносил руку на моих младших братьев, возводил клевету на моих младших братьев, то он перестал быть любим Небом и жизнь его вместе с телом была взята!»

Чингис-хаган сделал тогда выговор Мэнглик-эчигэ: «Ты не сдерживал нрава твоих сыновей, вы во главе с Тэб Тэнгри хотели сравняться [со мной]. Если бы было замечено, что и вы таковы же, то с вами следовало

бы поступить так же, как с Джамухой, Алтаном, Хучиром и другими!» Так выговаривал Чингис-хаган Мэнглик-эчигэ, [а] когда окончил выговаривать, то еще сказал:

«Если отказаться вечером от сказанного утром,
Если отказаться утром от сказанного вечером,
То не стыдно ли так поступать?
То, что сказано раньше, то и окончено! Довольно!»

И еще [Чингис-хан] соблаговолил заметить: «Хотя бы они даже и сдерживали свой нрав, то кто же из рода Мэнглик-эчигэ смог бы быть равным [мне]?»

Когда Тэб Тэнгри не стало, хонгхотаны присмирели.

Глава XII. РАССКАЗЫ И ЭПИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ О ЧИНГИСЕ. ЛЕГЕНДА ОБ АРГАСУНЕ-ХУРЧИ

Бурийатский Оро Шигуши поднес августейшему, обладающему величием владыке сокола, пойманного около великого Байкала. Бурийаты были отданы во владение Оро Шигуши.

После этого, когда [владыка] запускал своего сокола от реки Олхуй до реки Ула, он увидел чжурчжитского *чжанчжун-хагана* и позвал его, но тот отступил и не пришел. Владыка вернулся обратно и отправил воинов. На реке Ула не было брода. Поэтому племянник Хасара Хаду Шира и Халчиху-чинг-тайджи, связав кругом десять тысяч мерингов, с криками переправились [через реку] и, выйдя [на берег], окружили город. Сказали они: «Поддай дань в десять тысяч ласточек и тысячу кошек!» – и получили ее. К ласточкам привязали свернутую вату, к кошкам [также] привязали вату и подожгли ее. Ласточки влетели в свои гнезда, а кошки поднялись на [крыши] домов. Кошки и ласточки [этим] огнем своим устроили пожар, и [город] был взят. *Чжанчжун-хаган* сказал такие слова: «Не странно ли это? [Да уж] кошки ли это [были]?» Августейший владыка взял в жены Чжалихай-хатун, дочь *чжанчжун-хагана*. Говорят, что эта хатун скончалась по дороге.

Когда Чингис-хаган находился в пути и уже приближался [к дому], в местности Алтан-хий он сошел с коня и соблаговолил дать наставление своим сыновьям: «Я трудился так:

Через горы высокие переваливал,
Через реки широкие переправлялся,

Так что ремень у стремян вытягивался,
 Так что железо стремени стиралось.
 Так-то и вы потрудитесь!
 Много народов забрал я,
 До тех пор собирайте людей,
 Пока не овладеете их душами.
 Если душой овладеешь,
 То сами-то они куда же уйдут?»

Так он сказал.

[И] еще. В то время когда обладающий величием августейший Чингис-хаган отправился в поход на государство Солонго, в сторону восходящего солнца, разлилась река Унэгэн. Сам владыка своей собственной особой и его большое войско стояли и пережидали на этой стороне. Послали посла. Августейший владыка повелел, чтобы солонгоскому хагану передали [его слова]: «Я пришел и требую дани!» На эти слова владыки солонгоский Буга Цаган-хаган преподнес ему свою дочь по имени Хулан и в приданое дал ей юрту из тигровых шкур и два *отока* буха и солонго. Привез он ее в лодке. Затем августейший владыка сказал повеление солонгоским *нойанам* и *сайдам* во главе с Буга Цаган-хаганом, созвав их всех на берегу реки.

После того как августейший владыка пожелал вступить в брак с Хулан-хатун, все *сайды* доложили ему: «Не дело это – вступать в брак в степи! Да! Следует подождать до дома!» Он не принял таких слов и вступил с ней в брак.

В том государстве Солонго [владыка] задержался и пробыл там три года. Управлять государством в это время был поставлен Аргасун-хурчи.

Аргасун-хурчи был отправлен гонцом передать [слова]: «Почему августейший владыка задержался вдали от дома?»

Аргасун-хурчи сел верхом на рыжего [коня] Гурбалгута и в трое суток достиг до места, куда надо было ехать три месяца. Он спросил: «Здоров ли мой владыка?» *Тушимэлы* сказали: «Здоров!» Через тех же *тушимэлов* владыка спросил: «Здорова ли супруга, сыновья и весь народ?» *Хурчи* ответил:

«Супруга и сыновья твои здоровы.
 Ты не знаешь, как живет весь твой народ!
 Жена и сыновья твои здоровы.
 Ты не знаешь, как живет твой великий народ!
 Поедает он кожу и кору, что найдет, своим разорванным ртом.
 Ты не знаешь, как живет весь твой народ!»

Пьет он воду и снег своим жаждущим ртом.
Ты не знаешь, как живет твой монгольский народ».

Когда он так ответил, то владыка не понял и молвил: «Скажи еще!»
Аргасун-хурчи произнес:

«Говорят, что на дереве *сала* птица *салбар* снесла яйца,
Доверилась этому дереву, когда высиживала [птенцов],
Но птица лунь-мышелов разорила ее гнездо,
И яйца, и птенцы ее были съедены.
Говорят, что на озере с тростниками птица лебедь снесла яйца
И доверилась этим тростникам, когда высиживала [птенцов],
Но скверная птица лунь разорила ее гнездо,
И яйца, и птенцы ее были съедены.

Мой святой владыка, соблаговоли разъяснить!» Когда он так сказал,
то владыка спросил: «Поняли вы эти слова *хурчи*?» Но *тушимэлы* не поняли.
Владыка сам понял и сказал:

«*Сала*-дерево – это ведь все мое кочевье!
Салбар-птица – это ведь я сам!
Большой лунь-мышелов – это ведь народ Солонго!
Птенцы и яйца – это ведь мои супруга и дети!
Гнездо же – мирная держава моя!

Озеро с камышами – это ведь весь мой народ!
Лебедь-птица – это ведь я сам!
Лунь-птица – это ведь народ Солонго!
Птенцы и яйца – это ведь мои хатун и сыновья!
Гнездо же – мирная держава моя!»

Соблаговолив так сказать, он натянул свои золотые поводья. Августейший владыка сказал повеление: «Моя Бортэгэлджин-хатун, встреченная мною в юные годы, тяжело мне видеть твое лицо! Когда войду в юрту – тесной станет юрта. Да! Если с домашними людьми согласия нет, если перед чужими людьми будет она гневаться и сердиться, то ведь это стыдно и боязно! Одного из девяти моих *орлуков* необходимо послать, чтобы он передал мои слова. Да!»

С повелением владыки отправился джалаирский Мухули, доехал и, совершив поклонение перед Бортэгэлджин-хатун, уселся. Тогда хатун осведомилась: «Здоров ли владыка? Ты зачем приехал?» [Мухули ответил:] «Он отправил меня, чтобы ты узнала повеление владыки:

"Не было государства,
 [Но] право твердого порядка было.
 Не слушал я слов *сайдов* и наставников,
 Пленился красотой тигровой юрты,
 Подушку с Хулан-хатун соединил августейший владыка!"»

Бортэгэлджин-хатун сказала поведение:

«Владыка, хаган мой, обладает силой. Да!
 Всеми монголами ведь любим он.
 Владыка, августейший мой, обладает силой. Да!
 Всеми [монголами] ведь любим он.

Говорят – много лебедей и гусей на обрывах у рек;
 Как стрелять их, пока не устанет большой палец,
 Мой владыка ведь знает сам!
 Говорят – много девушек есть среди великого народа;

Как найти их и взять,
 Мой владыка ведь знает сам!
 Говорят, много есть лебедей и гусей в тростниках по озерам;
 Как стрелять их, пока не устанут пальцы,
 Мой владыка ведь знает сам! Да!
 Говорят, много девушек есть у великого народа;
 Как отыскать их и взять, Священный владыка мой знает сам! Да!

Говорят, что при ловкости большого пальца
 На крутом берегу реки
 Можно сразу прострелить двух уток.
 Говорят, что муж, коль захочет,
 Сразу может жениться на сестрах,
 На старшей и младшей.

Говорят: "Хочу оседлать необъезженного коня";
 Говорят: "Хочу взять женщину кроме той, что есть".

Плохо ли иметь слишком много?
 Хорошо ли иметь слишком мало?
 Говорят, что в платье с подкладкой не мерзнешь,
 Говорят, что веревка в три нити не рвется».

Так сказала она.

Когда прибыл августейший владыка, захватив с собой Хулан-хатун, то Аргасун-хурчи, опьянев от молочной водки, взял золотой хур и ночевал где-то. Августейший владыка сказал Богурчи и Мухули: «Ищите!» и отправил их, сказав: «Поманите Аргасуна-хурчи, не подавая голоса и ничего не говоря ему, погубите его!» Богурчи и Мухули отправились и сказали: «Аргасун-хурчи, ты, опьянев от молочной водки, взял золотой хур и ночевал где-то отдельно. Отправил нас [владыка] и сказал: "Поманите его, не подавая голоса, ничего не говоря ему, погубите его!"» Когда они это сказали, Аргасун-хурчи молвил слово:

«Говорят, что перед казнью человеку дают слово;
Говорят, что умирающий молвит свое слово.

Хочу сказать владыке свое слово». Когда он это проговорил, то те два *тушимэла* не убили его, а сказали, [чтобы он принес]

напитки на груди для обладающего властью,
напитки под мышкой для обладающего величием.

Привели. Приблизившись к владыке, Богурчи и Мухули, стоя снаружи юрты, доложили:

«В светлый великий дворец твой свет проникает.
Наверно, проснулись в юрте твои дочери и сыновья.
Виновные, подсудимые твои собираются.
Соизволь обнародовать твой светлый великий приказ!
В яшмовый великий дворец твой свет проникает.
Соизволь открыть двери и дымник в юрте твоей!
Скорбящие и страдающие твои собираются,
Соизволь обнародовать твой драгоценный великий приказ!»

Когда доложили так, то владыка поднялся. Вошли они [в юрту] и ввели перед собой Аргасуна-хурчи. Владыка ничего не сказал. Богурчи и Мухули оба молчали, и Аргасун-хурчи сам о себе доложил:

«Говорят, что когда семидесятиголосая птица, болтая, кричит
И когда прилетает ловкий белохвостый орел, чтобы схватить ее,
То она не может даже крикнуть свое *дзанг!*
Когда владыка мой, данный мне судьбою,
Грозит и гневается [на меня],
То не могу я даже слова сказать,
Произнести [свое] *дзанг!*

Твой золотой *хур* с десяти лет я хранил,
 Изучал твои мудрые поучения
 И не был замечен в дурном обхождении.
 Правда, ошибся я и выпил молочной водки,
 Выпив водки, взял твой золотой *хур*,
 Не замышлял я дурного при этом.
 С двадцати лет хранил я твой тюркский *хур*,
 Изучал твои мудрые слова и шутки
 И не был замечен в дурном, расточительном поведении.
 Правда, ошибся я и выпил крепкой водки.
 Выпив водки, взял твой тюркский *хур*,
 Не замышлял я дурного при этом!»

Когда он произнес [эти слова, то] владыка [сказал]:

«Жизнь свою ты хорошо защитил, мой Аргасун,
 Шутку свою ты хорошо защитил, мой *хурчи!*» –

и отменил казнь. Отдал [об этом] повеление, которое повсюду было громко объявлено.

Когда обладающий величием августейший Чингис-хаган, став владыкой своего государства, установил на истоках Онона свое девятиножное белое знамя и в это время пожаловал джалаирского Мухули титулом *гоаонг-чингсанг-тайши*, то Мункэ Халчаху, сын Тангудая Хуйлдара, сказал:

«Не отягчай звания своего *гоа*,
 Не кичись званием своим *онг*,
 Не величайся званием своим *чингсанг*,
 Не выставляй звание свое *тайши*.
 Не напивайся допьяна поднесенным напитком,
 Не припадай к крепкой водке,
 Ревностно силу свою отдавай!»

Так было сказано.

Чингис-хаган соблаговолил дать наставление своим сородичам и сказал:

«Рыба, пребывающая в текущих реках, –
 Когда она неосторожна и неосмотрительна, –
 Будет непременно поймана неводом.
 Лишь когда она станет осторожной и разумной,

То в глубине своих вод
Она зароется глубже в тину.
Когда скажешь разумному,
Он становится еще умнее и мудрее!
Когда скажешь неразумному –
Он примет и таким же останется!
Рыба, живущая в прозрачной воде, –
Неосторожная, несообразительная, –
Будет подколото [острой] острой.
Если же она станет разумной и осторожной,
То уйдет в тину своих прозрачных вод!
Когда скажешь памятьливому,
Он становится еще мудрее и понятливее.
Когда скажешь беспамятному,
Он выслушает и таким же останется!

Поймите хорошо и обдумайте!» Так говоря, он произнес наставление, [обращаясь к ним].

В то время когда Чингис-хаган ехал вместе с Джамухой, конь августейшего владыки споткнулся. Когда владыка ударил кнутом своим по голове коня, Джамуха засмеялся. Владыка сказал: «Джамуха, чему ты обрадовался?» Джамуха произнес:

«Главенствует Бурхан-Халдун
Над коричневой матерью-Землей.
Над всем народом владыка –
Богда, ведь это ты и есть!
За ошибку ноги
Спрашивают с головы!
За ошибку сына
Спрашивают с отца.
За ошибку ровной земли
Взыскивают с Бурхан-Халдуна.
За ошибку всего народа
Взыскивают с владыки *богда!*»

И когда он так сказал, владыка согласился с этим.

Джамуха, задумав дурное против Чингис-хагана, выступил с дурными [намерениями], но товарищи захватили его, и, когда привели к хагану, тот сказал: «Джамуха-побратим, скажи, чем [ты] недоволен?» Джамуха сказал: «Мудрый побратим! Почему ты заблуждаешься?

Птица *харабтур* высоко взлетела,
 Черные крылья свои поломала.
 Скверные слуги-рабы
 Стали противниками своего хана-владыки –
 Черные головы их будут отрублены!

Я, Джамуха, был не согласен с тобой; мои товарищи ныне захватили меня и привели. Захватили меня, когда я бежал в беспорядке, когда был беззащитен. Когда мы дрались и бежали в беспорядке, то и захватили они своего хана, которого сами же провозгласили ханом. Покончи со мной! Но имей сострадание к моим товарищам!» Когда он так сказал, то Чингис-хаган повелел: «Если я скажу: “Правильно!”, – это для многих станет законом. Вот на этом-то [примере] пусть поучатся наши товарищи, – те, что когда-нибудь провинятся!» Так он сказал, и товарищи Джамухи действительно тут же и скончались.

Когда Чингис-хаган вместе с четырьмя своими сыновьями пил *тара-сун*, то раньше всех опьянел Джочи, после него опьянел Чагатай, после него опьянел Толуй. Затем Угэдэй вместе с хаганом лишь слегка опьянели и разошлись.

Назавтра они рано собрались и говорили между собой о причине вчерашнего опьянения. Хаган сказал повеление: «Вы, сыновья мои! Сидя здесь, подумайте о своем вчерашнем поведении и обсудите его. Я же сперва посижу в особой юрте со старейшими и великими и побеседую о делах государства. Вы же, те, кто прежде сидел в особой юрте, выйдите!» И он послал одного из прислужников : «Пойди узнай, о чем говорят между собой мои сыновья, и приходи». Когда он послал его, то сыновья все еще разговаривали между собой.

Когда [Чингис] спросил: «Какое из наслаждений самое лучшее?», – то Джочи сказал: «По моему разумению, самое лучшее наслаждение состоит в том, чтобы стремиться умножить свои многочисленные табуны, чтобы они тучнели, чтобы установить на становище дворцовую юрту и пировать в ней и веселиться».

Брат [его] Чагатай сказал: «По моему разумению, лучшее наслаждение в том, чтобы подавить врага, смирить восставших, заставить верблюдицу кричать о верблюжонке, заставить плакать обладающих верховной властью, когда приведут их, – это самое лучшее наслаждение».

Угэдэй сказал: «По моему разумению, лучшее наслаждение в том, чтобы доставить спокойствие великому государству, созданному страданиями нашего отца, обладающего величием хагана, чтобы крепко стоять, поставив

ноги на почву,
руки на землю,

чтобы предоставить своему народу пребывать во дворце, чтобы равно держать свои правление и закон, чтобы радовались старейшие и великие, чтобы предоставить спокойствие растущей молодежи». Так он сказал.

Толуй сказал: «По моему разумению, лучшее наслаждение в том, чтобы заставить своих аргамаков побеждать на бегах, чтобы, взяв своего ястреба, бьющего на лету, бродить с ним около глубоких озер, заставить его хватать серых уток;

чтобы пегие аргамаки побеждали на бегах,
чтобы, взяв прекрасного сокола, бродить по горам и долам,
чтобы хватал он пестрых уток!»

Так он сказал.

Все эти речи тот прислужник подробно передал Чингис-хагану, и тогда хаган сказал: «Джочи с малых лет любил свои табуны. Им так это и сказано. Чагатай с малых лет вместе со мной воздвигал здесь государство. Так им об этом и сказано. Толуй сказал слово, как малый ребенок. Слова же Угэдэя весьма правильны». Так он соизволил сказать.

Рожденный с судьбой, определенной Верховным Небом, обладающий величием августейший Чингис-хаган сказал наставление:

«Если есть человек с двумя мыслями,
То называется он женщиной, [а] не мужчиной.
Если есть человек с одной мыслью,
То называется он драгоценностью, [а] не мужчиной.
Если есть женщина с одной мыслью,
То называется она мужчиной, а не женщиной.
Если есть женщина с двумя мыслями,
То называется она собакой, а не женщиной;
С такой-то и надо сдружиться и жить в семье!

Так он соизволил сказать.

Чингис-хаган проговорил [еще] наставление:

«Если простой человек выпьет *тарасуна*,
То думает, что он выше всех стал!
Если жестокий правитель пользуется насилием,
То он становится хуже черной собаки.
Если черная мышь попробует крепкой водки,
То думает, что стала с ханами наравне!

Если увидит черномордую лису, бегущую рысью,
То состязается [в беге] к отверстию своей черной норы».

И еще Чингис-хаган сказал наставление:

«Снег, что напал у двери,
Сохраняет землю, что около юрты.
Если рубишься с вредным врагом,
Старый род лишь [тебя] спасает.
Снег, что навстречу падает,
Сохраняет землю у стенок юрты.
Если рубишься с вредным врагом,
Древний [твой] род лишь [тебя] спасает.

Хотя установлено согласие, но еще не решены [все дела], не называйте этот год мирным годом!» Соблаговолил он преподать такое наставление.

Когда Чингис-хаган сказал Гоа Сэчэну: «Говори!», – то Гоа Сэчэн проговорил:

«Моя мудрость и умение
В горы и степь ушли.
Моя мудрость и блеск
В степь и равнины ушли.
Ужели в разуме моем ничего не осталось!

Если притупится острая сталь,
Без оселка ею пользоваться нельзя;
Если утомится быстрый аргамак,
То с тела спадет и бежать не сможет;
Если состарится сильный, рычащий лев,
То готов спастись в мышиной норке;
Если состарится *сайд-кулук*,
То повинуется людским словам».

Когда он проговорил так, то Чингис-хаган вполне согласился с ним и сказал повеление. Чингис-хаган сказал: «Еще скажи!» И Гоа Сэчэн продолжал:

«Может быть, панцирь и хорошая одежда, пока [ты] не одет
на пир.
Можно ли хорошо понять речь, если не все еще сказано?»

Когда он сказал так, Чингис-хаган проговорил: «В его словах сказано [все], что же еще можно сказать!»

Тангудай Хуйлдар Сэчэн обратился с речью к Чингис-хагану:

«Собрав целую гору золота, ведь охраняешь ее,
Так [же] сохраняй свои разум и мудрость, пока
не окончилась жизнь.

В жизни нет недостатка в различных случаях:
Пока не сказано ста слов, обычай не сохранится,
Пока не сказано множества слов, истина не обнаружится;
В множестве слов – истина одна,
В сотне слов – обычай один».

Так он сказал, и Чингис-хаган произнес повеление:

«Если будет покойно золотой моей особе,
То как бы тогда не лишиться моей державы!
Если будет покойно всей моей особе,
То не придет ли в беспорядок все мое государство?
Если золотая моя особа изнурится, так пусть изнурится,
Только бы не исчезло мое государство!
Если вся моя особа будет страдать, так пусть страдает,
Только бы мое государство не пришло в беспорядок!» –

такое повеление было сказано.

Чингис-хаган спросил у Хуйлдар Сэчэна: «Правда ли, что аргамак самый неутомимый среди животных? Правда ли, что мудрость беспредельна?» Когда он соизволил так сказать, Хуйлдар Сэчэн ответил: «Если быстрый аргамак будет бежать в пути осмотрительно, согласуясь со своим собственным нравом, то мудрость беспредельна!» Так проговорил он.

Чингис-хаган сказал повеление: «Ты, сартагульский Арамдза, стань рыбкой чебаком, а ты, урианхайский Джэлмэ, стань славным порывистым соколом. Оба вы встаньте друг против друга и приготовьтесь посперить!»

Когда было дано такое повеление, то сартагульский Арамдза сказал:

«Я у северной реки похаживаю,
Пеструю куропатку как приманку подбрасываю,
Сетку из алого шелка раскидываю!
Пусть славный порывистый сокол
К северной реке подлетает,
Пеструю куропатку захватывает;

В сетку алого шелка он поймается,
 Попадет к сартагульскому Арамдзе!
 Станет он его воспитывать,
 Глаза ему завязывать,
 Ноги ему запутывать;
 Станет [сокол] рабом у него да прислужником
 И большие страдания примет!»

Когда он сказал так, то урйанхайский Джэлмэ проговорил: «Некогда в речке около некоего моря жила рыбка чебак. В полдень захотелось возгордившейся рыбке поплавать по великому морю, и поплыла она [к нему] вниз по течению речки, шевеля своими плавниками. Но по пути ей попался каменистый брод, и замешкалась она, вернуться не могла. В это время пришла за водой служанка, ударила рыбку по голове ковшом, взяла да зажарила. Собрались соседние мужья и жены и, разделив рыбку вплоть до [последнего] кусочка кожи, съели ее.

А что касается славного порывистого сокола, то сартагульский Арамдза не мог укротить его и прислал его в подарок владыке государства, всеобщему хагану. Хаган велел посадить его на подстилку из меха выдры и нюхал его клюв. Весь народ удивлялся, когда весною сокол хватал уток, когда осенью он бил уток, гусей и лебедей. [Хан] пировал тогда, веселился и прославлял славного сокола и очень заботился о нем. Сартагульский Арамдза сказал: "Возьму свой подарок обратно!" – и отправился по главным местечкам на своем изнуренном коне, нос у него ввалился, борода торчала торчком, бурдюк его ссохся».

Когда Джэлмэ рассказал это, то Чингис-хаган сказал повеление: «Урйанхайский Джэлмэ поистине заслужил награду, и даю ее тебе!» Так он сказал.

Чингис-хаган соблаговолил дать наставление своим сыновьям, младшим братьям и всем сородичам:

«Кто давал тебе своих быков и повозки,
 Когда нужны тебе были быки и повозки,
 Когда тебе нужно было кочевать,
 Когда уходили, следуя голосу Неба,
 Когда уходил кочевать весь род, –
 Тот, кто давал тебе быков и повозки,
 Тот и есть твой настоящий родич.
 Кто тебе дал своих быков для перекочевки,
 Когда быки и повозки были нужны,
 Когда было трудное и тяжелое время,

Когда бушевала снежная метель, согласно законам Неба,
Тот, кто приводил к тебе быков,
Тот, кто давал тебе коней,
Тот и есть твой настоящий родич!»

Такое повеление было сказано.

[Однажды], когда Сараман распределял ежедневную еду, у него не хватило всем, и не успел еще хаган-отец сделать распоряжения, многие подданные не успели еще ничего сказать, как Чагатай сказал: «Сарамана надо казнить, это будет примером для многих людей! Если не сможем казнить [одного] Сарамана, то как же мы сможем управлять множеством людей?» Когда он так сказал, то ухурутский Сараман проговорил:

«Ты, Чагатай, еще не родился,
И еще не собралось множество подданных,
А я уже отдавал свою силу хану, твоему отцу:
Своими ногами сугробы снега вытаптывал,
Своим телом мокрый потник высушивал,
Питался лишь тем, что в зубах застревало,
И пил лишь собственную слюну.
На твоих великих пирах с жирной пищей
Разным людям раздавал жирные кушанья,
Так что мои локти замасливались;
В твоих великих кровавых войнах
До подмышек в крови воевал;
Как ремень, растягивался [в старанье],
Как степной тамариск, краснел [от усилий],
Душу и тело твое охраняя,
Силу свою отдавал я! Да!
Отец твой хаган меня любил,
Лишь я подрост, сажал на своего коня;
Доверял мне свою повозку с сокровищами,
Одевал меня в свои золотые одежды,
Давал свою вкусную [еду];
Впереди других меня ставил,
Милостиво обо мне заботился.
Когда я был маленьким, укутывал ноги,
Сажал на своего заводного коня,
Нежно поглаживал мой вихор,
Заботился, как о своем сыне!
Хан, твой отец, должно быть, рожден неразумным,

И немного народов собрал, и держал их недолго!
Ты, должно быть, умнее отца и мудрее рожден,
Многих ты собрал и держал во дворце,
А меня казни же поскорее!»

Когда он так сказал, то Чингис-хаган повелел:

«Кого проклинаят, тот мучается;
Кого собирают [вместе], тот рассеивается!
После того как я умру,
Собранный мною и объединенный народ
Вы не мучайте, мои сыновья!»

После того как Чагатай вышел, Чингис сказал: «А ведь Чагатай-то прав, а ты, Сараман, виноват. Спас я тебя потому, что много силы ты отдавал мне и только раз ошибся [теперь]. Не стали бы только подражать тебе [мои] многочисленные подданные!» Так было сказано.

Чингис-хаган соблаговолил дать наставление судьям, распоряжающимся делами по жалобам:

«Ханское правление
Не должно блуждать в темноте!
Хан не должен ошибаться.
Поступайте по единому своему усмотрению.
Будьте твердыми, не склоняйтесь на чью-либо сторону.
Не горячитесь с почтенными [людьми].
Не кричите на людей громким голосом.
Не распускайте слухов.
К подолу своему звонка не привязывайте!
Не приходите растрепанными!»

Такое было дано наставление.

Когда Чингис-хаган послал в разведку сына Гоа Сэчэна, чтобы отыскать дорогу для прохода воинов, тот, выслушав сказанное, спросил у своего отца о том, как пройти через узкие горные проходы. На это его отец сказал:

«Говорят: не выполняй поучений отца,
Выполняй свои собственные помыслы;
Не выполняй слабых [намерений] матери,
Выполняй [лишь] свои намеренья!»

Что знает раб Гоа о том, зачем августейший Чингис пожелал отправить тебя?

Горные проходы в горах Алтая
Извилисты и не низки.
[Случается, что] львенок лишается своей жизни,
Серый гусь поедает своего птенца,
Лебедь поломает свое крыло
И кулан убивает своего жеребенка!
Из-за особой нужды сегодня
Надо пешим пройти далеко до конца [это] место,
Так вот пройдя, этим способом и разведаетшь землю.
Кто хорошо уговор свой исполнит, тот и будет хорош:
Пешком пойдет через пустыню и выйдет [оттуда]!
В каменистом месте нет гор.
Тяжело в пути доброму человеку загнать коня.
Если выполнить уговор с опозданием,
Если из-за дождя опоздать на собрание,
То какая же это заслуга!
Если рано прибыть, то разве не будет питья?
Если поздно прибыть, то, [можно] сказать, будет шумно.
Что же скажут, коли сын Гоа, не кончив дела, вернется
с дороги живым?
Если дойдешь до места и погибнешь, то твое имя станет
славным повсюду!
От хана-владыки человек получает свое имя!
Сильную лошадь возьми с собою!
Слова человека есть ложь,
А земля, что достигнешь, – вот правда.
Далеко до обитаемых мест!
Ведь нет человека, который знает [все] правила.
[В походе] равно распределяй еду и припасы, траву и воду.
Каждый узнает мужчину, прошедшего через пустыню,
Каждый ведь знает, что и драгоценный камень стирается».

Когда Чингис-хаган и Онг-хаган жили в мире, называя себя отцом и сыном, то Аймалджин-эмэгэн, принадлежавшая керейтскому Онг-хагану, сказала:

«Если два солнца восходят,
Священные воды иссякают;

Если два хана властвуют,
 Весь народ погибает.
 Если ехать на самце-верблюде,
 То не порвется ли его *бурундук*?
 Если раб станет господином,
 То позабудет ли он свое прошлое?
 Если полить водою огонь, он ведь погаснет.
 Если отправить послом человека неумного и плохого,
 Так и государство развалится.
 Если по берегам и в низинах не станет травы,
 Тогда и телята погибнут.

Слушайте, нойоны-тысячники! Вы, которые дошли до конца без промедления, [начав еще со времен] отца! Слушайте, койаны-сотники! Когда приходил кровавый враг, [вы] стягивались до твердости, затвердевали, как камни, стягивались, как крепкий узел, но не погибали.

Если от рожденья вы стали умны и понятливы,
 Если солнце-владыку закрывает облако,
 То как же вы не можете отличить козла от козленка?

Если в великий род проникнут чужие из чужих,
 То чужих-то зачем надо брать?
 Если в великий род проникнут важные особы,
 То особ-то зачем надо брать?
 Говоря: "Сильно зажали рога у козла", –
 Не разрушайте государство!
 Говоря: "Сильно стянули рога у барана", –
 Не покидайте свой старинный род!
 Говоря: "Сильно стянули рога у быка", –
 Не задирайте неверных людей!
 Не хватай за бороду сидящего силача!
 Не приглаживай хохолка у лежащего силача!
 В своих *аилах* живите тихонько.
 Если придут те, что убивают друг друга,
 То схоронитесь, как пестрые телята от сокола.
 Среди своего народа живите тихонько;
 Если придут те, что действуют слишком решительно,
 То схоронитесь, как годовалые телята от сокола-зайцелова.
 В теплоте своего пребывания живите потихоньку.
 Если придут те, что [копьями] колют,

То спрячьтесь, как ягнята от черного сокола.
Если человек некрасив, но старается для своего государства,
Если спокойно и ровно отдает свои силы,
Пусть он станет начальником над десятью тысячами!
Если человек одет в сиромятную кожу, собою невидный,
Свои силы отдает ревностно,
Станет он большим вельможей!»

Во времена обладающего величием августейшего Чингис-хагана были сказаны мудрецами и учеными эти разные, но соединенные вместе изречения, и пусть станут они законами для будущих времен.

Ныне же я вписал их в книгу.

Глава XIII. ПОХОДЫ НА СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ, В ТУРКЕСТАН И НА ГОСУДАРСТВО ТАНГУТОВ. СМЕРТЬ ЧИНГИСА

И еще обладающий величием августейший Чингис-хаган в год овцы отправился в военный поход на китайцев. Взял Вучжу, перешел через Лисий перевал и взял Сунджиту. Чингис отправил передовым отрядом двоих – Джэбэ и Гуйгун-багатура. Дошли до Чабчиала ; перевал Чабчиал был укреплен, и Джэбэ сказал: «В то время как мы двинемся назад, они выйдут. Проучим-ка их!» – и они отступили.

Китайские воины увидели отступление и, решив погнаться, погнались и приблизились к горе и покрыли ее всю [своими рядами]. Джэбэ, дойдя до мыса, [на котором находился] Сунджиту, повернул обратно и, прискакав, напал на пришедших в замешательство врагов, разогнал и преследовал их. Воины Чингис-хагана также преследовали и гнали китайцев. Были разбиты отборные части войск кара-китатов, чжурчжэнов и чжуинов. Пока их гнали до Чабчиала, их рубили; Джэбэ захватил ворота [в укреплении] Чабчиала, занял перевал и перешел через него.

Чингис-хаган спустился к Шира-Дэхтэрэ. И окружив Чжунду, отправил воинов, велел им осадить другие городки и города. Джэбэ дошел до города Дунгчжу, осадил его, но взять не смог и вернулся обратно; он шел в течение шести дней и, уже дойдя до места, вдруг повернул обратно и быстрым ходом, меняя коней, идя ночью без сна, внезапно появился перед городом и захватил Дунгчжу.

Джэбэ, взяв город Дунгчжу, повернул обратно и присоединился к Чингис-хагану. Во время осады Чжунду большой вельможа Алтан-хагана *онгинг-чингсанг* увещевал хагана: «Наступил час исчезновения великого пре-

стола, – час, predeterminedенный велением Неба и Земли. Монголы пришли с весьма большими силами, подавили отборные части наших мужественных, храбрых кара-китатов, чжурчжэнов и чжуинов, и они рассеялись и были истреблены; защищавший нас Чабчиал был отнят и захвачен. Если мы теперь велим вывести [из города] также наши войска и если монголы также разобьют их, то [наши воины] рассеются по своим домам, по многим другим городам. Если мы опять велим им собраться, то не сможем [этого сделать], и когда враг придет к нам, они не смогут соединиться с нами. Если Алтан-хаган соблаговолит [согласиться], то отправимся к монгольскому хагану переговорить о мире ради собственного спасения. Заключим мир, и когда монголы уйдут обратно, то после их ухода мы с ними сможем и говорить по-другому. Да! Говорят, что у монголов их мужи и мерины начинают страдать от жары. Дадим хагану девушку [из царского рода]. Воинам же его дадим золота, серебра, тканей и товаров столько, сколько смогут взять. Кто знает, может, они согласятся заключить с нами такой мир?» Когда он так сказал, Алтан-хаган согласился со словами *онгинг-чингсанга* и сказал: «Пусть так и будет!»

Отправили посла, Чингис-хагану выслали девушку, именованную *гунчжи*, а воинам – золота, серебра, тканей и разных товаров столько, сколько они могли взять. Пришедший для переговоров из Чжунду *онгинг-чингсанг* был доставлен к Чингис-хагану.

Чингис-хаган согласился заключить мир, снял осаду с других городов и велел войскам повернуть обратно и возвращаться. *Онгинг-чингсанг* проводил Чингис-хагана до места, называвшегося Мочжу Чжучжу, и возвратился. Наши воины ушли, получив столь много товаров и шелка, что связывали свои тюки шелковыми тканями.

Также направились в военный поход против народа хашин. Когда достигли [хашин], то Бурхан, [владыка] народа хашин, вступил в мирные переговоры, говоря: «Стану твоей правой рукой, отдам свою силу!», – и выслал Чингис-хагану дочь по имени Чахан. И еще Бурхан сказал: «Слышал я о славе имени Чингис-хагана и страшился, ныне же, когда ты пожаловал сюда своей благословенной особой, я испугался тебя и твоего знамени. В страхе [обещаю], что народ тангутов станет твоей правой рукой, отдаст силу». Так он говорил. «Для того чтобы служить тебе, [что мы можем?] Кочевки, которыми владеем мы, малы, города и дома – из глины; так народ наш соединится с вами.

Когда надо идти в скорый поход,
 Когда вспыхнет неожиданный бунт, –
 В скорый поход быстро идти не сможем,
 Для [усмирения] неожиданного бунта собраться не сможем!

Если соблаговолишь [принять нас], то тангутский народ отдаст в [твою] сокровищницу множество верблюдов, вскормленных высоким *дэрсу*; выткем мы шерстяных сукон, наделаем шелковых тканей и отдадим; велью обучить ловчих птиц и доставить их [твоим] вельможам». Так он говорил.

Согласно сказанным словам, тангутский народ собрал столько верблюдов, что еле смог привести их и отдать.

Во время этого похода Чингис-хаган, принудив к согласию [владыку] китайского народа Алтан-хагана, получил от него множество всяких вещей; принудив к согласию Бурхана, [главу] народа хашинов, получил множество верблюдов. Чингис-хаган в год овцы во время того военного похода принудил к согласию [владыку] китайского народа Ахутая Алтан-хагана и принудил к согласию Илуху Бурхана, [главу] народа тангутов. Затем он сделал остановку в Сагари-хэгэр.

После этого обладающий величием августейший Чингис-хаган в год собаки снова отправился военным походом на китайский народ, потому что китайский Ахутай Алтан-хаган воспрепятствовал проезду многих послов во главе с Чау-ханом, отправленных к Чжаонгуну, чтобы вступить в переговоры о мире. [Чингис сказал:] «Соглашение было заключено, так как же послы, отправленные к Чжаонгуну, могли быть задержаны?»

Выступив в поход, Чингис-хаган направился к [горному] проходу Дунгуан, а Джэбэ отправил через Чабчиал. Алтан-хаган, узнав, что Чингис-хаган находится у прохода Дунгуан, назначил троих – Илэ, Хадаху и Букэтура – командовать войском, усилил войска и велел Улаган Тэгэлэну идти с передовым отрядом к проходу Дунгуан. «[Смотрите] чтобы [монголы] не перешли через перевал!» – сказал он и быстрым ходом отправил воинов во главе с троими – Илэ, Хадаху и Букэтуром.

Когда [монголы] достигли [горного] прохода Дунгуан, китайские воины, стремясь [защитить свою] землю, пришли, чтобы загородить проход. Чингис-хаган дал сражение троице – Илэ, Хадаху и Букэтуру – и заставил отступить Илэ и Хадаху. Чигу-хургэн и Толуй атаковали, [бросившись] наперерез, и погнались за отступавшими [воинами в] красных халатах. Когда Илэ и Хадаху отступали, то китайские воины оставались лежать, и их перекололи ножами. Узнав о том, что китайские воины были перебиты и переколоты, Алтан-хаган вышел из Чжунду, бежал и вошел в город Нангинг. Оставшиеся воины его погибали от голода и даже ели человеческое мясо.

За то, что Толуй и Чигу-хургэн оба действовали хорошо, Чингис-хаган щедро пожаловал обоим – и Толуя, и Чигу-хургэна.

Чингис, остановившись в Хой-шиву, сделал привал в Шира-хэгэр около Чжунду. Джэбэ, разрушив ворота [укрепления у] Чабчиала, заставил

отступить воинов, охранявших Чабчиал, сам же пошел и присоединился к Чингис-хагану.

Когда Алтан-хаган бежал из Чжунду, то он назначил [на должность] *лиушиу* вельможу по имени Хада, а сам покинул [город]. Чтобы сосчитать, сколько в Чжунду имеется золота, серебра, товаров, шелковых тканей, Чингис-хаган послал туда троих – Унгур-багурчи, Аранай Хасара и Шиги Хутуга. Узнав, что эти трое приближаются, вельможа по имени Хада направился им навстречу, взяв с собой золота, драгоценностей и шелковых тканей, и, выйдя из Чжунду, пришел к ним. Шиги Хутуг сказал Хада: «Прежде богатства Чжунду действительно принадлежали Алтан-хагану. Да! Ныне же они принадлежат Чингис-хагану. Так-то! Почему же ты, украв их, принес и тайком раздаешь имущество Чингис-хагана? Я не возьму». И Шиги Хутуг [ничего] не взял. Унгур-багурчи и Аранай Хасар взяли.

Пересчитав товары и шелковые ткани из Чжунду, эти трое пришли [к Чингису]. Тогда Чингис-хаган спросил у троих – Унгур, Аранай Хасара и Шиги Хутуга: «Что дал вам Хада?» Шиги Хутуг сказал: «Он раздавал золото, драгоценности, шелковые ткани. Я сказал ему, что прежде эти сокровища Чжунду принадлежали Алтан-хагану. Так-то! Ныне они принадлежат Чингис-хагану. Так-то! "Почему ты, Хада, тайком, украдкой раздаешь сокровища Чингис-хагана?" – сказал я и не взял [ничего]. Унгур и Аранай оба взяли то, что им было дано». Чингис-хаган сделал строгий выговор Унгуру и Аранаю. «Шиги Хутуг думал [и поступил] по Великой Ясе», – сказал он и пожаловал его:

«Будь моими глазами, чтобы я видел,
Будь моими ушами, чтобы я слышал,

тем ты и будешь отличаться», – такое повеление он сказал.

Алтан-хаган, войдя в Нангинг и желая вымолить себе мир, отправил своего сына по имени Тэнгри с сотней товарищей, сказав им: «Станьте гвардейцами у Чингис-хагана!» Когда эти посланные прибыли к Чингис-хагану, он сказал: «Вернемся обратно!» – и, перейдя через Чабчиал, отправил свои войска левого крыла во главе с Хасаром, чтобы тот шел вдоль моря и, остановившись у города Бэйгин, принудил этот город Бэйгин заключить мир, чтобы затем вторгнуться во [владения] чжурчжитского [хагана] Вугаху, и если он начнет восстание, что низвергнуть его. Если же он заключит мир, то пройти мимо его города и уйти по [рекам] Улан и Нану, перейти в верховья реки Тахур-мурэн и присоединиться к великому [нашему] стану, – [с таким наказом] он их отправил. Вместе с Хасаром были посланы три *нойана* – Джурчидай, Элчи и Толуй-чэрби.

[Хасар] вошел в город Бэйгин, принудил чжурчжитского Вугаху принять мир, а затем, [следуя своим путем,] покорил все города по дороге. Хасар, придя в верховья реки Тахур-мурэн, сошел с коня и явился в верховный стан.

У обладающего величием августейшего Чингис-хагана был сакьяский лама по имени Гунга Нинбо, служивший ему опорой. По приказу того ламы у северных ворот города, называвшегося Эсруэ, был воздвигнут храм, носивший название Далай-Дагурисхуй, наверху ворот которого находились два одинаковых *лавара*.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган также внезапно познал учение и добродетель и отправил свои дары в Вечную страну, в [храм] Дзу Шикэмуни. Отправил посла к сакьяскому Манчжушри-ламе, чтобы передать такие слова: «Пусть появится в моем роду один бодисатва, пусть возродится он в моем потомке». Тогда Манчжушри-пандит произнес: «Крышку золотого ящичка не открывай»; повелел: «Отнеси и отдай его только обладающему величием августейшему Чингис-хагану. Одна из его невесток была перерождением бодисатвы. Над этим ящичком сотвори великое молебствие и произнеси благопожелания, и тогда откроется и объявится его невестка по имени Сумандари». Дав такое повеление, он отдал [ящичек]. Над тем ящичком в пятнадцатый день указанного предопределением месяца, в год курицы, было совершено великое молебствие и произнесены благопожелания, и когда невестка, имевшая титул *эши*, супруга владыки Толуя, открыла [крышку] и посмотрела, то в ящичке внутри оказались три золотые мошки. И те мошки влетели в ноздри носа Эши-хатун. Они вошли в золотое чрево Эши-хатун, и по прошествии десяти месяцев во время совершения молебствия чудесным образом родились двое: *хубилган* Чакраварти Сэчэн-хаган и Ариг Буга.

Августейший владыка тяжело занемог. [Заболел] также и Толуй. Когда случилась болезнь владыки, толкователь знаков и гадатель сказал: «Если один из этих двоих поправится, то другому станет плохо». Когда он так сказал, супруга владыки Толуя Чохур-бэги по поводу этого указания Неба произнесла: «Если случится так, что не станет хана-владыки, то весь народ овдовеет. Так-то! Если же случится так, что не станет Толуя-владыки, то одна только я стану вдовой. Так-то!» Так она молилась. И по этой молитве Толуй-владыка стал бурханом.

Когда августейший владыка поправился от тяжелой болезни, он почтил эти ее мысли, так как она не помышляла о своем собственном муже, а почтила его отца и помнила о великой державе. Августейший владыка сказал: «Я тебя не буду называть невесткой, а буду называть *бэхи-дайху*; не буду называть *шиу*, а буду звать *сутэй-дайху*. Говоря так, он даровал ей титул и, выбрав восемь *отоков* чахар и тумэтов, пожа-

ловал ей. Чохур-бэги была дочерью Джига Гэмбу, младшего брата керейтского Онг-хагана.

Затем, когда сартагульский народ задержал и перебил сто послов во главе с Ухуна, Чингис-хаган сказал: «Сартагулы разорвали мои золотые поводья!» Чингис-хаган отправился в военный поход на сартагульский народ, чтобы

местию отомстить,
воздаянием воздать

за гибель ста своих послов во главе с Ухуна.

Он отправил посла к [владыке] тангутского народа Бурхану [с такими словами]: «Ты говорил: "Стану твоей правой рукой!" Мои золотые поводья порваны сартагульским народом, и я отправился в военный поход, чтобы иметь объяснение с ним. Стань [моей] правой рукой, выступив в военный поход!» Когда он отправил посла [и тот прибыл], то прежде чем Бурхан выговорил хотя бы слово, Аша Гамбу сказал: «Если [у него] нет силы, то зачем же он сделался хаганом?» И сказав так, он не дал войска и говорил гордые слова.

Тогда Чингис-хаган сказал: «То, что сказал Аша Гамбу, [не прощается]. Сперва он говорил, что отправится навстречу сразу же, пока еще солнце не встало, почему [же] теперь ему это стало трудно? Вечное Небо будет мне покровительствовать, и мои золотые поводья будут крепко натянуты, тогда я пойду на него! Довольно!» Так он сказал.

В год зайца [Чингис-хаган] отправился в поход на сартагульский народ через Алайскую долину. Из своих жен Чингис-хаган взял с собой в поход [только] Хулан-хатун. На одного из [своих] младших братьев, на Отчигина-нойана, оставил он свою великую ставку и выступил в поход. Джэбэ он отправил с передовым отрядом. Вслед за Джэбэ он отправил Субэгэтэя. Вслед за Субэгэтэем отправил Тахучира. Отправляя этих троих, он сказал: «Идите мимо [земель] *солтана*, обойдите их, чтобы дойти до нас и присоединиться к нам». Джэбэ так и шел, не тронул города Хагана Мелика, прошел стороной, минуя его. Затем Субэгэтэй, также не тронув [его], прошел мимо. После того Тахучир ограбил пограничный город Хагана Мелика и напал на земледельцев. Хаган Мелик, узнав, что города его ограблены, начал враждебные действия и присоединился к Джилачин-солтану.

Джилачин-солтан и Хаган Мелик выступили в военный поход навстречу Чингис-хагану. Впереди Чингис-хагана шел передовой отряд Шиги Хутуга. Вступив в бой с Шиги Хутугом, Джилачин-солтан и Хаган Мелик потеснили его, и, когда погнав его, они приблизились к Чингис-хагану, то

Джэбэ, Субэгэтэй и Тахучир втроем сзади обошли их, потеснили и перерезали [воинов]. Джилачин-солтан и Хаган Мелик бежали. Гнали их, не позволяя соединиться в городах Бухар, Сэмисгэб, Отогэр. Гнали до реки Шин. Спасаясь, сартагулы стремглав бросались в реку Шин и там в реке Шин погибали. Джилачин-солтан и Хаган Мелик, спасая свою жизнь, бежали вверх по течению реки Шин.

Чингис-хаган, идя вверх по реке Шин, разорил город Бэдхэгсэн и ушел. Дойдя до речек Экэ и Гэкун, он сделал остановку в Бараган-хэгэре, отправив Джалаирадая Бала преследовать Джилачин-солтана и Хаган Мелика. Джэбэ и Субэгэтэй оба были пожалованы. [Чингис-хаган сказал:] «Джэбэ, ты назывался [раньше] Джирхугадай, с тех пор как пришел от тайчжигутов, стал [называться] Джэбэ. Да! Тахучира, за то, что он напал по собственному желанию на пограничные города Хаган Мелика и тем вынудил его вести войну, следует казнить в соответствии с законом». Сказав так, он, [однако], не велел [его] казнить, но строго ему выговаривал и велел отставить от командования войском.

Затем, когда Чингис-хаган возвращался обратно из западных земель, он отправил троих своих сыновей – Джочи, Чагатая и Угэдэя – со своими воинами правого крыла, дав им наказ: «Переправившись через реку Амуй, осадите город Ургенч». Сам же Чингис-хаган остановился у города Отэгэра. Когда Джочи, Чагатай и Угэдэй, трое сыновей, были посланы, они отправили к Чингис-хагану гонца со словами: «Наши воины все уже дошли до города Ургенч. Чьим словам они должны повиноваться?» Чингис-хаган приказал: «Должны повиноваться словам Угэдэя!» Такое распоряжение он отправил.

Затем Чингис-хаган удалился от города Отэгэра и [взял] город Сэмисгэб, удалился от него и остановился в городе Бага. Там Чингис-хаган, поджидая Бала, провел лето в горах на речке Алтан, на летних кочевках *солтана*.

Джочи, Чагатай и Угэдэй, трое сыновей, войдя в город Ургенч, втроем разделили между собой [пленных] людей, не выделив доли Чингис-хагану. Когда эти трое сыновей прибыли, то Чингис-хаган, будучи недоволен Джочи, Чагатаем и Угэдэем, рассердился и три дня не желал их видеть. Тогда Богурчи, Мухули и Шиги Хутуг втроем сказали: «Как бы там ни было, но они завоевали [тот] народ и город, покорили *солтана* – [владыку] народа сартагулов. Если сыновья твои взяли город Ургенч и поделили добычу, то ведь и сыновья твои, и добыча – все это принадлежит [тебе,] хагану. Небо и Земля увеличили [наши] силы, и когда еще не был покорен сартагульский народ, многие мужи и женщины, радуясь, подчинялись тебе. Хаган, зачем так гневаться? Твои сыновья поняли свои неправильные поступки и устрашились. Да! Это им назидание на будущее! Как бы ты не

сломил нрава своих сыновей. Если окажешь им благоволение, то соблаговоли разрешить им сидеть с тобой вместе!» Когда Богурчи так сказал, Чингис-хаган успокоился и велел прийти Джочи, Чагатаю и Угэдэю, трем своим сыновьям, и, сердясь, выговаривал им;

слова предков приводил,
слова старые толковал.

И выговаривал им так, что они были не в состоянии стереть пот со лба, что пали ниц на землю. И когда они выслушивали поучение, сгорая [от стыда] за корыстолюбие, то Хонхай-хорчи и Хорирун-хорчи сказали: «Зачем [их] так бранить и порицать, ведь царевичи еще недавно начали [воевать], еще учатся; если так обучать царевичей, то как бы они не остались такими же; зачем так выговаривать? Царевичи испугаются, как бы души у них не замерли. Ведь кругом [у нас] от захода солнца до восхода враждебный народ. Лучше бы ты послал [их] прогнать тибетцев; Небо и Земля умножат наши силы, и мы бы привезли золота, серебра, шелковых тканей, разных товаров, привели бы тебе пленников. Есть ведь разные народы, вот, говорят, в западной стороне есть Халибай-солтан у багдадцев. Пойти бы нам на него походом!» Когда было так сказано, хаган перестал гневаться, был успокоен их речами и, согласившись с ними, отдал повеление: «Хонхай, Хогтухай и Чирахан, вы [отправитесь] втроем, другие же, Адархадай, Хорихай и [еще] двое – Дотогатай и Хонтухай, пусть останутся около меня». Он отправил Отэгэдэя и Чирахана в поход на Халибая-солтана багдадского.

Также отправил он в поход Дорбэтэй Дорбэй-догшина на город Абду народа Ару Мору Мадашири, находившегося между багдадским и индийским народами.

Также отправил он Субэгэтэй-багатура против народов канглы, кипчак, оросат, сангут, асут, хасут, сэркэсут, башмир, булар, кэрэл – против этих чужих народов одиннадцати стран, чтобы он переправился через многоводные реки Иджил и Дзайхан и дошел бы до города Хий-э, обнесенного стеной.

Окончив покорение сартагульского народа, Чингис-хаган также дал повеление, чтобы во всех городах были поставлены *даругачи*. Из города Ургенча прибыли отец и сын Йаламча и Масахут – оба из сартагульского рода хормэгэй. Они рассказали Чингис-хагану о правилах управления городом. Беседуя с ними, [Чингис-хаган] понял, что правила эти схожи с законами Ясы, и поэтому поставил сына его Масахута-хорезмийца вместе с нашими *даругачи* управлять городами – Бухар, Шимисгэн, Ургенч, Удан, Шисэгэй, Урианг, Гукэн-дари и другими городами. Отца же Йалам-

ча увел с собой и поставил ведать китайским городом Чжунду. Вследствие того, что оба сартагула, Йаламча и Масахут, знали законы и управление городами, им и было назначено ведать китайским народом и народом сакихуй вместе с [монгольскими] *даругачи*.

У сартагульского народа пробыл [Чингис-хаган] семь лет, там он ожидал, пока Джалаирдай Бала не вернется. Бала, переправившись через реку Шин, преследовал Джилачин-солтана и Хаган Мелика вплоть до земли индусов. Джилачин-солтан и Хаган Мелик оба бежали; Бала, дойдя до середины Индии, не мог их схватить и вернулся обратно. Разорив пограничное население Индии, он прибыл, приведя много [пленных] людей и верблюдов.

Тогда Чингис-хаган пошел обратно и в пути провел лето около Ардиша, когда наступил седьмой год...

Когда Чингис-хаган, покорив сартагульский народ, возвращался и приближался [к Монголии], он отправил в Ордос посланца [с наказом:] «Пусть придут, взяв [с собой] сына Хорхугтая». Когда он приближался, переехав через перевал Одар, то отправил еще посланца с наказом: «Пусть немедленно приедут сыновья из правого крыла!» Получив известие, они поспешно двинулись и дошли до Чингис-хагана, когда он находился в местности, называвшейся Хара-зайр. Там Чингис-хаган отдал сыновьям меринов, захваченных сартагульских царевичей, скот и вьюки. Когда сыновья шли, они и не [смогли] переправиться через реку, только мальчик Хубилай все перевез. Из сартагульской добычи Чингис-хаган мальчику Хубилаю отдал очень много.

Двинувшись оттуда, в год курицы осенью Чингис-хаган сошел с коня в [Верховной] ставке в густом лесу на реке Тухула.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган отделил своего сына Джочи, назначив его главным правителем кипчаков. Отделил и Чагатая, [послав] в страну сартагчинов. Когда он выделял обоих своих сыновей – Джочи и Чагатая, – то соблаговолит сказать повеление:

«Я отделяю вас не в чужую страну, а чтобы вы ведали теми, которыми овладел я, чтобы управляли теми, которых подчинил я; я поручаю вам управление, чтобы вы расширили государство; я отправляю вас, отделяя так, как отделил бы половину своего дома, половину своего тела. Уж не думается ли вам, что мы разлучились совсем? Ведь сосед, откочевав от соседа, [все же] останавливается. Разве не будут соседи видаться друг с другом? Ведь от того, что стадо от стада отделилось, разве вы будете жить спокойно? Разве вы сами не соедините все стадо вместе?»

Родичи мои прославились среди своих родственников,
Даже сквозь скалы учиняют нападение. Так-то!

Разве не будете вы стойко придерживаться своих кличей,
призывов?

Если и через море учиняют нападение,
Разве вы прекратите меж собою песни и кличи?
Разве вы не позовете друг друга своей песней?
Не изменяйте песен, призывных кличей своих!
Махая своими шапками, [не переставайте] кричать:

барол! барол!

Разве не будете вы беспокоить соседей?
Как бы далеко ни поселились вы,
Переговариваясь друг с другом, вы узнаете,
Кто именно свой, а кто не свой!
Подумайте хорошенько, [прежде чем] говорить друг с другом!
Хотя бы вы поселились далеко за горами,
Переговариваясь друг с другом, вы [узнаете],
Который именно свой, а который не свой!
Как старшие и младшие братья, живите в любви!
И [наш] великий народ должен жить по законам истинного

правления,

Делом и старанием создается доброе имя и слава! Так-то!»

Такое повеление он сказал.

Когда Чингис-хаган отправлял [своего] старшего [сына] Джочи главным *даругачи* над кипчаками, он сказал Богурчи-нойану: «Дай [поучение]». И Богурчи сказал:

«Слушай, царевич Джочи!

Хаган, твой отец, отправляет тебя в захваченную землю,

Чтобы ты управлял чужим народом. Будь же тверд!

Послушай: говорят, есть непроходимый перевал;

Ты же не думай, что тебе не перейти [его]:

Если подумаешь, как перейти, то перейдешь его!

Когда станешь переваливать и не будет на том перевале крика

и шума,

То на другой стороне перевала

Тебя встретят песни и *хуры!*

Говорят, есть река, нельзя переправиться [через нее];

Ты же не думай, что тебе не переправиться:

Если [не] думаешь, то ты переправишься!

Если не будет при той переправе тревоги,

То на другой стороне той реки

Тебя готовы встретить повозки и юрты!»

Когда он окончил наставление, то Джочи, старший [царевич], сказал:

«Когда обладающий счастьем владыка сказал, чтобы ты
наставлял [меня],
То я ждал, что ты скажешь, как дойти до народа еще
неизвестного,
Как собрать воедино народ, еще не собранный,
Как расширить свои земли,
А ты наставляешь меня, как управлять народом, уже собранным.
Как потреблять уже приготовленную пищу –
Этому ты наставляешь меня!»

[В ответ] на эти слова Чингис-хаган приказал так:

«Джочи, сын мой, не говоришь ли [ты] как мальчишка!
Если не сможешь править хоть частью народа,
То разве [ты сможешь] стать могучим?
Багурчин умеет распределить кушанья,
Не опоздает, когда соберется народ!
Среди пира не будет у него недостатка,
И сам он сумеет наесться, напиться!
Управлять великим народом –
Все равно что управиться с уже приготовленной пищей!
Правильны слова Богурчи!»

Такое повеление он сказал. И еще Чингис-хаган преподал наставление:

«В чем согласие между отцом и сыном?
Ведь не тайком отправляю я тебя [так] далеко,
[А для того,] чтобы ты управлял тем, чем я овладел,
Чтобы ты сохранил то, над чем я трудился,
Отделяю тебя, чтобы стал ты опорой
Половины моего дома и половины моей особы.
Поняв [эту] истину,
Подумаешь о том, что я тебе поручил,
Если не нарушишь спокойствия,
Если не порушишь всего существующего,
То станешь моими глазами, что видят,
То станешь моими ушами, что слышат,
И это будет мне наградою за моего родного сына!»

Так было им сказано.

Когда Чингис-хаган выделял [для управления] землю оросутов и чэр-кисутов Хукин-нойана, он соблаговолил дать наставление:

«Хукин, ты не отрекался от меня, когда на меня пал туман,
 Служил мне так, что согнулся от старости.
 Ты не испытывал жажды, когда на меня пал иней,
 Служил мне так, что стал седым.
 Разве ты не из старшего счастливого рода?
 Отдели западную сторону владения Джочи!
 Не отчаивайся, [если] скажут степенные: «Тебе не покорились!»
 Не [бойся, если] скажут: «Прострелим ему ребра насквозь!»
 Подобно заднему войлоку в большой юрте, что колыхается
 от ветра,
 Ты будешь в самом центре многочисленных врагов!»

Так говорил он. Когда Хукин-нойан отъезжал, он сказал благоговейно Чингис-хагану:

«За то, что я повсюду следовал за хаганом, своим старшим
 братом,
 В тумане не сбивался [с дороги],
 Не хотел пить, когда был иней,
 Ты дал мне людей, чтоб готовили пищу,
 Людей, чтоб приготовили питье, –
 Восемь тысяч людей ты мне дал!
 В дальние земли свои
 Посылаешь меня управлять чужим народом.
 Как бы мне не объесться людскою пищею,
 Как бы не опьянеть от людского питья!
 Смогу ли я успокоить твои золотые мысли?
 Да ведает светлый путь хагана – старшего брата моего:
 [Все свои] крепкие силы я отдаю на то!»

Так он говорил.

Чингис-хаган также соблаговолил дать наставления Мунгэту-багату-ру, когда отделял его:

«Ты, младший брат мой, ты – барабан [мой], ты – лук [мой]!
 Хукин уже отделился и отошел,
 Дошел до места и прислал нам свое донесение:
 "Когда старший брат наставлял меня,

Голова моя как будто оказалась на подушке,
Печень моя – в тепле,
Бедра мои – на подстилке!"
Такое донесение он нам отправил!
Верно свои силы отдавай!
Укрюк мой для ловли аргамаков,
Мунгэту, я посылаю тебя!
Надев свою расшитую бисером шапку,
Вытянув ноги в железных стременах,
Ты оставайся [там], пока не прославишь небо и землю!
Если Небо укажет тебе путь-дорогу,
Ты совершишь поход [даже] за море. Да!
Не прерывай же своих призывов и песен!
Ты совершишь походы через скалы,
Не прерывай же своих криков и призывов!
Ты уходишь, и словно отрывается рукав или полы.
После же посылай на крыльях весть о своих поступках!»

Такое наставление он дал. И еще, отправляя его, Чингис-хаган соблаговолил сказать:

«Не тяготись Джочи, моим старшим сыном;
Если привыкнуть к словам, станешь мудрым,
Если привыкнуть к мечу и копью, станешь богатырем.
И такого-то вот и назовут мудрецом!
Будь постоянен в своих мыслях
И не пей виноградного вина!
Запад и Восток отдалены [друг от друга],
Если будешь так думать, воюя, – то так и будет. Да!
Если не ослабеешь, если мыслью своей поймешь, тогда-то и
поговорим друг с другом».

Так он говорил и жаловал [его] при отправлении.

Обладающий величием августейший Чингис-хаган, жалуя Богурчи и Мухули, также сказал: «Из китайцев я ничего вам не давал. Возьмите вы оба, Богурчи и Мухули, китайских чжуинов и разделите поровну между собой. Возьмите знатных юношей, сделайте их ловчими при птицах, и пусть они следуют за вами [повсюду]; красивых девушек, когда они подрастут, сделайте прислужницами своих жен, пусть следуют за ними и присматривают за одеждами. Сартагчинские чжуины вредили отцам и дедам монголов, но для Алтан-хагана – [владыки] китайского народа – они были

друзьями и доверенными [людьми]. Ныне же вы, Богурчи и Мухули, мои друзья и единомышленники. Так-то! Поделите [между собой] и возьмите чжуинов». Так он повелел.

Затем августейший владыка покори́л китайский народ и захватил престол Алтан-хагана. Услышав об этом, тангутский Шидургу-хаган испугался и отправил посла Эрэ Дурдунга, сына Байана Сартагара, чтобы тот сказал: «Стану твоей правой рукой, стану тебе служить!» Когда тот посл, доложив владыке, возвращался обратно, он сказал: «Говорят, что августейший владыка – сын Неба; воистину это так! Блеск и красота нашей хатун таковы, что ночью и лампы не надо. Непохожа она на Мунголун-гоа». Говоря такие слова, он возвратился. У августейшего владыки в это время находилась жена тайчжигутского Джамухи Мунголун-гоа. Слова Дурдунга были услышаны Джамухой, который и сказал владыке: «Говорят, что супруга тангутского Шидургу-хагана по имени Гурбэлджин-гоа превосходит красотой мою Мунголун-гоа, дочь Сэчэн Номтая, китайско-го *ванцзюнь джангина*, при блеске ее и лампы ночью не нужно! Вот бы ее получить!» Так он сказал, злословя

Вслед за этим августейший владыка отправил к Шидургу-хагану посла со словами: «Я отправляюсь в путь, в военный поход на народ сартагулов. Ты выступи!» Шидургу-хаган сказал тому послу: «Не может властвовать над всеми, а стал хаганом. Зачем же так называть себя? Зачем же хану нужны союзники?» – и не поехал. Услышав такие слова, владыка сказал: «Пока длится моя золотая жизнь, я не забуду тебе этого!» Так он поклялся. «Перезимуем ту зиму и отправимся в поход на тангутский народ!» – сказал он и собрал новые отряды воинов. «У тангутского Шидургу-хагана, говорят, есть желто-рыжая с черной мордой собака по кличке Хубэлик, предсказывающая будущее», – сказал он. Августейший владыка, подняв свое белое девятиножное знамя, каждый год в течение трех лет выступал было в поход, но [каждый раз] сходил с коня.

Когда было мирно и спокойно, та собака весело лаяла: «Врагов нет!»; когда же она лаяла завывая, то это значило, что враг появился. Ведая о походе владыки, та собака выла все три года. Шидургу-хаган сказал: «Состарилась моя собака. Не стала знать того, что будет», – и жил не остерегаясь.

После этого осенью в год собаки [Чингис] отправил вперед пешее войско.

Августейший владыка послал [своего] слугу Мэчина, сказав ему: «Принеси мне от Хасара перья большого орла». Хасар сказал: «Хоть ты и стал владыкою всех – хаганом, но я-то орлиные перья достаю лучше!» Так он сказал и отдал перья орла. «Плохие перья, помяты!» – сказал [Чингис], не взял их и вернул обратно. Владыка еще раз послал слугу Мэчина, ска-

зав: «Принеси [перья] убитого баклана!» Хасар, увидев летевшего мимо баклана, спросил у слуги Мэчина: «Вот! Куда же стрелять?» Слуга Мэчин сказал: «Стреляй между черными и желтыми [перьями]! Хасар прострелил [птице] клюв и отдал [перья]. Но Мэчин сказал: «Хану приличествуют перья орла, это же не орлиные перья, а перья баклана, [да] и кровью запятнаны!» – и, не взяв их, вернулся обратно. Тогда-то владыка разгневался.

В год свиньи августейший владыка, взяв с собой Йисуй-хатун, во главе конного войска сам выступил в поход. Увидев мыс горы Муна, августейший владыка отдал повеление:

«Вот убежище, когда в государстве неурядки,
Вот кочевье, когда в государстве мир,
Вот раздолье для медведей и оленей».

Такое повеление он сказал.

Увидев сидевшую на дереве сову, предвещавшую недоброе, владыка приказал Хасару: «Стреляй!» Хасар выстрелил. Сова взлетела, а в это время прилетела сорока, и крыло ее было прострелено. Владыка разгневался и замахнулся своим мечом. Вельможи-орлуки доложили владыке: «Говорят: хотел хорошего, а вышло плохо! Да ведает о том сам владыка!» Владыка согласился [с этими словами] и успокоился.

После этого раб-прислужник Мэчин доложил владыке: «Когда Хасар, младший брат твой, сидел пьяный рядом с Хулан-хатун, то он брал ее за руки». Владыка разгневался и сказал: «Еще раньше он объединялся с семью хонгхотанами, а после случилось так, что не дал орлиных перьев и говорил непочтительные слова. Ныне же случилось так, что он убил сороку, предсказывающую хорошее, вместо того чтобы убить сову, предсказывающую дурное. Поистине он плохой, завистливый!» – сказал он и велел своим четверым слугам сторожить Хасара, давать ему в пищу [мясо] дикого буйвола и оставить его, привязав к ограде у колодца.

Во время приготовлений к большой облаве на Хангай-хане [владыка] приказал: «Если войдут [в круг облавы] серый волк и красавица лань, то их не убивать. Если попадет черный человек с кудрявыми волосами на сизо-сером коне, то возьмите его живым!» Такое повеление он отдал.

Серый волк и красавица лань попали [в облаву], но не были убиты и вышли [живыми]. Захватили черного человека на сизо-сером коне и спросили его: «Ты чей?», – но он молчал. Взяли его и привели к владыке. Владыка спросил, и тот сказал: «Говорят, августейший владыка монголов отправился в военный поход, и Шидургу-хаган послал меня в разведку.

Конь мой сизо-серый, что зовется Кус-Болод,
 Которого догнать не могут быстроногие кони,
 Ныне догнан, и четыре ноги у него ослабели.
 Клыками наносящий раны я, что зовусь Хара Бодун,
 Которого никто из простых людей не мог захватить,
 Схвачен я [ныне] простыми людьми,
 Черная голова моя ведь погибнет!»

Августейший владыка сказал: «Говорят, что хаган твой оборотень, правда ли это? Скажи!» Так он повелел. Бодун ответил: «Утром он становится змеей – ядовитой, желто-пестрой, ползущей, и тогда его нельзя захватить; в полдень становится он рыже-пестрым тигром, и тогда нельзя захватить его; вечером он становится красивым светловолосым юношей и сидит, играя, со своей хатун. Вот тогда его можно схватить!»

Помня слова этого человека, августейший владыка затем дошел до границы тангутской земли. Когда он подошел, то одна старуха, из породы *ракша*, принадлежавшая Шидургу-хагану, вышла навстречу воинам монголов и заклятиями умертвила многих мужей и мерингов. Субэгэтэй-багатур доложил владыке: «Эта старуха, заклиная, умертвила много людей и мерингов. Освободи же Хабуту Хасара от наказания». Такое слово он сказал. Владыка согласился, велел оседлать и привести своего коня Джихурту-Хула и велел [Хасару] выстрелить. Так как Хасар был в оковах и был измучен, он пошатывался, глаз его стал неверным, и он, выстрелив, попал в колено старухи. Та старуха упала на бок, и когда она умирала, то проговорила: «Пусть потомкам Хасара будут часто наноситься раны; пусть девушки из его потомства будут оставлены их мужьями!» – и так заклиная, умерла.

Чингис стремился дойти до Аша Гамбу, привести его в смятение. Он захватил Аша Гамбу, напал и пеплом развеял народ его с островерхими юртами и вьючными верблюдами. Чингис-хаган сказал: «Ножами переколите гордых, задравших подбородки тангутов-вельмож. Мои воины, возьмите себе все, что сможете захватить и найти у тангутов!» Такой приказ он отдал.

Двигаясь от Цасуту-Тахира, он подчинил себе город Дормэгэй. Когда Шидургу-хаган превратился в змея, то владыка сделался *гарудой*; когда [Шидургу-хаган] превратился в тигра, то владыка сделался львом. Когда [Шидургу-хаган] превратился в юношу, то владыка, сделавшись старцем, захватил его. Шидургу-хаган молвил слово владыке: «Не убивай меня! Утренняя звезда поднялась, мороза не будет. Плеяды поднялись, не будет ни бескормицы, ни голода. Если убьешь меня, то плохо будет твоей жизни; если не убьешь меня, то плохо будет твоему потомству!» Вот какие

слова он говорил. Владыка пренебрег его словами и стрелял, и рубил, но покончить с ним не смог. Шидургу-хаган сказал: «Ты мое тело и стрелял, и рубил, но не прикончил меня. В подошве у меня есть пестрый шнур, свернутый в круг три раза, им-то, обернув меня, и убей!» И действительно, когда взяли тот шнур, обвили и убивали его, он сказал: «Теперь-то вы меня, обернув, убьете, но пусть после твои потомки будут так же убиты, как я! Гурбэлджин-гоа, мою супругу, вплоть до черных ногтей всю обыщите!» И, сказав так, он умер.

Августейший владыка взял в жены хатун Гурбэлджин-гоа. Красоте Гурбэлджин-гоа дивился весь великий народ, начиная с [самого] владыки. Гурбэлджин-гоа-хатун сказала: «Красота моя запятналась пылью твоих воинов. Прежде я была еще красивее. Если теперь я умоюсь водой, стану еще более красивой». При этих словах августейший владыка сказал ей: «Умойся!» – и отпустил ее. Хатун пришла на берег реки, поймала сизого жаворонка и на хвосте его написала письмо: «Я в этих водах умерла. Тело мое не ищи по течению, ищи вверху». И отправила его своему отцу. По этим словам ее искали вверх по реке, и когда нашли, то каждый человек, задыхаясь от тяжести, принес по мешку земли и, вздыхая, засыпали ее. Говорят, что эта груда земли и есть [холм] Тэмур-Олху; говорят, что эта река и есть Хатун-гол».

[Чингис] покорил государство Тангут, убил Шидургу-хагана, разрушил город Дормэгэй, захватил княгиню Гурбэлджин-гоа, забрал всех тангутов до последнего потомка, разорил и довел их до крайности. Из тангутов очень многих отдал Исусуй-хатун.

На [обратном] пути он провел лето в Лубан-хане. В городе Дормэгэй у августейшего владыки случился сильный жар, и в час окончания своей золотой жизни он сказал повеление:

«Подобные кабаргам четверо младших братьев [моих],
Подобные аргамакам четверо сыновей [моих],
Пять цветных и четыре чужих народа моих, – слушайте вы:
И ремень у стремян вытягивается,
И железные стремяна стираются!
Когда я собирал и соединял великий народ,
Подобных страданий я не испытывал.
На бесплодной белой кобылице я ездил,
Подложивши свою шубу из меха козы!
Когда я собирал и соединял великий народ,
Таких страданий я не испытывал.
В прежнем рожденье не сотворил ли я греха?
В этом рожденье не потому ли я страдаю?»

Когда августейший владыка сказал такое повеление: «Вы все, мои *сайды*, в ответ мне скажите!», – то сунитский Кулугэтэй-багатур промолвил:

«Ставшая яшмой твоя держава принизится. Да!
Любимая Бортэгэлджин Сэчэн-хатун твоя скончается. Да!
Твои братья Хасар, Бэлхутэй одни лишь останутся. Да!
Народы твои, с трудом собранные, рассеются повсюду. Да!

Ставшая высокой твоя держава принизится. Да!
Встреченная в детстве Бортэгэлджин Сэчэн-хатун скончается. Да!
Угэдэй и другие твои сыны станут сиротами. Да!
Поспешно собранные, многие твои народы станут каждый сам
по себе. Да!

Ставшая горой твоя держава понизится. Да!
Обретенная тобой почитаемая Бортэгэлджин Сэчэн-хатун
скончается. Да!

Очиху, Хачиху – твои братья – одни останутся. Да!
Связанные узами народы разойдутся по горам и лесам. Да!
Покочуем, [чтобы] отдохнуть у Хангай-хана. Да!
Твои жены и сыновья придут, плача и рыдая. Да!
Не угодно ли тебе сказать им доброе наставление?

Станут они кочевать по склонам высоких холмов. Да!
Твои дочери и сыновья придут, вопя и рыдая. Да!
Не угодно ли тебе сказать им доброе наставление?

Трудно уничтожить недавно рожденное тело.
Если уничтожим, то случится ли наша встреча в Нирване?
Трудно разрушить здоровое, [крепкое] тело.
Если разрушим его, то случится ли наша встреча
в блаженном месте?

Твоей Бортэгэлджин Сэчэн-хатун, ставшей вдовою,
Угэдэю и прочим твоим сынам, сиротами ставшим,
Воду в пустынной земле,
Путь через горный проход
Не угодно ли будет тебе им указать!»

Когда он так сказал, то Чингис-хаган дал наставление:

«Ныне я [еще] не умру и моей оставляемой половине, моей
Бортэгэлджин Сэчэн-хатун,

Угэдэю и прочим моим сынам, оставляемым сиротами,
Укажу, [как найти] воду в пустыне,
Укажу, [как найти] путь в горных ущельях.
У камня яшмы нет кожи,
На твердом железе нет коры,
В милом теле, в котором родился, вечности нет.
Без колебаний живите и мыслите твердо!
Вершина дела в том, что выполняется сотня дел!
Тверда душа человека, достигшего в своих словах правды.
Будьте скромны в своих желаньях и приятны для многих.
Ведь истина в том, что тело, меняясь, должно умереть.
Будущее доброе государство свое вы охраняйте!
У дитяти Хубилая есть свои слова,
Поступайте в согласии с его словами».

Такое повеление он сказал. На шестьдесят шестом году жизни, в двадцать второй год [правления], в год красной свиньи в двенадцатый день седьмого месяца он стал *тэнгри*.

Впрягли аргамаков в большую повозку, на нее возложили золотые останки владыки хагана, и, когда должны были двинуться в обратный путь, сунитский Кулугэтэй-багатур произнес похвалу:

«Обернувшись крылом парящего ястреба, ты отлетел,
государь мой!
Неужели ты стал грузом грохочущей повозки, государь мой?
Обернувшись крылом хватающего добычу ястреба,
ты отлетел, государь мой!
Неужели ты стал грузом повозки с вертящейся осью, государь
мой?
Обернувшись крылом щебечущей птички, ты отлетел,
государь мой!
Неужели ты стал грузом скрипящей повозки, государь мой?»

Так прославлял он [его] в то время, когда они шли. Когда же дошли до болотца [у горы] Муна, то ступицы повозки попали в грязь и не могли сдвинуться; запрягли в нее аргамаков всех пятицветных народов, но и они не смогли ее сдвинуть. Когда весь великий народ забеспокоился, сунитский Кулугэтэй-багатур, сотворив поклонение, произнес:

«Рожденный по воле вечного синего Неба августейший витязь,
владыка мой!

Покинул свой великий народ,
Достиг ты своего высшего рождения.

Твоя основанная в спокойствии держава,
Твой правильно устроенный народ,
Твои сыновья и твоя жена, принесящая их тебе,
Твои родные ханские земли и воды – там ведь они!

Твоя основанная в правдивости держава,
Твой устроенный налогами народ,
Твоя любимая жена и сыновья,
Твои золотые чертоги – там ведь они!

Твоя основанная на родине держава,
Твои соединившиеся жены и сыновья,
Твои издавна собранные многие народы,
Весь твой род и родичи – там ведь они!

Увеличивающиеся народы и твое государство,
Омывавшие тебя твои воды,
Многочисленные монголы – твой народ,
Дэлигун-Болдаг на Ононе, места твоего рождения –
там ведь они!

Сделанное из челки гнедого жеребца твое знамя,
Твои барабаны, [сигнальные] трубы и зовы,
Весь твой говорящий народ,
Арал в Кэрулэнской степи, где ты воссел ханом, – там
ведь они!

Твоя Бортэгэлджин-хатун, раньше всех тебе повстречавшаяся,
Буйанту-хан – твоя родная земля и вода,
Богурчи и Мухули, твои любимые друзья,
Все твои великие законы – там ведь они!

Чудесным образом встреченная тобой твоя Хулан-хатун,
Твои хуры, и дудки, и песни,
Все целиком твои народы,
Твои священные ханские земли и воды – там ведь они!

Из-за теплоты Харигун-хана,
Из-за красоты Гурбэлджин-хатун,
Из-за многочисленности чужого народа тангутов
Не отвернулся ли ты от своих старых монголов, ты, государь
мой?

ЧИНГИСХАН. НЕИЗВЕСТНАЯ АЗИЯ

Хотя и покинула тебя милостивая душа,
Все же мы вернем твой прах, подобный драгоценной яшме,
Покажем его твоей Бортэгэлджин-хатун,
Доставим его всему твоему народу», –

И когда он произнес так, – хан-владыка соблаговолил [снизойти]
милосердно,

И шевельнулась, скрипя, большая повозка,
И возрадовался весь народ!
До великой ханской земли тогда [его] провожали.

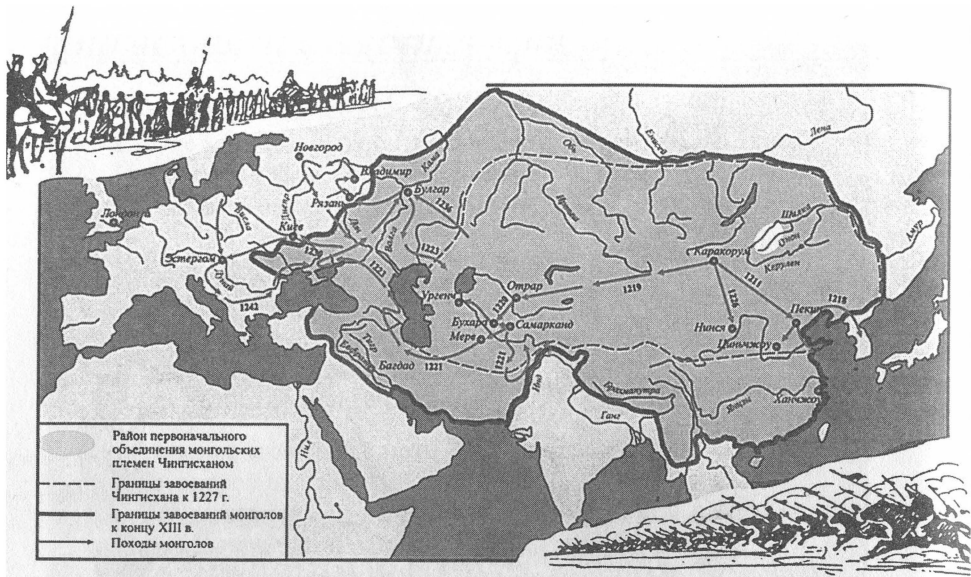
С этих пор его вечный прах, вернувшись оттуда,
Стал опорой для ханов и для *дзайсанов*,
Стал святыней всего народа,
Стал вечными устоями – восемью белыми юртами. Да!

Еще раньше владыка, проходя здесь, любовался и сказал слово,
Потому-то теперь и увязли ступицы повозки,
Среди великого народа возникли ложные слухи.
Погребли [в этом месте] его одежду и чулки [и поставили над
ними] юрту.

Подлинный труп его, как говорят некоторые, был похоронен на Бурхан-Халдуне. Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, называемой Йэхэ-Утэк.

«Чингисхан». Худ. И. Дзысь

Завоевания монголов

Монголы

Монгольское войско в походе

Монгол-охотник

Монголы: тяжеловооруженный всадник; конный лучник; женщина (XIII в.)

Монголы и русский дружинник (1237 г.)

Битва при Легнице. Монгольский копейщик и силезский рыцарь

Пехотинец польско-немецкого войска

После битвы на Калке: знатный монгольский воин; монгольский конный лучник; пленный русский воин

Монгольский всадник

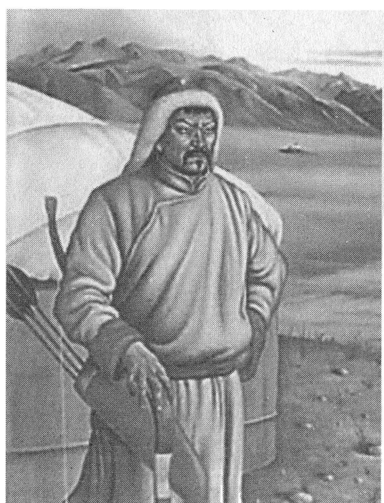
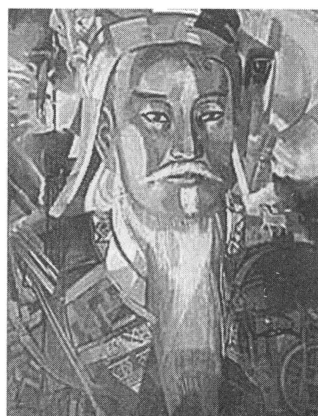
Польский рыцарь

Монгольский рыцарь

Гунн из кенкольского могильника.
I в. до н. э.
Реконструкция М. М. Герасимова

Различные изображения Чингисхана

Чингисхан. Выход в свет

Похороны Чингисхана. Рисунок из индийской средневековой рукописи

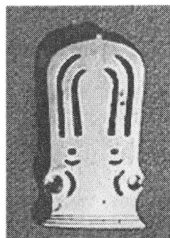
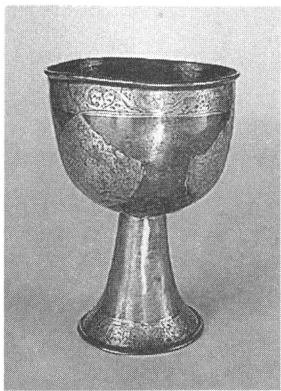
Москва в средние века.

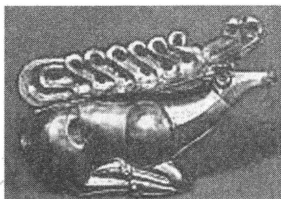
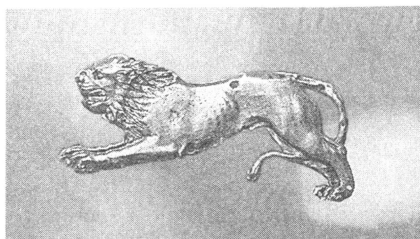
«За родную землю». Худ. Н. Присекин

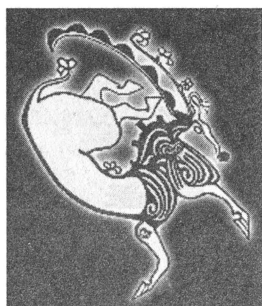
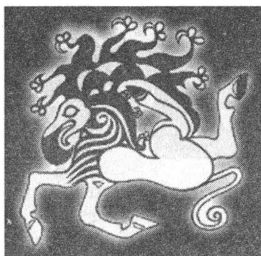
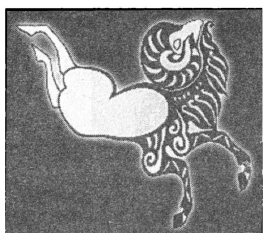
Армия Чингисхана штурмует китагский город

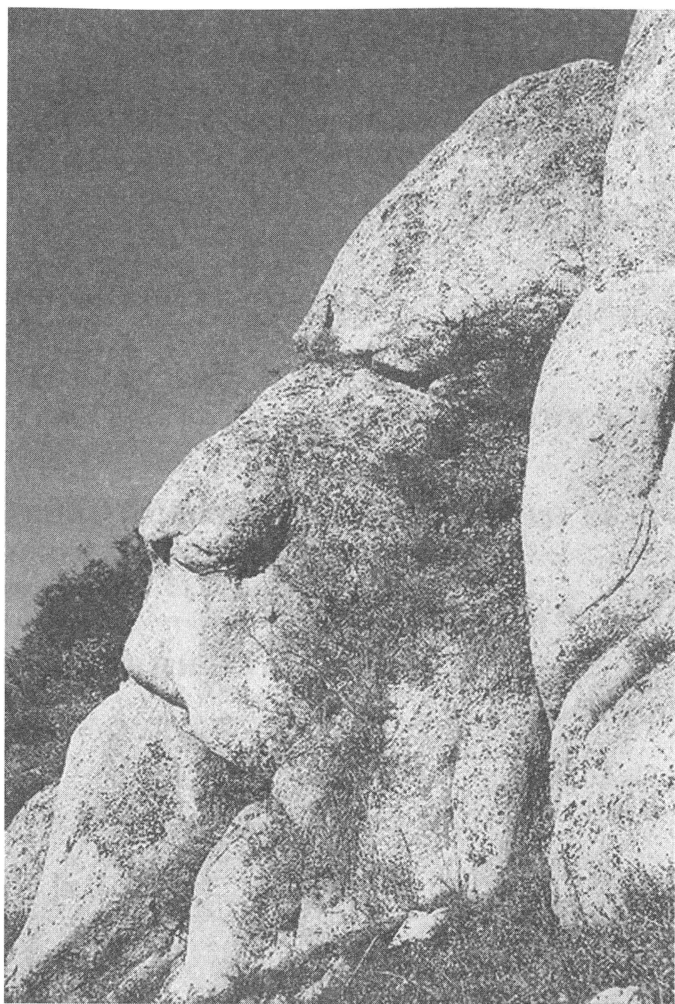
Сокровища Золотой Орды

Скифское золото: золотой лев; фрагмент пекторали;
бляшка с изображением козла, защитная бляха в виде оленя. VI–VII вв.

Татуировки скифского вождя

Скала «Чингисхан»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. ГРОЗА НАД СТЕПЬЮ	4
<i>Глава первая</i>	
ШАМАНСКИЕ ПЛЯСКИ	10
<i>Глава вторая</i>	
ГОЛОВОЛОМКИ И МИРАЖИ	55
<i>Глава третья</i>	
ХОЗЯЕВА ЗОЛОТЫХ КУРГАНОВ	105
<i>Глава четвертая</i>	
ВАРВАРСКАЯ ЕВРОПА: НЕЗНАКОМАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	120
<i>Глава пятая</i>	
ОТ ЕНИСЕЯ ДО КАСПИЯ	143
<i>Глава шестая</i>	
ПОТОМОК ВОЛКА	158
<i>Глава седьмая</i>	
МИР И ВОЙНА	174
<i>Глава восьмая</i>	
ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО	193
<i>Глава девятая</i>	
ВОЛЖСКАЯ АТЛАНТИДА	209
<i>Глава десятая</i>	
ЦАРЬ БАТЫЙ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ	225
<i>Глава одиннадцатая</i>	
ЗОЛОТАЯ ЮРТА	259

<i>Глава двенадцатая</i> СИЯНИЕ И ЗАКАТ	274
<i>Глава тринадцатая</i> ЧЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ	296
<i>Глава четырнадцатая</i> НО КТО МЫ И ОТКУДА, КОГДА ОТ ЭТИХ ЛЕТ...	305
<i>Глава пятнадцатая</i> ИГРАЕМ В КАССАНДРУ	335
БИБЛИОГРАФИЯ	342
ПРИЛОЖЕНИЯ	351
ПОЭЗИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. ЦАРЬ-ЧЕРЕП	352
ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА. АЛТАН ТОБЧИ <i>(«Золотое сказание»)</i>	374
ИЛЛЮСТРАЦИИ	527

Александр Бушков

ЧИНГИСХАН. НЕИЗВЕСТНАЯ АЗИЯ

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*
Корректор *В. В. Саранчева*
Дизайн и оформление *И. И. Кучмы*
Иллюстрация на обложке *А. Я. Ломаева*
Верстка *А. Б. Ирашин*

Подписано в печать 15.12.06
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Times»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 23,3. Усл.-печ. л. 34,0
Изд. № ОП-06-0088-ЗИБ. Тираж 25000 экз. Заказ № 4720010

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129075, Москва, Звездный будьвар, 23

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Александр БУШКОВ —

один из самых самобытных и читаемых в России писателей. Общий тираж его книг превысил 30 000 000 экземпляров.

Официальный сайт А. Бушкова — www.shantarsk.ru

Русские — это и есть тюрки!

А точнее, одно из многочисленных тюркских племен, пришедших некогда из Азии. И в средние века на Руси исповедовали не христианство, а магометанство! И вообще, не только Россия, но и Европа родом из Азии! А Чингисхан — не только могущественный воин, герой и реформатор, но и наследник тысячелетних культур, существовавших в те времена, когда будущие «просвещенные» европейцы еще разгуливали в звериных шкурах и дубасили друг друга каменными топорами... Эти громкие заявления Александра Бушкова способны ошарашить любого, кто хоть мало-мальски знаком с традиционной историей России. Именно Чингисхан, по его мнению, показал всему миру настоящую Азию — не дурацкие необозримые степи, по которым носятся примитивные кочевники, а Великий континент, Великую цивилизацию, на просторах которой существовали могучие империи, опережавшие Европу по всем параметрам...

«Великий Чингисхан был железным прагматиком, чрезвычайно напоминающим Сталина».

А. Бушков

ISBN 978-5-373-00934-8

ОЛМА
МЕДИАГРУПП